INSTITUT
LENINA

Ж
2шз
12/VII

Л. ТРОЦКИЙ

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

ЕН171
П 981

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Библиотека Института В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА.

Р. К. П. (б.) и КОМИНТЕРН

Зиновьев, Г. История Р. К. П. (б.). Популярный очерк. Ц. 60 к.
Его же. На пленуме Исполкома Коминтерна. Ц. 25 к.
Его же. Коминтерн за работой. Ц. 75 к.
Ленин, В. и Зиновьев, Г. За Третий Интернационал. Ц. 2 р. 20 к.
Ленин, Н. Том XIV. Ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Ц. в папке 1 р. 30 к. Том XIV. Ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октября. Том XV. Пролетариат у власти. 1918 г. Ц. в папке 2 р. 50 к. Том XVI. Пролетариат у власти. 1919 г. Ц. 2 р. Том XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Ц. 1 р. 70 к., в папке 2 р. 20 к. Том XVIII. Ч. I. Пролетариат у власти. Переход к новой экономической политике. 1921 г. Ц. 2 р. Том XVIII. Ч. II. Пролетариат у власти. Переход к новой экономической политике. 1922 г. Ц. 1 р. 25 к. Том XIX. Национальный вопрос. Ц. в папке 1 р. 20 к.
Программа и Устав Р. К. П. (б.). С докладами Н. И. Бухарина, на VIII съезде партии. Карманный формат. Ц. в папке 45 к.
Стеклов, Ю. История рабочего движения. Ч. I. Период Первого Интернационала. Ц. 8 к.
Ярославский, Ем. Жизнь и работа В. И. Ленина. Ц. 90 к.
III Конгресс Коммунистического Интернационала. (22 июня—12 июля 1921 г.) Ц. 20 к.
IV Конгресс Коммунистического Интернационала. Ц. 75 к.

СТЕНОГРАФ. ОТЧЕТЫ СЪЕЗДОВ СОВЕТОВ и РКП.

Стенографический отчет 4-го чрезвычайного съезда Советов. Ц. 25 к.
Пятый Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет. Ц. 30 к.
Седьмой Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г. Стеногр. отчет. Ц. 30 к.
Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стеногр. отчет 22—29 декабря 1920 г. Ц. 10 к.
Седьмой съезд Р.К.П. Стеногр. отчет 29 марта—4 апреля 1920 г. Ц. 30 к.
Стенографический отчет X съезда Р. К. П. 8—16 марта 1921 г. Ц. 30 к.
Одиннадцатый съезд Р. К. П. Стеногр. отчет 22 марта—2 апреля 1922 г. Ц. 65 к.

ТРОЦКИЙ, Л. Д.

О Ленине. Материалы для биографа. Ц. 30 к.
Война и революция. Том I. Ц. 2 р. 50 к. Том II. Ц. 3 р.
1905 год. Ц. 2 р.
Основные вопросы революции. Ц. 2 р.
Между империализмом и революцией. Ц. 30 к.
Итоги и перспективы. Ц. 15 к.
Годы великого перелома. (Бельгия и Сербия в войне.) Ц. 10 к.
Годы великого перелома. (Люди новой и старой эпохи.) Ц. 15 к.
Годы великого перелома. (Война и техника.) Ц. 10 к.
Туда и обратно. Ц. 10 к.
Троцкий, Л. и Раковский, Х. Очерки политической Румынии. Ц. 1 р. 50 к.
Троцкий, Л. и Кабакчиев, Х. Очерки современной Болгарии. Ц. 75 к.

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171
П981

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

К.

ЕН171
П 981

ИНСТИТУТ В. И. Г. И.
№ 1084
ЗПИО

121/5

1063135

с 1.

Гиз. № 7358. Главлит. № 22194. Москва. Напеч. 10.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие V

Первый Конгресс Коминтерна.

Манифест Комм. Интернационала к пролетариям всего мира 3
Доклад об Р. К. П. и Красной армии. 14
Приказ по Красной армии и Красному флоту. 17

От Первого до Второго Конгресса Коминтерна.

Товарищам спартаковцам. 21
Ползучая революция 25
Великое время. 28
В пути (мысли о ходе пролетарской революции). 30
Французский социализм накануне революции 43
Жан Лонгэ 54
К предстоящему Конгрессу Комм. Интернационала 60

Второй Конгресс Коминтерна.

Речь по докладу тов. Зиновьева о роли партии. 73
Манифест II Конгресса Комм. Интернационала 76

От Второго до Третьего Конгресса Коминтерна.

О политике К. А. Р. D. 107
Речь на II Международной конференции коммунисток 120
Письмо тов. Монату 124
Письмо т. т. Кашену и Фроссару 127
О центральном органе партии—«L'Humanité» 130

Третий Конгресс Коминтерна.

Красная Армия Штабу Революции 137
Доклад о мировом хозяйственном кризисе и новых задачах Коммунистич. Интернационала 138
Заключительное слово 187
Тезисы III Конгресса о мировом положении и задачах Коминтерна. 196
Речь по итальянскому вопросу 217

Стр.
Речь по докладу т. Радека о тактике 222
Речь по докладу т. Ленина о тактике Р. К. П. 233

Между Третьим и Четвертым Конгрессом Коминтерна.

Главный урок III Конгресса 243
Доклад на Конгрессе Коминтерна Молодежи 246
Заключительное слово 260
Школа революционной стратегии 266
Центральному Комитету Французской Компартии от Исполкома Коминтерна. 306
Марсельскому С'езду Французской Компартии 312
Речь по докладу тов. Зиновьева о тактике Коминтерна на Всероссийской Конференции 1921 г. 318
Заключительное слово 325
Прилив 330
Павел Леви и кой-какие «левые» 339
О едином фронте (к докладу по вопросу о французском коммунизме) . . . 344
Резолюция Расширенного Пленума Исполкома Коминтерна по французскому вопросу 362
Коммунисты и крестьянство во Франции 365
Уроки первомайского празднования 370
Исполком Коминтерна Центральному Комитету Ф. К. П. 374
Французский коммунизм и позиция тов. Раппопорта 382
Письмо товарищу Кэр 386
Резолюция Расширенного Пленума И. К. К. И. 390
Письмо тов. Трену 399
Письмо Исполкома Коминтерна Сенской федерации 402
С'езду Ф. К. П. 408
Парижскому С'езду Ф. К. П. 425

Четвертый Конгресс Коминтерна.

Пятая годовщина Октябрьской революции и IV Конгресса Коминтерна . . 429
Новая экономическая политика Советской России и перспективы мировой революции 460
Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения соц. революции (тезисы) 500
Резолюция IV Конгресса Коминтерна по французскому вопросу 510
Рабочая и боевая программа Ф. К. П. 519
Резолюции Французской Комиссии 525

После Четвертого Конгресса Коминтерна.

Политические перспективы 531
Доклад на заседании Комфракции X С'езда Советов с участием беспартийных делегатов 537
Итоги законченного периода 563
В порядке международной дискуссии 569
Можно ли контр-революцию или революцию сделать в срок? 575
Примечания 581

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пятилетие Коммунистического Интернационала делится третьим конгрессом на два периода. В течение первых двух лет Коминтерн еще полностью и целиком стоит под знаком империалистской войны. Революционные перспективы выводятся непосредственно из последствий войны. Считается почти само собой разумеющимся, что политическое возбуждение масс, порожденное социальными потрясениями войны, возрастая и обостряясь, непосредственно приведет к завоеванию власти пролетариатом. Эта оценка хода развития нашла свое выражение в манифестах первого и второго конгрессов, вошедших в состав настоящего тома. Принципиальная оценка послевоенной обстановки, данная в этих документах, сохраняет полностью свою силу и сегодня. Но темп развития оказался иной.

Война не привела непосредственно к победе пролетариата в Западной Европе. Сейчас уже слишком очевидно, чего не хватало для победы в девятнадцатом и двадцатом годах: не хватало революционной партии.

Молодые коммунистические партии сложились, да и то лишь вчерне, в тот момент, когда могущественное послевоенное брожение масс пошло уже на убыль. Мартовские события 1921 г. в Германии ярко вскрывают противоречие в положении и в политике Коммунистического Интернационала: коммунистические партии, или по крайней мере их левые фланги, рвутся на штурм, в то время, как многомиллионные пролетарские массы, после первых поражений, угрюмо разбираются в послевоенной обстановке и выжидательно присматриваются к коммунистическим партиям. К моменту третьего с'езда Ленин констатирует это угрожающее расхождение между линией развития масс и тактической линией коммунистических партий и твердой рукой обеспечивает решающий поворот в политике Интернационала. Сейчас, когда мы отошли от третьего конгресса на достаточное расстояние, чтобы дать ему правильную ретроспективную оценку, можно сказать, что поворот третьего конгресса имел для Коммунистического Интернационала никак не меньшее

значение, чем брест-литовский поворот для Советской Республики. Если бы Интернационал автоматически шел по тому пути, одним из этапов которого были мартовские события в Германии, мы через год, через два имели бы разве лишь черепки коммунистических партий. С третьего конгресса начинается новый этап: партии отдают себе отчет в том, что они еще не владеют массами и что штурму должен предшествовать период более или менее длительной подготовки. Открывается полоса единого фронта, т.-е. тактика сплочения масс на почве переходных требований. «Новому этапу» посвящены речи и статьи второй половины настоящего тома.

Этот второй период в развитии Коммунистического Интернационала, расширяя неизменно влияние всех главных секций его на рабочие массы, упирается в могущественный революционный прилив в Германии во второй половине 1923 г. Европа снова сотрясается страшными конвульсиями, в фокусе которых стоит Рур. Вопрос о власти снова встает в Германии во всей обнаженности и остроте. Но буржуазия устояла и на этот раз. В развитии Коммунистического Интернационала открывается третья глава. Определение ее основных политических особенностей и тактических задач составит предмет работ V международного конгресса.

* * *

Почему германская революция не привела к победе? Причины тому целиком в тактике, а не в об'ективных условиях. Мы имеем тут поистине классический пример упущенной революционной ситуации. С момента Рурской оккупации, а тем более с момента, когда обозначился провал пассивного сопротивления, необходим был со стороны коммунистической партии твердый и решительный курс на завоевание власти. Только мужественный поворот тактики мог об'единить германский пролетариат в борьбе за власть. Если на третьем и отчасти на четвертом конгрессе мы говорили немецким товарищам: «массами вы можете овладеть только на почве руководящего участия в их борьбе за переходные требования»,—то к середине 1923 года вопрос стал иначе: повести германский пролетариат после всего, что он пережил за последние годы, в решающий бой можно было лишь в том случае, если бы он убедился, что на этот раз дело идет, как говорят немцы, auf's Ganze (т.-е. не о частных задачах, а об основной), и что коммунистическая партия готова итти в бой и способна обеспечить победу. Но коммунистическая партия проделала этот поворот неуверенно и с чрезвычайным запозданием. И правые, и левые, несмотря на острую борьбу друг с другом, до сентября—октября довольно фаталистически относились к процессу развития

революции. В то время, как вся об'ективная обстановка требовала со стороны партии решающего удара, партия не организовала революцию, а дожидалась ее. «Революция не делается в срок»,—отвечали и правые, и левые, смешивая революцию в целом с определенным ее этапом, т.-е. с восстанием для захвата власти. Этому вопросу посвящена была моя статья «Можно ли революцию делать в срок» (см. в этом томе). Статья резюмирует бесконечные предшествовавшие ей разговоры и споры. Правда, в октябре месяце произошел в политике партии перелом. Но было уже поздно. Рабочие массы в течение 1923 г. сознавали или чувствовали, что подходит момент решающей борьбы. Они не видели, однако, необходимой решимости и уверенности в себе со стороны коммунистической партии. А когда эта последняя занялась лихорадочной подготовкой к восстанию, она сразу сбилась с ноги и утратила связь с массами. Получилось то же самое, как если бы всадник, медленно под'езжавший к высокому барьеру, в последний момент судорожным движением вонзил в бока лошади шпоры. Прыгнув через барьер, лошадь вернее всего сломала бы себе ноги. На деле она остановилась перед препятствием, а затем метнулась в сторону. Такова механика тягчайшего поражения германской коммунистической пратии и всего Интернационала в ноябре прошлого года.

Когда обозначился резкий перелом в соотношении сил, когда легализованные фашисты выдвинулись вперед, а коммунисты оказались загнанными в подполье, некоторые товарищи поторопились провозгласить: «мы переоценили положение, революция еще не назрела». Разумеется, нет ничего проще такого рода стратегии: сперва прозевать революцию, а затем об'явить ее несозревшей. На самом же деле революция не привела к победе не потому, что она вообще «не созрела», а потому, что в решающий момент выпало из цепи решающее звено: руководство. Не в том «наша» ошибка, что «мы» переоценили условия революции, а в том, что «мы» недооценили их, не сумели своевременно понять необходимость крутого и смелого тактического поворота: от борьбы за массы—к борьбе за власть; в том наша ошибка, что «мы» в течение многих недель повторяли старые пошлости насчет того, что «революция не совершается в срок», и таким путем упустили все сроки.

Имела ли коммунистическая партия за собой большинство рабочих во второй половине прошлого года? Трудно сказать, каков был бы результат, если б мы произвели на этот счет в свое время анкету. Такие вопросы не решаются анкетой. Они решаются динамикой движения. Несмотря на то, что очень значительное число рабочих оставалось еще в рядах социал-демократии, лишь ничтожное меньшинство

их готово было занять враждебную, да и то скорее пассивно-враждебную позицию по отношению к перевороту. Большинство социал-демократических, как и беспартийных, рабочих остро ощущало гнетущую безвыходность буржуазно-демократического режима и ждало переворота. Их полное и окончательное доверие и сочувствие могло быть завоевано только в ходе переворота. Разговоры о страшной силе реакции, о многих сотнях тысяч черного рейхсвера и пр. оказались чудовищным преувеличением, в чем люди с революционным смыслом не сомневались с самого начала. Подлинную силу представлял лишь официальный рейхсвер. Но он был слишком малочислен и неизбежно оказался бы размыт напором миллионов.

На-ряду с массами, прочно завоеванными коммунистической партией, в месяцы кризиса к ней тяготели новые, более широкие массы, ждавшие от нее сигнала к бою и руководства в бою. После того, как они этого не получили, они стали так же стихийно отходить от коммунистов, как ранее стихийно приливали к ним. Этим и об'ясняется та резкая перемена в соотношении сил, которая позволила Секту почти без сопротивления овладеть полем политической борьбы. А фаталистически настроенные политики, наблюдая быстрые успехи Секта, провозгласили: «вы видите, пролетариат не хочет борьбы». На самом деле, германский пролетариат после опыта революционного пятилетия хотел не просто борьбы, а такой борьбы, которая могла бы дать наконец победу. Не найдя необходимого руководства, он уклонился от борьбы. Этим он показал только, что в память его крепко врезались уроки 1918 — 1921 г.г.

Германская коммунистическая партия довела до избирательных урн три миллиона шестьсот тысяч рабочих. Сколько она растеряла по пути? На этот вопрос ответить трудно. Но данные многих частных выборов, в ландтаги, муниципалитеты и пр., свидетельствуют о том, что коммунистическая партия приняла участие в последних выборах в рейхстаг уже чрезвычайно ослабленной. И при всем том она все еще собрала три миллиона шестьсот тысяч голосов! «Смотрите,— говорят нам,—германскую партию жестоко критикуют, а, между тем, она представляет собой огромную силу!». Но в том и суть, ведь, что три миллиона шестьсот тысяч голосов в мае 1924 г., т.-е. после стихийного отлива масс, после упрочения буржуазного режима, свидетельствуют о том, что во второй половине прошлого года коммунистическая партия была решающей силой, но что, к несчастью, это не было своевременно понято и использовано. Кто и теперь не хочет себе уяснить, что поражение выросло непосредственно из недооценки, точнее, из несвоевременной оценки исключительной ре-

волюционной ситуации прошлого года, тот рискует ничему не научиться, а, стало быть, и вторично не признать революцию, когда она постучится в дверь.

* * *

То обстоятельство, что германская коммунистическая партия радикально обновила свои руководящие органы — в порядке вещей. Партия вместе с рабочим классом ждала и хотела борьбы, надеялась на победу — и получила поражение без боя. Естественно, если она отвернулась от старого руководства. Сейчас лишь условное значение может иметь вопрос о том, справилось ли бы с задачей левое крыло, если б оно было у власти в прошлом году. Откровенно говоря, мы думаем, что нет. Выше мы уже отметили, что, несмотря на острую фракционную борьбу, левое крыло в самом основном вопросе — о захвате власти — разделяло расплывчатую, полуфаталистическую, выжидательную политику тогдашнего центрального комитета. Но уже один тот факт, что левое крыло было в оппозиции, сделало его естественным преемником партийной власти после того, как партия отвернулась от старого центрального комитета. Сейчас руководство в руках левого крыла. Это есть новый факт в развитии германской партии. С этим фактом нужно считаться, от него исходить. Нужно сделать все, чтобы помочь новому руководящему органу партии справиться со своей задачей. А для этого нужно прежде всего ясно видеть опасности. Первая возможная опасность могла бы вырасти из недостаточно серьезного отношения к поражению прошлого года: ничего-де особенного не случилось, маленькая отсрочка, революционная ситуация вскоре повторится, мы по-прежнему идем на решающий штурм. Это неверно! Прошлогодний кризис означал для пролетариата колоссальный расход революционной энергии. Чтобы переварить трагическое поражение прошлого года, поражение без решающего боя, без попытки решающего боя, пролетариату нужно время. Ему нужно время, чтобы снова по-революционному ориентироваться в об'ективной обстановке. Это не значит, разумеется, что ему нужен долгий ряд лет. Но недель для этого недостаточно. И было бы величайшей опасностью, если бы стратегическая линия нашей германской партии пошла нетерпеливо наперерез тем процессам, которые происходят сейчас в немецком пролетариате, как результат прошлогоднего поражения.

Решает, как мы знаем, в последнем счете экономика. Те небольшие хозяйственные успехи, которых достигла за самые последние месяцы германская буржуазия, являются сами по себе неизбежным результатом ослабления революционного процесса, некоторого —

очень поверхностного и шаткого — упрочения буржуазного «порядка» и проч. Но до восстановления сколько-нибудь устойчивого капиталистического равновесия в Германии сейчас немногим ближе, чем было в июле — ноябре прошлого года. Во всяком случае, путь к этому равновесию пролегает через такие могущественные конфликты труда с капиталом и пересечен такими затруднениями со стороны Франции, что германскому пролетариату еще на неопределенно долгий период обеспечена революционная экономическая база. Однако те частные процессы, которые в этой базе происходят— временные обострения или, наоборот, смягчения кризиса и его производных явлений — ни в каком случае не являются для нас безразличными. Если сравнительно сытый и благополучный пролетариат всегда очень чуток даже и к небольшому ухудшению своего положения, то исстрадавшийся, изголодавшийся, истощенный пролетариат Германии чуток даже и к самому слабому улучшению своих жизненных условий. Этим об'ясняется, несомненно, наблюдающееся сейчас очень, опять-таки, неустойчивое укрепление рядов германской социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Внимательное наблюдение за изменениями торгово-промышленной кон'юнктуры в Германии и ее отражениями на жизненном уровне немецкого рабочего сейчас для нас более обязательно, чем когда бы то ни было.

Решает экономика, но лишь в последнем счете. Более непосредственное значение имеют те политико-психологические процессы, которые происходят сейчас в германском пролетариате и которые также имеют свою внутреннюю логику. Партия собрала на выборах 3.600.000 голосов: великолепное пролетарское ядро! Но колеблющиеся отошли от нас. А между тем, непосредственная революционная ситуация характеризуется всегда тем, что колеблющиеся примыкают к нам. Многие и многие рабочие социал-демократы, надо полагать, во время выборов говорили себе: «Мы знаем прекрасно, что наши вожди—изрядные негодяи, но за кого же голосовать? Коммунисты обещали взять власть, но не сумели и только помогли реакции *). Не к националистам же итти?». И, с отвращением в сердце, они подавали голос за социал-демократов. Школа буржуазной реакции, надо надеяться, довольно скоро заставит германский пролетариат в подавляющем его большинстве усвоить себе революционную ориентировку, на этот раз более определенно и крепко. Нужно всемерно помогать этому процессу. Нужно ускорять его. Но никак нельзя

*) Это наиболее выигрышный довод социал-демократических проходимцев и пошляков.

перескочить через его неизбежные этапы. Представлять себе дело так, будто ничего особенного не случилось, будто произошла лишь некоторая заминка и пр., было бы в корне неправильно и грозило бы величайшими ошибками стратегического порядка. То, что случилось — не поверхностная заминка, а огромное поражение. Смысл его должен быть усвоен авангардом пролетариата. Опираясь на этот урок, авангард должен ускорить процесс группировки пролетарских сил вокруг 3.600.000. Революционный прилив, затем отлив, и новый прилив — эти процессы имеют свою внутреннюю логику и свой темп. Революции не только развертываются, — говорили мы, — революции организуются. Но организовать революцию можно только на основе ее внутреннего развития. Игнорировать критические, выжидательные и скептические настроения в широких кругах пролетариата после того, что произошло, значило бы итти навстречу новому поражению. Самая лучшая революционная партия не может по произволу вызывать новую революцию на второй день после поражения, как самый лучший акушер не может вызывать роды каждые три или каждые пять месяцев. То, что прошлогодние революционные роды сказались ложными, не меняет дела. Немецкому пролетариату нужно пройти через стадию восстановления и собирания сил для новой революционной кульминации, прежде чем коммунистическая партия, оценив обстановку, сможет дать сигнал к новому штурму. А с другой стороны, мы знаем, что не меньшая опасность грозила бы, если бы на новом повороте коммунистическая партия опять не узнала революционной ситуации и тем самым снова оказалась бы бессильной использовать ее до конца.

Два величайших урока отмечают историю германской коммунистической партии: март 1921 года и ноябрь 1923 года. В первом случае партия приняла собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию; во втором случае она не узнала созревшей революционной ситуации и упустила ее. Это те предельные опасности «слева» и «справа», меж которых вообще проходит политика пролетарской партии в нашу эпоху. Будем твердо надеяться, что богатой боями, поражениями и опытом немецкой коммунистической партии удастся в не столь отдаленном будущем провести свой корабль между «мартовской» Сциллой и «ноябрьской» Харибдой и обеспечить германскому пролетариату то, что он честно заслужил: победу!

* * *

В то время, как в самой Германии последние парламентские выборы, под влиянием опасности прошлого года, дают новый толчек буржуазной концентрации направо, — однако в рамках парламен-

таризма, а не фашистской диктатуры,—в остальной Европе и в Америке передвижка правящих политических группировок идет в сторону «соглашательства». В Англии и в Дании буржуазия правит через посредство партий Второго Интернационала. Победа левого блока во Франции означает прямое или чуть-чуть замаскированное (вернее всего — прямое) приобщение социалистов к власти. Итальянский фашизм становится на путь парламентского «упорядочения» своей политики. В Соединенных Штатах Северной Америки соглашательские иллюзии мобилизуются под знаком «Третьей Партии». В Японии победили на выборах партии оппозиции.

Когда корабль теряет рулевое управление, приходится иногда давать по очереди ход то правой, то левой машине: корабль движется зигзагами, расходуя большое количество энергии, но все же движется. Таково сейчас управление капиталистических государств Европы. Буржуазия вынуждена чередовать фашистские методы с социал-демократическими. Фашизм сильнее всего был и остается в тех странах, где пролетариат близко подходил к власти, но не сумел ее взять или удержать: в Италии, Германии, Венгрии и пр. Наоборот, соглашательские тенденции получают преобладание по мере того, как буржуазия начинает менее непосредственно ощущать угрозу пролетарского переворота. Если буржуазия чувствует себя достаточно сильной, чтобы не нуждаться в непосредственной работе фашистских банд, то, с другой стороны, она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы обходиться без меньшевистского прикрытия.

В эпоху четвертого конгресса Коминтерна, прошедшего целиком под знаком наступления капитала и фашистской реакции, мы писали, что если германская революция не вырастет непосредственно из создавшейся в тот момент обстановки и не даст тем самым нового направления всему политическому развитию Европы, то можно с полной уверенностью ожидать смены фашистской главы главой соглашательской, в частности, пришествия в Англии к власти рабочего правительства, а во Франции — левого блока. Тогда это предвидение казалось кое-кому сеянием ... соглашательских иллюзий: есть люди, которым удается быть революционными, только зажмурив глаза.

Приведем, однако, точные цитаты. В статье «Политические перспективы», напечатанной в «Известиях» 30 ноября 1922 года, я полемизировал против упрощенного, не-марксистского, механического взгляда на политическое развитие, которое будто бы должно фатально, через автоматическое усиление фашизма и коммунизма, привести к победе пролетариата. В этой статье говорится: «Еще 16-го

июня прошлого (1921) года, в своей речи на заседании расширенного Исполкома я развивал ту мысль, что, если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизоваться по оси «левого блока», в противовес ныне господствующему «национальному». Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что — за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов — политика ее, действительно, идет по пути подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и пр. Но параллельно с этим нарастают растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их страх за завтрашний день, их разочарование в политике «репараций», их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и пр., и пр. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Таким образом продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции нисколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно подготовляет для себя новую ориентировку».

И дальше в той же статье мы писали:

«В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось в результате недавних выборов господством чисто-консервативным. Явный шаг «направо»! Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую ориентацию на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно)... Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии непосредственно к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице так-называемой рабочей партии. Все говорит за то, что в Англии больше, чем в какой-либо другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию «рабочего» правительства в лице реформистско-пацифистской рабочей партии, собравшей уже на последних выборах около 4 с четвертью миллионов голосов».

— Значит, вы стоите на точке зрения смягчения политических противоречий? Но ведь это же явный оппортунизм! — возражали те товарищи, которые способны охранить себя от оппортунистических искушений, только повернувшись к ним спиной. Как будто предвидеть новый временный под'ем соглашательских иллюзий, значит в какой бы то ни было степени разделять их! Конечно, гораздо проще ничего не предвидеть, ограничиваясь повторением сакраментальных формул. Но сейчас уж нет надобности продолжать спор. События дали проверку прогноза: мы имеем правительство Макдональда в Англии, министерство Стаунинга — в Дании, победу левого блока—во Франции, партий оппозиции—в Японии, а на политическом горизонте Соединенных Штатов вырисовывается символическая фигура Лафолета, правда, достаточно-таки безнадежная.

Выборы во Франции дали безапелляционную проверку еще одному спору: относительно влияния французской социалистической партии. Как известно, эта «партия» почти не имеет организации. Ее официальная пресса крайне жалка и почти никем не читается. Исходя из этих бесспорных фактов, некоторые товарищи склонны были оценивать социалистическую партию, как ничтожную величину. Этот утешительный, но ложный взгляд нашел случайное отражение даже в некоторых официальных документах Коминтерна. На самом деле, в корне неправильно оценивать политическое влияние французских социалистов на основании их организации или распространенности их печати. Социалистическая партия представляет собою аппарат для привлечения рабочих в лагерь «радикальной» буржуазии. У более отсталых или более привилегированных элементов рабочего класса нет потребности ни в организации, ни в партийной печати. Они не входят ни в партию, ни в синдикаты, голосуют за социалистов и читают бульварную газету. Соотношение между числом членов партии, числом абонентов партийной печати и числом парламентских избирателей у социалистов совсем не то, что у коммунистов. Об этом нам приходилось высказываться не раз. Приведем опять-таки точные цитаты. Еще 2 марта 1922 г. мы писали в «Правде»:

«Если принять во внимание, что коммунистическая партия насчитывает 130.000 членов, а социалисты—30.000, то огромные успехи коммунистической идеи во Франции станут очевидными. Однако, если принять во внимание отношение этих чисел к численности рабочего класса в целом, наличность реформистских профессиональных союзов и анти-коммунистических тенденций в революционных союзах, то вопрос о гегемонии коммунистической партии в рабочем движении предстанет перед нами, как очень трудная за-

дача, далеко еще не разрешенная нашим численным перевесом над диссидентами (социалистами). Эти последние, при известных условиях, могут оказаться гораздо более значительным контр-революционным фактором внутри рабочего класса, чем это может представляться, если судить только по слабости их организации, по ничтожеству тиража и идейного содержания их органа «Populaire».

Совсем недавно нам приходилось возвращаться к тому же вопросу. В одном из документов начала этого года о социалистической партии говорилось, как о «мертвой», за которую могут голосовать лишь «немногие рабочие» и пр. и пр. По этому поводу я писал 7-го января этого года: «Слишком легко говорится о французской социалистической партии, как о мертвой, за которую голосуют лишь «немногие рабочие». Это иллюзия. Французская социалистическая партия есть избирательная организация значительной части пассивных и полу-пассивных рабочих масс. Если у коммунистов пропорция между организованными и избирателями, скажем, 1 : 10 или 1 : 20, то у социалистов эта пропорция может оказаться 1 : 50 или 1 : 100. Наша задача в избирательной кампании в значительной мере и состоит в том, чтобы отколоть значительную часть пассивной рабочей массы, пробуждающейся только во время выборов. А чтобы этого достигнуть, не надо недооценивать врага».

Последние французские выборы полностью и целиком подтвердили приведенные выше соображения. Коммунисты при несравненно более сильной партийной организации и партийной печати собрали значительно меньше голосов, чем социалисты. Даже числовые соотношения оказались на выборах приблизительно те, какие нами условно намечались... Тем не менее тот факт, что наша партия собрала до 900.000 голосов, представляет серьезный успех, особенно если принять во внимание быстрый рост нашего влияния в предместьях Парижа!

Сейчас есть все основания рассчитывать на то, что вхождение социалистической партии в состав левого блока и, тем самым, участие ее в правительстве создадут благоприятные условия для роста политического влияния коммунистов, как единственной партии, свободной от каких бы то ни было политических обязательств по отношению к буржуазному режиму.

* * *

В Америке соглашательские иллюзии мелкой буржуазии, в первую голову фермерства, и мелко-буржуазные иллюзии пролетариата принимают форму Третьей Партии. Эта последняя мобилизуется в

данный момент вокруг сенатора Лафолета или, вернее, вокруг его имени, ибо сам сенатор, приближаясь к семидесятому году от роду, до сих пор не нашел времени выступить из состава республиканской партии. Все это, впрочем, в порядке вещей. Но поистине изумительной является позиция некоторых лидеров американской коммунистической партии, которые намерены призвать партию голосовать за Лафолета, надеясь таким путем обеспечить влияние коммунистов на фермерство. Более того: они ссылаются на пример русского большевизма, который будто бы посредством такого рода политики овладел крестьянством. Конечно, при этом нет недостатка в перепевах той, потерявшей уже образ и подобие, мысли, что «недооценка» крестьянства есть основной признак меньшевизма. История марксизма и большевизма в России есть, прежде всего, история борьбы с народничеством и эсеровщиной. Эта борьба составляла предпосылку борьбы с меньшевизмом и имела своей основной задачей обеспечить *пролетарский характер партии*. Десятилетия борьбы против мелко-буржуазного народничества позволили большевизму в решающий момент, т.-е. в момент открытой борьбы за власть, одним ударом уничтожить эсеров, завладев их аграрной программой и поведя за собой крестьянские массы. Эта политическая экспроприация эсеров была необходимой предпосылкой экономической экспроприации помещиков и буржуазии. Совершенно очевидно, что тот путь, на который готовы вступить некоторые американские товарищи, не имеет ничего общего с путями большевизма. Молодой и слабой, лишенной революционного закала коммунистической партии играть роль загонщика «прогрессивных избирателей» республиканского сенатора Лафолета, значило бы итти навстречу политическому растворению партии в мелкой буржуазии. Оппортунизм выражается ведь не только в кунктаторстве (медлительности), но и в политической нетерпеливости: он часто стремится жать там, где не сеял, реализовать успехи, которые не соответствуют его влиянию. Недооценка основной задачи—развития и закрепления пролетарского характера партии—вот где основной признак оппортунизма! Из недостаточной веры в силу пролетариата вытекают фантастические скачки в погоне за фермерством, которые могут стоить коммунистической партии головы. Что коммунистическая партия должна внимательнейшим образом следить за нуждами и настроениями фермерства, политически используя нынешний кризис для распространения своего влияния на деревню, это совершенно очевидно. Но она не может проделывать вместе с фермерством, и мелкой буржуазией вообще, все их политические этапы и зигзаги, добровольно проходить через все иллюзии и разочарования, плестись за Лафолетом, чтобы по-

том обличать его. В последнем счете фермерство только в том случае пойдет в массе своей за коммунистической партией в бой против буржуазии, если убедится, что эта партия представляет собой силу, способную вырвать у буржуазии власть. А такой силой коммунистическая партия может стать на деле, а значит и в глазах фермерства, лишь как авангард пролетариата, а не как хвост Третьей Партии.

Как быстро неправильная исходная позиция приводит к грубейшим политическим ошибкам, показывает документ, исходящий от так называемого Организационного Комитета, образованного для созыва в июне Конгресса Третьей Партии с целью провозглашения Лафолета кандидатом на пост президента. Председателем этого комитета состоит один из вождей рабоче-фермерской партии штата Минесотта, секретарем — коммунист, делегированный на это дело коммунистической партией. И вот, этот коммунист дает свою подпись под манифестом, который, обращаясь к «прогрессивным избирателям», целью движения об'являет достижение «национального политического единства», и, защищаясь от упреков в том, что кампания идет под контролем коммунистов, заявляет, что коммунисты представляют собою незначительное меньшинство, и что если бы они даже попытались захватить руководство, это им все равно не удалось бы, так как «партия» стремится к положительному законодательству, а не к утопиям. И за эти мещанские пошлости коммунистическая партия берет на себя ответственность перед рабочим классом! Во имя чего? Во имя того, что вдохновители этого чудовищного оппортунизма, проникнутые насквозь скептицизмом по адресу американского пролетариата, нетерпеливо пытаются перенести центр тяжести партии в фермерскую среду, потрясенную аграрным кризисом. Поддакивая, хотя бы и с оговорками, худшим иллюзиям мелкой буржуазии, не трудно создать себе иллюзию собственного влияния на мелкую буржуазию. Думать, что в этом состоит большевизм — значит ничего не понимать в большевизме *).

* * *

*) Исполнительный Комитет Коминтерна отверг, разумеется, эту в корне неправильную и чрезвычайно опасную политику. Решение Исполкома явилось как нельзя более кстати: через несколько дней после того, как оно было вынесено, сенатор Лафолет выступил с бешеным обличением против коммунистов и благочестиво заявил, что не хочет иметь ничего общего с тем делом, к которому прикосновенны эти нечестивцы, красное отродье Вельзевула и Москвы. Надо надеяться, что этот урок не пройдет бесплодно для некоторых архи-умных стратегов! *Л. Т.*

4 июня 1924 г.

Предсказывать, насколько затянется нынешняя полоса соглашательства, трудно. Но, во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы буржуазная Европа восстановила экономическое равновесие как внутри себя, так и с Америкой. В отношении проблемы репараций делается, правда, широкая попытка соглашательского разрешения. Пришествие к власти левого блока во Франции укрепляет эту попытку. Но основное противоречие всей проблемы остается: чтобы платить, Германия должна вывозить; чтобы платить много, Германия должна много вывозить; а германский вывоз угрожает английскому и французскому. Чтобы вернуть себе возможность победоносной борьбы на европейском рынке, крайне урезанном, германская буржуазия должна была бы преодолеть гигантские внутренние затруднения, что, в свою очередь, не может сопровождаться новым обострением классовой борьбы. С другой стороны, у самой Франции есть чудовищные долги, к уплате которых она не приступала. Чтобы начать платить, Франции надо усилить вывоз, т.-е. усугубить затруднения Англии в деле внешней торговли. Между тем сама Англия едва достигла 75% своего довоенного вывоза. Перед лицом основных хозяйственных, политических и военных проблем соглашательское правительство Макдональдо обнаруживает свою несостоятельность даже в большей мере, чем следовало ожидать. Не зачем говорить, что с правительством левого блока во Франции дело будет обстоять не лучше. Безвыходность Европы, маскируемая ныне международными и внутренними сделками, снова вскроется в своем революционном существе. Нет сомнения, что коммунистические партии к этому моменту окажутся более подготовленными. Последние парламентские выборы в ряде стран свидетельствуют, что коммунизм представляет собою уже сейчас могущественную силу истории, и что сила эта растет!

Л. Троцкий.

20 мая 1924 г.

ПЯТЬ ЛЕТ КОМИНТЕРНА

Первый Конгресс Коминтерна

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕГО МИРА.

72 года тому назад Коммунистическая Партия возвестила миру свою программу в виде манифеста, написанного величайшими провозвестниками пролетарской революции Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Уже в ту пору коммунизм, едва выступавший на арену борьбы, был окружен травлей, ложью, ненавистью и преследованиями имущих классов, которые справедливо предчувствовали в нем своего смертельного врага. За три четверти столетия развитие коммунизма шло сложными путями: на-ряду с бурями под'ема знало периоды упадка, на-ряду с успехами — жестокие поражения. Но в основе своей движение шло по пути, предуказанному манифестом Коммунистической Партии. Эпоха последней решительной борьбы наступила позже, чем ожидали и надеялись апостолы социальной революции. Но она наступила. Мы, коммунисты, представители революционного пролетариата разных стран Европы, Америки и Азии, собравшиеся в Советской Москве, чувствуем и сознаем себя преемниками и вершителями дела, программа которого была возвещена 72 года тому назад. Наша задача состоит в том, чтобы обобщить революционный опыт рабочего класса, очистить движение от разлагающей примеси оппортунизма и социал-патриотизма, об'единить усилия всех истинно-революционных партий мирового пролетариата и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире.

* * *

Теперь, когда Европа покрыта обломками и кучами дымящихся развалин, величайшие поджигатели заняты розысками виновников войны. За ними тянутся их слуги — профессора, парламентарии, журналисты, социал-патриоты и прочие политические сутенеры буржуазии.

В течение долгого ряда лет социализм, предсказывая неизбежность империалистической войны, видел ее причину в ненасытном

...ститута В. И. Ленина

собственническом своекорыстии имущих классов обоих главных лагерей и всех, вообще, капиталистических стран. За два года до взрыва ответственные социалистические вожди всех стран на Базельском конгрессе[2]) обличали империализм, как виновника грядущей войны, и угрожали буржуазии обрушить на ее голову социалистическую революцию, как пролетарское возмездие за преступления милитаризма. Теперь, после опыта пяти лет, после того, как история, обнаружив хищные аппетиты Германии, раскрывает не менее преступные действия Союзников, государственные социалисты стран Согласия, вслед за своими правительствами, продолжают открывать виновника войны в низвергнутом германском кайзере. Более того, германские социал-патриоты, которые об'являли в августе 1914 года дипломатическую «Белую книгу» Гогенцоллерна священнейшим евангелием народов, ныне, вслед за социалистами Согласия, с подлой угодливостью обвиняют свергнутую германскую монархию, которой они рабски служили, как главного виновника войны. Таким путем они надеются заставить забыть свою собственную роль и одновременно заслужить благоволение победителей. Но, на-ряду с ролью низвергнутых династий, Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, и капиталистических клик этих стран, роль правящих классов Франции, Англии, Италии, Соединенных Штатов выступает во всей своей неизмеримой преступности в свете развернувшихся событий и дипломатических разоблачений.

Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрла. Правительство Сити[3]) опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Согласия, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время, как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство.

Подготовленная ходом развития десятилетий война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании. Правительство последней рассчитывало при этом оказывать поддержку России и Франции лишь на столько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага. Но могущество немецкой военщины оказалось слишком грозным и потребовало не показного, а действительного вмешательства Англии в войну. Роль смеющегося третьего, на которую по старой традиции претендовала Великобритания, выпала на долю Соединенных Штатов.

Правительство Вашингтона тем легче примирилось с английской блокадой, которая односторонне урезывала спекуляции американской биржи на европейской крови, что страны Согласия щедрыми барышами возместили американской буржуазии нарушение «международного права». Огромный военный перевес Германии побудил, однако, и правительство Вашингтона выйти из состояния фиктивного нейтралитета. Соединенные Штаты взяли на себя по отношению к Европе в целом ту задачу, которую в прошлых войнах играла, а в последней пыталась сыграть, Англия по отношению к континенту—ослаблять один лагерь при помощи другого, вмешиваясь в военные операции лишь настолько, чтобы обеспечить за собой все выгоды положения. Ставка Вильсона, согласно методам американской лотереи, была невелика, но она была последней и тем обеспечила за ним выигрыш.

Противоречия капиталистического строя предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания. Этим безапелляционно разрешается академический спор в социализме по поводу теорий обнищания [4]) и постепенного перехода от капитализма к социализму. Статистики и педанты теории притупления противоречий выуживали в течение десятилетий изо всех уголков мира действительные и мнимые факты, свидетельствующие о повышении благополучия отдельных групп и категорий рабочего класса. Теория обнищания масс считалась погребенной под презрительный свист евнухов буржуазной кафедры и мандаринов социалистического оппортунизма. Ныне это обнищание, уже не социальное только, а физиологическое, биологическое, стоит перед нами во всей своей потрясающей действительности.

Катастрофа империалистической войны смела начисто все завоевания профессиональной и парламентской борьбы. А между тем, эта война в такой же мере выросла из внутренних тенденций капитализма, как и те экономические сделки и парламентские компромиссы, которые она погребла в крови и грязи.

Финансовый капитал, ввергший человечество в пучину войны, сам потерпел катастрофическое изменение в этой войне. Зависимость денежных знаков от материальной основы производства оказалась окончательно нарушенной. Все более теряя свое значение средства и регулятора капиталистического товарообмена, бумажные деньги превратились в орудие реквизиции, захвата, вообще военно-экономического насилия.

Перерождение бумажных денег отражает общий смертельный кризис капиталистического товарообмена. Если свободная конкуренция, как регулятор производства и распределения, вытеснена была в главных областях хозяйства системой трестов и монополий еще в десятилетия, предшествовавшие войне, то ходом войны регулирующе-направляющая роль оказалась вырванной из рук экономических об'единений и непосредственно переданной в руки военно-государственной власти. Распределение сырых материалов, использование бакинской или румынской нефти, донецкого угля, украинского хлеба, судьба германских паровозов, вагонов, автомобилей, обеспечение голодающей Европы хлебом и мясом,—все эти основные вопросы экономической жизни мира регулируются не свободной конкуренцией и не комбинациями национальных и международных трестов и консорциумов, а непосредственным применением военного насилия, в интересах его дальнейшего сохранения. Если полное подчинение государственной власти финансовому капиталу привело человечество к империалистической бойне, то через эту бойню финансовый капитал до конца милитаризовал не только государство, но и себя самого, и уже не способен выполнять свои основные экономические функции иначе, как посредством железа и крови.

Оппортунисты, которые до мировой войны призывали рабочих к умеренности во имя постепенного перехода к социализму, которые во время войны требовали классового смирения во имя гражданского мира и защиты отечества, снова требуют от пролетариата самоотречения—на этот раз в целях преодоления ужасающих последствий войны. Если бы эта проповедь могла быть воспринята рабочими массами, капиталистическое развитие восстановилось бы на костях нескольких поколений в новых, еще более концентрированных и чудовищных формах—с новой перспективой неизбежной мировой войны. К счастью для человечества, это невозможно.

Огосударствление экономической жизни, против которого так протестовал капиталистический либерализм, стало совершившимся фактом. От этого факта назад—не только к свободной конкуренции, но и к господству трестов, синдикатов и других экономических спрутов—возврата уже нет. Вопрос состоит только в том, кто дальше будет носителем огосударствленного производства: империалистическое государство или государство победоносного пролетариата.

Другими словами: станет ли все трудящееся человечество крепостным данником победоносной мировой клики, которая под

фирмой Лиги Народов [5]), при помощи «интернациональной» армии и «интернационального» флота будет грабить и душить одних, подкармливать других, везде и всюду налагая оковы на пролетариат—с единственной целью поддержать свое собственное господство? Или же рабочий класс Европы и передовых стран других частей света сам овладеет расстроенным, разрушенным хозяйством, чтобы обеспечить его возрождение на социалистических началах?

Сократить эпоху переживаемого кризиса возможно только мерами пролетарской диктатуры, которая не озирается на прошлое, не считается ни с наследственными привилегиями, ни с правами собственности, исходит из потребностей спасения голодающих масс, мобилизует в этих целях все средства и силы, вводит всеобщую трудовую повинность, устанавливает режим трудовой дисциплины, чтобы таким путем в течение нескольких лет не только залечить зияющие раны, нанесенные войной, но и поднять человечество на новую, еще небывалую высоту.

* * *

Национальное государство, давшее могущественный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесно для развития производительных сил. Тем более трудным оказалось положение мелких государств, вкрапленных между большими державами Европы и других частей света. Эти мелкие государства, возникшие в разное время, как обрезки больших, как разменная монета при оплате разных услуг, как стратегические буфера, имеют свои династии, свои правящие клики, свои империалистические притязания, свои дипломатические плутни. Их призрачная независимость держалась до войны на том же, на чем держалось равновесие Европы: на непрерывном антагонизме двух империалистических лагерей. Война это равновесие нарушила. Дав сперва громадный перевес Германии, она заставила мелкие государства искать свое спасение в великодушии германского милитаризма. После того, как Германия оказалась разбитой, буржуазия мелких государств, совместно со своими патриотическими «социалистами», повернулась навстречу победоносному империализму союзников и в лицемерных пунктах вильсоновской программы стала искать гарантий своего дальнейшего самостоятельного существования. Вместе с тем, число мелких государств возросло: из состава Австро-Венгерской монархии, из частей царской империи, выделились новые государства [6]), которые, едва родившись, уже вцепляются друг другу в горло из-за государственных границ. Союзные империалисты

тем временем подготовляют комбинации мелких держав, старых и новых, чтобы связать их круговой порукой взаимной ненависти и общего бессилия.

Подавляя и насилуя мелкие и слабые народы, обрекая их на голод и уничтожение, союзные империалисты, совершенно так же, как некоторое время тому назад империалисты центральных империй, не перестают говорить о праве наций на самоопределение, которое ныне окончательно растоптано в Европе и во всех остальных частях света.

Обеспечить малым народам возможность свободного существования может только пролетарская революция, которая освободит производительные силы всех стран из тисков национальных государств, об'единив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана, и даст возможность самому слабому и малочисленному народу свободно и независимо управлять делами своей национальной культуры, без всякого ущерба для об'единенного и централизованного европейского и мирового хозяйства.

Последняя война, которая явилась в значительной мере войной из-за колоний, была в то же время войной при помощи колоний. В небывалых ранее размерах население колоний было вовлечено в европейскую войну. Индусы, негры, арабы, малгаши сражались на территории Европы,—во имя чего?—во имя своего права и дальше оставаться рабами Англии и Франции. Никогда еще картина бесчестия капиталистического господства в колониях не была так ярка, никогда проблема колониального рабства не была поставлена с такой остротой, как теперь.

Отсюда ряд открытых восстаний и революционное брожение во всех колониях. В самой Европе Ирландия [7]) напоминала в кровавых уличных боях, что она все еще остается и чувствует себя порабощенной страной. На Мадагаскаре [8]), в Аннаме [9]) и в других местах войска буржуазной республики не раз усмиряли за время войны восстания колониальных рабов. В Индии революционное движение не прекращалось ни на один день и за последнее время привело к могущественнейшим в Азии забастовкам рабочих, на которые великобританское правительство ответило работой блиндированных автомобилей в Бомбее.

Таким образом колониальный вопрос поставлен во весь рост не только на картах дипломатического конгресса в Париже, но и в самих колониях. Программа Вильсона [10]) имеет своей задачей, в лучшем случае, изменить этикетку колониального рабства. Освобождение колоний мыслимо только вместе с освобождением рабо-

чего класса метрополий. Рабочие и крестьяне не только Аннама, Алжира,[11]) Бенгалии[12]), но и Персии, Армении[13]) получат возможность самостоятельного существования лишь в тот час, когда рабочие Англии, Франции, низвергнув Ллойд-Джорджа[14]) и Клемансо[15]), возьмут в свои руки государственную власть. В более развитых колониях борьба уже сейчас идет только под знаменем национального освобождения, но сразу принимает более или менее ярко выраженный социальный характер. Если капиталистическая Европа насильственно вовлекала самые отсталые части света в водоворот капиталистических отношений, то Европа социалистическая придет освобожденным колониям на помощь своей техникой, своей организацией, своим идейным влиянием, чтобы облегчить их переход к планомерно организованному социалистическому хозяйству.

Колониальные рабы Африки и Азии! Час пролетарской диктатуры в Европе пробьет для вас, как час вашего освобождения.

Весь буржуазный мир обвиняет коммунистов в уничтожении свободы и политической демократии. Это неправда. Приходя к власти, пролетариат только обнаруживает полную невозможность применения методов буржуазной демократии и создает условия и формы новой, более высокой, рабочей демократии. Весь ход капиталистического развития, особенно в последнюю империалистическую эпоху, подрывал политическую демократию не только тем, что расчленял нации на два непримиримо враждебных класса, но и тем, что обрекал на экономическое прозябание и политическое бессилие многочисленные мелкобуржуазные и пролетарские слои, а также наиболее обездоленные низы самого пролетариата.

Рабочий класс тех стран, где историческое развитие дало ему эту возможность, использовал режим политической демократии для своей организации против капитала. То же самое будет происходить и дальше в тех странах, где не созрели условия для рабочей революции. Но широкие промежуточные массы не только в деревнях, но и в городах, удерживаются капитализмом далеко позади, отставая от исторического развития на целые эпохи.

Баварский[16]) и баденский[17]) крестьянин, все еще тесно прикрепленный к своей сельской колокольне, французский мелкий винодел, разоряемый крупно-капиталистической фальсификацией вина, мелкий американский фермер, обираемый и обманываемый

банкирами и депутатами, все эти отброшенные капитализмом от большой дороги развития социальные слои на бумаге призваны режимом политической демократии к управлению государством. Но на деле во всех основных вопросах, определяющих судьбу народов, финансовая олигархия выносит свои решения за спиной парламентской демократии. Так было прежде в вопросе войны, так происходит в вопросе мира. Поскольку финансовая олигархия еще дает себе труд освещать свои насильнические действия парламентскими голосованиями, в распоряжении буржуазного государства для достижения необходимых результатов оказываются все средства лжи, демагогии, травли, клеветы, подкупа, террора, унаследованные от прошлых веков классового рабства и помноженные на все чудеса капиталистической техники.

Требовать от пролетариата, чтобы он в последней схватке не на жизнь, а на смерть с капиталом, благочестиво соблюдал требования политической демократии—то же самое, что требовать от человека, защищавшего свою жизнь и существование против разбойников, чтобы он соблюдал искусственные и условные правила французской борьбы, установленные его врагом, и этим врагом не соблюдаемые.

В царстве разрушения, где не только средства производства и транспорта, но и учреждения политической демократии представляют собой груды окровавленных обломков, пролетариат вынужден создавать свой собственный аппарат, служащий прежде всего для сохранения внутренней связи самого рабочего класса и обеспечивающий возможность его революционного вмешательства в дальнейшее развитие человечества. Этим аппаратом являются рабочие советы. Старые партии, старые организации профессиональных союзов, оказались в лице своих руководящих верхов неспособными не только разрешить, но и понять задачи, которые ставит новая эпоха. Пролетариат создал новый тип организации, широкой, охватывающей рабочие массы, независимо от профессии и от достигнутого уровня политического развития, аппарат гибкий, способный непрестанно обновляться, расширяться, вовлекать в свою сферу все новые и новые слои, открывать свои двери для близких пролетариату трудящихся слоев города и деревни. Эта незаменимая организация самоуправления рабочего класса, его борьбы, а в дальнейшем и завоевания им государственной власти, испытана на опыте в разных странах и составляет самое могущественное завоевание и орудие пролетариата в нашу эпоху.

Во всех странах, где трудящиеся массы живут сознательной жизнью, строятся ныне и будут строиться советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Укреплять советы, поднимать их авторитет, противопоставлять их государственному аппарату буржуазии—такова сейчас важнейшая задача сознательных и честных рабочих всех стран. Через посредство советов рабочий класс способен спасти себя от разложения, которое вносит в его среду адские муки войны, голода, насилия имущих и предательство бывших вождей. Через посредство советов рабочий класс вернее и легче всего может притти к власти во всех странах, где советы сосредоточат вокруг себя большинство трудящихся. Через посредство советов, завоевавший власть рабочий класс будет управлять всеми областями экономической и культурной жизни страны, как это уже происходит в настоящее время в России.

Крушение империалистического государства, от царистского до самого «демократического», идет одновременно с крушением империалистической военной системы. Многомиллионные армии, мобилизованные империализмом, могли держаться лишь до тех пор, пока пролетариат шел под ярмом буржуазии. Развал национального единства означает неизбежный развал армии. Так произошло сперва в России, затем в Германии и Австрии. Того же следует ожидать и в других империалистических странах. Восстание крестьянина против помещика, рабочего против капиталиста, обоих против монархической или «демократической» бюрократии неизбежно влечет за собою восстание солдат против командиров, а в дальнейшем—острый раскол между пролетарскими и буржуазными элементами армии. Империалистическая война, противопоставлявшая нацию нации, перешла и переходит в гражданскую войну, противопоставляющую класс классу.

Вопли буржуазного мира против гражданской войны и красного террора представляют собою самое чудовищное лицемерие, какое знала история политической борьбы. Гражданской войны не было бы, если бы клики эксплоататоров, приведшие человечество на край гибели, не сопротивлялись каждому шагу вперед трудящихся масс, не организовывали заговоров и убийств и не призывали вооруженной помощи извне для удержания или восстановления своих грабительских привилегий.

Гражданская война навязывается рабочему классу его смертельными врагами. Не отказываясь от себя, от своей будущности, которая есть будущность всего человечества, рабочий класс не может не отвечать на удар ударом.

Никогда не вызывая искусственно гражданской войны, Коммунистические Партии стремятся сократить по возможности ее длительность, когда она с железной необходимостью возникает, уменьшить число ее жертв и прежде всего обеспечить победу за пролетариатом. Отсюда вытекает необходимость своевременного разоружения буржуазии, вооружения рабочих, создания коммунистической армии, как защитницы власти пролетариата и неприкосновенности его социалистического строительства. Такова Красная армия Советской России, которая возникла и существует как оплот завоеваний рабочего класса от всяких нападений изнутри и извне. Советская армия неотделима от Советского государства.

Сознавая мировой характер своих задач, передовые рабочие уже с первых шагов организованного социалистического движения стремились к его международному об'единению. Начало ему было положено в 1864 г., в Лондоне, в Первом Интернационале. Франко-Прусская война, из которой выросла Германия Гогенцоллернов [18]), подкосила Первый Интернационал, дав в то же время толчок развитию национальных рабочих партий. Уже в 1889 г. эти партии об'единяются на с'езде в Париже и создают организацию II Интернационала. Но центр тяжести рабочего движения лежал в этот период целиком на национальной почве, в рамках национальных государств, на основе национальной промышленности, в области национального парламентаризма. Десятилетия организационной реформаторской работы создали целое поколение вождей, которые на словах признавали в большинстве своем программу социальной революции, но на деле отреклись от нее, погрязли в реформизме, в покорном приспособлении к буржуазному государству. Оппортунистический характер руководящих партий II Интернационала вскрылся до конца и привел к величайшему в мировой истории краху, в момент, когда ход исторических событий потребовал от партий рабочего класса революционных методов борьбы. Если война 1870 г. нанесла удар I Интернационалу, обнаружив, что за его социально-революционной программой нет еще сплоченной силы масс, то война 1914 г. убила II Интернационал, обнаружив, что над могущественными организациями рабочих масс стоят партии, превратившиеся в подчиненные органы буржуазного государства.

Это относится не только к социал-патриотам, ныне явно и открыто перешедшим в лагерь буржуазии, ставшим ее излюбленными уполномоченными и доверенными лицами, наиболее надежными палачами рабочего класса, но и к расплывчатому, неустой-

чивому течению социалистического центра [19]), которое пытается восстановить Второй Интернационал, т.-е. ограниченность, оппортунизм, революционное бессилие его руководящих верхов. Независимая партия в Германии, нынешнее большинство Социалистической партии Франции, группа меньшевиков в России, Независимая рабочая партия Англии и другие подобные им группы фактически пытаются заполнить собой то место, какое до войны занимали старые официальные партии Второго Интернационала, выступая по-прежнему с идеями компромисса и соглашения, парализуя всеми способами энергию пролетариата, затягивая кризис и тем усугубляя бедствия Европы. Борьба с социалистическим центром является необходимым условием успеха борьбы с империализмом.

Отметая прочь половинчатость, ложь и гниль изживших себя официальных социалистических партий, мы, коммунисты, об'единенные в III Интернационале, сознаем себя прямыми продолжателями героических усилий и мученичества длинного ряда революционных поколений, от Бабефа [20]) — до Карла Либкнехта [21]) и Розы Люксембург [22]).

Если Первый Интернационал предвосхищал будущее развитие и намечал его пути, если Второй Интернационал собирал и организовывал миллионы пролетариев, то Третий Интернационал является Интернационалом открытого массового действия, Интернационалом революционного осуществления, Интернационалом дела.

Социалистическая критика достаточно бичевала буржуазный миропорядок. Задача международной коммунистической партии состоит в том, чтобы опрокинуть его и воздвигнуть на его месте здание социалистического строя. Мы призываем рабочих и работниц всех стран к об'единению под коммунистическим знаменем, которое уже является знаменем первых великих побед.

Пролетарии всех стран! В борьбе против империалистического варварства, против монархии, против привилегированных сословий, против буржуазного государства и буржуазной собственности, против всех видов и форм классового или национального гнета — об'единяйтесь!

Под знаменем рабочих советов, революционной борьбы за власть и диктатуру пролетариата, под знаменем Третьего Интернационала—пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДОКЛАД об Р.К.П. и КРАСНОЙ АРМИИ на I-м ЗАСЕДАНИИ I-го КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА.

(Заседание 2 марта 1919 года).

Из доклада тов. Альберта [23]) видно, что вопрос о Красной гвардии в Германии стал «притчей во языцех», и, насколько я понял его, мысль о возможном вторжении нашей Красной гвардии в пределы Восточной Пруссии является кошмаром бессонных ночей г.г. Эберта [24]) и Шейдемана [25]). На этот счет т. Альберт может успокоить правителей Германии,—им нечего тревожиться. К счастью или к несчастью,—это, конечно, дело вкуса,—но в настоящий момент до этого еще не дошло. Что касается угрожающего нам вторжения, то смело можно сказать, мы теперь неизмеримо в лучшем положении, чем в прошлом году при заключении Брест-Литовского мира. Об этом уже говорить не приходится. В то время мы в деле строительства, как Красной армии, так и всего Советского Правительства, были еще в пеленках. Красная армия тогда на самом деле называлась Красной гвардией, но это название у нас давно уже не существует. Красной гвардией назывались первые партизанские отряды, импровизированные группы революционных рабочих, которые, движимые революционным порывом, распространили пролетарскую революцию из Петрограда и Москвы по всей стране. Этот период продолжался до первого столкновения этой Красной гвардии с регулярными немецкими полками, и тогда с полной очевидностью выяснилось, что эти импровизированные отряды, побеждавшие русскую контр-революцию, оказались бессильными перед дисциплинированной армией, а следовательно, не могли служить действительной защитой революционной Социалистической Республики.

С того времени начинается перелом в отношении рабочих масс к армии и ломка старых методов ее организации. Под давлением событий мы приступили к созданию здоровой армии, организованной на началах, диктуемых военной наукой. В нашей программе стоит ведь «народная милиция». Но невозможно говорить о народной милиции, этом требовании политической демократии, в стране, где властью является диктатура пролетариата, так как армия всегда тесно связана с характером господствующей власти. Война, как говорит старый Клаузевиц [26]), есть продолжение политики, лишь иными средствами. Армия—орудие войны, она должна поэтому соответствовать политике. Раз правительство пролетар-

ское, значит, и армия должна быть таковой в своем социальном составе.

Мы ввели поэтому ценз в армию: с мая прошлого года мы от добровольческой армии, от Красной гвардии перешли к армии, основанной на обязательной воинской повинности, но допускаем в армию лишь пролетариев или крестьян, не эксплоатирующих чужого труда.

Невозможность серьезно говорить в России о народной милиции становится еще яснее, если принять во внимание, что в одно и то же время в пределах бывшей империи русских царей находились и еще находятся несколько армий враждебных нам классов. В Донской области имеется даже монархическая армия, под предводительством казацких офицеров, состоящая из буржуазных элементов и богатых казаков. Затем в области Волги и Урала находилась армия Учредительного Собрания [27]). Это ведь тоже была, по замыслу, «народная армия», как ее и называли, но эта армия быстро распалась. Господа члены Учредительного Собрания остались не при чем: им пришлось,—совсем против воли,—оставить область Волги и воспользоваться гостеприимством нашего Советского Правительства. Адмирал Колчак [28]) попросту арестовал правительство Учредительного Собрания, и армия превратилась в монархическую армию. Таким образом мы видим, что в стране, где ведется гражданская война, армию можно строить лишь по классовому принципу; это мы и сделали и добились результатов.

Большие трудности поставил на нашем пути вопрос о командном составе. Разумеется, первой нашей заботой было воспитать красных офицеров из среды рабочих и наиболее развитой крестьянской молодежи. За эту работу мы принялись с самого начала, и, здесь, у дверей этого помещения, вы можете увидеть не мало красных прапорщиков, которые скоро вступят в армию в качестве красных офицеров. У нас их довольно много. Я не хочу называть их числа, так как военная тайна всегда должна оставаться военной тайной. Число это, повторяю, довольно велико, но мы не могли ждать, пока из красных прапорщиков выйдут красные генералы, так как враг не давал нам такой передышки, и нам пришлось обратиться к старому командному составу и из этих резервов найти способных людей; это тоже увенчалось успехом. Разумеется, мы искали для себя офицеров не в блестящих сферах военных куртизанов, а нашли в более простой среде вполне способных людей, которые помогают нам сейчас в борьбе против бывших их коллег. С одной стороны, лучшие и честнейшие элементы старого офицер-

ского корпуса, которых мы окружаем дельными коммунистами в качестве комиссаров, с другой стороны, лучшие элементы из среды солдат, рабочих и крестьян для низших командных постов: вот каким образом мы составили свой красный командный состав.

С того момента, как у нас возникла Советская Республика, она была принуждена вести войну, ведет ее и поныне. У нас фронт свыше 8.000 кил.; с юга и севера, с востока и запада—всюду против нас борются с оружием в руках, и нам приходится защищаться. Да, Каутский [29]) даже обвинил нас в том, что мы развели милитаризм. Но мне кажется, что, если мы желаем сохранить власть за рабочими, мы должны научить рабочих владеть оружием, которое они куют. Мы начали с того, что обезоружили буржуазию и вооружили рабочих. Если это называется милитаризмом, пусть так, мы создали свой социалистический милитаризм и мы от него не отречемся.

Наше военное положение в августе месяце прошлого года было крайне скверно; не только вокруг нас сомкнулось кольцо, но это кольцо довольно тесно окружало Москву. С тех пор мы все более и более раздвигали это кольцо, и в течение последних шести месяцев Красная армия отвоевала для Советской Республики не менее 700.000 кв. кил., с населением около 42.000.000, 16 губерний с 16-ю большими городами, рабочие которых вели и ведут энергичную борьбу. Еще сегодня, если вы проведете на карте в любом направлении прямую линию от Москвы, повсюду вы найдете на фронте — русского крестьянина, русского рабочего, который в эту холодную ночь стоит под ружьем на границе Социалистической Республики и защищает ее. И я могу вас уверить, что рабочие-коммунисты, составляющие ядро этой армии, чувствуют, что они не только гвардия русской Социалистической Республики, но и Красная армия III Интернационала. И если нам сейчас предоставлена возможность оказать гостеприимство этой социалистической конференции и таким образом отблагодарить западно-европейских братьев за их многолетнюю дружбу, мы этим в свою очередь обязаны усилиям и жертвам Красной армии, в которой работают лучшие товарищи из коммунистической рабочей среды в качестве простых солдат, красных офицеров или комиссаров, т.-е. непосредственных представителей нашей партии, Советской власти, которые в каждом полку, в каждой дивизии задают политический и моральный тон, т.-е. своим примером показывают красным солдатам, как бороться и умирать за социализм. И это не пустые слова

наших товарищей, за ними следует дело: в этой борьбе мы потеряли сотни и тысячи лучших социалистических работников. Я полагаю, что они пали не только за Советскую Республику, но также и за III Интернационал.

И хотя мы сейчас даже не помышляем о том, чтобы напасть на Восточную Пруссию, — мы, наоборот, были бы крайне довольны, если бы г.г. Эберт и Шейдеман оставили нас в покое, — но одно несомненно: если пробьет час и наши западные братья призовут нас на помощь, мы ответим: «Мы здесь, мы за это время научились владеть оружием, мы готовы бороться и умирать за мировую революцию!».

ПРИКАЗ ПО КРАСНОЙ АРМИИ И КРАСНОМУ ФЛОТУ *).

№ 83.

9 мара 1919 года, г. Москва.

Привет от Коммунистического Интернационала.

В начале марта в Москве заседали представители революционных рабочих разных стран Европы и Америки, собравшиеся для создания тесного революционного содружества тружеников всех стран в борьбе с угнетателями всех стран. С'езд учредил Коммунистический Интернационал, то-есть международный союз рабочих, солдат и трудовых крестьян для установления мировой советской республики, которая навсегда положит конец вражде и войнам между народами. На одном из своих заседаний Коммунистический Интернационал принял следующую резолюцию привета Российской Рабочей и Крестьянской Красной армии:

Конгресс Коммунистического Интернационала шлет Красной армии Советской России сердечный привет и все пожелания полной победы в борьбе против международного империализма.

Этот братский привет международного пролетариата должен стать известным всем воинам Красной армии и Красного флота. Приказываю комиссарам огласить его во всех ротах, командах, эскадронах, батареях, на всех кораблях. Каждый солдат Красной армии, каждый моряк Красного флота с заслуженной гордостью

*) «Известия В. Ц. И. К.» 11 марта 1919 г., № 54.

Института В. И. Ленина 1063135

выслушает слово привета от самого высокого и авторитетного учреждения мирового рабочего класса. Красная армия и Красный флот не обманут ожиданий и надежд Коммунистического Интернационала.

Под знаменем мирового рабочего класса—вперед.

Председатель Революционного Военного Совета Республики, Народный Комиссар по военным и морским делам *Л. Троцкий.*

От Первого до Второго Конгресса Коминтерна

ТОВАРИЩАМ СПАРТАКОВЦАМ.

С величайшей готовностью и радостью принял я предложение тов. Альберта, делегата немецкой коммунистической партии, написать несколько строк для немецкой партийной печати.

Будучи, как и все русские марксисты, учеником немецкого социализма, я в течение ряда лет эмигрантской жизни принимал посильное участие в немецкой партийной печати. С особым удовлетворением пользуюсь я случаем обновить свое сотрудничество—при нынешних, весьма изменившихся условиях.

Гегелевский [30]) крот истории усердно рыл за эти годы свои подземные ходы; многое, что тогда стояло прочно, ныне лежит в развалинах,—многое, что тогда было слабым или казалось таковым, ныне достигло могущества. Москва считалась по праву воплощением мировой реакции. Теперь Москва стала местом с'езда III Коммунистического Интернационала. В Берлин Гогенцоллернов я имел возможность приезжать только по фальшивому паспорту (извиняюсь задним числом перед почтенными полицейскими прусской монархии, которые ныне выполняют роль охранителей республики). Теперь... впрочем и теперь еще ворота Берлина не могут считаться открытыми для русского коммуниста. Однако я надеюсь, что открытия этих ворот осталось гораздо меньше ждать, чем мы ждали до сих пор. Кое-что изменилось и в германской социал-демократии.

От товарища Альберта мы услышали подтверждение того, в чем не сомневались: что немецкие рабочие следят за борьбой русского рабочего класса не только со вниманием, но и с горячей симпатией. От этой симпатии их не отучила не только бесчестная клевета буржуазии, но и ученейшая критика Карла Каутского.

Со стороны последнего мы слышали, что хотя завоевание рабочим классом политической власти является исторической задачей социал-демократической партии, но так как русская коммунистическая партия пришла к власти не через ту дверь, и не в то время, когда ей полагалось по расписанию Каутского, то Советскую республику нужно отдать на исправление Керенскому [31]), Цере-

тели [32]) и Чернову [33]). Педантски-реакционная критика Каутского должна казаться тем более неожиданной тем немецким товарищам, которые сознательно пережили период первой русской революции и читали статьи Каутского 1905—1906 г.г. [34]). Тогда Каутский (правда, не без благотворного влияния Розы Люксембург) вполне понимал и признавал, что русская революция не может завершиться буржуазной демократической республикой, а в силу достигнутого уровня классовой борьбы внутри страны и всего международного состояния капитализма должна будет притти к диктатуре рабочего класса. Каутский прямо писал тогда о рабочем правительстве с социал-демократическим большинством. Ему и в голову не приходило ставить реальный ход классовой борьбы в зависимость от преходящих поверхностных комбинаций политической демократии. Каутский тогда понимал, что революция впервые пробудит многомилионные крестьянские и мещанские массы, и при том не сразу, а постепенно, слой за слоем, так что в тот момент, когда борьба между пролетариатом и капиталистической буржуазией дойдет до решающего момента, широкие крестьянские массы будут находиться еще на весьма примитивном уровне политического развития и будут отдавать свои голоса промежуточным политическим партиям, отражающим только отсталость и предрассудки крестьянства. Каутский понимал тогда, что пролетариат, пришедший логикой революции к завоеванию власти, не может по произволу отложить этот акт на неопределенное время, ибо этим самоотречением он очистил бы только поле для контр-революции. Каутский понимал тогда, что, взяв в руки революционную власть, пролетариат не будет ставить судьбу революции в зависимость от временного настроения наименее сознательных, еще не пробужденных масс в данный момент, а, наоборот, превратит всю государственную власть, сосредоточенную в его руках, в могущественный аппарат просвещения и организации самых отсталых, самых темных крестьянских масс. Каутский понимал, что называть русскую революцию буржуазной и этим ограничивать ее задачи,—значит ничего не понимать в том, что происходит на белом свете. Он совершенно правильно признавал— вместе с революционными марксистами России и Польши, — что в случае, если русский пролетариат достигнет власти раньше европейского, он должен будет использовать свое положение правящего класса для могущественного содействия пролетарской революции в Европе и во всем мире,—уже для того одного, хотя бы, чтобы спасти русскую революцию, сделав ее составной частью европейской, и ускорить таким образом переход России к социалистическому строю. Все эти мировые перспективы, проникнутые по-

длинным духом марксистского учения, тогда не ставились, разумеется, ни Каутским, ни нами, ни в какую зависимость от того, как и за кого крестьянство проголосует в ноябре и декабре 1917 года при выборах в так называемое Учредительное Собрание.

Теперь, когда перспективы, намеченные 15 лет тому назад, стали действительностью, Каутский отказывает русской революции в метрическом свидетельстве, потому что она не прописана легально в политическом участке буржуазной демократии. Поразительный факт! Невероятное принижение марксизма! Можно с полным правом сказать, что падение II Интернационала нашло в этом филистерском отношении виднейшего из его теоретиков к русской революции еще более ужасающее выражение, чем в голосовании 4 августа [35]) за военные кредиты.

В течение ряда десятилетий Каутский развивал и отстаивал идеи социальной революции. Теперь, когда она наступила, Каутский в ужасе отступает перед ней. Он открещивается от Советской власти в России, он враждебно противостоит могущественному движению коммунистического пролетариата Германии. Каутский до последней степени похож на школьного учителя, который из года в год в четырех стенах душной, школьной комнаты повторял своим ученикам описание весны, а затем, когда на склоне своей педагогической деятельности попал весной на лоно природы, не узнал весны, пришел в неистовство (насколько неистовство свойственно школьному учителю) и стал доказывать, что великий беспорядок в природе, т.-е. реальная весна не есть весна, ибо она происходит-де противно... законам природы. Как хорошо, что рабочие не верят даже самым авторитетным педантам, а верят голосу весны.

Мы, ученики немецкой философии, ученики Маркса, остаемся вместе с немецкими рабочими при том убеждении, что весна революции совершается вполне по законам природы и в то же время по законам теории Маркса, ибо марксизм не есть возвышающаяся над историей школьная указка, но социальный анализ путей и методов в действительности совершающегося исторического процесса.

Мы узнали от товарища Альберта также и то, что революционные немецкие рабочие не разделяли обвинений, которые были направлены в свое время против нас из среды той же каутскианской независимой партии: обвинения в том, что мы сочли возможным заключить Брест-Литовский мир с победоносным германским милитаризма. Бернштейн [36]) распространял в свое время литературные произведения, в которых не только подвергал жестокой оценке факт заключения нами мира с дипломатами Гогенцоллернов, но и сопровождал свою критику самыми темными инсинуациями. Он

обвинял нас ни больше, ни меньше, как в том, что мы сознательно обманывали русских рабочих в неизбежности германской революции — для того только, чтобы прикрыть свои шашни с правительством Гогенцоллернов. Я уже не говорю о том, что подлинными реалистами и мудрецами считают себя те «теоретики марксизма», которые не понимали еще несколько месяцев тому назад неизбежности социальной катастрофы Германии, тогда как мы, «утописты», предсказывали ее с первого дня войны. Но разве не поразительным политическим тупоумием является об'явление германской революции невозможной, стало быть, признание непоколебимости могущества германского милитаризма, и в то же время требование, чтобы правительство ослабленной истощенной страны, как Россия, продолжало во что бы то ни стало—рука об руку с английским империализмом—войну против Гогенцоллерна? По Бернштейну и компании мы были виновны в том, что не монополизировали борьбы с германским империализмом, а возлагали надежду на революционную работу германского пролетариата. Но и здесь мы оказались правы. Против логики педантов и школьных учителей немецкий рабочий класс справился с монархией и находится на верном пути к полному уничтожению господства буржуазии. Я не имею, к сожалению, возможности следить, обвиняют ли теперь английские и французские Бернштейны немецкий рабочий класс в том, что он вынужден итти на мир с англо-французским империализмом. Но мы, русские коммунисты, не сомневаемся ни на один день, что тот ужасающий мир, который навязывается теперь мировыми хищниками немецкому народу, целиком обернется против правящих классов Согласия.

Так как аргумент относительно незаконного рождения диктатуры русского рабочего класса не очень сильно действует на немецких рабочих, то теперь выдвинут новый довод для опорочения русской революции. Советское правительство имеет-де своей задачей совершить с Красной армией вторжение в Восточную Пруссию. Мы не сомневаемся, что и эта выдумка, которую политические плуты распространяют для того, чтобы пугать и обманывать глупцов, не находит никакой веры со стороны немецких рабочих. Мы считаем, что мы выполним свой долг по отношению к международной революции, если удержим на русской почве власть рабочего класса. Эта задача требует огромного напряжения сил и революционного самопожертвования со стороны русского пролетариата. До сих пор наша Красная армия с успехом справлялась со своей задачей. За последние 6 месяцев она освободила от белогвардейских банд территорию в 700.000 кв. километров с населением в 42 миллиона душ. Мы твердо рассчитываем на то, что рабоче-крестьянская армия

не только удержит социалистическую власть на этой территории, но очистит и те области федеративной республики, где, при поддержке иностранных империалистов, все еще держится власть буржуазии. Что касается Германии, то мы считаем, что задача превращения ее в социалистическую республику есть прежде всего дело немецкого рабочего класса. Именно поэтому это дело находится в твердых и надежных руках. Мы посылаем немецким пролетариям наш горячий привет и просим их верить, что никогда они не были так близки и дороги сердцу каждого русского коммуниста, как теперь, когда они среди невероятных трудностей в борьбе с изменами и предательствами, оставляя по пути бездыханные тела лучших борцов, как Либкнехт и Люксембург, неутомимо и мужественно идут к окончательной победе.

9 марта 1919 года.

ПОЛЗУЧАЯ РЕВОЛЮЦИЯ *).

Германская революция представляет яркие черты сходства с русской. Но не менее поучительны и черты ее отличия. В начале октября [37]) в Германии произошла «февральская» революция. Уже через два месяца после этого немецкий пролетариат имел свои «июльские» [38]) дни, т.-е. первое открытое столкновение с буржуазно-соглашательскими империалистскими силами, на новой, «республиканской» основе. В Германии, как и у нас, июльские дни не были ни организованным восстанием, ни стихийно возникшей решающей битвой. Это была первая бурная манифестация чисто классовой борьбы на отвоеванной революцией почве, и эта манифестация сопровождалась стычками передовых отрядов. У нас опыт июльских дней послужил пролетариату для дальнейшего сосредоточения сил и организационной подготовки к решающей битве. В Германии после разгрома первой открытой революционной манифестации спартаковцев и после убийства их вождей передышка не наступает, в сущности, ни на один день. Стачки, восстания, прямые бои следуют друг за другом в разных местах страны. Едва правительство Шейдемана успевает установить порядок в пригородах Берлина, как уже доблестным гвардейцам, завещанным Гогенцоллерном, приходится спешить в Штутгарт или Нюренберг. Эссен, Дрезден, Мюнхен становятся по очереди ареной кровавой гражданской борьбы. Каждая новая победа Шейдемана является лишь точкой отправления для нового восстания берлинских ра-

*) «Правда» 23 апреля 1919 г., № 85.

бочих. Революция германского пролетариата получила затяжной, ползучий характер и на первый взгляд может вызвать опасение, не удастся ли правящим негодяям истощить ее по частям в ряде бесчисленных схваток. Вместе с тем как бы напрашивается вопрос: нет ли тут со стороны руководителей движения серьезных тактических ошибок, грозящих гибелью всего движения?

Для того, чтобы понять германскую рабочую революцию, нужно судить ее не просто по аналогии с русской октябрьской революцией, но исходя из внутренних условий развития самой Германии.

История сложилась так, что в эпоху империалистической войны германская социал-демократия оказалась—это можно сказать сейчас с полной об'ективностью—наиболее контр-революционным фактором в мировой истории. Но германская социал-демократия не случайность; она не с небес свалилась, а была создана усилиями германского рабочего класса в течение десятилетий непрерывного строительства и приспособления к условиям капиталистически-юнкерского государства. Партийная организация и связанные с ней профессиональные союзы извлекали из среды пролетариата все наиболее выдающиеся энергичные элементы и подвергали их психологической и политической обработке. В момент войны, стало быть, в момент величайшей исторической проверки, оказалось, что официальная рабочая организация чувствует себя и действует не как боевая организация пролетариата против буржуазного государства, а как подсобный орган буржуазного государства, служащий для дисциплинирования пролетариата. Рабочий класс оказался парализованным, так как на него навалились всей своей тяжестью не только капиталистический милитаризм, но и аппарат его же собственной партии. Испытания войны, ее победы, ее поражения выбили германский рабочий класс из состояния паралича, освободили его из-под дисциплины официальной партии. Эта последняя раскололась на части. Но боевой революционной организации у германского пролетариата не оказалось. История снова показала миру одно из своих диалектических противоречий: именно потому, что германский рабочий класс бо́льшую часть своей энергии расходовал в прошлую эпоху на самодовлеющее организационное строительство и со стороны партийного и профессионального аппарата занял во Втором Интернационале первое место, он в новую эпоху, в момент своего перехода к открытой революционной борьбе за власть, оказался организационно крайне беззащитным.

Совершивший свою октябрьскую революцию русский рабочий класс получил от предшествующей эпохи неоценимое наследство, в виде централизованной революционной партии. Хождение народ-

нической интеллигенции в крестьянство, террористическая борьба народовольцев, подпольная агитация первых марксистов, революционные манифестации первых годов текущего столетия, всеобщая октябрьская стачка и баррикады 1905 года, теснейшим образом связанный с подпольем, революционный «парламентаризм» Столыпинской эпохи,—все это подготовило многочисленный персонал революционных вождей, закаленных в борьбе и связанных единством социально-революционной программы.

Ничего подобного предшествующая история не завещала германскому рабочему классу. Ему приходится не только бороться за власть но и в процессе этой борьбы создавать ее организаций и воспитывать ее будущих вождей. Правда, в условиях революционной эпохи эта воспитательная работа совершается с лихорадочной быстротой, но требуется все же время, чтобы ее произвести. При отсутствии централизованной революционной партии с общепризнанным в рабочих массах авторитетом боевого руководства, при отсутствии в отдельных центрах и районах пролетарского движения испытанных на деле, проверенных на опыте, руководящих боевых ячеек и вождей, вырвавшееся на улицы движение пролетариата по необходимости должно было принять перемежающийся, хаотический, ползучий характер. Эти вспыхивающие стачки, восстания и бои представляют собой единственно доступную в данный момент форму открытой мобилизации сил германского пролетариата, освобожденного от гнета старой партии, и вместе с тем единственный, в данных условиях, способ воспитания новых вождей и строительства новой партии. Совершенно очевидно, что этот путь вызывает огромное напряжение сил и требует неисчислимых жертв. Но выбирать не приходится. Это единственный путь, по которому может развиться до полной победы классовое восстание германского пролетариата.

После Красного Воскресенья 9 января 1905 года, когда рабочие Петрограда, а за ними постепенно рабочие всей страны, поняли необходимость борьбы и вместе с тем почувствовали свою разобщенность, в стране началось могущественное, но крайне хаотическое стачечное движение. Тогда находились мудрецы, которые скорбели по поводу расходования энергии русским рабочим классом и предсказывали его истощение и вытекающее отсюда поражение революции. На самом же деле стихийные ползучие стачки весенних и летних месяцев 1905 года были единственно возможной формой революционной мобилизации и организационного воспитания: они подготовили великую октябрьскую стачку и строительство первых советов.

В том, что происходит сейчас в Германии, есть некоторая аналогия с только что указанным периодом первой русской революции. Но, разумеется, германское революционное движение развивается на несравненно более высоких и могущественных основах. Если старая официальная партия потерпела полное банкротство и превратилась в орудие реакции, то это, разумеется, не значит, что бесследно пропала выполненная ею в предшествующую эпоху работа. Политический и культурный уровень немецких рабочих, их организационные навыки и способности очень высоки. Десятки и сотни тысяч рабочих вождей, которые были всосаны политическими и профессиональными организациями в прошлую эпоху и как будто были ассимилированы ими, на самом деле, только терпели до поры до времени их гнет над своим революционным сознанием. Теперь в процессе открытых частичных столкновений, в испытаниях этой революционной мобилизации, в суровом опыте этой ползучей революции пробуждаются и выпрямляются десятки тысяч временно ослепленных, обманутых и терроризованных рабочих вождей. Рабочий класс снова находит их, как они находят свое место в новой борьбе рабочего класса. Если историческое назначение независимой партии Каутского-Газе [39]) состоит в том, чтобы вносить колебания в ряды правительственной партии и давать убежище ее испуганным, отчаявшимся или возмутившимся элементам, то, с другой стороны, бурное движение, в котором такую героическую роль играют наши собратья-спартаковцы, одним из последствий своих имеет непрерывное разрушение слева партии независимцев, из которой вовлекаются в коммунистическое движение лучшие, наиболее самоотверженные, элементы.

Трудности, частичные поражения и великие жертвы германского пролетариата не должны ни на минуту обескураживать нас. История не предоставляет пролетариату путей выбора. Упорная, не затихающая, снова и снова вспыхивающая, ползучая революция явно близка к тому критическому моменту, когда, собрав все свои предварительные мобилизованные и воспитанные для боя силы, она нанесет классовому врагу последний смертельный удар.

ВЕЛИКОЕ ВРЕМЯ *).

Цари и попы—старые владыки московского Кремля—никогда, надо полагать, не предчувствовали, что в его седых стенах соберутся представители самой революционной части современного че-

*) «Коммунистический Интернационал», 1 мая 1919 г.

ловечества. Однако это случилось. В одной из зал дома судебных установлений, где еще бродят унылые тени уголовных статей царского уложения, ныне заседают делегаты Третьего Интернационала. Поистине, крот истории недурно рыл свои ходы под кремлевскими стенами...

Эта материальная обстановка Коммунистического Конгресса лишь внешним образом выражает и запечатлевает огромные изменения, происшедшие за последние десять-двенадцать лет во всем мировом положении.

В эпоху не только Первого, но и Второго Интернационала царская Россия была главным оплотом мировой реакции. На международных социалистических конгрессах русскую революцию представляли эмигранты, к которым большинство оппортунистических вождей европейского социализма относились с ироническим снисхождением. Чиновники парламентаризма и трэд-юнионизма были исполнены несокрушимой уверенностью в том, что бедствия революции—удел полуазиатской России, тогда как Европе обеспечено постепенное, безболезненное, мирное развитие от капитализма к социализму.

Но в августе 1914 г. накопленные империалистические противоречия разорвали на куски «мирную» оболочку капитализма с его парламентаризмом, узаконенными «свободами» и легализованной проституцией, политической и всякой иной. С высот цивилизации человечество оказалось сброшенным в бездну ужасающего варварства и кровавого одичания.

Несмотря на то, что теория марксизма предвидела и предсказывала кровавую катастрофу, социал-реформистские партии оказались застигнутыми врасплох. Перспективы мирного развития превратились в дым и мусор. Оппортунистические вожди не нашли для себя другой задачи, как призвать рабочие массы на защиту буржуазного национального государства. 4 августа 1914 г. бесславно погиб Второй Интернационал.

С этого момента все истинные революционеры, наследники марксова духа, поставили своей задачей создание нового Интернационала—Интернационала непримиримой революционной борьбы против капиталистического общества. Разнузданная империализмом война вывела из равновесия весь капиталистический мир. Все вопросы обнажились, как революционные вопросы. Старые революционные штопальщики развернули все свое искусство, чтобы сохранить видимость старых надежд, старого обмана и старых организаций. Ничто не помогло. Война—не в первый раз в истории—

оказалась матерью революции. Империалистическая война оказалась матерью революции пролетарской.

Честь почина принадлежит русскому рабочему классу и его закаленной в боях коммунистической партии. Своей октябрьской революцией русский пролетариат не только открыл двери Кремля для представителей международного пролетариата, но и заложил краеугольный камень в здании Третьего Интернационала.

Революции в Германии, Австрии, Венгрии, бурный разлив советского движения и гражданской борьбы, запечатленной мученическими смертями К. Либкнехта, Р. Люксембург и многих тысяч безыменных героев, показали, что у Европы нет иных путей, чем у России. Единство методов борьбы за социализм, обнаруженное на деле, идейно обеспечило создание Коммунистического Интернационала, сделав в то же время созыв Коммунистического Конгресса неотложным.

Ныне этот Конгресс заседает в стенах Кремля. Мы являемся свидетелями и участниками одного из величайших событий мировой истории.

Рабочий класс всего мира отвоевал самую неприступную крепость—бывшую царскую Россию—у своих врагов. Опираясь на нее, он об'единяет свои силы для последнего решительного боя.

Какое счастье—жить и бороться в такое время!

В ПУТИ*).

(Мысли о ходе пролетарской революции).

I.

Когда-то церковь говорила: «Свет с Востока». В нашу эпоху с востока началась революция. Из России она перешла в Венгрию, из Венгрии в Баварию и, нет сомнения, пойдет дальше на запад Европы. Этот ход событий совершается наперекор довольно широко распространенным, будто бы, марксистским предрассудкам широких кругов интеллигенции, и не только русской.

Революция, которую мы переживаем, является пролетарской, а пролетариат сильнее в старых капиталистических странах, многочисленнее, организованнее, сознательнее. Естественно было бы, как будто, ожидать, что революция в Европе будет развиваться приблизительно по такому же пути, по которому шло развитие капитализма: Англия — перворожденная капиталистическая страна,

*) «Известия В. Ц. И. К.» от 29 апреля и 1 мая 1919 г., №№ 90 и 92.

за ней Франция, потом — Германия, Австрия и, наконец, в последнем счете — Россия.

Это представление составляло, можно сказать, исходную ошибку меньшевизма, теоретическую основу всего его дальнейшего падения. Согласно этому «марксизму», приспособленному для мелкобуржуазного кругозора, все страны в Европе должны в непреодолимой последовательности пройти две стадии: феодально-крепостническую и буржуазно-демократическую, чтобы дойти до социалистической. По Дану [40]) и Потресову [41]), Германия 1910 года только что приступала к совершению своей буржуазно-демократической революции, чтобы затем, на основе ее, подготовлять социалистическую революцию. Что собственно эти господа понимали под «социалистической революцией», этого они никогда об'яснить не могли бы. Они, впрочем, и не чувствовали потребности в подобном об'яснении, так как социалистическая революция относилась для них к потустороннему миру. Неудивительно, что она показалась им... большевистским озорством, когда они встретились с ней на исторической дороге. С точки зрения этой плоской исторической постепеновщины, чудовищной казалась самая мысль о том, что русская революция, пришедши к победе, поставит у власти пролетариат; что победоносный пролетариат, если бы и хотел, — не смог бы удержать революцию в рамках буржуазной демократии. Несмотря на то, что этот исторический прогноз был развит почти за полтора десятилетия до Октябрьской революции 1917 года, меньшевики искренно в своем роде считали завоевание пролетариатом политической власти случайностью и «авантюрой». Столь же искренно считали они советский режим продуктом отсталости и варварства русских условий. Механизм буржуазной демократии считался этими самовлюбленными идеологами полупросвещенного мещанства высшим выражением человеческой цивилизации: Учредительное Собрание они противопоставляли Советам приблизительно так же, как можно бы противопоставить автомобиль крестьянской телеге.

Однако дальнейший ход событий продолжал итти наперекор этим «здравым» общественно-необходимым предрассудкам среднего пошляка. Прежде всего в Германии, несмотря на наличность скрывающегося в Веймаре [42]) Учредительного Собрания со всеми его демократическими дарами, возникла все более крепнущая партия, сразу всосавшая в себя наиболее героические элементы пролетариата, партия, которая на своем знамени написала «власть Советам». Творческой работы шейдемановского Учредительного Собрания никто не замечает, ею никто во всем мире не интересуется.

Все внимание не только немецкого народа, но и всего человечества, сосредоточено на гигантской борьбе между правящей кликой Учредительного Собрания и революционным пролетариатом, сразу оказавшимся вне рамок легальной учредиловской «демократии».

В Венгрии и в Баварии процесс уже сейчас зашел дальше: на смену формальной демократии, которая запоздалый отпечаток вчерашнего дня превращает в тормоз для завтрашнего дня революции, там установилась подлинная реальная демократия, в виде господства победоносного пролетариата.

Но если ход событий идет совершенно не по маршруту мещанских постепеновцев, которые не только перед другими, но и перед собой долго притворялись марксистами, то, с другой стороны, самый этот ход революционного развития требует об'яснения. Факт таков, что революция началась и привела к победе пролетариата в самой отсталой из больших стран Европы — в России. Венгрия являлась, несомненно, более отсталой половиной бывшей австро-венгерской монархии, которая в целом, в смысле капиталистического да и культурно-политического развития, стояла между Россией и Германией. Бавария, где, вслед за Венгрией, установилась Советская власть, представляет собой не передовую, а, наоборот, отсталую в отношении капиталистического развития часть Германии. Таким образом пролетарская революция начала с наиболее отсталой страны Европы, и затем подвигается со ступеньки на ступеньку вверх по направлению к странам, экономически наиболее высоко развитым.

Чем об'ясняется это «несоответствие»?

Старейшей страной капиталистической Европы и всего мира является Англия. Между тем, Англия, особенно за последнее полустолетие, являлась, под углом зрения пролетарской революции, самой консервативной страной. Последовательно социал-реформисты, т.-е. такие, которые пытались сводить концы с концами, делали отсюда нужные для них выводы и утверждали, что именно Англия предуказывает путь политического развития другим странам и что в будущем весь европейский пролетариат откажется от программы социальной революции. Для марксистов же «несоответствие» между капиталистическим развитием и социалистическим движением Англии, как обусловленное временным сочетанием исторических причин, не заключало в себе ничего обескураживающего. Именно раннее вступление Англии на путь капиталистического развития и мирового хищничества создало не только для ее буржуазии, но и для части рабочего класса привилегированное положение. Островное положение Англии освобождало ее от непосредственных тягот

сухопутного милитаризма. Могущественный морской милитаризм хотя и требовал огромных расходов, но держался на немногочисленных кадрах наемников и не требовал перехода к всеобщей воинской повинности. Буржуазия искусно воспользовалась этими условиями для того, чтобы, отделив верхи рабочего класса от низов, создать аристократию «квалифицированных» и пропитать ее кастовым тред-юнионизмом. Гибкий при всем своем консерватизме, парламентарный механизм Великобритании, постоянная борьба двух исторических партий — либеральной и консервативной, — борьба временами крайне напряженная по форме, хотя и достаточно плоская по содержанию, создавали всегда в нужный момент искусственную политическую отдушину для недовольства рабочих масс. Это довершалось дьявольской ловкостью правящей буржуазной клики в деле духовной обработки и подкупа, иногда очень «утонченного», рождей рабочего класса. Таким образом, благодаря раннему капиталистическому развитию Англии, буржуазия ее получила в свое распоряжение такие средства, которые позволяли ей систематически противодействовать пролетарской революции. В самом пролетариате, точнее—в верхнем его слое, выработались в силу тех же условий в высшей степени консервативные тенденции, которые сказывались в течение десятилетий, предшествовавших мировой войне... Если марксизм учит, что классовые отношения слагаются в процессе производства и отвечают известному состоянию производственных сил; что все формы идеологии и, в первую голову, политика отвечают классовым отношениям, то это вовсе не значит, что между политикой, классовыми группировками и производством существуют простые механические отношения, которые измеряются четырьмя правилами арифметики. Взаимоотношения, наоборот, крайне сложны. Диалектически истолковывать ход развития страны, в том числе и ее революционного развития, можно лишь из взаимодействия всех материальных и надстроечных факторов, национальных и мировых, а не путем внешних сопоставлений и формальных аналогий.

Англия совершила свою буржуазную революцию в XVII столетии, Франция—в конце XVIII в. На европейском континенте Франция долго была самой передовой, самой «культурной» страной. Французские социал-патриоты еще в начале этой войны искренно верили, что вся судьба человечества вращается вокруг Парижа. Но опять-таки, именно в силу своей ранней буржуазной цивилизации, Франция развила в своем капитализме могущественные консервативные тенденции. Медленный, органический рост капитализма не разрушал механически, а тащил за собой французское ремесло,

сдвигая его только на другие позиции, отводя ему все более подчиненную роль. Продажа революцией с молотка феодальных земель крестьянству создала крайне живучую, цепкую, упорную, мелкобуржуазную французскую деревню. Буржуазная по своим предельным целям и результатам Великая Французская революция XVIII в. была в то же время глубоко национальной—в том смысле, что собрала вокруг себя большинство нации и прежде всего ее творческие классы. Эта революция на пять четвертей столетия связала общими воспоминаниями и традициями значительную часть французского рабочего класса с левыми элементами буржуазной демократии. Жорес [43]) был величайшим и последним представителем этой консервативной идеологической связи. В этих условиях политическая атмосфера Франции не могла не заражать широкие, особенно полуремесленные слои французского пролетариата, мелко-буржуазными иллюзиями. С другой стороны, именно богатое революционное прошлое делало французский пролетариат склонным подводить с буржуазией счеты на баррикадах. Теоретически неясный, но практически крайне напряженный характер классовой борьбы держал французскую буржуазию настороже и заставил ее рано перейти к экспорту финансового капитала. С одной стороны, обольщая народные массы, и в том числе рабочих, драматической игрой антидинастических, антиклерикальных, республиканских, радикальных и прочих тенденций, французская буржуазия использовала, с другой стороны, преимущество своего раннего происхождения и положение мировой ростовщицы, чтобы задерживать в самой Франции рост новых, революционизирующих форм индустриализма. Только анализ экономических и политических условий развития Франции, притом не только национальных, но и мировых, может об'яснить, почему после героической вспышки Парижской Коммуны пролетариат Франции, раздробленный между группами и сектами, анархическими на одном крыле, поссибилистскими [44]) — на другом, оказался неспособным к открытому революционному классовому действию, к прямой борьбе за государственную власть.

Для Германии период могущественного капиталистического расцвета начался после победоносных войн 1864—66—71 г.г. [45]). Почва национального единства, орошенная золотым дождем французских миллиардов, стал почвой блестящего грюндерства нескончаемой спекуляции, но также и небывалого технического развития. В отличие от французского, рабочий класс Германии рос с чрезвычайной быстротой, и главнейшая доля его энергии уходила на то, чтобы собрать, сплотить, организовать свои собственные ряды. В своем

неудержимом под'еме рабочий класс Германии испытывал огромное удовлетворение, подсчитывая свои автоматически возрастающие силы на бюллетенях парламентских выборов или в кассовых отчетах профессиональных союзов. Победоносная конкуренция Германии на мировом рынке создавала столь же благоприятные условия для роста этих последних, как и для несомненного улучшения положения части рабочего класса. В этих условиях германская социал-демократия стала живым—потом все более и более мертвым—воплощением организационного фетишизма. Вросши корнями в национальное государство и в национальную промышленность, приспособившись ко всей сложности и запутанности немецких социально-политических отношений, представлявших сочетание новейшего капитализма с средневековым варварством, германская социал-демократия вместе с руководимыми ею профессиональными союзами стала, в конце концов, самой контр-революционной силой европейского политического развития. На опасность такого перерождения германской социал-демократии марксисты указывали давно, хотя, нужно признать, никто не предвидел, что процесс примет, в конце концов, такой катастрофический характер. Только свалив с себя мертвый груз старой партии, передовой германский пролетариат выступил ныне на путь открытой борьбы за политическую власть.

О развитии Австро-Венгрии, под интересующим нас углом зрения, нельзя сказать ничего такого, что в более яркой форме не относилось бы и к развитию России. Запоздалое развитие русского капитализма сразу сообщило ему крайне концентрированный характер. Когда Кноп [46]) в 40-х годах прошлого столетия основывал в Московском центре английские текстильные фабрики, или когда бельгийцы, французы и американцы переносили в девственные степи Украины и Новороссии колоссальные металлургические предприятия, построенные по последнему слову европейской или американской техники, они не справлялись в учебниках, надлежит ли им подождать, пока русское ремесло разовьется в мануфактуру, а мануфактура приведет нас к крупной фабрике. На этой почве, т.-е. на почве дурно переваренных экономических учебников, возник когда-то знаменитый, по существу же ребяческий, спор об «естественности» или «искусственности» [47]) русского капитализма. Если шаблонизировать Маркса и рассматривать английский капитализм не как исходный исторический момент капиталистического развития, а как его общеобязательный трафарет, то русский капитализм представится искусственным, насажденным извне. Если же рассматривать капитализм в духе действительного Марксова учения, т.-е. как экономический процесс, который развил сперва типическую нацио-

нальную форму, который затем перерос национальные рамки, развил мировые связи и для подчинения себе отсталых стран не видит никакой необходимости возвращаться к орудиям и приемам времени своего детства, а пользуется последним словом технологии, капиталистической эксплоатации и политического шантажа,—то развитие русского капитализма со всеми его особенностями представится вполне «естественным», как необходимая составная часть мирового капиталистического процесса.

Это относится не к одной только России. Железные дороги, которые пересекли Австралию, не выросли «естественно» из условий жизни ни австралийских дикарей, ни тех первых поколений уголовных преступников, которые выбрасывались в Австралию великодушной английской метрополией, начиная с эпохи Великой Французской революции. Капиталистическое развитие Австралии естественно только под углом зрения исторического процесса, взятого в его мировом масштабе. Но в ином, национальном, захолустном масштабе, вообще, нельзя рассматривать ни одно из крупных социальных явлений нашей эпохи.

Именно потому, что русская крупная промышленность нарушила «естественную» преемственность национального хозяйственного развития, совершив гигантский экономический скачек через переходные эпохи, она тем самым подготовила не только возможность, но и неизбежность пролетарского скачка через эпоху буржуазной демократии.

Идеолог демократии, Жорес, изображал ее, как верховный трибунал нации над борющимися классами. Так как, однако, борющиеся классы,—капиталистическая буржуазия и пролетариат,—составляют не только формальные полюсы нации, но и ее главные, решающие элементы, то на долю верховного трибунала, или, точнее, третейского судьи, остаются лишь элементы промежуточные—мелкая буржуазия, увенчиваемая демократической интеллигенцией. Во Франции, с ее вековой историей ремесла и ремесленной городской культуры, с ее борьбой городских коммун, с дальнейшими революционными боями буржуазной демократии, наконец, с консерватизмом мелко-буржуазного уклада, демократическая идеология еще до последнего времени сохраняла под собой известную историческую почву. Пламенный защитник интересов пролетариата, глубоко преданный социализму, Жорес, выступил против империализма, как трибун демократической нации. Империализм, однако, достаточно убедительно показал, что он сильнее «демократической нации», политическую волю которой он так легко фальсифицирует при помощи парламентарного механизма. В июле 1914 года импе-

риалистическая олигархия перешагнула чрез труп трибуна к войне, а в марте 1919 года она официально оправдала через «верховный трибунал» демократической нации убийцу Жореса, нанеся тем самым смертельный удар последним демократическим иллюзиям французского рабочего класса...

В России эти иллюзии с самого начала не имели ни под собой, ни за собой никакой опоры. При тяжеловесной медленности своего скудного развития наша страна не успела создать городской ремесленной культуры. Мещанство уездного города Окурова [48]) способно не только на погромы, чего в одно время так испугался Горький; но оно, нет сомнения, неспособно к самостоятельной демократической роли. Именно потому, что развитие Англии шло «по Марксу», по тому же Марксу развитие России должно было пойти совершенно отличными путями. Взрощенный под давлением иностранного финансового капитала и на помочах иностранной техники русский капитализм сформировал в течение нескольких десятилетий многомиллионный рабочий класс, который острым клином врезался в среду общеполитического российского варварства. Без тяжеловесных традиций прошлого за спиной, русский пролетариат получил, в отличие от пролетариата Западной Европы, не только черты некультурности, невежества,—на что не уставали тыкать пальцами полуобразованные отечественные мещане,—но и черты подвижности, инициативы и восприимчивость к самым крайним выводам из своего классового положения. Если хозяйственная отсталость России обусловливала порывистое «катастрофальное» развитие капитализма, получившего сразу наиболее концентрированный в Европе характер, то та же общая отсталость страны при порывистом, «катастрофальном» развитии русского пролетариата позволила ему стать, разумеется, только на протяжении известного исторического периода, наиболее непримиримым, наиболее самоотверженным носителем идей социальной революции в Европе и во всем мире.

II.

Капиталистическое производство в своем «естественном» развитии есть расширенное воспроизводство. Техника повышается, количество материальных благ возрастает, масса населения пролетаризуется. Расширяющееся капиталистическое производство углубляет капиталистические противоречия. Пролетариат численно возрастает, составляет все большую часть населения страны, организуется, воспитывается и образует, таким образом, все возрастающую силу. Но это вовсе не значит, что его классовый враг—буржуазия—стоит

на одном месте. Наоборот, расширяющееся капиталистическое производство предполагает одновременный рост экономического и политического могущества крупной буржуазии. В ее руках не только скопляются колоссальные богатства, но и сосредоточивается государственный аппарат управления, который она со все возрастающим искусством подчиняет своим целям, чередуя беспощадную свирепость с демократическим оппортунизмом. Империалистический капитал тем легче мирится с формами демократии, чем грубее и непреодолимее становится экономическая зависимость мелко-буржуазных слоев населения от крупного капитала: из этой экономической зависимости буржуазия путем всеобщего избирательного права извлекает зависимость политическую.

Механическое представление о социальной революции сводит исторический процесс к непрерывному возрастанию численности пролетариата и к нарастанию его организационной мощи вплоть до того момента, когда составляющий «подавляющее большинство населения страны» пролетариат, без боя или почти без боя, перенимает в свои руки механизм буржуазного хозяйства и государства, как созревший плод. На деле же возрастание производственной роли пролетариата идет параллельно с возрастанием могущества буржуазии. Организационное сплочение и политическое воспитание пролетариата побуждают, в свою очередь, буржуазию совершенствовать аппарат своего господства и поднимать против пролетариата все новые слои населения, в том числе и так называемое новое среднее сословие, т.-е. профессиональную интеллигенцию, играющую в механике капиталистического хозяйства виднейшую роль. Оба врага усиливаются одновременно.

Чем капиталистически могущественнее страна, тем—при прочих равных условиях—тяжеловеснее инерция «мирных» классовых отношений, тем более могущественный толчек необходим для того, чтобы выбить оба враждебные класса—пролетариат и буржуазию—из состояния относительного равновесия и превратить классовую борьбу в открытую гражданскую войну. Раз возгоревшись, гражданская война — при прочих равных условиях — будет тем более ожесточенной и упорной, чем выше достигнутая страной ступень капиталистического развития, чем сильнее и организованнее оба врага, чем большим количеством материальных и идейных рессурсов они располагают.

Господствовавшие во Втором Интернационале представления о пролетарской революции не выбивались, в сущности, из рамок самодовлеющего национального капитализма. Англия, Германия, Франция, Россия рассматривались, как самостоятельные миры,

движущиеся по одной и той же орбите к социализму и находящиеся на разных этапах этого пути. Час пришествия социализма наступает тогда, когда капитализм достигает предельной зрелости и тем самым вынуждает буржуазию уступить свое место пролетариату, как социалистическому строителю. Национально-ограниченное представление о капиталистическом развитии является теоретической и психологической основой социал-патриотизма: социалисты каждой страны считают себя обязанными защищать национальное государство, как естественную самодовлеющую основу социалистического развития.

Но это представление в корне ложно и глубоко реакционно. Став мировым, капиталистическое развитие тем самым оборвало нити, которые в прошлую эпоху связывали судьбу социальной революции с судьбой той или иной более развитой капиталистической страны. Чем более капитализм связывал страны всего мира в один сложный организм, тем более социальная революция не только в смысле своих общих судеб, но и в смысле момента своего возникновения попадала в зависимость от развития империализма, как мирового фактора, и, прежде всего, тех военных столкновений, которые он должен был неизбежно вызвать, и которые, в свою очередь, должны были в самом корне потрясти равновесие капиталистического порядка.

Великая империалистская война явилась тем страшным орудием, при помощи которого история нарушила «органический», «эволюционный», «мирный» характер капиталистического развития. Выросший из капиталистического развития в целом и в то же время выступавший перед национальным сознанием каждой отдельной капиталистической страны, как внешний фактор, империализм как бы скинул со счетов разницу уровней, достигнутых развитием отдельных капиталистических стран. Они все оказались одновременно вовлеченными в империалистическую войну *), их производственные основы, их классовые отношения оказались одновре-

---

*) Тезисы для каутскианской диссертации: Россия «преждевременно» вмешалась в империалистическую войну. Ей «надлежало» оставаться в стороне и развивать свои производительные силы на основе национального капитализма. Это дало бы возможность социальным отношениям «созреть» для социальной революции. Пролетариат мог бы притти к господству в рамках демократии. И проч., и проч.

Каутский состоял в начале революции комиссаром при Гогенцоллернском министре иностранных дел. Как жаль, что Каутский не состоял комиссаром при Господе Боге, когда тот предопределял пути капиталистического развития.

менно потрясены. При этом условии из состояния неустойчивого капиталистического равновесия прежде всего были выбиты те страны, у которых внутренняя социальная энергия была слабее, т.-е как раз страны с более молодым капиталистическим развитием.

Здесь сама собой напрашивается аналогия между возникновением империалистической войны и войной гражданской. За 2 года до великой мировой войны вспыхнула балканская война. Одни и те же в основе своей силы и тенденции работали как на Балканах, так и в остальной Европе. Эти силы упорно вели капиталистическое человечество к кровавой катастрофе. Но в великих империалистических странах была также и могущественная инерция сопротивления как во внутренних отношениях, так и в международных. Империализму оказалось легче двинуть на войну Балканы именно потому, что там более мелкие, более слабые государства с более низким уровнем капиталистического и культурного развития, — стало быть, с меньшей инерцией «мирного» развития.

Возникшая вследствие подземных толчков не балканского, а европейского империализма, как прямая предвестница мировой свалки, балканская война получила, однако, для известного периода самостоятельное значение. Ее ход и непосредственный исход были обусловлены рессурсами и силами, какие имелись на самом Балканском полуострове. Отсюда короткая, сравнительно, длительность балканской войны. Чтобы достигнуть соразмерения национальных капиталистических сил на бедном полуострове, оказалось достаточно нескольких месяцев. Раньше возникнув, балканская война легче нашла свое разрешение. Мировая война возникла позже именно потому, что каждый из врагов со страхом заглядывал на дно той пропасти, куда его влек разнузданный классовый интерес. Необычайно возросшее могущество Германии, противоставшее старому могуществу Великобритании, составляло, как известно, историческую пружину войны, но это же могущество долго удерживало врагов от разрыва. А когда война разразилась, то могущество обоих лагерей обусловило длительный и ожесточенный характер ее.

Империалистическая война, в свою очередь, толкнула пролетариат на путь гражданской войны. И здесь мы наблюдаем аналогичный порядок: страны более молодой капиталистической культуры первыми вступают на путь гражданской войны, так как именно в этих странах легче нарушается неустойчивое равновесие классовых сил.

Таковы общие причины того, на первый взгляд необ'яснимого, явления, что в противоположность направлению развития капитализма с запада на восток, пролетарская революция развивается с востока на запад. Но так как мы имеем перед собой сложнейший процесс, то естественно, что на указанных основных причинах вырастают многочисленные второстепенные, из которых одни усиливают и обостряют действия главных факторов, другие ослабляют его.

В развитии русского капитализма руководящую роль играл европейский финансовый и промышленный капитал, в частности и в особенности—французский [49]). Выше уже было отмечено, что французская буржуазия в развитии своего ростовщического империализма руководилась не только экономическими, но и политическими соображениями: опасаясь роста численности и сил французского пролетариата, французская буржуазия предпочитала экспортировать свои капиталы и снимать барыши с русских промышленных предприятий; задача обуздания русских рабочих ложилась при этом на русского царя. Таким образом экономическое могущество французской буржуазии опиралось непосредственно и на труд русского пролетариата. Это создавало известный плюс силы на стороне французской буржуазии в ее взаимоотношениях с французским пролетариатом и, наоборот, тот же самый факт порождал известную прибавочную социальную силу на стороне русского пролетариата в его отношении к русской (но не мировой) буржуазии. Только что сказанное относится по существу ко всем старым капиталистическим странам, экспортирующим капитал. Социальное могущество английской буржуазии опирается на эксплоатацию не только английского пролетариата, но и трудовых масс в колониях. Это не только делает буржуазию богаче, социально могущественнее, но и обеспечивает за ней возможность более широкого политического маневрирования как путем довольно далеко идущих уступок пролетариату, так и посредством давления на свой национальный пролетариат через посредство колоний (ввоз сырых материалов и рабочей силы, перенесение промышленных предприятий в колонии, колониальные войска и пр. и пр.).

Ввиду указанных взаимоотношений, наша октябрьская революция была восстанием не только против русской буржуазии, но и против английского и французского капитала, и притом не в обще-историческом смысле,—как начало революции европейской,—но в самом прямом и непосредственном смысле. Экспроприируя капиталистов и отказываясь выплачивать государственные долги,

русский пролетариат тем самым наносил жесточайший удар социальному могуществу европейской буржуазии. Этим одним достаточно об'ясняется неизбежность контр-революционного вмешательства империалистов Согласия. С другой стороны, самое вмешательство становилось возможным именно потому, что русский пролетариат оказался поставленным историей в положение необходимости совершить свою революцию раньше, чем ее могли совершить старшие, более могущественные, европейские братья. Отсюда те величайшие трудности, какие приходится преодолевать ставшему у власти русскому пролетариату.

Социал-демократические филистеры пытались отсюда делать тот вывод, что в октябре не надо было выходить на улицу. Бесспорно, для нас было бы гораздо «экономнее» начать нашу революцию после английской, французской и германской. Но, во-первых, история вовсе не предоставляет на этот счет революционному классу свободы выбора и никем еще не было доказано, что русскому пролетариату обеспечен экономный характер революции. Во-вторых, самый вопрос о революционной «экономии» сил приходится рассматривать не в национальном, а в мировом масштабе. Инициатива революции именно в силу всего предшествовавшего развития, как мы видели выше, оказалась возложенной не на старый пролетариат с могущественными политическими и профессиональными организациями, с тяжеловесными традициями парламентаризма и тред-юнионизма, а на молодой пролетариат отсталой страны. История пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь. Те чрезвычайные, поистине, сверхчеловеческие трудности, какие при этом обрушились на русский пролетариат, подготовили, ускорили и в известной степени облегчили революционную работу западно-европейского пролетариата, которая еще впереди.

В нашем анализе нет ничего «мессианистического». Революционное «первородство» русского пролетариата является лишь временным. Чем могущественнее оппортунистический консерватизм верхов германского, французского или английского пролетариата, тем грандиознее будет та сила революционного натиска, который разовьет пролетариат этих стран, которую он ныне уже развивает в Германии. Диктатура русского рабочего класса сможет окончательно упрочиться и развернуться в подлинное всестороннее социалистическое строительство только с того момента, когда европейский рабочий класс освободит нас от экономического и особенно военного гнета европейской буржуазии и, свергнув ее, придет нам на помощь своей организацией и своею техникой. Вместе с тем, революционно-руко-

водящая роль будет переходить к рабочему классу более высокого экономического и организационного могущества. Если сегодня центром Третьего Интернационала является Москва, то — мы в этом глубоко убеждены — завтра этот центр передвинется на запад: в Берлин, Париж, Лондон. Как ни радостно приветствовал русский пролетариат представителей мирового рабочего класса в стенах Кремля, но с еще большей радостью пошлет он своих представителей на второй с'езд Коммунистического Интернационала в один из западно-европейских центров. Ибо международный коммунистический конгресс в Берлине или Париже будет означать полное торжество пролетарской революции в Европе, а, стало быть, и во всем мире.

ФРАНЦУЗСКИЙ СОЦИАЛИЗМ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Внутреннее положение во Франции полно глубочайших противоречий. Эти противоречия кажутся подчас даже загадочными: мы слишком мало получаем сведений, чтобы разобраться во всех зигзагах внутреннего развития Франции. В течение последних недель радио приносили нам вести о стачках, демонстрациях, волнениях, о нарастающем революционном прибое. В то же время последние радиограммы сообщают о полной победе империалистской реакции на парламентских выборах [50]). Явное противоречие на первый взгляд! А между тем, это противоречие как нельзя лучше об'ясняется теорией коммунизма (марксизма) и как нельзя ярче подтверждает ее правильность.

Парламентаризм — оружие буржуазного господства. Парламентаризм тем более оказывается пережившим себя, чем глубже мы входим в эпоху пролетарской революции. По мере того, как рабочее движение во Франции принимает форму первых этапов гражданской войны, средства и орудия парламентаризма все открытее становятся достоянием капиталистических клик, аппаратом их классовой самообороны.

Победа клемансистской реакции на выборах — не опровержение близости пролетарской революции во Франции, а, наоборот, самое яркое ее подтверждение. Вместе с тем эти дополняющие друг друга контрасты: рост реакции в парламенте, рост восстания на улице, — являются неопровержимым доказательством того, что во Франции, в стране так называемой «демократической республики», господство пролетариата осуществится не через посредство меха-

низма буржуазной демократии, а в форме открытой классовой диктатуры, тем более беспощадной, чем неистовее будет сопротивление победоносной империалистской буржуазии.

* * *

В какой мере революционная Франция политически и организационно подготовлена к пролетарской диктатуре? *).

Необходимо сразу признать огромные трудности, которые предстоит в этом отношении преодолеть. Франция была искони страной социалистических и анархических сект, враждовавших между собой на поле рабочего движения. Единство социалистической партии было достигнуто и обеспечено после жесточайших междоусобий всего лишь за несколько лет до империалистской войны. И правый фланг и левый одинаково дорожили этим единством. Между тем, на опыте войны обнаружилось, что французская партия, как и французские синдикаты (профессиональные союзы), насквозь разъедена соглашательством, шовинизмом и всеми реакционными мелко-буржуазными предрассудками, какие только существуют на свете.

Французский пролетариат имеет славное революционное прошлое. Он одарен от природы и от истории превосходным боевым темпераментом. Но в то же время он знал слишком много поражений, разочарований, измен и предательств. Единство социалистической партии и синдикальной организации было его последней великой надеждой до войны. Крушение этой надежды болезненно отозвалось на сознании передовых рабочих и привело пролетарское движение Франции к длительному параличу. И сейчас, когда свежие, политически еще мало искушенные массы напирают на устои буржуазного общества, несоответствие между старой организацией и об'ективными задачами движения обнаруживается во всей своей силе. Отсюда вытекает не только вероятность, но неизбежность могущественных массовых движений прежде, чем новая организация окажется подготовленной для руководства ими.

Совершенно очевидна необходимость заблаговременно создавать опорные организационные пункты на местах, обладающие всей необходимой самостоятельностью, не связанные дисциплиной старых политических или профессиональных организаций, способные в

---

*) Мы пользуемся в дальнейшем полученной нами пачкой революционно-синдикалистского еженедельника «La Vie Ouvrière» за июнь—сентябрь. Во главе этой газеты стоят наши французские друзья Монат [51]) и Росмер [52]), ни минуты не опускавшие своего знамени в эпоху величайшего распада и ренегатства так называемых «вождей».

любой момент стать во главе движения. Наши французские товарищи этим именно и поглощены. Если в первое время революционные группировки окажутся слишком слабыми для подлинного руководства движением, то они затем, после первого революционного прибоя, быстро пополнятся, усилятся, укрепятся в самой борьбе.

Насколько можно судить издалека, в этой двойной задаче — строить организацию почти заново и в то же время руководить быстро развертывающимся движением масс — и состоит главная трудность революционной работы во Франции в настоящий момент.

«Стачки вспыхивают, — говорит мужественный революционный синдикалист Монат, — со всех сторон». А внутренняя несостоятельность «не позволяет Всеобщей Конфедерации Труда руководить ими». Нужен новый аппарат. Но движения нельзя отсрочить до того момента, когда будет создана необходимая организация руководства. С другой стороны, стихийно возникающие стачки, которые имеют тенденцию превратиться в решающие революционные события, не могут привести к победе без подлинной революционной организации, такой, которая не лжет пролетариату, не обманывает его, не прячется от него, не пускает ему пыли в глаза, не предает его за кулисами парламентаризма или экономического соглашательства, а непреклонно ведет до конца. Такую организацию еще только нужно создать. «Куда мы идем? От недовольства к недовольству, от забастовки к забастовке, от стачки полуэкономической, полуполитической к стачке чисто политического характера. Идем прямо к низвержению буржуазии, то-есть к революции. Недовольные массы большими шагами продвигаются по этому пути». Так пишет газета Моната и Росмера («La Vie Ouvrière»).

Задача революционных представителей французского пролетариата состоит в том, чтобы с центральным ядром коммунистов (как социалистического, так и синдикалистского происхождения), хотя бы и небольшим по численности, но ясно сознающим цели движения, тесно связать всех тех новых вождей, которые выдвигаются в процессе стачек, демонстраций и всех вообще проявлений подлинного массового движения. Задача состоит в том, чтобы, не пугаясь трудностей, брать на себя уже сейчас руководство стихийно возникающим движением и укреплять на этой почве собственную организацию как аппарат прямого восстания пролетариата.

Это предполагает, в свою очередь, полный разрыв с дисциплиной контр-революционных организаций, какими по существу, т.-е.

в отношении основной задачи движения, являются партия Реноделя [53]) - Лонгэ [54]) и синдикаты Жуо [55]) *) - Мергейма [56]) **).

Если 21 июля [57]), когда была назначена стачка протеста против вмешательства Антанты в русские дела, рабочие массы откликнулись очень скупо, то винить в этом приходится не их. В течение нескольких последних лет рабочих вообще, а французских в особенности, обманывали с таким напряжением, с такой дьявольской изобретательностью и с такими трагическими последствиями, как никогда. Те вожди, которые заученными фразами звали рабочих к борьбе против капитала, осенью 1914 года открыто надели на себя в большинстве своем ливрею империализма. Официальные организации синдикатов и партии, с которыми передовые рабочие привыкли связывать идею освобождения, стали орудием капитала. Этот факт не только создал для рабочего класса невероятные организационные затруднения, но и стал причиной глубокой идейной катастрофы, от которой тем труднее оправиться, чем большую роль играла старая организация в жизни передовых слоев пролетариата.

Рабочий класс героически стремится ныне подняться после падения, выпрямиться после удара. Отсюда небывалый приток в синдикаты. Но в то же время идейно обезоруженный, политически растерянный рабочий класс с трудом вырабатывает себе новую ориентацию. И этот труд не облегчается, а до последней степени затрудняется, если революционные вожди слишком долго задерживаются на переходной позиции, не выступают пред массой с необходимой самостоятельностью и решительностью, а стушевываются на основном фоне старой партийной и синдикальной организации.

Чем бы ни вызывалось сохранение единства старой организации, революционная масса недоумевает, когда те, которые ее призывают к революции, продолжают оставаться за одним столом с теми, которые ее обманывали и особенно тяжко и позорно предали во время войны. Революционной массе дорого ее собственное единство в борьбе, но вряд ли ей легко понять единство революционных борцов с кликой Жуо-Мергейма и Реноделя-Лонгэ ***).

* *
*

*) Жуо—главный секретарь Всеобщей Конфедерации Труда (т.-е. Центрального Совета Профсоюзов); бывший революционный синдикалист, антимилитарист, с 1914 г.—ренегат, патриот.

**) Мергейм—секретарь синдиката (профсоюза) металлистов, в начале войны — правый циммервальдец, ныне — собрат Жуо.

***) Ренодель—вождь бывшего большинства французской социалистической партии, крайний патриот; Лонгэ — вождь бывшей оппозиции в партии, «умеренный» патриот, голосовавший, однако, за военные кредиты. Ныне фракция Лонгэ господствует в партии. (Писано в 1919 г.)

В условиях настоящей эпохи лозунг сохранения единства вытекает из психологии официальных руководителей организаций, председателей, секретарей, парламентариев, редакторов, вообще чиновников старого аппарата синдикальной и парламентской рабочей демократии, которые чувствуют, как почва у них уплывает из-под ног. Пролетариат же может ныне либо окончательно разложиться, дробясь и выделяя из себя на верхах привилегированных нахлебников торжествующего империализма, либо сплотиться в восстании против капитала. Рабочему классу нужно единство его революционной борьбы, его классового восстания, между тем, единство переживших себя организаций чем дальше, тем больше стоит поперек дороги единству революционного воостания пролетариата. Выбитым войной из равновесия массам нужны теперь более, чем когда-либо, ясные идеи, отчетливые лозунги, прямая дорога, непреклонные руководители. Между тем, тактика, основанная на сохранении единства старых организаций, порождает карикатурный парламентаризм внутри рабочих организаций со старыми правлениями—как бы «министерствами», с оппозицией, с сохранением уставной законности, с официальными запросами, вотумами доверия и пр. и пр. Коммунистическая оппозиция, связывающая себя с соглашателями единством организации, ставит себя тем самым в основных вопросах в зависимость от воли соглашательского большинства и расходует свою энергию на приспособление к синдикальному и партийному «парламентаризму». Мелкие факты и инциденты внутренней организационной борьбы получают при этом непропорциональное значение за счет основных вопросов революционного движения масс.

* * *

Карикатурный «парламентаризм» внутри рабочих организаций влечет за собой дальнейшие последствия. Секретари и председатели, министры-социалисты, журналисты и депутаты обвиняют оппозицию в том, что она стремится захватить их кресла и портфели. Оппозиция оправдывается и расписывается нередко в «уважении» к деятелям противной стороны, старательно подчеркивая, что ведет борьбу против «принципов», но не против «лиц». Это ведет, в свою очередь, к упрочению соглашателей на занимаемых ими постах.

В «La Vie Ouvrière» от 24 сентября по поводу конгресса союза металлистов говорится, что вотум доверия был дан не политике соглашательского правления, а явился выражением личного доверия и личных симпатий к секретарям. Другими словами, это был вотум мещанского сантиментализма, а не мужественной классовой поли-

тики. Т. Керен убедительно доказывает в своей статье, что сами голосовавшие, и особенно стоящие за ними массы, духом своим целиком со сторонниками III Интернационала. Если они тем не менее голосовали за резолюцию доверия правлению, то только потому, что сознание их убаюкивается ложными рассуждениями о необходимости борьбы против идей, а не против лиц. Ведь своей резолюцией доверия Мергейму они оставили на ответственном месте человека, который проводит идеи оппортунизма, соглашательства, прислужничества капиталу.

На конгрессе работников почты и телеграфа соглашательская политика правления была одобрена 197 голосами против 23, при 7 воздержавшихся. Член правления, интернационалист Виктор Ру (Roux) пишет, что значительное число конгрессистов просто относилось с личной симпатией к секретарю союза, соглашателю Бордересу (Borderes), которого моральная ценность-де неоспорима. «Я сам признаю, — говорит автор, — что он оказал огромные услуги организации в трудные времена...» и пр. и пр. («La Vie Ouvrière», 15 сентября).

Жуо, Ренодель, Лонгэ, Мергейм и все им подобные, независимо от оказанных ими в прошлом «услуг», чувствуют себя ныне составной частью буржуазного строя и являются на деле его важнейшей опорой. По всему смыслу своей деятельности они заинтересованы в том, чтобы представить рабочему классу любую уступку буржуазии в преувеличенном виде, ибо это ведь плоды их классовой дипломатии. Критикуя капитализм, они прихорашивают его, и последний их вывод, после всех ораторских упражнений, сводится к необходимости приспособления, т. е. подчинения господству капитала.

Основное преступление верхов правительственного синдикализма Альфред Росмер вполне правильно видит в том, что вожаки его «заменяли прямое действие рабочего класса ходатайствами пред правительством». Этой контр-революционной тактики нельзя, однако, изменить «ходатайствами» пред социал-империалистами профессионального и политического движения. В то время, как Жуо, Ренодель, Мергейм и Лонгэ занимаются убеждением капиталистов и буржуазных депутатов в необходимости уступок рабочему классу, подлинные представители этого последнего не могут расходовать своего времени на убеждения Реноделя и Лонгэ в необходимости революционной борьбы. Чтобы сбросить с своей шеи капиталистов и буржуазных депутатов, рабочему классу нужно выкинуть из своей организации Реноделей и Лонгэ.

Борьба против них должна вестись не в форме семейной перепалки, академической дискуссии, а в таком виде, чтобы она соответ-

ствовала глубине самого вопроса, чтобы пропасть, отделяющая нас от социал-империалистов, представилась сознанию масс во всей своей неизмеримости.

Наша задача состоит в том, чтобы использовать до конца потрясающие уроки империалистской войны. Мы должны провести в сознание масс опыт последнего периода и заставить их понять, что в рамках капитализма дальнейшее существование для них невозможно. Мы должны пробужденную ненависть масс к капиталу, капиталистам, капиталистическому государству, его органам, довести до высшего революционного напряжения. Мы должны сделать ненавистными в глазах массы не только капиталистов, но и всех тех, кто защищает капитализм, кто замаскировывает его язвы, кто смягчает его преступления.

«Массы будут отныне знать,—пишет Монат после неудачного выступления 21 июня, — что нельзя более колебаться и обольщать себя ложными надеждами, и что они должны беспощадно очистить личный состав синдикатов» («La Vie Ouvrière», от 25 июня).

Борьба против ложных принципов неизбежно означает в политике борьбу против людей, которые эти принципы олицетворяют. Возрождение рабочего движения означает изгнание из его среды всех тех, которые опорочили себя изменой, предательством, которые подорвали в рабочей массе веру в революционные лозунги, т.-е. в ее собственную силу. Снисходительность, сентиментальность и мягкость оплачиваются в такого рода вопросах ценою кровных интересов пролетариата. Пробужденные массы требуют, чтобы говорили громко, чтобы вещи назывались своими именами, чтобы в политике не было неопределенных полутонов, а ясные, отчетливые водоразделы, чтобы изменники подвергались бойкоту и травле, чтобы место их заняли беззаветно преданные делу революционеры.

Т. Луиза Сомоно [58]) (Saumoneau) *) рисует следующую картину борьбы за влияние идей III Интернационала во время нынешней избирательной кампании: «Пропаганду, которая должна развернуться как внутри организаций, так и вне их, в массах, мы легче всегда поведем на больших публичных избирательных собраниях... Сопротивление против революционного Интернационала имеет свою главную опору в старых кадрах, которые так плохо умели руководить кораблем нашей партии во время войны. Великое усилие труда

*) Т. Сомоно ведет неутомимую агитицию идей III Интернационала; вместе с т. Лорио [52]) стоит во главе коммунистов партийно-социалистического, а не синдикалистского происхождения. Между коммунистами-синдикалистами и коммунистами-социалистами тесная связь. Лорио и Сомоно сотрудничают в «La Vie Ouvrière».

и воли должны сделать наши молодые товарищи, полные пламени и революционного рвения, чтобы приобрести некоторые практические навыки и познания, необходимые для хорошего функционирования организаций. Эти познания достаточно легко усваиваются, а между тем в нынешних условиях борьбы они служат прикрытием для всяких ничтожеств и обеспечивают в наших организациях гибельное влияние высохших живых мертвецов. Нужно, чтобы повсюду молодые силы воодушевляли революционный класс, поднявшийся за дело III Интернационала, нужно, чтобы они повсюду утвердились и заменили, хотя бы и опрокидывая их вниз головой,—всех тех, которые отягчены четырьмя годами отречения от социалистической жизни»... Из этих слов совершенно ясно видно полное понимание необходимости, борясь против реакционных идей, опрокидывать вниз головою людей, которые воплощают застой и смерть революционного движения.

* * *

Обанкротившиеся «вожди» социализма и синдикализма, вчерашние революционеры фразы, сегодняшние смиренные капитулянты, винят в своем ренегатстве не себя, а... пролетариат.

Бидегарре (Bidégarrey), секретарь федерации железнодорожников, на лионском конгрессе обвинял во всем происшедшем рабочие массы. «Правда, численный состав союзов возрос. Но среди синдицированных слишком мало синдикалистов (т.-е. сознательных революционеров). Люди заботятся только о своих непосредственных интересах. Всякий человек, — философствует Бидегарре, — имеет в себе маленькую свинью, которая дремлет».

Ружи, лиможский делегат, точно так же обвиняет во всем пролетариат. Это его вина. «Масса недостаточно просвещена. Она пришла в союз только ради увеличения заработной платы».

Мергейм, секретарь металлистов, хвалится с трибуны своей «спокойной совестью». Он, видите ли, шел в Циммервальд, как на вне-синдикальное предприятие. Это было, так сказать, маленькое пацифистское паломничество, для очистки совести. Он, Мергейм, боролся. Но он не мог пробудить масс. «Нет, не я предал рабочий класс, рабочий класс предал меня». Буквально!

Синдикалист Дюмулен (Dumoulin) [60]), «честный» ренегат типа Мергейма, в начале войны циммервальдец, а ныне достойный соратник генерального секретаря Жуо, заявлял на турском конгрессе учителей, что Франция не готова для революции: масса еще «не созрела». Мало того, Дюмулен обрушился даже на интернационалистов-учителей, обвиняя их... в отсталости пролетариата, — как

будто воспитание трудящихся масс создается жалкой буржуазной школой для детей пролетариата, а не могущественной школой жизни, воздействием патронов (хозяев), администрации, церкви, буржуазной печати, парламентариев и «дурных пастырей» синдикализма.

Ренегаты и дошедшие до полного падения трусы и скептики повторяют эту фразу без конца: «массы не созрели». Какой отсюда вывод? Только один: отказ от социализма, и отказ не временный, а полный. Ибо если массы, прошедшие долгую подготовительную школу политической и синдикальной борьбы, прошедшие затем школу четырехлетней бойни, не созрели для революции, то когда же и как они созреют? Не думают ли Мергейм и другие, что победоносный Клемансо создаст в стенах капиталистического государства сеть академий социалистического воспитания масс? Если капитализм воспроизводит из поколения в поколение цепи наемного рабства, то пролетариат в глубоких своих толщах несет с собой из поколения в поколение тьму и невежество. Если бы пролетарские массы могли достигнуть высокого духовного расцвета при капитализме, то капитализм не был бы так плох и не было бы нужды в социальной революции. Именно потому пролетариату необходима революция, что капитализм держит его в духовной кабале. Под руководством передового слоя недозрелые массы созреют во время революции. Без революции они впадут в прострацию, и все общество загниет.

Новые миллионы рабочих вливаются в профессиональные союзы. В Англии великий прилив удвоил число членов тред-юнионов, которое достигает в настоящее время цифры в 5.200.000 душ. Во Франции число членов синдикатов возросло с 400.000 человек накануне войны до двух миллионов. Какие изменения вносит этот рост числа организованных рабочих в политику синдикализма?

«Рабочие идут в синдикаты исключительно ради непосредственных материальных выгод», — отвечают соглашатели. Эта теория фальшива с начала до конца. Великий прилив рабочих в профессиональные союзы вызван не мелкими, повседневными вопросами, а колоссальным фактом мировой войны. Рабочие массы, не только верхние слои, но и глубочайшие низы, взбудоражены величайшей исторической встряской. Каждый отдельный пролетарий почувствовал, как никогда, свою беспомощность перед могущественной империалистской машиной. Стремление к связи, к об'единению, к сосредоточению сил поднялось с небывалой силой. Отсюда — устремление миллионов рабочих в профессиональные союзы, или в советы депутатов, т.-е. в такие организации, которые не требуют политической подготовки, а являются наиболее общим и непосредственным выражением классовой борьбы пролетариата.

Утратив веру в пролетарские массы, реформисты, типа Мергейма - Лонгэ, должны искать точки опоры в среде «просвещенных» и «гуманных» представителей буржуазии. И, действительно, политическое ничтожество этих людей убийственнее всего сказалось в факте их почтительного восторга пред «великим демократом» Вильсоном. Люди, считающие себя представителями рабочего класса, могли всерьез верить, что американский капитал поставит во главе своего государства человека, с которым может итти рука об руку европейский рабочий класс. Эти господа, очевидно, ничего не слыхали о действительных причинах вмешательства Америки в войну, о бесчестных происках американской биржи, о роли Вильсона, которому сверх-капиталисты Соединенных Штатов поручили лозунгами фарисейского пацифизма прикрывать их кровавое живодерство. Или они полагали, что Вильсон сможет пойти против капиталистов и осуществить свою программу наперекор воле миллиардеров? Или они считали, что словом пастырского убеждения Вильсон заставит Клемансо и Ллойд-Джорджа заняться освобождением мелких и слабых народов и установлением всеобщего мира?

Уже совсем недавно, т.-е. после отрезвляющей школы версальских «мирных» переговоров, Мергейм на лионском конгрессе обрушился на синдикалиста Лепти (Lepetit), который позволил себе—о, ужас! — непочтительно отозваться о Вильсоне. «Никто не имеет права, — заявил Мергейм, — оскорблять Вильсона на синдикальном конгрессе». Что из этого, что совесть Мергейма спокойна? Если его низкопоклонство не оплачено американскими долларами, — а мы охотно допускаем, что это так, — оно остается все тем же презренным низкопоклонством бескорыстного лакея пред могущественным «демократом» милостью доллара. Нужна поистине последняя степень духовной приниженности, чтобы переносить надежды рабочего класса на праведников буржуазии. «Вожди», способные на такую политику, не могут иметь ничего общего с революционным пролетариатом. Они должны быть беспощадно низвергнуты вон. «Люди, которые совершили все это, — сказал Монат на лионском конгрессе синдикалистов, — недостойны более оставаться истолкователями мыслей французского рабочего движения».

* * *

Французские парламентские выборы лягут глубоким рубежом в политическом развитии Франции. Смысл этих выборов в устранении промежуточных политических группировок. Буржуазия через посредство парламента передала власть финансовой олигархии, эта последняя поручила генералам завоевать для нее землю; выпол-

чив свою кровавую работу, генералы, совместно с биржевиками, использовали парламентский аппарат, чтобы мобилизовать вокруг себя всех эксплоататоров, хищников, всех алчущих и жаждущих добычи, всех устрашенных революционным пробуждением масс.

Парламент становится политическим штабом контр-революции. Революция выходит на улицу и стремится создать свой вне-парламентский штаб.

Устранение промежуточных, средних группировок в стране (радикалов и радикал-социалистов) неизбежно приводит к тому же внутри рабочего движения. Лонгэ и Мергейм жили надеждой на «просвещенные» реформистские силы буржуазного общества. Крах этих последних обрекает на политическую смерть течение Лонгэ и Мергейма, ибо с исчезновением предмета исчезает и его тень.

Многочисленные оттенки от Реноделя до Лорио, от Жуо до Моната в самый краткий срок выйдут в тираж. Останутся две основные группировки: клемансисты, с одной стороны, революционные коммунисты — с другой.

О дальнейшем, хотя бы только формальном, сохранении единства в партийной и синдикальной организации не может быть и речи.

Пролетарская революция должна создать и создаст свой центральный политический штаб из об'единенных социалистов и синдикалистов революционно-коммунистического направления.

Обескураженный, окончательно сбитый с толку русской и германской революцией, Каутский все свои надежды возлагал на Францию и Англию, где победить должна гуманность в облачении демократии.

На самом деле, мы видим, как там, на верхах буржуазного общества, у власти побеждает самая чудовищная, опьяненная шовинистическим угаром реакция, с оскаленной челюстью и налитыми кровью глазами. И навстречу ей поднимается пролетариат, готовый беспощадно отомстить за все свои прошлые поражения, унижения и страдания.

Схватка будет не на жизнь, а на смерть. Победа останется за рабочим классом. Пролетарская диктатура разметет навозную кучу буржуазной демократии и очистит путь для коммунистического строя.

20 ноября 1919 г.

ЖАН ЛОНГЭ.

Дорогой друг! Счастливый случай и вошедшая в пословицу любезность Жана Лонгэ доставили мне стенографический текст речи, которую социалистический депутат произнес 18 сентября истекающего года во французской палате прошлого состава. Речь озаглавлена: «Против империалистского мира — за революционную Россию». На полчаса брошюра погрузила меня в атмосферу французского парламента эпохи упадка буржуазной республики и заставила вспомнить о том освежающем презрении, с каким Маркс [61]) отзывался об искусственной атмосфере парламентаризма.

Чтобы сразу подкупить противников, Жан Лонгэ начинает с напоминания своим «коллегам» о том чувстве меры и о той любезности, которые никогда не покидали его в настоящем собрании. Он присоединяется полностью и целиком «к столь справедливым соображениями, которые были здесь поддержаны нашим коллегой Вивиани [62]), с его чудесным красноречием». Когда Лонгэ пытается пустить в ход ланцет своей критики, наиболее наглые крикуны империализма пытаются сразу заткнуть ему глотку именем Эльзас-Лотарингии [63]). О, предупредительность составляет главную черту Жана Лонгэ! Из предупредительности он стремится, прежде всего, найти общую почву с противником. Эльзас-Лотарингия! Разве Лонгэ не сказал только что, что он сам находит в мирном договоре ряд счастливых параграфов? «Тут только что сделали намек на Эльзас-Лотарингию. Мы все согласны на этот счет». И Жан Лонгэ моментально прячет в жилетный карман свой критический ланцет, который удивительным образом похож на инструмент для чистки ногтей.

В своей критике мирного договора Лонгэ исходит из такого понятия о нации, какое дал не кто иной, как Ренан [64]), этот реакционный иезуит без бога. От Ренана, который должен обеспечить общую почву с националистическим парламентом, Лонгэ переходит к освободительному принципу самоопределения наций, который был «выдвинут русской революцией и воспринят президентом Вильсоном». «Именно этот принцип, господа, да, почтенный высокий принцип Ренана, Ленина [65]) и Вильсона» Жан Лонгэ хотел бы видеть воплощенным в мирном трактате. Но «в известном числе случаев (так и сказано: в известном числе случаев) принцип самоопределения наций остался в мирном договоре неосуществлен». Это обстоятельство огорчает Лонгэ.

Куртуазного оратора перебивают, его называют адвокатом Германии. Жан Лонгэ энергично обороняется против обвинения в том,

что он является защитником Германии, т.-е. раздавленной и угнетенной страны, против Франции, в лице ее правящих палачей. «Моими друзьями в Германии,—восклицает Лонге,—были те, которые восставали против кайзера, претерпели годы тюрьмы и среди которых несколько отдали свою жизнь за дело, которое мы защищаем». О каком именно «деле» идет речь, — о «восстановлении попранного в 1871 г. права» или о разрушении буржуазного строя,— Лонгэ не говорит. Трупами Либкнехта и Люксембург он отбивается от атак французских империалистов. Если при жизни герои германского коммунизма были укором всем Лонгэ, состоявшим пайщиками империалистического блока, на одном крыле которого стоял русский царь, то после смерти они как раз хороши для того, чтобы мнимой дружбой с ними импонировать французским рабочим, а их героическое мученичество кидать, как умилостивительную кость, раз'яренным псам французского империализма.

И сейчас же после этой операции Жан Лангэ обращается в сторону «красноречивой речи нашего друга Вандервельде» [66]). Я подсчитываю: три строки текста отделяют упоминание о мученических образах Либкнехта и Люксембург от ссылки на «нашего друга Вандервельде». Там, где жизнь разверзла пропасть, не оставив между Либкнехтом и Вандервельде ничего, кроме презрения революционера к предателю, там куртуазный Лонгэ одним об'ятием дружбы охватывает и героя, и ренегата. Мало этого. Для того, чтобы легализовать свое уважение — в парламентском смысле слова — к Либкнехту, Лонгэ призывает в свидетели королевского министра Вандервельде, который признал, — а кому же лучше это знать, чем Вандервельде?—что два человека спасли честь немецкого социализма: Либкнехт и Бернштейн. Но ведь Либкнехт считал Бернштейна жалким подхалимом капитализма. Но ведь Бернштейн считал Либкнехта сумасшедшим и преступником. Что из этого? На подмостках издыхающего парламентаризма, в искусственной атмосфере лжи и условности, куртуазный Жан Лонгэ без усилий сочетает Либкнехта, Вандервельде и Бернштейна, как он только что об'единил Ренана, Ленина и Вильсона.

Но парламентские приказчики империализма не спешат становиться на общую почву, которую удобряет своим красноречием Лонгэ. Нет, они не хотят уступать из своих позиций ни пяди. Каковы бы там ни были отзывы Вандервельде о Либкнехте и Бернштейне, но ведь бельгийские социалисты голосовали за мирный трактат. «Скажите, господин Лонгэ, да или нет, голосовали ли бельгийские социалисты за мирный трактат? (Очень хорошо! Очень хорошо!)» Сам Жан Лонгэ собирается, для запоздалого ремонта своей

социалистической репутации, голосовать против трактата, появление которого он подготовил всем своим поведением. Поэтому он просто-напросто не отвечает на вопрос: да или нет? Голосовали ли бельгийские «друзья» за подлый, бесчестный, насквозь пропитанный жестокостью, жадностью и низостью Версальский договор? Да или нет? Жан Лонгэ молчит. Раз факт не назван с парламентской трибуны, он почти не существует. Жан Лонгэ не обязан цитировать бесчестные поступки своего «красноречивого друга Вандервельде», раз он имеет возможность цитировать его стилизованные речи.

А затем... Вандервельде! Бельгия! Нарушение нейтралитета! «Тут мы все едины». Мы все клеймим это попрание независимости маленькой страны. Правда, немцы протестовали с опозданием. Увы, таков ход истории. «Лишь медленно, лишь постепенно, — меланхолически поясняет Лонгэ,— пробуждается совесть изнасилованного и обманутого народа. И разве не так же было у нас 47 лет тому назад, после империи? В тот момент, когда бдительные приказчики капитализма насторожились, ожидая, не скажет ли Лонгэ: «Разве наш собственный народ не терпит ваше господство до сего дня, разве он не обманут вами, не попран, не придавлен? Разве он не превращен вами в международного палача? Разве была эпоха, разве был народ, который волею и насилием своего правительства играл бы в истории более позорную, преступную, палаческую роль, чем та, которую играет сейчас порабощенный народ Франции?». — В этот самый момент куртуазнейший Жан Лонгэ простым оборотом речи сбросил с плеч французского народа 47 лет, чтобы преступную клику насильников, обманывающую и попирающую народ, открыть не в победоносном правительстве Клемансо, а в давно низвергнутом и превзойденном в подлости правительстве Наполеона III [67]).

И снова в руке депутата безвредный карманный ланцет. «Вы поддерживаете Носке и его 1.200.000 солдат, которые могут завтра создать кадры великой армии против нас». Поразительное обвинение! Почему представителям биржи не поддерживать Носке, германского будочника биржи? Они связаны союзом ненависти против революционного пролетариата. Но этот вопрос, единственно реальный, не существует для Лонгэ. Он пугает своих коллег тем, что армия Носке [68]) выступит «против нас». Против кого? Носке душит Люксембург, Либкнехта и их партию. Против нас — против французских коммунистов? Нет, против Третьей Республики, против общего государственного предприятия Клемансо - Барту [69]) - Бриана [70] - Лонгэ.

Опять Эльзас-Лотарингия. Опять «на этот счет мы все едины». Разумеется, прискорбно, что не был проведен плебисцит. Тем более,

что «нам» совершенно нечего было опасаться плебисцита. Впрочем, ближайшие выборы заменят плебисцит. А тем временем Мильеран [71]) произведет надлежащую патриотическую, очистительную, воспитательную работу в Эльзас-Лотарингии, чтобы будущий «плебисцит» мог окончательно примирить куртуазное правовое сознание Лонгэ с фактом политики Фоша [72]) - Клемансо. Лонгэ умоляет только об одном, — чтобы очистительная работа совершалась с чувством меры, дабы не «уменьшить глубоких симпатий Эльзас-Лотарингии к Франции». Немножко гуманизировать Мильерана, — и все будет к лучшему в этом лучшем из миров.

Французский капитал захватил Саарский угольный бассейн. Здесь нет «восстановления нарушенного права», и ни один прожженный репортер не открыл здесь «глубоких симпатий». Тут открытый дневной грабеж. Лонгэ огорчен. Лонгэ опечален. Помимо гуманитарной стороны дела, «уголь Саарского бассейна, говорят нам техники, не лучшего качества». Разве нельзя было в самом деле — укоряет Лонгэ — получить у распятой Германии необходимый «нам» уголь в Рурском бассейне, несравненно лучшего качества и без парламентских трудностей по части национального самоопределения? Господин депутат, как мы видим, не лишен практического смысла.

Конечно, Жан Лонгэ интернационалист. Он признает это сам. А кому же это лучше знать? Но что такое интернационализм? «Мы никогда не понимали его в смысле унижения отечества, а наше собственное достаточно прекрасно, чтобы не иметь надобности противопоставлять себя интересу какой бы то ни было другой нации (Хор друзей: «Очень хорошо! Очень хорошо!»)». Этому прекрасному отечеству, находящемуся в распоряжении Фоша-Клемансо, интернационализм Лонгэ ни в коем случае не мешает пользоваться доброкачественным рурским углем. Требуется лишь соблюдение форм той парламентской округленности, которая, как видите, вызывает одобрение всех наших друзей.

Жан Лонгэ переходит к Англии. Если для оценки политики собственной страны он выдвинул авторитет Ренана, то и на арене великобританской политики Жан Лонгэ появляется в совершенно респектабельном обществе. Так как приходится упомянуть об Ирландии, то «не позволено ли будет воззвать к памяти великих государственных людей Англии: Гладстона [73]) и Кемпбель-Баннермана? [74]) Если бы Англия дала свободу Ирландии, тогда ничто не помешало бы этим странам об'единиться в федеративном союзе». Обеспечив, по методу великого Гладстона, благополучие Ирландии, Лонгэ наталкивается на новые затруднения: у самой Франции есть не одна

Ирландия. Лонгэ называет Тунис [75]). «Вы позволите мне, господа, напомнить вам, что эта страна принесла ради Франции благороднейшие и величайшие жертвы в течение этой войны. Из 55.000 бойцов, которых Тунис дал Франции, около 45.000 убитых и раненых — таковы официальные цифры. И мы имеем право сказать, что эта нация... своими жертвами завоевала для себя право на большую справедливость и большую свободу (Хор друзей: «Очень хорошо! Очень хорошо!»)». Несчастные, жалкие арабы Туниса, брошенные рукой французской буржуазии в огненную печь войны, черное пушечное мясо, которое — без проблеска идей — погибало на Марне и на Сомме [76]), наравне с импортированными испанскими лошадьми и американскими буйволами,—это отвратительнейшее пятно в подлой картине мировой бойни изображается Жаном Лонгэ, как высокая и благородная жертва, которая должна быть увечана даром свободы. После расслабленной болтовни об интернационализме и самоопределении право арабов Туниса на клок свободы рассматривается, как подачка на чай, которую бросает своим рабам сытая и великодушная биржа по ходатайству одного из своих парламентских маклеров. Где же границы политического падения?

Но вот мы подходим к России. Тут Жан Лонгэ, с отличающим его тактом, отвешивает для начала низкий поклон в сторону самого Клемансо. «Разве мы здесь единодушно не аплодировали Клемансо, когда он с трибуны этой палаты прочел нам параграф относительно упразднения позорного Брест-Литовского мира?» При упоминании о Брест-Литовском мире Жан Лонгэ выходит из себя. «Брест-Литовский мир—это памятник зверства и бесчестия прусского милитаризма». Лонгэ мечет громы и молнии. Немудрено: парламентские молнии против давно сметенного революцией Брест-Литовского мира составляют такой благоприятный, такой счастливый фон для деликатных критических операций депутата над миром Версальским.

Жан Лонгэ за мир с Советской Россией. Но, разумеется, не в каком-либо компрометирующем смысле. Нет, Лонгэ твердо знает хороший путь к миру. Это путь самого Вильсона, который посылал в Советскую Россию своего уполномоченного Буллита [77]). Смысл и содержание миссии Буллита теперь достаточно известны. Его условия представляли собой усугубленное воспроизведение брест-литовских параграфов Кюльмана [78]) и Чернина [79]). Тут было и расчленение России, и ее жестокое экономическое ограбление. Но... выберем другую тему для разговора. Вильсон, как известно, за самоопределение наций, а Буллит... «Я рассматриваю господина Буллита, как одного из наиболее прямых, наиболее честных, наиболее благонамеренных

людей, каких я когда-либо встречал». Как отрадно узнать у Лонгэ, что праведники еще не перевелись на содержании у американской биржи и что во французском парламенте еще существуют депутаты, которые знают истинную цену американской добродетели.

Отдав дань признательности Клемансо и Буллиту за их доброту к России, Лонгэ не отказывает в поощрении и республике советов. «Никто не поверит тому, — говорит он, — чтобы советский режим держался в течение двух лет, если бы он не имел за собой глубоких масс русского народа. Он не мог бы построить армию в 1.200.000 солдат, руководимых лучшими офицерами старой России, сражающихся с энтузиазмом волонтеров 1793 г.». Этот момент речи есть кульминация Лонгэ. Упоминая об армиях Конвента [80]), он утопает в национальной традиции, покрывает ею все классовые противоречия, об'единяется с Клемансо в героических воспоминаниях и в то же время дает историческую формулу косвенного усыновления советского государства и советской армии.

Таков Лонгэ. Таков официальный французский социализм. Таков парламентаризм Третьей Республики в своем наиболее «демократическом» выражении. Условность и фраза, дряблость и уклончивость, куртуазная ложь, доводы и приемы мелкого адвоката, который, однако, подмостки своей трибуны всерьез принимает за арену истории. Теперь, когда класс открыто идет на класс, когда исторические идеи вооружены до зубов и решают свою тяжбу сталью, каким оскорбительным издевательством над нашей эпохой являются «социалисты» типа Лонгэ. Мы его только что видали: он кланяется направо, расшаркивается налево, молится великому Гладстону, который обманывал Ирландию, склоняется пред своим физическим дедом Марксом, который презирал и ненавидел лицемера Гладстона, восхваляет царского наперсника Вивиани, первого министра-президента империалистской войны, сочетает Ренана с русской революцией, Вильсона с Лениным, Вандервельде с Либкнехтом, подводит под «право народов» фундамент из рурского угля и тунисских костей и, проделывая все эти невероятные чудеса, пред которыми глотание зажженной пакли является детской забавой, Лонгэ остается самим собой, куртуазным воплощением официального социализма и увенчанием французского парламентаризма.

Дорогой друг! С этим затянувшимся недоразумением пора кончить. Пред французским рабочим классом стоят слишком большие вопросы, слишком великие задачи, и стоят они слишком остро, чтобы можно было дольше терпеть сочетание презренного лонгетизма с великой реальностью пролетарской борьбы за власть. Нам больше всего нужны ясность и правда. Нужно, чтобы каждый рабо-

чий ясно понимал, где друг, где враг, где надежный соратник, а где подлый изменник. Либкнехт и Люксембург — наши, а Лонгэ и Вандервельде должны быть беспощадно отброшены в ту грязную буржуазную кучу, из которой они тщетно пытаются выкарабкаться на социалистическую дорогу. Наша эпоха требует полновесных мыслей и слов, как предпосылки полновесных действий. Нам не нужны более обветшалые декорации парламентаризма, его светотени, его оптический обман. Пролетариату Франции нужен ясный и мужественный воздух пролетарской улицы, отчетливая мысль в голове, твердая воля в сердце и — винтовка в руке.

Покончить с лонгетизмом есть неотложнейшее требование политической гигиены. И если я откликался на речь Лонгэ с чувством, для которого нет подходящего названия на куртуазном языке парламентаризма, то теперь, в конце моего письма, я с радостью думаю о той великолепной очистительной работе, которую произведет в насквозь проплеванном здании буржуазной республики пламенный французский пролетариат, когда он, наконец, приступит к разрешению своей последней исторической задачи.

18 декабря 1919 г. Москва.

К ПРЕДСТОЯЩЕМУ КОНГРЕССУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

А. Условия вступления в Третий Интернационал.

I.

Социал-патриоты и их буржуазные вдохновители указывают на то, что руководители III Интернационала (иногда: «Москва», «большевики») пред'являют диктаторские требования другим партиям об исключении своих членов, изменении тактики и пр., в качестве условий для вступления в состав III Интернационала.

Социалисты центра (каутскианцы, лонгетисты) повторяют эти обвинения в слегка ослабленном и разжиженном виде, пытаясь задеть за живое национальные чувства рабочих отдельных стран, путем возбуждения в них подозрения, будто кто-то пытается командовать ими «извне».

На самом деле в такого рода обвинениях и инсинуациях выражается буржуазно-злостное искажение или мещански-тупоумное непонимание самой сущности Коммунистического Интернационала, который не является простой совокупностью существующих в разных странах рабочих и социалистических об'единений, но предста-

вляет собою целостную и самостоятельную международную организацию, преследующую определенные, точно формулированные цели определенными революционными средствами.

Организация каждой страны, входя в состав III Интернационала, не только подчиняет себя его общему, бдительному и требовательному руководству, но и сама приобретает право принимать активное участие в руководстве всеми остальными частями Коммунистического Интернационала.

Вхождение в Интернационал преследует не цели международного этикета, а революционно-боевые задачи. Оно ни в каком случае не может поэтому основываться на недомолвках, недоразумениях или неясностях. Коммунистический Интернационал с презрением отбрасывает те условности, которые сверху донизу опутывали отношения внутри II Интернационала и покоились на том, что вожди каждой национальной партии притворялись, будто не замечают оппортунистических и шовинистических заявлений и действий вождей других национальных партий, в расчете на то, что последние отплатят им той же монетой. Взаимоотношения национальных «социалистических» партий являлись только жалким отражением взаимоотношений буржуазных дипломатий в эпоху вооруженного мира. Именно поэтому в тот момент, когда капиталистические генералы отбросили капиталистическую дипломатию, условно-дипломатическая ложь «братских» партий II Интернационала сменилась открытым милитаризмом его вождей.

III Интернационал является организацией революционного действия международного пролетарского восстания. Те элементы, которые заявляют о своей готовности вступить в III Интернационал, но в то же время восстают против навязывания им «извне» условий, тем самым показывают свою полную непригодность и несостоятельность с точки зрения принципов и методов действий III Интернационала. Создание международной организации борьбы за диктатуру пролетариата возможно лишь при том условии, если в состав Коммунистического Интернационала будут допускаться только такие коллективы, которые проникнуты действительным духом пролетарского восстания против господства буржуазии, и которые поэтому сами заинтересованы в том, чтобы в их среде и в среде других сотрудничающих с ними политических и профессиональных коллективов не находили себе места не только изменники и предатели, но и безвольные скептики, элементы вечных колебаний, сеятели паники и идейной смуты. Достигнуть этого нельзя без постоянного и упорного очищения своих рядов от ложных идей, ложных методов действия и от их носителей.

Те условия, которые III Интернационал ставит и будет ставить каждой вступающей в его ряды организации, служат этой именно цели.

Повторяем, Коммунистический Интернационал не есть совокупность национальных рабочих партий. Он есть коммунистическая партия международного пролетариата. Немецкие коммунисты имеют право и обязаны ребром поставить вопрос о том, на каком оснований Турати [81]) входит в их партию. Русские коммунисты имеют право и обязаны, при рассмотрении вопроса о вступлении независимых германских социал-демократов и Французской Социалистической Партии в III Интернационал, ставить такие условия, которые, с их точки зрения, обеспечат нашу международную партию от разжижения и распада. Всякая вступающая в состав Коммунистического Интернационала организация получает, в свою очередь, право и возможность активного воздействия на теорию и практику русских большевиков, германских спартаковцев и пр. и пр.

II.

В своём исчерпывающем обращении к Германской Независимой Партии, Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала принципиально отождествляет немецких независимцев с французскими лонгетистами. Это безусловно правильно. Но сейчас, когда вопрос о Французской Социалистической Партии ставится более практически, необходимо, на-ряду с основными чертами сходства, установить и различия.

Тот факт, что французская социалистическая партия, как целое, обнаружила стремление к III Интернационалу, сам по себе возбуждает совершенно естественные опасения с самого начала. Опасения эти могут только усилиться, если конкретнее сопоставить положение социализма во Франции с положением его в Германии.

Старая немецкая социал-демократия раскололась сейчас на три части: 1) открытую правительственную шовинистическую социал-демократию Эберта-Шейдемана; 2) «независимую» партию, официальные вожди которой пытаются держаться в рамках парламентской оппозиции в то время, как массы рвутся в открытое восстание против буржуазного общества, и 3) коммунистическую партию, как составную часть III Интернационала.

При рассмотрении вопроса о вступлении независимой партии в III Интернационал, мы, прежде всего, устанавливаем указанное выше несоответствие между линией официальных вождей и стремлениями масс. Это несоответствие есть точка приложения нашего рычага. Что касается социал-демократии Шейдемана, которая ныне,

с образованием чисто-буржуазного правительства, переходит на полуоппозиционное положение, то у нас не может даже возникнуть вопроса о принятии этой партии в III Интернационал или о каких-либо переговорах с нею. Между тем французская социалистическая партия отнюдь не является организацией, равноценной немецкой независимой партии в ее нынешнем состоянии, так как никакого раскола во французской социалистической партии не произошло, и французские Эберты, Шейдеманы и Носке сохраняют в ней все свои ответственные посты.

Во время войны поведение вождей французской социалистической партии не было ни на иоту выше поведения наиболее патентованных немецких социал-предателей. Классовая измена здесь, как и там, имела одну и ту же глубину. Что касается форм ее выражения, то на стороне французской партии она была еще крикливее и пошлее, чем в лагере Шейдемана. Но в то время, как германская независимая социал-демократия под давлением масс порвала со своими Шейдеманами, — господа Тома [82]), Ренодель, Варрен [83]), Самба [84]) и пр. по-прежнему остаются в рядах французской социалистической партии.

Самым существенным, однако, является действительное, фактическое, практическое отношение руководителей официальной французской социалистической партии к вопросу о революционной борьбе за захват власти. Руководимая лонгетистами социалистическая партия не только не готовится к этой борьбе всеми мерами агитации и организации, открыто или тайно, но, наоборот, в лице своих представителей внушает массам ту мысль, что настоящая эпоха экономического расстройства и разорения неблагоприятна для господства рабочего класса. Другими словами, французская социалистическая партия, руководимая лонгетистами, навязывает рабочим массам пассивную и выжидательную тактику, внушает им ту мысль, будто бы буржуазия, в эпоху империалистских катастроф, способна вывести страну из состояния хозяйственного хаоса и нищеты и тем подготовить «благоприятные» условия для диктатуры пролетариата. Не зачем говорить, что если бы буржуазии удалось то, что ей ни в коем случае не может удаться, т.-е. хозяйственное возрождение Франции и Европы, — то у французской социалистической партии оказалось бы еще меньше поводов, возможностей и интереса, чем теперь, призывать пролетариат к революционному ниспровержению буржуазного господства.

Другими словами, в основном вопросе руководимая лонгетистами французская социалистическая партия играет контр-революционную роль.

Правда, в отличие от партии Шейдемана, французская социалистическая партия вышла из состава II Интернационала. Но если принять во внимание, что этот выход был предпринят без вреда для единства с Реноделем, Тома и всеми прочими прислужниками империалистической войны, то станет совершенно очевидным, что для очень значительной части представителей официального французского социализма выход из II Интернационала не имеет ничего общего с отречением от его методов, а является простым маневром с целью дальнейшего обмана трудящихся масс.

За время войны французская социалистическая партия с таким упорством противопоставляла себя кайзерскому социализму Шейдемана, что сейчас не только для Лонгэ, Мистраля [85]), Пресмана [86]) и других сторонников центра, но и для Реноделя, Тома, Варрена оказалось чрезвычайно неудобно оставаться в кругу II Интернационала с глазу на глаз с Эбертом, Шейдеманом и Носке, как со своими ближайшими единомышленниками. Таким образом выход из кухни Гюисманса [87]) диктовался официальному французскому социализму преемственностью его патриотической позиции. Правда, он сделал все, чтобы своему патриотическому отказу от немедленного сотрудничества с Носке и Шейдеманом придать вид жеста, продиктованного также и интернационализмом. Но фразеология страсбургских [88]) резолюций не может не только отменить, но и смягчить значение того факта, что в состав страсбургского партийного большинства не входят французские коммунисты, зато входят все от'явленные шовинисты.

Независимая партия Германии, противостоящая, как организация, патриотической социал-демократии, вынуждена вести с ней открытую идейную и политическую борьбу в печати и на собраниях и тем самым, несмотря на архиоппортунистический характер своих газет и вождей, содействует революционизированию рабочих масс. Во Франции, наоборот, мы наблюдаем за последнее время возрастающее сближение бывшего большинства с бывшим лонгетистским меньшинством и устранение между ними всякой серьезной идейно-политической и организационной борьбы.

При этих условиях вопрос о вступлении французской социалистической партии в III Интернационал представляет еще больше трудностей и опасностей, чем вступление немецкой независимой социал-демократии.

III.

Французской Социалистической Партии, поскольку она ныне практически ставит вопрос о своем вхождении в Третий Интернационал, мы должны поставить совершенно ясные и отчетливые

вопросы, определяемые изложенными выше соображениями. Только прямые и отчетливые ответы, подтвержденные «партией», т.-е. на деле соответственной ее частью, смогут придать реальное содержание вопросу о вхождении партии французских социалистов в международную коммунистическую организацию.

Эти вопросы, примерно, таковы:

1. Признаете ли вы по-прежнему для социалистической партии долг национальной защиты в отношении к буржуазному государству? Считаете ли вы допустимым прямо или косвенно поддерживать французскую буржуазную республику в ее возможных военных столкновениях с другими государствами? Считаете ли вы допустимым вотирование военных кредитов как в нынешнее время, так и в случае новой мировой войны? Отказываетесь ли вы категорически от предательского лозунга национальной обороны? Да или нет?

2. Считаете ли вы допустимым участие социалистов, как в мирное, так и в военное время, в буржуазном правительстве? Считаете ли вы допустимой прямую или косвенную поддержку буржуазного правительства социалистической фракцией парламента? Считаете ли вы возможным далее терпеть в рядах вашей партии негодяев, которые продают свои политические услуги капиталистическим правительствам, организациям капитала, капиталистической прессе, в качестве ответственных агентов разбойничьей Лиги Наций (Альбер Тома), редакторов буржуазной прессы (А. Варрен), адвокатов или парламентских защитников капиталистических интересов (Поль Бонкур) [89]) и пр. и пр.? Да или нет?

3. Ввиду грабительского и разбойничьего насилия французского империализма над рядом слабых народов и в особенности— над отсталыми колониальными народами Африки и Азии, считаете ли вы вашей обязанностью непримиримую борьбу с французской буржуазией, ее парламентом, ее армией в вопросах мирового грабежа? Обязуетесь ли всеми доступными вам средствами поддерживать эту борьбу везде, где она возникает, и — прежде всего—в форме открытого восстания угнетенных колониальных народов против французского империализма? Да или нет?

4. Считаете ли вы необходимым немедленно открыть систематическую и беспощадную борьбу против официального французского синдикализма, который ориентировался целиком в сторону экономического соглашательства, сотрудничества классов, патриотизма и пр. и систематически подменяет борьбу за революционное экспроприирование капиталистов путем диктатуры про-

летариата программой национализации железных дорог и шахт капиталистическим государством? Считаете ли вы долгом социалистической партии—рука об руку с Лорио, Монатом, Росмером и др.—поднять в рабочих массах энергичную агитацию за очищение французского профессионального движения от Жуо, Дюмулена, Мергейма и других изменников рабочего класса? Да или нет?

5. Считаете ли вы возможным терпеть в рядах социалистической партии проповедников пассивности, которые парализуют и разлагают революционную волю пролетариата, внушая ему мысль, будто бы «настоящий момент» не благоприятен для его диктатуры? Считаете ли вы своим долгом, наоборот, раскрыть пред рабочими массами тот обман, в силу которого «настоящий момент» в истолковании агентов буржуазии всегда оказывается пригодным только для господства буржуазии: третьего дня — потому, что Европа переживала период могущественного промышленного под'ема, который уменьшал число недовольных; вчера—потому, что дело шло о национальной обороне; сегодня — потому, что приходится залечивать раны, нанесенные подвигами национальной обороны; завтра—потому, что восстановительная работа буржуазии вызвала новую войну, а вместе с ней—и долг национальной обороны? Считаете ли вы, что социалистическая партия должна немедленно приступить к действительной идейной и организационной подготовке революционного натиска на буржуазное общество с целью овладения в кратчайший срок государственной властью? Да или нет?

Б. Группировки во французском рабочем движении и задачи французского коммунизма.

I.

В эпоху, предшествовавшую войне, Французская Социалистическая Партия являлась на своих руководствующих верхах наиболее полным и законченным выражением всех отрицательных сторон II Интернационала: постоянного стремления к сотрудничеству классов (национализм, участие в буржуазной прессе, голосование кредитов и доверия буржуазным министерствам и пр. и пр.); пренебрежительного или безразличного отношения к социалистической теории, т.-е. к основным социально-революционным задачам рабочего класса; суеверного преклонения пред идолами буржуазной демократии (республика, парламент, всеобщее избирательное право, ответственность министерства и пр. и пр.) [90]); показного

чисто декоративного интернационализма при чрезвычайной национальной ограниченности, мещанском патриотизме и нередко грубом шовинизме.

II.

Наиболее яркой формой протеста против этих сторон социалистической партии являлся революционный французский синдикализм. Ввиду того, что практика парламентского реформизма и патриотизма прикрывалась обрывками лжемарксистской теории, синдикализм пытался свою оппозицию парламентскому реформизму подкрепить анархической теорией, приспособленной к методам и формам профессионального движения рабочего класса.

Борьба против парламентского реформизма превратилась в борьбу не только против парламентаризма, но и против «политики» вообще, в голое отрицание государства, как такового. Синдикаты (профсоюзы) были провозглашены единственной законной и подлинной революционной формой рабочего движения. Парламентскому представительству и закулисному заместительству рабочего класса противопоставлялось прямое действие рабочих масс, при чем неоформленному, инициативному меньшинству, как органу этого прямого действия, отводилась решающая роль.

Эта краткая характеристика синдикализма свидетельствует, что он стремился дать выражение потребностям надвигавшейся революционной эпохи. Но основные теоретические ошибки (ошибки анархизма) делали невозможным создание прочного идейно-спаянного революционного ядра, способного на деле противостоять патриотическим и реформистским тенденциям. Социал-патриотическое падение французского социализма совершалось параллельно с падением социалистической партии. Если на крайнем левом фланге партии знамя восстания против социал-патриотизма подняла небольшая группа во главе с Лорио, то на крайнем левом фланге социализма та же роль выпала на долю небольшой вначале группы Моната-Росмера: между обеими этими группами вскоре установилась необходимая идейная и организационная связь.

III.

Выше мы указали, что бесформенное и бесхребетное лонгетистское большинство партии сливается с ее реноделевским меньшинством.

Что касается так называемого синдикалистского меньшинства, которое на последнем конгрессе синдикатов в Лионе дости-

гало по некоторым вопросам третьей части общего числа делегатов, то оно представляет собой еще крайне неоформленное течение, в котором революционные коммунисты стоят рядом с анархистами, не порвавшими со старыми предрассудками, и с «лонгетистами» французского синдикализма (соглашателями). В этом меньшинстве еще весьма сильны анархистские суеверия против захвата государственной власти, при чем у многих под такими суевериями скрываются простой страх пред революционной инициативой и отсутствие воли к действию. Из среды этого синдикалистского меньшинства была выдвинута идея всеобщей стачки, как средства для осуществления национализации железных дорог. Программа национализации, выдвинутая совместно с реформистами, как лозунг соглашения с буржуазными классами, по существу противопоставляется, как общенациональная задача, чисто классовой программе, т.-е. революционной экспроприации железнодорожного и иного капитала рабочим классом. Но именно соглашательски-оппортунистический характер лозунга, навязанного всеобщей стачке, парализует революционный порыв пролетариата, вносит неуверенность и шатания в его среду и заставляет его отступать в нерешительности пред применением одного из таких крайних средств, как всеобщая стачка, которая требует от него величайших жертв, во имя чисто реформистских, радикально-буржуазных целей.

Только ясная и отчетливая постановка революционных задач коммунистами может внести необходимую ясность в само синдикалистское меньшинство, очистить его от предрассудков и случайных попутчиков, а главное—дать отчетливую программу действия революционным пролетарским массам.

IV.

Такие чисто интеллигентские группировки, как «Clarté» [91]), являются очень симптоматичными для предреволюционной эпохи, когда небольшая, лучшая часть буржуазной интеллигенции, предчувствуя приближение глубочайшего революционного кризиса, отшатывается от насквозь прогнивших господствующих классов и ищет для себя новой идейной ориентации. По своей интеллигентской природе такого рода элементы, естественно склонные к индивидуализму, к обособлению в отдельные группировки на основании личных симпатий и взглядов, неспособны ни выработать, ни тем более применять определенную систему революционных воззрений и поэтому сводят свою работу к отвлеченной, чисто идеалистиче-

ской пропаганде, окрашенной в коммунизм, разбавленный чисто гуманитарными тенденциями. Искренно сочувствуя коммунистическому движению рабочего класса, такого рода элементы нередко, однако, отшатываются от пролетариата в наиболее острый момент, когда оружие критики сменяется критикой оружия, — чтобы затем снова вернуть пролетариату свои симпатии, когда он получит возможность, захватив в свои руки власть, развернуть свое культурное творчество. Задачей революционного коммунизма является выяснение передовым рабочим чисто симптоматического значения такого рода группировок и критика их идеалистической пассивности и ограниченности. Передовые рабочие ни в коем случае не могут группироваться в качестве хора при интеллигентских солистах,—они должны создать самостоятельную организацию, которая совершает свою работу независимо от приливов и отливов симпатий к ним даже лучшей части буржуазной интеллигенции.

V.

В настоящее время во Франции, на-ряду с коренным пересмотром теории и практики французского парламентского социализма, необходим решительный пересмотр теории и практики французского синдикализма, дабы пережившие себя предрассудки его не спутывали развития коммунистического революционного движения.

а) Совершенно очевидно, что дальнейшее «отрицание» политики и государства со стороны французского синдикализма было бы капитуляцией перед буржуазной политикой и капиталистическим государством. Государство недостаточно отрицать, — им нужно овладеть для того, чтобы его преодолеть. Борьба за овладение аппаратом государства — есть революционная политика. Отказаться от нее — значит отказаться от основных задач революционного класса.

б) Инициативное меньшинство, которому синдикалистская теория вручала руководство, ставя его фактически над массовыми профессиональными организациями рабочего класса, не может оставаться бесформенным. Если же правильно организовать это инициативное меньшинство рабочего класса; если связать его внутренней дисциплиной, отвечающей неумолимым потребностям революционной эпохи; если вооружить его правильной доктриной, научно-построенной программой пролетарской революции,—то мы получим не что иное, как коммунистическую партию, стоящую над синдикатами, как и над всеми другими формами рабочего движения, идейно-оплодотворяющую их и направляющую всю их работу.

в) Синдикаты, группирующие рабочих по производствам, не могут стать органом революционного господства пролетариата. Таким аппаратом служить инициативному меньшинству (коммунистической партии) могут только советы, охватывающие рабочих всех районов, всех отраслей промышленности, всех профессий, и тем самым выдвигающие на передний план основные, общие, т.-е. социально-революционные, интересы пролетариата.

VI.

Отсюда вытекает железная необходимость создания французской коммунистической партии, которая должна целиком растворить в себе как революционное крыло нынешней социалистической партии, так и революционный отряд французского синдикализма. Партия должна создать свой собственный, совершенно самостоятельный, строго централизованный аппарат, независимый как от нынешней социалистической партии, так и от C. G. T. и местных синдикатов.

Нынешнее положение французских коммунистов, которые, с одной стороны, являются внутренней оппозицией C. G. T., а с другой — социалистической партии, превращает французский коммунизм как бы в несамостоятельный фактор, в своего рода негативное дополнение существующих основных органов (партии и синдикатов) и лишает его необходимой боевой силы, непосредственной связи с массами и руководящего авторитета.

Из этой подготовительной стадии французскому коммунизму необходимо выйти во что бы то ни стало.

Путём выхода является немедленный приступ к построению централизованной коммунистической партии и прежде всего—немедленное создание в главных центрах рабочего движения ежедневных газет, которые—в отличие от нынешних еженедельных—были бы не органами внутри-организационной критики и отвлеченной пропаганды, а органами непосредственного революционного возбуждения и политического руководства борьбой пролетарских масс.

Создание боевой коммунистической партии во Франции есть сейчас вопрос жизни и смерти для революционного движения французского пролетариата.

22 июля 1920 г.

Второй Конгресс Коминтерна

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. ЗИНОВЬЕВА О РОЛИ ПАРТИИ [92]).

Товарищи! может показаться довольно странным, что ¾ века спустя после появления Коммунистического Манифеста, на интернациональном коммунистическом конгрессе поднимается вопрос о том, нужна ли партия или нет. Тов. Леви [93]) подчеркнул как раз эту сторону дебатов, заметив, что для большей части западно-европейских и американских рабочих этот вопрос давно решен, и он думает вообще, что обсуждение этого вопроса не содействует поднятию престижа Коммунистического Интернационала. Я со своей стороны полагаю, что исторические события находятся в довольно резком противоречии с высказанным здесь с таким марксистским великодушием мнением, будто широкие массы рабочих уже прекрасно знают, что партия нужна. Само собой разумеется, что если бы мы здесь имели дело с господами Шейдеманами или Каутскими или их английскими единомышленниками, то не было бы, конечно, надобности убеждать этих господ, что рабочему классу необходима партия. Они создали для рабочего класса партию и отдали ее на служение буржуазии и капиталистическому обществу. Но когда мы имеем в виду пролетарскую партию, так видим, что она в различных странах проходит различные этапы в своем развитии. В Германии, в этой классической стране старой социал-демократии, мы видим, как исполинский рабочий класс, стоящий на высоком культурном уровне, в своей борьбе непрерывно движется вперед, влача притом за собой значительные обломки старых традиций. Мы видим, с другой стороны, что как раз те партии, которые претендуют на то, чтобы говорить от имени большинства рабочего класса партии II Интернационала, являющие настроения части рабочего класса, заставляют нас поставить вопрос о том, нужна ли партия или нет. Именно потому, что я знаю, что партия нужна, и знаю очень хорошо цену партии, и именно потому, что я вижу, с одной стороны, Шейдемана, а с другой—американских, испанских или французских синдикалистов, которые не только хотят бороться с буржуазией, не так, как этого хотел Шейдеман, но

которые, действительно, хотят оторвать ей голову — я говорю: я предпочитаю договариваться с этими испанскими, американскими и французскими товарищами, чтобы им доказать, что для выполнения возложенной на них историей миссии—уничтожения буржуазии—необходима партия. Я им по-товарищески докажу это, основываясь на собственном опыте, а не буду противопоставлять им долголетний опыт Шейдемана и говорить: для большинства вопрос этот уже решен. Товарищи, мы видим, как велико влияние антипарламентских тенденций в старых странах парламентаризма и демократии, как, напр., во Франции, Англии и т. д. Во Франции я имел случай наблюдать в начале войны, как первые смелые голоса против войны, — как раз в то время, когда немцы стояли у Парижа, — раздались из рядов маленькой группы французских синдикалистов: это были голоса моих друзей: Моната, Росмера и других. В то время мы не могли ставить вопроса об образовании коммунистической партии: таких элементов было слишком мало. Но я чувствовал себя с товарищами Монатом, Росмером и другими, у которых было анархическое прошлое, как товарищ с товарищем. Но что было у меня общего с каким-нибудь Реноделем, который прекрасно понимает необходимость партии, или Альбером Тома и другими господами, которых я не хочу и назвать товарищами, чтобы не нарушить правил приличия.

Товарищи, французские синдикалисты ведут революционную работу в синдикатах. Когда я говорю теперь, напр., с т. Росмером, у нас оказывается общая почва. Французские синдикалисты, вопреки традициям демократии, ее обманам, сказали: мы не хотим никакой партии, мы стоим за пролетарские синдикаты и за революционное меньшинство внутри их, применяющее прямое действие. Что означало для французских синдикалистов это меньшинство, — это не было ясно и им самим. Это было предвосхищением дальнейшего развития, которое, несмотря на предрассудки и иллюзии, не помешало этим самым товарищам-синдикалистам играть революционную роль во Франции и выдвинуть то небольшое меньшинство, которое пришло к нам на международный конгресс.

Чем является для наших друзей это меньшинство? Это—избранная часть французского рабочего класса, у которой есть своя ясная программа и организация, где они обсуждают все вопросы и не только обсуждают, но и разрешают, и которая связана известной дисциплиной. Но французский синдикализм, исходя из опыта борьбы рабочего класса с буржуазией, исходя из собственного опыта и опыта других стран, вынужден будет создать коммунистическую партию. Т. Пестанья [94]) говорит: «Я не хочу касаться этого вопроса,—

я синдикалист, я не хочу говорить о политике, еще меньше хочу я говорить о партии». Это в высшей степени интересно. Он не хочет говорить о коммунистической партии, чтобы не оскорбить революцию. Это значит, что критика коммунистической партии, ее необходимости кажутся ему в рамках русской революции оскорблением революции. Это так и есть. То же самое было и в Венгрии.

Тов. Пестанья, являющийся влиятельным испанским синдикалистом, приехал к нам, ибо у нас есть товарищи, которые в той или иной степени стоят на почве синдикализма, есть также товарищи, так сказать, парламентаристы, и есть товарищи, которые не являются ни парламентаристами, ни синдикалистами, но стоят за массовые выступления и т. д. Что же мы ему предлагаем? Мы предлагаем ему международную коммунистическую партию, т.-е. об'единение передовых элементов рабочего класса, которые приходят со своим опытом, делятся им с другими, критикуют друг друга, выносят решения и т. д. Когда тов. Пестанья с этими решениями вернется в Испанию, его товарищи спросят его: с чем ты приехал из Москвы? Тогда он представит им тезисы и будет предлагать голосовать за эту резолюцию или против, и те испанские синдикалисты, которые об'единятся на почве предложенных ими тезисов, образуют не что иное, как испанскую коммунистическую партию.

Сегодня мы получили от польского правительства предложение о заключении мира. Кто решает этот вопрос? У нас есть Совнарком, но и он должен подлежать известному контролю. Чьему контролю? Контролю рабочего класса, как бесформенной хаотической массы? Нет. Созывается Центральный Комитет партии, чтобы обсудить предложение и решить, дать ли на него ответ. А когда мы должны вести войну, создавать новые дивизии, найти для них наилучшие элементы, — куда обращаемся мы? К партии. К Центральному Комитету. И он дает указания каждому местному комитету о посылке коммунистов на фронт. Так же обстоит дело и с аграрным вопросом, с продовольственным и со всеми другими вопросами. Кто будет решать в Испании эти вопросы? Испанская коммунистическая партия, и я уверен, что тов. Пестанья будет одним из основателей этой партии.

Тов. Серрати [95]), которому, конечно, не приходится доказывать необходимости партии,—он сам вождь большой партии,— нас спрашивает иронически: что, собственно, мы разумеем под средними крестьянами и полупролетариями, и разве это не оппортунизм, когда мы делаем им различные уступки? Но что такое оппортунизм, товарищи? У нас у власти стоит рабочий класс, которым руководит и который ведет за собой коммунистическая партия, являющаяся

его представительницей. Но у нас имеется не только передовой рабочий класс, у нас имеются различные отсталые и беспартийные элементы, которые часть года работают в деревне, часть года на фабрике, есть разнообразные слои крестьянства. Все это не создано нашей партией: мы получили это в наследство от феодального и капиталистического прошлого. Рабочий класс находится у власти и говорит: вот этого я не могу изменить ни сегодня, ни завтра; здесь я должен сделать уступку отсталым варварским отношениям. Оппортунизм имеется тогда, когда, представляя класс трудящихся, делают уступки господствующему классу, которые облегчают ему возможность оставаться у власти. Каутский упрекает нас в том, что наша партия будто бы делает величайшие уступки крестьянству. Рабочий класс, стоя у власти, должен ускорять процесс эволюционизирования огромной части крестьянства, помогая ему перейти от феодального образа мышления к коммунизму, и должен делать уступки остальным элементам. Таким образом я думаю, что вопрос, нашедший себе решение, которое кажется оппортунистическим тов. Серрати, не является тем вопросом, который ронял бы достоинство коммунистической партии в России. Но если бы это было и так, если бы мы совершили те или иные ошибки, это означало бы только то, что мы действуем в очень сложной обстановке и должны маневрировать. Власть у нас в руках, и вот мы отступали перед немецким империализмом в Брест-Литовске, потом перед английским империализмом. Здесь мы маневрируем между различными слоями крестьянства,—одних привлекаем к себе, других отталкиваем, третьих подавляем бронированной рукой. Это — маневрирование революционного класса, который стоит у власти и может совершать ошибки, но эти ошибки входят в инвентарь партии, которая концентрирует весь опыт, — опыт, накопленный рабочим классом. Такою мы представляем себе нашу партию, таким представляем себе наш Интернационал.

МАНИФЕСТ II КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО (III) ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

I. Международные отношения после Версаля.

Буржуазия всего мира с тоскою вспоминает о вчерашнем дне. Все устои международных и внутренних отношений опрокинуты или расшатаны. Завтрашний день нависает над миром эксплоататоров черной угрозой. Империалистская война окончательно разрушила

старую систему союзов и взаимных страховок, лежавшую в основе международного равновесия и вооруженного мира. Версальский мир не создал никакого нового равновесия ему на смену.

Сперва *Россия*, затем *Австро-Венгрия* и *Германия* оказались выбитыми из мировой игры. Могущественные страны, занимавшие первостепенное место в системе мировых захватов, сами оказались превращенными в об'ект грабежей и разделов. Перед победоносным империализмом Антанты открылось новое необозримое поле колониальной эксплоатации, начинающееся сейчас же за Рейном, охватывающее всю центральную и восточную Европу и простирающееся далее до Тихого Океана. Могут ли Конго [96]) или Сирия [97]), Египет [98]) или Мексика [99]) итти в какое-либо сравнение со степями, лесами и горами России и квалифицированной рабочей силой Германии? Новая колониальная программа победителей определялась сама собой: опрокинуть рабочую республику в России, ограбить русское сырье, принудительно привлечь к его переработке немецкого рабочего при помощи немецкого угля, поставить вооруженного немецкого предпринимателя в роли надсмотрщика, — и получать в свое распоряжение готовые продукты и с ними прибыль. Программа: «организовать Европу», выдвинутая германским империализмом в момент его высших военных успехов, перешла по наследству к победительнице-Антанте. Сажая побежденных бандитов Германской империи на скамью подсудимых, правители Антанты судят их, поистине, «судом равных».

Но и в самом лагере победителей оказались свои побежденные.

Одурманенная шовинистическими парами победы, которую она одержала для других, буржуазная Франция мнит себя повелительницей Европы. На самом деле никогда *Франция* не находилась в самых основах своего существования в такой рабской зависимости от более сильных — Англии и Северной Америки, как теперь. Франция предписывает Бельгии определенную экономическую и военную программу, превращая более слабую союзницу в порабощенную провинцию, но, в отношении Англии, Франция сама играет роль Бельгии, лишь несколько большего размера.

Английские империалисты до поры до времени предоставляют французским ростовщикам самоуправствовать в указанных им пределах континента, искусно отводя таким путем наиболее острое возмущение трудящихся Европы и самой Англии от себя на Францию. Могущество обескровленной и разоренной Франции имеет призрачный, почти бутафорский характер; днем раньше или позже это станет ясно даже мозгам французских социал-патриотов.

Еще более пал в мировых отношениях удельный вес *Италии*. Без угля, без хлеба, без сырья, совершенно выбитая войной из вну-

треннего равновесия; буржуазная Италия, несмотря на все наличие злой воли, не способна в полной мере осуществить свои права на грабеж и насилие даже в отведенных ей Англией колониальных закоулках.

Япония, раздираемая капиталистическими противоречиями в феодальной оболочке, стоит накануне глубочайшего революционного кризиса, который уже сейчас, несмотря на благоприятную международную обстановку, парализует ее империалистический размах.

Остаются только два подлинно-мировых государства: *Великобритания* и *Соединенные Штаты.*

Английский империализм освободился от азиатского соперничества царизма и от грозной немецкой конкуренции. Морское могущество Великобритании достигло апогея. Она окружает континенты цепью подвластных ей народов. Наложив руку на Финляндию, Эстонию и Латвию, она лишает Швецию и Норвегию последних остатков независимости и превращает Балтийское море в один из великобританских заливов. Ничто не противостоит ей в Северном море. Через Капландию [100]), Египет, Индию, Персию, Афганистан [101]) она превращает Индийский океан в великобританское море. Господствуя над океанами, Англия контролирует материки. Ее миродержавная роль ограничивается Американской Республикой Доллара и—Российской Республикой Советов.

Мировая война окончательно выбила Соединенные Штаты из континентального консерватизма. Программа расправлящего крылья национального капитализма — «Америка для американцев» (доктрина Монроэ) [102])—сменилась программа империализма: «Весь мир для американцев». От торгово-промышленной и биржевой эксплоатации войны, от нейтральной наживы на европейской крови, Америка перешла ко вмешательству в войну, сыграла решающую роль в разгроме Германии и запустила руки во все вопросы европейской и мировой политики.

Под флагом Лиги Наций Соединенные Штаты сделали попытку свой опыт федеративного об'единения больших и разноплеменных масс населения распространить на другую сторону океана, прикрепить к своей золотой колеснице народы Европы и других частей света, обеспечив над ними управление из Вашингтона. Лига Наций должна была стать по существу мировой монопольной фирмой «Янки и К°».

Президент Соединенных Штатов, великий пророк общих мест, сошел с Синайской [103]) горы для завоевания Европы со своими 14 пунктами в руках. Биржевики, министры, деловые люди буржуазии ни на минуту не обманывали себя насчет смысла нового откро-

вения. Зато европейские «социалисты» на каутскианских дрожжах пришли в состояние религиозного восторга и, приплясывая, как царь Давид, сопровождали священный ковчег Вильсона.

При переходе к практическим вопросам американскому апостолу стало ясно, что, несмотря на великолепный курс доллара, первое место на всех морских дорогах, соединяющих и разделяющих нации, по-прежнему принадлежит Великобритании; ибо у нее более сильный флот, более длинный кабель и старый опыт мирового грабежа. Кроме того, на своем пути Вильсон наткнулся на советскую республику и коммунизм. Оскорбленный американский мессия отрекся от Лиги Наций, которую Англия превратила в одну из своих дипломатических канцелярий, и повернулся к Европе спиной.

Было бы, однако, ребячеством полагать, что отбитый Англией в своем первом наступлении американский империализм замкнется в скорлупу доктрины Монроэ. Нет, продолжая все насильственнее подчинять себе американский континент, превращая страны центральной и южной Америки в свою колонию, Соединенные Штаты, в лице обоих своих правящих партий, демократов и республиканцев, собираются, в противовес английской Лиге Наций, создать свою собственную, т.-е. с Северной Америкой, в качестве центра мировой системы. Чтобы подойти к делу с надлежащего конца, они намерены в течение ближайших трех-пяти лет сделать свой военный флот могущественнее великобританского. Этим для империалистской Англии ставится вопрос: быть или не быть? Бешеное соревнование двух гигантов в области судостроения сопровождается не менее бешеной борьбой за нефть.

Франция, которая рассчитывала играть роль третейского судьи между Англией и Соединенными Штатами, но оказалась вовлеченной в великобританскую орбиту, как второстепенный спутник, видит в Лиге Наций невыносимую обузу и ищет выхода в разжигании антагонизма между Англией и Северной Америкой.

Таким образом самые могущественные силы работают над подготовкой нового мирового поединка.

Выдвинутая в войне программа освобождения малых наций привела к полному разгрому и закабалению балканских народов, победителей и побежденных и к балканизации значительной части Европы. Империалистские интересы толкнули победителей на путь выделения из состава разгромленных ими великих держав отдельных мелких национальных государств. Здесь нет и в помине так называемого национального принципа: империализм состоит в преодолении национальных рамок, даже великодержавных. Новые мелкие буржуазные государства являются лишь побочным продуктом импе-

риализма. Создавая, как временную опору для себя, цепь мелких наций, открыто угнетаемых или официально протежируемых, но по существу вассальных, — Австрию, Венгрию, Польшу, Юго-Славию, Богемию [104]), Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Армению, Грузию и проч.,—владычествуя над ними при помощи банков, железных дорог, угольной монополии, империализм обрекает их на невыносимые экономические и национальные затруднения, бесконечные конфликты и кровавые столкновения.

Какой чудовищной насмешкой истории является тот факт, что восстановление Польши, входившее в программу революционной демократии и первых выступлений международного пролетариата, осуществлено империализмом в целях противодействия революции, и «демократическая» Польша, предтечи которой умирали на баррикадах всей Европы, играет сейчас роль самого грязного и кровавого орудия в разбойничьих руках англо-французской шайки против первой в мире республики пролетариата!

Рядом с Польшей «демократическая» Чехо-Словакия, продавая себя французскому капиталу, поставляет белогвардейские отряды против советской России и советской Венгрии.

Героическая попытка венгерского пролетариата вырваться из государственного и экономического хаоса средней Европы на дорогу советской федерации — единственный путь спасения — была задушена об'единенной капиталистической реакцией в такой период, когда обманутый своими партиями пролетариат сильнейших государств Европы оказался еще неспособным выполнить свой долг по отношению к социалистической Венгрии и к самому себе.

Советское правительство Будапешта было свергнуто при содействии социал-предателей, которые, продержавшись у власти три с половиною дня, были сброшены разнузданной контр-революционной сволочью, превзошедшей своими кровавыми преступлениями Колчака, Деникина [105]), Врангеля [106]) и других агентов Антанты. Но даже временно подавленная советская Венгрия [107]) светит трудящимся центральной Европы, как маяк.

Турецкий народ не хочет подчиняться тому подлому миру, который выработала для него лондонская тирания. Для осуществления своих условий Англия вооружила и направила Грецию на Турцию [108]). Этим путем Балканский полуостров и передняя Азия, турки, как и греки, обрекаются на окончательное опустошение и взаимоистребление.

В борьбе Антанты с Турцией *Армения* играла такую же программную роль, как Бельгия в борьбе с Германией, как Сербия в борьбе с Австро-Венгрией. После того, как Армения была создана,—

без границ и без возможности жить, — Вильсон отказался от армянского мандата, который ему предлагала «Лига Наций»: почва Армении не скрывает в себе ни нефти, ни платины. «Освобожденная» Армения сейчас менее ограждена, чем когда бы то ни было.

Почти у каждого из вновь созданных «национальных» государств есть своя ирредента, т.-е. свой внутренний национальный нарыв.

В то же время национальная борьба во владениях стран-победительниц достигла высшего напряжения. Английская буржуазия, которая хочет опекать народы четырех частей света, оказывается неспособной у себя под носом разрешить ирландский вопрос.

Еще грознее стоит национальный вопрос в колониях. Египет, Индия, Персия потрясаются восстаниями. От передовых пролетариев Европы и Америки трудящиеся колоний усваивают лозунг советской федерации.

Официальная, государственная, национальная, цивилизованная, буржуазная Европа—в том виде, как она вышла из войны и Версальского мира — похожа на сумасшедший дом. Искусственно расщепленные мелкие государства, экономически задыхаясь в своих пределах, грызутся и воюют из-за пристаней, провинций, ничтожных городков. Они ищут покровительства более крупных государств, антагонизмы которых снова нарастают со дня на день. Италия враждебно противостоит Франции и склонна поддержать против нее Германию, чуть последняя окажется способной поднять голову. Франция отравлена завистью к Англии и, чтобы извлечь свои проценты, готова снова поджечь Европу с четырех концов. Англия поддерживает при помощи Франции Европу в состоянии хаотического бессилия, развязывая этим себе руки для мировых операций, направленных против Америки. Соединенные Штаты предоставляют Японии увязнуть в Восточной Сибири, чтобы тем временем обеспечить своему флоту перевес над великобританским до 1925 года,— если только Англия не решится померяться силами до истечения этого срока.

В соответствии с этой картиной мировых отношений военный оракул французской буржуазии, маршал Фош, предупреждает, что будущая война начнет с того, на чем остановилась предыдущая: с авионов и танков, с автоматического ружья и митральезы вместо ручного ружья, с гранаты вместо штыка.

Рабочие и крестьяне Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии! Вы отдали 10 миллионов убитыми, 20 миллионов ранеными и искалеченными. Теперь вы, по крайней мере, знаете, чего вы достигли этой ценою!

II. Хозяйственное положение.

Тем временем разорение человечества идет своим чередом.

Война механически разрушила те мировые хозяйственные связи, развитие которых составляло одно из важнейших завоеваний капитализма. С 1914 г. Англия, Франция и Италия были отрезаны от центральной Европы и ближнего Востока, с 1917 года — от России.

В течение нескольких лет войны, уничтожавшей то, что было создано рядом поколений, сведенный к минимуму человеческий труд применялся преимущественно в тех областях, где необходимо было наличным запасам сырья придать форму готовых товаров, главным образом — орудий и средств разрушения.

В тех основных отраслях хозяйства, где человек непосредственно вступает в борьбу со скупостью и косностью природы, извлекая из ее недр топливо и сырье, работа прогрессивно замирала. Победа Антанты и Версальский мир не приостановили хозяйственного разрушения и упадка, а только видоизменили его пути и формы. Блокада Советской России и искусственное разжигание гражданской войны на ее плодоносных окраинах наносили и наносят неисчислимый ущерб благосостоянию всего человечества. При минимальной технической поддержке — Интернационал свидетельствует это перед лицом всего мира — Россия могла бы, благодаря советским формам хозяйства, дать вдвое и втрое больше продуктов питания и сырья Европе, чем давала царская Россия. Вместо этого англо-французский империализм заставляет трудовую республику все силы направлять на оборону. Чтобы лишить русских рабочих топлива, Англия держала в своих когтях Баку, откуда могла вывозить для себя лишь ничтожную часть добычи. Богатейший каменноугольный бассейн Донца периодически разорялся белогвардейскими бандами Антанты. Французские инструктора и саперы не мало поработали над разрушением русских мостов и железных дорог. Япония и сейчас обкрадывает и разоряет восточную Сибирь.

Немецкая техника и высокая производительность немецкого труда, эти важнейшие факторы возрождения мирового хозяйства, парализуются после Версальского мира еще более, чем во время войны. Антанта стоит перед неразрешимым противоречием. Чтобы заставить платить, нужно дать возможность работать. Чтобы дать возможность работать, нужно дать возможность жить. А дать разгромленной, расчлененной, истощенной Германии возможность жить значит дать ей возможность сопротивляться. Страх перед немецким реваншем диктует политику Фоша: непрерывное подвин-

чивание военных тисков, которые должны помешать Германии возродиться.

Всем не хватает и всем нужно. Торговый баланс не только Германии, но и Франции и Англии имеет резко пассивный характер. Французский государственный долг возрос до 300 миллиардов франков, при чем, по утверждению реакционного французского сенатора г. Годэн-де-Вилена (Gaudin de Villaine), две трети этой суммы произошли от хищений, воровства и хаоса.

Произведенная во Франции работа по восстановлению разоренных войной областей является каплей в море опустошения. Недостаток топлива, сырых материалов и рабочих рук создает непреодолимые преграды.

Франции нужно золото, Франции нужен уголь. Указывая на неисчислимые могилы военных кладбищ, французский буржуа требует своих процентов. Германия должна платить! Ведь у генерала Фоша есть еще чернокожие для оккупации германских городов. Россия должна платить! Чтобы привить русскому народу эту мысль, французское правительство расходует на опустошение России миллиарды собираемые на возрождение Франции.

Международное финансовое соглашение, которое должно было облегчить налоговое бремя Франции, путем более или менее полного аннулирования военных долгов, не состоялось: Соединенные Штаты не обнаружили никакого стремления подарить Европе 10 миллиардов долларов.

Выпуск бумажных денег продолжается во все возрастающих размерах. В то время, как в Советской России рост бумажных денег и их обесценение, при одновременном развитии обобществленного хозяйства, планового распределения продуктов и все большей натурализации заработной платы, является лишь результатом отмирания товарно-денежного хозяйства, в странах капиталистических возрастание массы печатных денежных знаков знаменует углубление хозяйственного хаоса и неизбежный крах.

Конференции Антанты переезжают с места на место, ища вдохновения на всех европейских курортах. Все протягивают свои руки, требуя процентов по числу убитых на войне. Эта странствующая биржа мертвецов, которая каждые две недели заново решает вопрос, должна ли Франция получить 50 или 55% из той контрибуции, которой Германия не может заплатить, представляет венец возвещенной «организации» Европы.

Капитализм переродился в процессе войны. Планомерное выжимание прибавочной стоимости в процессе производства — основа экономики барыша — кажется слишком пресным занятием господам

буржуа, которые привыкли в течение нескольких дней удваивать и удесятерять свой капитал при помощи спекуляций на основе международного грабежа.

Буржуа утратил некоторые предрассудки, которые его стесняли, и приобрел некоторые навыки, которых у него не было. Война приучила его к голодной блокаде целых стран, к воздушной бомбардировке и к поджогу городов и деревень, к целесообразному распространению холерных бацилл, к перевозке динамита в дипломатических вализах, к подделке кредитных знаков противной стороны, к подкупу, шпионажу и контрабанде в небывалых ранее размерах. Приемы войны остались после заключения мира приемами торговли. Главнейшие коммерческие операции сливаются ныне с деятельностью государства, которое выступает в виде мировой разбойничьей шайки, вооруженной всеми средствами насилия. Чем уже мировая база производства, тем свирепее и расточительнее приемы присвоения.

Ограбить! — Вот последнее слово политики капитала, пришедшее на смену фритредерству [109]) и протекционизму [110]). Налет румынских громил на Венгрию, откуда они увозили паровозы и перстни, является символом экономической философии Ллойд-Джорджа и Мильерана.

В своей внутренней экономической политике буржуазия мечется между программой дальнейших национализаций, регулировок и контроля, с одной стороны, и протестами против развившегося за время войны государственного вмешательства — с другой. Французский парламент занят квадратурой круга: созданием «единого командования» на железнодорожной сети республики без ущерба для интересов частно-капиталистических железнодорожных обществ. В то же время капиталистическая печать Франции ведет злобную кампанию против «этатизма» *), ограничивающего частную инициативу. Расстроенные государством во время войны железные дороги Америки попали в еще более тяжкое положение после устранения государственного контроля. Тем временем республиканская партия обещает в своей платформе освободить хозяйственную жизнь от произвольных вмешательств государства. Глава американских тред-юнионов Самуэль Гомперс [111]), старая цепная собака капитала, ведет борьбу против национализации железных дорог, которую в Америке, во Франции и в других странах выдвигают, как панацею, простаки и шарлатаны реформизма. На самом деле разрозненные насильственные вторжения государства лишь соперничают с работой

*) «Этатизм» — начало государственного вмешательства.

спекуляции в деле внесения дальнейшего хаоса в капиталистическое хозяйство эпохи распада. Передать важнейшие отрасли производства и транспорта из рук отдельных трестов в руки «нации», т.-е. буржуазного государства, т.-е. самого могущественного и хищного капиталистического треста, значит не устранить зло, а только обобщить его.

Факты понижения цен и улучшения валюты представляют собою лишь поверхностные и временные явления на основе продолжающегося разорения. Колебания цен не отменяют основных фактов: недостатка сырых материалов и понижения производительности труда.

Пережившая ужасающее напряжение войны рабочая масса неспособна работать прежним темпом на прежних условиях. Уничтожение в течение нескольких часов ценностей, создававшихся годами, наглая пляска миллиардов в руках финансовой клики, все выше поднимающейся на костях и развалинах, — эти предметные уроки истории мало способны поддерживать в рабочем классе автоматическую дисциплину наемного труда. Буржуазные экономисты и публицисты говорят о «волне лености», которая прокатывается по Европе, подмывая ее хозяйственное будущее. Администраторы пытаются помочь делу при помощи дарования привилегий верхушкам рабочего класса. Тщетно! Для возрождения и дальнейшего повышения производительности труда рабочий класс должен получить уверенность в том, что каждый удар молота будет повышать его благосостояние и просвещение, не подвергая его опасности нового взаимоистребления. Эту уверенность ему может дать только социальная революция.

Рост цен на жизненные припасы является могущественным фактором революционного возбуждения во всех странах. Буржуазия Франции, Италии, Германии и других государств пытается подачками смягчить бедствия дороговизны и парировать рост стачек. Чтобы выплатить аграриям часть издержек производства рабочей силы, задолжавшее государство занимается темными спекуляциями, обкрадывая само себя, чтобы оттянуть час расплаты. Если известные категории рабочих живут сейчас даже лучше, чем жили до войны, то этот факт не стоит ни в каком соответствии с действительным экономическим состоянием капиталистических стран. Эфемерный результат достигается путем шарлатанских займов у завтрашнего дня, который придет со всеми своими катастрофическими лишениями и бедствиями.

А Соединенные Штаты? «Америка есть надежда человеческого рода!» — повторяет устами Мильерана французский буржуа фразу Тюрго [112]) в надежде на прощение долгов, которых сам он никому не

прощает. Но Соединенные Штаты не способны вывести Европу из хозяйственного тупика. В течение шести последних лет они исчерпали свои запасы сырья. Приспособление американского капитализма к потребностям мировой войны сузило его промышленную основу. Эмиграция из Европы приостановилась. Обратный поток вырвал из американской промышленности сотни и сотни тысяч немцев, итальянцев, поляков, сербов, чехов, извлеченных военными мобилизациями или привлеченных призраком вновь обретенного отечества. Недостаток сырья и рабочей силы тяготеет над заокеанской республикой и порождает глубокий экономический кризис, на основе которого американский пролетариат входит в новую революционную фазу борьбы. Америка быстро европеизируется.

От последствий войны и блокады не укрылись и нейтральные страны: подобно жидкости в сообщающихся сосудах, хозяйство связанных друг с другом капиталистических государств, больших и малых, воюющих и нейтральных, победителей и побежденных, тяготеет к одному и тому же уровню нищеты, голода и вымирания.

Швейцария живет со дня на день, и каждая непредвиденность грозит выбить ее из равновесия. В Скандинавии обильный приток золота не разрешает проблемы продовольствия; уголь приходится получать по мелочам у Англии со шляпой в руках. Несмотря на голод в Европе рыболовство переживает в Норвегии небывалый кризис. Испания, из которой Франция выкачивала людей, лошадей и предметы питания, не выходит из тяжелого продовольственного положения, которое влечет за собою бурные стачки и уличные выступления голодающих масс.

Буржуазия твердо рассчитывает на деревню. Ее экономисты утверждают, что благосостояние крестьянства чрезвычайно возросло. Это иллюзия. Правда, поставляющее продукты на рынок крестьянство во всех странах больше или меньше поживилось за время войны. Оно продавало свои продукты по высокой цене и заплатило дешевыми деньгами долги, сделанные в тот период, когда деньги были дороги. В этом его плюс. Но хозяйство его за время войны расстроилось и опустилось. Оно нуждается в предметах промышленности. А цены на них возросли в той же пропорции, в какой деньги стали дешевле. Требования фиска стали чудовищными и грозят пожрать крестьянина с его продуктами и с его землей. Таким образом, после периода временного повышения благосостояния, мелкое крестьянство впадает во все более невыносимые затруднения. Его недовольство результатами войны будет все более возрастать и, в лице постоянной армии, крестьянство готовит буржуазии немало неприятных неожиданностей.

Экономическое восстановление Европы, о котором говорят ее министры, есть ложь. Европа разоряется, и с нею вместе разоряется весь мир.

На капиталистических основах спасения нет. Политика империализма ведет не к устранению нужды, а к ее обострению путем грабительского расхищения наличных запасов.

Вопрос топлива и сырья есть интернациональный вопрос, который может быть разрешен лишь на основах планового, обобществленного, социалистического производства.

Нужно аннулировать государственные долги. Нужно освободить труд и его плоды от чудовищной дани в пользу мировой плутократии. Нужно низвергнуть плутократию. Нужно убрать государственные барьеры, дробящие мировое хозяйство. Верховный Экономический Совет империалистов Антанты нужно заменить верховным экономическим советом мирового пролетариата для централизованной эксплоатации всех хозяйственных рессурсов человечества.

Нужно убить империализм, чтобы род человеческий мог дальше жить.

III. Буржуазный режим после войны.

Все силы имущих сосредоточены на двух вопросах: удержаться в международной борьбе и не дать пролетариату стать хозяином в стране. В соответствии с этим прежние политические группировки в среде буржуазии утратили силу. Не только в России, где знамя кадетской партии стало в решающий период борьбы знаменем всех имущих против рабоче-крестьянской революции, но и в странах с более старой и глубокой политической культурой прежние программы, разделявшие различные слои буржуазии, почти бесследно стерлись еще до открытого наступления революции пролетариата.

Ллойд-Джордж выступает глашатаем соединения консерваторов, унионистов [113]) и либералов для совместной борьбы против надвигающегося господства рабочего класса. Во главу угла старый демагог ставит благочестивую церковь, как центральную электрическую станцию, которая равно питает своим током все партии имущих классов.

Во Франции столь недавняя еще и столь шумная эпоха антиклерикализма кажется замогильным призраком: радикалы, роялисты [114]) и католики образуют ныне блок национального порядка против поднимающего голову пролетариата. Протягивая руку всем силам реакции, французское правительство поддерживает черносотенца Врангеля и возобновляет дипломатические сношения с Ватиканом [115]).

Нейтралист и германофил Джиолити [116]) становится у кормила итальянского государства, как общий вождь интервенционистов, нейтралистов, клерикалов, мадзинистов [117]), готовый к лавированию в подчиненных вопросах внешней и внутренней политики, чтобы дать тем более беспощадный отпор наступлению революционных пролетариев города и деревни. Правительство Джиолити справедливо смотрит на себя, как на последнюю серьезную ставку итальянской буржуазии.

Политика всех германских правительств и правительственных партий после разгрома Гогенцоллерна состояла в стремлении установить общую с правящими классами Антанты почву ненависти против большевизма, т.-е. против пролетарской революции.

В то время, как англо-французский Шейлок все свирепее душит германский народ, немецкая буржуазия без различия партий просит своего врага ослабить петлю ровно настолько, чтобы дать ей возможность собственными руками задушить авангард немецкого пролетариата. К этому сводятся периодические совещания и соглашения о разоружении и выдаче военных средств.

В Америке совершенно стерлась грань между республиканцами и демократами [118]). Эти могущественные политические организации эксплоататоров, приспособленные к замкнутому кругу американских отношений, обнаружили свою полную бессодержательность, когда американская буржуазия выступила на арену мирового разбоя.

Никогда еще интриги отдельных вождей и клик — в оппозиции, как и в министерствах — не отличались такой циничной откровенностью, как теперь. Но в то же время все вожди, клики, партии буржуазии всех стран образуют общий фронт против революционного пролетариата.

В то время, как социал-демократические тупицы продолжают противопоставлять путь демократии насильственному пути диктатуры, последние остатки демократии попираются и уничтожаются во всех государствах мира.

После войны, в течение которой национальные представительства играли роль безвластного, но шумного патриотического прикрытия для правящих империалистских клик, парламенты впали в состояние полной прострации. Все серьезные вопросы решаются вне парламентов. В этом ничего не меняет то показное расширение парламентских прерогатив, которое торжественно провозглашают жонглеры империализма в Италии и в других странах. Действительные хозяева и распорядители государственных судеб — лорд Ротшильд и лорд Weir [119]), Морган [120]) и Рокфеллер [121]), Шнейдер [122]) и Лушер [123]), Hugo Stinnes [124]) и Felix Deutch [125]), Rizello и Agnelli [126])—

магнаты золота, угля, нефти и металла—действуют за кулисами, посылая в парламенты для направления их работ своих второстепенных приказчиков.

Забавляясь процедурой троекратных чтений ничтожных законопроектов, французский парламент, наиболее дискредитированный риторикой лжи и цинизмом подкупности, неожиданно узнает, что 4 миллиарда, которые он предназначил для опустошенных областей Франции, израсходованы Клемансо для совершенно других целей, преимущественно для дальнейшего опустошения областей России.

Подавляющее большинство депутатов будто бы всемогущего английского парламента знает о действительных намерениях Ллойд-Джорджа—Керзона[127]) в отношении Советской России и даже Франции немногим более того, что знают индусские старухи в деревнях Бенгалии.

В Соединенных Штатах парламент есть послушный или брюзжащий хор при президенте, который есть ставленник избирательной машины, которая есть политический аппарат трестов — теперь, после войны, в несравненно большей степени, чем прежде.

Запоздалый германский парламентаризм, выкидыш буржуазной революции, которая сама есть выкидыш истории, страдает в младенчестве всеми болезнями собачьей старости. «Самый демократический в мире» рейхстаг республики Эберта бессилен не только перед маршальским жезлом Фоша, но и перед биржевыми махинациями своих Стиннесов, как и перед военными заговорами своей офицерской клики. Германская парламентская демократия есть пустое место между двумя диктатурами.

В самом составе буржуазии произошли за время войны глубокие изменения. На фоне общего обеднения всего мира сосредоточение капиталов сделало сразу большой прыжок вперед. Выдвинулись вперед фирмы, раньше остававшиеся в тени. Солидность, устойчивость, склонность к «разумным» компромиссам, соблюдение известного декорума как в эксплоатации, так и в пользовании ее плодами,— все это смыто волнами империалистического потопа.

Авансцену заняли новые богачи: военные поставщики, низкопробные спекулянты, выскочки, международные авантюристы, контрабандисты, уголовные суб'екты в бриллиантах, разнузданная сволочь, жадная к роскоши, готовая на последние зверства против пролетарской революции, которая не может ей принести ничего, кроме удавной петли.

Существующий строй, как господство богачей, стоит перед массами во всей своей наготе. В Америке, во Франции, в Англии послевоенная роскошь получила характер исступления. Насыщен-

ный международными патриотическими паразитами, Париж похож по признанию «Le Temps» [128]), на Вавилон накануне катастрофы.

По этой буржуазии равняются политика, суд, печать, искусство и церковь. Все сдерживающие начала отброшены. Вильсон, Клемансо, Мильеран, Ллойд-Джордж, Черчилль [129]) не останавливаются перед самым наглым обманом, перед самой грубой ложью и, уличенные в бесчестии, спокойно переходят к новым уголовным подвигам. Классические правила политического коварства, как их изложил старик Маккиавели [130]), представляются невинными афоризмами провинциального простака в сравнении с теми началами, которыми руководятся нынешние буржуазные правители. Суд, прикрывавший ранее мишурой демократии свою буржуазную сущность, стал ныне открыто органом классового надругательства и контр-революционной провокации. Судьи Третьей Республики, не моргнув глазом, оправдывают убийцу Жореса. Суды Германии, которая была провозглашена социалистической республикой, поощряют убийц Либкнехта, Розы Люксембург и ряда других мучеников пролетариата. Трибуналы буржуазных демократий стали органами торжественной легализации всех преступлений белого террора.

Буржуазная пресса открыто несет печать подкупа, точно фабричную марку, на своем лбу. Руководящие газеты мировой буржуазии являются чудовищными фабриками лжи, клеветы и духовной отравы.

Настроения буржуазии скачут так же нервно, как цены на ее рынке. В первые месяцы после окончания войны международную буржуазию, особенно французскую, била лихорадка страха перед надвигающимся коммунизмом. Степень непосредственной опасности она измеряла об'емом совершенных ею кровавых преступлений. Но она выдержала первый натиск. Связанные с нею цепями общей ответственности социалистические партии и профессиональные союзы Второго Интернационала оказали ей последнюю услугу, приняв на себя первый гневный удар трудящихся. Ценою полного крушения Второго Интернационала буржуазия получила отсрочку. Достаточно оказалось проведенных Клемансо контр-революционных выборов в парламент, нескольких месяцев неустойчивого равновесия, неудачи майской стачки, чтобы французская буржуазия преисполнилась уверенности в незыблемости своего режима. Ее классовое высокомерие поднялось на тот уровень, которого достигал перед тем ее страх.

Угроза стала единственным аргументом буржуазии. Она не верит фразам и требует действий: арестов, разгонов, конфискаций, расстрелов. Буржуазные министры и парламентарии стремятся импонировать буржуазии, разыгрывая людей стального закала. Ллойд-

Джордж сухо советует германским министрам расстрелять своих коммунаров по примеру Франции в 1871 году. Любой третьестепенный чиновник может рассчитывать на бурные одобрения палаты, если свой тощий отчет закончит угрозами по адресу рабочих.

В то время, как официальный государственный аппарат все более открыто превращается в организацию кровавого подавления трудящихся, на-ряду с ними и в его распоряжении формируются и действуют различные частные контр-революционные организации— для насильственного срыва стачек, для провокационных действий, для постановки фальшивых процессов, для разрушения революционных организаций и захвата коммунистических учреждений, для погромов и поджогов, убийства революционных вождей и других подобных же мер по охране собственности и демократии.

Сынки помещиков и крупной буржуазии, выбитые из колеи мелкие буржуа и вообще деклассированные элементы, среди них на первом месте буржуазно-дворянские эмигранты из советской России, образуют неисчерпаемый резервуар для иррегулярных отрядов контр-революции. Во главе их стоит офицерство, прошедшее школу империалистской бойни.

Два десятка тысяч профессиональных офицеров армии Гогенцоллерна образуют—особенно после мятежа Каппа-Лютвица [131])— крепкое контр-революционное ядро, которое германская демократия не в силах растворить, которое может лишь раздробить молот пролетарской диктатуры. Эта централизованная организация террористов старого режима дополняется белыми партизанскими отрядами в юнкерских поместьях.

В Соединенных Штатах такие союзы, как Национальная Лига Безопасности (National Security League) или Рыцари Свободы [132]) (Knights of Liberty), представляют собою ударные дружины капитала, на крайнем фланге которых действуют прямые разбойничьи шайки в виде частных шпионских агентов («Detective agencies»).

Во Франции «Гражданская Лига» (Ligue Civique) представляет собою высокопоставленную организацию штрейкбрехеров, в то время как реформистская Конфедерация Труда об'является вне закона.

Офицерская маффия белой Венгрии, существующая параллельно с поддерживаемым Англией правительством контр-революционных палачей, показала пролетариату всего мира, что означает та цивилизация и та гуманность, которую Вильсон и Ллойд-Джордж противопоставляют Советской власти и революционному насилию.

«Демократические» правительства Финляндии и Грузии, Латвии и Эстонии выбиваются из сил, чтобы сравняться с высоким венгерским образцом.

В Барселоне [133]) действует в распоряжении полиции подпольная шайка убийц. И так далее и так везде.

Даже в разбитой и разоренной Болгарии оказавшееся не у дел офицерство об'единяется в тайные союзы, которые готовятся при первом случае проявить свой патриотизм на черепах болгарских рабочих.

Программа смягчения противоречий, сотрудничества классов, парламентских реформ, постепенной социализации, национального единения представляется мрачным шутовством в свете буржуазного режима, каким он вышел из мировой войны.

Буржуазия радикально отказалась от мысли примирить с собой пролетариат реформами. Она развращает ничтожные верхи его подачками и держит в повиновении тяжелые массы железом и кровью.

Нет ни одного серьезного вопроса, который решался бы ныне подсчетом голосов. От демократии сохранилось лишь воспоминание в головах реформистов. Государственная организация все более сводится к своей первооснове — к отрядам вооруженных людей. Буржуазия считает не голоса, она подсчитывает число винтовок, пулеметов и орудий, которые окажутся в ее распоряжении, когда вопрос власти и собственности будет поставлен ребром.

Ни сотрудничеству, ни посредничеству места нет. Чтобы спастись, нужно опрокинуть буржуазию. Совершить это может только восстание пролетариата.

IV. Советская Россия.

Среди разнузданных стихий шовинизма, жадности и разрушения один лишь принцип коммунизма обнаружил высокую жизненность и творческую силу. Несмотря на то, что ходом исторического развития Советская власть впервые утвердилась в наиболее отсталой и разоренной европейской стране, окруженной сонмом могущественных врагов, она не только устояла в борьбе с небывалыми препятствиями, но и обнаружила на деле великие возможности, заложенные в коммунизме. Развитие и упрочение Советской власти в России является важнейшим историческим фактом за время, протекшее с основания Коммунистического Интернационала.

В создании армии классовое общество привыкло видеть высший экзамен экономического и государственного строительства. По силе или слабости армии оно судит о силе или слабости хозяйства и государства.

Советская власть создала под огнем могущественную вооруженную силу. Красная армия обнаружила свой неоспоримый перевес,

как в борьбе со старой буржуазно-монархической Россией, которую пытается восстановить империализм посредством белых армий Колчака, Деникина, Юденича [134]), Врангеля и пр., так и в борьбе с национальными армиями тех «демократий», которые мировой империализм насаждает для своих нужд (Финляндия, Эстония, Латвия, Польша).

В области хозяйства Советская Республика совершила величайшее чудо уже тем, что продержалась в течение трех первых и труднейших лет. Она устояла и развивается благодаря тому, что вырвала из рук буржуазии орудия эксплоатации и превратила их в средства планомерного хозяйства. Под грохот боев на неизмеримых фронтах Советская Россия не упускала ни одной возможности хозяйственного и культурного строительства. В промежуток между разгромом Деникина и разбойничьим выступлением Польши Советская власть приступила к широкой организации трудовой повинности, к более правильному учету и применению производственных сил и средств, к привлечению воинских частей для трудовых задач, и, прежде всего, к восстановлению транспорта.

Только монополия социалистического государства на основные предметы питания при беспощадной борьбе со спекуляцией спасла русские города от голодной смерти и дала возможность кормить Красную армию. Только государственное об'единение разрозненных заводов, фабрик и частно-владельческих железных дорог и судов обеспечило возможность производить и перевозить.

Сосредоточение в руках государства промышленности и транспорта ведет к обобществлению самой техники путем ее нормализации. Установление минимального числа паровозных, вагонных, пароходных типов, допустимых к производству и ремонту, и периодическая регламентация составных частей машины во имя типового массового производства возможны только на социалистических основах и представляют необозримые выгоды в производственном отношении. На пути дальнейшего хозяйственного прогресса, научной организации промышленности, применения методов тэйлоризма — без его капиталистически-потогонных черт — в Советской России нет более никаких препятствий, кроме тех, какие ставит извне империалистическое насилие.

В то время, как национальные интересы, пересекаясь с притязаниями империализма, образуют во всем мире источники непрерывных конфликтов, восстаний и войн, социалистическая Россия показала, что рабочее государство способно безболезненно сочетать национальные потребности с хозяйственными, очищая первые от шовинизма, освобождая вторые от империализма. Социализм стремится связать все области, все районы, все национальности един-

ством хозяйственного плана. Но экономический централизм, освобожденный от эксплоатации класса классом, нации нацией и потому равно выгодный для всех, сочетается без ущерба с действительной свободой национального развития.

На опыте Советской России народы центральной Европы, балканского юго-востока, владений Великобритании, все угнетенные нации и племена, египтяне и турки, индусы и персы, ирландцы и болгары убеждаются в том, что дружное сотрудничество всех национальных частей человечества осуществимо только через посредство федерации советских республик.

Революция создала из России первую державу пролетариата. За три года существования ее пределы непрерывно изменялись. Они сужались под внешним военным давлением мирового империализма. Они расширялись, когда давление ослабевало. Борьба за Советскую Россию слилась с борьбой против мирового капитализма. Вопрос о Советской России стал пробным камнем для всех организаций рабочего класса. Второе подлейшее предательство немецкой социал-демократии со времени 4 августа 1914 года состояло в том, что она, став во главе государства, искала покровительства империализма на западе, вместо того, чтобы искать союза с революцией на востоке. Советская Германия, об'единенная с Советской Россией, оказались бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!

Дело Советской России Коммунистический Интернационал об'явил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию советских республик всего мира.

V. Пролетарская революция и Коммунистический Интернационал.

Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть.

Капитализм пролетаризовал подавляющие массы человечества. Империализм выбил эти массы из равновесия и привел их в революционное движение. Самое понятие массы изменилось за последние годы. То, что считалось массой в эпоху парламентаризма и тред'юнионизма, превратилось теперь в верхи. Миллионы и десятки миллионов, жившие вне политической жизни, превращаются ныне в революционную массу. Война поставила на ноги всех, пробудила политическое внимание самых отсталых слоев, возбудила у них иллюзии и надежды и обманула их.

Цеховая замкнутость труда и относительная устойчивость быта на верхах пролетариата, тупая и апатичная безнадежность в глубоких низах — эти социальные основы старых форм рабочего движения — безвозвратно отошли в прошлое. Новые миллионы вовлечены в борьбу.

Женщины, утратившие мужей и отцов и вынужденные заменить их в труде, вливаются в движение широкой струей. Рабочая молодежь, выросшая под молниями и громами мировой войны, встречает революцию, как родную стихию.

В разных странах борьба проходит через разные этапы. Но это последняя борьба. Волны движения нередко вливаются в отжившие организационные формы и на время придают им новую жизнь. Старые ярлыки, полустертые лозунги плавают там и сям на поверхности потока. Много смуты, тьмы, предрассудков, иллюзий в головах. Но движение в целом имеет глубоко революционный характер. Оно всеоб'емлюще и неудержимо. Оно ширится, крепнет, очищается, выбрасывая из себя старый хлам. Оно не остановится, доколе не приведет мировой пролетариат к господству.

Основной формой этого движения является стачка. Ее простейшая и могущественнейшая причина — рост цен на предметы потребления. Стачка вырастает нередко из отдельных местных конфликтов. Она возникает, как нетерпеливый отголосок масс на парламентскую возню социалистов.

Она рождается из чувства солидарности с угнетенными в собственной стране и в других странах. Она соединяет экономические лозунги с политическими. В ней сочетаются нередко осколки реформизма с лозунгами социально-революционной программы. Она затихает, прекращается, снова возрождается, сотрясая производство, держа в напряжении государственный аппарат, и тем более выводит из себя буржуазию, что пользуется каждым поводом, чтобы послать свой привет Советской России. Предчувствие не обманывает эксплоататоров: эта хаотическая стачка есть на деле социально-революционная перекличка и мобилизация международного пролетариата.

Глубокая зависимость каждой страны от другой, так катастрофически обнаружившаяся во время войны, придает особенное значение тем отраслям труда, которые связывают страну со страной, и выдвигает железнодорожных и вообще транспортных рабочих на первое место. Пролетарии транспорта имели случай обнаружить часть своей силы в бойкоте белой Венгрии и белой Польши. Стачка и бойкот, методы, применявшиеся рабочим классом на заре его тред-юнионистской борьбы, т.-е. еще прежде чем он стал пользоваться

парламентаризмом, получают теперь небывалый размах и новое грозное значение, как артиллерийская подготовка к последней атаке.

Все возрастающая беспомощность отдельного лица перед слепым размахом исторических событий толкает не только новые слои рабочих и работниц, но и служащих, чиновников, мелко-буржуазных интеллигентов в ряды профессиональных организаций. Прежде, чем ход пролетарской революции заставит создать советы, которые сразу станут над всеми старыми рабочими организациями, трудящиеся вливаются в традиционные профессиональные союзы, терпя до поры до времени их старую форму, их официальную программу, их правящую верхушку, но внося внутрь организации возрастающий революционный напор невиданных ранее многомиллионных масс.

Поднимают голову низы низов — сельские пролетарии, батраки. В Италии, Германии и других странах наблюдается великолепный рост революционного движения сельско-хозяйственных рабочих и их братского сближения с пролетариатом городов.

Меняется отношение к социализму беднейших слоев крестьянства. Если заигрывания парламентских реформистов с собственническими предрассудками мужика оставались бесплодны, то действительно революционное движение пролетариата, его непримиримая борьба против угнетателей порождает отблеск надежды в душе самого отсталого, придавленного к земле, разоренного деревенского собственника.

Океан человеческой нужды и темноты не имеет дна. За каждым поднявшимся слоем открывается новый, который только собирается подняться. Но авангард не должен дожидаться тяжелого хвоста для того, чтобы вступить в бой. Работу пробуждения, подъема и воспитания наиболее отсталых своих слоев рабочий класс совершит лишь после того, как станет у власти.

Пробудились труженики колониальных и полуколониальных стран. В необозримых пространствах Индии, Египта, Персии, над которыми возвышается гигантский спрут английского империализма — в этом неисчислимом человеческом океане совершается непрерывная внутренняя работа, бросающая вверх высокие волны, которые заставляют сотрясаться в Сити акции и сердца.

В движении колониальных народов социальный элемент в разных формах сочетается с национальным, но оба направлены против империализма. Путь от первых младенческих шагов до зрелых форм борьбы проходится в колониях и отсталых странах вообще форсированным маршем, под давлением новейшего империализма и под руководством революционного пролетариата.

Многообещающее сближение мусульманских и немусульманских народов, скованных общими цепями великобританского и вообще чужеземного владычества; внутреннее очищение движения, устранение влияния духовенства и шовинистической реакции; одновременная борьба против чужеземных насильников и их туземных помощников, феодалов, попов и ростовщиков, — превращают растущую армию колониального восстания в величайшую историческую силу, в могущественный резерв мирового пролетариата.

Парии поднимаются. Их пробужденная мысль жадно тянется к Советской России, к баррикадным боям на улицах германских городов, к разгорающейся стачечной борьбе в Великобритании, к Коммунистическому Интернационалу.

Социалист, который прямо или косвенно поддерживает привилегированное положение одних наций за счет других; который мирится с колониальным рабством; который делает правовые различия для людей разных рас и цветов кожи; который помогает буржуазии метрополии сохранять свое господство над колониями, вместо того, чтобы помогать делу вооруженного восстания колоний; великобританский социалист, который не поддерживает всеми средствами восстания Ирландии, Египта и Индии против лондонской плутократии, — такой «социалист» заслуживает если не пули, то позорного клейма, и уж никак не мандата и не доверия пролетариата.

Между тем в своих усилиях международного революционного действия пролетариат наталкивается не столько на полуразрушенные линии проволочных заграждений, еще сохранившиеся между странами со времени войны, сколько на эгоизм, консерватизм, тупоумие и предательство старых партийных и профессиональных организаций, которые поднялись на его спине в предшествующую эпоху.

Вожди старых профессиональных союзов всеми мерами противодействуют революционной борьбе рабочих масс, парализуют ее, или, если нельзя иначе, усыновляют стачки, чтобы тем вернее свести их на-нет путем закулисных махинаций.

Историческое предательство, совершенное международной социал-демократией, не имеет ничего себе равного в истории угнетения и борьбы. Страшнее всего это обнаружилось в Германии. Разгром немецкого империализма явился вместе с тем разгромом капиталистической системы хозяйства. Кроме пролетариата, не было ни одного класса, который мог бы претендовать на государственную власть. Развитие техники, численность и культурный уровень рабочего класса в полной мере обеспечивали успех социалистического переворота. Но на пути к осуществлению этой задачи оказалась германская социал-демократия. Путем сложных маневров, в которых хит-

рость сочеталась с тупостью, она отвратила энергию пролетариата от естественной и необходимой задачи завоевания власти.

В течение десятилетий социал-демократия собирала доверие рабочих масс, чтобы затем, в решительный момент, когда судьба буржуазного общества была поставлена на карту, весь свой авторитет передать в распоряжение эксплоататоров.

Предательство либерализма и крушение буржуазной демократии представляют собою незначительные эпизоды по сравнению с чудовищной изменой социалистических партий по отношению к трудящимся классам. Даже роль церкви, центральной электрической станции консерватизма, как ее определил Ллойд-Джордж, отступает на задний план перед антисоциалистической ролью Второго Интернационала.

Свою измену революции социал-демократия оправдывала во время войны лозунгом национальной защиты. Свою контр-революционную политику после заключения мира она прикрывает лозунгом демократии. *Национальная защита* и *демократия* — это торжественные формулы капитуляции пролетариата перед волей буржуазии.

Но падение не останавливается и на этом. Развивая свою политику защиты капиталистического строя, социал-демократия вынуждена, вслед за буржуазией, открыто попирать «национальную оборону» и «демократию». Шейдеман и Эберт лижут руку французского империализма, ища его поддержки против советской революции. Носке становится воплощением белого террора буржуазной контр-революции.

Альбер Тома превращается в наемного агента Лиги Наций, этой грязной агентуры империализма. Вандервельде, красноречивое воплощение поверхностности Второго Интернационала, во главе которого он стоял, становится королевским министром, помощником клерикала Делакруа [135]), защитником бельгийских католических попов и адвокатом капиталистических зверств над неграми в Конго.

Гендерсон [136]), обезьяничающий великих людей буржуазии, фигурирующий поочередно то как королевский министр, то как рабочая оппозиция его величества; Том Шоу [137]), который требует от советского правительства фактических доказательств того, что в лондонском правительстве сидят грабители, разбойники и лжецы, — кто эти господа, если не заклятые враги рабочего класса?

Реннер [138]) и Зейц [139]), Немец [140]) и Тузар [141]), Трульстра [142]) и Брантинг [143]), Дашинский [144]) и Чхеидзе [145]),—каждый из них переводит на язык своих мелкодержавных плутней позорное крушение Второго Интернационала.

Наконец Карл Каутский, бывший теоретик Второго Интернационала, бывший марксист, превращается в шамкающего консультанта желтой печати всех стран.

Под давлением масс более гибкие элементы старого социализма, не меняясь по существу, меняют свои покровы и окраску, порывают или готовятся порвать со Вторым Интернационалом, неизменно отступая перед всяким подлинно массовым и революционным действием и даже перед серьезной подготовкой к действию.

Чтобы охарактеризовать и вместе с тем заклеймить этот маскарад, достаточно сказать, что польская социалистическая партия, вождем которой является Дашинский, а патроном Пилсудский [146]), партия мещанского цинизма и шовинистического изуверства, заявляет о своем выходе из Второго Интернационала.

Руководящая парламентская верхушка французской социалистической партии, голосующая ныне против бюджета и против Версальского договора, по существу остается одним из устоев буржуазной республики. Ее оппозиционные жесты простираются не далее того, сколько необходимо, чтобы время от времени восстановлять полудоверие наиболее консервативных слоев пролетариата.

В основных вопросах классовой борьбы французский парламентский социализм по-прежнему разлагает волю рабочего класса, внушая ему, что нынешний момент неблагоприятен для захвата власти, ибо Франция слишком разорена, как вчерашний день был неблагоприятен из-за войны, как накануне войны мешал промышленный под'ем, а перед тем промышленный кризис. Параллельно с парламентским социализмом — и ни на вершок не выше его — подвизается болтливый и лживый синдикализм фирмы Жуо и его собратьев.

Создание крепкой, скованной духом единства и дисциплины коммунистической партии во Франции есть вопрос жизни и смерти для французского пролетариата.

В стачках и восстаниях воспитывается и закаляется новое поколение немецких рабочих. Оно оплачивает свой опыт тем большим числом жертв, чем дальше в Независимой Социалистической Партии сохраняется влияние социал-демократических консерваторов и рутинеров, которые оглядываются назад, на социал-демократию времен Бебеля [147]), не понимают характера нынешней революционной эпохи, сторонятся гражданской войны и революционного террора, плетутся в хвосте событий и надеются на чудо, которое должно притти на помощь их несостоятельности. Партия Розы Люксембург и Карла Либкнехта в огне борьбы учит немецких рабочих находить истинный путь.

Косность на верхах рабочего движения Англии такова, что там еще не почувствовали потребности перевооружения: вожди великобританской рабочей партии упорно стремятся удержаться в рамках Второго Интернационала.

В то время, как ход событий последних лет, подорвав устойчивость экономической жизни в консервативной Англии, сделал ее трудящиеся массы как нельзя более восприимчивыми к революционной программе, — официальная машина буржуазной нации: королевская власть, палата лордов, палата общин, церковь, тред-юнионы, рабочая партия—Георг V, епископ кентерберийский и Гендерсон — остается неприкосновенной, как могучий автоматический тормоз развития. Противопоставить пролетарские низы этим официальным верхам может только свободная от рутины и сектантства, тесно связанная с массовыми организациями, коммунистическая партия.

В Италии, где сама буржуазия открыто признает, что ключи к дальнейшей судьбе страны находятся в руках социалистической партии, политика правого крыла, возглавляемого Турати, стремится вогнать мощно развивающуюся революцию пролетариата в русло парламентских реформ. Этот внутренний саботаж представляет в настоящий момент наивысшую опасность.

Пролетарии Италии, помните о Венгрии, пример которой вошел в историю, как грозное напоминание о том, что в борьбе за власть, как и после овладения ею, пролетариат должен твердо стоять на своих ногах, отметая все элементы нерешительности и шатаний и беспощадной рукою расправляясь со всеми попытками измены!

Военные потрясения, оставившие в наследство глубокий экономический кризис, открывают новую главу в рабочем движении Соединенных Штатов, как и остальных стран американского континента. Ликвидация шумихи и лжи вильсонизма есть вместе с тем ликвидация того американского социализма, который составляет смесь пацифистских иллюзий с ярмарочною деловитостью и мирно дополняет слева тред-юнионизм Гомперса и К°. Теснейшее сплочение революционных пролетарских партий и организаций американского континента—от полуострова Аляски до мыса Горн [148])—в тесно связанную американскую секцию Интернационала, противостоящую могущественному врагу, империализму Соединенных Штатов, есть задача, которая должна быть и будет выполнена в борьбе со всеми силами, мобилизованными долларом на свою защиту.

Правительственные и полуправительственные социалисты разных стран имели много поводов обвинять коммунистов в том, что они непримиримой тактикой провоцируют выступления контр-рево-

люции, помогая ей сплачивать свои ряды. Это политическое обвинение является не чем иным, как запоздалым перепевом жалоб либерализма. Именно последний утверждал, что самостоятельная борьба пролетариата толкает имущих в лагерь реакции. Это бесспорно. Если бы рабочий класс не посягал на основы ее господства, буржуазия не нуждалась бы в репрессиях. Самое понятие контр-революции не существовало бы, если бы история не знала революции. Если восстания пролетариата неизбежно влекут за собой сплочение буржуазии для самообороны и контр-наступления, то этот факт означает лишь, что революция есть борьба двух непримиримых классов, которая может закончиться только окончательной победой одного из них.

Коммунизм с презрением отметает политику, сводящуюся к тому, чтобы удерживать массы в неподвижности, пугая их дубиной контр-революции.

Распаду и хаосу капиталистического мира, который последним напряжением своих сил грозит уничтожить всю человеческую культуру, Коммунистический Интернационал противопоставляет об'единенную борьбу международного пролетариата за уничтожение частной собственности на средства производства и за переустройство национального и мирового хозяйства на основах единого хозяйственного плана, устанавливаемого и осуществляемого солидарным обществом производителей.

Собирая под знаменем диктатуры пролетариата и советской системы государства миллионы трудящихся во всех частях света, Коммунистический Интернационал в огне борьбы очищает, строит и группирует свои собственные ряды.

Коммунистический Интернационал есть партия революционного воспитания международного пролетариата. Он отметает все те организации и группы, которые в открытой или прикрытой форме усыпляют, деморализуют и ослабляют пролетариат, побуждая его склоняться перед фетишами, прикрывающими диктатуру буржуазии: легальность, демократия, национальная оборона и пр.

Коммунистический Интернационал не может также допустить в свои ряды те организации, которые, вписав в свою программу диктатуру пролетариата, продолжают вести политику, явно рассчитанную на мирное разрешение исторического кризиса. Признание советской системы не решает вопроса. В советской организации нет никакой чудодейственной силы. Революционная сила — в самом пролетариате. Нужно, чтобы он поднялся на восстание и завоевание власти, — только тогда советская организация обнаружит свои качества, как незаменимое орудие в его руках.

Коммунистический Интернационал требует изгнания из рядов рабочего движения всех тех вождей, которые связаны прямым или косвенным политическим сотрудничеством с буржуазией. Нам нужны вожди, у которых нет другого отношения к буржуазному обществу, кроме смертельной ненависти, которые организуют пролетариат во имя непримиримой борьбы, которые готовы вести в бой армию восставших; которые не остановятся на полпути, что бы ни случилось, и не побоятся прибегнуть к мерам беспощадной расправы со всеми теми, кто попытается их насильственно остановить.

Коммунистический Интернационал есть международная партия пролетарского восстания и пролетарской диктатуры. У него нет других целей и задач, кроме целей и задач самого рабочего класса. Притязания мелких сект, из которых каждая собирается спасти рабочий класс на свой образец, чужды и враждебны духу Коммунистического Интернационала. Он не создает универсальных рецептов и заклинаний, он опирается на мировой опыт рабочего класса в прошлом и настоящем, очищает этот опыт от его ошибок и уклонений, обобщает его завоевания, признает и усыновляет только те революционные формулы, которые являются формулами массового действия.

Профессиональная организация, экономическая и политическая стачка, бойкот, парламентские и муниципальные выборы, парламентская трибуна, легальная и нелегальная агитация, тайные опорные пункты в армии, кооперативная работа, баррикада, — ни одна из форм организаций или борьбы, созданных развитием рабочего движения, не отвергается Коммунистическим Интернационалом и ни одна из них не освящается им, как панацея.

Советская система не есть отвлеченный принцип, противопоставляемый коммунистами принципу парламентаризма. Советская система есть классовый аппарат, который в борьбе и посредством борьбы должен упразднить парламентаризм и заменить его собой. Ведя беспощадную борьбу против реформизма в профессиональных союзах, против парламентского кретинизма и карьеризма, Коммунистический Интернационал в то же время осуждает сектантские призывы покинуть ряды многомиллионных профессиональных организаций или повернуться спиной к парламентским и муниципальным учреждениям. Коммунисты не отделяются от масс, обманываемых и предаваемых реформистами и патриотами, но ведут с последними непримиримую борьбу на основе массовых организаций и учреждений, созданных буржуазным обществом, для того, чтобы тем вернее, тем скорее его опрокинуть.

В то время, как под прикрытием Второго Интернационала методы классовой организации и борьбы, почти исключительно легаль-

ной, оказались в последнем счете подчинены контролю и руководству буржуазии, через ее реформистскую агентуру, игравшую роль узды, надетой на революционный класс, Коммунистический Интернационал, наоборот, вырывает узду из рук буржуазии, овладевает всеми методами и организациями рабочего движения, об'единяет их под своим революционным руководством и через их посредство ставит перед пролетариатом единую цель: завоевание власти для разрушения буржуазного государства и установления коммунистического общества.

Во всей своей работе: как вождь революционной стачки, как организатор подпольных групп, как секретарь профессионального союза, как агитатор на массовых митингах или депутат, как кооператор или баррикадный боец, коммунист остается самим собой, дисциплинированным членом коммунистической партии, беззаветным борцом, смертельным врагом капиталистического общества, его экономической основы, его государственных форм, его демократической лжи, его религии, его морали, самоотверженным солдатом пролетарской революции и неутомимым провозвестником нового общества.

Рабочие и работницы!

На земле есть только одно знамя, заслуживающее того, чтобы бороться и умирать под ним. Это знамя **Коммунистического Интернационала!**

Второй Всемирный Конгресс
Коммунистического Интернационала.

Делегаты:

России: *Н. Ленин; Г. Зиновьев* [149]; *Н. Бухарин* [150]; *Л. Троцкий.*

Германии: *П. Леви; Э. Мейер* [151]; *Я. Вальхер* [152]; *Р. Вольфштейн* [153].

Нем. Австрии: *К. Штейнгардт* [154]; *К. Томан* [155]; *Штремер* [156].

Франции: *А. Росмер; Ф. Садуль* [157]; *А. Гильбо* [158].

Англии: *Т. Квелч* [159]; *У. Галлакер* [160]; *С. Панкхэрст* [161]; *Маклейн* [162].

Америки: *Флин* [163]; *А. Фрейна* [164]; *А. Билан* [165]; *Д. Рид* [166].

Италии: *Д. М. Серрати; Н. Бомбачи* [167]; *Грациадеи* [168]; *А. Бордига* [169].

Норвегии: *Я. Фриис* [170]; *Шеффло* [171]; *А. Мадсен* [172].

Швеции: *К. Дальштрем* [173]; *Самуэльсон* [174]; *Винберг* [175].

Дании: *О. Иергенсон* [176]; *М. Нильсен* [177].

Голландии: *Виинкоп* [178]; *Янсон* [179]; *Ван-Лейвен* [180].

Бельгии: *Ван-Оверстратен* [181].

Испании: *Пестанья*.
Швейцарии: *Герцог* [182]); *Ж. Эмбер-Дроз* [183]).
Венгрии: *Ракоши* [184]); *А. Руднянский* [185]); *Варга* [186]).
Галиции: *Левицкий* [187]).
Польши: *Ю. Мархлевский* [188]).
Латвии: *Стучка* [189]); *Крастынь* [190]).
Литвы: *Мицкевич-Капсукас* [191]).
Чехо-Словакии: *Ванек* [192]); *Гула* [193]); *Запотоцкий* [194]).
Эстляндии: *Р. Вакман* [195]); *Г. Пегельман* [196]).
Финляндии: *И. Рахья* [197]); *Летонмяки* [198]); *К. Маннер* [199]).
Болгарии: *Кабакчиев* [200]); *Максимов* [201]); *Шаблин* [202]).
Юго-Славии: *Милкич* [203]).
Грузии: *М. Цхакая* [204]).
Армении: *Назаритьян* [205]).
Турции: *Нихад* [206]).
Персии: *Султан-Заде* [207]).
Индии: *Атшариа* [208]); *Шеффик* [209]).
Голландской Индии: *Маринг* [210]).
Китая: *Лау-Сиу-Чжау* [211]).
Кореи: *Пак Диньшун* [212]); *Гим Гулин* [213]).

От Второго до Третьего Конгресса Коминтерна

О ПОЛИТИКЕ К. А. Р. D. *) [214]).

(Речь, произнесенная на заседании Исполкома Коминтерна 24 ноября 1920 г.).

Программной речи, как сказал тов. Зиновьев, я не могу произнести экспромтом — мне придется ограничиться критическими замечаниями на ту программную речь, которую тов. Гортер [215]) произнес здесь в виде назидания Коммунистическому Интернационалу. Начну с нескольких предварительных замечаний. Тов. Гортер не просто формулировал свою особую тенденцию, — он обличал и просвещал нас, пасынков Восточной Европы, якобы от имени Западной Европы. Я, к сожалению, не видал мандата тов. Гортера и не знаю точно, действительно ли он послан Западной Европой, чтобы прочесть нам свою назидательную лекцию. Но, насколько я могу судить, речь тов. Гортера является не чем иным, как повторением той критики, тех обличений и тех формулировок, которые делались им не раз в противовес программным и тактическим основам III Интернационала, которые, как известно, формулируются нами — восточными социалистами — не изолированно, а совместно с нашими многочисленными и все растущими западно-европейскими друзьями и единомышленниками. С другой стороны, мы не можем не помнить, что т. Гортер говорит от имени очень небольшой и мало влиятельной группы в рабочем движении Западной Европы. Вот что, во избежание недоразумений, должно быть установлено прежде всего.

Если бы я захотел уподобиться тов. Гортеру и производить оценку революционно-политических взглядов по культурно-национальным границам, то я сказал бы прежде всего, что тов. Гортер рассуждает не то, чтобы очень по-западно-европейски, а скорее... по-голландски. Он выступает не от имени Франции, Германии, Англии с их богатым опытом пролетарской борьбы, а прежде всего от имени части небольшой голландской партии, у которой

---

*) «Коммунистический Интернационал» № 17.

есть свои заслуги, но которая лишена была до сих пор возможности действовать во главе широких масс, в качестве руководящей революционной силы. Это — скорее пропагандистская группа, чем боевая партия. В этой группе имеются работники, которых мы очень высоко ценим, но они мало повинны в том грехе, в котором тов. Гортер с таким высокомерием обвинял тов. Зиновьева (в связи с его выступлением на партейтаге в Галле) [216])—в «погоне за массами». Партия, которая в течение нескольких десятилетий [217]) приобрела 2.000 сторонников, действительно не может быть обвинена в погоне за массами, по крайней мере, в успешной погоне. Но оказывается, по словам самого тов. Гортера, что среди тех 2.000 голландских коммунистов, которых воспитывал и вместе с которыми воспитывался тов. Гортер, не оказалось единства в оценке основных событий: во время войны одна часть обвиняла другую в поддержке Антанты. Голландия прекрасная страна, но пока она еще не арена тех могучих революционных боев, для которых и на почве которых формируется мысль Коммунистического Интернационала.

Тов. Гортер обвинял нас в том, что мы слишком русские. Конечно, никому не дано перепрыгнуть через себя. Но мы все же думаем, что он слишком географически подходит к вопросу и политически слишком сближается при этом с оппортунистами и желтыми социалистами, когда говорит нам: «если бы китайцы захотели предписывать вам, русским, методы и формы борьбы, вы, вероятно, сказали бы им, что их предложения звучат слишком по-китайски и не могут иметь для вас обязательной силы». Здесь тов. Гортер впадает в чрезвычайную национальную ограниченность — только с другого конца. С нашей точки зрения, мировое хозяйство есть некоторое органическое целое, на почве которого развивается мировая революция пролетариата, и Коммунистический Интернационал ориентируется по всему мировому хозяйственному комплексу, анализируя его научными методами марксизма и пользуясь всем опытом прошлой борьбы. Это, разумеется, не исключает, а предполагает особенность развития отдельных стран, особенности отдельных моментов и пр. Но эти особенности, чтобы их правильно оценить, надо рассматривать в международной связи. Тов. Гортер этого не делает, и отсюда его жестокие ошибки.

Так, когда он утверждает, что пролетариат в Англии стоит одиноко, тогда как в России он ведет за собой крестьянские массы, то в таком голом виде это обобщение односторонне и потому неправильно. Английский пролетариат далеко не так изолирован, ведь Англия — мировое государство. Великобританская промышленность и положение английского капитала всецело зависят от коло-

ний, а следовательно, и борьба английского пролетариата зависит от борьбы колониальных народных масс. Задача английского пролетариата в его борьбе против английского капитала требует ориентировки также и по линии интересов и настроений индусского крестьянства. Английские пролетарии не смогут победить окончательно, пока не восстанет народ в Индостане, и пока английский пролетариат не даст этому восстанию цель и программу; а в Индостане нельзя победить без помощи и руководства английского пролетариата. Вот вам революционное сотрудничество пролетариата и крестьянства в пределах Великобританской империи.

Мы, русские, находимся — как в социальном, так и в географическом отношении — на грани между странами, у которых есть колонии, и странами, которые сами представляют колонии. Мы являлись колонией в том смысле, что самые большие фабрики Петрограда, Москвы и юга получали готовыми из рук европейского и американского финансового капитала, который увозил к себе прибыль. Тот факт, что русский промышленный капиталист являлся только третьестепенным агентом мирового финансового капитала, сразу придавал борьбе русского пролетариата интернациональный революционный характер. Русские рабочие видели перед собою, с одной стороны, об'единенный денежный капитал России, Франции, Бельгии и пр., а с другой — отсталые крестьянские массы, опутанные полукрепостническими земельными отношениями. Мы имели, таким образом, у себя одновременно и Лондон, и Индию. Это, при всей нашей отсталости, сблизило нас с европейскими и мировыми задачами в их наиболее развернутом историческом виде.

К нашему пониманию вопросов революционной борьбы мы пришли, однако, не на одной лишь нашей национальной почве. Ведь почти с первых наших шагов мы получили в руки учение Маркса, насыщенное всем опытом последних десятилетий мировой пролетарской борьбы, и условия нашей собственной борьбы мы анализировали при помощи марксистского метода. Для того, чтобы хоть отчасти снять ответственность за нашу русскую закоснелость, я позволю себе напомнить, что многие из нас были в течение ряда лет участниками западно-европейского рабочего движения. Большинство из вождей Российской Коммунистической партии жило и боролось в Германии, Австрии, Франции, Англии, Америке, работая там рука об руку с лучшими пролетарскими борцами. Разобраться в наших русских условиях и связать их с ходом мировой революции помогла нам не какая-либо самобытная русская теория, а теория марксизма и тот факт, что целым поколениям русских революционных борцов приходилось проходить через западно-евро-

пейскую революционную школу. К этому я позволю себе только прибавить, что когда Маркс и Энгельс[218]) формулировали «Манифест Коммунистической партии», они также принадлежали к самой отсталой в промышленном отношении стране Европы. Но, вооруженные ими же созданным методом, они опирались для оценки немецких условий на анализ опыта французских революций и английского капитализма.

Повторяю еще раз, когда тов. Гортер говорит, что в отличие от России пролетариат на Западе будет стоять совершенно обособленно, он задевает этим несомненное различие в положении русского и западно-европейского крестьянства. Но вместе с тем он проходит мимо другого не менее, а более важного факта, именно— международного характера самой революции и мировых связей. Он подходит к делу с островной английской точки зрения, забывая об Азии и об Африке, упуская связь пролетарской революции Запада с национально-аграрными революциями Востока. В этом Ахиллесова пята тов. Гортера.

В вопросе о профессионально-производственных союзах его позиция крайне сбивчива. Иногда кажется, что вопрос идет у него лишь об изменении форм организации. Но на самом деле он гораздо глубже. Из всей речи тов. Гортера сквозит страх перед массою. По существу своих воззрений он пессимист. Он не верит в пролетарскую революцию. Недаром он с таким высокомерием говорил о погоне III Интернационала за массами. О социальной революции тов. Гортер говорит, как солист, как лирик, но к материальной основе революции — к рабочему классу — он не питает доверия. Его точка зрения индивидуалистична и аристократична в высшей степени. А с революционным аристократизмом неизбежно связан пессимизм. Тов. Гортер говорит, что мы, люди Востока, не знаем, до какой степени «обуржуазился» рабочий класс, и что поэтому чем больше масс мы захватываем, тем это опаснее. Вот подлинный лейт-мотив его речи: он не верит в революционность рабочего класса. Он не видит толщи пролетариата сквозь пору его привилегированной бюрократизированной верхушки.

Что же предполагает тов. Гортер? Чего он хочет? Пропаганды! В сущности, в этом весь его метод. Революция, говорит тов. Гортер, зависит не от нужды, не от экономических условий, а от сознания масс; сознание же масс формируется пропагандой. Здесь пропаганда понимается в совершенно идеалистическом духе, близком к пониманию просветителей-рационалистов[219]) XVIII столетия. Если революция зависит не от условий жизни масс или не столько от этих условий, сколько от пропаганды, то почему же

вы не сделали ее в Голландии? Теперь вы хотите по существу заменить действенное развитие Интернационала методами пропагандистской вербовки отдельных рабочих. Вы хотите иметь какой-то чистый Интернационал избранных, но именно ваш голландский опыт должен вам подсказать, что при таком подходе к делу в наиболее избранной организации вскрываются острые разногласия.

Вследствие своей идеалистической точки зрения тов. Гортер попадает из одного противоречия в другое. Он начал с пропаганды, как с всеоб'емлющего средства воспитания масс, а затем пришел к утверждению, что революция совершается «делами, а не словами». Это ему нужно для борьбы с парламентаризмом. Не лишено поучительности, что тов. Гортеру пришлось произнести полуторачасовую речь для доказательства того, что революции совершаются не речами, а действиями. Раньше мы слышали от него, что для действия массы могут быть подготовлены пропагандой, т.-е. опять таки речами. Но суть в том, что тов. Гортер хочет иметь избранную группу агитаторов, пропагандистов, писателей, которая не оскверняет себя вульгарными действиями, вроде парламентских выборов или участием в жизни профессиональных союзов, а путем безукоризненных речей и статей «воспитывает» массы до тех пор, пока они окажутся способными совершить коммунистическую революцию. Повторяю, это представление насквозь пропитано индивидуализмом.

Безусловно неверно и в корне анти-революционно утверждение тов. Гортера, что западно-европейский рабочий класс в целом обуржуазился. Если бы было так, это было бы равносильно смертельному приговору для всех наших ожиданий и надежд. Бороться с могуществом капитала, которому удалось обуржуазить пролетариат, при помощи пропаганды некоторых избранных, — безнадежная утопия. На самом деле обуржуазилась лишь верхушка, хотя бы и довольно многочисленная, рабочего класса.

Возьмем профессиональные союзы. До войны они об'единяли 2 — 3 милл. в Германии и в Англии, около 300.000 во Франции и т. д. Теперь они охватывают около 8 — 9 миллионов в Германии и Англии, во Франции свыше 2 милл. и т. д. Как же мы можем пытаться воздействовать на массу помимо этих могущественных организаций, в которые благодаря потрясениям войны вовлечены новые миллионы? Тов. Гортер указывает, что за пределами союзов осталось гораздо больше рабочих, чем внутри них. В общем это совершенно верно. Но каким путем тов. Гортер надеется добраться до этих наиболее отсталых слоев, которые, даже под влиянием величайших потрясений войны, не примкнули к организованной экономической борьбе рабочего класса? Или он думает, что в союзы

слились только обуржуазенные пролетарии, чистые же остались за порогом союзов? Это наивно. Кроме сотен тысяч привилегированных и развращенных рабочих, в союзы вошли миллионы наиболее боевых и сознательных элементов, мимо которых мы не найдем дороги к более отсталым, угнетенным и темным слоям пролетариата. Создание в профессиональных союзах коммунистических ячеек означает внедрение нашей партии в наиболее активную, наиболее сознательную и потому наиболее доступную нам часть рабочего класса. Кто этого не понимает, кто за корой рабочей бюрократии и привилегированного слоя не видит в профессиональных союзах пролетарской массы, кто хочет действовать в обход союзов, тому грозит опасность остаться проповедником в пустыне.

Тов. Гортер рассматривает профессиональные союзы и парламентаризм, как вне-исторические категории, как раз навсегда данные величины. И так как социал-демократическое использование профессиональных союзов и парламентаризма не привело к революции, то тов. Гортер предлагает повернуться спиной к профессиональным союзам и парламентаризму, не замечая, что этим он поворачивается в данный момент спиною к рабочему классу.

На самом деле, социал-демократия, с которой мы порвали в лице II Интернационала, была известной эпохой в развитии рабочего класса, это была эпоха не революции, а реформации. Будущий историк, сравнивая ход развития буржуазии и пролетариата, скажет, что и рабочий класс имел свою пролетарскую реформацию.

В чем было существо этой последней? Пробудившаяся к самостоятельному историческому действию, буржуазия не ставила себе с самого начала задачи завоевания власти, а пыталась в рамках феодального общества обеспечить за собой более удобные, более приспособленные к ее потребностям условия существования. Она расширяла для себя рамки феодального государства, видоизменяла его, превращала его в бюрократическую монархию. Она перелицовывала религию, индивидуализируя ее, т.-е. приспособляя к буржуазному складу. В таких тенденциях выражалась относительная историческая слабость буржуазии. Обеспечив за собой эти позиции, она перешла к борьбе за власть. Социал-демократия оказалась неспособной претворить марксизм в социально-революционное действие. Роль социал-демократии свелась к использованию буржуазного общества и государства в интересах рабочих масс. Цель завоевания власти хотя формально и была поставлена, но практического влияния почти не оказывала. Работа состояла не в революционном использовании парламентаризма, а в приспособлении рабочего класса к буржуазной демократии. Это приспосо-

бление еще недостаточно сознающего свою силу пролетариата к социальным, государственным и идеологическим формам буржуазного общества было, очевидно, историческим неизбежным процессом, но именно историческим процессом, т.-е. ограниченным определенными условиями эпохи. Эта эпоха пролетарской реформации создала свой аппарат рабочей бюрократии с особыми навыками мысли, со своей рутиной, крохоборством, приспособленчеством, близорукостью. Тов. Гортер отождествляет этот бюрократический аппарат с пролетарскими массами, на спине которых аппарат поднялся. Отсюда его идеалистические иллюзии. Его мышление не материалистично, не исторично. Он не понимает взаимоотношений между классом и временными историческими аппаратами, между прошлой эпохой и нынешней. Тов. Гортер об'являет: профсоюзы обанкротились, социал-демократия обанкротилась, коммунизм обанкротился, рабочий класс обуржуазился. Нужно начать с головы, с группы избранных, которые мимо всех старых форм организации принесут пролетариату чистую истину, омоют его от буржуазных предрассудков и подготовят, наконец, к пролетарской революции. Как я уже сказал, такого рода идеалистическое высокомерие является оборотной стороной глубочайшего скептицизма.

И сейчас по отношению к той эпохе, в которой мы живем, по отношению, в частности, к германской революции тов. Гортер сохраняет все особенности своего анти-материалистического, анти-диалектического, анти-исторического мышления. В Германии революция длится два года. Мы наблюдаем в ней смену известных группировок, настроений, методов и пр. В этой смене есть своя планомерность, которую можно и должно было предвидеть, и которую мы, на основании нашего анализа и опыта, предвидели и предсказывали. Между тем тов. Гортер не имеет ни малейшей возможности попытаться доказать или хотя бы заявить, что представляемая им точка зрения систематически и планомерно развивается в Германии и усиливает свое влияние, обогащаясь опытом революции.

Тов. Гортер с величайшим презрением говорит о расколе в среде немецкой независимой социал-демократии[220]). Для него это не стоющий внимания эпизод в среде оппортунистов и мелко-буржуазных болтунов. Но этим только доказывается вся поверхностность его точки зрения, ибо Коммунистический Интернационал, еще в период своего возникновения, до своего формального основания, в лице своих теоретических представителей, предвидел неизбежность как нарастания независимой партии, так и ее дальнейшего перерождения и раскола. Для нас этот раскол не пустой эпизод, а многозначительный этап в революционном развитии германского

пролетариата. Мы предсказывали его в начале революции. Мы стремились к нему. Мы его подготовляли рука об руку с немецкими коммунистами. Теперь мы его достигли. Создание в Германии об'единенной коммунистической партии не пустой эпизод, а величайшей важности историческое событие. На этом историческом факте, помимо всего прочего, снова обнаружена правильность нашего исторического прогноза и нашей тактики. Тов. Гортеру с его формально-пропагандистскими, рационалистическими речами, следовало бы десять раз подумать, прежде чем предавать анафеме то направление, которое растет вместе с революцией, которое само предвидит свой завтрашний и послезавтрашний день, ставит себе ясные цели и умеет их добиваться. Но вернемся к парламентаризму. Тов. Гортер говорит нам: «вы, восточные люди, не искушенные в вопросах буржуазно-демократической политики и культуры, не отдаете себе отчета в том, что означает для рабочего движения парламент и парламентаризм». И в интересах нашего хотя бы частичного просвещения тов. Гортер об'ясняет нам развращающее влияние парламентского реформизма. Да, если ограниченный разум людей Востока не способен вообще ориентироваться в этих вопросах, то незачем и разговаривать с нами. Но я очень опасаюсь, что устами тов. Гортера говорит вовсе не последнее слово западно-европейской революционной мысли, а лишь одна ее сторона: консервативная ограниченность. «Коммунистический Манифест», разумеется, казался в свое время, да и сейчас представляется многим французским и великобританским «социалистам» продуктом немецкой культурной и политической отсталости. Нет, довод от меридиана недостаточно убедителен. Хотя мы и спорим сейчас на меридиане Москвы, но считаем себя участниками мирового опыта рабочего класса, мы знаем — и не только по книжкам — эпоху борьбы реформизма и марксизма в международном рабочем движении, мы близко и критически наблюдали социал-демократический парламентаризм в ряде стран и с достаточной ясностью представляем себе его место в развитии рабочего класса.

В сердцах рабочих — по словам тов. Гортера — слишком велико раболепие перед парламентаризмом. Это верно. Но к этому нужно прибавить, что в сердцах иных идеологов это раболепие дополняется мистическим страхом перед парламентаризмом. Тов. Гортер думает, что если он обойдет на километр здание парламента, то раболепие рабочих перед парламентаризмом ослабеет или уничтожится. Такая тактика покоится на идеалистических суевериях, а не на реальностях. Коммунистическая точка зрения берет парламентаризм в связи со всеми политическими отношениями, не

фетишируя парламентаризм ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Парламент есть средство политического обмана и усыпления масс, распространения предрассудков, поддержания иллюзий политической демократии и т. д. и т. д. Все это бесспорно. Но разве парламент в этом отношении стоит особняком? Разве со страниц газет и, прежде всего, социал-демократических не распространяется мелко-буржуазная отрава? Не нужно ли нам отказаться от печати, как от орудия коммунистического воздействия на массы? Или, может быть, самый факт, что группа тов. Гортера повернется спиной к парламенту, скомпрометирует парламентаризм? Если бы это было так, это означало бы, что в глазах массы идея коммунистической революции, представляемая группой тов. Гортера, стоит выше всего. Но тогда пролетариат, разумеется, без труда разогнал бы парламент и взял бы в свои руки власть. Но ведь этого нет. Сам тов. Гортер не только отрицает, но, наоборот, карикатурно преувеличивает уважение и раболепство масс перед парламентаризмом. А какой он делает вывод? Нужно сохранить «чистоту» собственной группы, т.-е. секты. В конце концов, доводы тов. Гортера против парламентаризма могут быть направлены против всех форм и методов классовой борьбы пролетариата, ибо все эти формы и методы оказались глубоко зараженными оппортунизмом, реформизмом и национализмом. Воюя против использования профсоюзов и парламентаризма, тов. Гортер игнорирует отличие III Интернационала от II, коммунизма от социал-демократии и, главное, не уясняет себе различия двух исторических эпох и двух мировых обстановок.

Сам тов. Гортер признает, впрочем, что до революции парламентские речи Либкнехта имели большое значение. Но, говорит он, после начала революции парламентаризм теряет всякий смысл. К сожалению, тов. Гортер не поясняет нам, о какой революции у него идет речь. Либкнехт произносил свои речи в рейхстаге накануне буржуазной революции. Теперь в Германии буржуазное правительство и страна идут навстречу своей пролетарской революции. Во Франции буржуазная революция произошла давно, а пролетарской революции все еще нет, и нет гарантии, что она наступит завтра, через неделю или даже через год. Тов. Гортер признает, как мы от него слышали, что использование парламентаризма допустимо и полезно до революции. Прекрасно, но ведь и Германия, и Франция, и Англия—увы!—все вообще цивилизованные страны мира еще не вошли в пролетарскую революцию. Мы переживаем подготовительную к ней эпоху. Если в период до революции парламентские речи Либкнехта могли иметь революционное

значение, то почему тов. Гортер отвергает парламентаризм для нынешней подготовительной эпохи? Или он проглядел разницу между буржуазной и пролетарской революцией в Германии, не заметил между ними двухлетнего промежутка, который может затянуться и дольше? Тут у тов. Гортера явная недодуманность, приводящая к противоречиям. Он, повидимому, считает, что так как Германия «вообще» вступила в период революции, то нужно «вообще» отказаться от парламентаризма. Но как быть в таком случае с Францией? Только идеалистические предрассудки могут диктовать нам отказ от парламентской трибуны, которую мы можем и должны использовать именно для того, чтобы подорвать в среде рабочих суеверия парламентаризма и буржуазной демократии.

Вполне возможно, что каждое парламентское слово Либкнехта в до-революционной Германии находило гораздо больше слушателей, чем нашло бы теперь. Целиком признаю вообще, что в эпоху надвигающейся революции парламентские речи, хотя бы и самые революционные, не могут производить такое действие, какое производили или могли бы производить несколько лет тому назад, в момент наивысшего господства милитаризма. Мы вовсе не говорим, что парламентаризм имеет всегда и везде одно и то же значение. Наоборот, парламентаризм и его место в борьбе пролетариата должны расцениваться с точки зрения конкретных условий времени и места. Но именно поэтому чистейшим суеверием является огульное отрицание парламентаризма. В последнем счете такое отрицание равносильно страху добродетельного человека, который не выходит на улицу из опасения подвергнуть свою добродетель каким-либо искушениям. Если я революционер и коммунист, работающий под действительным руководством и контролем централизованной пролетарской партии, то я могу действовать в профессиональной организации, на фронте, в газете, на баррикадах, в парламенте, но остаюсь тем, чем должен быть, не парламентарием, не газетным писакой, не профессионалистом, а революционным коммунистом, который использует все пути, средства и методы во имя социальной революции.

Наконец, последняя глава тов. Гортера: «Масса и вожди». В этом вопросе его идеализм и формализм находят не менее яркое выражение, чем в других. «Не гоняйтесь за большими массами, — поучает нас тов. Гортер. — Лучше иметь небольшое количество, но хороших товарищей».

В таком виде этот рецепт бессодержателен. Во-первых, мы видим на примере Голландии, да и других мест, что небольшое,

строго законсервированное число членов организации отнюдь не спасает от идейных шатаний, а в известном смысле способствует им, ибо организация сектантского типа не может обладать необходимой устойчивостью. Во-вторых — и это главное — нельзя забывать, что нашей целью является не что иное, как революция. Революцией же может руководить только массовая организация. Гортеровская борьба против «культа вождей» имеет чисто идеалистический, почти словесный характер, при чем он впадает в противоречия на каждом шагу. Нам не нужно вождей,—говорит он,— центр тяжести должен быть перенесен на массы. А, с другой стороны, он же предупреждает нас: не гоняйтесь за массами. Связь между партией и классом определяется — по Гортеру — чисто-педагогическим взаимоотношением между небольшим пропагандистским обществом и зараженным буржуазностью пролетариатом. Но как раз в таких организациях, где царит страх перед массами, где нет к ним доверия, где хотят заполучить членов путем индивидуальной пропаганды, где работа происходит не на основе классовой борьбы, а на основе идеалистического просвещения, как раз там вожаки должны играть непропорционально большую роль. Мне нет надобности приводить примеры. Тов. Гортер сам найдет их немало. (Возглас: «Германская Коммунистическая партия!»). История Германской Коммунистической партии еще слишком свежа. Она до сих пор еще слишком мало вела массы за собой, чтобы на опыте можно было сколько-нибудь полно определить взаимоотношение масс и вождей. Только теперь, после раскола независимой социалистической партии, который произошел, благодаря работе коммунистической партии (несмотря на ее несомненные отдельные ошибки, на которых вы так настаиваете), лишь теперь начинается новая эпоха в жизни германского пролетариата и германского коммунизма. Воспитание масс и отбор вождей, развитие самодеятельности масс и установление соответственного контроля над вождями, — все это взаимно связанные и взаимно обусловленные явления и процессы. Я не знаю такого рецепта, при помощи которого можно было бы искусственно перенести центр тяжести с вождей на массы. Гортер указывает на пропаганду избранных. Допустим на минуту. Но пока эта пропаганда овладеет массами, поднимет их, центр тяжести действия будет, очевидно, среди тех, которые ведут пропаганду, т.-е. среди инициаторов или вождей. Сплошь да рядом в борьбе против вождей находит свое выражение демагогическая форма борьбы против идей и методов, представляемых данными вождями. Если эти идеи и методы правильны, тогда влияние данных вождей равносильно влиянию правильных методов и идей;

от имени же массы выступают те, которые не умеют массой овладеть. Вообще говоря, отношение между вождями и массой обусловлено культурно-политическим уровнем рабочего класса, зависит от того, есть ли у него революционные традиции и навыки массового действия и какой толщины слой пролетариата прошел школу классовой организации и марксистского воспитания. Самостоятельной проблемы «вожди и массы» нет. Расширяя арену своего идейного влияния, проникая во все сферы жизни и борьбы рабочего класса, вовлекая все более широкие рабочие массы в активную борьбу под знаменем революционного переворота, — коммунистическая партия тем самым расширяет и углубляет самодеятельность рабочих масс, и, отнюдь не уменьшая роли вождей, наоборот, придавая ей небывалый исторический размах, делает, однако, эту роль более тесно связанной с самодеятельностью масс и подчиняет ее их организованному и сознательному контролю.

Тов. Гортер говорит, что нельзя начинать революции, пока вожди не поднимут умственный уровень рабочего класса так, чтобы он окончательно уразумел свою историческую задачу. Но ведь это чистейший идеализм! Как будто бы момент наступления революции действительно зависит только от степени просвещения рабочего класса, а не от целого ряда других факторов — внутренних и международных, экономических и политических и, в частности, от влияния нужды наиболее обездоленных трудящихся масс, ибо нужда — с позволения тов. Гортера — остается важнейшей пружиной пролетарской революции. Очень может быть, что при дальнейшем ухудшении экономического положения Европы в Голландии разразится революция в такой момент, когда голландская коммунистическая партия все еще будет представлять собою лишь небольшую по численности группу. Вовлеченные в революционный водоворот, голландские рабочие не станут себя спрашивать, не нужно ли им подождать, пока коммунистическая партия успеет подготовить их для вполне сознательного и планомерного участия в событиях. Вполне вероятно, что Англия вступит в эпоху пролетарской революции, имея лишь сравнительно малочисленную коммунистическую партию. Тут ничего не поделаешь, ибо пропаганда идей коммунизма не есть единственный фактор истории. Отсюда следует лишь тот вывод, что рабочий класс Англии — если он пересечением больших исторических причин окажется уже в ближайший период вовлеченным в открытую пролетарскую революцию — должен будет в процессе своей борьбы за власть и сейчас же после завоевания власти создавать себе свою массовую партию, расширять и укреплять ее, а в первую эпоху революции малочи-

сленной коммунистической партии придется, не отрываясь от общего движения и считаясь с данным уровнем сознательности и организованности пролетариата, стремиться вносить в фактически развертывающуюся революцию максимум коммунистической сознательности.

Вернемся к Германии. Во главе германского пролетариата в момент, когда открывалась эпоха, не оказалось боевой партийной организации. Рабочий класс оказался вынужден строить свою действительно революционную партию в самом ходе открытой борьбы. Отсюда — крайне затяжной характер этой борьбы, связанной с большими жертвами. Что мы наблюдаем в Германии? Ряд наступлений и отступлений, восстаний и поражений, переходы от нападения к защите, критический самоанализ, самоочищение, расколы, переоценку вождей и методов, новые расколы и об'единения. В этом горниле борьбы, на основе небывалого революционного опыта вырабатывается настоящая коммунистическая партия. Пренебрежительное отношение к этому процессу, как к склоке «вождей», как к семейным дрязгам оппортунистов между собою и пр. и пр., свидетельствует только о чрезвычайной близорукости, чтобы не сказать — о слепоте. Когда видишь, как германский рабочий класс позволял своим «вождям» — Шейдеманам, Эбертам и др. — закабалять себя во славу империализма, как потом широкие массы порывали со своими империалистическими вождями и, ища новой ориентировки, создавали временные условия для влияния Каутских и Гильфердингов [221]), как затем лучшая и наиболее боевая часть этих масс создала коммунистическую партию, на первых порах малочисленную, но твердо и правильно рассчитывающую на дальнейший процесс революционизирования пролетарских масс — когда наблюдаешь, далее, расслоение внутри независимой партии и фактический раскол между оппортунистическими вождями, между рабочей демократией и революционными массами, увлекающими за собою лучшую часть вождей, — когда оцениваешь этот процесс в полном его об'еме не с точки зрения педанта, а с точки зрения материалистически мыслящего революционера, — то говоришь себе: здесь, в рамках об'единенной коммунистической партии создается новая основа в новой обстановке для подлинного развития революционной партии пролетариата. Если тов. Гортер не видит этого, то его можно только пожалеть. Если представляемая им здесь организация К. А. Р. D. (Коммунистическая Рабочая партия Германии), в которой есть, несомненно, большое число прекрасных рабочих-революционеров; если эта малочисленная организация боится вступить в Об'единенную Коммунистическую партию [222]), которая

создается не путем поверхностного рекрутирования, а в муках революции, после проделанной глубокой борьбы, после расколов и очищений, — то этот страх означает лишь, что вожди К. А. Р. D. играют в ней пока еще слишком большую роль и заражают руководимых ими рабочих тем недоверием к пролетарским массам, которым была насквозь проникнута речь тов. Гортера.

РЕЧЬ НА II МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КОММУНИСТОК.

(15 июля 1921 года).

Товарищи, мы сейчас заседаем, — ваша конференция коммунисток и настоящий Конгресс III Коминтерна, — мы заседаем и работаем сейчас в момент, который не отличается той определенностью, той ясностью, отчетливостью основных линий, какими отличался на первый взгляд первый, непосредственно следовавший после войны, Конгресс. Наши враги и наши противники говорят даже, что мы окончательно и полностью ошиблись в наших расчетах. Мы, коммунисты, предполагали и надеялись, так говорят наши противники, на то, что мировая революция пролетариата разразится либо во время войны, либо непосредственно после войны. Но вот после войны уже истекает третий год, за это время было много революционных движений, но только в одной стране, именно в нашей экономически, политически и культурно отсталой России, революционное движение привело к диктатуре пролетариата, которая удержалась до сего дня и, надеюсь, удержится и впредь. В других странах революционное движение привело только к замене режима Гогенцоллернов и Габсбургов режимом буржуазии в форме буржуазной республики. Наконец, в целом ряде стран движение сводилось к стачкам, к манифестациям, к отдельным восстаниям, которые подавлялись, и в общем основы капиталистического режима сохранились во всем мире, кроме России.

Отсюда наши враги делают тот вывод, что если капитализм не свалился в результате мировой войны в течение ближайших после войны 2—3 лет, когда подводились итоги, то, стало быть, международный пролетариат доказал свою неспособность и, наоборот, международный капитализм доказал свою способность и силу удержать свою позицию, восстановить свое равновесие.

И вот сейчас Интернационал стоит перед вопросом о том, будет ли ближайший период, будут ли ближайшие годы временем вос-

становления господства капитализма на новых, более высоких основах, или же они будут временем возрастающего натиска пролетариата на капитал, натиска, который должен закончиться диктатурой рабочего класса? Этот вопрос является основным для мирового пролетариата, а стало быть, и для его женской секции. Здесь, товарищи, я не могу, разумеется, сделать даже попытки дать полный ответ на этот вопрос: сейчас у меня для этого слишком мало времени, я попытаюсь сделать это по поручению Исполкома на Конгрессе, но одно, я думаю, совершенно ясно для нас, для коммунистов, для марксистов: мы знаем, что история, ее движение, определяется об'ективными причинами, но история совершается людьми и через людей. Революция совершается через рабочий класс. История ставит перед нами, в сущности, вопрос таким образом: капитализм подготовил мировую войну, мировая война разразилась и погубила миллионы жизней и миллиарды народного достояния. Она расшатала все. И вот на этом полуразвалившемся фундаменте борются два основных класса — буржуазия и пролетариат. Буржуазия хочет восстановить капиталистическое равновесие и свое классовое господство, пролетариат хочет опрокинуть господство буржуазии. Здесь нельзя вопрос решить с карандашом в руках, как счет мелочной лавочки. Нельзя сказать: история повернула к восстановлению капитализма, а можно только сказать, что если бы уроки предшествовавшего развития, уроки войны, уроки революции русской, полуреволюции германской, австрийской и пр., если бы они погибли даром, если бы рабочий класс согласился снова держать шею свою в ярме капитала, то, может быть, буржуазия восстановила бы свое равновесие, уничтожив цивилизацию Зап. Европы и перенеся центр мирового развития в Америку, Японию, Азию. Целое поколение ушло бы для того, чтобы создать это новое равновесие. Над этим работают сейчас дипломаты, военные люди, стратеги, экономисты, дельцы буржуазии. Они знают, что если история имеет свои глубокие причины, то она делается через людей, через их организацию, через их партии, и, стало быть, наш Конгресс и ваша женская конференция собрались именно для того, чтобы в это неопределенное историческое положение внести определенность сознания и воли революционного класса. В этом состоит существо переживаемого момента и его задачи.

Мы можем сказать, что нам уже теперь не кажется, что так просто притти к власти, как это многим из нас казалось 2—3 года тому назад. В мировом масштабе это дело овладения властью — дело чрезвычайно трудное и сложное. Надо знать, что в самом про-

летариате есть разные слои, разные уровни исторического развития, даже разные временные интересы. Это все в свое время сказывается неизбежно. Слой за слоем вовлекается в революционную борьбу, проходит свою школу, обжигает свои пальцы, отступает назад. За ним другой слой, за другим вовлекается третий—и все они не одновременно, а в разное время проходят через свой приготовительный, первый, второй и следующие классы революционного развития. И вот собрать все это воедино — о, это колоссальной трудности задача! Мы это уже видели на примере Германии. Там, в средней Германии, та часть пролетариата, которая до войны была наиболее отсталой и наиболее преданной Гогенцоллернам, эта часть ныне стала наиболее революционной и активной.

Так же было и у нас, когда в известный момент наиболее отсталая часть пролетариата (уральский пролетариат) благодаря целому ряду причин стала наиболее революционной: в ней произошел крупный перелом. И наоборот, скажем мы, обращаясь снова к Германии, передовые рабочие Берлина и Саксонии вступили на путь революции рано, они сразу успели обжечь себе пальцы, и все же не только не взяли власти, но и были разбиты, а потому они в дальнейшем уже стали осторожнее. В то же время движение рабочих в средней Германии, очень революционное, начавшееся с большим под'емом, — оно не совпало с движением рабочих, более высоко развитых, но более осторожных и отчасти более консервативных. Уже на одном этом примере вы видите, товарищи, как трудно сочетать отдельные выступления рабочих разных профессий, разного уровня развития и культурного уровня. В развитии мирового рабочего движения женский пролетариат играет колоссальную роль. Я это говорю не потому, что нахожусь перед женской конференцией, а потому, что голые цифры указывают, какую роль играет женщина-работница в механике капиталистического мира: во Франции, в Германии, в Америке, Японии, во всех капиталистических странах... Как я узнал из статистики, в Японии женщин-работниц гораздо больше, чем мужчин, и, стало быть, в рабочем движении Японии, если верить тем данным, которыми я лично пользовался, им, пролетаркам-женщинам, будет принадлежать решающая роль, решающее место. И если говорить вообще, то женщина-работница в мировом рабочем движении ближе всего стоит к той именно части пролетариата, которую представляют собою горнорабочие средней Германии и о которой я уже говорил, т.-е. к той части рабочих, которые являются наиболее отсталыми, наиболее подавленными, униженными. И именно поэтому, в годы

колоссального мирового переворота, эта часть пролетариата может и должна стать наиболее активной, революционной, инициативной частью рабочего класса. Разумеется, только активности, только готовности к наступлению недостаточно. Но история в то же время дает такие факты, что за более или менее долгую предшествующую революции эпоху, в мужской части рабочего класса, особенно в его наиболее привилегированных слоях, накапливается слишком много осторожности, консерватизма, оппортунизма и приспособленчества. И та реакция против своей отсталости, приниженности, которая проявляется в женщинах, она может сыграть колоссальную роль в общем революционном движении. Мы снова убедились, что сейчас мы стоим перед исторической заминкой. После империалистической войны три года существует капитализм. Это факт. Эта заминка показывает, как медленно в умах человеческих, в психологии масс, отпечатываются уроки об'ективных событий и фактов. Сознание медленно идет за об'ективными событиями. Мы это видим. Но все-таки логика истории проложит пути в сознании работницы-труженицы и капиталистического мира и азиатского Востока. Опять-таки задачей нашего Конгресса будет не только снова подтвердить, но и фактически точно формулировать, что пробуждение трудящихся масс Востока является сейчас такой же составной частью мировой революции, как и восстание пролетариев Запада, ибо, если английский капитал удержался, самый сильный капитал в ослабленной Европе, то именно потому, что он опирается не только на мало революционных английских рабочих, но и на неподвижность трудящихся масс Востока. В общем и целом, несмотря на то, что события развиваются медленнее, чем мы ожидали и хотели, мы можем сказать, что между I Конгрессом и этим мы стали сильнее. Правда, мы утратили некоторые иллюзии, но зато мы увидели наши ошибки, и кое-чему научились, и вместо иллюзий приобрели более отчетливое понимание. Мы выросли, наши организации окрепли. Наши враги также не упустили этого времени даром. Это указывает, что борьба будет страшно тяжелой. В этой борьбе смысл работы вашей конференции. Женщина будет впредь в гораздо меньшей степени, чем в прошлом, сестрой милосердия в политическом понимании этого слова, — она будет гораздо более прямой участницей общего революционного фронта. И вот почему от глубины души, хотя и с опозданием, я приветствую мировую вашу женскую конференцию и восклицаю вместе с вами: Да здравствует мировой пролетариат! Да здравствуют пролетарки всего мира!

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ МОНАТУ.

Мой дорогой друг!

Пользуюсь случаем, чтобы послать Вам горячий привет и высказать по поводу положения дел во французском синдикализме некоторые свои личные соображения, которые, как я надеюсь, вполне согласуются с руководящей линией III Интернационала в целом.

Я не скрою от Вас, что чувство радости, какое испытываем мы все, наблюдая возрастающий успех революционного синдикализма, сопровождается глубоким беспокойством по поводу дальнейшего развития идей и отношений во французском рабочем движении. Сегодня революционные синдикалисты всех течений являются еще оппозицией и сплачиваются воедино именно своим оппозиционным положением. Завтра, с того момента, как вы овладеете Всеобщей Конфедерацией Труда [223]),—а мы не сомневаемся, что этот день близок,—вы встанете перед основными вопросами революционной борьбы. И вот именно здесь открывается область серьезного беспокойства.

Официальной программой революционного синдикализма является амьенская хартия [224]). Для того, чтобы сразу как можно резче формулировать свою мысль, я скажу прямо, что *ссылка на амьенскую хартию есть не ответ, а уклонение от ответа.* Для всякого мыслящего коммуниста совершенно ясно, что французский довоенный синдикализм был глубоко значительным и важным революционным течением. Амьенская хартия была чрезвычайно ценным документом классового движения пролетариата. Но этот документ исторически ограничен. С того времени произошла мировая война, создалась Советская Россия, по всей Европе прошла могущественная революционная волна, вырос и развился III Интернационал. Старые синдикалисты и старые соц.-демократы разбились на два и даже на три враждебных лагеря. Новые вопросы гигантского размера встали перед нами, как практические вопросы дня. В амьенской хартии на эти вопросы ответа нет. Когда я читаю «La Vie Ouvrière», я и там не нахожу ответа на основные вопросы революционной борьбы. Неужели же ныне, в 1921 году, наша задача состоит в возвращении на позиции 1906 года, в «восстановлении» (réconstruction) довоенного синдикализма? Эта позиция принципиально очень похожа на позицию политических «восстановителей» (réconstructeurs), которые мечтают вернуться к «чистому» социализму, каким он был до военного грехопадения. Эта

позиция бесформенна, она консервативна и грозит стать реакционной.

Как вы представляете себе руководство синдикалистским движением с того момента, когда в ваших руках будет большинство во Всеобщей Конфедерации Труда? Синдикаты охватывают в своих рядах партийных коммунистов, революционных синдикалистов, анархистов, социалистов и широкую беспартийную массу. Разумеется, всякий вопрос революционного действия в последнем счете должен быть проведен через весь синдикальный аппарат, охватывающий сотни тысяч и миллионы рабочих. Но кто будет учитывать революционный опыт, анализировать его, делать из него необходимые выводы, формулировать определенные предложения, лозунги, методы борьбы и проводить их в широкие массы. Кто будет руководить? Думаете ли вы выполнять эту работу в качестве кружка «La Vie Ouvrière»? В этом случае можно с уверенностью сказать, что рядом с вами возникнут другие кружки, которые под знаменем революционного синдикализма будут оспаривать ваше право на руководство. А затем — как быть с многочисленными коммунистами в синдикатах? Каковы будут отношения между ними и вашей группировкой? В руководящих органах одного синдиката могут преобладать партийные коммунисты, в органах другого синдиката — революционные синдикалисты, стоящие вне партии. Предложения и лозунги группы «La Vie Ouvrière» могут разойтись с предложениями и лозунгами коммунистической организации. Эта опасность глубоко реальна, она может стать фатальной, и через несколько месяцев после нашей победы в синдикальном движении она может вернуть господство Жуо, Дюмулена и Мергейма».

Я хорошо знаю предубеждение против «партии» и против «политики» в среде французских рабочих, прошедших анархо-синдикалистскую школу. Я совершенно согласен с тем, что нельзя одним резким ударом сломить эти настроения, которые вполне оправдываются прошлым, но являются крайне опасными для будущего. В этом вопросе я вполне могу понять *постепенность* перехода от старой разобщенности к полному слиянию революционных синдикалистов и коммунистов в единой партии. Но нужно ясно и твердо поставить перед собой эту цель. Если в партии имеются еще центристские тенденции, то они имеются и в синдикальной оппозиции. Дальнейшее воспитание и идейное очищение необходимы и здесь и там. — Дело вовсе не идет о подчинении синдикатов партии, а об об'еди-

нении революционных коммунистов и революционных синдикалистов в рамках одной партии и о согласованной централизованной работе всех членов этой об'единенной партии внутри синдикатов, которые остаются при этом автономными, организационно независимыми от партии. Дело идет о том, чтобы действительный авангард французского пролетариата сплотился во имя своей основной исторической задачи — завоевания власти — и под этим знаменем вел бы свою линию внутри синдикатов, этих основных, решающих организаций рабочего класса в целом.

Есть известная психологическая трудность в том, чтобы переступить порог партии после многолетней революционной борьбы вне партии. Но это значит останавливаться перед формой, нанося величайший ущерб существу. Ибо я утверждаю, что вся Ваша прошлая работа была не чем иным, как подготовкой к созданию коммунистической партией пролетарского переворота. Довоенный революционный синдикализм был эмбрионом коммунистической партии. Возвращаться к эмбриону было бы чудовищным движением назад. Наоборот, активное участие в построении настоящей коммунистической партии означает продолжение и развитие лучших традиций французского синдикализма.

Каждому из нас приходилось в эти годы отказываться от одной, уже устаревшей, части своего прошлого, чтобы спасти, развить и обеспечить победу той части прошлого, которая выдержала испытание событий. Такого рода внутренняя революция нелегка. Но только этой ценой приобретается право на действительное участие в революции рабочего класса.

Дорогой друг! Я считаю нынешний момент решающим надолго судьбу французского синдикализма, а стало быть и французской революции. В этом решении Вам принадлежит значительное место. Вы нанесли бы жестокий удар тому делу, одним из лучших работников которого Вы являетесь, если теперь, когда нужно окончательно выбирать, Вы повернулись бы спиной к коммунистической партии. Я не сомневаюсь, что этого не будет.

Крепко жму руку и остаюсь горячо Вам преданным

13 июля 1921 года.

ПИСЬМО т.т. КАШЕНУ [225]) И ФРОССАРУ [226])

Дорогие друзья!

Я пользуюсь случаем, чтобы в этом личном письме попытаться устранить некоторые возможные недоумения и недоразумения, вытекающие из крайне плохих связей между Парижем и Москвой. Со времени революционных событий в Германии в марте этого года, когда немецкая буржуазная пресса стала повторять, что мартовское движение вызвано приказом Москвы, ввиду наших внутренних затруднений, у меня и, насколько я знаю, у других товарищей, возникло опасение на счет того, не вызовут ли эти слухи тревоги в среде других коммунистических партий Европы. Можно надеяться, что III Конгресс рассеял на этот счет какие бы то ни было сомнения и опасения. Самые эти опасения, поскольку они кое-где возникали (может быть, и во Франции), могли питаться только недостаточной взаимной осведомленностью. Совершенно очевидно, что если бы мы даже стояли на точке зрения интересов только Российской Советской Республики, а не европейской революции, то и тогда мы должны были бы сказать, что действительную помощь нам могут оказать не частичные, тем более, искусственно вызванные восстания, а только революционная победа пролетариата в Европе. Поэтому интересы России требуют только тех движений, тех восстаний, какие вытекают из внутреннего развития европейского пролетариата. Уже это одно исключает возможность каких бы то ни было авантюристских «указов» из Москвы. Но Москва вовсе не стоит на «московской» (moscovite) точке зрения. Русская Советская Республика есть для нас только точка отправления для европейской и мировой революции. Интересы последней являются для нас во всяком крупном вопросе решающими. Надеюсь, что III Конгресс не оставил на этот счет места никаким сомнениям.

Насколько можно судить на большом расстоянии, политическая подготовка Франции к революции происходит с превосходной планомерностью. У вас явно надвигается эпоха керенщины, режим радикально-социалистического блока, как первая смутная реакция против военной эпохи. Французская керенщина, в которой соединятся раздражение и отчаяние мелкого буржуа, эгоизм крестьянина, который не хочет платить за разбитую посуду войны, консерватизм более привилегированного рабочего, который надеется удержать для себя положение, созданное войной, и проч. и проч.,—французская керенщина будет означать чрезвычайную

расшатку государственного аппарата. Между империалистскими кликами и их кандидатами в галифэ, с одной стороны, и нарастающей пролетарской революцией, с другой, станет временно в виде буфера беспомощный блок радикалов и социалистов—Кайо[227]), Лонгэ и компания. Это будет великолепное вступление в пролетарскую революцию. Если издыхающий национальный блок успеет ввести свой закон против коммунистов, можно будет только благодарить судьбу за такой подарок. Полицейские и административные преследования, аресты и обыски будут весьма полезной школой для французского коммунизма накануне его вступления в фазу решающих событий. По «L'Humanité» мы с большим интересом и вниманием следим за тем, с какой энергией вы развиваете кампанию против закона Бриана-Барту. Если вы сорвете это предприятие, авторитет партии сильно вырастет. Если закон будет все же введен, это опять-таки послужит нам на пользу.

Поскольку «L'Humanité» отражает линию руководящих кругов партии, представляется ясным, что эта линия становится все более радикальной и решительной. К сожалению, по «L'Humanité» труднее судить о настроении более широких кругов рабочего класса. Так, в «L'Humanité» почти нет писем рабочих, корреспонденций с фабрик и заводов и других документов, непосредственно отражающих повседневную жизнь масс. Чрезвычайно важно было бы как для французского, так и для мирового коммунизма более точное выяснение того, какие круги пролетариата читают «L'Humanité» и что именно они читают в газете. Правильная сеть рабочих сотрудников и корреспондентов станет в известный момент аппаратом революционного восстания и будет проводить в массу лозунги и директивы своей газеты, придавая стихийному движению то единство, которого ему так часто недоставало в прошлых революциях. Революционная газета не может висеть над массой, она должна иметь многочисленные корни в самой массе.

Вопрос об отношении партии к рабочему классу есть, прежде всего, вопрос об *отношении партии к синдикатам*. Насколько можно судить отсюда, это сейчас самый острый и самый тревожный вопрос французского рабочего движения. Группа «La Vie Ouvrière» представляет драгоценную часть французского рабочего движения уже по одному тому, что она сплотила довольно значительное число надежных, преданных, испытанных работников. Но, если бы эта группа—чего я не думаю—продолжала отстаивать свою обособленность и замкнутость, ей грозила бы опасность превратиться

в секту и оказаться тормозом дальнейшего развития синдикатов и партии. Своей нынешней бесформенной политикой в отношении синдикатов—в духе статьи Вердье[228])—партия содействует консервированию слабых сторон «La Vie Ouvrière» и задерживает развитие ее сильных сторон. Партия должна поставить себе задачу *завоевания синдикатов извнутри*. Дело идет не о том, чтобы лишить синдикаты автономии и подчинить их партии (это вздор!), а о том, чтобы коммунисты стали внутри синдикатов лучшими синдикальными работниками, завоевали бы доверие масс и получили решающую роль в синдикатах. Само собою разумеется, что коммунисты в синдикатах действуют как дисциплинированные члены партии, проводя ее основные директивы. Необходимо во что бы то ни стало иметь в Центральном Комитете партии несколько рабочих-коммунистов, играющих видную роль в синдикальном движении. Необходимо, чтобы коммунисты, работающие в синдикальном движении, периодически собирались и обсуждали методы своей работы под руководством членов Центрального Комитета партии.

Разумеется, мы должны поддерживать самые дружественные отношения с революционными синдикалистами, стоящими вне партии, но в то же время нам необходимо уже сейчас создать в синдикатах свои чисто партийные ячейки, которые могут затем об'единяться в смешанных ячейках с анархо-синдикалистами. Только при условии сплоченности и дисциплинированности коммунистических ячеек в синдикатах, распыленные анархо-синдикалистские элементы будут к нам все более и более примыкать, убеждаясь на опыте, как необходимы дисциплина и централизованное единство руководящей линии, *т.-е. партия*.

Если мы будем просто замалчивать наши разногласия с синдикалистами и анархистами, то эти разногласия могут затем обрушиться на нас в виде катастрофы в решающий момент.

Я прошу вас отнестись доброжелательно к тому, что я с такой свободой высказываю свои мысли по поводу положения дела во Франции, которое вам известно лучше, чем мне. Моим оправданием служит, с одной стороны, свежий опыт русской революции, с другой стороны—мой глубокий интерес к вопросам французского рабочего движения. Я разделял с некоторыми близкими товарищами сожаление о том, что вас обоих не было на конгрессе. Нельзя ли надеяться на то, что либо вы оба, либо по одиночке, найдете возможным побывать в Москве еще до ближайшего конгресса французской партии? Нет никакого сомнения в том, что ваше свидание с новым Исполкомом Коминтерна принесло бы

большую пользу обеим сторонам, устранив возможность всяких недоумений, и еще больше укрепило бы организационную и идейную связь между нами.

Жму ваши руки и сердечно приветствую вас.

14 июля 1921 г.

О ЦЕНТРАЛЬНОМ ОРГАНЕ ПАРТИИ—«L'HUMANITÉ» *).

Дорогой товарищ!

Согласно выраженному Вами желанию, я более детально формулирую свой взгляд на «L'Humanité».

1. Очень важное место во французской коммунистической газете занимают парламентские отчеты. Не потому, чтобы мы— подобно реформистам — считали участие в парламенте основным или особенно важным методом борьбы рабочего класса, но именно потому, что, отводя парламенту и парламентаризму то место, которое они действительно занимают в нынешнем обществе, должны рассеять как предрассудки парламентарного реформизма, так и анти-парламентские суеверия анархизма. Задача парламентских отчетов состоит в том, чтобы показать рабочим действительную роль парламента и представленных в нем партий. Между тем, этот отдел поставлен в «L'Humanité», на мой взгляд, в корне неправильно. Дебаты излагаются в легкой журналистской форме шуток, намеков и проч. Никогда не указывается, к какой партии принадлежит оратор, интересы какого класса или части класса он представляет, никогда не вскрывается классовый характер защищаемых идей, никогда речь или предложение не сводятся к их существу, а все растворяется во внешних противоречиях, в игре словами, шутках и проч. Я не сомневаюсь, что из 100 рабочих, которых Вы остановите на улице у выхода из фабрики и которым прочитаете парламентский отчет из «L'Humanité», 99 не поймут и ничему не научатся, а сотый, может быть, и поймет кое-что, но тоже ничему не научится. Нельзя писать в рабочей газете о парламенте и об его внутренней борьбе в стиле журналистов, разговаривающих между собой в курительной комнате парламента.

В этой области особенно необходимы ясность, отчетливость, популярность. Я вовсе не хочу сказать, что нужно давать сухие резюмэ дебатов с подстрочными примечаниями об ораторах и пар-

---

*) Настоящее письмо адресовано т. Люси Лесьяг.

тиях. Наоборот, отчеты должны иметь живой агитационный характер. Но это значит, что автор должен ясно представлять себе своего читателя и должен ставить своей задачей вскрыть пред этим читателем классовое существо парламентской работы и махинаций. Иной раз достаточно из целой речи вырвать два слова, чтобы охарактеризовать не только оратора, но и его партию. Нужно повторять, подчеркивать, настаивать, еще раз повторять и еще раз подчеркивать, а не порхать журналистски по поверхности парламентских дискуссий.

2. Отношение «L'Humanité» к диссидентам [229]) слишком неопределенное и временами прямо неправильное: раскол слишком серьезная вещь, и раз мы признали раскол неизбежным, то нужно, чтобы масса поняла его во всем его значении. Нужно беспощадно разоблачать политику диссидентов. Нужно сделать их вождей и их прессу смешными и ненавистными в глазах массы. Таким путем широкая партийная масса достигает гораздо большей политической отчетливости и ясности. В номере от 17 апреля этого года т. Launat занимает в отношении к диссидентам совершенно неправильную позицию. Он выражает пожелание, чтобы текст законопроекта Поля Бонкура появился скорее, дабы можно было проверить, действительно ли разногласия так непримиримы, как утверждает Блюм [230]). Вся статья, как и некоторые другие на эту тему, написана в таком духе, как если бы у нас с лонгетистами была не непримиримая политическая борьба, а просто товарищеская дискуссия. Это в корне неправильно. Разумеется, нам необходимо оторвать от лонгетистов идущую за ними часть рабочих. Но мы достигнем этого только беспощадной кампанией против лонгетизма во всех его проявлениях.

3. Я прочитал статью т. Фроссара в номере от 5 мая: «Sang froid et discipline». По существу статья совершенно правильна, поскольку она говорит, что делать и как делать. Но она недостаточна, ибо не дает выхода тому чувству протеста, которое охватило лучшие элементы рабочего класса. Тон самой газеты был недостаточно тверд и энергичен. Газета не дополнила парламентской фракции, выступления которой были чрезвычайно слабы и даже принципиально неправильны. Не берусь высказаться с определенностью, но, вероятно, возможны были такие формы протеста, которые не ангажировали бы партию на решительные действия. Никакого указания в этом смысле в «L'Humanité» не заключалось.

4. В номере от 3 апреля помещена передовая статья «Христианство и социализм». Статья находится в вопиющем противо-

речии с марксизмом, пытаясь обосновать социализм общими местами евангелия. Автор ссылается на Советскую Россию, где церковь терпима, и требует, чтобы Французская Коммунистическая Партия подражала в этом отношении Советской Республике. Но здесь чудовищное смешение понятий. Советская Республика есть государство, которое вынуждено терпеть в своих рядах предрассудки и их организованное выражение—церковь. Коммунистическая партия есть добровольный союз единомышленников, и она не может терпеть в своих рядах пропаганды христианского социализма и предоставлять для такой пропаганды страницы центрального органа, да еще в виде передовых статей. Партия может мириться с тем фактом, что отдельные члены ее, особенно рабочие и крестьяне, еще не освободились от религиозных предрассудков, но партия, как партия, в лице своих руководящих органов обязана вести реальную просветительную работу. Во всяком случае мы не можем мистикам-интеллигентам позволять эксплоатировать партию, как аудиторию для их религиозных бредней. Такого рода элементы в решительную минуту в 9 случаях из 10 отдадут предпочтение своей христианской половине и станут тормозом революционного действия.

5. Люксембургские товарищи жаловались на безучастие партии к военным насилиям французского правительства над люксембургскими рабочими. Я нашел в «L'Humanité» по этому поводу только одну статью тов. Виктора Мерик [231]). Несомненно, что именно в этом вопросе можно и должно было развернуть гораздо большую агитацию.

6. Колониальные вопросы в слишком слабом тоне отражаются на страницах «L'Humanité». Между тем, отношение к колониальному рабству является действительным испытанием для революционности пролетарской партии. Передовая статья в номере от 20 мая по поводу мнимого заговора в Индо-Китае написана в демократическом, а не в коммунистическом духе. Нам необходимо пользоваться всеми случаями для внедрения в сознание рабочих права колоний на восстание и отторжение от метрополии. Мы при всех случаях обязаны подчеркивать, что долг рабочего класса поддержать колонии в их восстании против метрополии. Социальная революция не только в Англии, но и во Франции означает не только восстание пролетариата, но и восстание колониальных народов против метрополии. Всякая неопределенность в этом отношении становится источником и прикрытием шовинизма.

7. В ряде статей и особенно заметок наблюдается неосторожное обращение с понятиями: отечество, республика, любовь к своей

стране и проч. и проч. Именно во Франции точность терминологии, строго выдержанный классовый характер политической фразеологии важнее, чем где бы то ни было.

8. Я не стану приводить многочисленных примеров крайней неопределенности и прямо нерешительности линии «L'Humanité» в отношении к синдикализму. Ряд статей в корне нарушает основные принципы марксизма и коммунизма. Коммунисты пишут статьи, целиком направленные против линии партии. Печатаются резолюции синдикалистов без всяких комментариев. Несомненно, «L'Humanité» должна в настоящий период открыть свои столбцы для дискуссии по вопросу о профсоюзах, давая возможность высказаться и другой стороне. Но голос редакции должен раздаваться во всех случаях, иначе читатель безнадежно дезориентируется и запутается. Дискуссия по этому вопросу, особенно во Франции, неизбежно примет характер пестрой разноголосицы. Отсюда может проистечь величайшая смута при нерешительности редакции. Наоборот, при твердом курсе редакции масса выберет принципиально правильную и строго выдержанную коммунистическую линию, отбросив путаницу, недоговоренность, противоречивость всех остальных.

9. «L'Humanité» охотно печатает фотографии немецких и английских министров, в том числе немецких социал-демократов и пр. Я думаю, что было бы желательно заменить их портретами коммунистов. Нужно сближать коммунистические партии друг с другом, в том числе и персонально.

10. В заключение пользуюсь случаем, чтобы еще раз выразить свой восторг перед Вашим Гасье [232]).

С товарищеским приветом *Л. Троцкий.*

Москва, 23 июля 1921 года.

Третий Конгресс Коминтерна

КРАСНАЯ АРМИЯ ШТАБУ РЕВОЛЮЦИИ *).

13 июня 1921 г., г. Москва.

Воины Красной армии!

В третий раз мировой с'езд Коммунистического Интернационала собирается в Москве.

Принимать в стенах Красной Столицы лучших представителей мирового рабочего класса — великая радость и честь для рабочих, крестьян и красноармейцев России.

Красные воины! Вы в течение трех с половиной лет отстаивали первую в мире трудовую Республику от непрерывных покушений и нападений хищников и угнетателей всех стран. На Волге и Оби, на Сев. Двине и Неве, на Березине и Днепре, на Дону и Кубани, вы сражались и умирали под знаменем Интернационала. Вы отстояли вашей кровью Советскую Россию — крепость мирового пролетариата. Вместе с нею вы отстояли сердце Советской России— Красную Москву. Вы обеспечили возможность представителям рабочего класса всех стран собраться под вашей защитой, чтобы выработать дальнейшие пути и способы борьбы с засильем капитала— во имя братства, свободы и счастья всего угнетенного человечества.

17 июня гарнизон Москвы от имени всей Красной армии будет торжественно чествовать наших дорогих гостей, наших братьев по борьбе. Революционные воины — красноармейцы, командиры, комиссары! Коммунистическому Интернационалу наше пламенное ура!

Народный Комиссар по военным
и морским делам *Л. Троцкий.*

---

*) «Известия В. Ц. И. К.» 14 июня 1921 г., № 128.

ДОКЛАД О МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ КРИЗИСЕ И НОВЫХ ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

(Заседание 23 июня 1921 г.)

1917 — 1921 г.г.

Мы вступили со времени империалистической войны в революционную эпоху, т.-е. в ту эпоху, когда расшатаны и обрушиваются самые основы капиталистического равновесия. Равновесие капитализма есть очень сложное явление: капитализм вырабатывает это равновесие, нарушает его, снова восстанавливает и снова нарушает, раздвигая вместе с тем рамки своего владычества. В области экономической такими постоянными нарушениями и восстановлениями равновесия являются кризисы и под'емы. В области отношений между классами нарушение равновесия принимает форму стачек, локаутов, революционной борьбы. В области отношений между государствами нарушение равновесия — это война или — в более слабой форме — таможенная, экономическая война, или блокада. Капитализм имеет таким образом равновесие подвижное, которое всегда либо нарушается, либо восстанавливается. Но в то же время это равновесие имеет большую силу сопротивления, лучшим доказательством чего является тот факт, что капиталистический мир до настоящего времени не свалился.

Последняя империалистическая война была тем событием, которое по праву оценивалось нами как колоссальный, небывалый в истории удар по равновесию капиталистического мира. Действительно, из войны выросла эпоха величайших массовых движений и революционных боев. Россия, слабейшее звено капиталистической цепи, первой оказалась выбита из равновесия и первой вступила на путь революции в 1917 году—в марте. Наша мартовская революция нашла широкий отклик в рабочих массах Англии. 1917 год в Англии — год величайших стачечных боев, в течение которых английскому пролетариату удалось приостановить вызванный войною процесс ухудшения условий существования трудящихся масс. В ноябре 1917 года рабочий класс России берет власть. Стачечная борьба ширится во всем капиталистическом мире, начиная с нейтральных стран. Япония осенью 1918 года переживает полосу могущественных «рисовых» беспорядков, которые вовлекают в свой круг по некоторым данным до 25% населения и вызывают жестокие преследования со стороны прави-

тельства микадо. В январе 1918 года—массовая стачка в Германии. Во конце 1918 года, после крушения германского милитаризма, происходят революции в Германии и Австро-Венгрии. Революционное движение расширяется. Наступает наиболее критический для капитализма — по крайней мере европейского — 1919 год. В марте 1919 года возникает советская республика в Венгрии. В январе и марте 1919 года происходят в Германии жестокие бои революционных рабочих с буржуазной республикой. Во Франции атмосфера в период демобилизации стала напряженной, но иллюзии победы и надежды на ее золотые плоды еще слишком сильны; борьба не получает здесь и в отдаленной мере того размаха, как в побежденных странах. В Соединенных Штатах в конце 1919 года стачки получают могущественный размах, захватывая железнодорожников, горнорабочих, металлистов и пр. Правительство Вильсона открывает бешеные преследования против рабочего класса. В 1920 году весной в Германии попытка контр-революционного переворота Каппа мобилизовала и двинула на борьбу рабочий класс. Напряженное, но неоформленное движение немецких рабочих было и на этот раз беспощадно раздавлено республикой Эберта, которую они спасли. Во Франции наибольшей остроты политическое положение достигло в мае прошлого года, во время об'явления всеобщей забастовки, которая, впрочем, далеко не оказалась всеобщей, была плохо подготовлена и предана оппортунистическими вождями, которые ее не хотели, но не смели в этом сознаться... В августе движение Красной армии на Варшаву — тоже часть международной революционной борьбы — терпит неудачу. В сентябре итальянские рабочие, приняв всерьез словесно-революционную агитацию социалистической партии, овладевают заводами и фабриками, но, позорно преданные партией, терпят поражение по всей линии и подвергаются в дальнейшем беспощадному контр-наступлению со стороны об'единенной реакции. В декабре протекает революционная массовая стачка в Чехо-Словакии. Наконец, в текущем году, в центральной Германии развертываются революционные бои с массовыми жертвами, в Англии возобновляется упорная стачка горнорабочих, не закончившаяся и по сей день, вспыхивает всеобщая стачка в Норвегии.

Когда мы в первый послевоенный период наблюдали развертывающееся революционное движение, то многим из нас могло казаться — и с достаточным историческим основанием, — что движение это, все повышаясь и усиливаясь, должно непосредственно закончиться завоеванием власти рабочим классом. Но вот прошло

после войны почти три года. Во всем мире, кроме России, власть остается в руках буржуазии. За это время капиталистический мир не стоял, конечно, на одном месте. Он изменялся. Европа и весь мир пережили чрезвычайно острый и опасный для буржуазии период демобилизации после войны, — демобилизации людей и демобилизации вещей, т.-е. промышленности, — период бешеного послевоенного торгового под'ема, затем кризиса, который еще не закончен. И вот перед нами встает во всем своем об'еме вопрос: идет ли действительно развитие и сейчас в сторону революции, или же приходится признать, что капитализм справился с теми затруднениями, которые выросли из войны, и если не восстановил, то восстанавливает и приближается к восстановлению капиталистического равновесия на новых послевоенных основах?

Успокоение буржуазии.

Если, прежде чем рассмотреть этот вопрос в его экономических основаниях, мы подойдем к нему чисто политически, то придется констатировать, что есть целый ряд признаков, фактов, заявлений, свидетельствующих о том, что буржуазия, как правящий класс, стала сильнее и прочнее, или, по крайней мере, чувствует себя такой. В 1919 г. европейская буржуазия находилась в состоянии острейшей растерянности. Это было временем панического, поистине сумасшедшего страха перед большевизмом, который представлялся весьма смутной и тем более грозной фигурой и изображался на стенных афишах в Париже в виде человека с ножом и пр. и пр. В сущности, в этом призраке большевика с ножом европейская буржуазия воплощала свой страх перед возмездием за свои преступления эпохи войны. Она-то во всяком случае знала, как мало отвечают результаты войны тем обещаниям, которые она давала. Она знала точно размеры жертв людьми и достоянием. Она боялась расплаты. 1919 год был, несомненно, самым критическим годом для буржуазии. В 1920 и 1921 годах наблюдается постепенный прилив ее самоуверенности и вместе с тем несомненное укрепление ее государственного аппарата, который непосредственно после войны в некоторых странах—как, например, в Италии — достиг почти полного разложения. Восстановление самоуверенности буржуазии приняло особенно яркие формы в Италии после трусливого предательства социалистической партии в сентябре. Буржуазия считала, что перед ней грозные разбойники и убийцы; она убедилась, что перед нею трусы... Так как я по болезни не занимался последнее время активной работой, то

имел возможность читать много иностранных газет и скопил целую папку вырезок, ярко характеризующих перемену в настроении буржуазии и ее новую оценку мирового политического положения. Все свидетельства сводятся к одному: самочувствие буржуазии сейчас, несомненно, прочнее, чем в 1919 и даже в 1920 годах.

Я позволю себе привести несколько весьма поучительных цитат.

В номере от 26 марта «Новая Цюрихская Газета», довольно умеренный швейцарский буржуазно-консервативный орган, с большим интересом и изрядным пониманием следящий за политическим развитием Германии, Франции и Италии, говорила по поводу мартовского выступления в Германии следующее:

«Германия 1921 г. совершенно не похожа на Германию 1918 г. Государственное сознание усилилось в ней в такой степени, что коммунистические приемы встречают отпор почти во всех слоях народа, хотя число коммунистов, составлявших в революционные дни небольшую кучку решительных людей, с тех пор невероятно возросло».

28 апреля, когда оба лагеря готовились к первомайскому дню, газета «Temps» писала:

«Достаточно оглянуться на пройденный за год путь, чтобы совершенно успокоиться: в прошлом году Первое Мая должно было положить начало всеобщей стачке, которая, в свою очередь, должна была послужить первым этапом революции. Теперь все твердо верят в усилие нации преодолеть все тяжкие последствия войны».

Та же «Новая Цюрихская Газета» писала в апреле этого года по поводу положения в Италии:

«1919 г.: буржуазные партии, находящиеся в состоянии полного распада, распыленности и самоубийственной покорности, отступают перед дружным натиском хорошо дисциплинированных красных сил».

«1921 г.: буржуазия сплоченными массами и с верой в победу вступает в борьбу с большевиками, которые окончательно потеряли дух и едва смеют шевелиться; заслуга этого положения принадлежит фашистам».

Теперь я беру пример из совершенно другой области — цитату из одной резолюции братской нам Польской Коммунистической Партии.

Если я не ошибаюсь, в апреле она созвала партийную конференцию, на которой решено было участвовать в парламентских

выборах. Основание для такого решения было, приблизительно, такое:

«После того как зимою 1919 г. борьба склонилась в пользу буржуазии, успевшей к тому времени наладить свой государственный аппарат; после того, как рабочие советы были раздавлены правительством, при содействии П. П. С., — партия обязана использовать избирательную борьбу и трибуну Сейма».

Не может быть, конечно, речи о намерении Польской Коммунистической Партии изменить свою принципиальную позицию. Она только иначе оценивает теперь положение, чем делала это в 1919 г.

Об'ективное положение социал-демократических партий по отношению к государству и к буржуазной партии также соответствующим образом изменилось. Социал-демократы всюду вытесняются из правительства. Только временно, под внешним давлением, они снова привлекаются к участию в нем, как это было в Германии. Партия независимых сделала полный поворот направо, опять-таки, под прямым или косвенным влиянием этой новой ситуации, значение которой она слишком переоценивает. При содействии Амстердама [233]), независимые и социл-демократы всех стран, столь отличавшиеся еще, казалось, год или полтора тому назад, значительно приблизились теперь друг к другу.

Таким образом совершенно несомненен под'ем классовой самоуверенности буржуазии, и несомненно фактическое укрепление полицейски-государственного аппарата после войны. Но сам по себе этот факт — как он ни важен — еще далеко не решает вопроса, и, во всяком случае, наши враги чрезвычайно торпоятся делать отсюда вывод относительно банкротства нашей программы. Конечно, мы надеялись на то, что буржуазия свалится в 1919 году. Но мы, конечно, не были в этом уверены и, разумеется, не на этой дате была построена наша программа действий. Когда господин Отто Бауэр [234]) и другие теоретики 2-го и 2½ Интернационала говорят, что мы обанкротились в наших пророчествах, то можно подумать, будто дело шло о предсказывании астрономического явления: будто мы ошиблись в нашем математическом расчете, что такого-то числа будет солнечная затмение, и оказались, стало быть, плохими астрономами. Но ведь на самом деле дело обстоит вовсе не так. Мы предсказывали не солнечное затмение, т.-е. событие, находящееся вне нашей воли и независимое от наших действий. Дело шло об историческом событии, которое должно было совершиться, и совершится при нашем участии. Когда мы говорили

о революции в результате мировой войны, то это означало, что мы стремились и стремимся использовать последствия мировой войны для всемерного ускорения революции. Если революция не произошла до сегодняшнего дня во всем мире или, по крайней мере, в Европе, то это никак не означает «банкротства Коммунистического Интернационала», ибо его программа не основана на астрономических датах. Это понятно каждому коммунисту, который сколько-нибудь продумал свою точку зрения. Но раз революция не пришла по горячим следам войны, то совершенно очевидно, что буржуазия полученную ею передышку использовала для того, чтобы наиболее ужасающие и грозные последствия войны, если не преодолеть и устранить, то замаскировать, залепить и пр. и пр. Успела ли она в этом? Отчасти успела. В какой мере? Здесь-то и начинается существо вопроса о восстановлении капиталистического равновесия.

Восстановлено ли мировое равновесие?

Что означает капиталистическое равновесие, о котором ныне с полной уверенностью говорит международный меньшевизм? Это понятие равновесия со стороны социал-демократов не анализируется, не расчленяется, не выясняется точно. В равновесии капитализма заключается очень много факторов, явлений, фактов,— основных, второстепенных и третьестепенных. Капитализм есть явление мировое. Он успел охватить весь земной шар, и это особенно резко сказалось во время войны и блокады, когда одна страна производила излишки и не имела рынка, а другая, нуждающаяся в товарах, не имела доступа к ним. И сейчас эта взаимная зависимость раздробленного мирового рынка сказывается везде и всюду. Капитализм в достигнутой им до войны стадии основан на международном разделении труда и на международном обмене продуктов. Нужно, чтобы Америка производила известное количество хлеба для Европы. Нужно, чтобы Франция производила известное количество предметов роскоши для Америки. Нужно, чтобы Германия производила известное количество дешевых предметов потребления для Франции. Это разделение труда опять-таки не есть что-либо постоянное, раз навсегда данное. Оно вырабатывается исторически, всегда нарушается путем кризисов, конкуренции, — не говоря уже о таможенных войнах, — снова восстанавливается и снова нарушается. Но в общем мировое хозяйство держится на том, что между разными странами более или менее распределено производство соответственных благ. Вот это мировое

разделение труда нарушено войной в корне. Восстановлено оно или нет? Это одна сторона вопроса.

В каждой отдельной стране сельское хозяйство производит для промышлености предметы личного потребления рабочих и предметы производственного потребления (сырые материалы) для промышленности, а промышленность производит для деревни предметы домашнего обихода, личного потребления и средства сельскохозяйственного производства. Тут опять-таки вырабатываются известные взаимоотношения. Наконец, внутри самой промышленности имеется производство средств производства и производство предметов потребления, между которыми устанавливается некоторое соотношение, постоянно нарушаемое и снова возрождающееся на новых основах. Все эти соотношения и пропорции война нарушила коренным образом уже тем одним, что во время войны промышленность Европы, а в значительной мере и Америки и Японии, производила не столько предметы потребления и средства производства, сколько средства истребления. Поскольку же производились предметы личного потребления, — они потреблялись не столько рабочими — производителями, сколько разрушителями — солдатами империалистских армий. Вот это нарушенное соответствие между городом и деревней, между различными отраслями внутри промышленности отдельных стран — восстановлено или нет?

Далее следует равновесие классов, которое опирается на равновесие хозяйства. В период до войны не только в международных отношениях был так называемый вооруженный мир, но и между буржуазией и пролетариатом в значительной мере господствовал вооруженный мир при помощи системы коллективных тарифных договоров, которые заключались централизованными союзами и все более и более централизованным промышленным капиталом. Это равновесие также было нарушено войной целиком, — что и привело к колоссальному стачечному движению во всем мире. Относительное равновесие классов буржуазного общества, без которого немыслимо производство, — восстановлено или нет? и на какой основе?

Равновесие классов тесно связано с равновесием в политике. Буржуазия во время войны, да и до войны — хотя мы тогда это меньше замечали, — держала в равновесии свою механику через посредство социал-демократов, социал-патриотов, которые были ее важнейшей агентурой и держали рабочий класс в рамках буржуазного равновесия. Только благодаря этому буржуазия получила возможность провести войну. Восстановила ли она теперь снова равновесие своей политической системы и в какой мере социал-

демократы сохранили или утратили свое влияние на массы и способны играть свою роль охранителя буржуазии?

Далее стоит вопрос о международном равновесии, т.-е. о мировом сосуществовании капиталистических государств, без чего, разумеется, невозможно восстановление капиталистического хозяйства. Достигнуто ли равновесие в этой области или нет?

Все эти стороны вопроса должны быть оценены для того, чтобы можно было дать ответ насчет того, продолжает ли мировая ситуация оставаться революционной или же, наоборот, правы те, которые считают наши революционные перспективы утопическими.

Рассмотрение каждой из сторон вопроса требует иллюстрации многими фактами и цифрами, которые трудно докладывать большому собранию и которые трудно запоминаются. Я постараюсь поэтому дать только основные данные для ориентировки в этом вопросе.

Хозяйственный упадок Европы в цифрах.

Установилось ли новое международное разделение труда? В этой области решающим фактом является перенесение центра тяжести капиталистического хозяйства и буржуазного могущества из Европы в Америку. Это — основной факт, который каждому из вас, товарищи, нужно запомнить самым твердым и отчетливым образом, чтобы понимать те события, которые развертываются перед нами и которые будут развертываться в ближайшие годы. До войны капиталистической сердцевиной мира была Европа, она была главной лавкой земного шара, главной фабрикой его и главным его банком. Европейский промышленник — в первую голову английский, а затем немецкий; европейский купец — прежде всего английский; европейский ростовщик — прежде всего английский, а затем французский — были фактическими руководителями мирового хозяйства, а стало быть и политики всего земного шара. Сейчас этого нет. Европа отброшена назад.

Попытаемся факт перенесения хозяйственного центра тяжести и размеры хозяйственного упадка Европы определить в цифрах, хотя бы и очень приблизительных.

Я начну с простейших, элементарнейших фактов, с мирового производства материальных ценностей. Прежде всего, займемся сельским хозяйством. Если мы сравним урожай 1920 года со средним урожаем за последние пять лет до войны, то найдем, что он почти на 20 миллионов двойных центнеров ниже, при чем урожай воюющих стран Европы на 37% ниже довоенного, урожай ней-

тральных стран на прежнем уровне, а в заокеанских он повысился на 21%. Россия в этот счет не входит. До войны Россия поставляла на мировой рынок, в среднем, около 100 миллионов двойных центнеров. Мировой рынок в этом году оказался беднее на 120 миллионов двойных центнеров. Однако, несмотря на это, на американских фермах еще по сей день можно найти большое количество зерна, которое не может быть реализовано из-за понижения цен.

Если мы обратимся к скотоводству, то картина получится почти тождественная. Мировое скотоводство находится почти в том же состоянии, что и до войны. Скотоводство в странах Европы, участвовавших в войне, значительно сократилось. Нейтральные страны остались на том же уровне, а в заокеанских странах он значительно повысился. И теперь мы видим, что цены на мясо на мясной бирже в Чикаго—важнейшей в мире — ниже довоенных цен. Несмотря на войну, народонаселение этих стран ныне все же больше, чем до войны: оно увеличилось на 80 милл. Количество зерна на рынке уменьшилось на 120 милл. Мясные и зерновые продукты фактически есть, но их не хватает. Это значит, что мир стал беднее и голоднее. Это первый простой и голый факт.

Если мы рассмотрим мировую потребность в угле, то увидим почти ту же картину, но еще ярче выраженную. Потребление угля во всем мире в 1920 году составляло 97% потребления 1913 года, следовательно, оно уменьшилось. По сравнению с довоенным периодом, Европа дала меньше на 18%, а Северная Америка — на 13% больше. То же самое относится и к хлопку. Общая сумма всех продуктов уменьшилась. Европа опустилась. Америка поднялась.

До войны национальная собственность, т.-е. совокупность достояния всех граждан и государств, участвовавших в последней войне стран, исчислялась приблизительно в 2.400 миллиардов золотых марок. Годовой доход всех этих стран, т.-е. то количество продуктов, которое добывалось ими в течение года, исчислялось в 340 миллиардов марок. Сколько же израсходовала и уничтожила война? Не больше и не меньше, как 1.200 миллиардов золотых марок, т.-е. ровно половину того, что накопили все воевавшие страны в течение всего своего существования. Разумеется, расходы войны покрывались прежде всего из текущих доходов. Но если мы примем, что национальный доход каждой страны во время войны уменьшился хотя бы на одну треть, вследствие огромного отвлечения рабочих рук, и, стало быть, стал равен 225 миллиардам марок; если мы далее примем, что все невоенные расходы поглощали 55%, то мы придем к выводу, что из текущих национальных доходов можно было бы покрывать военные расходы не больше, как на 100

миллиардов золотых марок в год. За четыре года войны это составит 400 миллиардов марок, следовательно, недостающие 800 миллиардов марок должны были быть взяты из основного капитала воевавших наций, главным образом путем невосстановления их производственного аппарата. Отсюда вытекает, что общее достояние воевавших стран после войны уже составляло не 2.400 миллиардов золотых марок, а всего лишь 1.600, т.-е. на одну треть меньше.

Но не все участвовавшие в войне страны обеднели одинаково. Наоборот, есть среди воевавших — как мы еще увидим — разбогатевшие страны, именно Соединенные Штаты и Япония. Это значит, что европейские страны, участвовавшие в войне, потеряли более третьей части своего национального достояния, а некоторые — как Германия, Австро-Венгрия, Россия, Балканы — значительно более половины.

Вы знаете, что капитализм, как хозяйственная организация, полон противоречий. Эти противоречия за годы войны достигли чудовищного размера. Чтобы добыть средства на ведение войны, государство прибегало преимущественно к двум мерам: во-первых, выпускало бумажные деньги, во-вторых, заключало займы. Таким путем в оборот входило все более и более так называемых ценных бумаг, при помощи которых государство извлекало из страны действительные материальные ценности и уничтожало их на войне. Чем больше расходовало государство, т.-е. чем больше оно уничтожало действительных ценностей, тем больше накоплялось в стране мнимых, фиктивных ценностей. Бумаг государственного займа накопились горы. Казалось, будто страна чрезвычайно разбогатела, а на самом деле хозяйственная основа под ногами все более и более ослабевала, расшатывалась, обрушивалась. Государственные долги достигли приблизительно 1.000 миллиардов золотых марок, что составляет 62% нынешнего национального достояния воевавших стран. Бумажных денег и кредитных знаков имелось до войны примерно на 28 миллиардов золотых марок, теперь их 220 — 280 миллиардов, т.-е. в 10 раз больше, — и это, разумеется, не считая России, ибо мы говорим только о капиталистическом мире. Все это относится, главным образом, если не исключительно, к европейским странам, преимущественно к континенту и особенно к центральной Европе. В общем, по мере того как Европа становилась и сейчас еще продолжает становиться беднее, она покрывалась и покрывается все более и более толстым слоем бумажных ценностей, или того, что называется фиктивным капиталом. Этот фиктивный капитал — кредитки, казначейские знаки, заемные документы, банкноты и проч. — представляет собою либо воспомина-

ния о покойном капитале, либо надежду на новый капитал. Но в настоящее время ему никак не отвечает реальный действительный капитал. Однако он функционирует в качестве капитала, в качестве денег, и вследствие этого картина всего общества, всей современной экономики невероятно извращается. Чем беднее становится эта экономика, тем богаче кажется ее отражение в зеркале этого фиктивного капитала. Вместе с тем, этот фиктивный капитал означает, как мы увидим дальше, изменение доли участия классов в постепенно сокращающемся национальном доходе и богатстве. Национальный доход, следовательно, сократился не в такой степени, как национальное богатство. Об'ясняется это весьма просто тем, что свечу капиталистического хозяйства жгли с двух концов: для финансирования войны и для послевоенного государственного хозяйства прибегали не только к национальному доходу, но и к основному фонду национального богатства.

Когда государство заключало заем на производительные задачи, скажем, на Суэцкий[235]) канал, то соответственным государственным бумагам отвечает реальная ценность. Суэцкий канал, который пропускает пароходы, взимает с них плату, дает доход, вообще участвует в хозяйстве. Но когда государство занимало на войну, то мобилизованные при помощи займа ценности уничтожали и разрушали при этом новые ценности. Между тем заемные бумаги остались в карманах и портфелях у граждан: государство должно сотни миллиардов. Эти сотни миллиардов существуют в виде бумажного богатства в кармане у тех, кто давал государству заем. Но где эти реальные миллиарды? Их нет. Они сожжены, они уничтожены. На что надеется держатель этих бумаг? Если это француз, то он надеется на то, что Франция вырвет миллиарды с мясом у немца и ему заплатит.

Разрушение основ капиталистических наций, разрушение их производственного аппарата зашло на самом деле во многих отношениях гораздо дальше, чем это можно установить статистически. Это особенно ясно видно на квартирном вопросе. Все силы капитала — ввиду бешеных военных и послевоенных барышей — были направлены на производство новых предметов личного или военного потребления. Восстановление же основного производственного аппарата запускалось все более и более. Это относится целиком к городскому домостроительству. Старые дома плохо ремонтировались, а новые строились в ничтожном числе. Отсюда — чудовищный квартирный голод во всем капиталистическом мире. Если в настоящее время, вследствие кризиса, при котором основные капиталистические страны используют не более половины

или одной трети своих производственных возможностей, разрушение производственного аппарата не так заметно, то в квартирной области, вследствие неприостанавливающегося размножения населения, расстройство хозяйственного аппарата сказывается со всей силой. В Америке, Англии, Германии, Франции нужны сотни, тысячи и даже миллионы квартир. Но соответственные работы упираются в непреодолимые трудности, вызываемые общим обеднением. Капиталистической Европе приходится и придется сжаться, сузить свой размах, понизить свой уровень на многие годы.

Как я уже сказал, в рамках общего оскудения Европы разные страны оскудели в разной степени. Возьмем Германию, как наиболее пострадавшую из могущественнейших капиталистических стран. Я приведу основные цифры, характеризующие экономическое положение Германии до войны и теперь. Эти цифры не очень точны. Статистические исчисления национального богатства и национального дохода — вещь очень трудная при капиталистической анархии. Настоящий учет дохода и имущества будет возможен только при социализме, учет, выраженный в единицах человеческого труда, — разумеется, при настоящем, хорошо организованном и правильно действующем механизме социалистического общества, до которого нам еще очень и очень далеко. Но и неточные цифры будут нам полезны, потому что дадут нам все же хотя бы приблизительное представление о переменах, происшедших в хозяйственном положении Германии и других стран за последние 6—7 лет.

Национальное богатство Германии оценивалось накануне войны в 225 миллиардов золотых марок, а наивысший национальный доход—в 40 миллиардов марок. До войны Германия, как известно, очень быстро богатела. В 1896 году доход ее представлял 22 миллиарда. В течение 18 лет (1896—1913) он увеличился на 18 миллиардов, т.-е. возрастал, примерно, на один миллиард в год. Эти 18 лет были вообще временем могущественного капиталистического под'ема во всем мире и особенно в Германии. В настоящее время ее национальное достояние исчисляется в 100 миллиардов марок, а национальный доход—в 16 миллиардов марок, т.-е. в 40% довоенного дохода. Правда, Германия потеряла часть своих территорий, но главные потери связаны с расходами войны и послевоенного разграбления Германии. Немецкий экономист Рихард Кальвер[236]) считает, что товарное производство 1907 года соответствует производительному труду 11,3 миллионов рабочих. С тех пор условия работы коренным образом изменились. Рабочее время сокращено, интенсивность работы понизилась и т. д. и т. д. Он приходит, поэтому, к выводу, что теперь

рабочая сила Германии, выраженная в единицах 1907 г., составляет 4,8 миллиона, т.-е. не более 42%.

К этому же результату приходит Кальвер, рассматривая сельское хозяйство.

Исчисления Кальвера таким образом вполне подтверждают приведенные мною цифры. В то же время государственный долг Германии вырос до 250 миллиардов марок, т.-е. в 2½ раза превышает нынешнее богатство Германии. Кроме того, на Германию возложена контрибуция в 132 миллиарда марок. Если бы англичане и французы решили эти суммы получить немедленно и полностью,—они должны были бы положить себе в карман всю Германию, начиная с шахт Стиннеса и кончая запонками президента Эберта. Денежных знаков в Германии сейчас имеется на 81 миллиард марок. Из них обеспечено золотом всего не более 5 миллиардов. Стало быть, внутренняя ценность немецкой марки сейчас 6—7 пфеннигов.

Правда, Германия выступала за время после войны очень победоносно на мировом рынке, вывозя туда свои товары по очень дешевой цене. Если эта дешевизна доставляла крупные прибыли немецким купцам и экспортерам, то в последнем счете она означала разорение для немецкого населения в целом, ибо дешевые цены на международном рынке обусловливались низкой заработной платой и недоеданием рабочих, приплатой государства к хлебу, регулировкой квартирной платы,—что, в свою очередь, сопровождалось полным прекращением строительства, крайним сокращением ремонта и проч. и проч. Таким образом каждый немецкий продукт, выброшенный на мировой рынок, уносит с собой некоторую часть немецкого национального достояния, за которую Германия не получает никакого эквивалента.

Для того, чтобы «оздоровить» немецкое хозяйство, нужно упрочить валюту, т.-е. нужно приостановить выпуск новых бумажных ценностей и сократить число существующих. А для этого нужно отказаться от уплаты долгов, т.-е. об'явить государственное банкротство *). Но эта мера сама по себе означает страшное

---

*) Что государственное банкротство Германии совершенно неизбежно, отмечает даже такой правый экономист, как Кальвер, который в своей довольно интересной брошюре о государственном банкротстве приходит к следующим выводам:

«И этот конец, чреватый последствиями валютной и финансовой политики, будет безусловно насильственным, так как при современном положении народного хозяйства постепенный возврат к обычным условиям денежного рынка и государственных финансов совершенно немыслим. На-

потрясение равновесия, ибо связана с передвижкой собственности из одних рук в другие, и потому должна вызвать ожесточенную борьбу классов за новое распределение национального дохода. Пока же Германия продолжает беднеть и падать.

Возьмем победоносную страну—Францию.

Франция трубит в своих буржуазных газетах, что она залечивает свои раны. Неоспоримо, что в некоторых областях эта страна сделала в послевоенный период кое-какие успехи. Но переоценивать их значит совершать большую ошибку. Приводить цифры французской статистики очень трудно, потому что там скрывают гораздо больше, чем в других государствах. Это проделывают и французская буржуазия, и французское правительство. Надо сказать, что во французской капиталистической печати лгут больше всего, быть может, именно в области экономической статистики.

Я приведу сейчас цифры, которыми щеголяет французская буржуазная экономика, стремясь доказать факт восстановления капиталистического хозяйства. Возьмем область земледелия. Пшеницы до войны Франция давала ежегодно 86 миллионов квинталей (квинталь—100 кгр., немногим более 6 пудов), овса—52 миллиона, картофеля—132. 1919 год дал пшеницы 50 миллионов, последний урожай (1920 год)—63 миллиона. В 1919 году картофеля—77 миллионов, в прошлом году—103 миллиона. Теперь возьмем скотоводство. В 1913 году там было около 15 миллионов голов рогатого скота, теперь же—12,8; лошадей было: в 1913 г.—7 миллионов, теперь—4,6 миллиона; овец в 1913 году было 16 миллионов, теперь—9 миллионов; свиней—7 миллионов, теперь 4 миллиона, — уменьшение огромное. Возьмем уголь, этот важнейший продукт и важнейший фактор промышленности. В 1913 году Франция добыла 41 миллион тонн угля, в 1919 — 22 миллиона, в 1920 году—25, а если считать Эльзас-Лотарингию и Саарский угольный бассейн [237]), то добыча 1919 года выразится цифрой 35,6 миллиона тонн. Стало быть, повышение есть. Но это повышение далеко еще не достигает довоенного уровня. Каким образом, однако, достигнуты эти, к тому же очень скромные, успехи? В области земледелия они достигнуты, главным образом,

---

сильственное завершение развития есть, в конце концов, не что иное, как настоящее государственное банкротство, знаменующее, наконец, давно наступившую некредитоспособность государства».

Теперь в Германии вообще выходит много книг, где можно прочесть о государственном банкротстве с точки зрения философии, морали, права и т. д. С моралью или без морали, но этим господам придется об'явить о банкротстве государства.

упорным и кропотливым трудом французского крестьянина. Но в чисто капиталистической области успехи эти достигнуты преимущественно путем грабежа Германии, у которой забирали коров, семена, машины, паровозы, золото и особенно уголь.

С точки зрения обще-хозяйственной тут нет плюса, ибо нет создания новых ценностей, а есть, главным образом, перемещение старых ценностей. К этому еще нужно добавить, что Германия теряла в полтора или два раза больше, чем получала от нее Франция.

Итак, мы видим, в частности, что, отняв у Германии важнейшие области металлургии и угля, Франция далеко еще не достигла своего собственного довоенного уровня. Возьмем французскую внешнюю торговлю. Торговый баланс характеризует экономическое международное равновесие, т.-е. состояние обмена между разными странами. Капиталистическая страна считает себя в хорошем положении, если она вывозит за границу больше, чем ввозит из-за границы. Разницу ей уплачивают золотом. Такой баланс называется активным. Если страна вынуждена больше ввозить, чем она может вывозить, то баланс будет пассивный, и эта страна вынуждена к ввозимым ею товарам прибавлять еще часть своего золотого запаса. Этот последний тает, и под денежной и кредитной системой постепенно разрушается фундамент. Если мы возьмем Францию последних двух лет — 1919 и 1920 годов, т.-е. двух лет «восстановительной» работы французской буржуазии, то увидим, что в 1919 году торговый пассив составлял 24 миллиарда, в 1920 году—13 миллиардов. Таких цифр французский буржуа и в страшных кошмарных снах не видал до войны. Торговая нехватка за два года составляет 27 миллиардов. Правда, за первую треть этого года Франция свела свой торговый баланс без пассива, т.-е. ее ввоз равнялся вывозу. По этому поводу некоторые буржуазные экономисты ударили в литавры: Франция восстанавливает, мол, свое торговое равновесие. Но руководящий орган буржуазии «Temps» (Время) писал 18 мая по этому поводу: «Вы ошибаетесь, мы потому только не должны доплачивать золотом за эти три месяца, что мы мало ввозили сырых материалов. Но это означает только то, что во вторую половину года мы будем мало вывозить продуктов, которые мы изготовляем вообще благодаря заграничному, главным образом, американскому, сырью. Следовательно, если мы свели благополучно наш торговый баланс за три месяца, то в дальнейшем торговый пассив неизбежно будет возрастать».

Итак, не поднятие хозяйства и вывоз улучшили торговый баланс, а уменьшение ввоза сырья, т.-е. уменьшение производительности завтрашнего дня.

Денежных знаков до войны было менее шести миллиардов франков, теперь—более 38. Относительно покупной силы франка та же газета указывает, что к концу марта, когда уже наступил кризис во всем мире, в Америке цены были выше довоенных на 23%, т.-е. меньше, чем на четвертую часть, тогда как во Франции—на 260%, т.-е. выше в три с половиною раза, чем до войны. Это значит, что покупательная сила франка понизилась в несколько раз. Возьмем теперь французский бюджет. Он делится на две части: на нормальный и чрезвычайный. Нормальный бюджет исчисляется в 23 миллиарда франков—цифра, которой довоенное время не знало! Куда уходят эти чудовищные суммы? 15 миллиардов—это уплата процентов по долгам, 5 миллиардов — содержание армии: итого 20 миллиардов. Это все, что французское государство собиралось выжать из плательщика налогов. На самом деле выжать удалось около 17½ миллиардов. Стало быть, «нормального» дохода государства далеко не хватает даже на уплату процентов и на содержание армии. Но далее идут чрезвычайные расходы: свыше 5 миллиардов на оккупационные войска, 23 миллиарда на всякие военные возмещения и восстановления. Эти расходы записываются на германский счет. Но совершенно очевидно, что Германия чем дальше, тем меньше в состоянии будет их выплачивать. Пока же французское государство продолжает жить или путем новых займов, или путем нового выпуска бумажных денег. Один из виднейших финансовых журналистов Франции, руководитель важнейшей экономической газеты «L'Information», Léon Chavenon, отстаивает дальнейшее печатание бумажных денег, заявляя: «мы не избавимся от этой необходимости иначе, как открытым банкротством». Стало быть, имеются только две возможности: замаскированное банкротство путем дальнейшего выпуска ценных бумажек, или банкротство открытое. Вот как обстоит дело с Францией, страной-победительницей, которая поставлена в разоряющейся Европе в благоприятные условия в том смысле, что могла и может восстанавливать свое равновесие за счет Германии. Положение в Италии и Бельгии во всяком случае не лучше положения во Франции.

Перейдем теперь к самой богатой, самой могущественной стране Европы, к Великобритании. Мы привыкли во время войны говорить, что Англия наживается на войне, что британская буржуазия вогнала Европу в войну и греет теперь руки. Это было верно, но только до известного предела. Англия наживалась в первый период войны и стала проживаться во второй. Обеднение Европы, в особенности центральной, нарушило торговые взаимо-

отношения между Англией и остальной частью Европы. Это должно было, в конце концов, ударить и ударило по промышленности и финансам Англии. А, кроме того, Англия оказалась вынужденной нести чудовищные расходы по самой войне. Ныне Англия находится в состоянии упадка, и упадка все более возрастающего. Этот факт может быть иллюстрирован цифрами промышленности и торговли, которые я далее приведу, но самый факт бесспорен и находит свое выражение в ряде открытых и вполне официальных заявлений виднейших английских банкиров и промышленников. В течение марта, апреля и мая в соответствующих английских изданиях печатались отчеты годовых собраний акционерных компаний, банков и пр. Эти отчетные собрания, где руководители предприятий делают доклады, характеризуя общее положение дел страны или своей отрасли промышленности, представляют материал исключительной поучительности. Я подобрал целую папку таких отчетов. Все они свидетельствуют об одном и том же: национальный доход Англии, т.-е. совокупность дохода всех ее граждан и самого государства, стал гораздо меньше, чем до войны.

Англия обеднела. Производительность труда пала. Международная торговля за 1920 г. понизилась, по сравнению с последним довоенным годом, по крайней мере, на одну треть, а в некоторых важнейших отраслях еще гораздо больше. Особенно резка перемена в угольной промышленности, которая была главной отраслью английского хозяйства, вернее сказать, на которой держалась вся мировая хозяйственная система Англии, ибо угольная монополия составляла основу могущества, силы и процветания всех остальных отраслей английской промышленности. Теперь от этой монополии не осталось и следа. Вот основные фактические данные о состоянии английского хозяйства. В 1913 г. угольная промышленность Англии доставляла 287 миллионов тонн угля. В 1920 г.—233 миллиона тонн, т.-е. на 20% меньше. Чугуна в 1913 году было выделано 10,4 миллиона тонн, в 1920—немногим более восьми миллионов тонн, т.-е. опять-таки на 20% меньше. Вывоз угля в 1913 году составлял 73 миллиона тонн, в 1920—всего лишь 25 миллионов тонн, т.-е. одну треть. Но падение угольной промышленности и угольного вывоза в текущем 1921 г. является уже совершенно чудовищным. В январе добыча угля—19 милл. тонн, в феврале—17, в марте—16. Дальше разразилась всеобщая стачка, и добыча угля приблизилась к нулю. Вывоз за первые пять месяцев 1921 г. в шесть раз меньше вывоза за тот же период 1913 г. Весь вывоз за май текущего года, выраженный в ценах, в 3 раза меньше вывоза за май прошлого года. Государственный

долг Англии 1 августа 1914 г. составлял 71 миллион фунт. стерл., 4 июня текущего года—7.709 миллионов фунт. стерл., т.-е. увеличился в 11 раз. Бюджет вырос в 3 раза.

Если же вы прочтете отчеты правлений банков и промышленных предприятий за март и апрель, то увидите, что национальный доход Англии уменьшился на $^1/_3$ или на $^1/_4$, по сравнению с довоенным временем. Вот как обстоит дело в Англии, самой богатой стране Европы, наименее пострадавшей от военных действий и наиболее нажившейся на войне в первый ее период.

Наиболее ярким доказательством упадка английской хозяйственной жизни является то, что английский фунт стерлингов теперь уже не фунт стерлингов, т.-е. он уже не соответствует той столь властной повсюду цифре, которая на нем значится. Ныне он составляет лишь 76% того, за что он себя выдает. По сравнению с нынешним владыкой финансового рынка, долларом, он утратил 24% своей номинальной величины, и это лучше всего характеризует неустойчивость настоящей эпохи, когда наиболее устойчивая, абсолютная и бесспорная вещь в мире — английский соверен (по английски это слово значит «властитель») потерял свое старое положение и превратился в относительную величину. Ныне, когда в Германии, в области философии, приходится иметь так много дела с относительностью,—я подразумеваю философию Эйнштейна [238]),—следует, может быть, толковать германскую философию, как реванш по отношению к английской экономике, так как английский фунт стерлингов, ведь, стал относительным. Впрочем, в Германии на экономическую нищету всегда отвечали реваншем в области философии.

Приведенные нами данные достаточно характеризуют положение всей Европы. Из участвовавших в войне стран на одном полюсе находится Австрия, как наиболее пострадавшая (если не говорить о России), на другом—Англия. Между ними размещаются Германия, Италия, Бельгия, Франция. Балканские страны совершенно разорены и отброшены в состояние хозяйственного и культурного варварства. Что касается нейтральных стран, то они в первый период, несомненно, наживались на войне, но так как они самостоятельной хозяйственной роли играть не могут, а живут в порах между большими странами и целиком зависят в хозяйственном смысле от этих последних, то упадок главных стран Европы привел к величайшим хозяйственным затруднениям для нейтральных стран, которые теперь также чрезвычайно опустились по сравнению с тем уровнем, которого они достигли в первый период войны.

Таким образом доход Европы в целом, т.-е. количество добываемых всем европейским населением материальных ценностей, упал, по крайней мере, на одну треть по сравнению с довоенным временем. Но гораздо существеннее, как я уже сказал, тот упадок, который произошел в основном аппарате хозяйства. Крестьянин не находил искусственного удобрения, сельско-хозяйственных орудий и машин, шахтовладелец, в погоне за высокими ценами на уголь, не обновлял оборудования шахт, паровозный парк изнашивался, железнодорожные пути в достаточной мере не обновлялись и пр. и пр. Все это привело к тому, что основная ткань хозяйства стала слабой, более расшатанной, менее надежной. Как это все измерить и учесть? До этого капиталистическая статистика не дошла. Такого рода инвентаризация, т.-е. ценностный учет состояния инвентаря не отдельного хозяйства, а всей страны и всей Европы, несомненно, показал бы, что не только военный, но и послевоенный режим поддерживался и поддерживается за счет основного производственного капитала Европы. Это значит, например, что Германия, вместо того, чтобы направить 50 тысяч рабочих на улучшение шахт, направляет лишних 50 тысяч рабочих на добычу угля, который нужно отдавать Франции. С другой стороны, Франция, стремясь вывезти как можно больше продуктов за границу, чтобы уменьшить свой торговый дефицит, опять-таки не восстановляет своего оборудования в необходимых размерах. И это касается всех стран Европы, ибо Европа в целом имеет дефицитный, т.-е. пассивный, торговый баланс. Ослабление основ европейского хозяйства скажется завтра еще сильнее, чем сказалось вчера и сегодня. Большой червь истории подкапывается под самый фундамент европейской экономики.

Экономический расцвет Америки.

Совершенно иная картина открывается, если мы перешагнем на другое полушарие. Америка проделала развитие прямо противоположного характера. Она бешено обогатилась в это время. В войне она участвовала, главным образом как поставщик. Правда, она и сама несла расходы по ведению войны, но эти расходы оказались ничтожны, если их сравнивать не просто с ее военной прибылью, а со всеми теми выгодами, которые война открыла экономическому развитию Америки. Соединенные Штаты не только получили в лице воевавшей Европы почти беспредельный рынок, который все покупал, и притом по повышенным ценам,— они освободились на ряд лет от главных своих конкурентов на

мировом рынке—от Германии и от Англии, которые, главным образом, обслуживали войну. Почти до самой войны, Соединенные Штаты вывозили, главным образом, именно на две трети, продукты земледелия и сырье. За время войны вывоз Соединенных Штатов непрерывно и прямо-таки лихорадочно возрастал. Достаточно сказать, что он увеличился в 2½ раза по сравнению с довоенным временем и что избыток вывоза над ввозом за 6 лет (1915—1920 г.г.) составляет 18 миллиардов долларов. При этом характер вывоза радикально изменился. Соединенные Штаты вывозят теперь на 60% продукты промышленности и только на 40% продукты земледелия и скотоводства, сырые материалы—хлопок и пр.

Чтобы очертить нынешнюю роль Соединенных Штатов в мировом хозяйстве, я приведу следующие основные цифры. В пределах Соединенных Штатов живет 6% мирового населения; 7% поверхности земли приходится на долю Соединенных Штатов; из мирового производства золота Соединенные Штаты доставляют 20%; на долю Соединенных Штатов приходится 30% тоннажа мирового торгового флота, тогда как до войны они имели не более 5%. Соединенные Штаты производят стали и железа 40%, олова—40%, серебра—40%, цинка—50%, угля—45%, алюминия—60%, столько же меди и хлопка, нефти— от 66 до 70%, маиса—75% и автомобилей—85%. На всем свете имеется сейчас около 10 миллионов автомобилей. Из них на долю Америки приходится 8½ миллионов, на весь остальной мир 1 миллион 400 тысяч. На 12 человек американцев приходится 1 автомобиль.

Центр тяжести мирового хозяйства сейчас находится уже не в Европе, а в Соединенных Штатах. Европа опустилась и все продолжает опускаться. Соединенные Штаты за это время пережили небывалое развитие. Основные данные для этого следующие:

Число лошадей увеличилось с 20 до 22 миллионов. Рогатый скот с 62 до 68 миллионов. Это, конечно, не очень много. Но если мы возьмем каменный уголь, то увидим, что в 1913 году добыча его равнялась 517 миллионам тонн, в 1920 г.—580 милл., т.-е. дала довольно значительное увеличение. Нефть с 248 миллионов бочек в 1913 г. поднялась до 442 миллионов в 1920 г. Это уже крупный прирост. Хлопок и железо остались почти на довоенном уровне; зато в океанском судоходстве наблюдается громадный под'ем. В 1913 г. было построено судов общим водоизмещением в 276.000 тонн, а в 1919 г.—4.075.000 тонн. В 1920 г.—2.746.000 тонн. Это усиленное судостроительство приблизило Соединенные Штаты

к первой в этой области державе—к Англии. Если до войны Великобритания владела больше чем половиной всего мирового тоннажа, а Соединенные Штаты только 50%, то сейчас взаимоотношения резко изменились. Ныне Англии принадлежат не больше 35%, а Соединенным Штатам—30% мирового тоннажа. Таким образом Соединенные Штаты оспаривают у Англии господство над морем.

К ним окончательно перешло господство на угольном рынке, утерянное Англией. Не менее важно подавляющее превосходство Соединенных Штатов в области нефти, которая играет все бо́льшую и бо́льшую роль в промышленности и военном деле. Но не только в области промышленности и мировой торговли, на денежном рынке произошла та же перемена. Главным довоенным мировым ростовщиком была Англия, за ней шла Франция. Им должен был весь мир, в том числе и Америка. Теперь же единственная страна, которая никому не должна и которой должны все, это—Соединен. Штаты. Европа, т.-е. европейские государства, города и предприятия, должна Соед. Штатам 18 миллиардов золотых долларов. Но это только начало. Каждый день этот долг увеличивается на 10 миллионов долларов вследствие неуплаты процентов и путем получения новых кредитов. В соответствии с этим, как я уже упомянул, доллар стал «сувереном» мирового финансового рынка. Раньше доллар, рекомендуясь, говорил: я являюсь, примерно, одной пятой фунта стерлингов. Что касается последнего, то он не нуждался ни в какой рекомендации: он жил как фунт стерлингов—и только. Теперь дело изменилось радикально. Ныне фунт стерлингов проживает по паспорту, как и все прочие денежные единицы, и в этом паспорте сказано, что фунт стерлингов в сущности—не фунт стерлингов, а столько-то долларов (почти на четверть меньше, чем значится в старых довоенных справочниках). Около половины мирового золота, которое служит основой всей денежной системы, теперь сосредоточено в С. Штатах—около половины мирового запаса!

Таково положение Северной Америки после войны. Как оно создалось? Оно выросло на военном рынке Европы, который был безграничен и платил любую цену. В английских колониях, в Азии, в Африке, а также в Южной Америке конкурентов не было, они почти совершенно исчезли, и Соединенные Штаты развернулись во-всю. Мы имели таким образом в течение 7 лет полный переворот в области мирового разделения труда. Европа на 4 слишком года превратилась в костер, на котором сжигала не только свой доход, но и основной капитал, а американская бур-

жуазия у этого костра грела руки. Производственная способность Америки чрезвычайно выросла, но рынок исчез, так как Европа обеднела и не может дальше покупать американские товары. Получилось такое положение, как если бы Европа сперва изо всех сил помогала Америке подняться на самую высокую ступеньку, а потом выдернула доску из-под ее ног.

Остальные страны.—Кризис.

Япония также воспользовалась эпохой войны, и капитализм ее сделал большие успехи, которые, однако, не идут, разумеется, ни в какое сравнение с развитием Соед. Штатов. Некоторые отрасли японской промышленности развернулись оранжерейным темпом. Однако, если Япония и оказалась способной быстро поднять отдельные отрасли промышленности за отсутствием конкурентов, то теперь, когда многие конкуренты вернулись, она не всегда способна отстоять завоеванные позиции. Общее число японских рабочих и работниц (в Японии чрезвычайно широко применяется женский труд) составляет 2 миллиона 370 тысяч, из них 270 тысяч (около 12%) организованы в профессиональные союзы.

В колониальных и полуколониальных странах, в Ост-Индии, в Китае, капитализм сделал за последние 7 лет крупнейшие завоевания. До войны Азия давала 56 милл. тонн угля. В 1920 г. она дала 76 милл. тонн, т.-е. на 36% больше.

Ныне весь мир переживает жесточайший кризис, который начался весною прошлого года в Японии и Америке, т.-е. в тех именно странах, которые развивались, а не падали за последний период.

Солиднейшее английское экономическое издание «Экономист» довольно любопытным образом рассказывает, как начался кризис, Это очень интересный эпизод. Американский рабочий, видите ли, разбогател и стал покупать шелковые рубахи, производство которых составляет важнейшую отрасль японской текстильной промышленности. Японская шелковая промышленность в короткий срок сильно поднялась, но так как все-таки покупательная способность рабочих весьма ограничена и сразу понизилась, как только американская промышленность стала перегруппировываться ввиду заключения мира, то в японской шелковой промышленности сразу открылся острый кризис, который перебросился на другие отрасли, схватил Америку, перенесся через океан и ныне во всем мире достиг еще небывалой в истории капитализма глубины. Таким образом все началось с малого—с шелковой рубашонки, а закончилось большим: цены полетели вниз, и полетели бешено, заводы стали

закрываться, рабочие выбрасываются на улицу. В Америке есть теперь не менее 5, а некоторые говорят и 6, миллионов безработных.

Эпизод с шелковыми рубахами имеет такое же, примерно, значение в истории кризиса, как взмах крыла птицы, которая обрушивает снежную лавину. Очевидно, лавина была уже готова к падению. Но этот эпизод интересен еще тем, что характеризует несомненное улучшение материального положения, по крайней мере, известных категорий американских рабочих за последние годы. Из 8½ миллионов автомобилей очень значительная часть принадлежит квалифицированным американским рабочим, но теперь, и особенно в ближайшее время, американским рабочим будет не до автомобилей и не до шелковых рубах...

Итак, кризис в Европе и — кризис в Америке. Но это кризисы разного порядка. Европа обеднела, а Америка разбогатела. Производственный аппарат Америки сравнительно в порядке. Заводы — первоклассные. Инвентарь на-лицо. Правда, качество продукта за военное время понизилось, железные дороги растряслись, так как капиталисты заботились, главным образом, о том, чтобы транспортировать товары к восточным пристаням, — но в общем Америка свой хозяйственный аппарат не только сохранила, но и увеличила.

Покупательная способность Европы пала. Ей нечего давать в обмен на американские товары. Центр тяжести мирового хозяйства резко передвинулся в Америку, отчасти в Японию. Если Европа страдает от худосочия, то Соединенные Штаты сейчас не меньше страдают от полнокровия. Это чудовищное несоответствие между состоянием хозяйства Европы и Америки, — несоответствие гибельное для обеих сторон,—находит наиболее яркое свое выражение в области средств морского транспорта. В этой области, как и во многих других, господствующее положение до войны принадлежало Англии. В ее руках было до 50% мирового тоннажа. Стремясь обеспечить за собою господство во всех отношениях, Соединенные Штаты строили торговый флот тем же темпом, каким развивалась их торговля за военное время. Свой тоннаж они подняли с 3—4 милл. до 15-ти и сейчас почти сравнялись с Англией.

Мировой тоннаж за эти годы увеличился абсолютно, примерно, на $^1/_5$. Между тем промышленность и мировая торговля упала. Вывозить нечего. Худосочие Европы и полнокровие Америки одинаково парализуют транспортную работу на Атлантическом океане.

Прежде чем перейти к нашему основному вопросу о том, произойдет ли в дальнейшем изменение этой картины, в смысле восстановления равновесия, я хочу сделать еще маленькое замечание:

статистики и экономисты капитализма могут, ведь, сказать, что и хозяйство России за это время не поднялось. Об экономическом положении России будет докладывать тов. Ленин. Я лично хочу сказать несколько слов об этом вопросе по совершенно иному поводу. Американский статс-секретарь Юз, в письме к известному, в некотором роде знаменитому, г. Гомперсу, написал, что нет никакого смысла завязывать экономические отношения с Россией, так как в настоящее время она представляет собою лишь гигантский вакуум. Обеднение и падение русского хозяйства нельзя свалить, по мнению г. Юза [239]), на блокаду и гражданскую войну; во-первых, потому, что пострадали и те отрасли промышленности, которые до войны стояли на собственных ногах, а во-вторых, потому, что гражданская война мобилизовала гораздо меньшее количество людей, чем мировая. Да простит нас г. Юз, но последний аргумент чересчур остроумен, так как всякому ясно, что в падении русского хозяйства сыграла роль и мировая война. Но, помимо того, он неверен и в другом отношении, так как во время великой империалистической войны царское правительство оставляло важнейшую квалифицированную рабочую силу на заводах и не так нуждалось в ней для ведения войны, как мы. У него было дворянство, кадр вымуштрованных офицеров. Наш военный аппарат, в самое трудное время состоял, в первую очередь, из квалифицированных рабочих, которых мы вообще должны были мобилизовать прежде всего. Сейчас, когда мы уже проводим демобилизацию, я могу выдать этот секрет: в то время, когда мы воевали на четырех фронтах, у нас была армия в 5.300.000 человек, и из них не менее $^3/_4$ миллиона были квалифицированные рабочие. А это означает тягчайшую, невыносимейшую потерю для хозяйства. С другой стороны, г. Юз совершенно забывает, что капиталистическая Россия была одним из факторов мирового капиталистического хозяйства и участвовала в обороте мирового рынка. Мы сейчас страдаем от недостатка самых незначительных мелких предметов, которые мы не могли производить до войны и производство которых во время блокады и гражданской войны было совершенно невозможно. Товарищи, руководящие нашим хозяйством, указывали на несколько примеров такого рода: мы нуждаемся, напр., в спиральных буравах, в измерительных инструментах, нам необходимы круглые и плоские проволочные канаты для угольных копей. Этих предметов у нас никогда не выделывали. Угольная промышленность в Донецком бассейне невероятно страдает от недостатка проволочных канатов. Всякий знает, что металлические сетки, необходимые для писчебумажной промышленности, всегда вво-

зились к нам из Германии и Англии и никогда у нас не делались. Таким образом страдают и те отрасли промышленности, которые до войны стояли на собственных ногах. Но, само собою разумеется (и это очень легко доказать), что при данных условиях, после первой империалистической войны, после полнейшего развала царской армии и капиталистического хозяйства никакой другой строй, кроме Советского, не смог бы в течение трех лет вести новую войну, снабжать и вооружать армию и не погибнуть. При всем том, само собою понятно, я не собираюсь отрицать наличия с нашей стороны громадных ошибок в этой области.

Под'ем и кризис.

Буржуазные и реформистские экономисты, идейно заинтересованные в том, чтобы прикрашивать состояние капитализма, говорят: «Нынешний кризис сам по себе еще равно ничего не доказывает. Наоборот, это явление нормальное. Мы наблюдали после войны промышленный под'ем, а теперь — кризис; стало быть, капитализм жив и развивается». Действительно, капитализм живет путем кризисов и под'емов, — как живет человек, вдыхая и выдыхая. Сперва под'ем промышленности, потом заминка, кризис, потом заминка в кризисе, улучшение, под'ем, заминка и проч.

Сочетание кризиса и под'ема со всеми переходными моментами составляет цикл или большой круг промышленного развития. Каждый цикл охватывает 8 — 9 — 10 — 11 лет. В силу своих внутренних противоречий капитализм развивается, стало быть, не по ровной линии, а зигзагами, под'емами и понижениями. Это-то и дает теперь апологетам капитализма основание говорить: раз после войны мы наблюдаем чередование под'ема и кризиса, стало быть, все к лучшему в капиталистическом мире. Но на самом деле это не так. Тот факт, что капитализм продолжает циклические колебания после войны, означает только то, что капитализм не мертв, что перед нами не труп. До тех пор, пока капитализм не будет сокрушен пролетарской революцией, он будет жить циклами — вверх и вниз. Кризисы и под'емы были свойственны капитализму уже при его рождении, — они будут сопровождать его и в могилу. Но для того, чтобы определить возраст капитализма и его общее состояние: развивается ли он, достиг ли зрелости, идет ли к упадку, — нужно проанализировать характер циклов, как и о состоянии человеческого организма можно судить по тому, как он дышит: ровно или прерывисто, сильно или поверхностно и проч.

Сущность этого, товарищи, может быть представлена следующим образом: возьмем развитие капитализма — рост добычи угля, производство тканей, железа, чугуна, внешнюю торговлю и проч. и выразим это развитие в виде кривой линии. Если мы в изгибах этой кривой выразим действительный ход экономического развития, то окажется, что эта кривая *поднимается вверх,* но не сплошной линией, а зигзагообразной — вверх, вниз, вверх, вниз, в соответствии с под'емами и кризисами. Таким образом в кривой экономического развития есть два движения: одно — основное, которое выражает ее общий под'ем, другое движение — второго порядка: это постоянные периодические колебания, соответствующие промышленным циклам.

Таблица *), взятая мною из январского номера «Times'a», изображает период в сто тридцать восемь лет, — от войны Северной Америки за независимость до наших дней. За это время мы прошли через 16 циклов, то-есть через 16 кризисов и 16 стадий благоприятной кон'юнктуры. На каждый цикл приходится, приблизительно, $8^2/_3$, почти 9 лет. Вы видите эти зигзаги, обозначающие движения? Тут—известный под'ем. Он начинается с цифры 2 фунта стерлингов на каждого англичанина, то-есть с 24 марок золотом на человека. Население за это время увеличилось, приблизительно, в 4 раза, внешняя торговля — еще в большей мере, так что эта цифра доходит до 30½ фунтов, а в 1920 году, будучи выражена деньгами, а не реальными ценностями, равняется уже 65 фунтам на человека. В отношении чугуна мы встречаем подобное же развитие. Мы видим, что в начале 1851 года требование на чугун равнялось 4½ кило на человека. Эта цифра поднялась до 46 кило в 1913 году. Затем следует обратное движение. Это — общий итог и результат развития за 138 лет. Если мы подробно проанализируем кривую развития, то найдем, что она делится на пять частей, пять различных периодов. С 1781 года по 1851 год развитие идет очень медленно: движения почти нет. Мы видим, как в течение 70 лет внешняя торговля с 2 фунтов стерлингов на человека поднялась только до 5. После революции 1848 г., раздвинувшей рамки европейского рынка, наступает поворот. С 1851 по 1873 год кривая развития резко подымается. За 22 года внешняя торговля дошла с 5 до 21 фунта стерлингов, а количество чугуна за этот период возросло с 4½ килограммов до 13 на человека. Затем, с 1873 года, идет стадия депрессии. С 1873 года и почти до 1894 мы замечаем в английской торговле застой (даже если мы

*) В настоящем издании таблицы не приводится. *Прим. ред.*

примем во внимание проценты на капиталы, вложенные в заграничные предприятия) — понижение с 21 до 17,4 фунта стерлингов — в течение 22 лет. Затем опять под'ем до 1913 года — 17 до 30 ф. Наконец, с 1914 года начинается 5-й период — разрушение капиталистического хозяйства.

Как же сочетается основное движение кривой с ее циклическими колебаниями? Очень просто. В периоды быстрого развития капитализма кризисы имеют короткий и поверхностный характер, под'емы длятся долго и захватывают глубоко. В периоды упадка капитализма кризисы имеют длительный характер, под'емы мимолетны, поверхностны и спекулятивны. В периоды застоя колебания совершаются вокруг одного и того же уровня.

Вот это и значит, что нужно по особому характеру дыхания или пульса определять общее состояние капиталистического организма.

Под'ем после войны.

Сейчас же после войны создалось неопределенное экономическое положение. Но с весны 1919 года начался под'ем: биржи заиграли, цены поднялись вверх, как ртутный столбик в кипятке, спекуляция развернулась бешеным водоворотом. А промышленность? В средней, восточной и юго-восточной Европе продолжался упадок, о чем свидетельствуют, как мы видели, цифры. Во Франции—некоторое улучшение, главным образом, вследствие грабежа Германии. В Англии—отчасти застой, отчасти упадок,—за вычетом торгового флота, тоннаж которого увеличился в той же мере, в какой пала фактическая торговля. Таким образом в общем под'ем в Европе получил полу-фиктивный, спекулятивный характер и означал не развитие, а дальнейший упадок хозяйства.

В Соединенных Штатах после войны происходило сокращение военной промышленности, ее перестройка на мирный лад. Под'ем наблюдается в нефтяной, автомобильной и судостроительной промышленности.

	Нефть. в миллионах	Автомобили.	Кораблестроение.
1918	356 бочек.	1.153.000 шт.	3.033 тыс. тонн.
1919	378 »	1.974.000 »	4.075 » »
1920	442 »	2.350.000 »	2.746 » »

Тов. Варга в своей ценной брошюре совершенно правильно говорит: «Тот факт, что послевоенный под'ем имел спекулятивный характер, ярче всего обнаруживается на примере Германии. В то

время, как цены в течение полутора лет увеличились в 7 раз, промышленность Германии шла назад... Кон'юнктура ее была кон'юнктурой распродажи: остатки имевшихся на внутреннем рынке товарных запасов по баснословно-дешевым ценам вывозились за границу».

Больше всего цены поднялись в Германии, где промышленность продолжала падать. Меньше всего цены поднялись в Соединенных Штатах, где промышленность продолжает подниматься. Между Германией и Соединенными Штатами стоят Франция и Англия.

Чем об'ясняются эти факты и чем об'ясняется самый под'ем? Во-первых, экономическими причинами: после войны возобновились, хотя и в очень урезанной степени, международные связи, и всюду обнаружился спрос на товары самого разнообразного рода. Во-вторых, причинами политически-финансовыми: европейские правительства боялись того кризиса, который должен был наступить после войны, и приняли все меры к тому, чтобы на время демобилизации удержать тот искусственный под'ем, который был создан войной. Правительства продолжали пускать в оборот много бумажных денег, заключали новые займы, регулировали прибыль, заработную плату и цены на хлеб, доплачивая таким образом из основного народного достояния к заработку демобилизованных рабочих и создавая искусственное хозяйственное оживление в стране. Таким образом за это время фиктивный капитал продолжает расти, особенно в тех странах, в которых промышленность продолжает падать.

Фиктивный под'ем после войны имел, однако, большие политические последствия: с известным основанием можно сказать, что он спас буржуазию. Если бы демобилизованные рабочие с самого начала столкнулись с безработицей, понижением жизненного уровня даже по сравнению с довоенным, то это могло бы иметь для буржуазии фатальные последствия. Английский профессор Edwin Cannan писал по этому поводу в новогоднем обзоре в «Manchester Guardian»: «Нетерпение людей, вернувшихся с поля битвы, очень опасно», и совершенно правильно об'яснял благополучное прохождение самого острого послевоенного периода, 1919 года, тем фактом, что правительство и буржуазия общими усилиями отодвинули, отсрочили кризис, создавши искусственное процветание при помощи дальнейшего разрушения основного капитала Европы. «Если бы,—говорит Cannan,—экономическое положение в январе 1919 года было таким, как в январе 1921 года, то хаос мог бы овладеть Западной Европой». Горячечная лихорадка войны была продлена еще на полтора года,

и кризис наступил лишь тогда, когда демобилизованные массы рабочих и крестьян уже более или менее распределились по своим клеточкам.

Нынешний кризис.

Справившись с демобилизацией и устоявши под первым напором рабочих масс, буржуазия от состояния растерянности, тревоги и даже паники вернулась к самоуверенности. Ей стало казаться, что теперь только и началась эпоха великого процветания, которому не будет конца. Видные английские политические и финансовые деятели предлагали заключить международный заем на восстановительные работы в 2 миллиарда фунтов стерлингов. Казалось, что золотой дождь посыплется на Европу и создаст общее благополучие. Таким образом разрушение Европы, разорение ее городов и деревень в этой фантастической цифре займа превращались в богатство, хотя на деле это была лишь гигантская тень нищеты. Действительность, однако, скоро выбила буржуазию из этого мира фантазий. Я уже говорил, как начался кризис в Японии (в марте), в Соединенных Штатах (в апреле), перешел затем на Англию, Францию, Италию и во второй половине года распространился по всему миру. Из всего того, что мною изложено до сих пор, совершенно очевидно, что мы имеем перед собою не простое колебание очередного промышленного цикла, а расплату за разрушение и расходы всей военной и послевоенной эпохи.

В 1913 году чистый ввоз всех государств составлял 65—70 миллиардов золотых марок. Из этой суммы на Россию приходилось 2½ миллиарда, на Австро-Венгрию—3 миллиарда, на Балканах—миллиард, на Германию—11 миллиардов золотых марок. Таким образом на долю Средней и Восточной Европы приходилось немного больше четвертой части мирового ввоза товара. В настоящее время все эти страны ввозят менее одной пятой прежнего своего ввоза. Эта одна цифра достаточно характеризует нынешнюю покупательную способность Европы.

Европа пала, ее производственный аппарат значительно скуднее, чем до войны. Хозяйственный центр перенесен в Америку, но не путем постепенного развития, а благодаря эксплоатации Америкою военного рынка Европы и отстранения этой последней от мирового торга.

Этот факт дал возможность Америке пережить кратковременный период величайшего расцвета. Однако это явление больше повториться не может, потому что Европа, перед своим регрессивным движением, создала для Америки совершенно искусственный рынок,

который теперь никаким другим заменен быть не может. Выполнив эту роль, Европа с тех пор окончательно потеряла подобную способность. До войны европейский рынок поглощал больше половины, почти около 60% всех продуктов американской промышленности; в продолжение войны значение Европы для Америки еще более возросло, так как вывоз ее увеличился почти в 3 раза по сравнению с довоенным временем. А после войны оказалось, что Европа является сильно обедневшим материком и окончательно лишена возможности получать из Америки товары, так как у нее нет эквивалента, в виде золота или других товаров. Именно этим обстоятельством об'ясняется кризис, начавшийся в Японии и Америке. После краткого, почти двухлетнего периода высоко благоприятной кон'юнктуры, наступил вполне реальный кризис, смысл которого для Европы таков: «Ты бедна, тебе придется по одежке протягивать ножки, ты больше не в состоянии вывозить из Америки нужные тебе товары». Для Америки же этот кризис имеет такой смысл: «Ты обогатилась, потому что ты была в состоянии высасывать из Европы ее богатства; это продолжалось 4—5—6 лет, пока шла война. Но этому благоденствию теперь пришел конец». Другие страны совершенно разорены, их производственный аппарат должен быть создан заново. Внутри каждого народа должно снова наступить разделение труда. Хозяйство Франции и Германии продолжает еще автоматически существовать благодаря толчку, полученному ими до и во время войны. Германии, однако, необходимо сделать движение назад, чтобы внести соразмерность и порядок в свой хозяйственный аппарат, и, подобно тому, как во время войны пришлось организовать хозяйство для облегчения вызванных ею лишений, точно так же и теперь ей придется продолжать такую же политику, если только не наступит революция. Если развитие будет продолжаться в таком же направлении, то придется внести организацию в хозяйственную жизнь страны и, в первую голову, установить надлежащую пропорцию между средствами производства и потребления. Другими словами, необходимое правильное соотношение будет создано посредством войн, посредством разных паллиативов, если только не разразится революция. То же самое во Франции, во всей Европе, пока будет длиться этот период обратного движения экономической жизни, период выравнивания фронта по капиталистическим странам, наиболее пострадавшим, наиболее обедневшим. В течение этого выравнивания Америке придется забыть про сохранение своих величайших и важнейших рынков в прежнем об'еме. А это означает, что для Америки указываемый кризис является не преходящим нормальным кризисом, но началом длительной эпохи депрессии. Вернемся к нашей таблице, харак-

теризующей различные периоды: эпоху застоя, длившуюся 70 лет, затем эпоху расцвета с 1851 до 1873 г. Эти 22 года бурного расцвета отмечены двумя кризисами и двумя благоприятными кон'юнктурами, при чем благоприятные кон'юнктуры действительно были таковыми, кризисы же были весьма слабого характера. Затем, с 1873 г. до средины 1890, снова застой или, во всяком случае, весьма медленное развитие. Затем—снова необычайный расцвет. Все это—процесс приспособления, процесс выравнивания. Когда капитализм в какой-либо стране наталкивается на пресыщение какого-нибудь своего рынка, он вынужден подумать о других рынках. От крупных исторических событий — экономических кризисов, революций и и т. д. будет зависеть, что мы будем наблюдать в такие периоды застой, под'ем или регресс. Таковы главные черты капиталистического развития.

В данный момент капитализм вступил в период длительной и глубокой депрессии. Собственно говоря, эта эпоха должна была наступить,—поскольку возможно быть пророком по отношению к прошлому,—еще в 1913 г., когда, в результате 20-летнего бурного развития, мировой рынок уже казался недостаточным для развития германского, английского и северо-американского капитализма. Эти гиганты капиталистического развития отдавали себе в этом полный отчет. Они сказали себе: чтобы избежать этой длительной многолетней депрессии, мы создадим острый военный кризис, уничтожим противника и безраздельно овладеем ставшими слишком тесным мировым рынком. Но война продолжалась слишком долго, вызвав не только острый. но и длительный кризис; она совершенно разрушила европейский капиталистический хозяйственный аппарат, облегчив этим лихорадочное развитие Америки. Но, истощив Европу, война, в конце концов, привела к великому кризису и в Америке. Мы снова видим ту же депрессию, какую собирались устранить, но усиленную во много раз благодаря обнищанию Европы.

Итак, каковы же ближайшие экономические перспективы?

Совершенно очевидно, что Америке придется сжаться, так как военного европейского рынка ей не вернуть. С другой стороны, Европе придется тоже выравниваться по наиболее отсталым, т.-е. наиболее разоренным областям и отраслям промышленности. Это будет экономическое равнение назад, стало быть, длительный кризис: в отдельных отраслях и странах — застой, в других — слабое развитие. Циклические колебания будут продолжаться, но в общем кривая капиталистического развития будет клониться не вверх, а вниз.

Кризис, под'ем и революция.

Взаимоотношение между экономическим под'емом, кризисом и развитием революции имеет для нас большой не только теоретический, но прежде всего практический интерес. Многие из вас помнят, что Маркс и Энгельс в 1851 году,—когда под'ем сказался во всей своей силе,—писали, что ныне нужно признать революцию 1848 года законченной или, по крайней мере, прерванной до нового кризиса. Энгельс писал, что кризис 1847 г. был отцом революции [240]), а под'ем 1849—1851 годов был отцом победоносной контр-революции. Было бы, однако, очень односторонне и в корне неправильно истолковывать эти суждения в том смысле, будто кризис всегда производит революционное действие, а под'ем, наоборот, успокаивает рабочий класс. Революция 1848 года родилась не из кризиса. Он был только последним толчком. По существу революция возникла из противоречий между потребностями капиталистического развития и оковами полуфеодального общественного и государственного строя. Революция 1848 года, нерешительная и половинчатая, смела, однако, остатки цехового и крепостного режима и тем раздвинула рамки капиталистического развития. В этих условиях, и только в этих, под'ем 1851 года явился началом целой эпохи капиталистического расцвета, который продолжался до 1873 года.

Очень опасно при ссылке на Энгельса упускать из виду эти основные факты. Ибо, как раз после 1850 года, когда Маркс и Энгельс делали свои наблюдения, наступило не нормальное, обычное положение, но эпоха бури и натиска капитализма, для которой революция 1848 года расчистила почву. Вот что имеет решающее значение. Эта эпоха бури и натиска, во время которой процветание и благоприятная кон'юнктура были весьма сильны, а кризис лишь поверхностен и длился только короткое время, — именно этот период покончил с революцией. Дело не в том, возможно ли улучшение кон'юнктуры, а в том, идут ли колебания кон'юнктуры по повышающейся или по понижающейся линии. Это самое важное во всем вопросе.

Можно ли ждать такого же действия со стороны под'ема 1919—1920 годов? Ни в каком случае. Тут не было и в помине расширения рамок капиталистического развития. Значит ли это, что в дальнейшем, и даже более или менее близком, будущем исключен новый торгово-промышленный под'ем? Ни в каком случае! Я уже говорил, что, пока капитализм живет, он вдыхает и выдыхает. Но в ту эпоху, в какую мы вступили,—в эпоху расплаты за истощение и истребление в дни войны, в эпоху равнения *назад*,—под'емы могут иметь лишь

поверхностный, преимущественно спекулятивный характер, кризисы же—более длительный и глубокий.

Историческое развитие не привело в Средней и Западной Европе к победоносной пролетарской диктатуре. Но если из этого пытаются заключить, как это делают реформисты, что за это время скрытым образом восстановилось экономическое равновесие капиталистического мира, то это самая наглая и, в то же время, самая глупая ложь. Этого не говорят даже реакционнейшие ракционеры, которые, действительно, умеют думать, хотя бы профессор Хетч. В своем годовом обзоре он говорит, приблизительно, следующее: 1920 г. не дал победы революции, но и не восстановил капиталистического мирового хозяйства. Это—лишь неустойчивое и весьма ограниченное во времени равновесие. Господин Шавенон говорит: «Во Франции мы видим сейчас лишь возможность дальнейшей разрухи капиталистического хозяйства, разрушаемого государственными финансами, инфляцией бумажных денег и открытым банкротством». Я пытался вам показать, что это означает. Я обрисовал вам самый острый кризис, который капиталистический мир когда-либо переживал. 3 или 4 недели тому назад в капиталистической печати чувствовалось веяние начинающегося улучшения, приближение эпохи процветания. Но сейчас уже видно, что этот весенний ветер подул слишком рано. В финансовом положении наступило известное улучшение, т.-е. оно не столь напряжено, как было до сих пор. На рынках понизились цены, но это отнюдь не означает оживления торговли. Биржа совершенно мертва, а в производстве отмечается все то же движение назад. Американская металлургия сейчас занята только на треть своей работоспособности. В Англии погасли последние доменные печи. Из этого можно видеть, что сокращение производства продолжается. Это движение назад не будет, конечно, итти до бесконечности одним и тем же темпом — это безусловно исключается. Для капиталистического организма должна будет наступить передышка. Но из того, что он вдохнет немного свежего воздуха, что наступит известное улучшение, еще рано заключать о процветании. Наступит новый фазис, когда попытаются устранить противоречие между перепроизводством фиктивного богатства и основной нищетою. Затем вновь будут продолжаться судороги экономического тела. Все это дает нам, как я уже говорил, картину глубокой экономической депрессии. На основе этой последней буржуазия будет вынуждена давить все сильнее и сильнее на рабочий класс. Это мы видим и теперь, наблюдая сокращение заработной платы, начавшееся в наиболее полнокровных капиталистических странах: в Америке, Англии, а затем и по всей

Европе. Это приводит к великой борьбе за заработную плату. Наша задача—расширять эту борьбу, опираясь на понимание экономического положения. Это совершенно ясно. Вопрос в том, приведут ли автоматически эти великие бои за заработную плату, классический пример которых нам дает стачка углекопов в Англии, к мировой революции, последней гражданской войне и к борьбе за завоевание политической власти. Однако такая постановка вопроса не является марксистской. Мы не имеем такой автоматической поруки для дальнейшего развития,—но когда этот кризис даст место преходящей благоприятной кон'юнктуре, то что это будет означать для нашего развития? Многие товарищи говорят, что если в эту эпоху наступит улучшение, то это явление будет роковым для нашей революции. Ни в коем случае. Вообще, не существует автоматической зависимости между революционным движением рабочего класса и кризисом. Есть только диалектическое взаимодействие. Необходимо это понять.

Посмотрим на отношения в России. Революция 1905 г. была побеждена, рабочие понесли многочисленные жертвы. В 1906 и 1907 г.г. происходили последние революционные вспышки, а осенью 1907 г. наступил великий мировой кризис. Сигнал к нему был дан нью-иоркской биржей в одну черную пятницу. В 1907, 1908, 1909 г. г. ужаснейший кризис царил и в России. Он совершенно убил движение, потому что рабочие настолько пострадали в борьбе, что эта депрессия могла подействовать на них только угнетающе. У нас много спорили о том, что приведет к революции: кризис или благоприятная кон'юнктура.

Тогда многие из нас защищали ту точку зрения, что русское революционное движение сможет возродиться только вследствие благоприятной кон'юнктуры. Последняя наступила. В 1910, 1911 и 1912 г. г. произошло улучшение нашего экономического положения и создалась благоприятная кон'юнктура, собравшая деморализованных и обессиленных рабочих, потерявших мужество. Они снова начали понимать свое значение в производстве и перешли в наступление, сперва в экономической, а затем и в политической области. Почти накануне войны рабочий класс настолько усилился благодаря этому периоду процветания, что мог перейти к непосредственному натиску, и если мы теперь, в период величайшего утомления рабочего класса вследствие кризиса и постоянной борьбы, не придем к победе, что возможно, то перемена кон'юнктуры и под'ем благосостояния будут иметь для революции не вредное, а, наоборот, большое положительное значение. Такая перемена могла бы быть вредной только в том случае, если бы насту-

пившая благоприятная кон'юнктура представляла собою начало длинной эпохи процветания. Ведь период длительного процветания означал бы, что было достигнуто расширение рынка,—а это совершенно исключено. Капиталистическое хозяйство, ведь, и так уже охватило весь земной шар. Обеднение Европы и пышное возрождение Америки на громадном военном рынке подтверждают вывод, что это процветание не может быть восстановлено путем капиталистического развития Китая, Сибири и т. п. стран, где американский капитализм, конечно, ищет и создает рынки для сбыта, но в таких размерах, которые не выдерживают сравнения с Европой. Значит, мы находимся накануне периода депрессии; это бесспорно.

При такой перспективе смягчение кризиса означало бы не смертельный удар для революции, а лишь возможность передышки для рабочего класса, которая позволила бы ему предпринять реорганизацию своих рядов, чтобы перейти к дальнейшему натиску на более прочной почве. Это—одна из возможностей. Другая же состоит в том, что кризис из острого перейдет в затяжной, усилится и будет продолжаться еще в течение многих лет. Все это не исключено. Остается открытой возможность, что рабочий класс соберет в такой обстановке свои последние силы и, наученный опытом, завоюет государственную власть в важнейших капиталистических странах. Исключается лишь автоматическое восстановление капиталистического равновесия на новой основе и капиталистический под'ем в течение ближайших лет. Это становится совершенно невозможным в обстановке современного экономического застоя.

Тут мы подходим к вопросу о социальном равновесии. Ведь часто говорят, — эта руководящая мысль не только какого-нибудь Кунова [241]), но и Гильфердинга, — что капитализм автоматически восстанавливается на новой основе. Вера в автоматизм развития является важнейшим и характернейшим признаком оппортунизма.

Если допустить,—сделаем это на время,—что рабочий класс не поднимется на революционную борьбу, а даст возможность буржуазии в течение долгого ряда лет,—скажем двух-трех десятилетий, — править судьбами мира, то несомненно, что установится некоторое новое равновесие. Европа сильно осадит назад. Миллионы европейских рабочих вымрут от безработицы и недоедания. Соединенным Штатам придется заново ориентироваться на мировом рынке, перегруппировывать свою промышленность, *осаживать назад на продолжительный срок*. После того, как таким болезненным путем в течение 15 — 20 — 25 лет установилось бы новое мировое разделение труда, могла бы, может быть, начаться новая эпоха капиталистического под'ема.

Но все это рассуждение очень отвлеченно и односторонне. Здесь представляется дело так, как если бы пролетариат прекратил борьбу. *Между тем об этом не может быть и речи уже по тому одному, что классовые противоречия достигли именно за последние годы чрезвычайной остроты.*

В том-то и загвоздка схематического изображения восстановления равновесия, которое мерещится господину Генриху Кунову или другим. Все то, к чему капитализм вынуждается, чтобы сделать шаг вперед для восстановления равновесия, все это сейчас же получает решающее значение для социального равновесия, подрывает его еще больше и еще сильнее толкает рабочий класс на борьбу. Первая задача для достижения равновесия состоит в том, чтобы привести в порядок производственный аппарат, но для этого необходимо накопление. Для накопления же необходимо повысить производительность труда. Чем? Повышенной и усиленной эксплоатацией рабочего класса, так как уменьшение производительности рабочей силы после войны в течение этих трех лет—факт широко известный. Чтобы восстановить мировое хозяйство на капиталистической основе, необходимо снова иметь мировой эквивалент — золотую валюту. Без нее капиталистическое хозяйство не может существовать, так как, когда цены пляшут свою пляску смерти, повышаясь на 100% в течение одного месяца, как это бывает в Германии, в зависимости от колебаний германской валюты, тогда не может быть никакого производства. Капиталист не заинтересован в производстве. Ведь издали его манит спекуляция, соблазняя его гораздо бо́льшими барышами, чем медленно развивающееся производство. Что обозначает восстановление валюты? Оно обозначает для Франции и Германии об'явление государственного банкротства. Но об'явление государства несостоятельным означает великое перемещение отношений собственности внутри нации. И в тех государствах, которые об'явили себя неплатежеспособными, выступает на сцену новая борьба за участие в новом национальном богатстве, что является громадным шагом к обострению классовой борьбы. Все это в то же время означает отказ от социального и политического равновесия, т.-е. революционное движение. Но с об'явлением государственного банкротства нельзя сразу перейти от такого состояния к восстановлению равновесия. За этим вновь должно последовать удлинение рабочего времени, отмена 8-часового рабочего дня, повышенная интенсивность эксплоатации. При этом, конечно, приходится столкнуться с сопротивлением рабочего класса. Одним словом, восстановление капиталистического равновесия, говоря теоретически-абстрактно, возможно. Но оно происходит не в

социально- и политически-безвоздушном пространстве — оно может происходит только через классы. Каждый шаг к восстановлению равновесия экономической жизни, даже самый небольшой, является ударом для неустойчивого социального равновесия, на котором господа капиталисты до сих пор еще держатся. И это самое важное.

Обострение социальных противоречий.

Итак, экономическое развитие не есть автоматический процесс. Дело не ограничивается одними производственными основами общества. — На этих основах живут и работают люди, и через этих людей совершается развитие. Что же произошло в области отношений между людьми или, точнее, между классами? Мы видели, что Германия, да и другие страны Европы отброшены на 20 — 30 лет назад в смысле своего хозяйственного уровня. Но отброшены ли они назад одновременно в социальном, классовом смысле? Ничего подобного. Классы Германии, число рабочих и их концентрированность, концентрация капитала, его организованность, — все это складывалось до войны, особенно в результате последнего двадцатилетнего расцвета (1894—1913),—а затем еще более обострилось—во время войны при содействии государственного вмешательства, после войны—в эпоху спекулятивной горячки и концентрации капитала. Мы имеем таким образом два процесса развития. Национальное богатство и национальный доход падают, *но развитие классов идет при этом не назад, а вперед.* Число пролетаризованных увеличивается, капиталы концентрируются во все меньшем числе рук, банки сливаются воедино, промышленные предприятия сосредоточиваются в трестах. Вследствие этого борьба классов на основе уменьшающегося национального дохода неизбежно обостряется. В этом вся суть. Чем меньше становится под ногами материальный фундамент, тем больше должны бороться классы и группы за свою долю в этом национальном доходе. Этого обстоятельства нельзя ни на минуту упускать из виду. Если Европа по национальному богатству отброшена на 30 лет назад, то это вовсе не значит, что она стала на 30 лет моложе. Нет, в классовом смысле она стала на 30 лет старше.

Крестьянство.

В первый период войны говорили и писали, что крестьянство наживается на войне во всей Европе. И действительно, хлеб и мясо нужны были государству для армии до зарезу. За все это платили

бешеные цены, которые все поднимались,—и крестьяне набивали свои карманы кредитками. Этими все более обесценивавшимися кредитками крестьяне заплатили долги, которые они раньше сделали по полновесной валюте. Это была для них, конечно, очень выгодная операция.

Буржуазные экономисты считали, что процветание крестьянского хозяйства обеспечит после войны устойчивость капитализма. Но они просчитались. Крестьяне заплатили ипотеки, но сельское хозяйство вовсе не состоит в одной только уплате долгов в банк. Оно состоит в обработке земли, в удобрении, в инвентаре, в хороших семенах, в улучшении техники и т. д. Этого либо не было вовсе, либо стоило бешеных денег. К тому же рабочих рук не хватало, сельское хозяйство падало, и крестьяне после первого полуфиктивного под'ема стали разоряться. Этот процесс наблюдается в разной степени во всей Европе. Но особенно резко он сказался в Америке. Чрезвычайно пострадали американские, канадские, австралийские и южно-американские фермеры, когда обнаружилось, что разоренная Европа неспособна более покупать их хлеба. Цена на хлеб пала. Среди фермеров идет брожение и недовольство во всем мире. *Крестьянство перестает таким образом быть устоем порядка. Перед рабочим классом открывается возможность увлечь за собою на борьбу, по крайней мере, часть крестьянства (низы), нейтрализовать другую часть (средняков), изолировать и парализовать верхи (кулаков).*

Новое среднее сословие.

Реформисты возлагали на так называемое среднее сословие большие надежды. Инженеры, техники, врачи, адвокаты, бухгалтеры, конторщики, чиновники, государственные и частные, и проч.,—все это полу-консервативный слой, который стоит между капиталом и трудом и должен был, по мысли реформистов, примирять обе стороны, направлять и в то же время поддерживать демократический режим. Этот класс за время войны и после войны пострадал даже больше, чем рабочий класс, т.-е. уровень его жизни ухудшился в большей степени, чем уровень жизни рабочего класса. Основная причина этого — падение покупательной силы денег, обесценение кредиток. Во всех странах Европы резкое недовольство на этой почве охватило низшее и даже среднее чиновничество и техническую интеллигенцию. В Италии, например, как раз сейчас идет острая стачка чиновников. Конечно, государственные и частные чиновники, служащие банков и проч. и проч. не стали про-

летарским классом, но они утеряли свой прежний консервативный характер. Они не столько поддерживают государство, сколько расшатывают и потрясают его аппарат своим недовольством и протестами.

Недовольство буржуазной интеллигенции усугубляется еще ее тесной связью с торгово-промышленной мелкой и средней буржуазией. Эта последняя чувствует себя обойденной и обездоленной. Трестированная буржуазия продолжает богатеть, несмотря на разорение страны. Она захватывает все большую и большую долю в уменьшающемся национальном доходе. Нетрестированная буржуазия и новое среднее сословие падают и абсолютно и относительно.

Что касается пролетариата, то весьма вероятно, что, несмотря на ухудшение уровня его существования, общая его доля в уменьшающемся национальном доходе теперь больше, чем до войны. Трестированный капитал стремится уменьшить долю рабочего, сведя ее к довоенным размерам. Рабочий же исходит не из статистических выкладок, а из понижения своего жизненного уровня, и стремится увеличить свою долю в национальном доходе. *Итак, крестьяне недовольны упадком хозяйства, интеллигенция беднеет, опускается; мелкая и средняя буржуазия разорена и недовольна. Классовая борьба обостряется.*

Международные отношения.

Международные отношения играют, разумеется, огромную роль в жизни капиталистического мира. Последний это слишком ясно почувствовал во время мировой войны. И сейчас, когда мы ставим вопрос о возможности или невозможности для капитала восстановить свое мировое равновесие, необходимо посмотреть, в каких международных условиях происходит эта восстановительная работа. Нетрудно убедиться, что международные отношения стали гораздо более напряженными, гораздо менее совместимыми с «мирным» развитием капитала, чем это было до войны.

Почему произошла война? Потому, что производительным силам стало тесно в рамках наиболее могущественных капиталистических государств. Стремление империалистического капитала состояло в том, чтобы упразднить государственные границы и весь земной шар захватить себе, устранить таможни, перегородки, стесняющие развитие производительных сил. В этом экономическая основа империализма и причины войны. А результат? Европа сейчас богаче границами и таможнями более, чем когда бы то ни было. Образовался ряд мелких государств. На месте бывшей

Австро-Венгрии теперь проложен десяток таможенных линий. Англичанин Кейнс[242]) назвал Европу сумасшедшим домом, и действительно, с точки зрения экономического развития, весь этот партикуляризм мелких государств с своей замкнутостью, таможенной системой и проч. представляется чудовищным анахронизмом, сумасшедшим внедрением средневековья в двадцатое столетие. В то время как Балканский полуостров варваризируется, Европа балканизируется.

Отношения Германии и Франции по-прежнему исключают возможность какого бы то ни было европейского равновесия. Франция вынуждена грабить и насиловать Германию для того, чтобы поддерживать свое классовое равновесие, которому не отвечает истощенный фундамент французского хозяйства. Германия не может и не сможет оставаться об'ектом этого грабежа. Сейчас, правда, достигнуто соглашение. Германия обязалась уплачивать ежегодно 2 миллиарда марок золотом и, кроме того, 26% со своего вывоза. Эта сделка представляет собою победу английской политики, которая стремится помешать французской оккупации Рура. Сейчас главная масса европейской железной руды находится в руках Франции, главная масса угля — в руках Германии. Первейшим условием возрождения европейского хозяйства является производственное сочетание французской руды с немецким углем, а такое сочетание, безусловно необходимое для хозяйственного развития, смертельно опасно для английского капитализма. Все усилия Лондона направлены поэтому на то, чтобы помешать как наступательному, так и мирному сочетанию французской руды с немецким углем. Но это ведет к еще большему обострению антагонизма между Англией и Францией.

Франция временно приняла компромисс, тем более, что при своем расстроенном производственном аппарате она неспособна переварить и тот уголь, который ей принудительно доставляет теперь Германия. Но это вовсе не значит, что вопрос о Руре решен окончательно. Первая же неустойка со стороны Германии в деле ее контрибуционных обязательств неизбежно снова поставит вопрос о судьбе Рура.

Рост европейского, а отчасти и мирового влияния Франции за последний год определяется не усилением Франции, а явным и прогрессирующим ослаблением Англии.

Великобритания победила Германию. Это был главный вопрос, который разрешился последней войной. И война по существу была не мировой, а европейской, хотя борьба двух могущественнейших европейских государств — Англии и Германии — и разрешилась

при участии сил и средств всего мира. Англия победила Германию. Но сейчас Англия на мировом рынке и вообще в мировой обстановке гораздо слабее, чем была до войны. Соединенные Штаты выросли за счет Англии гораздо больше, чем Англия—за счет Германии.

Америка бьет Англию, прежде всего, более рациональным, более прогрессивным характером своей промышленности. Производительность труда американского рабочего на 150% выше производительности труда английского рабочего. Другими словами, два американских рабочих, благодаря более совершенно поставленной промышленности, производят столько, сколько пять английских. Один этот факт, установленный английскими статистическими исследованиями, свидетельствует, что Англия в борьбе с Америкой обречена, и этого одного достаточно, чтобы толкнуть Англию на путь войны с Америкой, пока английский флот сохраняет перевес на океанах.

Американский уголь вытесняет английский во всем мире и даже в самой Европе. А между тем, мировая торговля Англии опиралась, прежде всего, на вывоз угля. Кроме того, нефть получает теперь решающее значение для промышленности и обороны: она не только питает автомобили, тракторы, подводные лодки, аэропланы, но имеет огромные преимущества по сравнению с углем также для больших океанских кораблей. До 70% мирового потребления нефти добывается в пределах Соединенных Штатов. Стало быть, в случае войны вся эта нефть оказывается в руках Вашингтонского правительства. Кроме того, Америка держит в своих руках мексиканскую нефть, которая дает до 12% мировой добычи. Правда, американцы обвиняют Англию в том, что за пределами Соединенных Штатов Англия скопила до 90% мировых источников нефти и не допускает к ним американцев, тогда как американские источники будут-де в ближайшие годы исчерпаны. Но все эти геолого-статистические вычисления довольно сомнительны и произвольны. Они сделаны по заказу для того, чтобы оправдать претензии Америки на нефть в Мексике, Месопотамии и т. д. Но если бы действительно опасность истощения американских источников оказалась реальной, то это было бы еще одной причиной, способной ускорить войну между Соединенными Штатами и Англией.

Острым вопросом является задолженность Европы Америке. Долг составляет в общем 18 миллиардов долларов. Соединенные Штаты всегда имеют возможность создать величайшие затруднения на английском денежном рынке пред'явлением требований об уплате. Как известно, Англия даже предлагала Америке отказаться от английского долга, обещая, в свою очередь, отказаться от евро-

пейского долга Англии. Так как Англия должна Америке значительно больше, чем ей самой должны континентальные страны Антанты, то Англия при этой операции должна была остаться в барышах. Америка отказалась. Капиталистические янки не оказались склонны финансировать на собственные средства подготовку Великобритании к войне с Соединенными Штатами.

Союз Англии с Японией, которая борется с Америкой за преобладание на азиатском материке, также чрезвычайно обостряет отношение Америки и Англии.

Но самый острый характер, ввиду всех указанных условий, приобретает вопрос о военном флоте. Правительство Вильсона, натолкнувшись на сопротивление Англии в мировых вопросах, создало гигантскую программу военного судостроительства. Правительство Гардинга [243]) приняло эту программу от своего предшественника, и программа выполняется полным ходом. В 1924 г. флот Соединенных Штатов будет не только несравненно более могущественным, чем английский флот, но будет, — если не по тоннажу, то по боевой силе, — превосходит английский флот вместе с японским.

Что это означает с английской точки зрения? Либо Англия должна до 1924 года принять вызов и попытаться разрушить военное, морское и экономическое могущество Соединенных Штатов, пользуясь своим нынешним превосходством, либо же Англия должна пассивно превратиться в державу второго или третьего порядка, окончательно сдав Соединенным Штатам господство на океанах и морях. Таким образом последняя бойня народов, «разрешившая» по-своему европейский вопрос, тем самым поставила во всем об'еме мировой вопрос, т.-е. вопрос о том, господствовать ли Англии или Соединенным Штатам? Подготовка к новой мировой войне идет полным ходом. Расходы на армию и флот чрезвычайно выросли по сравнению с довоенным временем. Английский военный бюджет вырос в три раза, американский — в три с половиной раза.

Противоречия между Англией и Америкой превращаются в процесс автоматического нарастания, в автоматическое приближение завтрашнего кровавого столкновения. Здесь мы, действительно, имеем дело с автоматизмом.

1 января 1914 года, т.-е. в момент наивысшего напряжения «вооруженного мира», во всем мире стояло под штыками около 7 миллионов солдат. В начале нынешнего года под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Главная масса этих армий ложится, разумеется, на истощенную Европу.

Следовательно, милитаризм вырос. Все это является одним из важнейших препятствий для развития хозяйства. Одной из главных причин войны была невыносимая тяжесть вооруженного мира для европейского хозяйства. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца, — но оказалось, что этот конец не является концом, что ужас *после* конца стал еще ужаснее, чем *до* ужасного конца, т.-е. до последней войны.

Острый кризис, выросший из сужения мирового рынка, чрезвычайно обостряет борьбу капиталистических государств, лишая мировые отношения всякой устойчивости. Не только Европа, но и весь мир становится сумасшедшим домом! В этих условиях не приходится говорить о восстановлении капиталистического равновесия.

Рабочий класс после войны.

Все это создает для рабочего класса, с точки зрения революции, в общем и целом, очень благоприятное, но, в то же время, в высшей степени запутанное положение. Ведь, нам предстоит не хаотический элементарный натиск, первый этап которого мы наблюдали в Европе в 1918 — 1919 г.г. Нам казалось (и казалось с известным историческим правом), что в период дезорганизации буржуазии этот натиск мог итти вперед все более и более высокими волнами, что в этом процессе должно проясниться сознание руководящих слоев рабочего класса и что таким путем пролетариат в течение одного или двух лет достигнет государственной власти. Такая историческая возможность была. Но она не осуществилась. История предоставила буржуазии — при содействии доброй или злой воли самой буржуазии, ее хитрости, опыта, организации и стремления к власти — довольно длительную передышку. Никаких чудес не произошло; уничтоженное, сожженное, разрушенное не ожило; но буржуазия сумела лучше ориентироваться в обедневшей среде, она восстановила свой государственный аппарат и сумела использовать слабость рабочего класса. Обстановка, с точки зрения революционной перспективы, стала сложней, но она все же благоприятна. Сейчас, с большей, может быть, уверенностью мы имеем основание сказать, что обстановка является, в общем, вполне революционной. Но революция не настолько послушна, не настолько приручена, чтобы ее можно было привести на веревочке, как мы это себе представляем. У революции есть свои колебания, свои кризисы и благоприятные кон'юнктуры.

Сейчас же после войны буржуазия была растеряна и напугана до последней степени, — рабочие, особенно те, которые возвращались

из армии, были настроены требовательно. Но рабочий класс в целом был дезориентирован, не знал точно, как сложится жизнь после войны, чего и как требовать, по какому пути итти... Движение, как мы видели в самом начале доклада, приняло чрезвычайно бурный характер, но твердого руководства у рабочего класса не было. С другой стороны, буржуазия шла на очень большие уступки. Она продолжала военный, финансовый и экономический режим (займы, выпуски кредиток, хлебная монополия, обеспечение безработных рабочих масс и проч. и проч.). Другими словами, правительствующая буржуазия продолжала расстраивать хозяйственный фундамент и все больше разрушать равновесие,—производственное и финансовое,—для того, чтобы поддержать на самый острый период равновесие классов. До сих пор ей это более или менее удавалось.

Теперь она переходит к решению вопроса о восстановлении хозяйственного равновесия. Здесь дело идет не о временных уступках и подачках рабочему классу, но о мерах основного характера. Нужно восстановить расстроенный производственный аппарат. Нужно восстановить валюту, ибо мировой рынок немыслим без всеобщего мирового эквивалента, а стало быть, немыслима и «уравновешенная» национальная промышленность, связанная с мировым рынком.

Восстановить производственный аппарат—значит урезать работу на предметы потребления и увеличить работу на средства производства. Нужно усилить накопление, т.-е. повысить интенсивность труда и понизить заработную плату.

Чтобы восстановить валюту, нужно, помимо отказа от уплаты непосильных долгов, улучшить торговый баланс, т.-е. меньше ввозить и больше вывозить. А для этого нужно меньше потреблять и больше производить, т.-е. опять-таки понизить заработную плату и повысить напряженность труда.

Всякий шаг, направленный на восстановление капиталистического хозяйства, связан с повышением нормы эксплоатации и, стало быть, будет вызывать неизбежное сопротивление со стороны рабочего класса. Другими словами, каждое усилие буржуазии восстановить равновесие в производстве, в распределении, в государственных финансах неизбежно нарушает неустойчивое равновесие классов. Если в течение двух лет после войны буржуазия в своей хозяйственной политике руководствовалась, прежде всего, стремлением утихомирить пролетариат, хотя бы и ценою дальнейшего разрушения хозяйства, то теперь, в эпоху небывалого кризиса, она стала поправлять хозяйственное положение путем все возрастающего нажима на рабочий класс.

В Англии мы ярче всего видим, как этот нажим порождает отпор. А отпор рабочего класса нарушает устойчивость хозяйства и превращает в пустой звук все речи о восстановлении равновесия.

Бесспорно, борьба пролетариата за власть затянулась. Она не оказалась сплошным штурмом, она не дала картины непрерывного ряда все повышающихся волн, из которых последняя смывает капиталистический строй.

В этой борьбе мы наблюдали и повышения, и понижения, и оборону, и защиту. Классовое маневрирование с нашей стороны далеко не всегда было искусно. Причина тут двоякого рода. Во-первых, слабость коммунистических партий, возникших только после войны, без необходимого опыта, без необходимого аппарата, без достаточного влияния и без — а это главное — достаточного внимания к рабочим массам. В этой области за последние годы мы во всяком случае сделали большой шаг вперед. Коммунистические партии окрепли и развернулись. Второй причиной затяжного и неравного характера борьбы является разнородный состав самого рабочего класса, каким он вышел из войны.

Меньше всего война потрясла рабочую бюрократию, профессиональную, партийную и парламентскую. Капиталистические государства во всех странах отнеслись чрезвычайно внимательно и бережно к этой надстройке, прекрасно понимая, что без нее не удалось бы удержать в повиновении рабочий класс в течение кровавых лет. Рабочая бюрократия получала всякие привилегии и вышла из войны с теми навыками тупоумного консерватизма, с какими вошла в войну, только более скомпрометированная, более тесно связанная с капиталистическими государствами. Квалифицированные рабочие старшего поколения, привыкшие к своей профессиональной и партийной организации, особенно в Германии, остаются в значительной мере и сейчас опорой рабочей бюрократии, но устойчивость их вовсе не абсолютная. Рабочие, которые прошли через школу войны,— а это сердцевина рабочего класса, — внесли в пролетариат, новую психологию, новые навыки и новые отношения к вопросам борьбы, жизни и смерти. Они готовы разрешать вопросы силой, но на войне они усвоили, что успешное применение силы предполагает правильную тактику и стратегию. Эти элементы пойдут в бой, но они хотят твердого руководства и серьезной подготовки. Многие отсталые категории рабочих, в том числе женщины-работницы, число которых чрезвычайно возросло за время войны, стали теперь, в силу резкого поворота своего сознания, наиболее боевою, хотя и не всегда сознательною частью рабочего класса. Наконец, на крайне левом фланге мы видим рабочую молодежь, которая выросла за время

войны под грохот боев и революционных потрясений и которой предстоит занять большое место в предстоящей борьбе.

Вся эта, чрезвычайно возросшая, пролетарская масса,—старых рабочих и рабочих-новобранцев, рабочих, остававшихся в тылу и рабочих, проведших несколько лет под огнем, — вся эта многомиллионная масса неодинаково и неодновременно проходит революционную школу.

Мы это видели снова на примере мартовских событий, в Германии, где рабочие средней Германии, которые до войны были самым отсталым элементом, в марте рвались в бой, не задаваясь вопросом о том, обещает ли он победу,—тогда как берлинские рабочие или саксонские успели за время революционных боев накопить опыт и стали осторожнее. Несомненно, что общий ход послевоенной борьбы и особенно нынешний поход капитала об'единяет все слои рабочего класса за исключением его привилегированных верхов. Коммунистическая партия получает все больше и больше возможности установить действительное единство фронта рабочего класса.

Ближайшие перспективы и задачи.

Революция имеет перед собой три источника, которые связаны между собой.

Первым источником революции является упадок Европы. Классовое равновесие в Европе держалось на господствующем положении, прежде всего, Англии на мировом рынке. Ныне это господствующее положение ею окончательно утеряно и—не вернется. Отсюда неизбежны могучие революционные потрясения, которые могут закончиться либо победой пролетариата, либо полным упадком Европы.

Вторым источником революционной борьбы явятся резкие сотрясения всего экономического организма Соединенных Штатов: небывалый под'ем, вызванный европейской войною, а затем—жестокий кризис, порожденный длительными последствиями этой войны. Революционное движение американского пролетариата может в этих условиях принять такой же небывалый в истории темп, какой приняло экономическое развитие Соединенных Штатов за последние годы.

Третьим источником революционной борьбы является индустриализация колоний и прежде всеего Индии. Основой борьбы колоний за освобождение является крестьянская масса. Но борьба этой последней нуждается в руководстве. Такое руководство давала туземная буржуазия. Борьба этой последней против чужестран-

ного империалистического владычества не может, однако, быть ни последовательной, ни энергичной, так как сама туземная буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом, является в значительной мере его агентурой. Только возникновение довольно многочисленного туземного пролетариата, способного к борьбе, создает действительный стержень для революции. Количество индусского пролетариата в сравнении со всем населением страны, разумеется, малочисленно, но кто понял смысл развития революции в России, тот отдаст себе отчет в том, что революционная роль пролетариата в странах Востока будет гораздо выше, чем его численность. Это относится не только к чисто колониальным странам, как Индия, к полуколониальным, как Китай, но и к Японии, где капиталистический гнет сочетается с феодально-кастовым бюрократическим абсолютизмом.

Таким образом мировая обстановка и дальнейшие перспективы имеют глубоко революционный характер.

Когда буржуазия после войны прибегла к подачкам рабочему классу, соглашатели услужливо превратили эти подачки в реформы (8-часовой рабочий день, страхование безработных и проч.) и открыли — на развалинах — эру реформизма. Теперь буржуазия перешла в контр-наступление по всей линии, и даже английский «Times» — архикапиталистический орган — со страхом говорит о капиталистических большевиках. Нынешняя эпоха есть эпоха контрреформизма. Английский пацифист Норман Энджел называет войну ложным расчетом. Опыт последней войны действительно показал, что расчет, с точки зрения бухгалтерии, был ложный. После войны могло казаться, что наступает торжество пацифизма и что Лига наций является его выражением. Теперь мы видим, что расчет пацифизма был ложным расчетом. Никогда еще капиталистическое человечество не готовилось с таким остервенением к новой войне, как теперь. Иллюзии демократии разоблачаются даже перед консервативнейшими слоями рабочего класса. Еще недавно демократии противопоставлялась только диктатура пролетариата с ее терроризмом, Ч. К. и проч. и проч. Теперь демократия все больше противопоставляется всяким и всем формам классовой борьбы. Ллойд-Джордж предложил углекопам обратиться со своим ходатайством в парламент и об'явил их стачку насилием над национальной волей.

Немецкие рабочие в гогенцоллернском режиме находили известную устойчивость, определенные границы. Рабочие в общем знали, что можно, чего нельзя делать. В республике Эберта рабочий-стачечник всегда рискует быть зарезанным на улице или в поли-

цейском застенке без всяких дальнейших последствий. Эбертовская «демократия» дает немецким рабочим то же, что высокая заработная плата в обесцененных бумажках.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы охватить создавшуюся обстановку в целом и активно вмешаться в борьбу рабочего класса для того, чтобы на основе этой борьбы завоевать большинство рабочего класса. *Если обстановка в той или другой стране крайне обострится, мы должны поставить основные вопросы ребром и должны драться в том виде, в каком нас застанут события.* Если же развитие событий пойдет более планомерно, мы должны использовать все возможности для того, *чтобы до решающих событий иметь за собой большинство рабочего класса.*

У нас еще нет большинства в рабочем классе всего мира, но за нас стоит сейчас гораздо бо́льшая часть пролетариата, чем год или два тому назад. После того, как мы фактически проанализируем нынешнюю обстановку, что составляет важную задачу Конгресса; после того, как мы рассмотрим положение в каждой отдельной стране, мы сможем сказать себе: борьба, может быть, будет продолжительная и будет подвигаться вперед не так лихорадочно, как это нам было бы желательно. Борьба будет очень трудной и потребует многочисленных жертв. Мы стали сильнее накопленным опытом. Мы сумеем маневрировать в этой борьбе. Мы сумеем наметить не только идеальную математическую линию тактики, но и изгибы ее в меняющейся обстановке, среди которой должна проложить себе дорогу революционная линия. Мы сумеем активно маневрировать в обстановке разложения капиталистического класса, мы сумеем собирать силы рабочих для социальной революции. Я думаю, что наши успехи, как и наши неудачи, доказали, что разница между нами и независимыми социал-демократами состоит не в том, будто бы мы сказали, что сделаем революцию в 1919 г., а они ответили, что революция произойдет значительно позже. Нет, разница не в этом. Разница в том, что социал-демократия и независимые поддерживают буржуазию против революции при всякой обстановке. Мы же были и остаемся готовыми использовать каждую обстановку, как бы она ни видоизменялась для революционного натиска и для завоевания политической власти. (Бурные продолжительные аплодисменты.)

Сейчас в оборонительной экономической борьбе на почве кризиса коммунисты должны принять самое активное участие во всех профсоюзах, во всех стачках и выступлениях, во всяких движениях, всегда сохраняя в работе внутреннюю связь между собой и всегда выступая как наиболее решительное дисциплиниро-

ванное крыло рабочего класса. В зависимости от хода кризиса и политической обстановки оборонительная экономическая борьба может раздвигаться, охватывая все новые слои рабочего класса, населения и армии безработных, и, превратившись на известной стадии в революционную наступательную борьбу, завершится победой. Наши усилия должны быть направлены именно сюда.

Но если на смену кризису придет улучшение мировой экономической кон'юнктуры? Будет ли это значить, что революционная борьба приостановлена на неопределенное время?

Из всего моего доклада, товарищи, вытекает, что новый под'ем, который не сможет быть ни длительным, ни глубоким, отнюдь не будет приостановкой революционного развития. Промышленный под'ем 1849—1851 годов ударил по революции только потому, что революция 1848 года расширила рамки капиталистического развития. Что касается событий 1914—1921 годов, то они не расширили, а крайне сузили рамки мирового рынка, и потому кривая капиталистического развития в целом будет в ближайший период скорее направляться вниз. В этих условиях временный под'ем сможет только укрепить классовое самочувствие рабочих, уплотнить их ряды не только на заводах, но и в борьбе, и даст толчек не только их экономическому контр-наступлению, но и их революционной борьбе за власть.

Обстановка становится для нас все более благоприятной, но и крайне сложной. Победа не дастся нам автоматически. Почва под врагом подкопана, но враг силен, зорко видит наши слабые места, лавирует, маневрирует, всегда руководясь холодным расчетом. Из опыта наших боев за эти три года, особенно из опыта наших ошибок и неудач, нам,—всему Коммунистическому Интернационалу,—нужно многому научиться. Гражданская война требует политического, тактического и стратегического маневрирования, учета особенностей каждой данной обстановки, сильных и слабых сторон врага, сочетания энтузиазма с холодным расчетом, способности не только наступать, но и готовности временно отступать для сбережения сил и нанесения тем более верного удара.

Повторяю, мировая обстановка и дальнейшие перспективы глубоко революционны. Это создает необходимую предпосылку нашей победы. Но полную гарантию может дать нам только наша умелая тактика, наша крепкая организация. Поднять Коммунистический Интернационал на более высокую ступень, сделать его тактически более сильным—такова основная задача III Конгресса Коммунистического Интернационала.

Заключительное слово.

(Заседание 23 июня 1921 года).

Товарищи! В развернувшихся прениях первым выступил тов. Бранд [244]) с очень интересной речью, на которой я не хочу останавливаться, так как я, в общем, согласен с ее содержанием. Я хочу ответить лишь на его заключительное замечание, полагая, что он не мог высказаться до конца, так как председатель торопил его, а, между тем, это замечание может повести к недоразумениям. Тов. Бранд сказал, что мы победим буржуазию не статистикой, а мечом, и пытался подчеркнуть это обстоятельство тем, что именно я выступаю здесь с докладом. Я должен совершенно открыто заявить, что мне гораздо более приходилось иметь дело со статистикой Красной армии, чем с мечом. (Смех.) Если т. Бранд и другие считают, что я, так сказать, с мечом в руке участвовал в боях Красной армии, то у них слишком романтическое представление о моих функциях. Мне гораздо больше приходилось заниматься подсчетом количества сапог, штанов и, прошу извинить меня, подштанников, чем выступать с мечом в руке. (Громкий смех.) Я, вообще, думаю, что нет никакого противоречия между мечом и статистикой, и что статистика военного снаряжения играет на войне очень большую роль. Наполеон говорил: «Бог всегда на стороне более многочисленных баталионов». А статистика, как мы знаем, занимается и численностью баталионов. Тов. Бранд вспомнит, что, когда мы наступали на Варшаву, мы в нашей статистике несколько ошиблись, не измерив точно расстояния и сил и не учтя определенно сопротивления противника. Словом, хорошо отточенный меч и хорошая статистика мечей и всего того, что к этому относится, прекрасно подходят друг к другу. (Аплодисменты.)

Тов. Земан [245]) ухватился за одно замечание тов. Бранда и повторил его в еще более резкой форме, заявив: нам нечего доказывать необходимость революции, мы должны провести ее. Это, отчасти, верно, но в известном смысле и неверно. Мы должны доказать рабочим сущность революции, ее возможность, ее необходимость, ее неизбежность, а по отношению к буржуазии мы должны ее провести насильственным путем. И я думаю, что т. Земан и другие, говорившие в том же смысле, все же неправы, считая, что об'ективный анализ экономического развития доказывает, как выразился т. Закс или т. Земан, что революция неизбежна в какой-нибудь определенной точке исторического развития. Это ведь всегда повторяли и с.-д. II Интернационала. Это нас больше не интересует. Мы должны поставить себе цель и достигнуть ее при помощи соответ-

ствующей организации и тактики. Да, подобно тому, как нельзя противопоставлять меч статистике, точно так же нельзя противопоставлять суб'ективные факторы истории — революционной воле, а революционное сознание рабочего класса — об'ективным условиям. Ведь, если оппортунисты — Гильфердинги, Каутские и каутскианцы — автоматизируют процесс духовного развития, внося в свою великую историческую статистику только об'ективный фактор, — волю враждебного класса, которая является для нас об'ективным фактором и почти совершенно исключает суб'ективный, революционную движущую волю рабочего класса; если они тем самым превращают марксизм в софистику, то существует другой способ для методической организации революции. Существует метод революционной мысли, представителей которого мы могли бы видеть в большом числе на русской почве. Это — наши социалисты-революционеры и, в особенности, их левое крыло. Они вообще смеялись над суб'ективным мышлением, над анализом экономического развития, над политическим развитием, над их об'ективной, выражаясь философским языком, имманентной тенденцией и противопоставляли всему этому свободную волю, революционное действие меньшинства. Если мы отделим суб'ективный момент от об'ективного, то эта философия превращается в чистый революционный авантюризм. И я думаю, что в великой марксистской школе мы научились соединять об'ективное с суб'ективным и диалектически, и практически, т. е. научились основывать наши действия не только на суб'ективной воле того или иного лица, но и на убеждении, что рабочий класс должен последовать за этой нашей суб'ективной волей, и что действенность рабочего класса определяется об'ективным положением. Поэтому мы должны пользоваться для наших доказательств экономическим анализом, а также и статистикой, чтобы точно наметить наш собственный путь и, шествуя по этому пути, решительно выступать с мечом в руках.

Тов. Закс [246]) считает, что тезисы не являются подходящим документом для Коммунистического Интернационала, так как они недостаточно критически подошли к упадку и прогрессу европейского хозяйства. Я укажу лишь на 9-ю страницу тезисов, где это высказано вполне определенно. Далее, тов. Закс считает, что пролетариат как раз является суб'ективным фактором истории, между тем как тезисы не подчеркнули этой суб'ективной точки зрения. Я думаю, что т. Закс, который в своих тенденциях отличается от большинства ораторов, сегодня здесь выступавших, имеет с ними одну общую тенденцию, а именно — и он, и они тезисов не читали. В п. 34 мы определенно говорим: «Вопрос о воссоздании капитализма на

вышеочерченных основах, по существу, означает следующее: захочет ли рабочий класс принести в новых невероятно тяжелых условиях (это, кажется, довольно суб'ективно!) те жертвы, которые необходимы для восстановления прочных условий его собственного рабства, более концентрированного и жестокого, чем то, которое царило до войны». В дальнейшем развивается положение о необходимости накопления, усиленного накопления, о необходимости оздоровления валюты и т. д. и повсюду выражается одна и та же мысль. Экономическое равновесие не является отвлеченным, механическим. Оно может быть восстановлено только путем деятельности классов. Но классы покоятся на хозяйственной основе. Буржуазии удалось в течение трех после-военных лет удержаться в равновесии. Буржуазия пока-что остается у кормила правления. Каким образом? Как я уже говорил, путем нового выпуска бумажных денег и благодаря тому, что она в Италии, Франции и Германии выдает прибавки к заработной плате из разрушенных государственных финансов под видом понижения хлебных цен и удешевления квартирной платы. Каждая штука германского товара, выбрасываемая на английский рынок, означает неуплаченную часть немецкой квартиры, которая разрушается, часть немецкого дома, который не может быть отремонтирован. Итак, для восстановления классового равновесия приходится разваливать хозяйство и, наоборот, — стремясь восстановить хозяйство, приходится разрушать классовое равновесие. Это какой-то заколдованный круг. Это основная мысль тезисов. Того, кто не вычитал этой мысли в тезисах, я должен попросить еще раз внимательно прочесть их.

Тов. Земан сказал, что Советская Россия может сыграть роль предохранительного клапана для капитализма и тем самым нарушить развитие мировой революции. Дело еще не настолько страшно, чтобы европейский или американский капитал мог броситься на Советскую Россию для выхода из положения, в которое он попал вследствие безработицы в собственной стране. Положение еще далеко не столь опасно, и наша страна, к несчастью, слишком разрушена, чтобы привлекать иностранный капитал в об'еме, могущем стать угрозой для развития революции в Америке и Европе. Это совершенно исключено.

Я еще коснусь возражений тов. Погани [247]). Он нашел в тезисах противоречие и пробел на 4-й и 14-й страницах. Противоречие, по его мнению, состоит в следующем: мы сказали сначала, что процветание ослабило и смягчило революционные взрывы, а затем заявили, будто мнимое процветание не задержит революцию, а, наоборот, в известном смысле, будет способствовать ее развитию.

Да, прошлое и будущее мнимое процветание оцениваются мною совершенно различно. Тов. Погани видит в этом противоречие, но его здесь нет, так как мы рассматриваем процветание в исторической связи, в конкретной исторической обстановке всего мира и отдельных государств. Образ мыслей тов. Погани является, по крайней мере, в этом вопросе, немного автоматическим, метафизическим, употребляя старую фразеологию, так как он думает, что кризис, точно так же, как и процветание, всегда вызывает одни и те же тенденции. Это совершенно неправильно. Прежде всего, такое толкование тезисов приводит к бесчисленным заблуждениям. Он говорит, что тезисы выражают два стремления: во-первых, ожидание англо-американской войны, во-вторых, ожидание периода процветания. Но я не вводил, так сказать, процветания в нашу тактику, я не открывал процветанию двери и не приглашал его войти и изменить положение. Об этом нет и речи. Что говорится в тезисах? В них говорится, что мы переживаем глубокий и острый кризис, вызвавший усиленное наступление капиталистического класса на пролетариат. Последний ведет сейчас повсюду оборонительную борьбу. Наша задача распространить эту оборонительную борьбу пролетариата на область экономическую, углубить ее, прояснить сознание борющегося пролетариата путем вполне определенного установления условий борьбы, придания ей политической формы, превращения ее в борьбу за политическую власть. Вот наша задача, и она сама собой понятна. Далее, я говорил в моем докладе, и мы с тов. Варгой написали это в наших тезисах: если через 2 — 3 месяца, или через полгода, наступит улучшение положения, то само собою разумеется, что это будет возможно лишь в том случае, если до тех пор не вспыхнет революция. Если она вспыхнет, то мы вместе с тов. Погани не будем, конечно, противодействовать этому явлению, а, наоборот, всеми силами будем в нем участвовать. Но зададим себе вопрос, что будет, если этого не случится, товарищ Погани? что, если вместо революции произойдет улучшение экономического положения? Тов. Варга, в своей брошюре, указывает на многие признаки этого улучшения, и даже в том случае, если сейчас нельзя говорить об улучшении, то все же необходимо установить, что темп ухудшения замедлится. Это безусловно. Цены уж не падают так головокружительно, как прежде. Финансовый рынок находится не в таком напряженном состоянии, и там, и сям можно отметить небольшие поверхностные признаки улучшения в производстве. Правда, они очень незначительны. Вполне возможно, что дело идет лишь о маленьком зигзаге, и что вскоре развитие пойдет снова назад. Но возможно, что наступит и более серьезное

улучшение. Это зависит не от меня, не от товарища Погани и не от резолюций Конгресса. Это, действительно, независящее от нашей воли, внешнее, автоматическое явление. Предвещает ли это наступление эпохи нового экономического развития?.. Ни в коем случае. Тов. Погани думает, что если в течение трех месяцев произойдет оживление английского рынка, вывоза и производства, то придется оставить всякую надежду на прямое развитие революции, на завоевание политической власти. Мы этого не думаем. Существует большая разница между процветанием, наступившим непосредственно после войны, и процветанием, наступающим теперь. После войны рабочий класс был еще полон иллюзий. Он был еще дезорганизован, как и буржуазия. Господствовала всеобщая дезорганизация классов. Только небольшое меньшинство буржуазии ясно сознавало свои цели, и точно такое же небольшое меньшинство рабочего класса, — коммунистическая группа, — тоже сознавало свои цели. Широкие массы колебались. При этих условиях было весьма важно, будет ли возвращающийся с войны рабочий безработным или получит довольно приличную заработную плату, получит ли он дешевый или дорогой хлеб, так как свои требования он противопоставлял своим усилиям и кровавым жертвам на полях сражений. Буржуазия, путем крупных финансовых уступок, ценой дальнейшего разрушения экономической основы, создала условия, которые держали массы в неопределенном настроении в течение двух лет. Само собой разумеется, что при этом все же откалывались целые слои рабочих, но, в общем, существовавший порядок сохранился до сих пор. Теперь безработица внесла в массы страшное обнищание. Образовавшаяся Коммунистическая партия выкристаллизовалась; исчезновение иллюзий и разочарование масс двинулись вперед гигантскими шагами, и сейчас мы ведем борьбу на основе кризиса и на этой же основе будем ее продолжать. Не исключено, что во время этой борьбы и этого кризиса мы, в той или иной стране, придем к власти. Но если эта борьба не приведет к положительным результатам — к победе, тогда (и это отмечено в тезисах) мнимое процветание ни в коем случае не подействует на рабочих усыпляющим образом. Наоборот, каждый рабочий, при первых признаках процветания, вспомнит все разочарования, от которых он пострадал, все жертвы, которые он принес, и потребует воздаяния за все, в том числе и за сокращение заработной платы и кризис. Это обосновано исторически, экономически и психологически. Что касается той музыки, которую тов. Погани услышал в моей речи, — будто я жду новой войны и процветания, — то я не знаю, голос ли мой недостаточно музыкален или же недоста-

точно музыкален слух тов. Погани, а может быть, акустика плоха. (Смех.) Во всяком случае существует какое-то несоответствие между моим органом речи и органом слуха тов. Погани. Я никому не предлагаю ждать войны между Англией и Америкой. Если бы я знал, что это число — 1924 год — введет кого-нибудь в искушение, я, конечно, отказался бы от этой проклятой даты, так как она не играет никакой роли в моих выводах. Я привел ее только для иллюстрации. Я рассматривал вопрос экономического равновесия и спросил: как обстоит это дело в международных взаимоотношениях государств? Я сказал, что мы переживали вооруженный мир накануне 1914 года, когда все готовились к войне. Но никто не думал о таком быстром темпе и никто не рассчитывал с уверенностью на неизбежность столкновения через 2 — 3 — 4 года. Это неизбежное столкновение не является математической точкой в историческом развитии: оно влияет и на современную группировку европейских государств.

Тов. Тальгеймер [248]) снова повторил обвинение, будто я хочу держать революционную энергию пролетариата в запасе на случай войны в 1924 году. Это звучит довольно странно. Затем он сказал, что я ориентируюсь, так сказать, на мирный развал капитализма. Он ясно заявил, что тезисы на это ориентируются. Я и здесь сошлюсь на пункт 34, в котором написано прямо противоположное. Он гласит, что если речь идет об автоматическом распаде капитализма, то равновесие может восстановиться, но процесс этот протекает именно в среде классовой борьбы, и поэтому равновесие не может восстановиться.

Вопрос о контрибуции тоже рассматривался в связи с этим. Говорили, что германская контрибуция должна послужить средством восстановления устойчивости капитализма Антанты. Совершенно верно, — но для этого контрибуция должна быть уплачена, а для того, чтобы ее уплатить, германский пролетариат должен производить не только для себя, не только для того, чтобы доставлять прибыль своей буржуазии, своему государству, но и для этой контрибуции. Это означает усиленную эксплоатацию и обостренную классовую борьбу, но отнюдь не восстановление равновесия.

Вопрос, который многие товарищи ставят отвлеченно, — что именно приведет к революции: обнищание или процветание, — совершенно ложен в такой формулировке. Я уже пытался доказать это в своем докладе. Один испанский товарищ сказал мне, в частном разговоре, что в его стране как раз процветание промышленности, вызванное войной, привело к революционному движению

широкого размаха, тогда как прежде там в этом отношении царил застой. Вот пример уже не русский, но испанский, — пример из противоположной части Европы. Товарищи! Не обнищание и не процветание, как таковые, могут привести к революции, а смена процветания и обнищания; кризисы, непостоянство, отсутствие устойчивости — вот движущие факторы революции.

Почему бюрократия рабочего движения стала такой консервативной? Она, в большинстве случаев, состоит из скромных, ведущих умеренную жизнь суб'ектов, существование которых отнюдь не отличается роскошью; но они привыкли к устойчивости жизненных условий и не боятся безработицы, поскольку она держится в рамках нормальной партийной и профессиональной жизни. Такое спокойное существование подействовало и на психологию широкого слоя рабочих, поставленных в лучшие условия. Теперь же это блаженство, эта устойчивость условий жизни отошли в прошлое; на место искусственного процветания пришло обнищание. Цены стремительно повышаются, заработная плата изменяется пропорционально или непропорционально колебаниям валюты. Последняя скачет, как и цены, как заработная плата, а затем — смена лихорадочных фиктивных кон'юнктур и глубоких кризисов. Это отсутствие устойчивости и уверенности в завтрашнем дне в частной жизни каждого рабочего является наиболее революционным фактором переживаемой нами эпохи. И это вполне определенно сказано в тезисах. Мы ссылаемся в них на кризис, как таковой, а также на процветание. На 13-й странице мы говорим: «Неустойчивость жизненных условий, которая отражает всеобщую неустойчивость условий национального и мирового хозяйства, является сейчас одним из важнейших факторов революционного развития».

Это положение сохраняет свое значение и для периода кризисов и для периодов процветания. Это относится также и к политическим условиям, в которых живет рабочий класс. До войны он привык к прусскому режиму. Это была, правда, железная рама, но зато вполне надежная. Можно было знать, что это можно сделать, а того нельзя. Сейчас этот режим прусской устойчивости исчез. До войны рабочий получал 3 марки в день. Но то были звонкие марки, на которые можно было кое-что купить. Сейчас рабочий получает (я в точности не знаю) 20—30—40—50 марок в день, но он почти ничего от этого не имеет. Был, правда, германский кайзер, но зато было известно, что на улице вас не убьют, если вы будете бастовать. В самом крайнем случае, вас посадят в тюрьму. Сейчас же неизвестно, не будете ли вы застрелены, прогуливаясь по улицам, как свободный гражданин республики. Это

отсутствие устойчивости выводит из равновесия самого спокойного рабочего. Оно является движущим революционным фактором. Здесь говорили, что я, как и тезисы, сосредоточиваю внимание исключительно на столкновении между Англией и Америкой, пренебрегая другими конфликтами. Это совершенно неверно. В тезисах ясно и подробно сказано все то, что Кенен говорил о взаимоотношениях между Францией и Германией. На стр. 10 освещена даже последняя капитуляция и все, что с ней связано. Там говорится: «Капитуляция Германии в мае месяце в вопросе о контрибуции означает временную победу Англии и служит порукой дальнейшего экономического развала Центральной Европы, не исключая, в то же время, занятия Рурской области французскими войсками в течение ближайшего времени».

Все то принципиальное, что говорил т. Кенен [249]), уже высказано в тезисах. Само собой разумеется, что в вопросе о международной политике мы не можем сосредоточить все наше внимание на грядущем 1924 годе. Мы должны с открытыми глазами встречать каждую возможность, изучать события каждого дня и энергично готовиться; и я думаю, что именно в области международных отношений мы имеем перед собой самые широкие перспективы в смысле привлечения пролетариата на свою сторону. А это самое важное. Прежде чем завоевать власть, могущество, необходимо завоевать пролетариат. Какова позиция 2-го и 2½-го Интернационалов по этому вопросу? Я должен обратить ваше внимание на маленький пример—на полемику между «Vorwärts'ом» [250]) и бельгийской газетой «Le Peuple». Я не знаю, достаточно ли использовали этот спор в Германии. Полемика между этими двумя принадлежащими к тому же II Интернационалу партийными органами по наиболее актуальному жизненному вопросу — о германских возмещениях — является в высшей степени поучительной для каждого немецкого, бельгийского и французского рабочего. В тот момент, когда Бриан угрожал занятием Рурской области, «Le Peuple», гнусный бельгийский социалистический листок, поставил германским товарищам следующие вопросы: «Мы видели, — писал он, — что в Капповские дни германские рабочие держались мужественно. Почему же они теперь молчат, почему рабочие организации во всех концах Германии не выразят открыто своей воли, чтобы Рурская область избегла оккупации работы под военным контролем?».

Это значит: так как мое правительство, бельгийское, — вместе с французским, — задавит тебя, немецкого рабочего, в том случае, если твое правительство не уплатит французскому контрибуции в указанном размере, то твой долг — долг германского рабочего —

сделать революцию против твоей буржуазии, принудить ее к уплате контрибуции, чтобы моя буржуазия не была вынуждена задавить тебя. (Смех.) Это похоже на игру в мяч с революционным долгом, на представление клоунов в цирке. Твой долг подчинить твою буржуазию моей, чтобы я не был вынужден воевать с твоей. (Аплодисменты.)

«Vorwärts» ответил на это: «Мы возвращаем все эти вопросы в полном об'еме бельгийским рабочим организациям. Ведь не наши армии приходится удерживать от наступления». Это говорит тот же самый «Vorwärts», те же самые социал-демократические вожди, которые в свое время поддерживали Брест-Литовский мир. Об этих молодцах можно говорить перед бельгийским и французским, а также германским рабочим классом лишь с собачьей плеткой в руках.

Товарищи! Революция течет по трем руслам. Об одном из них нам напомнил тов. Рой[251]). Первое великое русло революционного развития — погибающая Европа. Социальное равновесие Европы, в первую очередь Англии, всегда было основано на преобладающем положении Великобритании и Европы во всем мире. Теперь это преобладание отошло в прошлое. Могут быть колебания. Но преобладание Европы, европейской буржуазии, а также европейского пролетариата отошло в прошлое. Это первое большое русло революции.

Второе: лихорадочное развитие Америки. Этот великий лихорадочный под'ем, созданный условиями, которые никогда не смогут ни остановиться, ни повториться, т.-е. великий под'ем, за которым неизбежно последует великий кризис и депрессия. Эти небывалые колебания великой нации, великого общества, являются могучим революционным фактором, и не исключается возможность, что революционное развитие Соединенных Штатов сейчас пойдет чисто американским темпом.

Третье русло — колонии. Во время войны, когда европейские страны были отрезаны от мирового рынка, колонии довольно сильно развились в капиталистическом направлении. Это не имело особенно большого экономического значения для мирового рынка. Индийский, китайский и японский капитализм не играет на нем решающей и заметной роли. Но для революционного развития Японии, Китая и Индии развитие капитализма, уже достигнутая ступень этого развития, играет решающую роль. В Индии существует отсталый пролетариат. Но какую роль может сыграть пролетариат в такой стране с полуфеодально-аграрными отношениями, в этом вы можете убедиться из новейшей истории России. Проле-

тариат сыграет там такую роль, которая совершенно не будет соответствовать ступени развития капитализма и даже численности рабочих, так как для крестьянства Индии или Китая нет другой возможности, другого центра об'единения, кроме молодого, боеспособного пролетариата. Итак, борьба в колониях является третьим важным руслом революционного движения. Их не следует противопоставлять друг другу, так как движение идет параллельно по всем трем руслам, и они все время воздействуют друг на друга, и нельзя знать наперед, когда движение обострится в одном или в другом. Но, в общем, об'ективные условия, автоматический элемент в истории, превосходно работают за нас. Я надеюсь, что в жизни, как и в моей речи, суб'ективное не задерживается, не заглушается, как опасаются многие товарищи, а наоборот — об'ективно-революционное действует совместно с суб'ективно-революционным, и что вместе они выполняют превосходную работу.

Было предложено, чтобы Конгресс вернул тезисы в комиссию. Конечно, необходимо, чтобы тезисы еще раз прошли через комиссию и чтобы она их пересмотрела, основываясь на происходивших здесь прениях. Но я все же прошу Конгресс принять, в принципе, наши тезисы за основу, до того как отдавать их в комиссию. (Шумные аплодисменты.)

ТЕЗИСЫ III КОНГРЕССА О МИРОВОМ ПОЛОЖЕНИИ И ЗАДАЧАХ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

I. Существо вопроса.

1. Революционное движение к концу империалистической войны и после нее отличается небывалым в истории размахом. В марте 1917 г. происходит низвержение царизма. В Англии с мая 1917 г. бурная стачечная борьба. В ноябре 1917 российский пролетариат овладевает государственной властью. В ноябре 1918 г. низвержение германской и австро-венгерской монархий. Стачечное движение охватывает ряд европейских стран и особенно широко разливается в течение следующего года. В марте 1919 г. возникает советская республика в Венгрии. В конце года Соединенные Штаты сотрясаются бурными стачками металлистов, углекопов, железнодорожников. В Германии — после январских и мартовских боев 1919 г.—движение достигает своей кульминации в дни после Капповского мятежа, в марте 1920 г. Во Франции наиболее напряженный момент внутренней жизни приходится на май 1920 г. В Италии непрерывно нарастающее движение промышленного и сельского пролетариата при-

водит в сентябре 1920 г. к захвату рабочими фабрик, заводов и поместий. В декабре 1920 года в Чехии происходят массовые пролетарские забастовки. В марте 1921 г. восстание рабочих средней Германии и стачка рабочих угольной промышленности в Англии.

Особенного размаха и наибольшей остроты движение достигает в странах, ведших войну, а из них — в побежденных. Но оно распространяется и на нейтральные страны. В Азии и Африке оно пробуждает или усиливает революционные возмущения многомиллионных колониальных масс.

Эта могущественная волна, однако, не опрокинула ни мирового, ни европейского капитализма.

2. За год, протекший между II и III Конгрессом Коммунистического Интернационала, ряд возмущений и боев рабочего класса закончился его частными поражениями (наступление Красной армии на Варшаву в августе 1920 г., движение итальянского пролетариата в сентябре 1920 г., восстание немецких рабочих в марте 1921 г.).

Первый период революционного движения после войны, характеризующийся стихийностью напора, значительной бесформенностью методов и целей и чрезвычайной паникой правящих классов, представляется в значительной мере завершенным. Классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов несомненно укрепились. Паническое отношение к коммунизму если не прошло, то ослабело. Руководители буржуазии даже хвастают могуществом своего государственного аппарата и во всех странах перешли в наступление против рабочих масс как на экономическом, так и на политическом фронте.

3. Ввиду этого положения Коммунистический Интернационал ставит перед собой и перед всем рабочим классом следующие вопросы: в какой мере новое политическое взаимоотношение буржуазии и пролетариата соответствует более глубокому соотношению сил? действительно ли буржуазия близка к восстановлению социального равновесия, нарушенного войной? есть ли основания полагать, что на смену эпохе политических потрясений и классовых боев идет новая длительная эпоха восстановления и роста капитализма? не вытекает ли отсюда необходимость пересмотра программы или тактики Коммунистического Интернационала?

II. Война, спекулятивный под'ем, кризис и страны Европы.

4. Предшествовавшие войне два десятилетия были эпохой особенно могущественного капиталистического прибоя. Периоды под'ема отличались напряженностью и длительностью, периоды депрессий

или кризисов отличались краткостью. В общем, кривая резко поднималась вверх: капиталистические нации богатели.

Прощупывая мировой рынок через тресты, картели и консорциумы, вершители мировых судеб отдавали себе отчет в том, что бешено развивающийся капитализм должен упереться в пределы емкости им же созданного капиталистического мирового рынка, и попытались выйти из положения хирургическим путем. Кровавый кризис мировой войны должен был заменить неопределенно долгий период экономической депрессии — с одним и тем же результатом: массовым уничтожением производительных сил.

Война соединила, однако, чрезвычайную разрушительную силу методов с непредвиденной длительностью их применения. В результате она не только экономически уничтожила «избыточные» производительные силы, но и ослабила, расшатала, подкопала основной производственный аппарат Европы. Одновременно она помогла могущественному капиталистическому развитию Соединенных Штатов и лихорадочному под'ему Японии. Центр тяжести мирового хозяйства передвинулся из Европы в Америку.

5. Период прекращения четырехлетней бойни, демобилизации и перестройки военных отношений на мирный лад, с неизбежным экономическим кризисом в результате истощения и хаоса войны, казался буржуазии — с полным основанием — наиболее грозным для нее временем. И действительно, в течение двух послевоенных лет захваченные войной страны явились ареною могущественных движений пролетариата.

Одной из важнейших причин, благодаря которым буржуазия сохранила, тем не менее, свое господствующее положение, явился тот факт, что уже через несколько месяцев после войны наступил не кризис, который казался неизбежным, а экономический под'ем. Он длился приблизительно полтора года. Промышленность поглощала почти целиком демобилизованных рабочих. Заработная плата, хотя и не могла по общему правилу догнать цены на предметы потребления, поднималась все же вверх, создавая мираж экономических завоеваний.

Именно этот *торгово-промышленный под'ем 1919—1920 г.г.*, внесший смягчение в наиболее острый ликвидационный период после войны, имел своим последствием чрезвычайное повышение самоуверенности буржуазии и *выдвинул вопрос о наступлении новой органической эпохи капиталистического развития.*

Между тем под'ем 1919—1920 г.г. являлся в основе своей не началом возрождения капиталистического хозяйства после войны,

а продолжением того искусственного состояния промышленности и торговли, какое было создано войной.

6. Империалистическая война разразилась в такой период, когда торгово-промышленный кризис, исходивший и тогда из Америки (1913 г.), стал обволакивать Европу. Нормальное развитие промышленного цикла было прервано войной, которая сама стала самым могущественным экономическим фактором. Война создала почти безграничный рынок для основных отраслей промышленности, совершенно защищенных от конкуренции. Это был твердый покупатель, которому всегда не хватало. Производство средств производства заменилось производством средств истребления. Предметы личного потребления поглощались по все более высоким ценам миллионами людей, которые не производили, а разрушали. Этот процесс означал разоренье. Но, в силу доведенных до чудовищности противоречий капиталистического общества, он принял вид и форму обогащения. Государство выпускало займ за займом, эмиссию за эмиссией и от счета на миллионы перешло к счету на миллиарды. Машины и сооружения изнашивались и не возобновлялись. Земля плохо обрабатывалась. Капитальные строительные работы, в городах и на путях сообщения, прекратились. Тем временем число государственных ценностей, кредитных и казначейских знаков, фондов росло непрерывно. Фиктивный капитал разбухал в такой же степени, в какой разрушался производительный капитал. Кредитная система из средства обращения товаров стала средством мобилизации, в военных целях, национального достояния, включая и то, которое еще будет создаваться будущими поколениями.

Именно из страха перед опасностью катастрофического кризиса капиталистическое государство действовало после войны так, как и во время войны: новые эмиссии, новые займы, регулирование важнейших цен, гарантирование прибылей, приплата на хлебе и другие виды государственной субсидии к жалованью и заработной плате, плюс военная цензура и диктатура офицерства.

7. Одновременно с этим прекращение военных действий и восстановление хотя бы и ограниченных международных сношений дали обнаружиться спросу на самые разнообразные товары во всех концах земли Война оставила большие массы неизрасходованных продуктов. Огромные денежные суммы, сосредоточенные в руках поставщиков и спекулянтов, были мобилизованы по линии наибольшего барыша. Отсюда лихорадочный торговый под'ем, где — при небывалом росте цен и фантастических дивидендах — промышленность ни в одной из своих основных отраслей не приблизилась в Европе к своему довоенному уровню.

8. Ценой дальнейшего органического расстройства хозяйственной системы (рост фиктивного капитала, падение валюты, спекуляция вместо залечивания хозяйственных ран) буржуазным правительствам совместно с банковскими консорциумами и промышленными трестами удалось оттянуть начало экономического кризиса к такому моменту, когда политический кризис демобилизации и первого подведения итогов уже вошел в берега. Получив серьезную передышку, буржуазия вообразила, что опасность кризиса устранена на неопределенно долгое время. Воцарился чрезвычайный оптимизм. Казалось, что потребности восстановления открывают многолетнюю эпоху процветания промышленности, торговли и особенно спекуляции. 1920 год оказался годом разбитых надежд.

Сперва как финансовый, потом как торговый, далее как промышленный — кризис начался в марте 1920 г. в Японии, в апреле — в Соединенных Штатах (легкое понижение цен началось уже в январе), перешел в Англию, Францию и Италию (в апреле), в нейтральные страны Европы, в ослабленном виде сказался в Германии и распространился по всему вовлеченному в капиталистическое развитие миру во вторую половину 1920 года.

9. Таким образом *кризис 1920 г.* — это есть одно из важнейших обстоятельств для понимания мировой обстановки! — не есть очередной этап «нормального» промышленного цикла, а более глубокая *реакция против основанного на разорении и истощении фиктивного под'ема эпохи войны и двух послевоенных лет.*

Нормальные чередования под'емов и кризисов происходили на поднимающейся кривой промышленного развития. За последние семь лет производительные силы Европы не поднимались, а круто падали.

Разорение самого фундамента хозяйства еще только должно сказаться во всех его этажах. Для достижения некоторого внутреннего соответствия хозяйство Европы в течение ближайшего ряда лет должно будет сжиматься и сокращаться. Кривая развития производительных сил будет понижаться от нынешней своей фиктивной высоты. Под'емы могут иметь при этом кратковременный, в значительной мере спекулятивный характер. Кризисы должны быть длительными и тяжелыми. Нынешний кризис в Европе есть кризис недопроизводства. Это реакция обнищания против стремления производить, торговать и жить на прежнюю широкую капиталистическую ногу.

10. Экономически сильнейшая и наименее пострадавшая от войны страна Европы — *Англия.* Тем не менее и по отношению к ней нельзя говорить о восстановлении капиталистического равновесия после войны. Правда, благодаря своей мировой организации и по-

ложению победительницы, Англия достигла после войны известных *торговых* и *финансовых* успехов: улучшила в свою пользу торговый баланс, подняла курс фунта стерлингов и достигла фиктивного избытка в бюджете. Но в области *промышленности* Англия шла после войны назад, а не вперед. Как производительность труда, так и национальный доход несравненно ниже, чем до войны. Положение основной отрасли промышленности, угольной, все более ухудшается, увлекая за собой и другие отрасли. Непрерывные стачечные потрясения являются не причиной, а последствием упадка английского хозяйства.

11. *Франция, Бельгия, Италия* непоправимо разорены войной. Попытка восстановить хозяйство Франции за счет Германии есть дикий грабеж, соединенный с дипломатическим шантажем, и совершается путем дальнейшего разорения Германии (уголь, машины, скот, золото), не спасая в то же время Франции. Это наносит тяжелый ущерб хозяйству всей континентальной Европы. Франция получает гораздо менее, чем теряет Германия, несмотря на то, что французские крестьяне с крайним напряжением сил отвоевали для земледелия большие части разоренных областей. Несмотря на то, что во время войны заново развились целые отрасли промышленности (химическая военная промышленность), Франция идет навстречу экономической гибели. Государственный долг и государственные расходы (милитаризм) достигли невыносимой высоты. К концу последнего под'ема французская валюта упала на 60%. Возрождению французского хозяйства мешает большая убыль в людях во время войны, особенно тяжкая ввиду низкой рождаемости. В аналогичном положении находится хозяйство Италии и Бельгии.

12. Иллюзорный характер под'ема ярче всего виден на *Германии*. В то время как цены повысились за полтора года в 7 раз, производство страны продолжало резко падать. Победоносное на вид участие Германии в международном товарообмене после войны оплачивается двойною ценой: расточением основного капитала нации (разрушением производственного, транспортного и кредитного аппарата) и дальнейшим понижением уровня жизни рабочего класса. Прибыли немецких экспортеров представляют собою чистый убыток с общественно-хозяйственной точки зрения. Под видом экспорта происходит распродажа Германии по дешевой цене. Капиталистические верхи обеспечивают за собою все возрастающую долю во все уменьшающемся национальном достоянии. Немецкие рабочие становятся кули Европы.

13. Как политически мнимая самостоятельность *мелких нейтральных стран* держится на антагонизме великих держав, так эко-

номически они живут в порах мирового рынка, основной характер которого до войны определялся Англией, Германией, Соединенными Штатами и Францией. В течение войны буржуазия мелких нейтральных стран Европы наживала чудовищные барыши. Но разорение воевавших стран Европы повлекло за собой хозяйственное расстройство нейтральных стран. Их долги возросли, их валюта пала. Кризис наносит им удар за ударом.

III. Соединенные Штаты, Япония, Советская Россия и колониальные страны.

14. Развитие *Соединенных Штатов* за время войны представляется в известном смысле прямо противоположным развитию Европы. Участие Соединенных Штатов в войне было, главным образом, участием поставщика. Непосредственно разрушительного влияния войны Соединенные Штаты не испытали вовсе. Косвенное разрушительное влияние на транспорт, сельское хозяйство и проч. было гораздо слабее, чем в Англии, не говоря уже о Франции или Германии. С другой стороны, Соединенные Штаты в полном об'еме использовали устранение или крайнее ослабление европейской конкуренции и довели ряд важнейших отраслей промышленности до неожиданного для них самих развития (нефть, судостроение, автомобили, уголь). Не только американская нефть и американский хлеб, но и американский уголь держат ныне в зависимости от себя большинство стран Европы.

Если до войны Америка вывозила, главным образом, продукты сельского хозяйства и сырье (более $^2/_3$ вывоза), то теперь она вывозит, главным образом, продукты промышленности (60% вывоза). Если до войны Америка была должником, то теперь она стала всемирным заимодавцем. Около половины мирового золотого запаса сосредоточилось в Соединенных Штатах, и золото все еще продолжает притекать. Руководящую роль на мировом денежном рынке от фунта стерлингов перешла к доллару.

15. Однако и американский капитализм выбит из равновесия. Чрезвычайный промышленный под'ем Америки обусловливался исключительным сочетанием мировых обстоятельств: устранением европейской конкуренции и, главное, спросом военного рынка Европы. Если разоренная Европа и после войны неспособна в качестве конкурента Америки вернуть свое довоенное положение на мировом рынке, то зато сама она, в качестве рынка для Америки, может иметь лишь небольшую долю своего прежнего значения. Между тем хозяйство Соединенных Штатов стало в несравненно большей

степени, чем до войны, хозяйством для вывоза. Чрезмерно развившийся во время войны производственный аппарат не может быть использован полностью, вследствие недостатка сбыта. Отдельные промышленные отрасли превращаются в сезонные, работающие только определенное время года. Кризис в Соединенных Штатах есть начало глубокого и длительного хозяйственного расстройства в результате европейской войны. Это результат коренным образом нарушенного мирового разделения труда.

16. *Япония* также использовала войну для своего расширения на мировом рынке. Ее развитие, несравненно более ограниченное, чем развитие Соединенных Штатов, приобрело в ряде отраслей тепличный характер. Если ее производительные силы были достаточны для завладения пустующим рынком в отсутствии конкурентов, то они оказываются недостаточными для удержания рынка в борьбе с более могущественными капиталистическими странами. Отсюда — острый кризис, который свое начало получил именно в Японии.

17. *Заокеанские страны,* вывозящие сырье, и в том числе чисто *колониальные страны* (государства Южной Америки, Канада, Австралия, Китай, Индия, Египет и проч.), использовали, в свою очередь, разрыв международных связей для развития туземной промышленности. Мировой кризис распространился ныне и на них. Развитие национальной промышленности этих стран становится, в свою очередь, источником новых торговых затруднений для Англии и для всей Европы.

18. В области производства, торговли и кредита — притом не только в европейском, но и в мировом масштабе — нет, следовательно, никаких оснований говорить о восстановлении сколько-нибудь устойчивого равновесия после войны.

Европа продолжает экономически падать, и разорение основ европейского хозяйства должно только еще сказаться в ближайшие годы.

Мировой рынок дезорганизован. Европа нуждается в продуктах Америки, но ничего не может дать ей взамен. Европа болеет худосочием, Америка — полнокровием. Золотая валюта сокрушена. Обесценение валюты европейских стран (до 99%) ставит огромные препятствия мировому товарообмену. Непрестанные резкие колебания курсов превращают капиталистическое хозяйство в бешеную спекуляцию. Мировой рынок остается без всеобщего эквивалента.

Восстановление золотой валюты в Европе могло бы быть достигнуто только путем увеличения вывоза и уменьшения ввоза. Но именно к этому разоренная Европа неспособна. Америка, в свою очередь

ограждает себя от искусственного европейского импорта повышением таможенной стены.

Европа продолжает оставаться сумасшедшим домом. Большинство государств запрещает ввоз и вывоз известных предметов и увеличивает покровительственные пошлины. Англия вводит запретительные пошлины. Германским вывозом, как и всей экономической жизнью Германии, распоряжается банда антантовских, в особенности парижских спекулянтов. На месте Австро-Венгрии проходит десяток таможенных линий. Новые и новые петли запутываются во всех концах версальской сети.

Исключение Советской России с мирового рынка в качестве потребителя промышленных товаров и поставщика сырья в значительной степени содействовало нарушению экономического равновесия.

19. Возвращение России на мировой рынок не может в ближайший период внести в него крупных изменений. Капиталистический организм России находился в отношении средств производства в теснейшей зависимости от мировой промышленности, и эта зависимость еще более усилилась по отношению к странам Антанты за время войны. Блокада оборвала сразу эти жизненные связи. Не могло быть и речи о том, чтобы в истощенной и вконец разоренной стране в течение трех лет непрерывной гражданской войны организовать ряд новых отраслей промышленности, без которых старые отрасли неизбежно приходили в упадок, изнашивая свой основной инвентарь. К этому присоединилось отвлечение в Красную армию сотен тысяч лучших, в значительной мере наиболее квалифицированных, пролетарских элементов. На данных исторических основаниях никакой другой режим не мог бы—в кольце блокады, в непрерывных войнах, в условиях унаследованного разорения—поддержать хозяйственную жизнь и создать условия централизованного управления ею. Но несомненно, что борьба с мировым империализмом оплачивалась ценой дальнейшего понижения производительных сил в ряде основных отраслей хозяйства. Только теперь, с ослаблением блокады и с установлением более правильных переходных форм взаимоотношения между городом и деревней, Советская власть получает возможность постепенного и неуклонного централизованного руководства экономическим под'емом страны.

IV. Обострение социальных противоречий.

20. Война, означавшая небывалое еще в истории разрушение производительных сил, не приостановила процесса социальной дифференциации, наоборот, пролетаризация широких промежуточных

классов, в том числе нового среднего сословия (служащие, чиновники и прочие) и концентрация собственности в руках небольших клик (трестов, консорциумов и проч.) сделали за последние семь лет чудовищные успехи в наиболее пострадавших странах. Вопрос о Стиннесе стал главным вопросом германской экономической жизни.

Рост цен на все товары, одновременный с катастрофическим падением валюты всех воюющих европейских стран, означал сам по себе перераспределение национального дохода в ущерб рабочему классу, чиновникам, служащим, мелким рантье, всем вообще категориям с более или менее фиксированным заработком.

Таким образом, если в отношении своих материальных рессурсов Европа отброшена на десятилетия назад,—то процесс обострения социальных противоречий не только не вернулся вспять, не только не задержан, но, наоборот, получил исключительную остроту. Этот капитальный факт сам по себе достаточен, чтобы отмести всякие надежды на длительное мирное развитие в формах демократии: *прогрессирующая дифференциация («стиннесизация» — с одной стороны, пролетаризация и пауперизация на основе экономического упадка — с другой) предопределяет напряженный, конвульсивный, жестокий характер классовой борьбы.*

Нынешний кризис только продолжает в этом отношении работу войны и послевоенного спекулятивного под'ема.

21. Рост цен на предметы сельско-хозяйственного производства, вызвав впечатление общего обогащения деревни, действительно повысил благосостояние богатых мужиков. Крестьянам действительно удалось выплатить дешевыми бумажками долги, заключенные по полновесной валюте. Но сельское хозяйство не состоит в одной только уплате ипотек.

Несмотря на огромное повышение цен на землю, на беззастенчивое использование монополии на продовольствие, на обогащение крупных помещиков и деревенских кулаков,—упадок сельского хозяйства Европы очевиден: переход во многих местах к более экстенсивным формам земледелия, превращение пахотной земли в пастбище, убыль скота, трехпольные хозяйства. И этот упадок был вызван недостатком в рабочих руках, убылью скота, отсутствием искусственного удобрения, вздорожанием продуктов промышленности; в средней и восточной Европе к этому присоединяется сознательное сокращение производства, как реакция против попытки государственной власти захватить в свои руки распоряжение сельскохозяйственными продуктами. Крупные, а отчасти средние крестьяне создают твердые политические и хозяйственные организации для

облегчения тягот по восстановлению страны и стараются использовать трудное положение буржуазии, чтобы, в награду за помощь ей против пролетариата, добиться от государства односторонне крестьянской таможенной и налоговой политики. Все это препятствует капиталистическому возрождению. Образуется раскол между городской и сельской буржуазией, подрывающей силу буржуазного государства.

Одновременно с этим пролетаризуется значительная часть беднейшего крестьянства, деревня становится очагом недовольства, классовое сознание сельского пролетариата укрепляется.

С другой стороны, общее обеднение Европы, делающее ее неспособной покупать в необходимом количестве американский хлеб, привело к тяжелому кризису фермерского хозяйства за океаном. Мы наблюдаем разорение крестьян и мелких фермеров не только в Европе, но и в Соединенных Штатах, Канаде, Аргентине, Австралии, Южной Африке.

22. Положение *государственных и частных служащих*, вследствие падения покупательной силы денег, ухудшилось по общему правилу более резко, чем положение пролетариата. Выбитое из устойчивых условий существования чиновничество, низшее и среднее, становится элементом политического беспокойства и подрывает устойчивость государственного аппарата, которому служит. «Новое среднее сословие», которое, по оценке реформистов, представлялось оплотом консерватизма, становится в переходную эпоху скорее революционным фактором.

23. Капиталистическая Европа утратила окончательно свое господствующее экономическое положение в мире. Между тем ее относительное классовое равновесие целиком покоилось на этом мировом господстве. Все усилия европейских стран (Англии, отчасти Франции) восстановить прошлое положение только усиливают неустойчивость и хаос.

24. В то время как в Европе концентрация собственности совершается на основе разорения, в Соединенных Штатах рост концентрации и классовых противоречий достиг чрезвычайной высоты на основе лихорадочного капиталистического обогащения. Резкие переломы кон'юнктуры вследствие общей неустойчивости мирового рынка сообщают классовой борьбе на американской почве крайне напряженный и революционный характер. За периодом еще небывалого в истории капиталистического под'ема должен наступить чрезвычайный под'ем революционной борьбы.

25. Эмиграция рабочих и крестьян за океан всегда служила предохранительным клапаном капиталистического режима в Европе

и неизменно усиливалась в эпохи длительных репрессий или в результате поражения революционных движений.

В настоящее время Америка и Австралия ставят все бо́льшие препятствия выходцам из Европы. Клапан эмиграции закрыт.

26. Энергичное развитие капитализма на Востоке, особенно в Индии и Китае, создало там новые социальные основы для революционной борьбы. Буржуазия этих стран, в своем капиталистическом ядре, еще теснее связалась с иностранным капиталом и тем самым является существенным орудием его господства. Ее борьба против чужестранного империализма — борьба более слабого конкурента — имеет по самому существу половинчатый и недействительный характер. Развитие туземного пролетариата парализует революционно-национальные тенденции капиталистической буржуазии. Но вместе с тем в лице сознательного коммунистического авангарда многомиллионные крестьянские массы получают действительно революционного руководителя.

Сочетание военно-национального гнета иностранного империализма, капиталистической эксплоатации иностранной и своей буржуазии, остатков феодально-крепостнических оков создают благоприятные условия, в которых молодой колониальный пролетариат должен быстро развернуться и встать во главе широкого революционного движения крестьянских масс.

Революционное народное движение в Индии и других колониях является ныне такой же составной частью мировой революции трудящихся, как и восстание пролетариата в капиталистических странах Старого и Нового света.

V. Международные отношения.

27. Общее состояние мирового хозяйства — прежде всего упадок Европы — предопределяет длительный период тягчайших хозяйственных затруднений и потрясений, общих и частных кризисов и пр. Международные отношения, как они сложились в результате войны и Версальского мира, делают положение еще более безвыходным.

Если империализм вырос из потребности производительных сил смести рамки национальных государств и создать единую европейскую и мировую хозяйственную территорию, то результатом свалки враждебных империализмов явилось нагромождение в центральной и восточной Европе ряда новых границ с новыми таможнями, с новыми армиями. В государственно-экономическом смысле Европа отброшена к средневековью.

На истощенной и разоренной почве кормится сейчас армия, которая в полтора раза больше армии 1914 года, т.-е. высшего момента «вооруженного мира».

28. Руководящая на европейском континенте политика Франции слагается из двух элементов: из слепого бешенства ростовщика, который готов задушить своего несостоятельного должника, и из алчности хищника тяжелой индустрии, который — при помощи Саарского, Рурского и Верхне-Силезского угольных бассейнов — хочет на смену обанкротившемуся финансовому империализму создать условия для империализма промышленного.

Но это стремление идет против Англии. Задача последней состоит в раз'единении германского угля и французской руды, сочетание которых является одним из необходимейших условий возрождения Европы.

29. Великобританская империя сейчас на вершине могущества. Она удержала свои старые владения и приобрела новые. Но именно сегодняшний день обнаруживает, что господствующее мировое положение Англии пришло в противоречие с ее фактическим экономическим упадком. Германия с ее несравненно более прогрессивным в техническом и организационном отношении капитализмом раздавлена вооруженною силой. Но в лице Соединенных Штатов, завладевших экономически обеими Америками, поднялся победоносный противник, еще более грозный, чем Германия. Благодаря лучшей организации и технике, производительность труда в промышленности Соединенных Штатов несравненно выше, чем в Англии. В пределах Соединенных Штатов добывается 65—70% мирового потребления нефти, от которой зависит автомобильное и тракторное хозяйство, флот и авиация. Вековое и почти монопольное положение Англии на угольном рынке окончательно подорвано; Америка заняла первое место; ее ввоз в Европу угрожающе возрастает. В области торгового судоходства Америка почти уравнялась с Англией. Соединенные Штаты не хотят более мириться с мировой монополией Англии в области кабеля. В области промышленности Великобритания переходит к обороне и под предлогом борьбы с «нездоровой» германской конкуренцией вооружается мерами протекционизма против Соединенных Штатов. Наконец, в то время как военный флот Англии, насчитывающий высокий процент устаревших единиц, остановился в своем развитии, правительство Гардинга приняло от правительства Вильсона программу морского строительства, которая уже в течение ближайших двух—трех лет должна обеспечить перевес американскому флагу.

Положение таково, что либо Англия будет автоматически отодвинута на задний план и, несмотря на свою победу над Германией, превратится в державу второго порядка, либо она сочтет себя вынужденной уже в ближайшее время всю унаследованную ею от прошлого силу поставить ребром в смертельной схватке с Соединенными Штатами.

Именно ввиду этого Англия поддерживает свой союз с Японией, — и ценой уступок стремится закрепить за собою содействие или, по крайней мере, нейтралитет Франции. Рост международной роли этой последней за последний год — в пределах европейского континента — имеет своей причиной не усиление Франции, а международное ослабление Англии.

Майская капитуляция Германии в вопросе о контрибуции означает, однако, временную победу Англии и заключает в себе дополнительную гарантию дальнейшего хозяйственного упадка центральной Европы, отнюдь не исключая захвата Францией Рурского и Верхнесилезского бассейнов в ближайшем будущем.

30. Антагонизм Японии и Соединенных Штатов, временно заслоненный их участием в войне против Германии, ныне открыто развивает свои тенденции. Япония в результате войны приблизилась к американским берегам, получив важные в стратегическом отношении острова на Тихом океане.

Кризис быстро поднявшейся японской промышленности снова обострил проблему эмиграции: густо населенная и бедная естественными рессурсами Япония вынуждена вывозить либо товары, либо людей. На обоих этих путях она сталкивается с Соединенными Штатами: в Калифорнии, в Китае и на островке Яп.

Свыше половины своего бюджета Япония расходует на армию и флот. В борьбе Англии с Америкой Японии предстоит на море та роль, которую Франция выполнила на суше в войне с Германией: если Япония сейчас пользуется антагонизмом Великобритании и Америки, то окончательная борьба этих гигантов за мировое господство будет разыграна прежде всего на спине Японии.

31. Последняя великая война была — по своим исходным причинам и по своим главным участникам — европейской войной. Осью борьбы был антагонизм Англии и Германии. Вмешательство Соединенных Штатов расширило рамки борьбы, но не отклонило ее от основного направления: европейский конфликт разрешался мировыми средствами. Война, разрешившая по-своему тяжбу между Англией и Германией и постольку — между Соединенными Штатами и Германией, не только не разрешила, но лишь впервые поставила во всем об'еме вопрос о взаимоотношениях между Соединенными

Штатами и Англией, как основной вопрос мировой политики, и вопрос о взаимоотношениях между Соединенными Штатами и Японией, как вопрос второго порядка. Последняя война была таким образом европейским предисловием к действительно мировой войне, к разрешению вопроса об *империалистическом единодержавии.*

32. Но это только одна из осей мировой политики. У нее есть и вторая ось. Российская Советская Федерация и III Интернационал создались в результате последней войны. Группировка сил международной революции направляется целиком против всех империалистических группировок.

Сохранение союза Англии и Франции или, наоборот, его разрыв, с точки зрения интересов пролетариата и обеспечения мира, имеют такую же цену, как возобновление или невозобновление англо-японского союза, как вхождение или невхождение Соединенных Штатов в Лигу Наций: пролетариат ни в каком случае не может видеть гарантии мира в преходящих, изменчивых, хищных и вероломных группировках капиталистических государств, политика которых чем дальше, тем больше вращается вокруг англо-американского антагонизма и питает его, подготовляя кровавый взрыв.

Заключение мирных договоров и торговых соглашений некоторыми капиталистическими странами с Советской Россией отнюдь не означает отказа мировой буржуазии от разгрома Республики Советов. Мы имеем пред собою лишь изменение — может быть, временное—форм и методов борьбы. Японский переворот на Д. Востоке [252]) означает, может быть, вступление в новую эпоху вооруженных интервенций.

Совершенно очевидно, что чем более затяжной характер примет мировое пролетарское революционное движение, тем неизбежнее противоречия международного экономического и политического положения приведут буржуазию к попытке новой кровавой развязки в мировом масштабе. Это значило бы, что задача «восстановления капиталистического равновесия» после новой войны опиралась бы на такое хозяйственное разорение и культурное одичание, по сравнению с которыми нынешнее состояние Европы должно представиться верхом благополучия.

33. Несмотря на то, что опыт последней войны подтвердил с ужасающей убедительностью, что «война — ложный расчет», — истина, которою исчерпывается как буржуазный, так и социалистический пацифизм, — экономическая, политическая, идейная, техническая подготовка новой войны идет полным ходом во всем капиталистическом мире. Гуманитарный анти-революционный пацифизм стал вспомогательной силой милитаризма,

Социал-демократы во всех своих разновидностях и профессионалисты Амстердама, внушающие международному пролетариату необходимость приспособиться к тем экономическим и международно-государственным нормам, какие сложились в результате войны, являются тем самым незаменимыми помощниками империалистской буржуазии в деле подготовки новой бойни, угрожающей окончательно погубить человеческую цивилизацию.

VI. Рабочий класс после войны.

34. По существу вопрос о восстановлении капитализма на очерченных выше основаниях означает: захочет ли рабочий класс нести в новых, несравненно более тяжелых, условиях жертвы, необходимые для того, чтобы воспроизвести устойчивые условия своего собственного рабства, более концентрированного и жестокого, чем то, какое было до войны?

Для восстановления хозяйства Европы необходимо восстановление производственного аппарата, сильно разрушенного во время войны, восстановление капитала. Это возможно только в том случае, если пролетариат согласится работать более интенсивно, при сильно пониженной заработной плате. Этого требуют от него капиталисты, это же советуют ему вожди-предатели желтого Интернационала: сначала помочь возродиться капитализму, затем бороться за улучшение положения рабочих. Но европейский пролетариат не согласен на такие жертвы: он требует повышения жизненного уровня, что сильнейшим образом противоречит об'ективным возможностям внутри капиталистического строя. Отсюда бесконечные забастовки и восстания, невозможность хозяйственного возрождения Европы. Восстановить валюту значит для ряда европейских государств (Германия, Франция, Италия, Австрия, Венгрия, Польша, Балканы...) прежде всего скинуть с себя непосильные обязательства, т.-е. об'явить банкротство; но это значит дать могучий толчек борьбе всех классов за новое распределение национального дохода. Восстановить валюту значит далее сократить государственные расходы за счет массы (отказ от регулирования заработной платы и цен на предметы массового потребления), закрыть доступ более дешевым заграничным продуктам массового потребления и повысить экспорт путем понижения издержек производства, т.-е. опять-таки в первую голову путем усиления эксплоатации рабочих масс. Каждая серьезная мера, направленная на восстановление капиталистического равновесия, по самому существу своему, еще более расшатывает и без того нарушенное равновесие классов, дает новый толчек революционной

борьбе. Вопрос о том, возродится ли капитализм к новой жизни, становится, следовательно, вопросом борьбы живых сил: классов и партий. Если бы из двух основных классов: буржуазии и пролетариата — последний отказался от революционной борьбы, буржуазия несомненно нашла бы, в конце концов, новое капиталистическое равновесие — равновесие материального и духовного упадка — путем новых кризисов, новых войн, дальнейшего обнищания целых стран, дальнейшего вымирания миллионов трудящихся масс.

Но для такого рода прогноза ныне состояние международного пролетариата дает меньше всего оснований.

35. Элементы устойчивости, консерватизма, традиции, окончательно ниспровергнутые в социальных отношениях, потеряли большую часть своей власти и над сознанием трудящихся масс. Если социал-демократия и тред-юнионы все чаще сохраняют, благодаря своей унаследованной от прошлого организационной машине, влияние на значительную часть пролетариата, то влияние это, в свою очередь, совершенно лишено устойчивости. Война внесла не только в настроения, но и в самый состав пролетариата чрезвычайные изменения, совершенно несовместные с организационной постепеновщиной довоенного времени.

На верхушке пролетариата в большинстве стран все еще сохраняет внешне господствующее положение чрезвычайно разросшаяся рабочая бюрократия, тесно спаянная, выработавшая свои навыки и методы властвования, тысячами нитей связанная с учреждениями и органами капиталистического государства.

Далее — лучше поставленная часть рабочих в самом производстве, занимающих или рассчитывающих занять административные посты, являющихся вернейшей опорой рабочей бюрократии.

Затем идет старшее поколение социал-демократов и профессионалистов, преимущественно квалифицированных рабочих, связанных со своей организацией десятилетиями борьбы и не решающихся порвать с нею, несмотря на ее предательства и измены. Квалифицированные рабочие, однако, во многих производствах сильно разводнены неквалифицированными, в большей степени — женщинами.

Миллионы рабочих, прошедших непосредственно через школу войны, привыкших владеть оружием и в значительной своей части готовых пустить его в ход против классового врага — но при условии серьезной подготовки и твердого руководства, как необходимых условий успеха.

Миллионы новых рабочих, в особенности работниц, вовлеченных в промышленность во время войны, внесших в пролетариат не только,

мелко-буржуазные предрассудки, но и свои нетерпеливые притязания на лучшие условия жизни.

Миллионы молодых рабочих и работниц, поднявшихся под громами и молниями войны и революций и наиболее восприимчивых к слову коммунизма, горящих стремлением к действию.

Гигантская армия безработных, отчасти деклассированных и полудеклассированных, наиболее ярко отражающая в своих приливах и отливах процесс распада капиталистического хозяйства и представляющая постоянную угрозу буржуазному порядку.

Эти столь различные по происхождению и характеру слои пролетариата вовлекались и вовлекаются не одновременно и не однородно в послевоенное движение. Отсюда колебания, приливы и отливы, наступления и отступления в революционной борьбе. Но в подавляющем большинстве своем пролетарская масса быстро сплачивается крушением всех старых иллюзий, ужасающей неустойчивостью существования, всевластием трестированного капитала, бандитскими методами милитаризованного государства. Эта многомиллионная масса ищет твердого, ясного руководства, отчетливой программы действия и создает тем самым почву для решающей роли крепко спаянной, централизованной коммунистической партии.

36. Положение рабочего класса за время войны явно ухудшилось. Отдельные группы рабочих поднялись вверх. Тем семьям, где несколько членов имели во время войны возможность стать к станку, удалось удержать и даже поднять свой уровень жизни. Но в общем цены не поспевали за дороговизной.

В средней Европе пролетариат со времени войны обречен на возрастающие лишения. В континентальных странах Антанты падение уровня жизни было до последнего времени менее резким. В Англии пролетариат в последний период войны, энергичной борьбы приостановил процесс ухудшения условий своего существования.

В Соединенных Штатах улучшилось положение некоторых слоев рабочего класса; положение других слоев осталось на прежнем уровне, либо даже стало худшим.

Кризис обрушился на пролетариат всего мира с ужасающей силой. Понижение заработной платы стало обгонять падение цен. Число безработных и полубезработных достигло небывалых еще в капиталистической истории размеров.

Резкие переломы в условиях личного существования не только влияют крайне отрицательно на производительность труда, но и исключают возможность установления классового равновесия в основ-

ной области — в производстве. Неустойчивость условий существования, отражающая общую неустойчивость национальных и мировых хозяйственных условий, является сейчас самым революционным фактором развития.

VII. Перспективы и задачи.

37. Война не завершилась непосредственно пролетарской революцией. Этот факт буржуазия с известным основанием записывает, как свою крупную победу.

Только мелко-буржуазное тупоумие может видеть крушение программы Коммунистического Интернационала в том факте, что европейский пролетариат не опрокинул буржуазию в течение войны или немедленно после ее окончания. Курс Коммунистического Интернационала на пролетарскую революцию вовсе не означает догматического приурочения революции к определенным календарным датам или обязательства механически произвести революцию в определенный срок. Революция была и остается борьбой живых сил на данных исторических основах. Нарушение войной капиталистического равновесия в мировом масштабе создает благоприятные условия для основной силы революции — пролетариата. Все усилия Коммунистического Интернационала были и остаются направленными на то, чтобы это положение использовать до конца.

Разногласия между Коммунистическим Интернационалом и социал-демократами обеих группировок состоят не в том, будто мы приурочивали революцию к определенному моменту в то время, как социал-демократы относились и относятся отрицательно к утопизму и путчизму, — разногласие состоит в том, что социал-демократы противодействуют фактическому развитию революции, помогая изо всех сил, в правительстве, как и в оппозиции, восстановлению равновесия буржуазного государства, в то время как коммунисты используют все пути, все методы, все возможности для того, чтобы опрокинуть и уничтожить буржуазное государство путем диктатуры пролетариата.

В течение двух с половиной лет после войны пролетариатом разных стран было проявлено столько энергии, готовности к борьбе, самопожертвования, что их с избытком хватило бы на победоносную революцию, если бы во главе рабочего класса стояла сильная, централизованная и готовая к действию международная коммунистическая партия. Но в силу причин исторического прошлого во главе европейского пролетариата во время войны и сейчас же после нее оказалась организация Второго Интернационала, которая стала

и остается сейчас неоценимым политическим инструментом в руках буржуазии.

38. В Германии власть фактически принадлежала рабочему классу в конце 1918 и начале 1919 годов. Социал-демократы большинства, как и независимые и профессиональные союзы, весь свой аппарат, все свое традиционное влияние направили на то, чтобы передать эту власть в руки буржуазии.

В Италии бурное революционное движение пролетариата в течение полутора лет все больше переливалось через берега, и только мелко-буржуазная бесхарактерность социалистической партии, предательская политика парламентской фракции, трусливый оппортунизм профессиональных организаций позволили буржуазии восстановить свой аппарат, мобилизовать свою белую гвардию и перейти в наступление против пролетариата, временно обескураженного банкротством своих старых руководящих органов.

Могущественное стачечное движение в Англии раз за разом разбивается за последний год о беспощадно применяемую военную силу, сумевшую запугать вождей тред-юнионов. Если бы вожди остались верными делу рабочего класса, то аппарат тред-юнионов, несмотря на все его дефекты, мог бы быть использован для революционных боев. Последний кризис «тройственного союза» [253]) открывал возможность революционного расчета с буржуазией, которому помешали консерватизм, трусость и предательство вождей. Если бы машина английских тред-юнионов развила сейчас в интересах социализма половину той работы, какую она развивает в интересах капитала, — английский пролетариат с минимальным числом жертв овладел бы властью и приступил бы к планомерному переустройству хозяйства страны.

В большей или меньшей степени сказанное распространяется на все капиталистические страны.

39. Совершенно бесспорно, что в настоящее время открытая революционная борьба пролетариата за власть переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпа. Но и по самому существу дела нельзя было ждать, чтобы революционное наступление после войны, поскольку оно не привело сразу к победе, развивалось по непрерывно восходящей линии. Политическое развитие тоже имеет свои циклы, свои под'емы и понижения. Враг не остается пассивным, он борется. Если наступление пролетариата не увенчается победой, буржуазия при первой возможности переходит в контр-наступление. Утеря пролетариатом некоторых легко завоеванных позиций приводит к временной депрессии в его рядах. Но остается бесспорным, что в переживаемую эпоху кривая капи-

талистического развития в общем идет — через временные под'емы — *вниз;* кривая революции — через все колебания — идет *вверх.*

Так как восстановление капитализма имеет своей предпосылкой огромный рост эксплоатации, уничтожение миллионов людей, понижение условий существования других миллионов ниже прожиточного минимума и постоянную необеспеченность пролетариата, — то рабочие вынуждены снова и снова подымать восстания и об'являть стачки. Под этим гнетом и в этих боях в массах возрастает воля к низвержению капиталистического строя.

40. Основная задача коммунистической партии в настоящем кризисе заключается в том, чтобы руководить нынешней оборонительной борьбой пролетариата, расширять, углублять и об'единять и, в согласии с ходом развития, *довести ее до решительного политического выступления.*

Но если бы темп развития оказался более затяжным, и нынешний торгово-промышленный кризис сменился бы в большем или меньшем числе стран периодом под'ема, этот факт ни в каком случае еще не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости. Пролетариат, отброшенный во время нынешнего кризиса натиском капитала назад, при сколько-нибудь явном улучшении кон'юнктуры немедленно перейдет в наступление. Его наступательная экономическая борьба, которая в таком случае велась бы неизбежно под лозунгом реванша за все обманы эпохи войны, за весь грабеж и все обиды кризиса, имела бы тем самым такую же тенденцию превратиться в открытую гражданскую войну, как и нынешняя оборонительная борьба.

41. Пойдет ли революционное движение в ближайший период более быстрым или замедленным темпом, коммунистическая партия в обоих случаях должна оставаться *партией действия.* Она стоит во главе борющихся масс, она твердо и отчетливо формулирует лозунги борьбы, разоблачая и отметая уклончивые, всегда рассчитанные на соглашательство лозунги социал-демократии. При всех изменениях в ходе борьбы коммунистическая партия стремится организационно закрепить новые опорные пункты, приучить массы к активному маневрированию, вооружить их новыми методами и приемами, рассчитанными на прямое и открытое столкновение с силами врага. Используя каждую передышку для усвоения опыта предшествующего фазиса борьбы, коммунистическая партия стремится углублять и расширять классовые конфликты, связывать их в национальном и международном масштабе единством цели и

единством практического действия, чтобы таким образом, во главе пролетариата, сломить все сопротивления на пути к его диктатуре и к социалистической революции.

РЕЧЬ ПО ИТАЛЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ НА III КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА [254]).

(Заседание 29 июня 1921 г.).

Товарищи! Я считаю, что нам незачем останавливаться на прошлом И.С.П. [255]). Мы о нем уже достаточно распространялись. Главным вопросом является прошлогодний сентябрьский кризис, вызвавший настоящее положение вещей. Даже при беглом взгляде на политическую ситуацию, мы выносим впечатление и даже уверенность в том, что после войны итальянский пролетариат принял чисто революционную ориентацию. Все, что писалось в «Avanti» [256]), и все, что говорилось ораторами социалистической партии, было понято массами, как призыв к пролетарской революции, и эта пропаганда проникла в их сознание, пробудила волю рабочего класса и вызвала сентябрьские события.

Если судить о партии с точки зрения политической, то мы придем к заключению (и это будет единственно возможным об'яснением), что И.С.П. проводила на словах революционную политику, никогда не считаясь с ее последствиями. Все знают, что И.С.П., сама подготовившая сентябрьские события, представляла собою в те дни растерявшуюся и парализованную страхом перед событиями организацию. Вот эти факты нам доказывают, что итальянская организация (не следует забывать, что партия состоит не только из идей, цели и программы, но также из аппарата и организации), что итальянская организация своей неуклонной деятельностью обеспечила победу. Сентябрь был моментом великого кризиса для пролетариата и для И.С.П. Каковы были последствия этих событий для пролетариата? Очень трудно дать себе в этом отчет, принимая во внимание, что сознание класса, порвавшего со своей партией, немедленно лишается всякой почвы. А партия, — какие выводы извлекла она из этого опыта? В течение всех трех лет после войны, каждый товарищ, приезжавший из Италии, говорил нам: «У нас все готово для революции». Все знали, что Италия — накануне революции. Революция разразилась, и партия обанкротилась. Чему же научили эти события? Что было сделано? Нам заявили: «Мы не были готовы, потому что в наши организации входили элементы,

явно противоречивые и взаимно друг друга парализовавшие. Чтобы создать известные условия, насколько это зависит от нашей воли, необходимо их желать!». Вот в этом, товарищ Лаццари [257]), и заключается существенное условие, — надо желать революционной победы! После можно вступать в споры, можно анализировать, потому что стратегия необходима, потому что при помощи одной сильной воли одержать победу нельзя. Стратегия нужна, но главное — это желать революции и ее победы! Турати и его друзья в этом смысле честны, потому что ежедневно открыто и неоднократно они заявляют, что не хотят революции. Они не хотят ее и все же остаются в социалистической партии и даже являются видными ее членами.

Вы пережили сентябрь. Но что же вы предприняли после этого трагического месяца? Движение вправо. В вашей новой парламентской фракции, реформисты, т.-е. люди, не желающие революции, составляют большинство. Ваш главный орган «Avanti» круто свернул вправо. Таково положение. Нельзя хвастать прошлым, когда настоящее столь ясно и определенно. Между революционностью на словах и жестокими требованиями революции существует противоречие, — что и обнаружилось у вас в сентябре. Из этого противоречия могут проистекать два следствия: или вы отказываетесь от той части вашего прошлого, которая была революционной только на словах, — иначе говоря, вы порвете с реформистами, противодействующими революционному движению, — или же вы должны сказать: «Раз мы не хотели сентябрьских событий, мы должны отвергнуть и вызвавшие их методы».

Турати не преминет воспользоваться уроками сентября и указать на вытекающие отсюда явные противоречия. Что же касается вас, вашей партии и Ц.К., то вы только содействуйте той неясности, которую подготовили, заранее предопределяя неудачу сентябрьских событий и вызвав сдвиг И.С.П. вправо. Серрати стоял за концентрацию сил, он хотел сохранить коммунистов, центристов и реформистов в одной партии. В известный момент эту мысль о концентрации сил можно было оправдать желанием сохранить в партии возможный максимум революционных сил. Он хотел этого, он хотел об'единить эти три группы, чтобы затем сказать: «Вот подлинные столпы нашей партии; все то, что вне нас, — нам враждебно».

Вы проделали один из самых жестоких, самых ясных и самых трагических опытов. И только впоследствии идея концентрации, сама по себе немного абстрактная, приняла определенную политическую форму. Она стала глубоко реформистской, а не центристской, потому что развитие партии имеет теперь определенный уклон вправо.

Турати сказал: «В сентябре пролетариат еще не был достаточно зрелым». Он не был зрелым, но раз'яснили ли вы пролетариату, почему партия не была зрелой? Сказали ли вы пролетариату: «Да, Турати прав в том отношении, что вы, итальянские рабочие, не были достаточно зрелыми, чтобы очистить вашу партию от всех элементов, парализующих ее работу, прежде, чем вы приступили к решительным действиям. Турати прав в том отношении, что раз итальянский пролетариат не исключил его из своей семьи, то он этим доказал, что не был достаточно зрелым для решающих сентябрьских выступлений». Каково же настоящее положение итальянского пролетариата? Я уверен, что он стал осторожнее после того, как партия, которой он вполне доверял, его невольно обманула. Товарищ Лаццари склонен понимать подобные выражения в моральном и личном смысле. Он сказал: «Нас обвиняют в предательстве, но что же мы за него получили?». Речь идет не об индивидуальном и корыстном предательстве. Речь идет о банкротстве партии, а в политическом отношении является не чем иным, как предательством интересов пролетариата. Я спрашиваю себя: что же должен думать итальянский пролетариат? Партия, наверное, сильно скомпрометирована в его глазах. Возникла новая партия — коммунистическая. Мы уверены, что она будет развиваться даже в том случае, если и в дальнейшем останется такой же одинокой, как сегодня. Эта партия обращается к пролетариату и предлагает ему свою революционно-коммунистическую программу. Не опасаетесь ли вы, что итальянские пролетарии, внимая вам, скажут: «Но мы уже слышали эти песни, нас уже обманули в сентябре». Вот в чем заключается весьма трудное положение, созданное вами в Италии на короткий, будем надеяться, срок.

Молодая Итальянская партия должна снова себе завоевать, путем энергичной и смелой работы, действительно революционную репутацию, необходимую не только для парламентской деятельности— это уже иное дело, — но и для нового натиска на капиталистическое общество. Надо вновь завоевать революционную репутацию, которую партия утратила вследствие своей деятельности или, лучше сказать, бездеятельности в сентябре. Вы указываете нам, что туратианцы подчиняются партийной дисциплине. О, поистине правы те, кто говорил, что здесь была сказана речь в защиту Турати, речь, построенная, к тому же, по всем правилам юридической защиты. Что следует понимать под партийной дисциплиной? Существуют дисциплина по форме и дисциплина по существу. Мне кажется, что есть разница в том, когда я действую, не имея возможности действовать иначе, и когда я поступаю по доброй воле. Мы подчиняемся

дисциплине капиталистического государства, подчиняемся капиталистической законности, но как? Лишь настолько, насколько мы к этому вынуждены. Но, в то же время, мы смеемся над буржуазной законностью, мы создаем нелегальные органы для ее уничтожения и пользуемся всеми средствами для того, чтобы разрушать или расширять рамки буржуазной законности. А как относится Турати к вашей дисциплине? Он поступает с ней точно так же, товарищ Лаццари: подчиняется ей подобно тому, как мы подчиняемся буржуазной законности; создает свои нелегальные организации, свою фракцию в вашей партии, сговаривается с правительством, разумеется, тайно, нелегально. Он делает все для того, чтобы расширить и сломать рамки этой дисциплины, и, сверх всего, высмеивает ее в своих речах и в своей газете. Стало быть, он является нашим сознательным, методическим врагом, как мы являемся врагами буржуазного общества и его законности. Вот каково истинное положение вещей.

Вы говорите: «Но, ведь, Турати не дал нам фактических оснований для его исключения. Нам не хватает фактов». Да, смело можно сказать, что если мы и впредь будем без конца ждать, то этих фактов у нас никогда не будет, так как Турати отлично знает, чего он хочет. Турати не является заурядным карьеристом, желающим стать министром в капиталистическом государстве. Насколько я его знаю, у него есть политика, успех, который ему дорог, и он не тянется за министерским портфелем. О, я прекрасно представляю себе разговор между Турати и Джиолитти. Джиолитти ему говорит: «Вот вам портфель». А Турати отвечает: «Разве вы не слышали, дорогой коллега, речей Лаццари? Если я приму портфель, то я дам ему очень выгодный материал, которым он не преминет воспользоваться. Я буду исключен из партии, а будучи исключенным, я потеряю всякое политическое значение для вас и для сохранения капиталистического государства. Поскольку речь идет не о создании еще одного министра-социалиста, а о поддержке демократии, т.-е. о поддержке капиталистического общества, я не желаю вашего портфеля, так как не намерен создавать поводов для обличений со стороны моего строгого коллеги Лаццари. Итак, останемся при существующем положении ради интересов буржуазного общества».

Вы говорите: «Не слишком ли много внимания уделяется Турати, его речам, книгам, предисловиям? Не имеем ли мы, скорее, дело с частным случаем, с quantité négligeable *)! Если дело обстоит так, если для вас речь идет лишь о потере одной или нескольких лично-

*) Вещь, которую можно не принимать в расчет.

стей, о потере quantité négligeable; то почему же вы так встревожены? Представьте себе, дорогие товарищи итальянцы, что в то время, как мы здесь беседуем, Джиолитти спрашивает по телефону Турати: «Уж не отправился ли Лаццари в Москву, чтобы взять там на себя кое-какие обязательства?». А Турати ему отвечает: «Нет, нет! Это совершенно индивидуальный случай». Как вам известно, в капиталистическом обществе проводится принцип разделения труда и, порывая с Коммунистическим Интернационалом ради сохранения Турати, вы приносите этому обществу большую пользу. Вы говорите о вашем все растущем энтузиазме к Российской Коммунистической Партии и к Советской России. Позвольте мне поговорить об этом в открытую, не только для итальянских товарищей, но для всех партий. О нас часто говорят в очень деликатном тоне, как бы для того, чтобы нас не задеть. Наше положение чрезвычайно трудное, вы все это знаете. Вы были на Красной площади и видели не только наших солдат и наших вооруженных коммунистов, готовых стать на защиту III Интернационала; вы видели также нашу молодежь, наших детей, по большей части без сапог и исхудавших. Каждый из вас, кто посетит наши заводы, увидит нашу экономическую, материальную нищету, которую трудно описать. Кто приходит сюда в надежде найти здесь коммунистический рай, будет жестоко обманут; кто приходит собирать впечатления для восхваления России, тот не истинный коммунист; но тот, кто приходит собирать факты, рисующие нашу нищету, чтобы использовать их, как аргумент против коммунизма, тот определенный враг. (Аплодисменты.) Но вот, товарищи, слова Турати, члена вашей партии, о России: «Ради своей выгоды, ради своих национальных интересов, русские изобрели советы и Коммунистический Интернационал». Вот что он сказал итальянскому рабочему, втянутому в войну за мнимые национальные интересы и обманутому подобно другим. Теперь перед ним рисуют другую опасность — национальную. Теперь Советская Россия хочет, мол, через посредство Коммунистического Интернационала, служить своим национальным интересам. Если вы возьмете германскую печать за время мартовских событий, то найдете там ту же мысль о положении Советской власти, которая в тот момент сильно себя, якобы, скомпрометировала и, ради своего спасения, отдала, через посредство Коммунистического Интернационала, приказ о начале революционного выступления в Германии. В настоящий момент наши коварные и умные враги распространяют легенду, — ярым пропагандистом которой является также ваш Турати, — легенду о том, что в интересах нашего внутреннего положения мы требуем от прочих партий революционных выступлений, не находящихся ни в какой

связи с политической и социальной эволюцией данной страны. Если мы сохраним в нашем Интернационале пропагандистов этой мысли, то это может создать для него очень трудное положение.

Да, товарищи, мы воздвигли в нашей стране столп мировой революции. Наша страна очень отстала, наша страна варварская. Эта страна развертывает перед вами картину небывалой нищеты. Но этот столп мировой революции мы защищаем, так как в данный момент он единственный в мире. Когда его воздвигнут во Франции или в Германии, тогда русский столп потеряет $^{9}/_{10}$ своего значения, и мы пойдем к вам в Европу защищать другую, более важную твердыню. Наконец, товарищи, чистый абсурд думать, будто мы считаем этот русский столп революции центром мира, будто мы имеем право требовать от вас революции в Германии, Франции и Италии, когда этого требует наша внутренняя политика. Если бы мы были способны на такое предательство, следовало бы всех нас приставить к стенке и перестрелять одного за другим.

Каким образом могли бы мы, тов. Лаццари, оставаться в одном Интернационале с Турати, который является членом вашей партии и называет наш Интернационал «фантастическим»? Это его подлинное выражение. Карл Либкнехт и Роза Люксембург умерли, но они вечно живы для этого Интернационала. Как смогли бы мы сочетать в кадрах нашего Интернационала Карла Либкнехта, Розу Люксембург и Турати? Турати сказал, что наша организация фантастическая; и подумать только, что еще вчера сам он был ее членом. Вот это, действительно, фантасмагория в III Интернационале. (Живое одобрение.)

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. РАДЕКА [258]) «О ТАКТИКЕ КОМИНТЕРНА» НА III КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА.

(Заседание 2 июня 1921 г.).

Прежде всего, маленькое формальное замечание. Товарищ Тельман [259]), чью страстную речь мы только что выслушали, жаловался на то, что ему не было дано говорить после меня. Но позвольте: ведь, очередь определяется порядком записи ораторов. Тов. Тельман говорит также, что он очень дисциплинирован. Но тогда ему следовало бы подчиниться также и дисциплине, налагаемой списком ораторов, и не жаловаться на этот об'ективный факт. Тов. Тельман недоволен также (и все так же неосновательно) товарищем Лениным, который будто бы сказал: «Мы предлагаем здесь тезисы о тактике, и другие делегации не должны претендовать на внесение поправок». Тов. Ле-

нин так не думал, и точка зрения тов. Тельмана в этом отношении совершенно неправильная. Тов. Ленин сказал: «Предлагаемые нами тезисы не являются продуктом русской делегации, выработанным ею в какой-нибудь час в тиши кабинета». Тов. Тельман может навести соответствующие справки у членов своей собственной делегации, которые скажут ему, что у нас были продолжительные, утомительные и временами страстные переговоры и споры о тезисах и с членами германской делегации, вносившими свои предложения, и что были сделаны взаимные уступки. Вот в результате какого, довольно тяжелого, процесса явились эти тезисы. И мы, принимавшие участие в их выработке, не утверждаем, что они были одобрены всеми партиями, группами и тенденциями, но что они рассматриваются нами, как компромисс, как уступка левому направлению. Что означает слово «левому направлению», — я постараюсь ближе рассмотреть впоследствии. Теперь я хочу только подчеркнуть, что эти тезисы рассматриваются нами, как максимальная уступка той тенденции, которая представлена здесь многими товарищами и которую защищал здесь также тов. Тельман.

Товарищи! Многие делегаты частным образом выразили мне свое нетерпение по поводу того, что германская делегация отнимает у нас слишком много времени на обсуждение ее внутренних дел. На мой взгляд, нетерпение этих товарищей неосновательно. Речь идет, главным образом, о мартовском выступлении. С человеческой точки зрения понятно, что с этим чисто политическим вопросом связываются также личные вопросы, трения и страсти. Правда, некоторые из наших товарищей чрезмерно обострили эту личную сторону вопроса и личные страсти, как, например, товарищ Геккерт, речь которого в остальном была очень интересна. Но я думаю, что нам необходимо выделить отсюда сущность, а сущность-то, главный вопрос, является не чисто германским, а международным, par excellence. Германская партия является той западно-европейской, по отношению к России, партией, которая, развившись в самостоятельную, резко очерченную большую партию, впервые вступила в самостоятельную борьбу. И ввиду того, что молодая, слишком молодая Итальянская партия и крупная, но также молодая в коммунистическом смысле, Французская партия находятся в этом отношении перед подобной ситуацией, то я думаю, что все делегации, а в особенности только что упомянутые, могут многому научиться на этом вопросе.

Я начну обсуждение мартовского выступления с рассмотрения предложенных нам поправок, — ибо нам придется выбирать между двумя тенденциями. О стилистических и фактических дополнениях

к первоначальной редакции тезисов я, понятно, ничего говорить не буду. Итак, нам придется выбирать между двумя тенденциями: той, что представлена здесь т.т. Лениным, Зиновьевым и, в первую голову, докладчиком Радеком, а также мной, — с одной стороны, и тенденцией, выраженной в поправках, которые внесены или которые предполагалось внести, — с другой. Нам, следовательно, необходимо заняться этими поправками. Я ограничусь только тем местом, которое относится к мартовскому выступлению. В наших тезисах мы говорим по этому поводу, что рассматриваем это выступление как борьбу, навязанную Германской Об'единенной Коммунистической Партии вследствие нападения правительства на средне-германский пролетариат; мы говорим, что признаем мужественное поведение Г. О. К. П., доказавшей, что она является партией германского революционного пролетариата. Затем мы раскрываем главнейшие ошибки, совершенные во время этого выступления, и в заключение даем следующий совет:

«Г. О. К. П. обязана, в интересах тщательной оценки боевых возможностей, внимательно прислушиваться к голосам, которые указывают на трудности того или иного выступления и тщательно взвешивают его целесообразность. Но как только какое-нибудь выступление будет окончательно решено партийными лидерами, все товарищи обязаны подчиниться решениям партии и проводить это выступление. Критика выступления может начаться только после его окончания. Она может вестись только внутри партийных организаций и должна считаться с тем положением, какое партия занимает по отношению к своим классовым противникам. Ввиду того, что Пауль Леви пренебрег этими, само собою понятными, требованиями партийной дисциплины и условиями партийной критики, Конгресс одобряет его исключение из партии и считает недопустимым какое бы то ни было политическое сотрудничество с ним членов Коммунистического Интернационала».

Но тов. Брандт решительно высказался против должности ментора, к увещевающему голосу которого партии необходимо прислушиваться. Мы, может быть, еще вернемся к тов. Брандту, критиковавшему менторство, статистику и многое другое. Какую поправку предлагают нам к этому параграфу германские и другие товарищи? Они предлагают нам заявить, что III Конгресс Коминтерна считает мартовское выступление Г. О. К. П. шагом вперед по следующей формуле: «Это выступление означает переход сильнейшей массовой партии Средней Европы к действительной борьбе, первую попытку осуществления руководящей роли коммунистической партии в борьбе германского пролетариата, — роли, которую она возложила

на себя в своей учредительной программе. Мартовское выступление означает разоблачение и победу над открытым контр-революционным характером Независимой Социалистической Партии и над замаскированными центристскими элементами в рядах самой Г.О.К.П. Мартовское выступление, благодаря многочисленным, в самой борьбе обнаружившимся, ошибкам и организационным недостаткам партии, сделало возможным ясно понять эти ошибки и недостатки и приступить к их ликвидации в будущем. Это выступление, в ходе своего развития, обнаружило недостаточно строгую боевую дисциплину партии и содействовало ее укреплению. Оно увлекло за собой довольно значительные массы социал-демократических рабочих, создав в этих партиях революционное брожение. Это выступление не только не расшатало организации, а, напротив, укрепило ее боевой дух» и т. д. и т. д.

Когда от Конгресса требуют, чтобы он признал за мартовским выступлением не только значение массового действия, навязанного рабочему классу (а тем самым и партии), но и подтвердил ее мужественное поведение; когда от него требуют, чтобы он признал также, что партия сделала попытку осуществить свою руководящую роль в борьбе, — то, ведь, Конгрессу должно быть предоставлено также право сказать, оказалась ли эта попытка удачной или нет. Когда мы говорим, что мартовское выступление было шагом вперед, то мы понимаем под этим — по крайней мере, я так понимаю — тот факт, что Коммунистическая Партия является уже не оппозицией внутри Независимой Социалистической Партии или пропагандистской коммунистической организацией, а единой, самостоятельной, сплоченной, централизованной партией, имеющей возможность самостоятельно проникнуть в борьбу пролетариата, а также факт, что все это впервые произошло во время мартовского выступления. В связи со II Конгрессом, я часто беседовал с французскими товарищами о положении внутри профсоюзов и Партии и при этом говорил им: «Да, вы — заодно с синдикалистами, анархистами и социалистами и вы представляете собой не более, как оппозицию. В результате—известные оттенки движения — даже возможные глупости. В тот момент, когда вы отделитесь от старой организации и выступите, как самостоятельная сила, — вы сделаете большой шаг вперед». Теперь это совершилось в полной мере. Это не значит, однако, что это первое выступление, эта первая попытка сыграть самостоятельную руководящую роль оказалась удачной... Говорят, что мы очень многому здесь научились, и притом именно на своих ошибках. Так сказано в поправках. Я не стану вам их читать, но там говорится, что крупная заслуга мартовского выступления именно в том и состоит, что

оно дало возможность выяснить совершенные при этом ошибки, чтобы в дальнейшем их устранить. Не слишком ли смело искать особых заслуг в этом направлении? В частной беседе с тов. Тальгеймером я сказал ему, что он напоминает мне одного русского переводчика, который в 70-х годах перевел одну английскую книгу, указав в предисловии, что он перевел ее исключительно с целью показать миру, что эта книга не имеет никакой цены. (Смех.) Ведь не организуют же какое-нибудь выступление только ради того, чтобы увидеть, какие из этого произойдут ошибки, и для того, чтобы потом их устранить. Эти поправки написаны в духе защиты, а не в духе анализа.

Тов. Геккерт [260]) обрисовал нам в своей интересной речи мартовское выступление в том смысле, что положение было тогда крайне обостренное: вопрос о возмещении военных убытков, занятие Рурского бассейна, Верхняя Силезия, экономический кризис, безработица, крупные забастовки. В этой обстановке социальные противоречия еще более обострились, и последним толчком к выступлению партии явилось рабочее движение в Средней Германии. Поистине прекрасная, великолепная экономическая картина! Но другой товарищ, защищавший это выступление, набросал нам совершенно противоположную картину. Когда тов. Тальгеймер, через 30 лет, уже покрытый сединами, возьмет в руки перо Меринга [261]), чтобы написать историю Коммунистической партии, то он найдет документы и книги... (Радек с места: «В моем волшебном сундуке»...—Смех.) Документы и книги, в которых можно отыскать совершенно иную картину движения. Ведь, международное положение было довольно запутано и, в общем и целом, обнаруживало уклон к компромиссу. Верхне-силезский вопрос висел в воздухе. Он не мог оказать никакого революционного влияния. Вопрос о разоружении в Баварии? «Rote Fahne» постоянно заявляло, в противоположность вчерашней речи Геккерта, что чем далее, тем более становится ясным, что этот вопрос будет разрешен путем компромисса за счет революционных рабочих Баварии и всей Германии, и притом без крупных столкновений в международном масштабе или между германским и баварским правительствами. И по этому пункту тов. Тальгеймер найдет через 30 лет статьи, доказывающие, что в Германии кризис носил и носит совершенно иной характер, чем в Соединенных Штатах и в Англии; что кризис этот не обострился столь катастрофически, как в обоих упомянутых государствах; что в Германии вся экономическая жизнь находится в состоянии гниения, и что кризис, при существующих в Германии экономических условиях, не может разбушеваться с достаточной силой. Число безработ-

ных в Германии ничтожно по сравнению с Соединенными Штатами и Англией.

Что касается внутренних отношений, то социал-демократы принимают наполовину участие в правительстве, наполовину же составляют оппозицию. С партией Независимых дело обстоит так же, и она все более и более приближается к социал-демократам. Профсоюзы, их бюрократия — все против нас. А какой из этого надлежит сделать вывод? Ведь, тот же товарищ говорит нам, что среди рабочих господствовала невероятная пассивность, и что ее надлежало сломить революционной инициативой решительного меньшинства. Геккерт, напротив, говорил, что все было в состоянии брожения, что все было взрыто, охвачено «бурей и натиском». А после этого разыгралась средне-германская история. Другой товарищ говорит: «Все было сплошным болотом. Вырастала стена пассивности. Мы должны были проломить ее во что бы то ни стало. Каждая из этих картин превосходна в качестве законченного логического целого, но мне думается, что они едва ли друг к другу подходят. Другой товарищ — Кенен — утверждал, в свою очередь, что в Средней Германии было открытое восстание, а повсюду вокруг — пассивность; активность была заключена в скорлупу пассивности. Из всего этого получается впечатление, что члены германской делегации смотрят на это дело все еще так, как будто его нужно защищать любою ценою, а не исследовать, не анализировать; они смотрят на него так, будто все, что мы слышим, является, так сказать, средством,—цель же заключается в защите во что бы то ни стало мартовского выступления перед Интернационалом. Но это едва ли удастся. При этом главное заключается для меня в том, на что указал тов. Тельман. Он сказал, что если мы примем тезисы, или даже предложенные поправки, то «мы произведем в нашей стране переориентировку»; я полагаю, что наш храбрый и стойкий тов. Тельман в данном случае прав: у него, должно быть, очень близкая связь с массами. (Тельман с места: «Да, теснейшая».) Я в этом отнюдь не сомневаюсь, особенно, принимая во внимание состояние, в котором некоторые товарищи прибыли из Германии или в котором они опубликовали там некоторые статьи и брошюры. Они, ведь, проделали довольно продолжительное, сопряженное с неудобствами, путешествие в Россию, чтобы иметь возможность более хладнокровно взглянуть на положение. Потом появились тезисы, встретившие упорное сопротивление, затем последовали устные об'яснения с другими делегациями, в том числе и с русской, и германские товарищи не могли не заметить, что товарищи из Интернационала не смотрят на вещи сквозь германские очки. И вот они вступают на путь, так сказать, стратегического отступления.

Ведь, нельзя отрицать, что предложенные поправки опасны, прежде всего, не тем, что они прямо и непосредственно показывают, а тем, что им хотелось бы, в достаточно замаскированной и достаточно неясной форме, высказать те мысли, которые распространялись, от имени Ц. К., в самые жаркие дни борьбы и после борьбы, среди немецких рабочих и в Германской Коммунистической Партии. Тов. Тельман и другие говорят: «Мы должны вернуться с такими тезисами, которые не компрометировали бы нас». Мы этого тоже вовсе не хотим; мы ни в каком смысле не желаем отвергать Германскую партию, так как она является у нас одной из лучших. Но вся концепция мартовского наступления, условия борьбы и победы развернуты здесь таким образом, что некоторые статьи, некоторые речи, некоторые циркуляры германского Ц. К. и его членов должны быть поняты, как нечто очень резкое и опасное. Это самое главное. Они хотят повлиять на положение в том направлении, чтобы им дали не вполне определенную резолюцию, а неясную и туманную, в которую они могли бы постепенно вложить новый, желательный им смысл, и которую они могли бы незаметно толковать потом совсем по другому. Вот что существенно. Так дело не может итти, ибо, по нашему мнению, опасность слишком велика, чтобы можно было допустить такой простор для постепенного и незаметного ослабления духа наступления. На это мы ни в каком случае не пойдем, — это исключается. Нас могут придавить решением большинства Конгресса, но и тогда мы будем бороться в тех пределах, которые нам оставит Конгресс и только в этих рамках. Однако я надеюсь, что тактическая резолюция будет иметь ту же судьбу, что и экономическая. Тогда товарищи из левого крыла нашей германской делегации тоже пожелали устроить что-то вроде демонстраций и, приняв эти тезисы в принципе, тем не менее предложили резолюцию, содержавшую совершенно определенно противоположные взгляды. Однако затем выяснилось, что они не решились сказать то, о чем они раньше хотели говорить, а в комиссии от этих разногласий уже почти ничего не осталось. Мне думается, что совершенно то же самое произойдет и с тактическими вопросами. Я знаю по собственному опыту, что довольно неприятно быть непризнанным с'ездом партии или Конгрессом Интернационала. Однако, товарищи, я думаю, что для вашего положения в Германии лучше будет внести в этот вопрос ясность. Я не верю тому, что сказал Леви, будто партия от этого погибнет. Конгресс должен сказать германским рабочим, что здесь была допущена ошибка, и что попытка партии взять на себя руководящую роль в крупном массовом движении не принадлежала к числу удачных. Мало того, эта попытка оказалась со-

вершенно неудачной в том смысле, что, если бы она повторилась, то тогда она могла бы, действительно, погубить эту хорошую партию. (Тальгеймер с места: «Вы знаете, что это исключается».) Для вас — да, но не для тысяч организованных рабочих, которые полагали, что Конгресс с восторгом будет приветствовать то, что мы рассматриваем, как ошибку. (Оживленное одобрение.) То же самое относится и к нашим молодым французским друзьям. В Исполкоме, обсуждая вопрос о призыве 1919 года, мы спросили: не следовало ли Французской партии выставить лозунг о неподчинении этому приказу? Тогда я обратился с вопросом к одному молодому другу: «Как вы думаете, должны мобилизуемые оказать вооруженное или же чисто пассивное сопротивление?». Товарищ с горячностью ответил: «Разумеется, с револьвером в руке». Он полагал при этом, что обнаруживает таким образом свое полное согласие с III Интернационалом, что доставляет ему величайшую революционную радость и исполняет свой долг. Он говорил это совершенно серьезно и был безусловно готов бороться против призыва с револьвером в руке. Разумеется, мы облили его ушатом холодной воды, и я надеюсь, что товарищ поймет свою ошибку. Он пришел сюда в новую среду, которую видит не каждый день. Острые углы для него понемногу отшлифовываются. Но в Германии, Франции, Венгрии! Эти две-три недели, что мы заседаем на Конгрессе, кое-что меняют в наших взглядах. Но там, в тех странах, что там изменилось? Ничего. И эта знаменитая философия наступления, ничуть не марксистская, возникла из следующих положений: «Постепенно вырастает стена пассивности; это — беда. Движение застаивается. Итак, вперед! Разрушим эту стену!». Мне думается, что в таком духе в течение известного времени воспитывался целый ряд руководящих и полуруководящих товарищей в Германской партии, и они ждут, что скажет Конгресс по этому поводу. Если мы теперь заявим, что выбрасываем Пауля Леви за окно, а о мартовском выступлении вы скажете лишь в нескольких туманных фразах, указав, что оно является первой попыткой, шагом вперед, одним словом, если мы фразеологически затушуем критику, — то мы не исполним нашего долга. Наш долг — ясно и определенно сказать германским рабочим, что мы считаем эту философию наступления величайшей опасностью, а в практическом применении — величайшим политическим преступлением.

Я вполне согласен с т. Зиновьевым и питаю, как и он, надежду, что на этом Конгрессе мы установим совершенно единообразный характер нашей деятельности; я думаю также, что в этом важнейшем тактическом вопросе нам не придется делать больших уступок так

называемой левой. Некоторые товарищи, — кажется, в том числе и французы, — были несколько озабочены борьбой против левой. Об этом говорил т. Зиновьев. К счастью, именно во французском языке слово «gauche» имеет двоякое значение: первое — то, что находится налево, а второе — то, что беспомощно, неуклюже. (Возглас: «Linkisch!») Да, linkisch, но в плохом смысле слова: впрочем, по-немецки это тоже почти так... Итак, я полагаю, что, ведя борьбу против так называемой левой, мы вовсе не ощущаем, чтобы находились направо от нее. Мы не видим налево от нас никакой партии, и так как мы являемся Интернационалом коммунистическим, марксистским, то мы являемся партией наиболее революционной. Это значит — такой партией, которая в состоянии использовать все положения, все возможности и умеет не только вести борьбу, но также и обеспечивать победу. В этом заключается настоящая цель. Иной раз забывают, что мы должны учиться стратегии, хладнокровно измерять силу противника и свою собственную, считаться с положением, а не итти на борьбу для того, чтобы разрушить стену пассивности или, как говорит один товарищ, чтобы «активизировать партию». При этом мы должны, разумеется, заниматься немного и статистикой, хотя т. Бранд и говорит, что оппортунисты занимаются ею очень много. В одной его речи нам слышалось сопоставление меча и статистики, а во второй нам, вообще, бросали упрек в оппортунизме. Такая позиция является опасной для наших итальянских товарищей, которым придется иметь еще много дела со статистикой. Если бы мне пришлось, как Геккерту и Тальгеймеру, говорить об Италии, то я сказал бы: «Вот разоренная войной страна, где рабочие захватили фабрики, где серратианцы совершили предательство, где фашисты нападают на типографии рабочих и поджигают помещения их организаций. И если эта партия не кликнет здесь клича: «Всеми силами вперед на врага!» — то это трусливая партия, которую мировая история осудит». Но если мы посмотрим на положение не с точки зрения такой фразеологии, а взвесим все хладнокровно, то мы должны будем сказать то, что сказал т. Зиновьев: они должны вновь завоевать доверие рабочего класса, так как именно предательство сделало рабочих более осторожными. Они скажут себе: «Мы слышали фразеологию Серрати. Тот говорил приблизительно то же самое, а затем предал нас. Где же гарантия, что и новая партия нас не предаст?». Рабочий класс желает видеть деятельность партии, прежде чем пойдет под ее руководством в решающий бой.

Здесь, на Конгрессе, мы имеем три более или менее ясно выраженные тенденции, три группы, которые временно превратились в тенденции, и которые надо иметь в виду для того, чтобы правильно

оценить игру сил на этом с'езде. Прежде всего мы имеем германскую делегацию, вышедшую почти прямо из огня мартовского восстания и выражающую резче всех прочих свое отношение к философии наступления, каковая, разумеется, оставлена некоторыми германскими товарищами.

Затем идут итальянские товарищи, стоящие на тех же путях. Оно и понятно, если вспомнить, что партия отошла от центристов. Итальянские товарищи говорят: «Теперь у нас, наконец, развязаны руки; теперь мы можем исполнить наш долг, втянуться в революционное выступление масс и взять реванш за предательство Серрати». Ныне вы знаете, товарищи, что об этом говорил не только Леви, но и капиталистическая и независимая печать; говорили о том, что мартовское выступление было предписано Исполкомом, и Леви был исключен за неповиновение приказу. Некоторые товарищи из французской и чехо-словацкой партий задавались вопросом (это показывает, что они недостаточно знакомы с духом Исполкома): «Пожалуй, и мне когда-нибудь от имени Исполкома будет дан такой приказ, и если я его не исполню, то меня исключат из партии». Таковы два рода настроений, которые здесь представлены.

Существует также третье положение, выраженное, как мы надеемся, в наших тезисах. Оно гласит, что было бы, разумеется, бессмысленно, если бы Исполком стал на точку зрения этой тактической философии, рекомендующей повышение боевой активности посредством более или менее искусственных массовых выступлений, и начал бы посылать приказы в разные страны. Напротив, именно потому, что мы сейчас достаточно сильны, и что вследствие этого перед нами стоит задача — руководить массовым движением в качестве самостоятельной централизованной партии, мы скорее обязаны анализировать хладнокровно и совершенно точно положение в каждой стране, и там, где это возможно и необходимо, атаковать и наступать со всей страстностью. Именно на этом настаивают предложенные нами тактические тезисы.

Во Франции,—говорит товарищ, — не существует левых. Да, их там нет. Французская партия находится в периоде линяния. Если вы читаете ее главный орган «Humanité», то вы заметите довольно путаный, расплывчатый тон в агитации, в речах, о чем мы и говорим вполне определенно в наших тезисах. Разумеется, в «Humanité» можно найти, пользуясь выражением т. Бухарина, и «свинство из-под пера Лонгэ и его ближайших друзей». Эта газета полна коммунистической воли, но эта воля недостаточно напряжена. Коммунистическая мысль недостаточно в ней заострена и отчетлива. Не-

видно той воли, которая должна постоянно изменять и уяснять положение в революционном смысле. Но если этого не видно в главном органе партии, то для меня не подлежит сомнению, что такая партия не в состоянии вызвать большое революционное выступление масс и руководить им. Первым условием является постепенная кристаллизация в газете ясной революционной мысли и воли, которые проявились бы во всей агитации и пропаганде. Этот процесс кристаллизации может потребовать два, три, шесть месяцев, быть может, целый год; это зависит от обстоятельств. У многих товарищей все это происходит без достаточной быстроты. Они не дают себе отчета о внутреннем смысле этого процесса, — революционной метаморфозе большой партии. Они хотят обойти этот процесс, и им кажется, что для начала революционного выступления не хватает только предлога. И вот они говорят: Фроссар или другие не делают того-то и того-то. Призыв 1919 года — как раз во Франции, где так сильны анархисты и синдикалисты, да еще при французском темпераменте и с парижским рабочим классом, — отличный предлог; и очень возможно, что некоторая часть этого рабочего класса, — наилучшая часть, которая будет иметь решающее значение в больших боях, — будет вызвана более молодыми, менее опытными, побуждаемыми нетерпением товарищами на выступление, которое окажется роковым для развития революционного движения во Франции на долгие годы. Таково положение... Разумеется, нам могут сказать: «Вы нападаете на отдельных товарищей. Дело не в том, кто произнес неуместную речь». Дело в том, товарищи, что если бы каждый мог составить себе суждение, то не было бы потребности в этом Интернационале. Задача в том и заключается, чтобы резко подчеркивать опасность (даже самую малую), как только она появляется, чтобы обращать на нее внимание, преувеличивать, если вам угодно. А если я или вы преувеличиваем опасность, то это не существенно; все сводится к несколько повышенному тону. Но другая опасность: опоздания или упущения, дающая возможность разрастись этой тенденции и столкнуться с провокацией, опасность, что из этого вспыхнет пламя авантюры,—вот это большая опасность. Этим об'ясняется та страстность, с которой некоторые товарищи говорят об этом. И я скажу вам: когда я частным образом беседую с тем или иным товарищем об этом и замечаю, что он не понимает меня, думая про себя: «я, мол, старше, а он моложе; у меня уже седые волосы, а он более решителен и рассматривает вопрос с точки зрения темперамента», — тогда я говорю себе: величайшая опасность заключается в том, что некоторые товарищи не знают, что есть опасная почва, что они политически неопытны в революционном смысле, что они не понимают

этого совета, его реальности, и думают, в своей ограниченности, что происходит сдвиг вправо». Да нет же, совсем не то!

Ты отошел от оппортунистов и движешься вперед, но взгляни: на свете существуют не только оппортунисты, есть еще классы, капиталистическое общество, полиция, армия, определенные экономические условия; одна часть за тебя, другая более или менее нейтральна, третья против тебя. Это — целый сложный мир, ориентироваться в котором большая и трудная задача. Ты должен этому научиться, когда отвечаешь мне. Ты хочешь, чтобы я боролся против централистов? Все резолюции I и II Конгресса остаются, ведь, в силе и вся развиваемая нами деятельность есть, ведь, не что иное, как пощечина оппортунизму. Однако наша задача не только в постоянном теоретическом осуждении оппортунизма. Мы должны практически преодолеть капиталистическое общество, положить буржуазию на обе лопатки и умертвить ее. Такова задача. А для решения ее (я должен повторить это) требуется союз холодного языка статистики со страстной волей революционного насилия. Мы этому научимся и победим! (Оживленное одобрение и аплодисменты.)

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. ЛЕНИНА «О ТАКТИКЕ Р. К. П.» НА III КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА.

(Заседание 5 июля 1921 г.).

Товарищи! Я не имею возможности систематически читать «Neue Zeit», — теоретический орган так называемой социал-демократии, издаваемый Генрихом Куновым, но от времени до времени мне попадаются номера этой газеты, и вот случайно я в одном из них прочел статью Генриха Кунова о разложении большевизма, статью, посвященную вопросу, который сейчас обсуждается у нас. Этот вопрос он формулирует так: «Каким образом можно избежать полного экономического развала, усилить промышленное и сельско-хозяйственное производство, обеспечить за городскими рабочими, служащими и учеными хоть сколько-нибудь удовлетворительное питание и устранить растущее недовольство этих кругов?». Формулировка эта, с полемической стороны, направлена против нас, но по существу она правильна. Затем он изображает предполагаемые внутри нашей партии течения и продолжает: «Троцкого поддерживает Бухарин, Раковский [262]), Пятаков [263]), Ларин [264]), Шольников»... Кто такое Шольников, я не знаю, — может быть, это синтез Сокольникова [265]) и Шляпникова [266]). Товарища Коллонтай [267]) он не упоминает, хотя не знаю почему.

Автор пишет: «И другие левые коммунисты», — слышите, тов. Бела Кун [268]),—левые коммунисты. (Смех.) «И другие левые коммунисты пришли при рассмотрении этого вопроса к выводу, что помочь может только еще более строгое проведение коммунистической трудовой системы. Фабрики и сельско-хозяйственные предприятия должны быть поставлены под еще более строгий контроль; экономические организации, еще сохранившие свою самостоятельность, также должны быть огосударствлены; крестьяне должны сдавать свои излишки нуждающемуся населению городов, и законы против мешечничества и спекуляции продовольствием должны быть усилены. Вообще, необходимо, чтобы экономические предприятия были энергично дисциплинированы и централизованы. Но эта цель может быть достигнута лишь тогда, когда прекратятся выборы рабочими всяких ответственных должностных лиц, так как рабочие часто избирают совершенно безграмотных людей. На место этих должностных лиц надо поставить людей, назначенных государственными, советскими властями. Для под'ема производительности Троцкий хочет взять в свои руки профсоюзы, в большинстве случаев настроенные не коммунистически, и лишить их политичности, т.-е. поставить под контроль политических организаций. Далее, для крестьян должна быть введена трудовая повинность; обработка земли должна быть об'явлена делом государственным, и крестьяне обязаны, под угрозой решительных мер, производить и поставлять определенное количество наиболее необходимых продовольственных продуктов. Помимо всего этого, Троцкий борется против сдачи в аренду больших площадей земли иностранным капиталистическим компаниям, считая это явление антикоммунистическим».

Одним словом, статья воспроизводит политический портрет нашего друга Коллонтай — но только под псевдонимом Троцкого. Вообще, эта статья, как и все, что автор ее выдумывает, является повторением самого плоского бернштейнианства 90-х годов, и, как кажется, идеи эти стали теперь новой послевоенной доктриной, духовной пищей германской социал-демократии. У Бернштейна все это было изложено гораздо систематичнее, продуманнее и планомернее, чем у господина Генриха Кунова. Но это не меняет сути дела. Однако возвратимся к русскому вопросу. О том, что у нас существуют большие разногласия, и что лично я в вопросе о концессиях и об изменении нашей экономической политики принадлежу к оппозиции, об этом толкует не только г. Кунов; об этом пишут не только в социал-демократической, но также и в капиталистической печати. Каждому товарищу, который хоть что-либо знает о наших внутренних делах, хорошо известно, что у нас, в партии, по этим вопросам

нет никаких серьезных разногласий, за исключением очень маленькой группы, представительницу которой мы только что выслушали. Если у нас, в Центральном Комитете, этот вопрос когда-либо и обсуждался, то только с точки зрения необходимости предоставления в той или другой области той или иной концессии, т.-е. в чисто практической форме, и как раз насчет этой практической стороны я был согласен с Лениным. Ни тов. Бухарин, ни тов. Раковский, никто вообще из тех, кто назван в статье, не выступал принципиально против концессий и против новой сельско-хозяйственной или крестьянской политики. Это очень хорошо характеризует духовный уровень германской социал-демократии. Ведь, поскольку кто-нибудь действительно принадлежит к Интернационалу, как это было и в лучшие времена II Интернационала, он всегда весьма заинтересован в том, чтобы честно проследить и понять то, что происходит в братской партии, даже в случае разногласий с ней. Когда распространяли какую-либо ложь о царизме, то говорили, что он имеет широкие плечи, что он все вынесет; но от теоретического представителя партии, который должен был бы спокойно исследовать явления, можно было бы требовать, — не то, чтобы он нас понимал и оправдывал, нет, боже упаси! — но чтобы он, по крайней мере, имел некоторое представление о вещах, о которых он пишет. Но у него нет и этого.

Итак, по этому вопросу у нас нет никаких разногласий. Может быть, цифра 99% была бы даже скромной количественной оценкой большинства в партии по этому поводу. Но как обстоит дело с опасностью, которую представитель Коммунистической Рабочей Партии и тов. Коллонтай — с двух различных сторон: один со стороны западно-европейского капитализма, другая со стороны русского коммунизма — нарисовали перед нами? Вопрос обсуждался и у нас, в Экономической Комиссии. Один товарищ пытался доказать, что возможность для капитализма развить свою деятельность «в широких русских степях» означает для него путь к спасению, выход из затруднительного положения. Но капитализм может передвигаться лишь в тех пределах, которые ему предоставляет наша железнодорожная сеть, наши транспортные возможности, наша территория, вообще вся наша экономическая культура. Мы не говорим о какой-нибудь фирме вроде Гернгросса, которая отлично могла бы спастись за счет Советской Республики, если бы стала ее поставщиком — мы говорим о капитализме.

Если бы капитализм имел возможность, опираясь на Россию, восстановить свое равновесие в ближайшее десятилетие, то это значило бы, что у нас нет никакой необходимости обращаться к за-

падно-европейскому капитализму; это значило бы, что мы достаточно могущественны и сильны, чтобы обойтись без сотрудничества западно-европейского и американского капитализма. Но дело обстоит не так. Мы недостаточно сильны и могущественны, чтобы иметь возможность отказаться от капиталистической техники, которая также существует пока что только в капиталистической форме; мы, именно, недостаточно сильны и могущественны, чтобы капитализм имел возможность при помощи России залечить все свои раны. Такова внутренняя логика вещей. Во всяком случае, те товарищи, которые боятся, что капитализм мог бы усилиться, получив здесь поле деятельности, должны дать себе отчет в том, что между этим развивающимся в России капитализмом и мировой революцией находится Советская Россия, и что задолго до того, как русский капитализм мог бы отдохнуть и усилиться «в русских степях», он раздавил бы зарождающееся коммунистическое хозяйство. Итак, первой жертвой была бы наша зарождающаяся социалистическая организация. В Комиссии я сказал: «Главным фактором остается все же то обстоятельство, что в нашей стране власть принадлежит авангарду пролетариата, что в ней господствует рабочий класс, представляемый, в политическом и государственном отношениях, этим авангардом; вот почему мы должны предоставлять концессии лишь постольку, поскольку это полезно для нашего дела. Это — не требующая пояснений предпосылка. Если бы капитализм победил в военной борьбе, то не было бы никакого вопроса о концессиях: он сам взял бы все то, что ему нужно. Тогда у нас не было бы и тактического вопроса. А сейчас этот вопрос существует. Почему? Потому, что в нашей стране рабочему классу принадлежит власть, т.-е. он ведет переговоры с капитализмом, имеет возможность одним давать концессии, другим отказывать, может комбинировать, считаться с общей картиной своего экономического развития и всей мировой революции, и только потом принимать то или иное решение. Таково положение вещей.

Я сделал из него вывод, что те западно-европейские и американские товарищи, которые, действительно, боятся, как бы капитализм не оправился в России, показывают этим, что они переоценивают наши технические и транспортные средства и не дооценивают нашего коммунистического мышления. Я сказал раньше, что т. Коллонтай, принадлежащая к товарищам, обычно называемым левыми коммунистами, не была упомянута в связи с вопросом о концессиях. Но она сама себя назвала. Это ее полное право. Она ставит дисциплину Интернационала выше дисциплины партии. Я не знаю: может быть, это тоже находится в связи с вопросом о концессиях,

но ей хочется проявить рыцарский дух, — я не знаю подходящего немецкого выражения, — вести себя, как подобает амазонке... (Радек с места: «Как Валькирии!»)... как Валькирии. Я возлагаю ответственность за это выражение на т. Радека. (Смех.) Тов. Коллонтай так именно и вела себя, записавшись в список ораторов, хотя у нас принято, чтобы мы предварительно рассматривали вопрос в делегации, в Президиуме и в Центральном Комитете. Я только спрашиваю присутствующих здесь товарищей, представительницей которых выступала тов. Коллонтай, как относятся они к тому факту, что никто не возражал против этого на заседании Центрального Комитета? Мы сочли вполне естественным, что незначительное политически и едва заметное в этом вопросе меньшинство хочет ознакомить Международный Конгресс с своим собственным мнением, с своей тенденцией.

Переходим к речи т. Коллонтай по существу. Ее главная мысль такова: капиталистическая система себя изжила, и поэтому из нее нельзя, так сказать, извлечь никаких выгод. Вот ее основная идея. Все остальное для нее является лишним. Это дает нам вполне достаточное представление об исторических и политико-экономических воззрениях тов. Коллонтай. Говоря философским языком, это — чисто метафизическое воззрение, оперирующее с неподвижными, не-историческими, догматическими понятиями. Капитализм изжил себя, и поэтому нет возможности получить от него что-либо нам полезное. Но, товарищи, если бы капитализм действительно изжил себя, то в случае, если на нас нападет английская или французская армия, хотя бы на побережье Черного моря, то мы можем сказать себе: капитализм изжил себя, и поэтому мы можем сидеть сложа руки. (Аплодисменты.) Я думаю, что тогда мы все полетели бы к чорту, с разрешения т. Коллонтай. (Шумные аплодисменты.) Ведь капитализм не станет спрашивать, изжил ли он себя, согласно догматическим представлениям т. Коллонтай: он будет убивать нас своими штыками, изготовленными на его капиталистических заводах, истреблять нас своими солдатами, вымуштрованными его капиталистической дисциплиной. Но если изживший себя капитализм может нас убивать и лишать жизни, то этим он доказывает, что он еще довольно силен. Да и самый факт, что тов. Коллонтай, стоящая в оппозиции к Российской Партии, вынуждена высказывать свои оппозиционные взгляды на Международном Конгрессе в Москве, является маленьким доказательством того, что если изживший себя, в великом историческом смысле, капитализм не может открыть новые возможности для человечества, то все же он еще достаточно силен, чтобы не позволить нам устраивать наши конгрессы в Па-

риже или Берлине. (Аплодисменты.) А возьмем, например, капиталистическую технику: что думает т. Коллонтай о хорошем паровозе, честном немецком капиталистическом паровозе? Это интересный вопрос. Я боюсь, что германский пролетариат, после того, как он завоюет власть, должен будет раз'езжать по стране на настоящих капиталистических паровозах, по крайней мере, еще два года. Ведь, у него будет много дела, и я не думаю, что он сможет немедленно, в первые же месяцы, приступить к постройке новых паровозов. Но, товарищи, позволительно ли — с точки зрения десяти заповедей тов. Коллонтай — купить новый немецкий паровоз у фирмы Эберт и К°? Я думаю, что т. Коллонтай, отвечая на этот ребром поставленный вопрос, не откажет нам в праве купить паровоз у Эберта. Но если мы купим там паровоз, то мы должны и заплатить за него, и притом золотом. Но, товарищи, золото, текущее из России в капиталистическую кассу, усиливает эту последнюю. Конечно, этого очень мало, чтобы уплатить германские долги. К счастью, у нас нет такого количества золота. (Смех.) Как бы то ни было, но, если мы хотим быть принципиально твердыми, мы не смеем платить золотом капиталистам. Или возьмем другой случай: допустим, что мы будем платить не золотом, а лесом. Но, может быть, тов. Коллонтай скажет тогда: я согласна допустить торговлю Советской России с Германией или с Англией, но на концессии я не согласна. Но что такое концессии? Чтобы получить паровозы, мы должны продавать лес. Но у нас нет достаточного количества пил и других механических приспособлений, и вот мы говорим: «Деревья растут в лесу; пусть английский капиталист приходит со своими машинами и техническими приспособлениями, пусть сам нарубит себе бревна и дрова, а нам отдаст за это паровоз»... Словом, я бы очень хотел знать, где начинается принципиальная оппозиция т. Коллонтай и где она кончается — при покупке ли паровозов, при уплате ли золотом, при расчете ли дровами в виде леса? Я боюсь, что оппозиция начинается только при порубке леса. (Громкий смех.)

Затем тов. Коллонтай утверждает, что мы хотим, вообще, заменить рабочий класс специалистами и другими силами, т.-е. техниками. (Коллонтай с места: «Я этого не говорила!») Вы говорили, что инициатива рабочего класса заменяется другими силами, что его авангард заставляют уступать место другим. Но эти другие силы, с одной стороны, — так называемая техническая интеллигенция, а с другой — крестьянство. Замена крестьянством безусловно исключается. Но класс, держащий власть в своих руках, вступает в сделку с крестьянством. Что касается техников, то и по этому вопросу у нас в партии был спор. Еще до сих пор слышны его отзвуки, и,

может быть, один из них, — если не последний, то предпоследний, — раздался здесь из уст тов. Коллонтай. Говоря по существу, товарищи, не подлежит сомнению, что пролетариат имеет довольно большую силу и инициативу, и мы надеемся, что все человечество несколько изменит свой облик, благодаря силе рабочего класса. Но мы никогда не говорили, что рабочий класс способен от рождения построить новое общество. Он может создать для того лишь необходимые социальные и политические предпосылки. Более того, при непосредственном захвате власти, он может найти необходимые вспомогательные силы, поставить их на службу коммунистического хозяйства там, где это требуется, и тем самым пустить всю машину в ход. Но мы никогда не говорили, что простой рабочий тем, что он стал коммунистом, уже приобрел способность производить работу техника, астронома или инженера. И когда эти технические силы просто обозначаются общим понятием «другие социальные силы», и когда тот факт, что эти силы поставлены на службу нашему делу, характеризуется, как недостаток доверия к рабочему классу, — то я должен констатировать, что такое мышление не имеет ничего общего с марксизмом и коммунизмом.

Товарищи! С самого начала, в той весьма простой области, в которой нам до сих пор приходится работать, в области военной, мы должны были обращаться к помощи чуждых нам технических сил. По этому поводу у нас было много трений. Центральный Комитет сделал немало ошибок, и наша военная организация неоднократно наталкивалась с его стороны на противодействие. Нам говорили: «Вы берете чуждые нам технические силы (под ними подразумевались офицеры) на службу пролетариата». А между тем, потом выяснилось, что если бы мы опирались только на энергию и самопожертвование наших товарищей, которые все самоотверженно выполнили свой долг, и если бы мы не сумели использовать чуждые нам военные силы, то нас давно бы не было на свете. Это совершенно ясно. Русский рабочий класс, с его способностями и самоотвержением, дал все, что мог. Он выказал большую инициативу и в том, что после захвата власти он оказался в состоянии, будучи отсталым и живя в крестьянской стране, привлечь к себе на службу офицеров, действуя то насилием, то пропагандой. (Аплодисменты.) Нам нужна была армия, но рабочий класс не имел достаточного опыта и знаний, и мы не могли сразу и повсюду ставить офицеров из рабочих. Сейчас у нас уже есть много красных офицеров, вышедших из рабочего класса. Они занимают высшие посты, и численность их увеличивается с каждым днем.

То же самое относится и к области технической. Тот факт, что мы еще окружены капиталистическим миром, вынуждает нас к уступкам и в этом отношении. Но мы преисполнены веры, что наш рабочий класс, сознавая себя все в большей мере членом великого Интернационала, выдержит и эту передышку капитализма, и это неустойчивое равновесие, которое теперь установилось, и использует, во время этой самой передышки, и чуждые силы, и чуждые средства, поставив их на службу собственному делу. Если мы говорим русским рабочим: «Мы ведем переговоры с иностранными капиталистами, но мы примем все меры, чтобы остаться стоять на собственных ногах». Если мы хотим, чтоб рабочий класс обозрел поле своей деятельности и сказал: «Я могу предоставить то или иное германским и американским капиталистам в качестве концессий, но хочу зато получить машины», — то разве это будет недоверием к силам русского рабочего класса, русского пролетариата? Если кого-либо и можно упрекнуть в недостатке доверия к силам рабочего класса, то не нас, а ту маленькую группу, от имени которой здесь говорила тов. Коллонтай. (Шумные аплодисменты.)

Между III и IV Конгрессом Коминтерна

ГЛАВНЫЙ УРОК III КОНГРЕССА *).

Классы имеют свои корни в производстве. Классы до тех пор жизненны, пока они выполняют необходимую роль в процессе общественной организации труда. Классы теряют почву под ногами, когда условия их дальнейшего существования приходят в противоречие с ростом производительных сил, т.-е. с дальнейшим развитием хозяйства. В таком положении находится сейчас буржуазия.

Но это вовсе не означает, что класс, утративший жизненные корни и ставший паразитическим, уже тем самым обречен на немедленную гибель. Если фундаментом классового господства является экономика, то непосредственно классы держатся у власти при помощи государственно-политических аппаратов и органов: армия, полиция, партия, суды, пресса и пр., и пр. При помощи этих органов, представляющих собою «надстройку» в отношении к экономическому фундаменту, господствующий класс может держаться у власти годы и десятилетия после того, как он стал прямым тормозом для общественного развития. Если такое состояние затягивается слишком долго, то переживший себя господствующий класс может увлечь в своем падении те страны и народы, над которыми он господствует.

Отсюда возникает необходимость революции. Новый класс, имеющий жизненные корни в экономическом развитии,—пролетариат,—должен опрокинуть буржуазию, вырвать из ее рук власть и превратить государственный аппарат в орудие хозяйственной реорганизации общества.

Буржуазия стала паразитическим, антиобщественным классом еще до мировой войны. Несовместимость господства буржуазии с дальнейшим развитием и даже с дальнейшим сохранением хозяйства в грандиозном размере обнаружилась в войне. При этом война не только обнаружила эту несовместимость, но и чрезвычайно усилила ее, довела ее до последней степени остроты. Война расшатала экономический фундамент буржуазного общества. В то же время война в чрезвычайной мере расстроила, ослабила, дискреди-

*) «Правда» 12 июня 1921 г., № 130.

тировала, парализовала политические органы буржуазного господства: государство, армию, полицию, парламент, печать и пр. В первый период после войны буржуазия была чрезвычайно дезориентирована, боялась расплаты, не была уверена в старых методах и приемах господства, тревожно нащупывала почву, колебалась, шла на уступки. В наиболее критический для буржуазии 1919 г. пролетариат Европы мог бы, несомненно, с наименьшими жертвами овладеть государственной властью, если бы во главе его стояла действительно революционная организация, ставящая себе ясные цели и умело их преследующая, т.-е. сильная коммунистическая партия. Но этого не было. Наоборот, пытаясь после войны завоевать для себя новые условия существования и наступая на буржуазное общество, рабочий класс тащил на своей спине партии и профсоюзы II Интернационала, все усилия которых, и сознательно, и инстинктивно, были направлены по существу на сохранение капиталистического общества.

Пользуясь социал-демократическим прикрытием, буржуазия как нельзя лучше использовала передышку. Она оправилась от паники, восстановила свои государственные органы, дополнила их контр-революционными вооруженными бандами и подобрала политиков-специалистов по борьбе с открытым революционным движением при помощи комбинированных методов — запугивания, подкупа, провокации, изолирования, разделения и пр., и пр. Основная задача этих специалистов состоит в том, чтобы дать ряд боев отдельным частям пролетарского авангарда, обескровить их и подорвать таким образом в рабочем классе веру в возможность успеха.

В области восстановления хозяйства буржуазия за три года, протекших после войны, не достигла по существу ничего. Наоборот, только теперь экономические последствия войны развертываются во всем своем об'еме в виде небывалого в капиталистической истории кризиса. Мы здесь, таким образом, особенно ярко видим, что политические условия господства, хотя и зависят в последнем счете от экономических условий, но вовсе не следуют за ними параллельно и автоматически: в то время как в области производства и обмена мировой капиталистический аппарат пришел сейчас в полное расстройство, так что то состояние, какое было в 1919 году, может казаться верхом благополучия по сравнению с нынешним, — в области политической буржуазия за это же время успела в очень большой степени упрочить органы и орудия своего господства. Руководители буржуазии очень ясно видят ту экономическую бездну, которая вскрылась перед ними. Но они готовы и будут бороться до конца. Они рассматривают создавшееся положение, как вопрос политической стратегии. Они холодным оком подстерегают каждое

движение пролетариата, стремясь обессилить его, особенно в Германии, в ряде отдельных кровавых поражений.

Рабочие за эти три года много боролись и понесли много жертв. Они не добились власти. В результате рабочая масса стала осторожнее, чем была в 1919—1920 годах. При ряде своих стихийных и полустихийных наступлений рабочие сталкивались каждый раз со все более организованным сопротивлением и отбрасывались назад. Они поняли и почувствовали, что для успеха нужно твердое руководство, нужен расчет, нужна революционная стратегия. Если рабочие массы не откликаются теперь так непосредственно на революционные лозунги, как в 1918—1919 г.г., то это не потому, что они стали менее революционны, а потому, что они стали менее наивны, более требовательны. Они хотят организационных гарантий победы. Повести их сможет на решительный бой только та партия, которая на практике, при всех условиях и обстоятельствах, обнаруживает не только свою готовность драться, т.-е. свое мужество, но и свою способность руководить массами в борьбе, маневрировать, наступать и отступать, выводить их из огня, когда обстановка неблагоприятна, комбинировать все силы и средства для удара и таким путем систематически возвышать свое влияние на массы и свой авторитет. Несомненно, что партии Коммунистического Интернационала далеко не в достаточной степени отдали себе отчет в этой задаче. В этом—основной источник тактических ошибок и внутренних кризисов в отдельных коммунистических партиях.

Чисто-механическое представление о пролетарской революции, исходящее только из факта продолжающегося распада капиталистического хозяйства, повело некоторые группы товарищей к созданию в корне ложных теорий об инициативном меньшинстве, которое своим героизмом разбивает «стену всеобщей пассивности» пролетариата, о непрерывных наступлениях пролетарского авангарда, как о «новом методе» борьбы, о частичных боях, которые разыгрываются с применением методов вооруженного восстания и пр., и пр. Наиболее ярким выразителем такой тенденции является венский журнал «Коммунизм». Совершенно очевидно, что такого рода тактические теории не имеют ничего общего с марксизмом. Практическое применение их целиком шло бы навстречу стратегии военно-политических вождей буржуазии.

Нет никакого сомнения в том, что авантюристские методы и теории возникают как реакция против реформистских и центристских тенденций в рабочем движении, прямым дополнением которых они являются. Но, в то время как реформистские и центристские тенденции стали преимущественно внешней силой и открытым вра-

гом, авантюристские и суб'ективистские тенденции представляют собой, главным образом, внутреннюю опасность, недооценивать значение которой было бы совершенно непростительно. Беда революционного суб'ективизма состоит, по выражению Герцена [269]), в том, что он принимает 2-й или 5-й месяц беременности за 9-й. Это еще никогда не проходило безнаказанно...

Третий конгресс констатировал дальнейший развал экономических основ буржуазного господства. Но он в то же время энергично предостерег передовых рабочих от наивных представлений, будто отсюда вытекает автоматическая гибель буржуазии путем непрерывной оффензивы пролетариата. Никогда еще инстинкт классового самосохранения буржуазии не был вооружен таким разнообразием методов обороны и наступления, как сейчас. Экономические предпосылки победы рабочего класса на-лицо. Без этой победы, и притом в более или менее близком будущем, всей цивилизации грозит упадок и разложение. Но эта победа может быть достигнута только умелым ведением боев и, прежде всего, завоеванием большинства рабочего класса. Таков главный урок третьего Конгресса.

ДОКЛАД ОБ ИТОГАХ III КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА II КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА МОЛОДЕЖИ [270]).

(Заседание 14 июля 1921 г.).

Третий Конгресс Коминтерна, если постараться выразить его значение в краткой формуле, войдет, вероятно, в историю рабочего движения, под названием высшей школы революционной стратегии. Первый конгресс нашего Коммунистического Интернационала подал сигнал к собиранию сил мировой пролетарской революции. Второй конгресс выработал программные основания для мобилизации этих сил. Третий конгресс уже встретился на своих заседаниях с этими силами, связал их воедино и оказался таким образом перед важнейшими практическими вопросами революционного движения. Вот почему третий конгресс стал, как я выразился, высшей школой революционной стратегии. Им был с самого начала поставлен вопрос: правильна ли была основная позиция Коминтерна, на его Первом и Втором конгрессах,—и после глубокого и всестороннего исследования исторических фактов и тенденций—ибо факты сами по себе, вне исторических тенденций, не имеют большого значения — конгресс пришел к заключению, что эта позиция была правильна, что мы находимся в периоде развития мировой революции.

После войны буржуазия обнаружила полную неспособность восстановить равновесие факторов экономического развития, т.-е. самые основы своего существования. Все ее внимание было направлено на то, чтобы удержать равновесие классов, и с большим трудом ей удалось в течение трех последних лет удержать это неустойчивое равновесие классов и государственной надстройки. Третий конгресс и обратил внимание всех борцов Интернационала на то, что в вопросе о темпе развития необходимо различать между экономическими факторами, как глубочайшими основами общества, и такими второстепенными факторами, как политика, парламентаризм, пресса, школа, церковь и т. д. Не следует обольщаться иллюзией, что класс, оказавшийся исторически несостоятельным в экономическом смысле, в тот же самый момент и так сказать автоматически теряет орудия своего господства. Нет, наоборот, исторический опыт учит нас, что когда господствующий класс, державший в своих руках власть в течение столетий, оказывается перед опасностью утраты власти, инстинкт власти обостряется у него до чрезвычайности, что как раз в эпоху экономического упадка того общественного строя, который установился при господстве этого класса, господствующий класс обнаруживает величайшую энергию, величайшую стратегическую мудрость для удержания своего политического положения. Это кажется противоречием тем марксистам, которые понимают марксизм механически или, как говорится, метафизически; для них тут в самом деле есть противоречие. Иначе обстоит дело для тех, кто понимает историю в ее внутренней подвижной логике, во взаимодействии ее различных факторов — в воздействиях экономической базы на класс, класса на государство, государства, в свою очередь, на класс и класса на экономическую базу. Для всякого, не прошедшего школу подлинного марксизма, всегда будет непонятно, каким образом буржуазия, превратившись из руководящего экономического класса, правда, эксплоатирующего, но вместе с тем и организующего, в совершенно паразитическую, в глубочайшем смысле слова контр-революционную силу,—как эта самая буржуазия оказывается в то же время вооруженной всеми средствами и методами классовой борьбы, от лицемернейшей демократической фразеологии до самого насильнического кровавого подавления рабочего класса. Многие из нас представляли себе задачу свержения буржуазии гораздо проще, чем это сейчас оказывается на деле. Перед нами полусгнившее дерево — чего, казалось бы, проще свалить его? Но нет, с такими образами не далеко уйдешь в текучей области социальных явлений. Сосредоточив в последний период все свои усилия не столько на восстановлении экономической основы, сколь-

ко на восстановлении равновесия классов, буржуазия в политическом и стратегическом смысле достигла очень серьезных успехов. Это факт, и факт весьма отрадный для революции. Если бы буржуазия восстановила самый фундамент своего господства или сделала бы хотя один шаг вперед в этом направлении, тогда бы нам пришлось сказать: да, ей удалось восстановить основы своего классового господства. Это было бы, разумеется, крайне печально для дальнейшего развития революции. Но оказывается, что это не так, что, напротив, все усилия буржуазии, вся энергия, проявленная ею для удержания классового равновесия, неизменно проявляется ею за счет той экономической почвы, на которой она стоит, за счет хозяйственной базы.

Рабочий класс и буржуазия стоят, таким образом, на такой почве, которая делает нашу победу неизбежной—не в астрономическом смысле, конечно, как неизбежен закат или восход солнца, а в историческом, в том смысле, что если мы не одержим победы, то все общество и вся человеческая культура будут обречены на гибель. Этому нас учит история. Так погибла древняя римская цивилизация. Класс рабовладельцев оказался неспособным руководить дальнейшим развитием. Он превратился в совершенно паразитический и разлагающийся класс. Никакого другого класса на смену ему не было, и древняя цивилизация погибла. Аналогичные явления мы видели и в новой истории, например, упадок Польши в конце XVIII века, когда господствующий феодальный класс отжил свой век, а буржуазия была еще недостаточно сильна, чтобы захватить государственную власть. В результате польское государство пало. Как борцы революции, мы убеждены,—и об'ективные факты говорят за нас,—что мы, как рабочий класс, как Коммунистический Интернационал, спасем нашу цивилизацию, созданную в течение веков сотнями поколений, и не только спасем, но и поднимем на гораздо более высокую ступень развития. Но, говоря чисто теоретически, не исключена и возможность, что буржуазия, вооруженная своим государственным аппаратом и всем накопленным опытом, будет бороться против революции до тех пор, пока не высосет из современной цивилизации все ее живые соки и не ввергнет современное человечество на продолжительный период в состояние распада и гниения.

Всем предыдущим я хочу сказать, что стоящая перед рабочим классом задача свержения буржуазии не механическая задача. Это задача, для выполнения которой нужны революционная энергия, политическая мудрость, опыт, широта кругозора, решимость, горячая кровь, но вместе с тем и трезвая голова. Это политическая, революционная, стратегическая задача. Мы видели партию, которая

как раз за последний год дала нам в этом отношении очень поучительный урок. Я говорю об итальянской социалистической партии, официальный орган которой называется «Avanti», т.-е. «вперед». Не исследовав всего комплекта тактических вопросов борьбы и победы, не представив себе конкретную обстановку этой борьбы, итальянская партия вела общую революционную агитацию, подгоняя рабочих: avanti! вперед! Рабочий класс Италии доказал, что в его жилах течет довольно горячая кровь. Все лозунги партии он принял всерьез, пошел вперед, завладел фабриками, заводами, шахтами и т. д. Но очень скоро он был вынужден сделать страшное отступление и при этом на целый период совершенно отделиться от партии. Партия предала его—не в том смысле, чтобы в итальянской социалистической партии сидели сознательные предатели, нет, этого никто бы не сказал, но там сидели реформисты, которые по всему своему духовному укладу были враждебны действительным интересам рабочего класса. Там сидели центристы, не имевшие и не имеющие никакого понятия о внутренних потребностях подлинно революционного рабочего движения. Благодаря этому вся партия была превращена в орудие совершенно абстрактной и довольно поверхностной революционной агитации. Но рабочий класс был вынужден своим положением принять эту агитацию в серьез, он сделал из нее крайне революционные выводы, и в результате потерпел жестокое поражение. Здесь, значит, обнаружилось полное отсутствие тактики в широком смысле этого слова, или, выражаясь по военному, стратегии. И вот можно себе представить,—разумеется, чисто теоретически, отнюдь не подсовывая этой мысли нашей великолепной молодой коммунистической партии Италии—можно, говорю я, представить себе, что эта партия скажет: после такого страшного поражения, после такого предательства со стороны старой социалистической партии мы, коммунисты, действительно готовые на крайние выводы, должны добиться немедленно революционного реванша, должны сегодня же увлечь за собой рабочий класс в наступление против твердынь капиталистического общества.

Третий конгресс теоретически и практически обсудил этот вопрос и сказал: если бы теперь, тотчас же после поражения, вызванного предательством социалистической партии, Коминтерн поставил итальянской коммунистической партии задачу немедленно перейти в наступление, то он сделал бы роковую стратегическую ошибку, ибо для решительного боя нужна соответствующая подготовка. Подготовка, товарищи, состоит не в том, чтобы в течение десятилетий собирать деньги в партийную кассу, подсчитывать число абонентов почтенной социал-демократической прессы и т. д. Нет,

подготовка, особенно в такую эпоху, как наша, когда настроение масс быстро меняется и повышается, требует не десятилетий, быть может, даже не годов, а всего лишь месяцев. Предсказывать сроки, вообще, очень плохое занятие, но одно во всяком случае ясно: когда мы говорим о подготовке сейчас, то это имеет совсем другое значение, чем в органическую эпоху постепенного экономического развития. Подготовка обозначает для нас создание таких условий, которые обеспечили бы за нами сочувствие широких масс. От этого фактора мы не можем отказаться ни при каких условиях. Заменить волю массы решимостью так называемого авангарда, эта мысль совершенно недопустимая и не марксистская. Через сознание и волю авангарда можно подействовать на массы, можно завоевать их доверие, но заменить их этим авангардом невозможно. И поэтому Третий конгресс в качестве важнейшей и неотложной задачи поставил перед всеми партиями требование о привлечении на нашу сторону большинства трудового народа.

Тут указывали, что т. Ленин, в одной из своих речей на конгрессе сказал: и маленькая партия может при известных условиях увлечь и повести за собой большинство рабочего класса. Это совершенно верно. Революция представляет собой сочетание об'ективных, независимых от нас факторов, которые являются важнейшими, и факторов суб'ективных, более или менее зависящих от нас. История не всегда, вернее, почти никогда не действует таким образом, чтобы сначала подготовить об'ективные условия, вроде того, как сначала накрывают на стол, а затем приглашают к столу господ, — она не выжидает того момента, когда соответствующий класс, в нашем случае — пролетариат, сорганизуется, прояснит свое сознание и закалит свою волю, чтобы затем любезно пригласить его совершить революцию на основе этих социально-экономически созревших условий. Нет, дело происходит иначе. Об'ективная необходимость революции может быть уже вполне на-лицо. Рабочий класс—мы говорим только о нем, потому что сейчас нас интересует только пролетарская революция — может, однако, быть еще не вполне подготовленным, а коммунистическая партия может, конечно, охватить только незначительное меньшинство рабочего класса. Товарищи, что же произойдет? Произойдет очень длительная и кровавая революция, и уже в ходе революции партия и рабочий класс должны будут наверстать то, чего им не хватало в начале.

Таково настоящее положение. И поэтому, если верно — а это верно, — что при известных условиях и небольшая партия может стать руководящей организацией не только рабочего движения, но и рабочей революции, то лишь в том случае, когда эта небольшая

партия ощущает свою малочисленность не как преимущество, а как величайшее несчастье, от которого нужно избавиться как можно скорее.

На Конгрессе присутствуют некоторые товарищи, представляющие самые маленькие партии, напр. Коммунистическую Рабочую Партию Германии. Эта партия революционна, даже весьма революционна, в этом мы не сомневаемся нисколько. И если бы революция заключалась в том, чтобы К.Р.П.Г. проявила в действии свою превосходную революционную волю, если бы этой демонстрации было достаточно, чтобы поставить на колени германскую буржуазию, то революция там уже давно была бы совершившимся фактом. Но демонстративного выступления одной революционной секты недостаточно. Представители К. Р. П. Г. говорили, что и т. Ленин признал, что небольшая партия может подняться до руководящей роли. И это действительно так. Но эта партия не должна быть в таком случае маленькой сектой, которая борется против гораздо большей революционной партии, против партии рабочего класса, и которая в своей малочисленности усматривает большое историческое преимущество. Такая партия никогда не может стать руководящей партией рабочего класса. В этом существо дела.

Итак, третий конгресс об'явил задачей момента подготовку. При этом он был вынужден шепнуть, а иногда и крикнуть некоторым группам и некоторым товарищам: подайтесь несколько назад, проделайте стратегическое отступление, чтобы, задержавшись на определенной политической линии, подготовиться к действительному наступлению. В самом ли деле, товарищи, этот совет, превратившийся в постановление, был необходим? Или это, может быть, уже начало падения Третьего Интернационала, как то кажется некоторым? Мне думается, что была крайняя необходимость дать этот совет некоторым группам, организациям и товарищам, ибо, повторяю, у некоторых групп—я говорю не только о К.Р.П. Г., но и о более крупных партиях и о тенденциях внутри больших партий — была видна действительная воля к революции, что давно уже не наблюдалось в Западной Европе. В этом отношении от Первого к Третьему конгрессу мы должны констатировать громадный, колоссальный шаг вперед. Мы имеем большие партии с ярко выраженной волей к революционной деятельности, да без такой воли и нельзя сделать революцию—в том смысле, в каком вообще партия может сделать революцию. Но представление о методах этой революции было у некоторых групп, у некоторых литераторов и даже у некоторых вождей слишком упрощенное. Вам известно, быть может, что была выставлена теория так называемого наступления. В чем заключается

эта теория? А вот в чем: мы вступили в эпоху разложения капиталистического общества, другими словами, в эпоху, когда буржуазия должна быть свергнута. Как? Наступлением рабочего класса. В таком, совершенно отвлеченном, виде это несомненно верно. Но вот этот теоретический капитал некоторые захотели превратить в соответствующую мелкую монету и заявили, что наступление состоит из последовательного ряда наступлений. Так возникла теория, самым ярким выразителем которой явился венский журнал «Коммунизм»,— теория чистого наступления ввиду революционного характера эпохи.

Товарищи, сравнением политической борьбы рабочего класса с военными действиями слишком злоупотребляли. Но до известной степени тут можно говорить о сходстве. В гражданской войне неизбежно должна была победить одна из двух сторон, ибо гражданская война отличается от национальной тем, что в этой последней возможен компромисс, можно оставить врагу часть территории, заплатить ему контрибуцию, заключить с ним сделку, но в гражданской войне это невозможно. Тут должен победить тот или другой класс во что бы то стало. Советская Россия была окружена контр-революцией, и, значит, наша стратегия по необходимости должна была заключаться в победоносном наступлении. Мы должны были освободить нашу периферию от контр-революции. Но, когда мы теперь вспоминаем историю нашей борьбы, мы видим, что мы довольно часто терпели поражения. В военном отношении и мы имели наши мартовские дни—говоря по-немецки, наши сентябрьские дни—говоря по-итальянски. Что же происходит после частичного поражения? Наступает некоторое разложение военного аппарата, некоторая потребность в передышке, потребность ориентироваться и точнее взвесить взаимные силы, пополнить убыль и внушить массе сознание необходимости нового наступления, новой борьбы. Все это иногда бывает возможно только при условии стратегического отступления. Солдатам—в особенности если это солдаты сознательной революционной армии—прямо так и говорят: мы должны отдать такие-то пункты, такие-то города и области и уйти за Волгу, чтобы там в течение трех-четырех недель, а то и нескольких месяцев, укрепиться, реорганизоваться, пополнить убыль и затем уже перейти в новое наступление. Должен признаться, что в первый период нашей гражданской войны мысль об отступлении всегда была для нас всех очень мучительна и производила на солдат угнетающее действие. Отступление есть движение; сделать ли десять шагов вперед, или десять шагов назад, это всецело зависит от требования момента. Для победы иногда необходимо движение вперед, иногда движение назад.

Но для того, чтобы это как следует понять, чтобы усмотреть в движении назад, в отступлении, составную часть единого стратегического плана, для этого нужен некоторый опыт. Если же, рассуждая совершенно абстрактно, настаивать всегда на движении вперед, если не ломать себе головы над стратегией, полагая, что все можно заменить напряженной революционной волей, то что получится в результате? Возьмем, например, сентябрьские события в Италии или мартовские в Германии. Нам говорят, что положение в этих странах может быть восстановлено только новым наступлением. В мартовские дни—я говорю это совершенно открыто—за нами было не больше одной пятой или шестой части рабочего класса, и мы потерпели поражение — в чисто практическом смысле: мы не завоевали власть—впрочем, партия и не ставила себе этой задачи,—мы не парализовали и контр-революцию. Бесспорно, это практическое поражение. Но если теперь, согласно изложенной теории наступления, мы скажем: исправить положение может только новое наступление,—то чего мы этим добьемся? Тогда за нами будет уже не одна шестая часть, а лишь оставшиеся боеспособными части этой шестой части рабочего класса. Ведь после поражения всегда наблюдается некоторая подавленность, конечно, не навсегда, но все же на некоторое время. При таких условиях мы потерпели бы еще более глубокое и гораздо более опасное поражение. Нет, товарищи, после такого поражения мы должны отступить. В каком смысле? В самом простом. Мы должны сказать рабочему классу: да, товарищи, на основании фактов мы убедились, что в этой борьбе за нами только одна шестая. Но нас должно быть, по крайней мере, $^4/_6$, т.-е. $^2/_3$, чтобы серьезно думать о победе, а для этого мы должны развить и сберечь те духовные, материальные и организационные силы, которые соединяют нас с классом. С точки зрения наступательной борьбы это означает стратегическое отступление в целях подготовки. Называть ли это полевением или поправением, этот вопрос совершенно не интересен, это зависит исключительно от того, что понимать под этими словами. Если под левизной понимается формальная готовность в любой момент двигаться вперед и применять самые острые формы борьбы, то это, конечно, означает поправение. Но если слова «левая партия», «левые тенденции» понимать в более глубоком историческом смысле, в смысле движения, которое ставит себе величайшую задачу эпохи и выполняет ее наилучшими средствами, то это будет шагом вперед в направлении левой, революционной тенденции. Но не будем заниматься этой словесной схоластикой. Кто цепляется за слова и говорит, что конгресс сделал шаг вправо, от

того мы требуем, чтобы он дал нам вполне точное определение того, что он понимает под правым и левым.

Мне незачем останавливаться на том, что некоторые весьма остроумные товарищи выставили гипотезу, по которой главными виновниками нынешнего «поправения» являются русские, потому что русские вступили теперь в торговые сношения с западными государствами и крайне заинтересованы в том, чтобы эти сношения не были нарушены европейской революцией и другими неприятностями. Я сам не слыхал этой гипотезы, так сказать, из первых рук, но злые языки уверяют, что нашлись и такие теоретики исторического развития, которые свою верность духу Маркса простирают до того, что и для русского поправения ищут экономических оснований. Мне кажется, товарищи, что они забрели в тупик. Ибо, оставаясь и на чисто материальной почве, мы, разумеется, должны будем признать, что революция в Германии, во Франции, в Англии принесет нам величайшую пользу, потому что наши довольно вялые торговые сношения с Западом никогда не дадут нам такой поддержки, какую мы могли бы получить от победоносной пролетарской революции. Эта последняя, прежде всего, освободила бы нас от необходимости содержать миллионную армию в нашей экономически столь разрушенной стране, и одно это обстоятельство принесло бы нам величайшее облегчение и вместе с тем возможность экономического восстановления.

Итак, эта гипотеза решительно никуда не годится и в этом отношении ничем не отличается от другого утверждения, согласно которому Русская Коммунистическая Партия будто бы настаивала в марте на том, чтобы в Германии искусственно была вызвана революция—для того, чтобы помочь Советской России справиться со своими внутренними затруднениями. Утверждение столь же нелепое, ибо частичная революция, восстание в одном каком-нибудь государстве решительно не могут нам помочь. Мы страдаем от распада производительных сил в результате империалистической и гражданской войны и блокады. Помочь нам может только присылка крупных вспомогательных технических сил, образцовых квалифицированных рабочих, паровозов, машин и т. д.—но ни в коем случае не частичные и безуспешные восстания в том или другом государстве. Что Советская Россия может продержаться и развиваться только при наличности мировой революции, об этом, товарищи, вы можете прочесть совершенно точно во всем, что мы когда-либо писали. Вы можете убедиться, что 15 лет тому назад мы писали, что в силу внутренней логики классовой борьбы в России русская революция неизбежно приведет к власти русский рабочий класс, но что

эта власть сможет удержаться и укрепиться в форме победоносной социалистической диктатуры только в том случае, если она станет исходным пунктом и составной частью интернациональной мировой революции пролетариата. Эта истина сохраняет свою силу и поныне. И поэтому Россия, как и всякая другая страна, может быть заинтересована только во внутреннем логическом развитии революционных сил пролетариата, а никак не в искусственном ускорении или замедлении революционного развития.

Некоторые товарищи выразили опасение, что такой постановкой вопроса мы льем воду на мельницу как раз центристских, пассивных элементов в рабочем движении. И эти опасения кажутся мне совершенно неосновательными. Ибо, во-первых, основы нашей деятельности остаются те же, которые на Первом конгрессе были установлены, на Втором—получили подробное теоретическое развитие, на Третьем — были подтверждены, расширены и наполнены конкретным содержанием. Эти основы определяют всю деятельность Коммунистического Интернационала. Если в эпоху Первого и Второго конгрессов мы осудили реформистские и центристские тенденции теоретически, то теперь этого уже недостаточно: теперь мы должны выработать революционную стратегию, чтобы преодолеть эти осужденные нами тенденции практически. В этом сущность вопроса. И в этом отношении некоторые коммунисты представляют себе дело слишком просто и потому неверно, воображая, будто революционный результат может быть достигнут беспрестанным повторением, что мы остаемся непримиримыми врагами всяких центристских тенденций. Конечно, мы ими остаемся. Всякий шаг на пути к примирению с пассивистическими тенденциями центризма и реформизма означал бы полный распад всего движения. Вопрос не в этом, а в том, как мы должны действовать, чтобы теоретически и организационно отмежеваться от всех центристских тенденций, где бы они ни появлялись. Это азбука. Спорить об этом внутри Коммунистического Интернационала было бы смешно. Разногласия могут возникнуть только в вопросе о том, следует ли выбросить из той или другой партии эти центристские элементы сегодня же, или целесообразнее выждать, дав им возможность развиться в революционном направлении. Подобные практические разногласия неизбежны во всякой живой партии. Но принципиальное признание необходимости вести смертельную борьбу с центризмом является предпосылкой для революционного развития сил коммунистической партии и рабочего класса. Тут нет вопроса. Считать это вопросом, стоящим на одной линии с практическими вопросами революционной стратегии, может только тот, кто еще не до конца понял, в чем

собственно состояло ядро революционных вопросов Третьего Конгресса.

Наши противники из центристского лагеря постараются, конечно, обратить в свою пользу сказанное нами. Они скажут: смотрите, там-то и там-то был выкинут лозунг решительного наступления, а теперь Третий конгресс провозгласил необходимость стратегического отступления. Естественно и неизбежно, что из каждого движения одной стороны противная сторона стремится извлечь пользу для себя. Так же обстоит дело и в настоящей войне. Когда во время гражданской войны Деникин или Колчак отступали, мы всегда писали в наших агитационных листках: смотрите, он не перешел Волгу, а отступил к Уралу. Мы писали это для того, чтобы поднять настроение борцов. Но если на том основании, что наш противник истолкует наше движение как отступление, мы заключили бы, что мы не должны двигаться туда-то, то это значило бы пожертвовать важнейшим ради второстепенных формальных соображений.

Я отдаю себе полный отчет в том, что защищать стратегию временного отступления на Конгрессе Молодежи чрезвычайно трудно. Ибо если кто-нибудь сознает свое право и внутреннюю необходимость вести наступление, то это, конечно, молодое поколение рабочего класса. Если бы это было не так, то наши дела были бы совсем плохи. Но я думаю, товарищи, что именно вам, молодому поколению, предназначено судьбою совершить революцию. Настоящая революция может развиваться еще годы и десятилетия. Не в том смысле, чтобы подготовка к решительной битве в Германии продолжалась десятилетия, нет, но там может произойти то же самое, что было у нас в России. В силу исторических условий победа досталась нам очень легко, но затем в течение трех лет мы были вынуждены непрерывно вести гражданскую войну, и теперь мы еще вовсе не уверены, что нам не грозит война на Дальнем Востоке с Японией или на Западе,—не потому, что мы хотим войны, а потому, что империалистическая буржуазия меняет свои методы. Сначала она боролась с нами военными методами, потом вступила с нами в торговые сношения, а теперь может опять прибегнуть к военному оружию. Как будут развиваться события в Германии и Франции, сказать довольно трудно, но что буржуазия не сдастся сразу, это вне всякого сомнения, и что революция когда-нибудь победит во всей Европе и во всем мире, это также не подлежит сомнению. Перспективы революции необозримы, и конечный фазис борьбы может растянуться на десятилетия. Что это означает? То, что именно молодое поколение, именно вы, присутствующие здесь, призваны историей довести до конца нашу борьбу. Может быть, и для ваших детей оста-

нется еще работа: не забудем, что великая французская революция, со всеми своими последствиями, продолжалась несколько десятилетий.

Таким образом вопрос о тактическом воспитании коммунистической молодежи получает первостепенную важность. В наше время молодое поколение должно созревать очень рано, потому что изнашивание человеческого материала происходит чрезвычайно быстро. Это мы наблюдаем у нас в России, это наблюдается и в Германии; и чем дальше, тем это явление будет становиться очевиднее. Поэтому крайне важно, чтобы Интернационал Молодежи относился с величайшей серьезностью к тактическим вопросам (как это и происходит), чтобы он исследовал и критиковал нашу тактику, даже, если угодно, находил ее недостаточно левой, но чтобы он видел в ней не проявление случайных настроений одной партии или группы, а рассматривал бы ее в связи со всей совокупностью задач революционного движения. По поводу нашей резолюции об организационных вопросах кто-нибудь мог бы сказать: посмотрите, здесь сказано, что необходимо увеличивать число абонентов коммунистических газет и вербовать в рабочих кварталах корреспондентов и сотрудников для коммунистической печати. Здесь сказано, что необходимо работать над расширением организаций, над укреплением коммунистических ячеек в профсоюзах. Разве это не мелочная работа, страшно напоминающая работу социал-демократических партий до войны? Да, это так, если вырвать этот вопрос из его исторической связи, если не понимать, что мы живем в такую эпоху, которая революционна по своему об'ективному содержанию, что мы представляем рабочий класс, который с каждым днем все больше убеждается, что только путем революции он может обеспечить себе элементарнейшие условия существования. Но, если забыть все это, а также то, что мы находимся в смертельной борьбе с социал-демократами и центристскими партиями и группами за влияние на рабочий класс, тогда, конечно, получится совершенно искаженное представление о тенденциях, тактике и организационных принципах Третьего конгресса.

Мы сейчас достаточно зрелы, чтобы не определяться во всех наших действиях нашей формальной противоположностью реформистам и центристам. Революционная задача стоит сейчас перед нами, как задача практическая. Мы спрашиваем себя: как мы должны вооружиться, какую линию занять, на какой линии задержаться для обороны, в какой момент перейти в наступление. Мы расширяем наши организации. Происходит ли это в области газетного дела, или даже парламентаризма, это сейчас имеет значение лишь постольку, поскольку создает условия для победы революционного восстания. В самом деле, как могли бы мы в бурную

эпоху массовых пролетарских восстаний обеспечить единство идеи и лозунгов, не имея широко разветвленных организаций корреспондентов, сотрудников и читателей революционных газет? И если для социал-демократической партии абоненты и корреспонденты ее газет важны, как условие ее парламентских успехов, то для нас, коммунистов, та же самая организация имеет значение практической предпосылки для победы революции.

С этой высшей точки зрения, товарищи, Третий Конгресс является громадным шагом вперед по сравнению с Первым и Вторым Конгрессами. Тогда, особенно в эпоху Первого Конгресса, можно было надеяться, что государственный аппарат буржуазии настолько расстроен войной, что мы сможем сокрушить буржуазное господство одним стихийным революционным натиском. Если бы это случилось, мы, разумеется, могли бы только поздравить себя с этим. Но этого не случилось. Буржуазия сумела выдержать натиск стихийного революционного движения масс. Она удержала свои позиции, восстановила свой государственный аппарат, прибрала к рукам армию и полицию. Таков неоспоримый факт, и он ставит нас перед задачей опрокинуть этот восстановленный государственный аппарат путем продуманного и организованного революционного наступления — наступления в историческом смысле этого слова, который включает в себя и временные отступления, и остановку для дальнейшей подготовки.

В применении всех возможных методов борьбы и заключается задача коммунистической партии. Если бы в этом не было необходимости, если бы пролетариат мог свергнуть буржуазию одним только бурным натиском, то коммунистическая партия вообще была бы не нужна. И то, что эта задача поставлена теперь, как практическая задача в мировом масштабе, и что Третий Конгресс после продолжительных и довольно страстных дебатов пришел к единодушному определению этой задачи,—это, товарищи, величайший факт нашей эпохи, факт существования интернациональной коммунистической рабочей партии, которая практически разрабатывает и единогласно принимает стратегический план для уничтожения буржуазного общества. И если вы кое-чем недовольны — на мой взгляд, неосновательно, — то вы, во всяком случае, должны включить ваше недовольство в рамки этого великого факта, этой великой победы. Тогда критика со стороны Интернационала Молодежи будет не тормозящим, а прогрессивным фактором.

Возможно, что уже в будущем году произойдут величайшие решающие битвы. Возможно, что период подготовки в главнейших странах будет продолжаться до следующего конгресса. Предсказать

заранее сроки политических событий невозможно. Третий Конгресс был высшей школой стратегической подготовки — может быть, Четвертый Конгресс подаст сигнал к мировой революции. Этого мы пока не знаем, но что мы сделали большой шаг вперед, что мы все вернемся с этого конгресса более зрелыми, чем явились на него, это совершенно ясно, и не для меня одного, надеюсь, а для нас всех. И когда дело дойдет до великих битв, в этих битвах очень большую роль будет играть молодежь. Вспомним Красную армию, в которой не только политически, но и в чисто военном смысле молодежь играла решающую роль. В самом деле, что такое Красная армия, товарищи? Не что иное, как вооруженная и организованная молодежь России. Что же мы делали, когда должны были итти в наступление? Мы апеллировали к организациям молодежи, и эти организации выполняли мобилизацию. Сотни и тысячи молодых рабочих и крестьян приходили к нам, и мы включали их как ячейки в наши полки. Так был создан дух Красной армии. И, если мы будем иметь такую же молодежь в Коммунистическом Интернационале,— а мы будем ее иметь, — если в дни решительных боев она вольется в наши ряды организованными полками, тогда то, что сейчас разделяет вас с «большим» Интернационалом — не столько по духу, сколько по настроению — вы сможете использовать на благо рабочего движения.

Товарищи, в самые страшные дни русской революции, когда Юденич стоял под Петроградом, и в тяжелые дни Кронштадта, когда эта крепость едва не сделалась крепостью французского империализма против Петрограда, русская рабоче-крестьянская молодежь спасла революцию. В буржуазных газетах вы можете прочесть о том, что против Юденича и Кронштадта мы пустили в ход китайские, калмыцкие и т. д. полки. Это, разумеется, ложь. Мы пускали в ход нашу молодежь. Наступление на Кронштадт было, в самом деле, символично. Кронштадт, как сказано, уже был готов перейти в руки французского и английского империализма. Еще два-три дня, и Балтийское море освободилось бы от льда, и в Кронштадтский и Петроградский порты вошли бы иностранные империалистические военные суда. Если бы мы были вынуждены затем отдать Петроград, то это открыло бы дорогу на Москву: между Петроградом и Москвой почти нет опорных пунктов для обороны. Таково было положение. К кому же мы обратились? Кронштадт со всех сторон окружен морем, а море было покрыто льдом и снегом. Приходилось по льду и снегу наступать с открытой грудью против крепости, которая была в достаточной мере снабжена пушками и пулеметами. Мы обратились к нашей молодежи, к тем рабочим и крестьянам, которые по-

лучают военное образование в наших военных школах. И они ответили на наш призыв бодрым «мы здесь» и пошли против пушек и пулеметов Кронштадта с открытой, не защищенной грудью. И, как прежде, перед Петроградом, так теперь на льду Балтийского моря можно было видеть много, много трупов молодых русских рабочих и крестьян. Они сражались за революцию, за то, чтобы мог быть созван настоящий Конгресс. И я уверен, что революционная молодежь Европы и Америки, гораздо более образованная и развитая, чем наша, в нужную минуту проявит не меньше, а гораздо больше революционной энергии, и от имени русской Красной армии я говорю: да здравствует Интернациональная революционная молодежь — Красная армия мировой революции!

Заключительное слово*).

Наиболее тяжкие упреки были сделаны Третьему Конгрессу итальянскими товарищами. Упреки эти направлялись главным образом против резолюции Конгресса относительно итальянской социалистической партии. Т.т. Транквилли [271]) и Поляно [272]) полагают, что эта резолюция запутывает положение в Италии, затуманивая сознание итальянских рабочих и не давая никаких практических результатов для будущего. По мнению т. Транквилли, от итальянской социалистической партии нечего ждать, потому что не только ее вожди — пацифисты и реформисты, но и идущие за ними массы не революционны. Я думаю, что такой взгляд на итальянскую социалистическую партию в корне ложен. Эта партия, бывшая прежде единой, раскололась, как известно, на три крыла: на реформистов — около 14 тысяч, об'единенных — около 100 тыс. и коммунистов — около 50 тысяч. Т. Транквилли говорит, что социалистическую партию покинуло около 40 тысяч членов, так что сейчас она насчитывает в своих рядах не более 60 тысяч человек, из которых половину составляют члены муниципальных советов. Я не знаю, насколько эти цифры точны; последнее число мне кажется сомнительным.

Я спрашиваю себя: почему эта партия послала свою делегацию в Москву? Ее вожди — оппортунисты, идущие за ней массы — также. Правда, партия принадлежала к Коммунистическому Интернационалу. Но в сентябре прошлого года она заняла реформист-

---

*) Некоторые повторения в этом заключительном слове по сравнению с сказанным автором на III Конгрессе Коминтерна, об'ясняется тем, что на Конгрессе Коминтерна Молодежи фактически продолжалась дискуссия по вопросам повестки дня III Конгресса. *Прим. ред.*

скую позицию. Исполнительный Комитет Коминтерна заявил, что в Италии только коммунистическая партия является секцией III Интернационала. Таким образом социалистическая партия сама исключила себя из его рядов. Серрати и его друзья не сомневались, что Третий Конгресс подтвердит решение Исполнительного Комитета, и все-таки они посылают на этот Конгресс делегатов. К этому следует прибавить, что в правлении социалистической партии реформисты играют сейчас еще более значительную роль, чем до раскола. Реформистские вожди, Турати и Тревес [273]), приобретают сильное влияние в социалистических партиях. Они вступают в переговоры с Джиолитти. Социалистическая партия проделывает в этот период определенную эволюцию вправо. Ее парламентская фракция становится еще более реформистской, чем она была до последних выборов. Турати, истинный вождь и вдохновитель партии, начинает преследовать издевательством и клеветами Коммунистический Интернационал.

Как же об'яснить тот факт, что представители этой партии являются в Москву? Об'яснение, данное нашими молодыми итальянскими товарищами, нас не удовлетворяет. Если внепартийная масса относится с таким энтузиазмом к Коммунистическому Интернационалу, что даже толкает социалистов в Москву, то почему она не вступит в Коммунистический Интернационал? Я не понимаю эту слишком зигзагообразную политику итальянских рабочих. Я думаю, что вы ошибаетесь. Итальянский рабочий класс революционен, но его беспартийные массы не обладают достаточной отчетливостью мысли, и именно поэтому они не вступают в коммунистическую партию. По этой же причине они не оказывают и достаточно сильного давления на социалистическую партию. Расстояние от Рима до Москвы очень велико. И если вожди партии хотят доказать, что они за Москву, если они считают нужным расточать похвалы Москве, где их, впрочем, не очень горячо принимают, если все это они делают для того, как вы говорите, чтобы обмануть массы, то это доказывает лишь, что сами массы заставляют их итти на это лицемерие — не те массы, которые стоят за коммунистической партией, и не внепартийные массы, а масса рядовых членов самой социалистической партии. Вы приводите статистические данные, вы говорите, что из 100 тыс. членов этой партии только 60 тысяч—трудящихся, да из них 30 тысяч приходятся на членов муниципальных советов, служащих и т. д. Если эта последняя цифра не преувеличена, то следует признать, что эти служащие, толкающие Лаццари и Маффи [274]) к Москве, не из худших, и что стоит попытаться привлечь их к нам.

Здесь часто повторялась фраза о том, что перед итальянской социалистической партией дверь осталась открытой. Очевидно, представляют себе, что дверь раскрыта настежь и всякий может войти в нее. В действительности положение гораздо сложнее. Мы поставили условие: в течение двух—трех месяцев дверь остается закрытой, а затем итальянская социалистическая партия должна созвать партийный с'езд и публично обсудить ряд вопросов. Прежде всего, она должна исключить из своих рядов реформистов. Вы спросите: каких? Это ясно само собой—тех, которые не признают себя коммунистами, которые устроили конференцию в Реджио-Эмилия. Это условие совершенно определенное. Вы знаете лучше, чем я, как велико влияние Турати и Тревеса в итальянской социалистической партии. Если нашим постановлением мы заставим центристские и пацифистские элементы партии отделиться от Турати и Тревеса, то это будет обозначать полную капитуляцию всей партии. Центристские элементы доказали, что у них нет никакой политики, что они могут итти только на поводу—либо у коммунистов, либо у реформистов. Их самой характерной чертой является отсутствие характера. И это особенно характерно для Италии, где революционное движение носит очень стихийный характер.

Когда партии, исключенные из Третьего Интернационала, приходят к нам и говорят: мы хотим вернуться к вам,—мы им отвечаем: если вы готовы признать нашу платформу и изгнать из своей среды политических саботажников, то мы не отказываемся принять вас. Неужели это вас пугает, товарищи? Укажите в таком случае, как другим способом могли бы мы привлечь к себе рабочих, стоящих за этими вождями. Вы говорите: нужно ждать следующего выступления, когда социалистическая партия разоблачит себя очередным предательством, — тогда массы будут за нами. Вы предполагаете, следовательно, что итальянская партия не умеет извлекать уроков из опыта; нет необходимости дожидаться очередного предательства, чтобы освободиться от этих суб'ектов. Для того-то мы и создали Интернационал, чтобы уберечь итальянский пролетариат от нового сентябрьского испытания, от новых разочарований и от новых жертв. Именно таков, товарищи, смысл резолюции Третьего Конгресса Коминтерна: мы должны расширить базу наших выступлений, нашей активности.

Тов. Шиллер [275]) сказал: нам нужны только активные выступления, только ими мы завоюем массы. Он сказал, что масса создала аппарат революции. Это верно, но в Италии было достаточно выступлений, все последние годы были заполнены в Италии политическими стачками и восстаниями в городах и в деревнях, в ар-

мии и т. д. Вся страна была об'ята пламенем мятежа. Но недостаточно беспрестанно повторять слова «активное выступление», необходимо использовать эти выступления для создания почвы под революционными организациями, для отбора наиболее решительных элементов, необходимо все силы направить на подготовку. Но именно это и не было сделано: действия были, но не было подготовки к действиям. Вот чего не хотят понять товарищи.

Тов. Поляно сказал, что нужно было совершенно порвать с реформистскими партиями. Но вот вы сказали, тов. Поляно, что из 100 тыс. социалистической партии осталось только 60. Представьте же себе, что выбывшие 40 тысяч, уйдя из своей партии, не примкнули к вашей. Происшедший в партии раскол настроил их скептически, они выжидают. А те, что остались, делегируют Лаццари, Маффи и Рибольди в Москву. Если мы им теперь скажем: мы не хотим вас знать,—то, как вы думаете, какое впечатление произведет это на бывших членов партии, на те 40 тысяч, которые стали скептиками? Они заявляют нам о своем желании войти в Интернационал, а мы им отвечаем: нет, мы не хотим вас знать. Облегчит ли это вам задачу завоевания рабочих масс для Коммунистического Интернационала? Ни в коем случае! Это только укрепило бы консерватизм рабочей массы, и те же самые члены муниципальных советов образовали бы блок против вас, против Москвы, потому что не принять в Интернационал рабочих, которые хотят войти в него, значит нанести им жесточайшую обиду. Для рабочего вообще, а для итальянской социалистической партии в особенности, характерно то, что рабочий всегда питает доверие к той организации, которая его пробудила и воспитала. Этот организационный консерватизм имеет как свои положительные, так и свои отрицательные стороны. Если мы оттолкнем от себя рабочих, то усилим этим как раз его отрицательные стороны. Нет, такой политикой вы никогда не получите большинство среди итальянского пролетариата. Никогда! Тут в вас говорит сектантский дух, а не революционный.

Тот же товарищ, тов. Шиллер, говорил еще: перед нами тезисы о тактике, которые мы принимаем как дисциплинированные солдаты пролетарской армии, но которые были также приняты Лаццари и Серрати и которые доставят большое удовольствие даже Леви. Но, товарищи, что же это доказывает? Мы не можем отвергать те или другие тезисы потому только, что они нравятся тому или другому лицу. Если они хороши, то остается только поздравить себя с тем, что их принимает и Лаццари. А если они плохи, то нужно, прежде всего, это доказать. Тов. Шиллер сказал, что

нам нужны действия, но если вы прочтете тезисы, то убедитесь, что эта же мысль выражена в них с ясностью, нисколько не уступающей ясности мысли т. Шиллера, хотя он и выразился превосходно. Но т. Шиллер ошибается в одном: нам не хватало не действий, а подготовки к ним.

Я повторяю: почему вас так пугает, что Лаццари и Шмераль [277]) находят эти тезисы превосходными? Возможно одно из двух: либо Шмераль действительно приблизился к нам, либо он лицемерит. Во второе предположение я не верю, я думаю, что он поступает искренно. Но допустим на секунду, что он одобрил наши тезисы из лицемерия — почему, в таком случае, он это сделал? Потому, что он полагает, что стоящие за ним массы тянутся к Москве. В самом деле, предположим, что Шмераль такой же Маккиавели, как и Серрати,—о Лаццари я этого не могу сказать, но Серрати-то уж настоящий Маккиавели,—итак, предположим, что эти Маккиавели говорят: до сих пор мы повторяли, что III Интернационал делает крупные ошибки, но теперь мы должны признать, что он поступает правильно. Что это значит? Это значит, что стоящие за ними массы теперь за нас. Это значит, что у них больше нет аргументов против нас, что они не могут помешать своим массам влиться в наши ряды. Вы говорите, что ведь мы вырвали из их рук их оружие. Пожалуй, но они-то сами остаются. Серрати остается. Шмераль идет к нам. А мы сами разве не остаемся в Интернационале? Если Шмераль покажет, что он не придерживается тактики III Интернационала, разве мы побоимся разорвать с ним после того, как мы разорвали с центристскими и реформистскими партиями. Я совершенно не понимаю, чего вы боитесь.

Лапорт [278]). Раз Шмераль согласен с тезисами, значит эти тезисы не годятся.

Троцкий. Дорогой товарищ Лапорт, это-то вы и должны доказать. Вы должны доказать, что предложенная нами тактика неправильна.

Лапорт. Я бы это доказал, если бы у меня было время.

Троцкий. Я охотно бы выслушал вас по этому вопросу. Но если положение таково, что мы, т.-е. вся коммунистическая партия, выставили тезисы, проникнутые духом оппортунизма, духом Шмераля, то в таком случае нельзя говорить, что мы оставляем дверь открытой для Шмераля и Серрати. Ведь Шмераль и Серрати будут не одни, они будут вместе со всеми нами. И если мы плохие коммунисты, то, значит, такова вся наша коммунистическая семья, и нечего бояться их двух.

Голос с места. Тезисы недостаточно ясны.

Троцкий. Было бы, конечно, гораздо проще выбросить за окно все колеблющиеся элементы и сказать: мы останемся маленькой сектой, но зато мы будем совершенно чисты. Вы, с одной стороны, все время настаиваете на революционных действиях, а с другой стороны, хотите, чтобы партия состояла только из совершенно чистых элементов. Эти требования противоречивы, потому что революционные действия невозможны без масс, а масса не состоит из одних совершенно чистых элементов, это несомненно. Она стремится к революционному действию, но не потеряла еще доверия к Шмералю; права ли она, или нет, вопрос другой, но она все еще верит Шмералю. Перед нами, следовательно, такая альтернатива: либо отвергнуть Шмераля вместе с массой, либо принять его вместе с ней. А так как он принимает тезисы III Конгресса, то я полагаю, т. Лапорт, что в этом споре ошибается не Шмераль, а вы. Вы не стремитесь к расширению своей базы. Тактика не должна быть прямолинейна, она должна маневрировать, чтобы увлечь за собой массы. Это очень сложная задача. А вы говорите: нет, я останусь в своей семье, масса для меня недостаточно чиста; буду ждать, пока она вольется в нашу партию маленькими аптекарскими дозами.

Насколько я понимаю вашу тенденцию, вы стремитесь к более активной политике. Если бы мы жили в органическую эпоху медленного, постепенного развития, то я, пожалуй, согласился бы, что ваша тактика соответствует характеру эпохи. Но в наше время, когда совершаются величайшие события, масса воспитывается этими событиями. И мы должны приспособляться к обстановке, потому что, может быть, завтра в Италии наступит такой момент, когда коммунистическая партия должна будет действовать как партия массовая. Серрати и Лаццари, разорвавшие с реформистами, не будут иметь никакого ни личного, ни партийного влияния и войдут в коммунистическую партию вместе с массой, которая заставила их пойти к нам. И если тогда они будут проявлять антикоммунистические тенденции, вы сумеете выбросить их из партии.

Мне кажется, что этим исчерпываются все возражения, сделанные некоторыми товарищами. Нет, они приняли наши тезисы не только как дисциплинированные солдаты пролетарской армии, они приняли их и по внутреннему убеждению. К итальянским товарищам это относится в особенности. Последние события в Риме доказывают, что итальянский пролетариат не окончательно разочарован, что в нем жив революционный порыв. На такой основе можно позволить себе более смелую тактику, тактику, которая не боится охватить более широкие массы рабочих. К тому же вы не

должны забывать, товарищи, что итальянская партия не изолирована, что существует Исполнительный Комитет Коминтерна, который учитывает опыт всех партий. Если какая-нибудь социалистическая группа, вошедшая в вашу партию, станет для вас опасной, вы, даже оказавшись в меньшинстве,—что, впрочем, совершенно невозможно,—всегда можете апеллировать к Исполнительному Комитету.

Что касается развития Италии в ближайшем будущем, то я думаю, что наша тактика по отношению к социалистической партии не приведет ее окончательно в наши ряды, но и не останется безрезультатной, а вызовет раскол. Одно несомненно: в итальянской социалистической партии неизбежно образуется левое крыло, которое потребует исключения реформистов. Правая фракция партии будет против этого возражать, и в результате партия расколется. Вы скажете, что элементы, отколовшиеся от социалистической партии, будут недостаточно чисты для нас. Но тогда мы сможем еще раз в Исполнительном Комитете обсудить вопрос об их допущении в III Интернационал. Вы настаиваете на том, что между вами и ими нет ничего общего. Но мы не были бы коммунистической партией, если бы рассчитывали только на тех рабочих, которые индивидуально хотят итти с нами. Нет, такими способами вы никогда не привлечете на свою сторону большинство рабочего класса Италии. Исполнительный Комитет поможет вам завоевать большую фракцию итальянской социалистической партии. В наших рядах окажутся, пожалуй, таким образом и некоторые члены муниципальных советов; но они вам будут только полезны, потому что, завоевав власть, вы будете нуждаться в них при организации продовольственного дела и т. д. Я надеюсь, что через несколько месяцев сумею вас поздравить с приобретением нескольких десятков тысяч рабочих и нескольких сотен хороших муниципальных советников.

ШКОЛА РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ*).

(Третий Конгресс Коммунистического Интернационала.)

Материальные предпосылки революции.

Товарищи! Теория марксизма впервые установила внутреннюю обусловленность и закономерность исторического развития.

*) Речь на собрании активных работников Московской организации Р. К. П., состоявшемся в конце июля 1921 г.

В отношении к революциям теория Маркса, пером самого Маркса в предисловии к его труду «К критике политической экономии», установила, примерно, следующее положение: ни один общественный строй не сходит со сцены до тех пор, пока не разовьет производительных сил до максимума, допустимого данным общественным строем, и никакой новый общественный строй не появляется на сцене, если уже в старом общественном строе не заложены были для него необходимые хозяйственные предпосылки. Эта основная для революционной политики истина совершенно неоспоримо сохраняет для нас все свое руководящее значение и сейчас. Но марксизм не раз понимался механически, прямолинейно и потому ошибочно. Неправильные выводы можно оделать и из приведенного положения. Маркс говорит, что общественный строй должен сойти со сцены тогда, когда в его рамках производительные силы — техника, власть человека над природой, — не могут более развиваться. С точки зрения марксизма историческое общество, как таковое, есть организация коллективного, множественного человека с целью увеличения его власти над природой. Эта цель, конечно, не извне поставлена людям, но они сами в своем развитии борются за нее, приспособляясь к об'ективным условиям среды и все более и более повышая свою власть над стихийными силами природы. То положение, что для революции—для социальной, глубокой революции, а не для поверхностных политических переворотов, хотя бы и кровавых,—для социальной революции, которая один экономический строй сменяет другим хозяйственным строем, условия создаются только с того момента, когда старый социальный строй не дает больше простора развитию производительных сил,—это положение вовсе не означает, что старый общественный строй сам собою неизбежно рушится с того момента, с которого он становится реакционным в хозяйственном смысле, т.-е. с того момента, когда он задерживает развитие технического могущества человека. Вовсе нет, ибо если производительные силы являются основною движущею силой исторического развития, то это развитие, однако, совершается не помимо людей, а через них. Производительные силы — средство господства общественного человека над природою — складываются, правда, независимо от воли каждого отдельного человека и лишь в небольшой зависимости от общей воли людей, сегодня живущих, ибо техника представляет собою накопленный капитал, который мы получили от прошлого и который толкает нас вперед, а в известных условиях и задерживает нас,—но, когда производительным силам, технике становится слишком тесно в старых рамках, скажем, рабского, крепостного

или буржуазного общества, и когда для дальнейшего развития человеческого могущества необходима перемена общественных форм, тогда это совершается не само собою, как солнце всходит и заходит, а должно совершиться через людей, через борьбу людей, об'единенных в классы. На смену общественному классу, управлявшему старым обществом, которое стало реакционным, должен прийти новый общественный класс, который имеет программу нового общественного строя, отвечающего потребностям развития производительных сил, и готовность эту программу осуществить. Но вовсе не всегда так бывает, что когда данный общественный строй себя переживает, т.-е. когда он становится реакционным, то появляется новый класс, достаточно сознательный, организованный и сильный для того, чтобы сбросить старых хозяев жизни и проложить дорогу новым общественным отношениям. Это вовсе не всегда так бывает. Наоборот, в истории бывало не раз, что старое общество себя исчерпало, — например, римское рабское общество, а для него — древние азиатские цивилизации, где рабский фундамент не открывал места развитию производительных сил,— но в этом пережившем себя обществе не было нового класса, достаточно сильного, чтобы сбросить рабовладельцев и установить новый, крепостной строй, ибо крепостной строй, по сравнению с рабским, был уже шагом вперед. В свою очередь, в крепостном обществе не всегда находился в нужный час новый класс, буржуазия, чтобы сбросить крепостников и открыть дорогу историческому развитию. Не раз бывало в истории, что известное общество, нация, народ, племя, несколько племен и наций, живших в однородных исторических условиях, упирались в невозможность дальнейшего развития на данной хозяйственной основе, рабской, крепостной, но так как не было нового класса, который мог бы их вывести на большую дорогу, то они распадались, данная цивилизация, данное государство, данное общество разлагались. Таким образом человечество не всегда двигалось снизу вверх, по восходящей линии. Нет, бывали длительные периоды застоя и бывали рецидивы варварства. Общества поднимались вверх, достигали известного уровня, но на такой высоте не могли удержаться... Человечество не стоит на месте, его равновесие, вследствие классовой и национальной борьбы, неустойчиво, если нельзя двигаться вверх, общество падает вниз, и, если нет класса, который поднял бы его выше, оно распадается и открывает дорогу варварству.

Чтобы ясно представить себе этот крайне сложный вопрос, товарищи, недостаточно общих отвлеченных соображений, которые я сейчас развиваю. Молодым товарищам, мало искушенным

в этих вопросах, необходимо почитать исторические произведения, чтобы овладеть фактическим материалом по истории разных стран и народов, в частности и особенности по экономической истории. Только тогда возможно более конкретно и отчетливо представить себе внутреннюю механику общества. Эту механику нужно ясно понимать, чтобы правильно применять марксизм к тактике, т.-е. на практике классовой борьбы.

Вопросы революционной тактики.

Некоторые товарищи представляют себе дело слишком просто, поскольку речь идет о победе пролетариата. Мы имеем сейчас не только в Европе, но и в мировом масштабе, такое положение, когда мы, с точки зрения марксизма, можем сказать с абсолютной уверенностью, что буржуазный строй себя исчерпал до дна. Производительные силы в рамках буржуазного общества развиваться дальше не могут. Наоборот, то, что мы видим в течение последнего десятилетия, это распад, это разложение хозяйственных основ капиталистического человечества и механическое разрушение накопленных богатств. Мы живем теперь в условиях ужасающего, небывалого в мировой истории кризиса, который является не простым очередным, «нормальным кризисом», неизбежным в процессе развития производительных сил при капитализме, а означает распад и разложение производительных сил буржуазного общества. Тут могут быть и будут колебания вверх и вниз, но в общем, как я излагал товарищам в этом самом зале месяца полтора тому назад, кривая экономического развития идет через все колебания—не вверх, а вниз. Означает ли это, однако, что гибель буржуазии автоматически и механически предопределена? Нет. Буржуазия есть живой класс, который вырос на определенных хозяйственных, производственных основах. Этот класс есть не пассивный продукт экономического развития, а живая действующая активная историческая сила. Этот класс себя пережил, т.-е. стал самым страшным тормозом исторического развития. Но это вовсе не значит, что этот класс склонен к историческому самоубийству, что он готов сказать: «так как научная теория исторического развития признала меня реакционным, то я схожу со сцены». Об этом, конечно, не может быть и речи. С другой стороны, опять-таки вовсе не достаточно, чтобы коммунистическая партия признала буржуазный класс осужденным и подлежащим устранению, чтобы этим самым победа пролетариата была уже обеспечена. Нет, буржуазию нужно еще победить и повалить!

Если бы в рамках буржуазного общества мыслимо было в дальнейшем развивать производительные силы, то революция была бы вообще невозможной. Так как дальнейшее развитие производительных сил в рамках буржуазного общества немыслимо, то тем самым основное условие для революции на-лицо. Но революция сама по себе означает живую борьбу классов. Буржуазия, хотя бы и пришедшая в полное противоречие с потребностями исторического развития, все еще остается самым могущественным классом. Больше того, можно сказать, что политически буржуазия достигает наибольшего могущества, наибольшего сосредоточения сил и средств, политических и военных средств обмана, насилия, провокации, т.-е. расцвета своей классовой стратегии, в тот момент, когда ей ближе всего грозит социальная гибель. Война и ее страшные последствия,—а война возникла именно из того, что производительным силам некуда было больше развиваться в рамках буржуазного общества,—война и последствия войны, говорю, открыли перед буржуазией грозную опасность гибели. Это изощрило до последней степени ее инстинкт классового самосохранения. Чем больше опасность, тем больше класс, как и отдельный человек, изощряет свои жизненные силы для борьбы за самосохранение. Не забудем далее, что буржуазия оказалась лицом к лицу со смертельной опасностью после того, как она приобрела колоссальнейший политический опыт. Буржуазия создавала и разрушала всякие режимы. Она развивалась при чистом абсолютизме, при конституционной монархии, при парламентарной монархии, при демократической республике, при бонапартистской диктатуре, при государстве, связанном с католической церковью, при государстве, связанном с реформацией, при государстве, свободном от церкви, при государстве — гонителе церкви и пр. и пр. и пр... Весь этот разнообразнейший и богатейший опыт, который вошел в плоть и кровь правящих кругов буржуазии, ныне мобилизован ею для того, чтобы удержаться у власти во что бы то ни стало. И она действует с тем бо́льшей находчивостью, изощренностью, беспощадностью, чем яснее ее руководители сознают угрожающую им опасность.

С поверхностной точки зрения здесь как бы есть какое-то противоречие: мы буржуазию осудили судом марксизма, т.-е. судом научного познания исторического процесса признали ее пережившей себя, а в то же время она обнаруживает колоссальную живучесть. На самом деле тут никакого противоречия нет. Это и есть то, что в марксизме называется диалектикой. Суть дела состоит в том, что разные стороны исторического процесса — эконо-

мика, политика, государство, рост рабочего класса — не развиваются одновременно параллельными ниточками. Рабочий класс не развивается параллельно, точка в точку, по мере того, как растут производительные силы, а буржуазия вовсе не чахнет и не хиреет параллельно с тем, как растет и крепнет пролетариат. Нет, история идет иначе. Производительные силы развиваются прыжками, временами мчатся вперед, иногда дают отбой назад. Буржуазия, в свою очередь, развивалась толчками. Точно также и рабочий класс. В тот период, когда производительные силы капитализма достигли глухой стены, и дальше им некуда итти, — мы видим, как буржуазия собирает в своих руках армию, полицию, науку, школу, церковь, парламент, прессу, белые банды, натягивает крепко вожжи и мысленно говорит рабочему классу: «Да, мое положение опасно. Я вижу, что под моими ногами разверзается пропасть. Но мы посмотрим еще, кто в эту пропасть первым свалится. Может быть, перед моей гибелью, если даже она мне суждена, мне удастся свалить в бездну тебя, рабочий класс». Что это означало бы? Крушение европейской цивилизации в целом. Если бы буржуазия, исторически обреченная на гибель, нашла в себе достаточно силы, энергии, могущества, чтобы победить рабочий класс в страшной схватке, которая надвинулась, то это значило бы, что Европа обречена на экономическое и культурное разложение, как это произошло в прошлом со многими странами, нациями и цивилизациями. Другими словами, история привела дело к тому, что для спасения Европы и всего мира пролетарская революция стала безусловно необходима. История заложила основную предпосылку успеха этой революции—в том смысле, что общество не может дольше на буржуазных основах развивать свои производительные силы. Но этим история вовсе не берет на себя — за рабочий класс, за политиков рабочего класса, за коммунистов — разрешения всей задачи. Нет, она как бы говорит рабочему авангарду (представим себе на минуту историю в виде лица, над нами стоящего), она говорит рабочему классу: «Ты должен знать, что если ты буржуазию не повалишь, то погибнешь под обломками цивилизации. Попробуй, разреши эту задачу!». Таково сейчас положение вещей.

Мы видим, как в Европе, после войны, рабочий класс пытается полустихийно, полусознательно разрешить поставленную ему историей задачу. И тот практический вывод, к которому все мыслящие элементы рабочего класса в Европе и во всем мире должны были прийти за эти 3 года после окончания мировой войны, гласит: низвергнуть буржуазию, хотя бы и осужденную историей, не так легко и просто, как могло казаться.

Тот период, в котором находится Европа и весь мир, является, с одной стороны, эпохой распада производительных сил буржуазного общества, а с другой стороны, эпохой высшего расцвета контр-революционной стратегии буржуазии. Это надо ясно и отчетливо понять. Никогда контр-революционная стратегия, т.-е. искусство комбинированной борьбы против пролетариата всеми методами, от сладчайшей профессорско-поповской проповеди и до пулеметного расстрела стачечников, не достигала такой высоты, как сейчас.

Бывший американский статс-секретарь Лансинг [279]) в своей книге о Версальском мире рассказывает, что Ллойд-Джордж не знает географии, не знает экономики и пр., и пр. Мы склонны ему охотно в этом поверить. Но что тот же Ллойд-Джордж скопил в своей голове все навыки обмана и насилия над трудящимися, от самых изощренных и тонких и до самых кровожадных, усвоил себе весь опыт, который в этом отношении дала прошлая английская история, и все это развил и изощрил на опыте, который дали последние тревожные годы, это для нас совершенно несомненно. Ллойд-Джордж является в своем роде превосходным стратегом буржуазии, которой угрожает историческая гибель. И мы должны сказать, отнюдь не уменьшая этим ни настоящего, ни тем более будущего английской коммунистической партии, еще очень молодой, — мы должны сказать, что у английского пролетариата пока таких стратегов нет. Во Франции президент республики Мильеран, который когда-то принадлежал к партии рабочего класса, и Бриан, глава правительства, который когда-то распространял идею всеобщей стачки среди рабочих, — они весь богатый политический опыт французской буржуазии, и тот опыт, который они сами почерпнули в лагере пролетариата, поставили на службу делу буржуазии, как ее квалифицированные контр-революционные стратеги. В Италии, в Германии мы видим, с какой тщательностью буржуазия выдвигает из своей среды отдельных лиц или группы лиц, в которых сосредоточен весь опыт классовой борьбы буржуазии за ее развитие, обогащение, утверждение и самосохранение.

Школа революционной стратегии.

Задача рабочего класса — как европейского, так и мирового — состоит в том, чтобы продуманной до конца контр-революционной стратегии буржуазии противопоставить свою революционную стратегию, также продуманную до конца. Для этого нужно прежде-

всего ясно понять, что низвергнуть буржуазию автоматически, механически — только потому, что она осуждена историей, — не удастся. На сложном поле политической борьбы есть, с одной стороны, буржуазия со своими силами и средствами, а с другой стороны, рабочий класс, с разными своими слоями, настроениями, уровнями развития, со своей коммунистической партией, которая борется с другими партиями и организациями за влияние на рабочие массы. Коммунистическая партия, фактически все более становящаяся во главе рабочего класса Европы, должна в борьбе маневрировать, наступая, отступая, укрепляя свое влияние, завоевывая новые позиции, пока представится благоприятный момент, чтобы опрокинуть буржуазию. Повторяю: это сложная стратегическая задача, и последний конгресс поставил эту задачу во весь рост. С этой точки зрения можно сказать, что III Конгресс Коммунистического Интернационала был высшей школой революционной стратегии.

Первый Конгресс происходил в то время, когда после войны коммунизм только рождался, как европейское движение, и когда можно было с известным основанием считать и надеяться, что полустихийный напор рабочего класса опрокинет буржуазию, которая не успеет еще найти свою новую ориентировку и новые пункты опоры после войны. Такое настроение и ожидание в значительной мере оправдывалось тогдашним об'ективным положением вещей. Буржуазия была страшно запугана последствиями своей собственной военной политики, которая, в свою очередь, была ей навязана ее об'ективным положением. Я об этом говорил в своем докладе о мировом положении и повторяться сейчас не буду. Несомненно, во всяком случае, что в эпоху Первого Конгресса (1919 г.) у всех у нас — у одних больше, у других меньше — был расчет на то, что стихийный напор рабочих и отчасти крестьянских масс в самом близком будущем свалит буржуазию. И, действительно, напор был колоссальный. Число жертв было очень велико. Но буржуазия выдержала этот первый напор и именно потому снова укрепилась в своей классовой самоуверенности.

Второй Конгресс, в 1920 году, собирался на переломе; уже чувствовалось, что тут одним напором в несколько недель, в 1 — 2 — 3 месяца буржуазию не свалишь, что нужна более серьезная политическая и организационная подготовка. Но в то же время положение было очень острое. Как вы помните, Красная армия подступала к Варшаве, и можно было рассчитывать на то, что, ввиду революционного положения в Германии, Италии и др. странах, военный толчек, который конечно, не может иметь самостоятель-

ного значения, но как дополнительная сила, введенная в борьбу европейских сил, сдвинет лавину революции с временной мертвой точки. Этого не случилось. Мы были отбиты.

После Второго Конгресса Коммунистического Интернационала все больше и больше выяснялась необходимость более сложной революционой стратегии рабочего класса. Мы видим, как рабочая масса, приобревшая уже серьезный послевоенный опыт, сама толкается в этом направлении, и результатом этого является прежде всего тот факт, что коммунистические партии всюду растут. В первый период миллионы рабочих в Германии бросались штурмом на старое общество, почти не обращая внимания на союз спартаковцев. Что это значило? Рабочей массе казалось после войны, что теперь нужно потребовать, напереть, ударить — и многое, если не все, изменится. Вот почему миллионам рабочих представлялось, что незачем тратить свою энергию на построение коммунистической партии. Между тем в течение последнего года коммунистические партии в Германии и Франции — двух важнейших странах европейского континента — из кружков стали организациями, охватывающими сотни тысяч рабочих. В Германии — около 400.000, во Франции — 120 — 130 тыс., что для французских условий очень высокая цифра. Это обстоятельство показывает, насколько рабочая масса за этот период почувствовала, что без особой организации, где рабочий класс обдумывает свой опыт и делает из него выводы, — словом, без централизованного партийного руководства, — победить нельзя. В этом состоит огромное завоевание истекшего периода — в создании массовых коммунистических партий, к которым нужно причислить еще чехо-словацкую партию, насчитывающую 350.000 членов. (После об'единения с немецкой коммунистической организацией Чехо-Словакии, партия будет насчитывать до 400.000 при населении в 12 миллионов!)

Было бы, однако, ошибочно ожидать, что эти молодые коммунистические парти, едва возникнув, усвоили себе искусство революционной стратегии. Нет! Об этом слишком ярко свидетельствует тактический опыт последнего года. И третий с'езд с этим вопросом столкнулся вплотную.

Последний Конгресс, если говорить в самых общих чертах, имел перед собою две задачи. Одна состояла и состоит в том, чтобы очищать рабочий класс, и в том числе наши собственные коммунистические ряды, от таких элементов, которые *не хотят* борьбы, которые боятся борьбы, и свое нежелание борьбы, свою внутреннюю склонность к соглашению с буржуазным обществом, прикрывают теми или иными теориями. Очищение рабочего движения

в целом, а тем более коммунистических рядов, от реформистских, центристских, полуцентристских элементов и настроений имеет двоякий характер: если дело касается сознательных центристов, законченных соглашателей и полусоглашателей — прямое изгнание их из рядов коммунистической партии и рабочего движения; поскольку же дело касается неопределенных полуцентристских настроений — твердое руководящее воздействие на них и вовлечение таких элементов в революционную борьбу. Это первая задача Коммунистического Интернационала — очищение партии рабочего класса от элементов, которые не желают борьбы и тем самым парализуют борьбу пролетариата. Но есть вторая задача, которая не менее важна: *научиться искусству борьбы*, — искусству, которое вовсе не сваливается на рабочий класс или на его коммунистическую партию, как дар с небес. Искусству тактики и стратегии, искусству революционной борьбы можно научиться только на опыте, путем критики и самокритики. Мы говорили молодым коммунистам на III Конгрессе: «Товарищи, мы хотим не только героической борьбы, — мы хотим прежде всего *победы*. Мы видели не мало героической борьбы в Европе за последние годы, особенно в Германии. Мы видели в Италии широкую революционную борьбу, гражданскую войну с ее неизбежными жертвами. Конечно, не каждая борьба приводит к победе. Поражения неизбежны. Но эти поражения не должны происходить по вине партии. Между тем мы видели много явлений и приемов борьбы, которые не ведут к победе и не могут к ней вести, ибо они сплошь да рядом продиктованы революционным нетерпением, а не политической мыслью. Этим и определялась идейная борьба, которая была на III Конгрессе Интернационала. Должен, товарищи, оговориться, что эта борьба отнюдь не имела какого-либо ожесточенного, «фракционного» характера. Наоборот, на Конгрессе господствовала глубоко товарищеская, серьезная, деловая атмосфера, и идейная борьба имела характер строго принципиального и в то же время делового обмена мнений.

Конгресс был большим революционно-политическим Советом рабочего класса, и тут, на этом Совете, мы, представители разных стран, на опыте этих стран, с одной стороны, проверили и практически снова подтвердили и уточнили наши тезисы о необходимости очищения рабочего класса от элементов, которые не хотят борьбы и неспособны к борьбе, с другой стороны, мы впервые ребром и во всем об'еме поставили вопрос о том, что революционная борьба за власть имеет свои законы, свои приемы, свою тактику, свою стратегию, — и кто этим искусством не овладеет, тот не будет знать победы.

Центристские тенденции в итальянском социализме.

Задачи борьбы с элементами центристскими или полуцентристскими яснее всего встали на вопросе об Итальянской Социалистической партии. Вы знаете историю этого вопроса. Итальянская Социалистическая партия проделала значительную внутреннюю борьбу и раскол еще до империалистической войны. Это очистило ее от худших шовинистов. Кроме того, Италия вступила в войну 9-ю месяцами позже, чем другие страны. Это облегчило Итальянской Социалистической партии ее анти-военную политику. Партия не ударилась в патриотизм, а сохранила критическую позицию по отношению к войне и правительству. Это толкнуло ее на участие в анти-милитаристской конференции в Циммервальде [280]), хотя ее интернационализм имел довольно бесформенный вид. В дальнейшем авангард итальянского рабочего класса толкнул руководящие круги партии еще далее влево, и партия оказалась в Третьем Интернационале — вместе с Турати, который доказывает в своих речах и в своих статьях, что III Интернационал есть нечто иное, как дипломатическое оружие в руках Советской власти, которая, под видом интернационализма, ведет борьбу за «национальные» интересы русского народа. Разве не чудовищно слышать такие суждения из уст — с позволения сказать — «товарища» по III Интернационалу? Ненормальность вхождения Итальянской Социалистической партии в ее старом виде в Коммунистический Интернационал обнаружилась ярче всего в большом массовом действии, в сентябре прошлого года. Приходится сказать, что партия *предала* в этом движении рабочий класс. Если спросить, как и почему партия отступила и капитулировала осенью прошлого года, во время массовой стачки, во время захвата рабочими заводов, фабрик, поместий и т. д., если спросить, чего в этом предательстве было больше: злостного реформизма, нерешительности, политического легкомыслия или чего другого, то было бы трудно дать точный ответ. Итальянская Социалистическая партия после войны находилась под влиянием Коммунистического Интернационала, давая своему левому крылу возможность проявлять себя более громко, чем правому крылу, — что вполне соответствовало настроению рабочих масс, — но организационный аппарат был главным образом в руках центра и правого крыла. Агитация шла за диктатуру пролетариата, за власть Советов, за серп и молот, за советскую Россию и т. д. Итальянский рабочий класс в массе своей все это брал всерьез и вступил на путь открытой революционной борьбы. В сентябре прошлого года дело дошло до за-

хвата заводов и фабрик, шахт, латифундий и т. д. Но именно в тот момент, когда партия должна была сделать все политические и организационные, все практические выводы из своей агитации, она испугалась ответственности, отшатнулась назад, обнажила тыл пролетариата, — и рабочие массы были отданы под удары фашистских банд. Рабочий класс думал и надеялся, что партия, которая призывала его к борьбе, закрепит успех его натиска. А закрепить этот успех можно было, надежда на это была вполне обоснована, так как буржуазная власть была в это время деморализована и парализована, она не полагалась ни на армию, ни на полицейский аппарат. Естественно, повторяю, если рабочий класс думал, что стоящая во главе его партия доведет начатую борьбу до конца. Но в самый критический момент партия, наоборот, отходит назад, обезглавливая и обессиливая рабочий класс. Тогда стало совершенно и окончательно ясно, что в рядах Коммунистического Интернационала такого рода политики не должны иметь места. Исполнительный Комитет Интернационала поступил вполне правильно, когда, после происшедшего вскоре раскола в итальянской партии, признал, что только левое, коммунистическое крыло является секцией Коммунистического Интернационала. Тем самым партия Серрати, т.-е. руководящая часть старой Итальянской Социалистической партии, была поставлена вне Коммунистического Интернационала. К сожалению, — это об'ясняется особыми неблагоприятными условиями, но, может быть, и ошибками с нашей стороны, — к сожалению, Коммунистическая партия Италии в период своего образования получила в свои ряды менее 50.000 членов, в то время как партия Серрати сохранила около 100.000 членов, из них тысяч 14 определенных реформистов, составляющих организованную фракцию (они имели свою конференцию в Реджио-Эмилио). Разумеется, 100.000 рабочих, входящих в Социалистическую партию, ни в каком случае не являются нашими противниками. Если мы не сумели до сих пор вовлечь их целиком в наши ряды, то тут не без нашей вины. Правильность этой мысли доказывается тем, что исключенная из Интернационала Социалистическая партия Италии послала на наш Конгресс 3 своих представителей. Что это значит? Правящие круги партии своей политикой поставили себя вне Интернационала, а рабочая масса заставляет их снова и снова стучаться у дверей Интернационала.

Рабочие-социалисты этим самым показали, что они революционно настроены и хотят быть с нами. Но они послали людей, которые своим поведением обнаружили, что они не усвоили себе

идей и методов коммунизма. Этим итальянские рабочие, входящие в состав партии Серрати, показали, что, будучи в своем большинстве революционными по настроению, они не достигли необходимой политической ясности. Был у нас на Конгрессе старик Лаццари. Это в личном смысле очень привлекательная фигура, безусловно честный, старый борец, человек безупречный, но ни в каком случае не коммунист. Он весь во власти демократических, гуманитарных, пацифистских воззрений. Он отвечал на Конгрессе: «Вы преувеличиваете значение Турати. Вы преувеличиваете значение наших реформистов вообще. Вы требуете от нас, чтобы мы их исключили. Но как же мы можем исключить их, раз они подчиняются партийной дисциплине? Если бы они дали нам, — говорил Лаццари, — какой-нибудь *факт* открытого противодействия партии, если бы они вступили в правительство против нашего решения, если бы они голосовали за военный бюджет против нашего постановления, тогда мы могли бы их исключить. Но не иначе». Мы приводили ему статьи Турати, которые целиком направлены против азбуки революционного социализма. Лаццари возражал, что эти статьи не дают *фактов*, что у них-де есть свобода мнений в партии и пр. и пр. На это мы опять-таки ему отвечали: Позвольте, если вам для исключения Турати нужно, чтобы он совершил «факт», т. е. взял портфель у Джиолитти, то нет никакого сомнения в том, что Турати, который является *умным* политиком, никогда такого шага не сделает. Потому что Турати вовсе не является низкопробным карьеристом, который только и стремится получить портфель. Турати — закаленный соглашатель, непримиримый враг революции, но в своем роде это идейный политик. Он хочет во что бы то ни стало спасти буржуазно-демократическую «цивилизацию» и победить для этого революционное течение в рабочем классе. Когда Джиолитти ему предлагает портфель, — а это, вероятно, происходило не раз в укромных местах, — Турати ему отвечает, примерно, так: «Если бы я взял портфель, то это был бы тот самый «факт», о котором говорил Лаццари. Как только я бы взял портфель, меня поймали бы на этом «факте» и выгнали бы из партии. А как только меня выгонят из партии, я тебе, кум Джиолитти, тоже не понадоблюсь, ибо я тебе нужен лишь до тех пор, пока я связан с большой рабочей партией, — стало быть, после изгнания из партии ты меня выгонишь из министерства. Поэтому я и не возьму в руки портфеля, не дам Лаццари «факта» и останусь фактическим руководителем социалистической партии». Вот примерное рассуждение Турати, — и он прав, он гораздо дальновиднее, чем идеалист и пацифист

Лаццари. «Вы переоцениваете группу Турати, — говорил Лаццари.—Это небольшая группа, по французскому выражению, «величина, которой можно пренебречь». На это мы ему отвечали: «А вы знаете, что в то самое время, когда вы тут на трибуне московского Интернационала, выступаете с требованием, чтобы вас допустили в наши ряды, Джиолитти по телефону спрашивает Турати: «Знаешь ли ты, друг, что Лаццари поехал в Москву, и что он там, может быть, даст от имени твоей партии какие-нибудь опасные обязательства русским большевикам?». Знаете, что отвечает на это Турати? Он наверно отвечает: «Не беспокойся, дружище Джиолитти, наш Лаццари — это quantité négligeable, величина, которою можно пренебречь». И он несравненно более прав, нежели Лаццари.

Таков был наш диалог с колеблющимися представителями значительной части итальянских рабочих. В конце концов было решено пред'явить итальянским социалистам ультиматум: созвать в три месяца партийный с'езд, на этом с'езде исключить всех реформистов (которые сами себе произвели перекличку тем, что собрались на конференцию в Реджио-Эмилио) и об'единиться с коммунистами на основе решений III Конгресса. Каковы будут непосредственные практические результаты этого решения — с точностью предсказать нельзя. Все ли серратианцы придут к нам? Сомневаюсь. Но этого и не требуется. Среди них есть такие, которые нам не нужны. Но шаг, сделанный Конгрессом, был правильным. Он имеет своею задачею отвоевать рабочих, внеся в ряды колеблющихся вождей раскол.

Итальянский коммунизм — его затруднения, его задачи.

В среде делегатов итальянской Коммунистической партии, а также представителей молодежи нашлись, однако, очень ожесточенные критики этого шага. Больше всего итальянские коммунисты, преимущественно с левым уклоном, критиковали Конгресс за то, что он «открыл двери» серратианцам, оппортунистам и центристам. Это выражение: «Вы открыли двери Коммунистического Интернационала», повторялось десятки раз. Мы указывали им: «Товарищи, у вас пока около 50 тысяч рабочих, а у серратианцев — около ста тысяч: нельзя же на этом результате успокаиваться». Они несколько оспаривали цифры, указывали, что были массовые выходы из социалистической партии, — что вполне возможно, — но главный довод их был такой: «вся масса социалистической партии — не только вожди ее — является реформистской, оппортуни-

стической». Мы спрашивали: «каким же образом, зачем и почему они послали сюда в Москву Лаццари, Маффи и Рибольди?». Молодые итальянские коммунисты дали мне на это весьма неопределенный ответ: «Дело, видите ли, в том, что итальянский рабочий класс *в целом* тяготеет к Москве и толкает туда оппортунистическую партию Серрати». Тут явная натяжка. Если бы дело обстояло так, что итальянский рабочий класс в целом стремится в Москву, то ведь двери в Москву ему раскрыты—это итальянская Коммунистическая партия, входящая в Интернационал. Почему же итальянский рабочий класс выбирает такой кружный путь в Москву, толкая туда партию Серрати, вместо того, чтобы попросту войти в Коммунистическую партию Италии? Совершенно очевидно, что все эти возражения левых коммунистов были ошибочны и вытекали из недостаточно глубокого понимания основной задачи — необходимости овладеть авангардом рабочего класса и, прежде всего, теми рабочими, вовсе не худшими, которые остаются в рядах Социалистической партии Италии. Именно эти рабочие привели Лаццари в Москву. Ошибка «левых» вытекает из особого революционного нетерпения, которое мешает видеть важнейшие подготовительные и предварительные задачи и сплошь и рядом глубочайшим образом вредит интересам дела. Некоторым «левым» кажется, что раз непосредственная задача состоит в том, чтобы опрокинуть буржуазию, то стоит ли останавливаться в пути, вести переговоры с серратианцами, открывать двери рабочим, которые идут за Серрати и пр., и пр.? А между тем — это сейчас главная задача. И это вовсе не простая задача. Тут нужны и переговоры, и борьба, и увещания, новые об'единения и, вероятно, новые расколы. А некоторые нетерпеливые товарищи хотели бы просто повернуться к этой задаче, а следовательно, и к рабочим-социалистам спиной. Кто, мол, за III Интернационал, пусть прямо вступает в нашу коммунистическую партию. Это на вид самое простое разрешение вопроса, но по существу—это обход вопроса, ибо вопрос состоит именно в том, *как, какими методами* привлечь рабочих-социалистов в коммунистическую партию. Эта задача не решается автоматическим «закрытием дверей» Интернационала. Ведь итальянские рабочие знают, что Социалистическая партия тоже была в Коммунистическом Интернационале. Ее вожди говорили революционные речи, звали к борьбе, к Советской власти и довели до сентябрьской стачки, до захвата фабрик и заводов. Потом капитулировали, не приняв боя, в то время, как рабочие боролись. Ныне авангард итальянского пролетариата перерабатывает этот факт в своем сознании. Рабочие видят, что из Социалистической

партии выделилось коммунистическое меньшинство, которое обращается к ним с такими же или почти с такими же речами, с какими вчера обращалась к ним партия Серрати. Рабочие говорят себе: «надо подождать, надо посмотреть, что это означает, надо проверить... Другими словами, они требуют, может быть, не вполне оформленно и сознательно, но по существу очень настойчиво, чтобы новая, коммунистическая партия *на деле* себя обнаружила, чтобы вожди ее на опыте показали, что они сделаны из другого теста, чем вожди старой партии, что они неразрывно связаны с массами в их борьбе, как бы тяжки ни были условия этой борьбы. Нужно делом и словом, словом и делом завоевать доверие десятков тысяч рабочих-социалистов, которые пока еще находятся на перепутьи, но которые хотят быть в наших рядах. Если к ним просто повернуться спиной, будто бы во имя немедленного свержения буржуазии, то этим можно причинить не мало вреда революции, а, между тем, именно в Италии условия очень благоприятны для победоносной революции пролетариата уже в близком будущем.

Представьте себе на минуту,—только для примера,—что итальянские коммунисты, скажем, в мае этого года призвали бы итальянский рабочий класс к новой всеобщей стачке и восстанию. Если бы они сказали: так как Социалистическая партия, из которой мы вышли, обанкротилась в сентябре, то мы, коммунисты, должны теперь во что бы то ни стало смыть это пятно и повести рабочий класс немедленно на решающий бой. На поверхностный взгляд могло бы показаться, что именно таков долг коммунистов. Но на деле это не так. Элементарная революционная стратегия говорит, что такой призыв был бы в данных условиях безумием и преступлением, потому что рабочий класс, который в сентябре жестоко обжегся под руководством Социалистической партии, не поверил бы, что можно с успехом повторить этот опыт в мае, под руководством Коммунистической партии, с которой он не успел еще, как следует, познакомиться. Основная вина Социалистической партии состояла в том, что она «призывала» к революции, не делая из этого надлежащих выводов, т.-е. не подготовляясь на деле к революции, не раз'ясняя передовым рабочим вопросов, связанных с завоеванием власти, не очищая своих рядов от тех, которые не хотят завоевания власти, не подбирая и не воспитывая надежные кадры боевиков, не создавая ударные ячейки, способные владеть оружием и захватить его в нужную минуту... Словом, *Социалистическая партия призывала к революции, но не готовилась к ней.* Если бы итальян-

ские коммунисты просто призвали сейчас к революции, они повторили бы ошибку социалистов — только в несравненно более трудных условиях. Задача нашей братской партии в Италии — *подготовить* революцию, т.-е. прежде всего завоевать большинство рабочего класса и организовать надлежащим образом его авангард. Тот, кто нетерпеливую часть итальянских коммунистов одергивал бы назад и говорил: прежде, чем призвать к восстанию, отвоюйте рабочих-социалистов, произведите чистку в профессиональных союзах, выдвиньте там коммунистов, вместо оппортунистов, на ответственные посты, завоюйте массу,—кто так говорил бы, тот внешним образом как бы тянул коммунистов назад; но на самом деле он этим самым указывал бы действительный путь к победе революции.

Опасения и подозрения крайних «левых».

Все сказанное, товарищи, азбучно с точки зрения серьезного революционного опыта. Но некоторые «левые» элементы Конгресса видели в такой тактике передвижку «вправо», а у иных молодых революционных товарищей, без опыта, но полных энергии и готовности к борьбе и самопожертвованию, буквально волосы встали дыбом на голове, когда они услышали первые критические и предостерегающие речи со стороны русских товарищей. Из этих молодых революционеров некоторые, как рассказывали, целовали советскую землю, когда переступали границу. И хотя мы пока еще слишком плохо обрабатываем нашу землю, чтобы сделать ее достойной таких поцелуев, но мы понимаем революционный энтузиазм наших молодых иностранных друзей. Им кажется, что это стыд и позор, что они так запоздали и до сих пор не совершили своей революции. Они являются с этими чувствами в зал Николаевского дворца — и что же? — там выступают русские коммунисты, которые не только не требуют немедленного призыва к восстанию, но, наоборот, всячески предостерегают против авантюр и настаивают на привлечении рабочих-социалистов, на завоевании большинства трудящихся, на тщательной подготовке.

Некоторые крайние левые даже решили, что тут дело не спроста. Полувраждебные элементы — как делегаты так наз. Рабочей Коммунистической Партии Германии (эта группа входит в Интернационал с совещательным голосом)—стали рассуждать в том смысле, что в недавнее время российская Советская власть действительно надеялась на революцию в Европе, и на этом строила свою политику, а потом терпение ее вышло, она стала

заключать торговые договоры и развернула через свой Наркомвнешторг широкую мировую торговлю. Торговля же—дело серьезное и требует спокойных и мирных отношений. Давно известно, что революционные потрясения вредят торговле и, с точки зрения комиссариата тов. Красина [281]), мы, видите ли, заинтересованы в том, чтобы по возможности отстрочить и отдалить революцию. (Всеобщий смех.) Товарищи, я очень жалею, что ваш дружный смех не может быть по радио передан некоторым крайне левым товарищам в Германию и Италию. Гипотеза о нашей наркомвнешторговской оппозиции против революционных потрясений тем более курьезна, что не далее как в марте этого года, когда в Германии разыгрались трагические бои, к которым я сейчас перейду, — бои, которые закончились тяжелым поражением части немецкого рабочего класса,—немецкие буржуазные и социал-демократические газеты, а за ними и печать всего мира, вопили, что мартовское восстание вызвано приказом из Москвы, что Советская власть, переживавшая в то время трудные дни (крестьянские волнения, Кронштадт и пр.) отдала, видите ли, для своего спасения приказ устраивать восстания независимо от обстановки в каждой данной стране. Глупее этого ничего выдумать нельзя! Но не успели товарищи делегаты доехать из Рима, Берлина, Парижа до Москвы, как возникла новая теория, но уже на другом, крайне левом крыле,—теория о том, что мы не только не «приказываем» устраивать восстания немедленно и независимо от внешней обстановки, но, наоборот, заинтересованные великолепным оборотом нашей торговли, заботимся об отсрочке революции. Какая из этих двух противоположных глупостей глупее—решить не легко. Если мы виноваты в мартовских ошибках,—поскольку тут можно говорить о вине,—то только в том смысле, что Интернационал в целом, и в том числе наша партия, до сих пор совершили недостаточную воспитательную задачу в области революционной тактики и потому не устранили возможности столь ошибочных действий и методов. Мечтать же о полном устранении ошибок было бы вообще наивностью...

Мартовские события в Германии.

Вопрос о мартовских событиях занимал на с'езде в известном смысле центральное место и не случайно: из всех коммунистических партий Германская является одной из наиболее мощных и подготовленных теоретически, а в отношении революционной очереди — если можно так выразиться — Германия стоит во всяком случае в первом ряду... Внутренние условия Германии, как по-

бежденной страны, наиболее благоприятны для революции. Численность и хозяйственная роль германского пролетариата вполне способны обеспечить победу этой революции. Естественно, если методы борьбы германской коммунистической партии приобретают международное значение. На почве Германии пред нами прошли с 1918 г. самые крупные события революционной борьбы, и тут плюсы и минусы можно проанализировать на живом опыте.

В чем состояли мартовские события? Средне-германские пролетарии, рабочие горно-промышленного района, представляли собой до недавнего времени, и еще во время войны, одну из наиболее отсталых частей германского рабочего класса, — они шли в большинстве не за социал-демократами, а за буржуазно-патриотическими и церковными кликами, были верны императору и пр. Условия их жизни и труда были исключительно тяжкие. По отношению к рабочим Берлина они занимали такое же место, какое у нас занимали, скажем, отсталые уральские округа по сравнению с питерскими рабочими. В революционную эпоху нередко случается так, что наиболее придавленная и отсталая часть рабочего класса, впервые пробужденная громом событий, вносит в борьбу величайшую энергию и проявляет готовность драться при всяких условиях, далеко не всегда считаясь при этом с обстановкой и возможностью победы, т.-е. с требованиями революционной стратегии. В то время, как, напр., берлинские или саксонские рабочие, после опыта 1919—1920 г.г., стали гораздо более осторожны, в чем есть минусы, есть и плюсы, средне-германские рабочие продолжают вести линию бурных выступлений, стачек и демонстраций, вывозя на тачках мастеров, устраивают в рабочее время митинги и т. п. Разумеется, это несовместимо со священными задачами республики Эберта. Немудрено, что эта консервативно-полицейская республика, в лице своего полицейского агента, социал-демократа Герзинга, решила произвести там некоторую «чистку», т.-е. выгнать наиболее революционные элементы, арестовать кое-кого из коммунистов и проч.

Центральный Комитет Германской Коммунистической Партии как раз в этот период (середина марта) подошел вплотную к мысли, что необходимо проводить более активную революционную политику. Германская партия, как вы помните, незадолго до этого создалась из старого союза спартаковцев и большинства партии независимых и тем самым практически подошла к вопросам массовых действий. Мысль о том, что необходимо переходить к более активной политике, была безусловно правильна. Но какое выра-

жение она получила на деле? В тот момент, когда появился приказ полицейского социал-демократа Герзинга[282]), который требовал от рабочих того, чего не раз тщетно требовало у нас правительство Керенского: чтобы не устраивали митингов в рабочее время, чтобы относились к заводскому имуществу, как к священному достоянию, и пр., — Центральный Комитет Коммунистической Партии пускает призыв к всеобщей забастовке на помощь рабочим Средней Германии. Всеобщая забастовка—не такое дело, на которое рабочий класс поднимается легко, по первому призыву партии,— особенно, если у него в прошлом ряд поражений, — тем более в стране, где, на-ряду с коммунистической, имеются две массовые социал-демократические партии, и где аппарат профсоюзов—против нас. Между тем, если мы проследим центральный орган коммунистической партии «Rote Fahne» за весь этот период, изо дня в день, то увидим, что призыв ко всеобщей стачке был совершенно неподготовлен. В Германии было за время революции не мало кровопусканий, и полицейский поход на Среднюю Германию не мог сам по себе сразу поставить на ноги весь германский рабочий класс. Серьезному массовому выступлению должна была бы, очевидно, предшествовать широкая энергичная агитация с определенными лозунгами, бьющая в одну точку, и эта агитация лишь в том случае могла бы привести к более решительным призывам к действию, если бы она позволила прощупать, что масса уже захвачена за живое и готова итти вперед по пути революционного действия. Это азбука революционной стратегии, но именно эта азбука была нарушена во время мартовских событий целиком. Полицейские батальоны не успели дойти до заводов Средней Германии и до шахт, как там действительно последовала общая стачка. Я уже сказал, что в Средней Германии готовность к немедленной борьбе была на-лицо, и призыв Ц. К. был немедленно подхвачен. Совсем не то оказалось во всей остальной стране. Ни внешнее, ни внутреннее положение Германии вовсе не обусловливало такого внезапного перехода к активности. Масса просто не поняла призыва.

Между тем некоторые очень влиятельные теоретики коммунистической партии Германии, вместо того, чтобы признать ошибочность призыва, в об'яснение его, выдвинули такую теорию, что мы должны в революционную эпоху вести исключительно политику оффензивы, т.-е. политику революционного наступления. Таким образом мартовское выступление преподносится массе в качестве наступления. Оцените теперь всю обстановку в целом. Наступление открывает на самом деле полицейский социал-демократ Герзинг.

Этим нужно воспользоваться, чтобы об'единить всех рабочих в защите, в обороне, в отпоре, хотя бы сначала и в скромном отпоре. Если почва благоприятна, агитация встречает благоприятный отклик,—перейти ко всеобщей стачке. Если события развертываются далее, масса встает, связь рабочих крепнет, настроение поднимается, в лагере противников—нерешительность или расслоение,—дать лозунг перехода в наступление. Если же почва оказывается неблагоприятной, условия и настроение масс не отвечают более решительным лозунгам—дать отбой, по возможности организованно отступить на прежние позиции, — сделав при этом то завоевание, что мы прощупали рабочую массу, усилили ее внутреннюю связь и, что самое важное, увеличили авторитет партии, как мудрого вождя при всякой обстановке. Что же делает руководящий центр немецкой партии? Он как бы придирается к первому поводу, и прежде чем этот повод становится известен рабочим и усваивается ими, Ц. К. бросает лозунг всеобщей стачки. И прежде чем партии удалось поднять рабочих Берлина, Дрездена, Мюнхена на поддержку рабочих Средней Германии,—а этого можно было, может быть, достигнуть в течение нескольких дней, если бы, не перепрыгивая через события, планомерно и твердо вести массу вперед,—прежде чем партия эту работу выполнила, провозглашается, что наше выступление есть оффензива.... Это уже значило срывать все дело и заранее парализовать движение. Совершенно очевидно, что в этой стадии оффензива шла целиком со стороны врага. Нужно было использовать моральный элемент *обороны*, нужно было призывать пролетариат всей страны спешить на помощь рабочим Средней Германии. Форма поддержки могла быть различной на первых порах, прежде чем партия смогла бы дать обобщающий действенный лозунг. Задача агитации состояла в том, чтоб поднимать массу, концентрировать ее внимание на средне-германских событиях, политически сломить сопротивление рабочей бюрократии и тем обеспечить действительно *всеобщий* характер стачки, как возможной основы дальнейшего развития революционной борьбы. А что получилось вместо этого? Революционное и активное меньшинство пролетариата оказалось противопоставлено в действии большинству, прежде чем это большинство успело отдать себе отчет в смысле событий. Когда партия столкнулась с пассивностью и выжидательностью рабочего класса, нетерпеливые элементы сделали кое-где попытку уже не путем агитации, а путем механических мер — выгнать на улицу большинство рабочих. Конечно, если большинство рабочих за стачку, оно всегда может принудить к ней меньшинство, на-

сильственно закрывая заводы и осуществляя всеобщую стачку на деле. Это бывало не раз, и будет всегда, и только дурачки могут против этого возражать. Но, когда подавляющее большинство рабочего класса не отдает себе ясного отчета в движении или не сочувствует ему, или не верит в его успех, а меньшинство рвется вперед и пытается механическими средствами выгнать рабочих на стачку, тогда это нетерпеливое меньшинство может, в лице партии, враждебно столкнуться с рабочим классом и расшибить себе голову *).

Стратегия германской контр-революции и авантюристские элементы слева.

Возьмите под этим углом зрения всю историю германской революции. В ноябре 1918 г. происходит низвержение монархии, и в порядок дня становится революция пролетариата. В январе 1919 г. происходят кровавые революционные бои пролетарского авангарда против режима буржуазной демократии; эти бои повторяются в марте 1919 г. Буржуазия быстро ориентируется и вырабатывает свою стратегию: она громит пролетариат по частям. При этом гибнут лучшие вожди рабочего класса — Роза Люксембург и Карл Либкнехт. В марте 1920 г., после попытки Капповского контр-революционного переворота, сметенного всеобщей стачкой, происходит новое частичное восстание, вооруженная борьба рабочих рурской каменно-угольной области. Движение заканчивается новым поражением и новыми неисчислимыми жертвами. Наконец, в марте 1921 г. новая гражданская война — опять частичная — и новое поражение.

Когда в январе и марте 1919 г. немецкие рабочие частично восстали, были разбиты и потеряли лучших вождей, мы, памятуя о нашем собственном опыте, говорили: это июльские дни немецкой Коммунистической партии. Вы все помните июльские дни в Петербурге, в 1917 году... Питер обогнал тогда страну, рванулся один вперед, провинция его недостаточно поддержала, а в армии у Керенского нашлись еще отсталые полки, чтобы задавить движение. Но в самом Питере подавляющее большинство пролетариата было уже с нами. Июльские дни в Петербурге стали предпосылкой

*) Бывший председатель Ц. К. Коммунистической партии, Пауль Леви, выступил с критикой тактики партии в мартовских событиях. Но своей критике он придал совершенно недопустимый дезорганизаторский характер и принес делу не пользу, а вред. Внутренняя борьба привела к исключению Леви из партии и подтверждению этого исключения со стороны Конгресса Интернационала.

октября. Правда, и мы в июле делали кое-какие глупости. Но мы их не возводили в систему. На январские и мартовские бои 1919 г. мы смотрели, как на немецкий «июль». Но затем последовал в Германии не «октябрь», а март 1920 г. — новое поражение, не говоря уже о более мелких частичных поражениях и о систематическом истреблении лучших местных вождей немецкого рабочего класса. Когда мы, говорю, наблюдали мартовское движение 1920 г., затем — мартовское движение 1921 г., мы не могли не сказать: нет, слишком много в Германии июльских дней, — мы хотим октября.

Да, нужно подготовить германский октябрь — победу немецкого рабочего класса. И вот здесь вопросы революционной стратегии и встают перед нами в полном об'еме. Совершенно ясно и очевидно, что немецкая буржуазия, т.-е. ее руководящая клика, развернула свою контр-революционную стратегию до конца: она провоцирует отдельные части рабочего класса на выступления, она изолирует их в отдельных областях, она подстерегает их со взведенным курком и всегда метит в голову, в лучших представителей рабочего класса. На улице или в застенке, в открытом бою или при мнимой попытке к побегу, от руки военного суда или нелегальной банды гибнут единицы, десятки, сотни, тысячи коммунистов, воплощающих лучший опыт пролетариата, — это стратегия, строго рассчитанная, хладнокровно проводимая, опирающаяся на весь опыт господствующего класса.

И вот в этих условиях, когда немецкий рабочий класс в целом инстинктивно чувствует, что голыми руками такого врага не возьмешь, что тут нужен не только энтузиазм, но и холодный расчет, ясная оценка, серьезная подготовка, и он ждет этого от своей партии, — ему преподносят сверху: наш долг вести только стратегию оффензивы, т.-е. наступать во всех случаях, ибо, видите ли, мы вступили в революционную эпоху. Это, примерно, то же самое, как если бы командующий армией сказал: так как мы вступили в войну, то наш долг везде и всегда наступать. Такой командующий был бы неизбежно разбит, даже при превосходстве своих сил... Более того, находятся «теоретики», подобные немецкому коммунисту Маслову, которые по поводу мартовских событий договариваются до прямо-таки чудовищных вещей: «Наши противники, — говорит Маслов, — ставят нашим мартовским действиям в вину то, что мы ставим себе в заслугу, а именно, что партия, выступая на борьбу, не спрашивала себя о том, пойдет или не пойдет за ней рабочий класс». Это почти буквальная цитата! С точки зрения суб'ективного революционизма или левой эс-эровщины — это превосходно, но с точки зрения марксизма — это чудовищно!

Авантюристские тенденции и... Четвертый Интернационал.

«Революционный долг требует от нас оффензивы против немцев», — провозглашали левые эс-эры в июле 1918 г. — нас разобьют? Но наш долг итти вперед. Рабочая масса не хочет? Что ж, можно бросить бомбу в Мирбаха [283]), чтобы заставить русских рабочих вести ту борьбу, в которой они неизбежно должны погибнуть.—Такого рода настроения очень сильны в так называемой Коммунистической Рабочей Партии Германии (K. A. P. D.). Это небольшая группа *пролетарской лево-эс-эровщины.* Наша левая эс-эровщина имеет — вернее, имела — главным образом, интеллигентски-крестьянские корни; в этом ее социальное отличие, но политические методы одни: это истерический революционизм, готовность в любой момент применять самые крайние средства и методы, не считаясь с массой и с общей обстановкой, нетерпение вместо расчета, опьянение революционной фразой, — все это вполне характеризует «Коммунистическую Рабочую Партию Германии». На конгрессе один из ораторов, говоривших от лица этой партии, сказал, примерно, следующее: «Чего вы хотите? Рабочий класс Германии пропитан (он сказал даже verseucht, зачумлен) филистерством, мещанством, мелко-буржуазностью, — как же с ним быть? Без экономического саботажа, вы их на улицу не выведете»... А когда его спросили, что это значит, — он раз'яснил: чуть рабочие начинают жить получше, они успокаиваются и не хотят революции; если же нарушать механический ход производства, взрывать фабрики, заводы, железные дороги и т. д. — это ухудшает положение рабочего класса, а, следовательно, делает его более способным к революции. Не забудьте, что это говорит представитель «рабочей» партии. Ведь, это же абсолютный скептицизм!.. Выходит так, — если сделать соответствующий вывод для деревни, — что передовым крестьянам Германии нужно поджигать села, пустить по всей стране красного петуха и таким образом революционизировать сельское население. Тут нельзя не вспомнить, что в самый первый период революционного движения в России, в 60-ые годы, когда интеллигенты-революционеры были совершенно бессильны проявить себя в действии, сдавленные кружковщиной и постоянно сталкиваясь с пассивностью крестьянских масс, — именно тогда некоторые группы (так называемые нечаевцы) пришли к мысли, что пожары и поджоги — это настоящий революционный фактор русского политического развития... Совершенно очевидно, что такого рода саботаж, направленный по существу против большинства рабочего класса, есть антиреволюционное средство, которое сталкивает

враждебно с рабочим классом «рабочую» партию, число членов которой трудно определить, но во всяком случае не более трех — четырех десятков тысяч, в то время как Об'единенная Коммунистическая Партия, как вы знаете, имеет около 400.000 членов.

Конгресс поставил вопрос о K. A. P. D. ребром, пред'явив этой организации требование собрать в течение ближайших трех месяцев свой с'езд и влиться в единую коммунистическую партию, или окончательно встать вне Коммунистического Интернационала. Многое говорит за то, что K. A. P. D., в лице своих нынешних анархо-авантюристских верхов, не подчинится решению Интернационала и, оказавшись таким образом вне его, сделает, вероятно, попытку совместно с другими «крайне-левыми» элементами образовать IV Интернационал. Немножечко в ту же трубочку потрубила на конгрессе наша Коллонтай. Ни для кого не секрет, что наша партия является пока что стержнем Коммунистического Интернационала. Между тем, т. Коллонтай изобразила положение дела у нас в партии так, что выходило, будто месяцем раньше или позже рабочим массам, во главе с тов. Коллонтай, придется для установления «настоящего» советского строя устраивать «третью революцию». Почему, однако, третью, а не четвертую? Ведь, третья революция во имя «настоящего» советского строя произошла в феврале, в Кронштадте... Есть еще архи-левые в Голландии. Может быть, и в других странах. Не знаю, все ли они взяты на учет. Но во всяком случае количество их не чрезмерно, и IV Интернационалу, если бы он возник, меньше всего грозила бы опасность стать очень многочисленным. Разумеется, было бы жалко потерять и маленькую группу, так как в ее среде есть несомненно хорошие рабочие бойцы. Но если этому сектантскому отколу суждено совершиться, мы будем иметь на ближайший период не только справа от себя Интернационал № 2½, но и слева — Интернационал № 4, где суб'ективизм, истеричность, авантюризм и революционная фраза будут представлены уже в вполне законченном виде. Мы получим таким образом «левое» чучело, на котором будем учить стратегии рабочий класс. У каждой вещи, как видите, есть две стороны: положительная и отрицательная.

Левые ошибки и русский опыт.

Но и внутри Об'единенной Коммунистической Партии были анти-марксистские тенденции, довольно ярко себя проявившие в марте и после марта. Я уже цитировал поразительную статью

Маслова [284]). Но Маслов не одинок. В Вене издается журнал «Коммунизмус», орган Коммунистического Интернационала на немецком языке. В июньской книжке журнала, в статье, посвященной положению в Интернационале, говорится примерно следующее: «Главной характеристикой нынешнего периода революции является то, что мы теперь должны и частные, в том числе экономические, бои, т.-е. стачки, проводить средствами окончательного боя, т.-е. с оружием в руках». Вот, товарищи, стратегия, опрокинутая вниз головою!.. В то время, как буржуазия нас провоцирует на *частичные* кровавые бои, некоторые наши стратеги хотят такого рода бои возвести в правило. Разве это не чудовищно? Об'ективное положение в Европе глубоко революционно. Рабочий класс это чувствует и в течение всего после-военного периода он рвался вперед, на борьбу с буржуазией. Но победы он не получил нигде, кроме России. Тогда он стал понимать, что перед ним трудная задача, и начал создавать себе аппарат для победы — коммунистическую партию. Он сделал на этом пути в Европе семимильные шаги за последний год. Мы имеем теперь подлинно массовые коммунистические партии в Германии, во Франции, в Чехо-Словакии, в Юго-Славии, в Болгарии... Рост огромный! В чем ближайшая задача? В том, чтобы эти партии завоевали в кратчайший срок большинство промышленных рабочих и значительную часть сельских рабочих и даже крестьянскую бедноту, как мы их завоевали перед Октябрем,— иначе мы не имели бы Октября. Вместо этого некоторые горе-стратеги говорят, что так как эпоха теперь революционная, то наш долг при всякой возможности вести борьбу, хотя бы и частичную, методами вооруженного восстания. Ничего лучшего буржуазии и не нужно! В тот период, когда коммунистическая партия растет с превосходной быстротой и все более и более распростирает свои крылья над всем рабочим классом, буржуазия провоцирует наиболее нетерпеливую и боевую часть рабочих вступить в преждевременный бой — без поддержки основной рабочей массы, дабы, разбивая пролетариат по частям, подкопать в нем веру в его способность победить буржуазию. В этих условиях теория постоянной оффензивы и частичных боев методами вооруженного восстания есть вода на мельницу контр-революции. Вот почему на III Конгрессе русская партия, поддержанная всеми наиболее зрелыми элементами, твердым голосом сказала товарищам левого крыла: вы превосходнейшие революционеры и будете драться и погибать за дело коммунизма, но этого нам недостаточно. Мало драться — надо победить! А для этого надо лучше овладеть искусством революционной стратегии.

Я думаю, товарищи, что одной из важных причин недооценки трудностей революционной борьбы и победы в Европе явился фактический ход пролетарской революции в России, и отчасти в Венгрии. Мы имели у себя в России буржуазию, исторически запоздалую, политически слабую — с большой зависимостью от европейского капитала и со слабыми политическими корнями в русском народе. С другой стороны, мы имели революционную партию с большим прошлым подпольной работы, с боевым воспитанием и закалом, сознательно использовавшую весь опыт европейской и мировой революционной борьбы. Положение русского крестьянства в отношении к буржуазии и в отношении к пролетариату, характер и настроение русской армии после военного разгрома царизма, — все это сделало неизбежной Октябрьскую революцию и чрезвычайно облегчило революционную победу (хотя вовсе не избавило от трудностей в дальнейшем, а, наоборот, подготовило их в гигантских размерах). Вследствие относительной легкости Октябрьской революции, победа русского пролетариата не предстала в достаточной мере перед руководящими кругами европейских рабочих, как политико-стратегическая задача, и не была с этой стороны достаточно усвоена ими.

Следующий опыт завоевания пролетариатом власти произошел в меньшем масштабе, но ближе к Европе — в Венгрии. Там условия сложились так, что власть досталась коммунистам почти без революционной борьбы. Этим самым вопросы революционной стратегии в эпоху *борьбы за власть* естественно свелись к минимуму.

Из опыта России и Венгрии не только рабочие массы, но и коммунистические партии других стран усваивали прежде всего неизбежность победы пролетариата и затем непосредственно переходили к усвоению тех трудностей, которые вытекают из победы рабочего класса. Что же касается *стратегии революционной борьбы во имя завоевания власти*, то она представлялась при этом крайне простой и как бы сама собой разумеющейся. Совсем не случайно некоторые выдающиеся венгерские товарищи, с большими заслугами перед Интернационалом, обнаруживают тенденцию к крайнему упрощению вопросов тактики пролетариата в революционную эпоху, заменяя эту тактику лозунгом оффензивы.

Третий Конгресс сказал коммунистам всех стран: ход русской революции есть очень важный исторический *пример*, но вовсе не политическое *правило*. И еще: только *предатель* может отрицать необходимость революционной оффензивы; но только *простак* может к оффензиве сводить всю революционную стратегию.

Плюсы и минусы французской коммунистической партии.

По поводу политики французской коммунистической партии у нас были менее бурные прения, чем по поводу немецкой политики, по крайней мере, на самом Конгрессе; но на заседании Исполкома у нас развернулись однажды довольно напряженные прения при обсуждении вопросов французского рабочего движения. Французская коммунистическая партия сложилась без таких внешних и внутренних потрясений, как немецкая. В связи с этим во французской партии, несомненно, еще сильны центристские настроения и старые приемы парламентарного социализма. Революционной борьбы в ближайшем прошлом у французского пролетариата не было, — борьбы, которая оживила бы его старые революционные традиции. Французская буржуазия вышла победоносной из войны; это давало ей возможность до последнего времени, за счет ограбления Германии, давать отдельные подачки привилегированным частям рабочего класса. Революционная классовая борьба во Франции только теперь намечается. До начала первых серьезных боев французская коммунистическая партия получила возможность использовать и усвоить себе революционный опыт России и Германии. Достаточно напомнить, что в Германии гражданская война была в полном разгаре, когда коммунисты представляли еще кучку спартаковцев, во Франции же, наоборот, открытой революционной борьбы после войны еще не было, а коммунистическая партия уже сосредоточила в своих рядах 120 тысяч рабочих. Если принять во внимание наличность во Франции революционных синдикалистов, которые «не признают» партии, хотя поддерживают борьбу за диктатуру пролетариата; если принять во внимание, что во Франции организация никогда не была так крепка, как в Германии, то станет ясно, что эти 120 тысяч организованных коммунистов означают для Франции не меньше, а, пожалуй, больше, чем 400 тысяч — для Германии. Ярче всего это видно из того, что в Германии справа от этих 400.000 находятся партии независимых и социал-демократов, у которых вместе гораздо больше членов и сторонников, чем у коммунистов, тогда как во Франции справа от коммунистов имеется только ничтожная группа отколовшихся сторонников Лонге и Реноделя. И в профессиональном движении Франции соотношение сил в общем, несомненно, более благоприятно для левого крыла. Зато общее соотношение классовых сил в Германии, несомненно, благоприятнее для победоносной революции. Другими словами: во Франции буржуазия опирается еще в значительной мере на свой собственный аппарат: армию,

полицию и пр.; в Германии она опирается преимущественно на социал-демократию и бюрократию профессиональных союзов. Французская коммунистическая партия имеет полную возможность целиком и безраздельно овладеть руководством в рабочем движении, прежде чем наступят решающие события. Но для этого французскому коммунизму необходимо окончательно стряхнуть с себя старую скорлупу политических условностей и недоговоренностей, которая была во Франции плотнее, чем где бы то ни было. Французской партии нужен более решительный подход к событиям, более энергичный и непримиримый характер и самый тон агитации, более суровое отношение ко всем и всяческим проявлениям демократически-парламентарной идеологии, интеллигентского индивидуализма, адвокатского карьеризма. Во время обсуждения политики французской партии в Исполкоме Коминтерна указывалось, что партия делала такие-то и такие-то ошибки, что в парламенте депутаты-коммунисты нередко чересчур «разговаривают» со своими буржуазными врагами, вместо того, чтобы через их голову обращаться к массам; что газеты партии должны говорить гораздо более отчетливым, более революционным резким языком, чтобы самые угнетенные и придавленные французские рабочие почувствовали здесь отклик своих страданий, требований и надежд. Во время этих прений выступил молодой французский товарищ и в страстной речи, встретившей одобрение части собрания, перенес критику партийной политики в совершенно другую плоскость. «Когда французское правительство, — говорил этот представитель молодежи, — намеревалось захватить Рурскую область у немцев, в начале этого года, и об'явило мобилизацию 19-летних, партия не призвала мобилизуемых к сопротивлению и тем обнаружила свою полную несостоятельность». К какому сопротивлению?—спрашиваем мы. «Партия не призвала девятнадцатилетних не подчиняться приказу о мобилизации». Что вы понимаете под этим неподчинением?—спрашиваем мы. Не подчиниться, значит ли не явиться добровольно, дожидаться, пока не придет на квартиру жандарм или полицейский? Или же это означает активное сопротивление, с оружием в руках, против жандарма и полицейского? Этот молодой товарищ, который на нас всех произвел очень хорошее впечатление, немедленно воскликнул: «Конечно, итти до конца, сопротивляться с оружием в руках»... Тут-то и обнаружилось, насколько темны и смутны еще представления о революционной тактике в сознании некоторых элементов. Мы стали тогда рассуждать с нашим молодым оппонентом: у вас во Франции под трехцветным знаменем империалистской армии находится сейчас несколько «классов», по французскому

выражению, т.-е. возрастов. Правительство ваше считает, что нужно призвать еще один класс, девятнадцатилетних. Этот «класс» (возраст) насчитывает в стране, скажем, 200.000 юношей, среди них коммунистов, допустим, 3 — 5 тысяч. Они рассеяны, неорганизованы, кто в деревне, кто в городе. Допустим на минуту, что партия действительно призывает их сопротивляться с оружием в руках. Сколько при этом агентов буржуазии будет убито, я не знаю, но зато несомненно, что все коммунисты будут из'яты из класса 19-тилетних и истреблены. Почему же вы не призываете те возрасты, которые уже находятся в армии, устроить восстание? Они ведь имеют ружья и об'единены в рядах армии. Потому, что вы понимаете, очевидно, что армия не будет стрелять по контр - революции до тех пор, пока рабочий класс в большинстве своем не проявит на деле готовности бороться за власть, иначе говоря, пока не начнется пролетарская революция. Как же вы требуете, чтобы революцию сделал не рабочий класс в целом, а «класс» 19? Если бы коммунистическая партия — на минутку предположим это — отдала такой приказ, это было бы лучшим подарком для Мильерана, для Бриана, для Барту, для всех кандидатов в усмирители пролетарского восстания. Ибо совершенно очевидно, что если бы наиболее пылкая часть молодежи была истреблена, более отсталая часть рабочего класса оказалась бы запугана, партия была бы изолирована, и ее влияние было бы подорвано на месяцы, если не на годы. Такими методами, т.-е. нетерпеливым применением самых острых форм революционной борьбы, в условиях, не созревших для решающего столкновения, можно добиться лишь отрицательных результатов и даже довести дело до революционного выкидыша вместо могучих революционных родов.

Классическим образцом совершенно неподготовленного призыва к массовому выступлению является попытка всеобщей стачки в мае 1920 г. Как известно, идею этой стачки предательски «поддержали» синдикалисты-реформисты. Их стремление состояло в том, чтобы не выпускать движения из рук и тем легче сорвать его при первой возможности. Они вполне преуспели. Но, действуя предательски, эти люди лишь оставались верны своей природе. Ничего другого от них и нельзя было ждать. Между тем, другая сторона, революционные синдикалисты и коммунисты, совершенно не подготовили движения. Инициатива его исходила от союза железнодорожников, которым тогда впервые овладели левые, с Монмуссо во главе. Прежде чем они успели сколько-нибудь укрепиться и обеспечить необходимейшие позиции, прежде чем они успели хотя бы оглядеться как следует, вокруг себя, они поспешили призвать массы

к решающему действию, под путаными и неопределенными лозунгами, при предательской «поддержке» справа. Это было во всех отношениях не подготовленное наступление. Результаты известны: выступило лишь небольшое меньшинство, соглашатели сорвали дальнейшее развитие стачки, контр-революция использовала обнаружившуюся слабость левых во-всю и чрезвычайно укрепила свои позиции.

Такого рода легкомысленные импровизации в движении недопустимы. Нужно гораздо серьезнее оценивать обстановку, нужно настойчиво, энергично, согласованно во всех областях подготовлять движение, чтобы затем твердо и решительно проводить его, когда подан сигнал. Но для этого нужно иметь коммунистическую партию, об'единяющую опыт пролетариата во всех областях его борьбы. Разумеется, одна наличность партии еще не избавляет от ошибок. Но отсутствие партии, как руководящего авангарда, делает неизбежными ошибки, превращая всю борьбу в ряд импровизаций, экспериментов и авантюр.

Коммунизм и синдикализм во Франции.

Отношение коммунистической партии к рабочему классу во Франции, как я уже сказал, благоприятнее, чем в Германии. Но политическое влияние партии на рабочий класс, чрезвычайно возросшее благодаря полевению партии, остается во Франции недостаточно оформленным, особенно в организационном отношении. Это яснее всего видно на вопросе о профессиональных союзах.

Во Франции синдикаты (профсоюзы) являются в меньшей степени, чем в Германии и англо-саксонских странах, организацией миллионных масс. Но и во Франции численный состав синдикатов чрезвычайно вырос за последние годы. Отношение партии к классу принимает, прежде всего, форму отношения партии к профессиональным союзам. Уже отсюда, из этой простой формулировки вопроса видно, как неправильна, антиреволюционна и опасна теория так называемого нейтрализма, полной «независимости» профессиональных союзов от партии и проч. Если профессиональные союзы являются, по своей тенденции, организацией всего рабочего класса в целом, то как же этот рабочий класс может быть нейтрален по отношению к партии или «независим» от нее? Ведь, это означало бы его нейтральность, т.-е. полное безразличие по отношению к самой революции! Между тем, в этом основном вопросе во французском рабочем движении до сих пор еще нет надлежащей ясности и, прежде всего этой ясности нет в самой партии.

Теория полного и безусловного разделения труда между партией и профессиональными союзами и их абсолютного взаимного невмешательства является в таком своем крайнем выражении продуктом именно французского политического развития. Основа этой теории— чистейший оппортунизм. До тех пор, пока рабочая аристократия, организованная в синдикаты, заключает тарифные договоры, а социалистическая партия защищает в парламенте реформы, разделение труда и взаимное невмешательство еще более или менее возможны. Но как только в борьбу вовлекается настоящая пролетарская масса и движение принимает действительно революционный характер, — принцип невмешательства вырождается в реакционную схоластику. Рабочий класс только в том случае может победить, если во главе его стоит организация, которая представляет собою его живой исторический опыт, теоретически обобщенный и практически направляющий всю его борьбу. По самому смыслу своей исторической задачи, партия может обнимать только наиболее сознательное и активное меньшинство рабочего класса. Профессиональные союзы же стремятся охватить рабочий класс в целом. Кто признает, что пролетариат нуждается в идейном и политическом руководстве своего авангарда, об'единенного в коммунистическую партию, тот тем самым признает, что партия должна встать руководящей силой и внутри синдикатов, т.-е. массовых организаций рабочего класса. Между тем, во французской партии имеются товарищи, которые не усвоили этой элементарной истины и которые — как, например, Вердье — ведет непримиримую борьбу за «неприкосновенность» синдикатов от влияния партии. Ясно, что такие товарищи только по недоразумению вошли в партию, ибо коммунист, который отрицает задачи и обязательства коммунистической партии по отношению к синдикатам, не есть коммунист.

Само собой разумеется, что это не означает организационного или внешнего подчинения синдикатов партии. Организационно синдикаты независимы. Партия имеет внутри синдикатов то влияние, которое она себе завоевывает своей работой, своим идейным воздействием, своим авторитетом. Но этим самым мы говорим, что партия обязана стремиться ко всемерному увеличению своего влияния в синдикатах, она должна ставить перед собою все вопросы, вырастающие из синдикального движения, давать на них ясные ответы и проводить свои взгляды через коммунистов, работающих в профессиональных союзах, ни мало не нарушая организационной автономии последних.

Вы знаете, что во Франции внутри профессиональных союзов имело значительное влияние течение так называемого революцион-

ного синдикализма. По существу революционный синдикализм, хотя и отрицал партию, сам был не чем иным, как антипарламентской партией рабочего класса. Синдикалистская партия всегда вела энергичную борьбу за свое влияние на синдикаты и никогда не признавала нейтрализма или независимости синдикатов по отношению к теории и практике синдикалистской партии. Если отбросить теоретические ошибки и крайности французского синдикализма, а взять его революционную сущность, то нет никакого сомнения, что сущность эта нашла свое полное развитие именно в коммунизме.

Ядром революционного синдикализма во Франции была группа журнала «La Vie Ouvrière» («Рабочая Жизнь»). С этой группой я близко сошелся во время войны. В центре группы стояли Монат и Росмер, справа к ней примыкали Мергейм и Дюмулен. Два последних стали затем ренегатами. Росмер совершил естественный переход от революционного синдикализма к коммунизму. Монат до сих пор занимает неопределенную позицию, а после Третьего Конгресса Интернационала и Конгресса красных профсоюзов Монат совершил шаг, который внушает мне серьезные опасения. Вместе с секретарем союза железнодорожников Монмуссо [285]), Монат опубликовал протест против резолюции Коминтерна о профессиональном движении и отказался примкнуть к Красному Международному об'единению профсоюзов. Нужно сказать, что самый текст протеста Моната и Монмуссо является лучшим аргументом против их половинчатой позиции. Монато заявляет о своем выходе из Амстердамского об'единения профессиональных союзов—за его тесную связь со Вторым Интернационалом. Совершенно правильно. Но тот факт, что подавляющее большинство профессиональных союзов связано либо со Вторым, либо с Третьим Интернационалом и является лучшим доказательством того, что нейтральных, аполитических профсоюзов вообще, а тем более в революционную эпоху, нет и быть не может. Кто отрывается от Амстердама и не примыкает к Москве, тот рискует создать профессиональный интернационал два с половиной.

Я твердо рассчитываю, что это печальное недоразумение будет рассеяно, и что Монат займет свое место там, где ему по всему его прошлому надлежит быть: во французской коммунистической партии и в III Интернационале.

Вполне понятно и правильно то осторожное и мягкое отношение, которое проявляет французская коммунистическая партия по отношению к революционным синдикалистам, ища сближения с ними. Но совершенно непонятна та снисходительность, с какой партия терпит противодействие политике Коминтерна со стороны своих

собственных членов, подобных Вердье. Монат представляет собою традицию революционного синдикализма, Вердье представляет только путаницу.

Но выше этих личных групповых вопросов стоит вопрос о руководящем влиянии партии на синдикаты. Отнюдь не покушаясь на их автономию, которая определяется целиком потребностями текущей практической работы, партия должна, однако, покончить в этой важной области со всеми спорами и колебаниями и показать французскому рабочему классу на деле, что у него есть, наконец, революционная партия, руководящая всеми областями классовой борьбы. В этом отношении решения III Конгресса, какие бы временные замешательства и конфликты ни вызвали они в ближайшие месяцы, будут иметь огромное и в высшей степени плодотворное влияние на весь дальнейший ход французского рабочего движения. Только на основе этих резолюций будет установлено правильное взаимоотношение партии и рабочего класса, а без этого нет и не может быть победоносной революции пролетариата.

Не поворот направо, а серьезная подготовка к завоеванию власти.

Я не буду говорить о коммунистических партиях других стран, так как в задачу моего доклада вовсе не входит характеристика всех организаций Коммунистического Интернационала. Я хотел только представить вам, товарищи, основные линии его политики, как они развернулись и определились на последнем Конгрессе. Поэтому я характеризовал те партии, которые дали наибольший материал для выработки тактической линии Интернационала в ближайшую эпоху.

Незачем и говорить, что Конгресс не предлагал «прекратить» — как неосновательно опасались некоторые левые товарищи — борьбу с центристами и полуцентристами. Вся борьба Коммунистического Интернационала против капиталистического режима упирается, прежде всего, в его реформистские, соглашательские окопы. Их нужно взять прежде всего. С другой стороны, нельзя вести борьбу против Второго и 2½ Интернационала, не очищая своих собственных коммунистических рядов от центристских тенденций и настроений. Это совершенно бесспорно *).

---

*) Из дошедших до меня статей тов. Курт-Гайера по поводу III Конгресса я вижу, что этот представитель оппозиции не только скатывается к центризму, но и сам отдает себе в этом отчет. Он исходит из того, что III Конгресс установил новую историческую перспективу и тем сделал тактику менее зависимой от ожидания революции в ближайший период. Отсюда Гайер делает тот вывод, что тактические разногласия между III Интер-

Но эту борьбу направо, входящую целиком в нашу основную борьбу с буржуазным обществом, мы можем вести успешно только при условии, если преодолеем в кратчайший срок левые заблуждения, вытекающие из неопытности и нетерпения и принимающие подчас форму опасных авантюр. В этом направлении Третий Конгресс совершил большую воспитательную работу, которая превратила его, как я сказал, в высшую школу, в академию революционной стратегии.

По поводу наших резолюций Мартов [287]), Бауэр и другие комнатные стратеги мещанства говорят о распаде коммунизма, о крушении Третьего Интернационала и пр., и пр. Эти разговоры заслуживают только теоретического презрения. Коммунизм не есть и не был догматической календарной программой революции. Коммунизм — живая, действующая, растущая, маневрирующая армия пролетариата, которая в процессе своей работы отдает себе отчет в изменчивых условиях борьбы, проверяет свое собственное оружие, заново оттачивает его, если оно притупилось, и все свои действия подчиняет потребностям подготовки к революционному ниспровержению буржуазного строя.

Тот факт, что мы на III Конгрессе так внимательно и пристально, так конкретно занялись вопросами тактики, сам по себе является огромнейшим шагом вперед: он свидетельствует, что III Интернационал вышел из стадии идейного и организационного самоопреде-

---

националом и центристами... смягчаются. Такой вывод является совершенно чудовищным! III Интернационал есть боевая организация, которая идет к революционной цели через все изменения условий. Интернационал два с половиной не хочет революции. Он построен на соответственном подборе вождей и полувождей, группировок и тенденций, идей и методов.

В то самое время, как Курт-Гайер констатирует смягчение разногласий между коммунистами и независимыми, независимые — с гораздо бо́льшим основанием — констатируют смягчение разногласий между ними и социал-демократами. Если сделать отсюда все выводы, то это дало бы программу восстановления старой социал-демократии, какой она была до августа 1914 года, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если мы отвергаем догматическое приурочивание революции к ближайшим неделям и месяцам — из чего практически вытекают путчистские тенденции, — то в нашей борьбе с путчизмом мы остаемся верны нашей основной задаче — формированию революционной, действенной, непримиримой коммунистической партии, противостоящей всем реформистским и центристским группировкам в пролетариате. Курт-Гайер догматически отодвигает революцию в неопределенную даль и отсюда делает выводы в смысле сближения с центристами. Есть все основания опасаться, что эта «перспектива» заведет Гайера и его единомышленников гораздо дальше, чем они сегодня сами полагают.

ления и стал лицом к лицу, как живая руководящая массовая организация, с вопросами непосредственного революционного действия.

Если бы кто-либо из более молодых и менее опытных товарищей, здесь присутствующих, сделал из моего доклада пессимистический вывод — в том смысле, что положение Интернационала неблагополучно и что трудно победить буржуазию при наличности столь ошибочных взглядов и методов в самих коммунистических партиях, тот сделал бы в корне ложное заключение. В эпоху резких изменений в мировой политике, в эпоху глубоких социальных потрясений, — словом, в ту революционную эпоху, в какую мы живем, — воспитание революционных партий совершается с чрезвычайной быстротой, особенно при условии взаимного обмена опытом, взаимного контроля и общего централизованного руководства, выражением чего и является наш Интернационал. Не забудем, что сильнейшие коммунистические партии в Европе насчитывают — буквально! — месяцы существования. В нашу эпоху месяц идет за год, а иной месяц и за десятилетие.

Хотя я принадлежал на Конгрессе к так называемому «правому» крылу и участвовал в критике мнимо-революционной левизны, которая, как я старался вам показать, очень опасна для действительного развития пролетарской революции, но я вышел с этого Конгресса гораздо более оптимистически настроенным, чем я пришел на Конгресс. Те впечатления, какие я получил от обмена мнениями с делегациями братских партий Европы и всего мира, я могу резюмировать так: за истекший год Коммунистический Интернационал сделал колоссальный шаг вперед как в идейном, так и в организационном отношениях.

Конгресс не дал и не мог дать сигнала к общему наступлению. Он формулировал задачу коммунистических партий, как задачу *подготовки* к наступлению и, прежде всего, как задачу идейного завоевания большинства трудящихся города и деревни. Это вовсе не значит, что революция «откладывается» на неопределенно долгий ряд лет. Ничего подобного: мы ускоряем революцию, а главное — обеспечиваем ее победу глубокой, всесторонней и тщательной подготовкой к ней.

Разумеется, нельзя ни в каком смысле приводить к общему знаменателю революционную политику рабочего класса и военную работу Красной армии — это мы знаем, — и мне особенно «рискованно» обращаться даже к сравнениям из этой области, ввиду почти традиционной опасности быть заподозренным по части «милитарного» уклона мыслей — немецкие Куновы и русские Мартовы давно уже установили, что я стремлюсь политику и экономику

рабочего класса заменять «приказом», передаваемым через военный «аппарат», — тем не менее, прикрыв свой тыл этим предисловием, я иду на риск некоторого милитарного сравнения, которое мне кажется не бесполезным для освещения как революционной политики пролетариата, так и работы Красной армии...

Когда нам на каком-либо из наших бесчисленных фронтов необходимо бывало подготовиться к решающим операциям, мы отправляли туда прежде всего свежие полки, мобилизованных партией коммунистов, запасы амуниции и пр. и пр. Без достаточных материальных средств не могло, разумеется, быть и речи о решающей борьбе с Колчаком, Деникиным, Врангелем и всеми другими.

Но вот материльные условия для решающих действий более или менее на-лицо. Выехавши на фронт, мы узнаем, что командование фронта назначило общее наступление, скажем, на 5 мая, которое наступает, допустим, через 3 дня. На заседании Революционного Военного Совета фронта, в штабе его, в политотделе мы приступаем к обсуждению условий предстоящих решающих боев. Мы узнаем, что на нашей стороне имеется некоторый перевес в числе штыков, сабель и пушек, что у противника значительный перевес в средствах авиации, но что в общем материальное превосходство на нашей стороне. Солдаты более или менее обуты и одеты, коммуникация обеспечена. С этой стороны, стало быть, дело обстоит достаточно благополучно. — «А как у вас была проведена агитация перед наступлением? В течение какого времени она велась? В каких формах и под какими лозунгами? Сколько коммунистов было брошено в части для руководства агитацией? Покажите выши прокламации, листовки, статьи ваших фронтовых газет, ваши плакаты и карикатуры. Знает ли у вас каждый солдат вашей армии, вашего фронта, кто такой Врангель, с кем он связан, кто стоит за его спиной и откуда у него артиллерия и авиация?» — Мы получаем недостаточно определенные ответы. Агитация, конечно, велась; относительно Врангеля, разумеется, раз'яснения давались. Но некоторые полки пришли только вчера или третьего для из центра и с других фронтов и относительно их политического состояния и настроения нет еще точных сведений. — «Как прошло распределение мобилизованных партией нескольких тысяч коммунистов по дивизиям и полкам? Сообразовались ли с характером и составом каждой отдельной части при распределении коммунистических элементов? Проделали ли предварительную необходимую работу с самими коммунистами? Раз'яснили ли каждой группе, в какую часть она будет включена, каковы особенности этой части и каковы в ней

специальные условия политической работы? Наконец, обеспечена ли просто наличность в каждой роте коммунистической ячейки, которая сама готова драться до конца и других способна вести вперед?

Оказывается, что эта работа выполнена лишь в общих чертах, без надлежащего внимания к конкретным условиям и специальным особенностям политической агитации в армии вообще, в каждом полку в особенности. Агитация не имела сосредоточенного, напряженного характера, действительно отвечающего непосредственной подготовке к бою. Это заметно и по статьям газет, и по воззваниям... — Наконец, проверили ли комиссарский и командный состав? За время прошлых боев многие комиссары перебиты и на первых порах заменены случайными людьми. Произведено ли надлежащее пополнение комиссарского состава? Как обстоит дело с командирами? Пользуются ли они достаточным доверием? При мало проверенных командирах имеются ли вполне авторитетные и энергичные комиссары? Нет ли, наконец, среди командиров, из числа бывших царских офицеров, таких лиц, семьи которых находятся на территории, занятой Врангелем, или за границей? Совершенно естественно, если такие командиры будут стремиться попасть в плен, что может иметь роковые последствия для исхода отдельных операций. Проверили ли под этим углом зрения командный состав? Обновили ли, укрепили ли? Нет? — Назад! Отменить наступление. В материальном отношении момент выгоден, у нас перевес сил; противник не успел закончить сосредоточение. Это бесспорно. Но моральная подготовка имеет не меньшее значение, чем материальная. А между тем, моральная подготовка проведена небрежно и поверхностно. При этих условиях лучше даже сдать противнику часть территории, отступить на два — три десятка верст назад, выгадать время, отсрочить наступление на две — три недели и провести подготовительную политическую и организационную кампанию до конца. Тогда успех обеспечен...

Кто из вас, товарищи, работал в армии, — а таких здесь много, — тот знает, что этот пример не выдуман мною. Стратегические отступления, только потому, что армия оказывалась недостаточно подготовлена в морально-политическом отношении к решающим боям, у нас происходили не раз. Между тем, армия есть организация принуждения. Каждый, кого она посылает, обязан итти в бой. Против сопротивляющихся применяется суровая военная репрессия. Без этого армии нет и быть не может. Но в революционной армии главной движущей силой является политическое сознание, революционный энтузиазм, понимание большинством

армии стоящей перед ней военной задачи и готовность эту задачу разрешить.

Во сколько же раз больше все это относится к решающим революционным боям рабочего класса? Здесь не может быть и речи о принуждении к революции. Здесь нет аппарата репрессий. Успех может быть основан только на готовности большинства трудящихся принять прямое или косвенное участие в борьбе, помочь ее счастливому исходу[1]). Третий Конгресс имел такой характер, как если бы Коммунистический Интернационал, в лице своих руководящих представителей, выехал на фронт мирового рабочего движения, которое готовится к решающим боям за власть. Конгресс спросил: «Товарищи-коммунисты, немецкие, итальянские, французские и другие! Овладели ли вы большинством рабочего класса? Что вы сделали для того, чтобы каждый рабочий понял, во имя чего идет борьба? Раз'яснили ли вы это простыми, ясными, отчетливыми словами трудящимся массам вплоть до самых отсталых? Что вы предприняли для проверки того, чтобы эти отсталые поняли вас? Покажите ваши газеты, ваши брошюры, ваши прокламации. — Нет, товарищи, этого еще недостаточно. Это еще не тот язык, который свидетельствует о подлинной связи с миллионами трудящихся... Что вы предприняли для правильного распределения коммунистических сил в профессиональных союзах? Имеются ли у вас надежные ячейки во всех важных организациях рабочего класса? Что вами сделано для проверки «командного состава» в профессиональных союзах, для фактической очистки рабочих организаций от сомнительных, ненадежных, тем более явно предательских вождей? Организована ли у вас глубокая разведка в стане врага?.. Нет, товарищи, ваша подготовка недостаточна, а в некоторых отношениях вы даже еще не поставили перед собой настоящим образом задачи подготовки»...

Значит ли это, что решающая борьба откладывается на десятилетия или хотя бы на многие годы? Ничего подобного! В отношении военного наступления подготовку можно иногда провести в течение двух — трех недель и даже менее того. Разрозненные дивизии с колеблющимся настроением, с неустойчивым командным и комиссарским аппаратом, при надлежащей напряженной подготовительной работе могут в десять — пятнадцать дней быть превращены в могущественную армию, тесно спаянную единством

---

[1]) Один шутник «возражал» мне на Конгрессе в том смысле, что рабочим классом нельзя командовать, как армией. Вот-то-то и оно. А я доказывал, что даже Красной армией нельзя так командовать, как некоторые политики пытались командовать рабочим классом.

сознания и воли. Об'единить пролетарские миллионы для решающей борьбы несравненно труднее. Но вся наша эпоха чрезвычайно облегчает эту работу — при условии, если мы не будем шататься направо и спотыкаться налево. Потребуется ли на подготовительную работу лишь несколько месяцев или же год — два и более, об этом было бы неумно гадать. Это зависит от многих условий. Но несомненно, что в нынешней обстановке одним из важнейших условий приближения революции и ее победоносного завершения является наша к ней подготовительная работа. К массам! — говорит Коммунистический Интернационал всем своим партиям. — Захватывайте их шире и глубже. Установите между собой и ими несокрушимую связь! Распределяйте коммунистов на самые ответственные и опасные посты во всей толще рабочего класса. Пусть они завоевывают доверие масс. Пусть масса вместе с ними изгоняет из своих рядов вождей-оппортунистов, колеблющихся вождей и вождей-карьеристов. Используйте каждую минуту для революционной подготовки. Эпоха работает на нас. Не бойтесь, что революция ускользнет у вас из рук. Организуйтесь, укрепляйтесь, — и тогда вы приблизите час, который станет часом действительно решающей оффензивы, и тогда партия не только скомандует «вперед», но и доведет наступление до победоносного конца!

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ОТ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА.

Дорогие товарищи!

Мы считаем необходимым сделать из постановлений последнего конгресса некоторые выводы в отношении коммунистических партий отдельных стран.

1. Крайне необходимо установить более правильные частые сношения между вами и Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала. Необходимо возложить на определенных товарищей пересылку нам всей выходящей во Франции коммунистической литературы. Необходимо посылать нам периодические отчеты о жизни партии и о французском рабочем движении в целом. Необходимо, наконец, доставлять для нашего журнала «Коммунистический Интернационал» статьи, посвященные выяснению очередных вопросов французского коммунизма.

Основные директивы в области тактики французской коммунистической партии даны в соответственной резолюции конгресса. Мы здесь хотели бы лишь с большей ясностью и откровенностью, чем это можно сделать в предназначенных для печати тезисах, высказаться прежде всего по поводу парламентской политики партии. Разумеется, парламентская работа не имеет решающего значения, но она имеет огромное *симптоматическое значение:* по ней можно судить о степени отчетливости и ясности революционной линии партии, об ее способности сопротивляться буржуазным влияниям и разговаривать с пролетарской массой через голову парламентского большинства. Во Франции революционная отчетливость парламентской тактики необходима более, чем где бы то ни было, ибо анархически настроенные элементы рабочего класса судят о партии прежде всего по ее парламентской деятельности. Преодолеть предрассудки тех, которые отрицают необходимость и полезность партии, можно, только превратив парламентскую фракцию в инструмент действительно революционной политики рабочего класса. Этого сейчас, к сожалению, еще нет у вас.

Итак, безусловно недостаточна была парламентская политика нашей фракции во время последнего обострения франко-германских отношений. Выступление тов. Кашена давало повод к такому истолкованию, будто Французская Коммунистическая Партия отстаивает англо-французский союз, как устой европейского мира против авантюристской политики Бриана. Между тем, совершенно очевидно, для разоблачения авантюризма правящей клики нет надобности затушевывать тот факт, что англо-французский союз является фактором не мира, а грабежа, разбоя и новых войн. Разрыв между Англией и Францией означал бы только новую комбинацию в тех же целях. После успокоительных заверений Бриана коммунистическая фракция внесла резолюцию, которая ограничилась требованием освобождения призывных 1919 года. В данных условиях это означало, что фракция становится на почву правительственной политики, одобряя его выжидательный курс и требуя только сделать частный практический вывод из общих посылок. Большей принципиальной тактической ошибки партия не могла сделать при таких условиях. Обязанностью фракции было разоблачить в резолюции новую фазу англо-французского грабежа и указать, что выжидательный характер брианoвской политики есть только подготовка к новым кровавым насилиям. В такой связи требование освобождения призыва 1919 г. получило бы совершенно другое освещение.

2. В ряде других вопросов фракция слишком мало или вовсе не обнаружила своего лица, и в глазах посторонней публики она растворялась в «крайней левой». В смысле парламентского маневрирования и приспособления к аудитории и внешних ораторских эффектов диссиденты будут иметь неизбежный перевес над нами, ибо они являются партией адвокатов и депутатов par excellence. Тем важнее для нас ребром ставить вопрос, противопоставляя себя при каждом подходящем случае лонгетистам, прямо и открыто обличая их с парламентской трибуны и формулируя резкие и отчетливые лозунги, доступные самым широким массам рабочего движения.

Вместе с тем необходимо добиться, чтобы парламентские отчеты «L'Humanité» дополняли, освещали и уточняли выступления наших депутатов. Не будет никакого вреда, наоборот, будет только польза, если в отдельных случаях «L'Humanité» будет прямо указывать на ошибку того или другого выступления коммунистического депутата. Буржуазная пресса будет злорадствовать, но рабочая масса увидит, что наши депутаты не боги, что они стоят под контролем партии. Это будет иметь только воспитательное значение.

Нынешние парламентские отчеты «L' Humanité» насквозь пропитаны духом кулуаров парламента и потому совершенно недоступны рабочей массе.

3. Резкое выступление товарищей Моната и Монмуссо против резолюции московского конгресса о взаимоотношениях между партией и профсоюзами вызвано в значительной мере тем, что французские синдикалисты никогда не слышали со стороны французских коммунистов открытой критики их воззрений. Установилось молчаливое соглашение, в силу коего все вопросы синдикального движения превратились как бы в идейную монополию революционного синдикализма. Как бы в уплату за это, синдикалисты со своей стороны совершенно не касались деятельности партии и особенно ее парламентской деятельности. Такое механическое разделение может стать гибельным для революционного движения во Франции. Рабочий класс представляет собою единство. Пролетарская революция становится тем более возможной, чем более это единство проявляется во всех областях классовой борьбы пролетариата. Нужно требовать от синдикалистов пред лицом рабочей массы, чтобы они открыто высказывались о политике партии, об ее отрицательных сторонах,—нужно заставить их раз'яснять, почему они не вступают в коммунистическую партию в то время, как коммунистическая партия обязывает всех своих членов вступать в синдикаты. Нужно со всем вниманием прислушиваться к критике синдикалистов, ибо, как показало прошлое, они отражают в значительной мере настроения и взгляды довольно широких революционных групп пролетариата. Но в то же время нужно открыто критиковать ограниченность позиции революционного синдикализма.

Постоянные ссылки на амьенскую хартию, отказ примкнуть к Красному Интернационалу профсоюзов, апелляция к новому конгрессу профсоюзов, который должен создать более «широкий» Интернационал,—все это представляет собою повторение тактики лонгетистов, которые также солидаризировались вначале с Москвой, затем поставили задачей «реконструировать» прошлое, отказались примкнуть к Интернационалу, намеревались создать более «широкий» Интернационал и окончили тем, что создали маленький Интернационал 2½. Если бы Монат и Монмуссо продолжали упорствовать в своей нынешней позиции, то дело закончилось бы несомненно образованием маленького синдикального Интернационала 2½—между Амстердамом и Москвой. На все эти опасности нужно теперь указать совершенно открыто. Нужно устно и печатно раз'яснять широким рабочим массам смысл резолюций, принятых московскими конгрессами по поводу профессиональной ра-

боты. Можно и должно допустить дискуссию по поводу вопроса о взаимоотношении партии и синдикатов на станциях партийной печати. Особенно важно вовлечь в эту дискуссию революционных синдикалистов. Но ни в каком случае недопустимо оставлять массу без руководства. Точка зрения Коммунистического Интернационала должна неизменно из номера в номер противопоставляться заявлениям, статьям, резолюциям революционных синдикалистов, поскольку эти документы расходятся с решениями Интернационала.

4. Основная задача — завоевать рабочую массу. Передовая часть рабочей массы сосредоточена в профсоюзах. Поэтому профсоюзы должны явиться в ближайший период важнейшей ареной согласованной, организованной деятельности партии.

Нужно взять на учет коммунистов в профсоюзах, держать их в связи между собою и под контролем и руководством ближайшей партийной организации. Местные партийные организации должны находить постоянное руководство в вопросах профессиональной тактики со стороны Центрального Комитета.

Ввиду этого представляется целесообразным создание при Центральном Комитете особой постоянно действующей комиссии по вопросам профессионального движения. Эта комиссия может быть составлена из нескольких членов Центрального Комитета, близко знакомых с профессиональными вопросами, и из нескольких рабочих коммунистов, работающих преимущественно или исключительно в синдикатах. Все вопросы профессионального движения должны проходить через эту Комиссию. Вопросы особой важности, или вопросы вызывающие внутри комиссии разногласие, должны передаваться на рассмотрение Центрального Комитета. Комиссия организует в Париже ряд совещаний, конференций коммунистов, работающих в синдикатах, для освещения внутренней жизни в синдикатах, идейных группировок, способов и методов агитации и организации и проч. На такого рода конференции желательно было бы допускать с совещательным голосом революционных синдикалистов, дабы они на практике поняли, что коммунистическая партия представляет собой организацию пролетарского авангарда, которая имеет своей задачей завоевать руководство во всех областях жизни и борьбы рабочего класса.

Нужно во что бы то ни стало воспитать коммунистов, работающих в синдикатах, в том убеждении, что они и в синдикатах остаются членами партии и выполняют ее основные директивы. Коммунисты, которые упорствуют в своем заблуждении, будто бы в синдикальной работе они независимы от партии, должны быть в виде общего правила исключены из партии.

5. Нужно уже сейчас подбирать рабочих коммунистов, способных занять ответственные посты в синдикатах после частичного или полного овладения ими. Намеченные товарищи должны посвятить главные свои усилия практическому изучению синдикальной работы.

6. В соответствии с резолюциями последнего конгресса необходимо внести серьезные и глубокие изменения в организационный аппарат партии и в его методы работы.

Мы полагаем, что эту реорганизацию нужно начать с самого Центрального Комитета, использовав время, остающееся до конгресса, для тщательной подготовки такой реорганизации.

Центральный Комитет необходимо:

а) приблизить как можно более к массам,

б) составить из товарищей, которые посвящают свои силы главным образом партийной работе.

Примерно говоря, не менее одной трети членов Центрального Комитета должны быть профессиональными работниками партии, состящими на ее жалованьи и находящимися целиком в ее распоряжении. На-ряду с ними нужно поставить членом Центрального Комитета, работающих преимущественно в синдикатах в качестве профсоюзных служащих. Ввиду исключительной важности синдикального вопроса, нужно постараться, чтобы около одной трети Центрального Комитета состояло из таких работников. При таких условиях в Центральном Комитете будет не больше одной трети товарищей, которые большую часть времени отдадут парламентарной деятельности или личной работе. Мы выражаем наше твердое убеждение, что только подобный состав Центрального Комитета со значительным процентом рабочих может обеспечить партийному центру действительное руководство движением. Необходимо сейчас же приступить к отбору подходящих товарищей, к намечению необходимых кандидатур, так как без этой тщательной подготовительной работы с'езд не даст в этом отношении необходимых результатов.

7. При нынешнем положении федераций, партия лишена непосредственного руководства. Центральный Комитет из Парижа не может руководить местной работой во всей ее конкретности. Местных комитетов, как выборных, постоянно действующих органов, не существует. Совершенно очевидно, что без постоянно действующих местных комитетов партия недееспособна. В составе каждого местного комитета должна быть опять-таки часть товарищей, все силы которых находятся в распоряжении партии.

Несомненно, что в лице секретарей и казначеев партии к нам перешло в наследство от старой партии значительное число лиц, которые оказались коммунистами только потому, что большинство членов партии высказалось за III Интернационал. Эти партийные чиновники старого типа слишком часто оказываются неспособными понять характер и задачи новой эпохи и новой работы. Необходим подбор новых работников, в том числе из среды коммунистической молодежи.

В каждом комитете должны быть товарищи, способные жертвовать личными интересами для партийной работы и подавать в этом отношении пример другим. Нужно, чтобы члены партии в деле распространения литературы, агитации и пропаганды и проч. проявляли ту самоотверженность и энергию, какая соответствует подготовке предстоящих нам в более или менее близком будущем решающих боев.

8. Внутренняя жизнь партии должна находить гораздо более отчетливое и деловое отражение на страницах «L'Humanité». Нужно открыто критиковать недостатки местной работы, сурово осуждать тех членов партии, которые, прикрываясь коммунистическим знаменем, в местной работе проявляют величайший оппортунизм и идут на любые сделки с сильными мира сего. Только бдительная строгость партии в отношении к своим парламентским депутатам, муниципальным советникам и проч. может обеспечить ей доверие и уважение рабочего класса.

9. Необходимо решительно положить конец такому положению, при котором члены партии по соображениям материальной заинтересованности или из политических видов создают газеты и журналы, не стоящие под контролем партии и сплошь да рядом направленные против партии. Сознательно или полубессознательно, прикрываясь своей близостью к коммунизму, такого рода издатели, редактора, журналисты эксплоатируют в пользу своего частного предприятия авторитет партии и революционный под'ем рабочих масс, чтобы затем в решающий момент борьбы повернуть все свое влияние против коммунистической партии. В этой области политическая целесообразность диктует партии твердую, решительную линию поведения.

10. Значительный успех одного из таких явно вредных изданий «La Vague», свидетельствует, между прочим, о том, как сильно широкие круги рабочих, солдат, крестьян, стремятся находить в газете и журнале отражение своей жизни, своих переживаний, мыслей и проч. Необходимо во что бы то ни стало приблизить партийную прессу, и в том числе «L'Humanité», к жизни тру-

дящихся масс. Нужно создать широкую сеть корреспондентов с фабрик, заводов, из отдельных районов и т. д. Корреспонденции эти можно и должно сжимать, сокращать, комментировать, но нужно, чтобы рабочие массы находили свое отражение в своей газете.

11. Установление полного взаимного понимания и тесной связи нового Исполнительного Комитета с Центральным Комитетом Французской Коммунистической Партии мы считаем важнейшим условием успеха дальнейшей работы. Мы настоятельно просим поэтому тов. Фроссара, как секретаря партии, и тов. Кашена, как председателя парламентской фракции, прибыть в ближайший срок—вместе, или если это трудно, то поодиночке—в Москву для обсуждения ряда вопросов, теснейшим образом связанных с ближайшим конгрессом Французской Коммунистической Партии.

Высказавши со всей свободой свой взгляд на задачи Французской Коммунистической Партии, мы ни на минуту не сомневаемся, что вы со своей стороны усмотрите в нашей критике только то, выражением чего она является на самом деле, т.-е. наше глубокое и искреннее стремление помочь всем, чем только возможно, Французской Коммунистической Партии — одной из важнейших секций Коммунистического Интернационала.

Примите наш братский привет и пожелание успеха.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

26 июня 1921 г.

МАРСЕЛЬСКОМУ [288]) С'ЕЗДУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ.

Дорогие товарищи!

Коммунистический Интернационал шлет братский привет своей французской секции, собравшейся на с'езд!

Вот уже год, как на Турском с'езде вы сделали необходимое усилие для ликвидации «социализма» эпохи войны и высвобождения себя из об'ятий реформизма путем присоединения к Коминтерну. Товарищи, вас покинувшие, те, о которых, пожалуй, многие из вас вначале сожалели, тоже положили конец двусмысленности. Они утверждали, что вопреки их выходу из партии они останутся революционерами, друзьями и защитниками русской революции, но их оппозиция коммунистическим принципам, поставившая их вне об'единенной партии, не замедлила превратить их в явно контр-революционеров, повторяющих клевету, обрушиваемую капиталистической печатью на русскую революцию; они стали за-

щитниками контр-революционных социал-демократов, стоящих в рядах самых яростных врагов рабоче-крестьянской революции. Партия диссидентов все более и более подпадает под влияние и политическое руководство Реноделя, Грумбаха [289]) и Блюма, т.-е. тех, кто во время войны предал французский рабочий класс и международный социализм, тех, кто ни на иоту не отказался от политики сотрудничества с буржуазией и заставляет служить французскую партию связующим звеном между венским Интернационалом и II Интернационалом королевских министров.

Тур и произведенный им раскол, энергичная чистка — были необходимым и роковым результатом реагирования и гнева рабочего класса на военный социализм и реформизм, изменивший его интересам. Но Тур был в то же время исходным пунктом новой эпохи в истории французского революционного движения, так как на нем родилась коммунистическая партия.

От Турского с'езда нас отделяет год. Среди французских революционеров уже не найдется никого, кто бы пожалел о происшедшем расколе и произведенной чистке. Но необходимо бросить взгляд не только на путь, пройденный врагами коммунизма, но и посмотреть, что сделано коммунистической партией в первый год ее деятельности. Коминтерн радостно приветствует результаты ваших усилий, направленных к перегруппировке и реорганизации ваших федераций в целях построения крупной партии в составе 130.000 членов и широкого развития и процветания вашей печати. Перед лицом империализма и реакции, для которой прочнейшей цитаделью в мире служит французская буржуазия, только компартия и ее печать могут организовать сопротивление. В течение этого года партии удалось реально усилить свое влияние на массу французского пролетариата и мелкого крестьянства.

Радуясь достигнутым результатам, мы тем не менее не закрываем глаз на слабости и пробелы, проявлявшиеся в течение этого первого года. В отличие от II Интернационала, Коминтерн не довольствуется посылкой поздравлений и приветствий своим секциям. Долг его—братски указывать им на их слабости и стараться, в процессе тесной совместной и согласованной работы, положить этим слабостям конец, руководясь единственно интересами всемирной революции. По отношению к французской партии, Коминтерн всегда считался со своеобразными условиями ее эволюции и средой, в которой ей приходится бороться. Оценивая произведенную в этот первый год работу, мы не забываем и того состояния, в котором партия очутилась после турского раскола; мы знаем, что партия, подвергшаяся в период войны такому отклонению, не стано-

вится коммунистической внезапно—в силу проголосованной с'ездом резолюции. Турское голосование свидетельствовало о воле партии стать коммунистической. Этот первый год должен был знаменовать непрерывное усилие, постоянную работу с целью придания партии коммунистического характера. Произведенные партией усилия были громадны, но еще недостаточны. Нам хочется совместно с вами найти причины этой слабости; мы уверены, что Марсельский с'езд искренно хочет продолжать дело, столь энергично начатое в Туре, и очень будет считаться с указаниями Интернационала, дабы усилить коммунистический характер и политику партии.

Партия страдала от слабого руководства. Центральный Комитет был поглощен целым рядом текущих административных обязанностей и не занимался твердым политическим руководством партией, не направлял изо дня в день ее мысли и многообразной деятельности, не создал коллективного сознания. Партия страдала от отсутствия политики аграрной, политики профсоюзной, политики избирательной. Центральный Комитет откладывал рассмотрение и разрешение всех этих вопросов до Марсельского с'езда, боясь, чтобы федерации не обвинили его в диктаторстве в случае, если он сам их разрешит. Между тем, всякому революционеру ясно, что в компартии Центральный Комитет, будучи избран с'ездом, облекшим его доверием, должен обладать широчайшими полномочиями, дабы направлять политику партии в духе тезисов и резолюций, принятых на национальных и международных с'ездах. Необходимо, чтобы, начиная с Марсельского с'езда, Центральный Комитет держался более твердой линии и стал подлинно руководящим политическим органом, контролирующим и вдохновляющим печать, руководящим парламентской работой, изо дня в день занимающим определенную позицию по всем политическим, внутренним и международным вопросам. Мы считаем целесообразным переложить мелкие административные обязанности на административный секретариат, а внутри Центрального Комитета выделить бюро в составе, по меньшей мере, 5-ти членов, основной обязанностью которых было бы текущее руководство мыслью и деятельностью партии.

На-ряду с осуществлением более твердого руководства необходимо развить в партии дух большей дисциплины. Коммунисты должны чувствовать себя в первую очередь членами партии и в качестве таковых действовать во всей своей общественной и частной жизни.

Вопрос о профсоюзной политике партии несомненно—наиболее важный и щепетильный из вопросов, стоящих пред Марсельским с'ездом. Партия не сумела разрешить его в первый год своего существования. Коммунистическая партия, если только она

хочет быть авангардом и творцом социальной революции, не может игнорировать профсоюзного вопроса. Нет такого рабочего вопроса, который бы не был ее собственным. Итак, она должна наметить свою линию поведения в вопросах профсоюзного характера. Она должна громко провозгласить пред лицом рабочего класса свое право и обязанность заниматься этими вопросами. Она должна потребовать от своих членов, чтобы они были коммунистами в профсоюзах, как и в партии. Коммунистическая партия не должна терпеть того обстоятельства, что члены ее поддерживают политику Жуо и амстердамского Интернационала. Тем, кто согласен с Жуо, она должна сказать, что их место в партии Реноделя, Альбера Тома и Лонгэ. Равным образом, партия должна энергично бороться с идеями анархистов и просто синдикалистов, отрицающих роль партии в деле революции. Ясно и отчетливо она должна возвестить, что и она и Коминтерн стремятся не к подчинению профсоюзов партии, но к тому, чтобы все члены партии участвовали в работе и борьбе профсоюзного меньшинства. Постоянно находясь в курсе развития профессионального движения во Франции, партия должна искать способов самого тесного сотрудничества с теми из синдикалистов, кто подверг глубокому пересмотру свои революционные идеи на основании истории последних лет. В процессе братских обсуждений с ними всех революционных проблем, партия должна стараться, чтобы они уточнили свое теперешнее понимание и побороли бы старые пережитки анархо-синдикалистской мысли. Мы не сомневаемся, что партия, выявляя себя в качестве подлинно революционной коммунистической партии, не только привлечет к себе сочувствие и доверие широких пролетарских масс Франции, но также и товарищей синдикалистов-коммунистов, еще недоверчиво к ней относящихся. Она завоюет их своей решительной, чуждой оппортунизма политикой. Проект тезисов по профсоюзному вопросу, выработанный Центральным Комитетом, знаменует лишь первый шаг в деле выяснения этого основного вопроса. Те, кто говорят, что экономическая борьба не касается партии,—или полные невежды, или люди, желающие поглумиться над коммунизмом. Партия должна впитать в себя все лучшие элементы рабочего класса, а что касается идейной стороны, то она должна быть вдохновителем всех форм пролетарской борьбы, в том числе, конечно, и борьбы экономической. Профсоюз, как таковой, не подчиняется партии, как таковой. В этом смысле профсоюзы независимы. Но коммунисты, работающие внутри профсоюзов, должны действовать всегда в качестве дисциплинированных коммунистов.

В силу целого ряда обстоятельств, в настоящее время вне рядов французской компартии стоит еще много ценных революционных элементов, считающих себя синдикалистами. Рано или поздно нам нужно притти к соглашению с ними, об'единиться в рядах единой коммунистической партии. Но мы не можем и не должны поощрять синдикалистских предрассудков в вопросах партии и политического выступления.

В период пребывания делегации коммунистической партии в Москве на III конгрессе, Исполком обращал ее внимание на необходимость установления контроля Центрального Комитета над неофициальной партийной печатью. Исполком имел при этом, главным образом, в виду «Vague» Бризона [290]) и «Journal du Peuple» Фабра [291]): оба они проводили политику, несогласную с политикой партии и Коминтерна. На II международном конгрессе было принципиально постановлено, что ни один член партии не может претендовать на мнимую свободу печати для издания органов, неподлежащих абсолютному политическому контролю со стороны партии. С единодушного согласия французской делегации в Москве Исполком принял по этому поводу резолюцию, послав ее Центральному Комитету коммунистической партии. Но и по сей день Исполком не получил еще по этому вопросу никакого официального ответа от Центрального Комитета партии. Он просит Марсельский с'езд дать ему от имени партии ответ по этому вопросу, который он считает одним из самых элементарных вопросов коммунистической дисциплины, подлежащих разрешению центрального комитета партии.

Промедление с разрешением этой проблемы тем более достойно сожаления, что с момента посылки этой резолюции вокруг «Journal du Peuple» выкристаллизовалось оппортунистическое течение, сожалеющее по поводу произведенного в Туре раскола и по сей день оплакивающее уход диссидентов и Серрати и даже проповедующее открытое сотрудничество с буржуазными партиями в форме левого блока. Неудивительно, что проводящие враждебную коммунистическим принципам политику товарищи чувствуют себя задетыми нашей резолюцией и стараются свалить ответственность на французских представителей в Исполкоме. Надеемся, что собравшийся в Марселе с'езд партии выразит ясно свое отрицательное отношение к подобной политике и призовет эту группу товарищей к коммунистической дисциплине.

Мы считаем необходимым, чтобы французская партия старалась установить более тесную и постоянную связь с фабрично-заводским пролетариатом. Слишком часто партийная печать но-

сит характер скорее фрондирующий и бульварный, чем подлинно революционный и пролетарский. В Центральном Комитете тоже слишком незначительное количество заводских рабочих. Мы считаем необходимым, чтобы при выборах Центрального Комитета рабочим элементам было отведено больше места.

Мы хотим заметить также и то, что французская партия всегда стояла как-то в стороне от жизни Интернационала. Надеемся, что в будущем более тесная связь и более частые сношения позволят французской партии принимать более активное и плодотворное участие в жизни Коминтерна в целом. Подобно тому, как мы считаем, что все французские вопросы касаются всего Интернационала, надеемся, что и французский пролетариат будет считать, что все вопросы, касающиеся пролетариата немецкого, русского, американского и пр., суть как бы его собственные вопросы и что в процессе их обсуждения он станет принимать активное участие в работе и борьбе всех секций Интернационала. Все эти существенные вопросы, значительную часть которых Центральный Комитет, по нашему мнению, должен был уже разрешить в течение истекшего года, будут об'ектом обсуждения Марсельского с'езда. Надеемся, что работа с'езда, вдохновляемая единственным и могучим желанием и горячей надеждой на торжество социальной революции, даст новый громадный толчек вашей партии, подведя под нее солидный идеологический фундамент и наметив ясную тактику. После этого первого года стабилизации и организации, Марсельский с'езд должен ознаменовать новый крупный этап и стать исходным пунктом напряженной и плодотворной работы широкого коммунистического воспитания, пропаганды наших идей в рабочем классе и крестьянстве; работы по смелому проникновению в капиталистическую и, в частности, в оккупационную армию, которой, быть может, суждено сыграть роль связующего звена между германской пролетарской революцией и готовым следовать за ней французским пролетариатом, внутренней работы по созданию твердого руководства партией и установления дисциплины, радостно и добровольно приемлемой всеми, внешней работы по привлечению широких масс на сторону нашего идеала. Этому году суждено быть также годом яростной борьбы с реформизмом Амстердама, Лондона, Вены, Женевы*), борьбы со всякого рода буржуазными блоками, будь то национальные или левые, борьбы в целях ослабления и ниспровержения самого наглого и преступного импе-

*) Т.-е. с заседающими в этих городах профсоюзными и социалистическими центрами международного характера. *Прим. ред.*

риализма. На вашем с'езде вы должны ковать оружие и орудия для тех битв и трудов, которые вас ожидают. Коминтерн надеется, что Марсель станет в истории вашей партии датой еще более знаменательной, чем Тур. С живейшим интересом следит он за вашей работой, уверенный в том, что французская партия выполнит свой долг в деле освобождения пролетариата.

Да здравствует Французская Коммунистическая партия!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Да здравствует всемирная революция!

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ Т. ЗИНОВЬЕВА О ТАКТИКЕ КОМИНТЕРНА НА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1921 г. [292]).

Товарищи, сегодня наши газеты сообщают о том, что нас уже почти что признали после 4-хлетнего существования, что предстоит весенняя конференция, в которой будем участвовать мы, как советская республика. Несомненно, факт в высокой степени знаменательный. Тем не менее, я думаю, что из всей европейской обстановки и из положения мирового рабочего движения (и это находится в теснейшей связи с предметом доклада тов. Зиновьева) вытекает тот вывод, что признание наше произойдет далеко не столь гладким и простым путем.

Политическое положение, которое влияет одинаково и на рабочий класс, и на правительства, и экономическое положение Европы и всего мира, сейчас в высокой степени сложно. С одной стороны, глубокий экономический кризис, который только изживается, с другой стороны—прилив политической самоуверенности у буржуазии и ее государства. С одной стороны, еще продолжаются величайшие экономические затруднения, небывалый кризис захватил глубины торгово-промышленной жизни, а, с другой стороны, имеем уже завоеванные позиции восстановленного государственного аппарата, и вытекающую отсюда уверенность у буржуазии, что труднейшие моменты для нее остались позади. Если сейчас буржуазия Англии, буржуазия Франции обсуждает в лице своих правящих классов вопрос о нашем признании с точки зрения баланса, с точки зрения торгово-промышленной выгоды, то это об'ясняется этими двумя причинами. Экономическое положение буржуазии трудное. Она ищет выхода, не включая Россию в мировой хозяйственный оборот, но она чувствует себя политически настолько самоуверенной,

что считает возможным маневрировать с таким довольно громоздким телом, как Советская Росссия. Это основа, которая определяется всем послевоенным положением Европы и всего мира. Экономический кризис сейчас изживает себя, и в Европе, и во всем мире имеются несомненные яркие, серьезные симптомы экономического оживления, и это для понимания всей обстановки и ближайших перспектив имеет величайшую важность.

Те из товарищей, которые присутствовали во время последнего международного конгресса и которые следили за идейной борьбой, знают, что эти вопросы обсуждались на международном конгрессе и особенно в его Комиссиях с точки зрения судеб рабочего движения ближайшей эпохи. Была группировка не очень оформленная, которая считала, что тот торгово-промышленный кризис, самый острый кризис, который мы переживали накануне последнего конгресса, является последним кризисом капиталистического общества, что этот последний кризис капиталистического общества будет фатально углубляться до диктатуры пролетариата. Это совершенно не марксистское, не научное механическое представление о революции. Некоторые делают вывод такой: так как мы живем в революционную эпоху, так как кризис будет неизбежно углубляться до полной победы пролетариата, то наша партия должна выступить на международную арену, а тяжелый пролетарский резерв, гонимый этим углубляющимся кризисом, раньше или позже поддержит ее в последнем рабочем штурме. Наша делегация на конгрессе боролась против этого замечания, указывая, что соображения эти не верны, не научны. Отсутствие равновесия между Европой и Америкой, разрезанность самой Европы, опустошенность Центральной и Восточной Европы еще не изжиты и по существу блокада России продолжается.

Напряженность международного положения, неуверенность, расстройство валюты, задолженность и финансовый хаос,—вот факты и факторы, унаследованные от войны, и среди них—стихийная сила капитализма стремится подняться вверх. Возможно это или невозможно?

Если рассуждать отвлеченно, то можно сказать: если предоставить этим стихийным силам так работать дальше, а пролетариат будет представлять пассивную массу, и коммунистическая партия будет организацией, делающей непрерывные ошибки, то результатом этого будет такое положение, что стихийная работа экономических сил, пользуясь пассивностью рабочего класса и ошибками коммунистической партии в конце концов на костях миллионов и миллионов пролетариата Европы, путем опустошения

целых стран, восстановит некоторое новое капиталистическое равновесие. Через 20 — 30 лет создастся новое капиталистическое равновесие, но вместе с тем будет гибель целых поколений, понижение культуры Европы и т. д., и т. д. Это чисто отвлеченное представление, которое исключает из игры самые важные и основные факторы, — рабочий класс, руководимый и управляемый коммунистической партией.

Мы утверждаем, что на-ряду с экономикой, которая создает сознательное маневрирование буржуазного государства, есть другой фактор, который на эту экономику опирается, ее учитывает и оценивает все переломы и зигзаги, который учитывает маневрирование буржуазного государства и переводит их на язык революционной тактики. Автоматическое наступательное движение, к чему пытались сбить некоторые выступавшие товарищи, которые были уверены, что нынешний товаро-промышленный кризис будто бы будет продолжаться до полной победы пролетариата,—совершенно противоречит экономической теории Маркса. Этот кризис свое развитие и в эпоху расцвета капитализма, и в эпоху застоя капитализма, и в эпоху упадка капитализма и распада экономических сил совершает циклами: под'ем, понижение, под'ем, понижение, и промежуточные стадии, при чем исторические наблюдения свидетельствуют о том, что циклы эти охватывают, в среднем, если взять лет 150 назад, по 9 лет. Эти колебания имеют свою внутреннюю глубокую закономерность, и можно с уверенностью сказать, что если в 1920 — 1921 г.г. не произойдет победоносной революции в Европе, то в 1920—1921—1922 г.г.—нынешний острый кризис неизбежно уступит место симптомам, явлениям, а потом и более крупным фактам торгово-промышленного под'ема. И если спросить, каков будет этот под'ем, каковы его размеры, какова глубина этого под'ема, то здесь можно сопоставить с дыханием человека: человек дышит всегда, до тех пор, пока не умрет; но человек молодой, или человек зрелый, или умирающий, дышит по-разному, и по дыханию можно судить о здоровье организма, но, все-таки, человек дышит до тех пор, пока не умрет... Так и с капитализмом: колебания этих волн, под'емы и понижения неизбежны, пока этот капитализм не будет снесен победоносным пролетариатом. Но идет ли капитализм вверх, застойное ли положение капитализма, или он понижается,— об этом можно судить по колебаниям волн под'ема и кризиса. Сейчас можно сказать с полной уверенностью, что после того, как кризис, который начался с весны 1920 г., и который достиг наибольшей своей остроты в мае 1921 г.,—длился в среднем с разными колебаниями 15, 16, 17, 18 месяцев, после того, как этот кризис со-

вершил работу всякого кризиса, т.-е. извел избыточные товары, избыточные производительные силы, после этого развитие капитализма получило некоторый дополнительный простор. Начинается оживление, которое выражается в том, что цены начинают итти вверх, безработица начинает понижаться. Кто этим вопросом интересуется, пусть прочитает статью Павловского [293]) в последнем номере «Коммунистического Интернационала». Есть также ряд статей Смита [294]) в «Экономической Жизни», не говоря уже о специальных экономических журналах. Сейчас спорить по поводу того, углубляется ли кризис или нет—не приходится.

Если оценивать ту волну под'ема в рабочем движении, которую мы сейчас наблюдаем, то приходится сказать, что она теснейшим образом связана с начавшимся торгово-промышленным оживлением. Это торгово-промышленное оживление, глубина его будет, конечно, определяться состоянием капитализма в целом после того, как первая траншея—чудовищные цены—была смыта и срыта торгово-промышленным кризисом, и производственные силы, парализованные, истерзанные, получили до некоторой степени возможность двинуться вверх (а это мы сейчас наблюдаем), они натолкнутся завтра, послезавтра, через год, через два (срок трудно предсказать) на опустошение Восточной Европы, на ужасающее положение Западной Европы, на ту же валюту, для оздоровления которой остается еще очень большой срок.

И под'ем не будет гигантским под'емом, к каким мы привыкли до 1914 года. Он будет, вероятно, достаточно болезненным, с зигзагами не только вверх, но и с зигзагами вниз. Это—несомненный факт. Но тем не менее это есть новый этап, новый период при развитии экономики и политики рабочего движения на основе под'ема. Откуда этот под'ем? Я дам в двух словах хронологию: в 1914 году должен был начаться кризис. Началась империалистская война. Она перерезала кривую экономического развития, и начался бешеный под'ем военного времени на основе расхищения, сожжения, уничтожения материальных сил и средств, задолженность, расстройство хозяйственного аппарата, отсутствие жилищ и построек, расстройство всех фундаментов, огромный выпуск бумажных денег и т. д. Война кончается. 1918 год. Демобилизация. Самый опасный момент. Рабочие и крестьяне выходят из армии, возвращаются к разбитому корыту. Военные заказы прекращаются. Кризис усиливается. Если бы в этот период коммунистическая партия была вполовину такая, как сейчас в Германии или во Франции,—пролетариат взял бы власть в свои руки. В 1919 году (это можно сказать с полной уверенностью) ее не было. Правительство

использовало то, что ее не было и, боясь демобилизации, продлило военно-экономическую политику в течение 1919 года. Мы видим, что денежные бумажки продолжают выпускаться, старые заказы продолжаются или заменяются новыми только для того, чтобы не было кризиса, и 1919 год проходит под этим знаком огромных миллиардных и многомиллиардных подачек со стороны буржуазного государства, конечно, за счет тех же народных масс. Это мораториум своего рода, поддержание искусственное, фиктивное. Капитал делает политические уступки, вводит 8-часовой рабочий день; разливается стихийная волна наступления рабочих без руководства коммунистической партии, которая тогда почти не существовала.

Расплата началась с 1919 года: кризис начался. Буржуазия и ее государства учитывали кризис, но не могли изменить законов механики. Когда первые революционные движения потерпели неудачу, то это произошло из-за отсутствия опыта, из-за отсутствия коммунистической партии. Вслед за этим начинается внутренняя борьба, раскол и разочарование в среде тех начитанных, широких кругов рабочих масс, которые представляли себе в 1918 г. дело гораздо проще. Развитие буржуазии и понижение заработной платы—вот признаки того момента; чувство неуверенности—стачки срываются, армия безработных огромна.

В этих условиях кризис должен был пережить на одном своем полюсе реформистские иллюзии, а на другом иллюзии анархистские. Коммунистическая партия чувствовала при этом в известный момент изолированность от масс, и поскольку она не подоспела к моменту ликвидации войны, поскольку острый период буржуазии удалось пережить, поскольку затем кризис ударил по массе, уже потерпевшей первое политическое разочарование, — постольку только ослабление тисков этого кризиса может дать новый серьезный толчок революционной энергии рабочих масс. И это теперь на-лицо.

Этот кризис, разумеется, и в десятой доле не так велик, чтобы позволить буржуазии разрешить одну сотую часть ее противоречий, ее затруднений, но он уже достаточно силен для того, чтобы дать возможность рабочему классу снова почувствовать, что он является носителем производства, что на нем все держится, что буржуазия, капитал попадает от него в все бо́льшую зависимость.

И главное, в этот момент у него уже есть руководящая коммунистическая партия с опытом борьбы, с опытом ошибок—и опыт ошибок есть ценнейший опыт—и с опытом успехов, которые мы основываем на использовании уроков ошибок. Вот положение, которое мы имеем сейчас.

Мы можем с полной уверенностью сказать, что тот этап внутренней дифференциации в рабочих массах, который особенно остро начался в 1920 году и обозначился к концу 1920 года,—дифференциации разброда, изолирования коммунистов, превращения их в явно очевидное меньшинство, которое иногда посягает действовать так, как если бы оно было большинством (примеры чего мы видали в Германии), — этот период в общем и целом оставлен позади, и на этом основана целиком и абсолютно правильно та тактика, которую предлагает Коммунистический Интернационал и которую защищал тов. Зиновьев. Как долго затянется это оживление, какие формы он примет, это, товарищи, трудно предсказать, — скорее всего, в форме болезненной. Эти волны будут иметь характер судорог, но этим самым обеспечиваются революционные толчки. При наличии руководящей коммунистической партии можно сказать несомненно, что нарастающая волна революционного движения, этот прилив, поднимает на себе все группировки в рабочем классе, т.-е. и оппортунистов, и центристов, и коммунистов поднимет вверх. Он вынуждает искать практических соглашений под влиянием потребности этого прилива. Но вместе с тем именно потому, что он всех поднимает—этот прилив начинает поднимать в действие и для действия рабочие массы, и всю эту группировку проверяет через действие.

То, что раньше было теоретической полемикой, дискуссией политических партий меньшинства, то становится проверкой методов в большинстве. Мы на этом под'еме поднимемся до конца, а другие в этом приливе утонут. И международное положение определяется целиком вот этой обстановкой.

Буржуазия очень самоуверенна, экономические затруднения очень велики; промышленный под'ем открывает и перед ней перспективы, верхи ее будут, конечно, снимать с этого под'ема золотые сливки (аппарат у нее в руках). У нас при опыте Интернационала, его руководящих партий и элементов, мы нащупываем и формулируем эти симптомы под'ема, но буржуазия отнюдь не оценивает их во всем их историческом значении. Ее самоуверенность очень велика. И вот на этом периоде перелома она собирает свою Вашингтонскую конференцию [295]) и начинает разговаривать, чтобы нас пригласить на новую весеннюю конференцию. Ее самоуверенность, наш голод, наше дьявольское экономическое положение—все это говорит, что она представляет себе дело разговоров с нами гораздо легче и проще, чем окажется в действительности.

Наиболее предусмотрительна Америка. Она заключила соглашение с Японией. И разрешение Японии нас грабить великолепно

идет параллельно с филантропической деятельностью по отношению к нашим голодающим. Одно другое дополняет превосходно. Там—на Востоке большой маневр.

Есть и другие маневры на Западе, которые ближе. Подготовка в Карелии плацдарма карельских событий крупнее, чем мы думаем. Банды вдоль западной границы (я покажу на с'езде Советов карту движения этих банд), сосредоточение польских войск увеличилось. Все это означает, что есть, с одной стороны, крыло европейской буржуазии—ближайшей к нам польской и прочей, которая хочет с нами драться во что бы то ни стало. С другой стороны, если кое-кто из буржуазии и даже, может быть, из руководящих элементов ее представляет себе дело нашего признания и соглашения с нами несколько упрощенно: вот, позовем Красина или Чичерина [295a]); к 20 милл. долларам прибавим еще немножко и скажем тогда Коминтерну: «Давайте внутреннюю чистку произведем; дайте известные политические гарантии, последние остатки ногтей чорта коммунизма отстрижем, как следует быть, и затем все дело будет в шляпе»!

Несомненно, что у Ллойд-Джорджа и у целого ряда других в голове дело рисуется в таком роде. Если переговоры о нашем признании возникнут, то будет много зигзагов, похожих на судороги и спазмы. И Ллойд-Джорджу, и Бриану, и многим другим во время этих переговоров понадобится нажим с низов: тут и Польша, тут и Румыния, тут и Финляндия. Положение очень серьезно и в исторической перспективе обещает—и в смысле международном, и в смысле российском—кривую под'ема, но это будет не кривая ровного под'ема, а кривая со многими зигзагами, и ближайший зигзаг может наступить как раз ближайшей весною. Если бы, скажем, начались эти переговоры, конечно, мы всячески должны пойти на них. Я подчеркиваю это с одной стороны, как член Коммунистической партии и как человек, который имеет ближайшее отношение к известной части этой опасности, но факт, несомненно, тот, что чем ближе мы стоим в международной обстановке к признанию нас, к кредитованию нас буржуазным миром, тем ближе мы подходим к тому моменту, когда буржуазный мир захочет уступчивость нашу в переговорах получить дополнительными ударами и пинками, и прямыми военными действиями. И с этой точки зрения то, что делается на Востоке и на ближнем Западе, глубоко симптоматично. Поэтому я думаю, что нам, учитывая всю эту международную обстановку и вполне поддерживая резолюцию Коммунистического Интернационала, абсолютно правильную и отвечающую всей обстановке, надо в то же время сказать: по мере того, как европей-

ский и мировой пролетариат будет, опираясь на начавшееся экономическое оживление, выравнивать единый фронт революционных рабочих масс, облегчая постепенный сдвиг масс, мы должны в то же время помнить его, и напоминать мировому пролетариату, что мы должны выравнивать и свой фронт, в собственном смысле слова. Если бы это было и весною, революционные события получили бы бурный характер (предугадывать, конечно, трудно, но это не исключено), то как раз это революционное обострение, его первые шаги в момент, когда буржуазия вступает с нами в решающие переговоры,—в этот момент политического маневра, эти первые революционные шаги могут поставить крест на всякие планы признания нас и толкнуть наших врагов в открытую борьбу с нами через посредство тех, кто является военными агентами французского и всякого иного капитала, т.-е. через посредство ближайших наших соседей. Вот почему Красная армия в этот момент должна быть в полном порядке. (Аплодисменты.)

Заключительное слово [296]).

Товарищи, дискуссия по этому вопросу принимает немножко приват-доцентский [297]) характер в худшем смысле этого слова. Я и в мыслях не имел, когда выступал по докладу товарища Зиновьева, что по этому вопросу будут какие-либо прения. Ценный материал по этому вопросу я нашел в последней книжке «Коммунистического Интернационала», в статье Павловского, которая напечатана без всяких примечаний, и думаю, что факты, мною сообщаемые, абсолютно неоспоримые. Это кривая, нанесенная мною грубо для того, чтобы виднее было, эта кривая... (Рязанов [298]) с места: «Не на всякой кривой выедешь».) Думаю, товарищ Рязанов, что мы-то с вами на ней выедем... Я говорю, что если с 1920 г. до мая и июня 1921 года кривая промышленного развития падает, а затем начинаются движения, которые я назвал судорожным и спазматическими, некоторый под'ем, а затем опять падает вниз, затем опять идет вверх и может опять упадет вниз, то эта и эта линия (показывает диаграмму) резко разнятся. Здесь в течение 12-ти, 13-ти и 14-ти месяцев наблюдается падение. В чем выражается это падение? Сегодня, например, тысяча рабочих, завтра 999, 998, 997 и систематически в течение 15-ти месяцев такое падение. 996-ой рабочий говорит: завтра моя очередь. Так как перед этим у нас было понижение, из завода удалено некоторое количество рабочих. У рабочих настроение полной неуверенности. Капиталист от них не зависит, а они от него

всецело. Это упадочное настроение у широких кругов рабочих имелось. Теперь допустим, что на фабрике прибавился один рабочий, стало 1001 рабочий, затем 1002 рабочих и т. д. С точки зрения статистики это ничтожная величина. С точки же зрения самочувствия рабочих это огромный факт. Их тысяча человек. Затем их становится 1001, затем 1002 и т. д. Значит завод развивается, и рабочий чувствует под ногами какую-то почву. Таким образом важен самый факт, что осенью этого года произошло изменение кон'юнктуры, в силу урожая или в силу того, что прекратилась стачка, все что угодно. Если бы у меня не было статистики и если бы я сидел в одиночке и до меня доходили бы политические и экономические сведения, что настроение рабочих такое-то, известия такие-то, а затем некоторые увеличение числа рабочих, я бы сказал, что что-то изменилось, что какой-то экономический сдвиг есть. Сейчас можно спорить о том, как пойдет дальше эта кривая. Тут наблюдаются некоторые колебания. Этим доказывается, что через эти колебания капиталистическое развитие или остается застойным, или идет вниз. Я говорю только о том, что это неровная или падающая линия, что на ней есть колебания, и не учитывать их, значит не учитывать тех жизненных толчков, под действием которых живет и борется рабочий класс.

Я повторяю, если бы у меня не было никакой статистики, я бы и тогда сказал, что произошло, но статистика есть,—прочитайте статью Павловского. В текстильной промышленности произошли крупные изменения. $^9/_{10}$ веретен работают, или работали в августе и сентябре. Весною работала половина. Огромное изменение. В Америке доменные печи, угольная промышленность, металлургия в августе и сентябре подверглись серьезнейшим изменениям. Мы теперь живем политическим отражением этих изменений. Тут нужен был толчек лавине рабочего движения. Будет ли опять кризис? Я скажу после полученного толчка: он может не оказать деморализующего влияния, потому что почувствовалась потребность в сплочении, в единой политической энергии рабочего класса. Рабочий класс получает в известных пределах самостоятельное значение. Не учитывать этих толчков нельзя. Говорят, что это значит равновесие. Какое равновесие? Если бы нынешний под'ем был в десять раз больше, что ныне намечается, то он не уменьшил бы и одной сотой части тех препятствий, которые стоят на пути к расцвету. Сокольников не логичен: он говорит, что равновесия капитализма не получится. Я сказал, когда получится. Если вымрет один миллион европейского населения от голода и холода, если Гер-

мания обратится в колонию, если в России падет Советская власть и она обратится в колонию, если Европа станет вассальной страной по отношению к Америке и Японии, тогда восстановится новое равновесие капитализма. Для этого нужно 50 лет непрерывной борьбы, во время которой нас будут бить, душить, истреблять и вконец задушат. Тогда будет новое равновесие капитализма. Вот перспектива, которую я рисовал.

Сейчас обнаружилось оживление; оно наталкивается на новые траншеи перед войной, о которой я говорил, первые траншеи— бешено высокие цены. В течение двух-трех месяцев оно наталкивается на новые баррикады,—сильные нарушения равновесия в Европе и Америке, расчлененность Европы, опустошенность и отрезанность центральной и восточной Европы, состояние войн и проч. Когда капитализм, получивший некоторый полуфиктивный расцвет, давший толчек рабочему движению, напарывается на баррикаду, воздвигнутую войной, он поворачивается к Советской России, он будет поворачиваться десять раз при первом же ухудшении. А в ноябре была некоторая несомненная заминка, которую осторожно характеризует Варга. Это предостережение. В декабре будет новая линия вверх. Того бешеного падения, которое было с мая прошлого года, даже с апреля или марта и до июня этого года в течение этих 15-ти месяцев, того бешеного падения, которое явилось реакцией на всю войну, не будет...

Будет ли под'ем медленный, планомерный?—Нет. Будет ли общий под'ем со скачками?—Весьма возможно, быстрый,—ни в коем случае. Как долго?—Предсказать нельзя. Но уже изменение, что от водопада мы перешли к ряби, когда вода экономического развития бросается в одну или другую стороны, но уже водопада нет, она не падает, это уже изменение, колоссальнейшее изменение. Если мне говорят, что нищеты сколько угодно, бедности, безработицы и т. п. (об английской безработице не буду говорить), то указание т. Сокольникова напоминает мне следующее. Если я скажу, что у т. Каменева [299]) в Москве улицы в этом году чище, чем в 1918 г., а кто-то скажет, что Троцкий сказал, что Москва представляет полное процветание, и приведет вам всю статистику московского навоза. Но если я говорю, что улицы стали чище, чем в 1918 г., то это факт, и не видеть это было бы несправедливостью по отношению к советскому муниципалитету.

Приведут другой факт: — валюта пляшет бешеную пляску, финансовый аппарат расстроен, это, разумеется, является базой революции, но в этом моменте есть свои зигзаги, свои изменения.

Сокольников говорит, будто выводом из моих слов должно быть спекулирование на войне. Если я считаю, что все идет к установлению гармонии и равновесия, то война была бы просто самоубийством. Покончить ли жизнь тем или иным путем, — безразлично. Он назвал это моей логикой. Если капитализм устанавливает равновесие, а я скажу, что надо направлять всю политику на войну, то это значит, что я просто хочу бритвой перерезать глотку, что я предпочитаю кровопролитное окончание дела. Это философия т. Сокольникова.

Я ничего подобного не говорил. Я указал, что факт стремления к нашему признанию сам по себе имеет значение, пока не историческое, но симптоматическое некоторое значение имеет. Если нас признают, тогда будет историческое значение, но пока только идет разговор об этом, и неизвестно, на каких условиях нас признают. Когда начнутся переговоры, я буду голосовать, чтобы послать туда Сокольникова, он прекрасный дипломат. Когда будет формироваться туда делегация для переговоров о нашем признании, я буду голосовать, чтобы в эту делегацию вошел анти-военно настроенный, мирно настроенный т. Сокольников, но я в то же время предупреждаю, что через неделю, через две т. Сокольников может дать сюда сообщение, что Ллойд-Джордж и Бриан требуют не более, не менее, как следующего, чтобы мы Коминтерн из России удалили. (Радек с места: «В Ригу».) В Ригу или Ревель,—это неважно, это первое небольшое требование. Во-вторых, чтобы мы нефтеносный кавказский район и петроградскую промышленность передали английскому синдикату,—мелочь: Англия в Петрограде, она же хозяйка на Кавказе. В-третьих, чтобы мы Красную армию, ввиду всеобщего разоружения, в Вашингтоне провозглашенного, распустили. Три небольших требования, при чем там может быть сказано, что если мы на эти условия соглашения не пойдем, то — будет ли это сказано, или будет сделан намек, который будет дополнен практикой на западной границе, но... стоят наготове французские войска, в Карелии хороший плацдарм, готовится удар на Петроград с севера...

Отсюда я делаю вывод, что, ведя эти переговоры и пользуясь всемерно архизатруднительным положением капитализма, нам нужно быть на-чеку, ибо последний период переговоров будет самым острым периодом, когда для того, чтобы нас сделать сговорчивее, пустят угрозу интервенции военной. А когда это не подействует, то пустят интервенцию самое. Тов. Сокольников говорит, что «вся моя перспектива рассчитана на войну, именно на наступательную

войну». Вы именно попали в точку. Я в партии, в полном согласии с Ц.К., который считает абсолютным вздором сейчас из идеи наступательной войны делать лозунг; на С'езде Советов, в любом собрании красноармейцев и на ответственной партийной конференции я говорю, что наша политика—это политика борьбы за мир. Но борьба за мир означает при данных условиях крепкую Красную армию. Приближение переговоров о признании не ослабляет, а усиливает эту необходимость. И оживление революционного движения в Европе, которое создает для буржуазии еще более острое положение, обостряет возможность военной опасности.

Товарищи, тут политических разногласий никаких нет. Была сделана попытка мои соображения и доводы экономического характера, которые я изложил, превратить в идейную экономическую доктрину. Попытка была сделана тов. Сокольниковым.

Ни о каком равновесии никто у нас не говорит. Наоборот, если что мне можно пред'явить, то это то, что весной этого года, когда кризис был очень глубокий и несомненный, я в отношении перспективы революции брал более далекий прицел: я считал, что данных для ожидания близкого революционного развития нет. А сейчас, наоборот, я целиком считаю, что поворот и в частности толчек дан именно в экономическом оживлении. Приостановка этого кризиса и экономическое оживление в важнейших промышленных странах политически приблизят нас к возможности массового революционного движения. Если бы ухудшение пошло и дальше так, как оно шло в течение последних полутора лет, что я считаю невозможным, невероятным и экономически необоснованным, то я считаю, что задержалось бы революционное развитие. Если развитие пойдет так, как оно сейчас идет, это будет на руку нам. Экономически буржуазия выиграет в 100 раз меньше, чем мы выиграем политически. Вот в чем существо дела.

Возвращаясь к тезисам Зиновьева, я считаю, что они подлежат одобрению, единодушному и единогласному. Факт этого одобрения будет известен всему коммунистическому европейскому движению. Сомнения могут быть и будут у тех или других элементов, а также и предрассудки, мнимые рассудочные сомнения и т. д. Взвесив их, нужно преодолеть их своим единогласным одобрением тезисов; конференция поможет действительным коммунистическим элементам мирового рабочего движения повернуть свою политику на абсолютно правильные рельсы.

ПРИЛИВ*).

(Экономическая кон'юнктура и мировое рабочее движение).

Капиталистический мир вступает в период промышленного под'ема. Смена депрессий под'емами—органический закон капиталистического общества. Этот под'ем отнюдь не говорит о наступлении равновесия в классовой структуре. Кризис часто способствует нарастанию анархистских и реформистских настроений у рабочих. Под'ем будет содействовать сплочению рабочих масс.

I.

В европейском рабочем движении обнаруживаются симптомы нового революционного прилива. Идет ли на этот раз девятый вал, или еще нет — предсказать нельзя. Но несомненно, что кривая революционного движения явно идет вверх.

Самым критическим периодом в жизни европейского капитализма был первый послевоенный год (1919). Высшее проявление революционной борьбы в Италии (сентябрьские дни 1920 года) разыгралось тогда, когда в Германии, в Англии, во Франции самые острые моменты политического кризиса казались уже превзойденными. Мартовские события этого года в Германии были запоздалым отголоском прошлой революционной эпохи, а не началом новой. Уже с начала 1920 года капитал и его государство, закрепив за собою первые позиции, переходят к дальнейшему наступлению. Движение рабочих масс получает оборонительный характер. Коммунистические партии убеждаются, что они в меньшинстве, и в некоторые моменты кажутся изолированными от подавляющего большинства рабочего класса. Отсюда так называемый «кризис» в III Интернационале. Сейчас, как сказано, наметился явный перелом. Революционное наступление рабочих масс нарастает. Перспективы борьбы расширяются.

Эта смена этапов является результатом сложных причин разного порядка; но в основе ее лежат острые зигзаги экономической кон'юнктуры, в которых отражается капиталистическое развитие послевоенного времени.

Самым опасным для европейской буржуазии временем был период демобилизации, возвращения обманутых солдат к своим очагам и их распределение по ячейкам производства. Первые послевоенные месяцы породили большие затруднения, способствовавшие обострению революционной борьбы. Но правящие буржуазные клики спохватываются и проводят широкую финансово-государственную

*) «Правда», 25 декабря 1921 г., № 292.

политику, направленную на смягчение демобилизационного кризиса: бюджет продолжает сохранять чудовищные размеры эпохи войны, многие предприятия искусственно поддерживаются на ходу, многие заказы сохраняются для того, чтобы не вышло безработицы, квартиры сдаются по ценам, не обеспечивающим ремонта зданий, к ввозному хлебу и мясу государство приплачивает из своего бюджета. Другими словами: государственный долг возрастает, валюта обесценивается, основы хозяйства подрываются — с политической целью: продлить фиктивный торгово-промышленный под'ем эпохи войны. Это дает возможность промышленным верхам произвести обновление технического аппарата крупнейших предприятий и переоборудование их на мирный лад.

Но фиктивный под'ем очень скоро упирается во всеобщее обеднение. Промышленность, вырабатывающая предметы потребления, первая наталкивается на чрезвычайно упавшую емкость рынка и образует первую баррикаду перепроизводства, в которую затем упирается развитие тяжелой промышленности. Кризис получает неслыханные размеры и небывалые формы. Начавшись по ту сторону океана ранней весной, развившись в Европе к середине 1920 года, кризис самой глубокой своей точки достигнет в мае истекающего 1921 года.

Таким образом к тому моменту, когда начинался открытый, явный послевоенный торгово-промышленный кризис (после года фиктивного под'ема), первый стихийный штурм рабочего класса на буржуазное общество уже заканчивается. Буржуазия устояла ценой лавирования, уступок, отчасти путем военного отпора. Этот первый пролетарский штурм был хаотичен — без определенных политических целей и идей, без плана, без руководящего аппарата. Ход и исход этого первого натиска показали рабочим, что перемена их судьбы и перестройка буржуазного общества гораздо более сложное дело, чем могло казаться во время первого проявления послевоенного протеста. Сравнительно однородная по бесформенности своего революционного настроения рабочая масса начинает после этого быстро терять свою однородность,—в ней происходит внутренняя дифференциация. Наиболее активная и наименее связанная традициями прошлого часть рабочего класса, уяснив себе на опыте необходимость идейной отчетливости и организационной сплоченности, смыкается в коммунистическую партию. Более консервативные или менее сознательные элементы, после неудач, временно отшатываются от революционных целей и методов. Рабочая бюрократия пользуется этим расслоением, чтобы восстановить свои позиции.

Весенний и летний торгово-промышленный кризис 1920 г. разразился, как сказано, в то время, когда уже обнаружилась указан-

ная политическая и психологическая реакция в рабочем классе. Кризис, несомненно, обострил недовольство значительных групп рабочего класса, породил там и здесь бурные проявления недовольства, но после неуспеха наступления 1919 г. и при происшедшей, в результате этого, дифференциации, экономический кризис сам по себе не мог уже вернуть движению необходимое единство и придать ему характер нового, более решительного революционного штурма. Из этого обстоятельства мы снова убеждаемся, что влияние кризиса на ход рабочего движения вовсе не имеет того однородного характера, какой мерещится некоторым упростителям: политическое влияние кризиса (не только глубина влияния, но и направление его) определяется всей наличной политической обстановкой и теми событиями, которые кризису предшествовали и ему сопутствовали, особенно же теми боями, удачами и неудачами самого рабочего класса, которые предшествовали кризису. В одних условиях кризис может дать могущественный толчок революционной активности рабочих масс, в других он может совершенно парализовать наступление пролетариата и, если затянется слишком долго, после слишком больших жертв, понесенных рабочими, может крайне ослабить не только наступательную, но и оборонительную энергию рабочего класса.

Сейчас можно, в целях пояснения мысли, высказать следующее ретроспективное предположение: если бы экономический кризис с явлениями массовой безработицы и необеспеченности последовал непосредственно после конца войны, революционный кризис буржуазного общества получил бы несравненно более острый и глубокий характер. Именно для того, чтобы избежать этого, буржуазные государства смягчили революционный кризис спекулятивно-финансовым под'емом; т.-е. отсрочкой неизбежного торгово-промышленного кризиса на год — полтора, ценою дальнейшего расстройства своего финансово-хозяйственного аппарата. Кризис стал от этого еще глубже и острее, но он совпал уже не с бурной демобилизационной волной, а с моментом ее неуспеха, подведения итогов, переучивания в одном лагере, разочарования в другом и выросших отсюда расколов. Революционная энергия рабочего класса ушла внутрь и ярче всего высказалась в напряженном строительстве коммунистической партии. Она сразу вырастает, как крупнейшая сила, в Германии и во Франции. Капитал, искусственно породивший спекулятивный под'ем в течение 1919 года, после того, как непосредственная опасность миновала, использовал наступивший кризис для того, чтобы сбить рабочих с тех позиций (8-часовой рабочий день, повышение заработной платы), которые он им в предшествующий период уступил, в целях самосохранения. Отбиваясь, рабочие

отступали. Идеи завоевания власти, республики Советов, социалистической революции, естественно, блекли в их сознании в тот период, когда им приходилось, при том далеко не всегда с успехом, бороться из-за процентного сокращения заработной платы.

Где экономический кризис не принимал форм перепроизводства и острой безработицы, а сохранял более глубокую форму распродажи страны и понижения жизненного уровня трудящихся (Германия), там энергия рабочего класса, направленная на повышение заработной платы, в соответствии с падением покупательной силы марки, походила на энергию человека, который гоняется за своей тенью. Как в других странах, германский капитал перешел в наступление. Рабочие массы, отбиваясь, отступали нестройными рядами.

Именно в этой общей обстановке разыгрались в Германии мартовские события этого года. Суть их сводится к тому, что молодая коммунистическая партия, испугавшись явного революционного отлива в рабочем движении, сделала отчаянную попытку использовать выступление одного из активно настроенных отрядов пролетариата для того, чтобы «электризовать» рабочий класс и по возможности довести дело до решающего боя.

Под свежим впечатлением мартовских событий в Германии, собрался III Конгресс Интернационала. В результате внимательного рассмотрения он вполне оценил опасность, вытекающую из несоответствия между тактикой «оффензивы», революционной «электризации» и пр. — и теми более глубокими процессами, которые происходили во всем рабочем классе, в соответствии с изменениями и поворотами в экономической и политической обстановке.

Если бы в 1918 и 1919 годах в Германии была коммунистическая партия такой силы, как в марте 1921 года, весьма вероятно, что пролетариат оказался бы у власти еще в январе или марте 1919 года. Но такой партии не было. Пролетариат потерпел поражение. Из опыта этого поражения выросла коммунистическая партия. Если бы она, возникнув, захотела в 1921 году действовать так, как коммунистической партии полагалось бы действовать в 1919 году, она расшиблась бы в прах. Именно это и раз'яснил последний Конгресс.

Спор вокруг теории оффензивы тесно сплелся с вопросом оценки экономической кон'юнктуры и ее дальнейшего развития. Наиболее последовательные представители теории оффензивы развивали следующие соображения: во всем мире царит кризис, который является кризисом распада экономического общества; этот кризис неизбежно будет углубляться и тем самым все более революционизировать рабочий класс; ввиду этого, коммунистической партии не зачем огля-

дываться назад, на резервы; ее задача — наступать на капиталистическое общество; раньше или позже пролетариат поддерживает ее, гонимый бичом экономического распада. В таком законченном виде эта точка зрения не дошла до Конгресса, так как более острые углы ее были обломаны в комиссии по экономическому положению. Уже одна мысль, что торгово-промышленный кризис может уступить место относительному под'ему, казалась сознательным и полусознательным сторонникам теории оффензивы почти что... центризмом. Что же касается того, что новое торгово-промышленное оживление не только не станет тормозом революции, но, наоборот, обещает сообщить ей новую силу, то мысль эта казалась уже прямо-таки меньшевизмом. Мнимый радикализм «левых» нашел свое запоздалое и довольно невинное отражение на последнем с'езде германской коммунистической партии, резолюция которого, замечу мимоходом, удостоивает меня персональной полемикой, хотя я и выражал только взгляды центрального комитета нашей партии. Я с этим маленьким и безвредным для дела реваншем «левых» мирюсь тем охотнее, что, в общем, урок III Конгресса ни для кого не прошел бесследно, и меньше всего для наших немецких товарищей.

II.

Сейчас несомненные явления перелома экономической кон'юнктуры на-лицо. Общие фразы на счет того, что нынешний кризис есть последний кризис распада, что он составляет основу революционной эпохи, что он может закончиться только с победой пролетариата, — не могут, очевидно, заменить конкретного анализа экономического развития со всеми вытекающими отсюда тактическими последствиями. На самом деле мировой кризис, как сказано, приостановился в мае этого года. Промышленность, работающая на потребление, первая обнаружила признаки улучшения кон'юнктуры. За ней сдвинулась с места и тяжелая промышленность. Сейчас это бесспорные факты, которые находят свое выражение в цифрах. Мы не будем их приводить, чтобы не затруднять читателю усвоения общей нашей мысли*). Означает ли это, что приостановился распад экономического хозяйства? Что оно восстановило свое равновесие? Что революционная эпоха на исходе? Ни в какой мере. Перелом промышленной кон'юнктуры означает, что распад капиталистического

*) Интересующиеся читатели найдут интересные данные в статье тов. Павловского в № 10 «Коммунистического Интернационала» и в статье тов. С. А. Фалькнера в «Экономической Жизни» (№№ 281, 285 и 286).

хозяйства и ход революционной эпохи — явления, более сложные, чем кажется иным упростителям.

Ход экономического развития характеризуется кривыми двух порядков. Одна из них — основная — определяет общий рост производительных сил, товарного оборота, внешней торговли, банковских операций и проч. Эта кривая идет через все развитие капитализма— в общем и целом—вверх. Она выражает собою тот факт, что производительные силы и человеческое богатство при капитализме возросли. Однако эта основная кривая поднимается вверх неравномерно. Бывают десятилетия, когда она еле-еле повышается, затем наступают новые десятилетия, когда она круто вздымается вверх, чтобы затем, в новую эпоху, оставаться в течение продолжительного времени на одном и том же уровне. Другими словами, история знает эпохи более быстрого и более медленного развития производительных сил при капитализме. Так, если возьмем кривую английской внешней торговли, то установим без труда, что с конца XVIII столетия она лишь очень медленно развивается до самой средины XIX века. Затем в течение двадцати с лишним лет (1851 до 1873) она поднимается вверх очень быстро. В следующую эпоху (1873 — 1894) остается почти неизменной, чтобы затем быстро подниматься вверх до самой войны.

Если начертить эту кривую на бумаге, то своим неравномерным изгибом кверху она даст нам схематическое представление о ходе капиталистического развития в целом или об одной из его сторон.

Но мы знаем, что капиталистическое развитие происходит в так называемых промышленных циклах, которые состоят из нескольких последовательных фазисов экономической кон'юнктуры: под'ем, заминка, кризис, приостановка кризиса, улучшение, под'ем, заминка и пр. Историческое наблюдение свидетельствует, что циклы сменяют друг друга каждые 8 — 10 лет. Если нанести их графически на бумагу, то получим на основной кривой, характеризующей общее направление капиталистического развития, периодические волны повышения и понижения. Циклические колебания кон'юнктуры свойственны капиталистическому хозяйству, как биения сердца — живому организму.

За кризисом следует под'ем и за под'емом кризис, но в общем кривая капитализма в течение столетий шла в гору. Ясно, что сумма под'емов была больше суммы кризисов. Однако в разные эпохи кривая развития имела разный вид. Бывали эпохи застоя. Циклические колебания не приостанавливались. Но раз капиталистическое развитие в общем шло в гору, значит кризисы приблизительно уравновешивали под'емы. В те эпохи, когда производительные силы

быстро шли в гору, циклические колебания продолжались своим чередом. Но каждый под'ем, очевидно, двигал хозяйство вперед на большее расстояние, чем последующий кризис отбрасывал его назад. Волны циклов можно было бы сравнить с колебаниями струны, если бы линия экономического развития походила на натянутую струну; на самом деле она имеет сложно изогнутый вид.

Уже эта внутренняя механика капиталистического развития, через постоянную смену кризиса и под'ема, показывает, в какой мере неправильна, прямолинейна, ненаучна мысль о том, что нынешний кризис должен, непрерывно углубляясь, длиться до диктатуры пролетариата, независимо от того, наступит ли она через год, через три, или через большее число лет. Циклические колебания, возражали мы в докладе и в резолюции на третьем с'езде, сопровождают капиталистическое развитие в его юности, зрелости и упадке, как биения сердца сопровождают человека даже в агонии. Каковы бы ни были общие условия, каков бы то ни был хозяйственный упадок, торгово-промышленный кризис сметает избыточные товары и производительные силы, устанавливает большее соответствие между производством и рынком и тем самым открывает возможность промышленного оживления.

Темп, об'ем, напряжение и длительность оживления зависят от всей совокупности условий, характеризующих жизненность капитализма. Сейчас можно уверенно сказать (это говорилось уже в эпоху III Конгресса), что, после того как кризис сорвет ближайшую баррикаду, в виде непомерных цен, начавшееся промышленное оживление в нынешней мировой обстановке быстро упрется в ряд других баррикад: глубочайшее нарушение экономического равновесия Америки и Европы, обнищание Центральной и Восточной Европы, длительное и глубокое расстройство финансового аппарата и т. п. Другими словами, ближайший промышленный под'ем не сможет ни в коем случае восстановить условия дальнейшего развития, сколько-нибудь близкие к довоенным; наоборот, весьма вероятно, что после первых же своих завоеваний он упрется в экономические траншеи, вырытые войной.

Но под'ем есть под'ем. Он означает повышение спроса на товары, расширение производства, сокращение безработицы, повышение товарных цен и возможность повышения заработной платы. И в данных исторических условиях он не ослабит, а обострит революционную борьбу рабочего класса. Это вытекает из всего предшествующего. Рабочее движение всех капиталистических стран после войны прошло через свою кульминацию, которая привела, как мы видели, к более или менее выраженной неудаче и отступлению, к разобще-

пию в среде самого рабочего класса. При таких политических и психологических предпосылках затяжной кризис хотя и увеличивал бы ожесточение рабочих масс (особенно безработных и полубезработных), но в то же время неизбежно ослаблял бы их активность, ибо она тесно связана с сознанием своей производственной незаменимости.

Затяжная безработица после эпохи революционно-политического напора и отступления вовсе не благоприятна коммунистической партии. Наоборот, кризис грозил, чем дальше, тем больше, питать на одном фланге анархистские настроения, на другом — реформистские. Выражением этого факта явился откол анархо-синдикалистских группировок [300]) от III Интернационала и некоторая консолидация Амстердама и Интернационала два с половиной, временное сплочение серратианцев, откол группы Леви и пр. Наоборот, промышленное оживление должно, прежде всего, поднять самочувствие рабочего класса, подорванное неудачами и разбродом его рядов, сплотить его на заводах и фабриках и повысить в нем стремление к единодушным боевым действиям.

Уже сейчас мы наблюдаем начало этого процесса. Рабочие массы чувствуют более твердую почву под ногами. Они стремятся сплотить свои ряды. Они ощущают раскол, как помеху к действию. Они стремятся не только к более единодушному отпору против выросшего из кризиса наступления капитала, но и готовятся к контр-наступлению, опираясь на условия промышленного оживления. Кризис был периодом обманутых надежд и ожесточения, нередко бессильного. Под'ем, поскольку он развернется, даст выход этому чувству в действии. Именно об этом говорит защищавшаяся нами резолюция на III Конгрессе:

«Если бы темп развития оказался более затяжным, и нынешний торгово-промышленный кризис сменился бы в большем или меньшем числе стран периодом под'ема, этот факт ни в каком случае не означал бы наступления «органической» эпохи. До тех пор, пока капитализм существует, циклические колебания неизбежны. Они будут сопровождать его в агонии, как они сопровождали его в молодости и зрелости. Пролетариат, отброшенный во время нынешнего кризиса натиском капитала назад, при сколько-нибудь явном улучшении кон'юнктуры немедленно должен перейти в наступление. Его наступательная экономическая борьба, которая в таком случае велась бы неизбежно под лозунгом реванша за все обманы эпохи войны, за весь грабеж и все обиды эпохи кризиса, имела бы тем самым такую же тенденцию превратиться в открытую гражданскую войну, как и нынешняя оборонительная борьба.

III.

Капиталистическая пресса бьет в литавры по поводу экономического «оздоровления» и перспектив новой эпохи капиталистической устойчивости. Эти восторги так же неосновательны, как и дополняющие их опасения тех «левых», которые считали, что революция вырастет из непрерывного обострения кризиса. На самом деле, если ближайший торгово-промышленный под'ем экономически означает новые богатства для верхов буржуазии, то политически он будет целиком на руку нам. Об'единительные тенденции в рабочем классе являются только выражением повышающейся воли к действию. Если сегодня рабочие требуют, чтобы во имя борьбы с буржуазией коммунисты сговорились с независимыми и социал-демократами, то завтра — по мере развития массовидности движения — эти же рабочие убедятся, что руководство в революционной борьбе дает им только коммунистическая партия. Первая волна прибоя поднимает все рабочие организации, толкая их к соглашению. Но и социал-демократам и независимым уготована одна и та же судьба: они друг за другом потонут в дальнейших волнах революционного прибоя.

Значит ли это—в противовес теории сторонников оффензивы,— что не кризис, а наступающее экономическое оживление должно непосредственно привести к победе пролетариата? Такое категорическое утверждение было бы неосновательно. Мы уже выше показали, что между экономической кон'юнктурой и характером классовой борьбы существует не механическое, а сложное диалектическое взаимоотношение. Для понимания завтрашнего дня с нас достаточно того, что в период оживления мы вступаем гораздо лучше вооруженными, чем вступали в период кризиса. В важнейших странах европейского континента у нас сильные коммунистические партии. Перелом кон'юнктуры, несомненно, открывает перед ними возможность оффензивы — не только экономической, но и политической. Гадать сейчас, на чем она остановится, было бы бесплодным занятием: она только начинается, вернее, только намечается.

Но если допустить — станет допытываться иной казуист, — что ближайшее промышленное оживление не приведет нас непосредственно к победе, тогда наступит, очевидно, новый промышленный цикл, который будет означать новый шаг по пути восстановления капиталистического равновесия. Нет ли в таком случае действительной опасности новой эпохи капиталистической реставрации? На это можно ответить так: если бы коммунистическая партия не росла, если бы пролетариат не накоплял опыта, если бы он не давал все более глубокого и непримиримого революционного отпора, если бы

от обороны он не переходил при первой возможности в наступление, то механика капиталистического развития, дополняемая маневрированием буржуазного государства, несомненно, сделала бы, в конце концов, свое дело: целые страны были бы экономически отброшены в варварство, десятки миллионов человеческих существ сошли бы на-нет в муках голода, с отчаянием в душе, и на их костях восстановилось бы какое-то новое равновесие капиталистического мира. Но такая перспектива есть чистейшая абстракция. На пути к этому умозрительному равновесию капитализма — множество глубочайших препятствий: хаос мирового рынка, расстройство валюты, милитаризм, опасность войны, неуверенность в завтрашнем дне. Стихийные силы капитализма ищут выхода среди нагроможденных на пути препятствий. Но эти же стихийные силы бьют по рабочему классу и толкают его вперед. Его развитие не останавливается даже тогда, когда он отступает. Ибо, утрачивая позиции, он накопляет опыт и укрепляет свою партию. Он идет вперед. Он сам есть условие развития, фактор его, и при том важнейший, ибо в нем воплощено будущее.

Основная кривая промышленного развития ищет путей вверх. Ее движение осложняется циклическими колебаниями, которые в послевоенной обстановке похожи на спазмы. На какой точке развития произойдет то сочетание об'ективных и суб'ективных условий, которое даст революционный переворот, произойдет ли это в течение наступающего оживления, в начале его, или в конце, или же при наступлении нового цикла—предсказать, разумеется, нельзя. С нас достаточно того, что темп развития в значительной мере зависит от нас, от нашей партии, от ее тактики. Чрезвычайно важно отдать себе отчет в новом экономическом повороте, который может открыть новый этап сплочения рядов и победоносного наступления. Для революционной партии понять, что есть—уже само по себе означает сократить срок и приблизить даты.

ПАВЕЛ ЛЕВИ и КОЙ-КАКИЕ «ЛЕВЫЕ» *).

Дорогой товарищ! **)

Вы предлагаете мне высказаться по поводу политики так называемого Коммунистического Об'единения (К.А.Г.), при чем вы ссы-

*) «Правда», 6 января 1922 г., № 5.

**) Настоящее письмо является ответом на полученное мною из Германии от одного из старейших товарищей письмо, по поводу раскольнически-оппортунистической группы Леви.

лаетесь на то, что Павел Леви, руководитель Коммунистического Об'единения, злоупотребляет моим именем, выдавая меня почти что за своего единомышленника.

Должен вам искренно покаяться, что после III Конгресса я не читал ни одной статьи Леви, как не читал, — к великому для себя сожалению, — многих других более важных вещей. Я видел, правда, в периодических изданиях Леви, поскольку они попадались мне в руки, выдержки из моего доклада на Международном Конгрессе. Некоторые товарищи говорили мне о том, что я почти что зачислен в группу Леви, — при чем, если это были очень «левые» и очень молодые товарищи, они делали свое сообщение со священным ужасом, если же это были люди посерьезнее, они ограничивались шуткой. Так как я никак не могу себя причислить ни к очень молодым (к сожалению), ни к очень «левым» (без сожаления), то отнесся к доходившим до меня сведениям без большого трагизма. Признаюсь, я и сейчас не вижу основания для иной оценки.

По существу дела мне казалось и кажется сейчас, что то, что было постановлено на Конгрессе в Москве в отношении Леви, достаточно ясно само по себе и не нуждается в сложных комментариях. Леви был поставлен решением Конгресса вне Коммунистического Интернационала. Решение это было вынесено никак не против русской делегации, а, наоборот, при ее весьма заметном участии, так как именно русская делегация формулировала тактическую резолюцию. Русская делегация действовала, как всегда, под руководством Центрального Комитета партии. И как член Центрального Комитета, и как член делегации, я голосовал за резолюцию, подтверждавшую исключение Леви из Интернационала. Вместе с нашим Центральным Комитетом я не видел другого пути. Своей борьбе против грубейших теоретических и практических ошибок, связанных с мартовскими событиями, Леви, в силу своей эгоцентричности, придал столь дезорганизаторский характер, что кляузникам из среды независимых оставалось только поддерживать и подпевать. Леви противопоставил себя не только мартовским ошибкам, но и той партии и тем рабочим, которые эти ошибки совершили. Испугавшись, что партийный поезд потерпит крушение на опасной насыпи, Леви пришел в такое неистовство страха и злобы, и развил такую «тактику» спасения, что сам вылетел через окно и упал под откос. Поезд же, хотя и не без тяжелых встрясок и повреждений, прошел по насыпи без крушения.

После этого события Леви решил, что Коммунистический Интернационал окажется недостойным своего имени, если он не заставит немецкую коммунистическую партию принять Леви снова в качестве

вождя. Именно в этом духе было написано письмо Леви Конгрессу. Мы могли только пожать плечами. Человек, который с таким возмущением говорит о диктатуре Москвы, требовал, чтобы Москва формальным решением навязала его коммунистической партии, из которой он себя вытеснил с такой поразительной энергией.

Я этим не хочу сказать, что считал Леви, уже во время Конгресса, безвозвратно потерянным для Коммунистического Интернационала. Я слишком мало знал его, чтобы дать категорическое заключение в ту или другую сторону. Мне хотелось, однако, надеяться, что жестокий урок не пройдет бесследно, и что Леви раньше или позже найдет путь в партию. Когда на второй день после Конгресса, один из товарищей, уезжавших за границу, спросил меня, что собственно остается делать теперь Леви и его друзьям, я ответил приблизительно следующее: «Я совершенно не чувствую себя призванным давать те или другие советы Леви; но если бы он обратился ко мне за советом, я бы предложил ему понять, что исключение бывшего председателя партии, одобренное Международным Конгрессом, не есть такой факт, который можно исправить истерическим неистовством; если Леви не собирается утопиться в болоте независимых, ему остается молча подчиниться тяжелому, но им же вызванному решению и, оставаясь вне партии, работать, в качестве рядового солдата, для партии до тех пор, пока партия не откроет ему снова своих дверей.

Я тем менее имел основание выступать с какими-либо особыми заявлениями по поводу Леви, что в письме тов. Ленина Иенскому с'езду германской коммунистической партии [301]) целиком и полностью выражалась та точка зрения, которую я, вместе с тов. Лениным, отстаивал на Международном Конгрессе, не только на его пленарных заседаниях, но особенно в комиссиях и на совещаниях с отдельными делегациями. Немецкой делегации это достаточно хорошо известно. Когда же я узнал,—а это произошло уже через две-три недели после Конгресса, — что Леви вместо того, чтобы терпеливо взбираться по откосу вверх, стал крикливо заявлять, что рельсы партии и всего Интернационала надо провести как раз по тому месту, где он, Павел Леви, упал, при чем на этой эгоцентрической философии истории Леви стал строить целую «партию», я вынужден был сказать себе, что коммунистическому движению — как это ни прискорбно — приходится окончательно поставить на Леви крест.

Надо, впрочем, сказать, что был момент, когда я собирался сделать попытку распутать некоторые, будто бы, «недоразумения» насчет моей позиции, фабриковавшейся не только левитами, но и не-

которыми «левыми». Это было в эпоху Иенского партейтага. Я не без удивления узнал, что партейтаг отмежевался — крайне туманно от каких-то моих воззрений, солидаризируясь в то же время целиком с резолюциями III Конгресса, с которыми у меня, однако, никаких недоразумений не было. Но, подумав, я махнул рукой. Еще на самом Конгрессе группой левых, которую Интернационал решительно одернул, была сделана попытка замаскировать размеры своего отступления; если мы, мол, и отступаем вправо, то отнюдь не до того места,—упаси боже!—где стоит Троцкий. Для этой цели левые стратеги, которых я по долгу партийной службы несколько раз огорчал на Конгрессе, сделали попытку представить дело так, будто моя позиция в чем-то уловимом для них одних «правее» позиции III Конгресса, как они выразились, между прочим, в моей и тов. Варги резолюции об экономическом и международном положении. Доказать это было не легко, и по сути никто этого и не пробовал делать. Центральный Комитет нашей партии еще до открытия Конгресса поправил кое-какие уклонения влево*) в нашей собственной среде. Резолюция по международному положению и по тактике была тщательно проредактирована Центральным Комитетом. Наша Московская партийная организация, самая сильная в идейном и организационном отношении, перед которой я в двух докладах [302])—накануне международного Конгресса и по окончании его—защищал позицию Центрального Комитета в боевых вопросах Конгресса, целиком и полностью одобрила нашу точку зрения. Оба моих московских доклада вышли теперь на немецком языке в виде книги: «Новый этап». Если кое-какие левые болтают о том, будто я не то признал, не то склоняюсь к признанию того, что капитализм восстановил свое равновесие, и что тем самым пролетарская революция уходит в туманную даль, я могу, опять-таки, только пожать плечами; надо же мыслить и выражаться немного более членораздельно... При таких обстоятельствах я в упомянутой иенской резолюции видел лишь последний отголосок мартовской путаницы и невинный реванш «левых» за тот суровый урок, какой им был дан III Конгрессом.

Раза два или три за это время я имел случай ознакомиться—правда, очень бегло — с писаниями т. Маслова и его ближайших единомышленников. Я не знаю, нужно ли ставить крест также и на них, т.-е. нужно ли отказаться от надежды, что эти товарищи,

---

*) Уклонения влево состояли в том, что некоторые наши товарищи не отдали себе своевременно отчета в том, какую опасность для развития пролетарской революции могут представить авантюристски-путчистские течения в самом Коминтерне. *Л. Т.*

когда-нибудь чему-нибудь научатся,— но приходится констатировать, что они-то на Конгрессе во всяком случае ничему не научились. Считаться с ними, как с марксистами, нет никакой возможности. Они автоматизируют историческую теорию Маркса и дополняют ее разнузданным революционным суб'ективизмом. Такого рода элементы при первом же повороте событий легко переходят в свою противоположность. Сегодня они вещают, что экономический кризис будет неизбежно и непрерывно углубляться до диктатуры пролетариата. А завтра, если некоторое улучшение экономической кон'юнктуры щелкнет их по носу, многие из них обернутся в реформистов. Коммунистическая партия Германии слишком дорого заплатила за мартовский урок, чтобы допустить, хотя бы и в ослабленном виде, его повторение. Приходится, впрочем, сильно сомневаться, действительно ли сохранили левые те настроения, с которыми они шли и звали других на мартовские бои. Они сохранили, главным образом, предрассудки и считают долгом чести отстаивать мартовские фразы и теоретическую путаницу. Этим упорством они мешают немецким рабочим учиться, чего допустить нельзя.

После того, что произошло со времени мирового конгресса, я не имел оснований удивляться поведению Леви в деле разоблачения документов, относящихся к мартовским боям. Ложные тактические воззрения, обнаружившиеся в мартовских событиях, разумеется, влекли за собою определенные практические последствия. Ошибочность тактики выражалась и в том, что целый ряд прекрасных партийных работников делал ошибки и глупости. Конгресс осудил ошибки и наметил правильный путь. Главная и более ценная масса тех товарищей, которые в свое время делали ошибки или одобряли их, подчинилась Конгрессу не за страх, а за совесть. После того, как эта оздоровительная и воспитательная работа произведена, вытаскивать из карманов (своих или чужих, это все равно) документы, которые уже новому ничему научить не могут, но зато могут доставить великое нравственное удовлетворение буржуазной и социал-демократической черни, значит сочетать личное падение с политическим.

Этот же самый характер слепой мстительности имеет запоздалое опубликование Павлом Леви критической работы Люксембург против большевизма [303]). Нам всем приходилось за эти годы многое уяснить себе и многому учиться под непосредственными ударами событий. Роза Люксембург проделывала эту идейную работу медленнее, потому что она наблюдала события со стороны, из глубины немецких тюрем. Опубликованная ныне рукопись ее характеризовала

только известный этап в развитии ее духа и в этом смысле имеет биографическое, а не теоретическое значение. В свое время Леви настаивал на том, чтобы книжка не была напечатана. В течение четырех лет советской революции рукопись осталась под спудом. Но когда Леви, не соразмерив силы движения, свалился из партийного вагона под откос, он решил воспользоваться старой рукописью так же, как он воспользовался «разоблачительными» документами из чужих карманов. Этим он только лишний раз доказал, что все вещи — положительные и отрицательные получают для него значение лишь в зависимости от того, в каком отношении они находятся к Павлу Леви. Он сам есть мерило всех вещей. Чудовищный интеллигентский эгоцентризм. Леви есть психологическая предпосылка его политического отношения к германской коммунистической партии и ко всему Интернационалу.

Созданная Леви организация уже в силу самой логики положения должна привлечь в свою среду всех тех, кто случайно попал в ряды коммунистической партии и кому нужен был, особенно после мартовской встряски, только первый предлог, чтобы убраться во-свояси. Возвращаться к независимым прямиком — слишком неловко. Леви на пути создает для таких усталых пилигримов нечто вроде критического санатория или дома отдыха. Это и есть К. А. Г. С этим учреждением немецкому рабочему классу делать нечего. У него уже есть своя революционная партия. Она еще далеко не преодолела всех болезней роста. Ей еще предстоят тяжелые испытания, не только внешние, но и внутренние. Однако это подлинная партия немецкого рабочего класса. Она будет расти и развиваться. Она победит.

О ЕДИНОМ ФРОНТЕ [304]).

(К докладу по вопросу о французском коммунизме).

1. Общие соображения о едином фронте.

1. Задача коммунистической партии состоит в руководстве революцией пролетариата. Для того, чтобы призвать пролетариат к непосредственному завоеванию власти и осуществить его, коммунистическая партия должна опираться на подавляющее большинство рабочего класса.

До тех пор, пока она этого большинства не имеет, она должна бороться за овладение им.

Она может этого достигнуть только в том случае, если она представляет собою совершенно независимую организацию с ясной программой и со строгой внутренней дисциплиной. Вот почему она должна была идейно и организационно порвать с реформистами и центристами, которые не стремятся к пролетарской революции, не умеют и не хотят готовить к ней массы и всем своим поведением противодействуют такой работе.

Те члены коммунистической партии, которые выражают сожаление о расколе с центристами во имя «единства сил» или «единства фронта», тем самым свидетельствуют, что они не понимают азбуки коммунизма и что они сами оказались в коммунистической партии только по случайности.

2. Обеспечив себе полную независимость при идейной однородности своего состава, коммунистическая партия борется за влияние на большинство рабочего класса. Эта борьба может иметь более быстрый или более затяжной характер в зависимости от об'ективных обстоятельств и от целесообразности тактики.

Но совершенно очевидно, что классовая жизнь пролетариата на этот подготовительный к революции период не прекращается. Столкновения с промышленниками, с буржуазией, с государственной властью, по инициативе той или другой стороны, идут своим чередом.

В этих столкновениях, поскольку они захватывают жизненные интересы всего рабочего класса, или его большинства, или той или другой его части, рабочие массы испытывают потребность в единстве действий—в единстве отпора натиску капитала или в единстве наступления на него. Партия, которая механически противопоставляет себя этой потребности рабочего класса в единстве действий, будет неизбежно осуждена в сознании рабочих.

Следовательно, вопрос о едином фронте вовсе не есть, по своему происхождению и по своей сущности, вопрос о взаимоотношении между коммунистической парламентской фракцией и социалистической, между центральными комитетами одной партии и другой, между «L'Humanité» и «Le Populaire» [305]). Проблема единого фронта вырастает из необходимости—несмотря *на факт неизбежного в данную эпоху раскола политических организаций,* опирающихся на рабочий класс —обеспечить последнему возможность единого фронта в борьбе против капитала.

Кто не понимает этой задачи, для того партия есть пропагандистское общество, а не организация массовых действий.

3. В тех случаях, где коммунистическая партия является пока еще организацией численно незначительного меньшинства, вопрос

об ее поведении на фронте массовой борьбы не может получить решающего практически-организационного значения. В таких условиях массовые действия руководятся старыми организациями, которые в силу своих все еще могущественных традиций продолжают играть решающую роль.

Равным образом проблема единого фронта не возникает в тех странах, где—как, например, в Болгарии—коммунистическая партия является единственной руководящей организацией трудящихся масс.

Там же, где коммунистическая партия является уже большой политически-организованной силой, но не решающей величиной, где она, скажем, организационно охватывает четверть, треть или еще бо́льшую часть организованного пролетарского авангарда, — вопрос о едином фронте встает перед ней со всей своей остротой.

Если она охватывает треть или половину пролетарского авангарда, следовательно, другая половина или две трети организованы реформистами или центристами. Совершенно, однако, очевидно, что и те рабочие, которые еще поддерживают реформистов и центристов, заинтересованы в отстаивании лучших материальных условий существования и бо́льшей свободы борьбы. Необходимо, следовательно, построить нашу тактику таким образом, чтобы коммунистическая партия, воплощающая завтрашний день всех трех третей рабочего класса, не казалась сегодня—и тем более не являлась на самом деле—организационной помехой в текущей борьбе пролетариата.

Более того, она должна брать на себя инициативу обеспечения единства этой текущей борьбы. Только таким путем приблизится она к тем двум третям, которые еще не идут за нею, которые еще не доверяют ей, потому что не понимают ее. Только таким путем она завоюет их.

4. Если бы коммунистическая партия не порвала радикально и бесповоротно с социал-демократами, она никогда не стала бы партией пролетарской революции. Она не могла бы сделать первого серьезного шага на пути к революции. Она навсегда оставалась бы парламентски предохранительным клапаном при буржуазном государстве.

Кто этого не понимает, тот не знает первой буквы азбуки коммунизма.

Если бы коммунистическая партия не искала организационных путей к тому, чтобы в каждый данный момент сделать возможными совместные согласованные действия коммунистических

и некоммунистических (в том числе и социал-демократических) рабочих масс, она тем самым обнаружила бы свою неспособность— на основе массовых действий—овладеть большинством рабочего класса. Она выродилась бы в общество коммунистической пропаганды, но не развилась бы в партию завоевания власти.

Недостаточно обладать мечом, нужно его отточить; недостаточно его отточить, нужно уметь им действовать.

Недостаточно, отделив коммунистов от реформистов, связать их организационной дисциплиной; нужно, чтобы эта организация научилась руководить всеми коллективными действиями пролетариата во всех областях его жизненной борьбы.

Это вторая буква азбуки коммунизма.

5. Распространяется ли единство фронта только на рабочие массы или же включает также и оппортунистических вождей?

Самая постановка этого вопроса есть плод недоразумения.

Если бы мы могли просто об'единить рабочие массы вокруг нашего знамени или вокруг наших практических текущих лозунгов, минуя реформистские организации, партийные или профессиональные, это было бы, конечно, лучше всего. Но тогда не существовало бы и самого вопроса о едином фронте в его нынешнем виде.

Вопрос создается тем, что известные и очень значительные части рабочего класса входят в реформистские организации или поддерживают их. Их нынешний опыт еще недостаточен для того, чтобы выйти из реформистских организаций и примкнуть к нашей. Может быть, как раз после стоящих на очереди массовых действий произойдет в этом отношении крупная перемена. К этому именно мы стремимся. Но сегодня это еще не так. Сегодня организованная часть рабочего класса разбита на три группы.

Одна из них, коммунистическая, стремится к социальной революции и именно *поэтому* поддерживает по пути всякое движение, хотя бы и частичное, трудящихся против эксплоататоров и буржуазного государства.

Другая часть, реформистская, стремится к примирению с буржуазией. Но, чтобы не потерять влияние на рабочих, она вынуждена, против внутреннего желания своих вождей, поддерживать частичные движения эксплоатируемых против эксплоататоров.

Наконец, третья часть, центристская, непрерывно колеблется между двумя другими, не имея самостоятельного значения.

Таким образом обстоятельства делают вполне возможным совместные, по целому ряду жизненных вопросов, действия рабочих, об'единенных в этих трех организациях, и неорганизованных масс, примыкающих к ним.

Коммунисты, как сказано, не только не должны противиться таким совместным действиям, но, напротив, должны брать на себя их инициативу именно потому, что, чем большая масса вовлечена в движение, тем выше поднимается ее самочувствие, тем она увереннее в себе и тем решительнее она способна итти вперед, как бы скромны ни были исходные лозунги борьбы. А это значить, что рост массовидности движения, революционизируя его, создает более благоприятные условия для лозунгов, методов борьбы и вообще руководящей роли коммунистической партии.

Реформисты боятся потенциальной революционности массового движения; их излюбленной ареной являются: парламентская трибуна, канцелярия тред-юниона, примирительная камера, передняя министра.

Наоборот, мы, помимо всех других соображений, заинтересованы в том, чтобы извлечь реформистов из их убежищ и поставить их рядом с собою пред лицом борющихся масс. При правильной тактике мы можем только выиграть от этого. Тот коммунист, который сомневается в этом или опасается этого, похож на пловца, который одобрил тезисы о наилучшем способе плавания, но не рискует броситься в воду.

6. Единство фронта предполагает, следовательно, нашу готовность в известных пределах и по определенным вопросам практически согласовывать наши действия с реформистскими организациями, поскольку они сегодня еще выражают волю значительных частей борющегося пролетариата.

Но ведь мы раскололись с ними? Да, потому что мы расходимся с ними в основных вопросах рабочего движения.

И тем не менее мы ищем с ними соглашения? Да, во всех тех случаях, когда идущая за ними масса готова к совместной борьбе с массой, идущей за нами, и где они, реформисты, вынуждены в большей или меньшей мере стать органом этой борьбы.

Но они скажут, что, расколовшись с ними, мы нуждаемся в них? Да, их болтуны могут это сказать. Кое-кто в нашей собственной среде может этого испугаться. Что же касается широких рабочих масс—даже тех, которые не идут за нами и не понимают еще наших целей, но которые видят две или три параллельно существующие рабочие организации,—то эти массы из нашего поведения сделают тот вывод, что, несмотря на раскол, мы всеми силами стремимся облегчить массам единство действий.

7. Политика, направленная на обеспечение единого фронта, не заключает в себе, разумеется, гарантий действительного единства действий во всех случаях. Наоборот, во многих случаях, может

быть, в большинстве случаев, организационное соглашение будет достигаться только наполовину или окажется вовсе недостигнутым. Но нужно, чтобы борющиеся массы всегда имели возможность убеждаться в том, что недостижение единства действий вызвано было не нашей формальной непримиримостью, а отсутствием у реформистов действительной воли к борьбе.

Вступая в соглашение с другими организациями, мы, разумеется, налагаем на себя известную дисциплину действия. Но эта дисциплина не может иметь абсолютного характера. В случае, если реформисты начинают тормозить борьбу к явному ущербу для движения и в противовес с обстановкой и настроениями масс, мы всегда, как независимая организация, сохраняем за собой право довести борьбу до конца и без наших временных полусоюзников.

Из этого может вырасти новое обострение борьбы между нами и реформистами. Но оно уже не будет простым повторением одних и тех же идей в замкнутом кругу, а будет означать—в случае правильности нашей тактики—расширение нашего влияния на новые свежие группы пролетариата.

8. Видеть в этой политике сближение с реформистами можно только с точки зрения журналиста, который думает, что он удаляется от реформизма, когда критикует его в одних и тех же выражениях, не выходя из редакционной комнаты, и опасается столкнуться с ним пред лицом рабочих масс и дать им возможность оценить коммуниста и реформиста в равных условиях массовой борьбы. В этом будто бы революционном страхе «сближения» скрывается в сущности политическая пассивность, которая стремится удержать такой порядок вещей, при котором у коммунистов и у реформистов имеются свои строго отмежеванные круги влияния, свои посетители собраний, своя печать и все это вместе создает иллюзию серьезной политической борьбы.

9. Мы порвали с реформистами и центристами для того, чтобы иметь полную свободу критики измен, предательств, нерешительности и половинчатости в рабочем движении. Поэтому для нас безусловно неприемлемы какие бы то ни было организационные соглашения, которые стесняют нашу свободу критики и агитации. Мы участвуем в едином фронте, но не растворяемся в нем ни на одну минуту. Мы оперируем в нем, как самостоятельный отряд. Именно в борьбе широкие массы должны убедиться на опыте, что мы боремся лучше других, что мы яснее видим, что мы отважнее и решительнее. Таким путем мы приблизим час единого революционного фронта под неоспоримым коммунистическим руководством.

II. Группировки во французском рабочем движении.

10. Если мы имеем в виду рассмотреть вопрос о едином фронте применительно к Франции, не сходя с почвы сформулированных выше тезисов, вытекающих из всей политики Коммунистического Интернационала, то мы должны спросить себя, имеем ли мы во Франции такое положение, когда коммунисты представляют из себя, с точки зрения практических действий, незначительную величину (quantité negligeable); охватывают ли они, наоборот, подавляющее большинство организованных рабочих или же занимают среднее положение; достаточно сильны, чтобы их участие в массовом движении получило крупное значение, но недостаточно сильны, чтобы сосредоточить в своих руках неоспоримое руководство?

Совершенно неоспоримо, что мы имеем пред собою во Франции именно этот третий случай.

11. В партийной области перевес коммунистов над реформистами является подавляющим. Коммунистическая организация, коммунистическая пресса несравненно многочисленнее, богаче и жизненнее, чем организация и пресса так называемых социалистов.

Однако этот подавляющий перевес далеко еще не обеспечивает Французской Коммунистической Партии полного и неоспоримого руководства французским пролетариатом, поскольку в нем чрезвычайно сильны антиполитические и антипартийные тенденции и предрассудки, ареной действия которых являются преимущественно профессиональные союзы.

12. Величайшей особенностью французского рабочего движения является тот факт, что профессиональные союзы долго были оболочкой или прикрытием для своеобразной антипарламентарной политической партии под именем синдикализма. Ибо, сколько бы революционные синдикалисты ни отмежевывались от политики или от партии, они никогда не смогут опровергнуть того, что сами они являются политической партией, стремящейся опереться на профессиональные организации рабочего класса. У этой партии имеются свои положительные, революционные, пролетарские тенденции, но и свои крайне отрицательные черты: отсутствие действительно законченной программы и оформленной организации. Организация синдикатов ни в каком случае не совпадает с организацией синдикализма. В организационном смысле синдикалисты представляют собой неоформленные политические ячейки, вкрапленные в синдикаты.

Вопрос осложняется тем, что синдикалисты, как и все другие политические группировки рабочего класса, после войны разбились

на две части: реформистскую, которая поддерживает буржуазное общество и тем самым вынуждена работать рука об руку с парламентарными реформистами, и революционную, которая ищет путей опрокинуть его и тем самым, в лице своих лучших элементов, движется в сторону коммунизма.

Именно стремление сохранить единство фронта внушило не только коммунистам, но и революционным синдикалистам совершенно правильную тактику борьбы за единство синдикальной организации французского пролетариата. Наоборот, с инстинктом банкротов, которые чувствуют, что пред лицом рабочей массы, в действиях, в борьбе им не выдержать соревнования с революционным крылом, Жуо, Мергейм и компания встали на путь раскола. Колоссальной важности борьба, которая развертывается сейчас во всем синдикальном движении Франции, борьба между реформистами и революционерами, является для нас в то же время борьбой за единство синдикальной организации и синдикального фронта.

III. Синдикальное движение и единый фронт.

13. Именно французский коммунизм в отношении идеи единого фронта находится в исключительно благоприятном положении. В рамках политической организации французскому коммунизму удалось овладеть большинством старой социалистической партии, после чего оппортунисты ко всем своим прочим политическим квалификациям прибавили еще качество «диссидентов», т.-е. раскольников. Наша французская партия использовала этот факт в том смысле, что усвоила за социал-реформистской организацией название диссидентов (раскольников), выдвигая таким образом на первый план нарушение реформистами единства действий и единства организации.

14. В области синдикального движения революционное крыло его и, прежде всего, коммунисты не должны скрывать ни от себя, ни от противника всей глубины разногласий между Москвой и Амстердамом,—разногласий, которые отнюдь не являются простыми оттенками в рядах рабочего движения, а представляют собою отражение глубочайшего противоречия, раздирающего все современное общество, т.-е. противоречия между буржуазией и пролетариатом. Но в то же время революционное крыло, т.-е. прежде всего сознательные коммунистические элементы, ни в каком случае не выдвигали, как сказано, тактики выхода из профессиональных союзов или раскола профессиональной организации. Такой лозунг характеризует сектантские группировки локалистов, K. A. P. D. некоторых «либер-

терских», анархистских группок во Франции, которые никогда не имели влияния на широкие рабочие массы, не имеют ни надежды, ни стремления завоевать это влияние, а ограничиваются небольшими собственными церквами со строго отмежеванными приходами. Действительно революционные элементы французских синдикалистов инстинктивно чувствовали, что завоевать французский рабочий класс на почве синдикального движения можно только противопоставляя революционную точку зрения и революционные методы реформистским на почве массового действия и охраняя в то же время в наивысшей мере единство этого действия.

15. Система ячеек в синдикальной организации, принятая революционным крылом, означала не что иное, как наиболее естественную форму борьбы за идейное влияние и за единство фронта без нарушения единства организации.

16. Подобно реформистам социалистической партии, реформисты синдикального движения взяли на себя инициативу раскола. Но именно опыт социалистической партии внушил им, в значительной мере, тот вывод, что время работает на пользу коммунизма и что противодействовать влиянию опыта и времени можно, лишь форсируя раскол. Мы видим со стороны правящей клики C. G. T. целую систему мер, направленных на то, чтобы дезорганизовать левое крыло, лишить его тех прав, которые предоставляются ему статутами синдикатов, и, наконец, путем прямых исключений—вопреки всем статутам и правилам—формально поставить его вне синдикальной организации.

С другой стороны, мы видим, как революционное крыло отстаивает свое право на почве демократических норм рабочей организации и всеми силами противодействует насаждаемому сверху расколу апелляцией к низам в пользу единства синдикальной организации.

17. Каждый сознательный французский рабочий должен знать, что, когда коммунисты составляли в социалистической партии шестую или третью часть, они не пытались отколоться, находясь в полной уверенности, что большинство партии уже в ближайший период последует за ними. Когда реформисты оказались сведенными к одной трети, они откололись, не питая никакой надежды снова завоевать большинство пролетарского авангарда.

Каждый сознательный французский рабочий должен знать, что, когда революционные элементы встали пред проблемой профессионального движения, они, в тот период еще ничтожное меньшинство, разрешили ее в смысле работы в общих оргнизациях, будучи уверены, что опыт борьбы в условиях революционной эпохи быстро

толкнет большинство синдицированных рабочих на сторону революционной программы. Когда же реформисты увидели рост революционного крыла в синдикатах, они, не питая никакой надежды справиться с ним на почве соревнования, прибегли немедленно к методам исключения и раскола.

Отсюда вытекают выводы величайшей важности:

Во-первых, уясняется вся глубина разногласий, отражающих, как сказано, противоречие между буржуазией и пролетариатом.

Во-вторых, лицемерный «демократизм» противников диктатуры разоблачается до конца, так как не только в рамках государства, но и в рамках рабочей организации они не склонны мириться с методами демократии, когда она поворачивается против них, и либо откалываются сами, как диссиденты в партии, либо исключают других, как клика Жуо-Дюмулена. Было бы, поистине, чудовищно полагать, что буржуазия согласится когда-либо разрешить борьбу с пролетариатом в рамках демократии, если даже агенты буржуазии в синдикальной и политической организации не согласны разрешать вопросы рабочего движения на почве добровольно принятых ими норм рабочей демократии.

18. Борьба за единство синдикальной организации и синдикального действия и впредь останется одной из важнейших задач коммунистической партии,—борьба не только в смысле постоянного стремления об'единить все большее число рабочих вокруг программы и тактики коммунизма, но и в этом смысле, что на пути к осуществлению этой цели коммунистическая партия как непосредственно, так и через коммунистов в профессиональных союзах, будет—при всякой подходящей ситуации—на деле стремиться к тому, чтобы сводить к минимуму те помехи, какие раскол организации ставит рабочему движению.

Если бы раскол C. G. T. [306]) на ближайший период закрепился, несмотря на все наши усилия восстановить единство, это вовсе не значило бы, что C. G. T. Unitaire [307]), независимо от того, окажется ли за ней в ближайшее время половина или более половины синдицированных рабочих, будет вести свою работу, игнорируя по-просту существование реформистской C. G. T. Такая политика чрезвычайно затрудняла бы—если не исключала бы вовсе—возможность согласованных боевых действий пролетариата и в то же время чрезвычайно облегчала бы реформистской C. G. T. возможность играть в интересах буржуазии роль «Гражданской Лиги» (La Ligue Civique)*) по отношению к стачкам, манифестациям и проч., давая

*) Буржуазно-штрейкбрехерская организация во Франции.

ей в то же время видимость права ссылаться на то, что революционная C. G. T. провоцирует нецелесообразные выступления и должна нести за них ответственность целиком. Совершенно очевидно, что во всех тех случаях, где это будет допускаться обстоятельствами революционная C. G. T., считая необходимым провести какую-либо кампанию, будет открыто обращаться к реформистской C. G. T. с конкретными предложениями и требованием конкретного плана согласованных действий, нажимая на нее давлением общественного мнения рабочих и разоблачая пред этим общественным мнением каждый ее неверный и уклончивый шаг.

Таким образом, даже в случае закрепления раскола синдикальной организации, методы борьбы за единый фронт сохраняют все свое значение.

19. Можно, следовательно, констатировать, что по отношению к важнейшей области рабочего движения — синдикатам — тактика единого фронта требует только более последовательного, более настойчивого, более решительного проведения тех методов, при помощи которых уже велась с нашей стороны до сих пор борьба с Жуо и К°.

IV. Политическая борьба и единство фронта.

20. В партийной плоскости с самого начала представляется очень значительная разница с синдикатами в том отношении, что перевес коммунистической партии над социалистической как в отношении организации, так и в отношении печати, является подавляющим. Можно, следовательно, предположить, что коммунистическая партия, как таковая, способна обеспечить единство политического фронта и что у нее поэтому нет побудительных причин адресоваться к организации диссидентов с какими-либо предложениями конкретных действий. Такого рода постановка вопроса, строго деловая и законная, основанная на оценке соотношения сил, а не на словесном радикализме, должна быть оценена по существу.

21. Если принять во внимание, что коммунистическая партия насчитывает 130.000 членов, а социалисты—30.000, то огромные успехи коммунистической идеи во Франции станут очевидными. Однако, если принять во внимание отношение этих чисел к численности рабочего класса в целом, наличность реформистских профессиональных союзов и антикоммунистических тенденций в революционных союзах, то вопрос о гегемонии коммунистической партии в рабочем движении предстанет пред нами, как очень трудная задача, далеко еще не разрешенная нашим числен-

ным перевесом над диссидентами. Эти последние, при известных условиях, могут оказаться гораздо более значительным контр-революционным фактором внутри рабочего класса, чем это может представляться, если судить только по слабости их организации, ничтожеству тиража и идейного содержания их органа «Populaire».

22. Чтобы оценить положение, нужно отдать себе ясный отчет в том, как оно сложилось. Превращение большинства старой социалистической партии в коммунистическую явилось результатом той волны недовольства и возмущения, которая была порождена войной во всех странах Европы. Пример русской революции и лозунги III Интернационала как бы намечали путь выхода. Буржуазия, однако, продержалась в течение 1919—1920 г.г. и, при помощи комбинированных средств, установила на послевоенных основах некоторое равновесие, которое подтачивается ужасающими противоречиями и идет навстречу могущественной катастрофе, но которое сохраняет относительную устойчивость на сегодняшний день и ближайший период. Русская революция, отбиваясь от величайших трудностей и препятствий со стороны мирового капитализма, лишь медленно, ценою чрезвычайного напряжения всех сил, могла осуществить свои социалистические задачи. В результате—первый прилив неоформленных, некритических, революционных настроений сменился неизбежным отливом их. Под знаменем коммунизма сохранилась только наиболее решительная, отважная и молодая часть мирового рабочего класса.

Это не значит, разумеется, что те широкие круги пролетариата, которые оказались разочарованными в своих надеждах на непосредственную революцию, на близкие радикальные перемены и проч., вернулись целиком на старые, довоенные позиции. Нет, их недовольство глубже, чем когда бы то ни было, их ненависть к эксплоататорам острее. Но в то же время они политически дезориентированы, не видят путей борьбы и поэтому пассивно выжидательны—при возможности резких колебаний в ту или другую сторону, в зависимости от того, как сложатся обстоятельства.

Этот большой резервуар пассивных и дезориентированных может, при известной комбинации, быть широко использован диссидентами против нас.

23. Для того, чтобы поддерживать коммунистическую партию, нужна вера в революционное дело, активность, преданность. Для того, чтобы поддерживать диссидентов, необходимы и достаточны дезориентированность и пассивность. Совершенно естественно, когда революционная, активная часть рабочего класса выделяет из себя гораздо больший процент членов коммунистической партии, чем

пассивная, дезориентированная часть выделяет из себя в партию диссидентов.

То же самое относится и к печати. Элементы индифферентные читают мало. Ничтожеством своего тиража и своего содержания «Populaire» отражает настроение известной части рабочего класса. Тот факт, что в партии диссидентов господствует полное засилье профессиональной интеллигенции над рабочими, ни в каком случае не находится в противоречии с нашим диагнозом и прогнозом: ибо пассивные, отчасти разочарованные, отчасти дезориентированные, рабочие массы как раз служат, особенно во Франции, источником питания политических клик, состоящих из адвокатов и журналистов, реформистских знахарей и парламентских шарлатанов.

24. Если рассматривать партийную организацию, как активную армию, а неорганизованную рабочую массу, как резервы, и если принять, что наша активная армия в 3—4 раза сильнее активной армии диссидентов, то, при известной комбинации событий, может оказаться, что резервы распределятся между нами и социал-реформистами в гораздо менее выгодной для нас пропорции.

25. Идея «левого блока» висит во французской политической атмосфере. После нового периода пуанкаризма, который является попыткой буржуазии преподнести народу разогретое блюдо иллюзий победы, весьма вероятна пацифистская реакция в широких кругах буржуазного общества, т.-е. прежде всего среди мелкой буржуазии. Надежды на всеобщее умиротворение, соглашение с Советской Россией, получение из нее на льготных условиях сырых материалов и платежей, уменьшение ноши милитаризма и проч., словом, иллюзорная программа демократического пацифизма может на известный период стать программой левого блока, который придет на смену блоку национальному.

С точки зрения развития революции во Франции, такая смена режимов будет шагом вперед лишь при условии, если пролетариат в минимальной степени окажется захваченным иллюзиями мелко-буржуазного пацифизма.

26. Реформисты - диссиденты явятся агентурой левого блока среди рабочего класса. Их успех будет тем больше, чем в меньшей степени рабочий класс в целом будет захвачен идеей и практикой единого рабочего фронта против буржуазии. Дезориентированные войной и медлительностью революции рабочие слои могут поставить ставку на левый блок, как меньшее зло, считая, что они при этом во всяком случае ничем не рискуют, и не видя сейчас других путей.

27. Одним из надежнейших средств противодействия настроениям и идеям левого блока в рабочем классе, т.-е. блока рабочих и известной части буржуазии против другой части буржуазии, является настойчивое, решительное культивирование идеи *блока всех частей рабочего класса против всей буржуазии.*

28. В отношении к диссидентам это значит, что мы не должны позволять им безнаказанно занимать в вопросах рабочего движения уклончиво выжидательную позицию и, при платонических заявлениях симпатий рабочему классу, пользоваться покровительством его буржуазных угнетателей. Другими словами, мы можем и должны во всех подходящих случаях предлагать диссидентам определенную форму содействия стачечникам, локаутированным, безработным, инвалидам войны и пр. и пр., регистрируя пред лицом массы их ответы на наши точные запросы и, таким образом, противопоставляя их известным частям политически-индифферентной или полуиндифферентной массы, на которую они надеются при известных обстоятельствах опереться.

29. Такого рода тактика тем важнее, что диссиденты находятся в несомненной и тесной связи с реформистской C. G. T., представляя вместе с ней два крыла буржуазной агентуры в рабочем движении. Мы и на синдикальном и на политическом поле одновременно наступаем на эту двуединую агентуру, применяя одни и те же тактические методы.

30. Безукоризненная и агитационно крайне убедительная логика нашего поведения такова: «Вы, реформисты синдикализма и социализма,—говорим мы им перед лицом массы,—раскололи синдикаты и партию во имя идей и методов, которые мы считаем ошибочными и преступными. Мы требуем от вас, чтобы вы, по крайней мере, в частных, неотложных, конкретных задачах борьбы рабочего класса, не ставили палок в колеса и делали бы возможным единство действий. В данном конкретном случае мы предлагаем вам такую-то программу борьбы».

31. Также и в отношении парламентской и муниципальной деятельности мы могли бы не без успеха применить указанный метод. Мы говорим массам: «Диссиденты раскололи рабочую массу, ибо они не хотят революции. Рассчитывать на их содействие пролетарской революции было бы безумием. Но мы готовы были бы, в парламенте или вне парламента, войти с ними в известные практические соглашения, если в тех случаях, где нужно выбирать между известными интересами буржуазии и определенными требованиями пролетариата, они на деле согласились бы поддержать эти последние. Диссиденты могут только в том случае оказаться

способными на такие действия, если откажутся от связи с партиями буржуазии, то-есть от левого блока и его буржуазной дисциплины».

Если бы диссиденты были способны принять эти условия, их рабочие сторонники быстро растворились бы в коммунистической партии. Но именно поэтому диссиденты не пойдут на эти условия. Другими словами, на ясно и отчетливо поставленный вопрос, выбирают ли они блок с буржуазией или блок с рабочим классом— в конкретных и точных условиях массовой борьбы,—они вынуждены будут ответить, что предпочитают блок с буржуазией. Такой ответ не может пройти для них безнаказанно в среде того пролетарского резерва, на который они рассчитывают.

V. Внутренние задачи коммунистической партии.

32. Очерченная политика предполагает, разумеется, полную организационную независимость, идейную ясность и революционную твердость самой коммунистической партии.

Так, например, нельзя с полным успехом вести политику, рассчитанную на то, чтобы сделать в рабочем классе ненавистной и презренной идею левого блока, если в рядах нашей собственной партии имеются ее сторонники, осмеливающиеся открыто защищать эту очередную программу буржуазии. Безусловное и беспощадное изгнание из партии с позором тех, кто выступает за идею левого блока, является само собою разумеющеюся обязанностью коммунистической партии. Это очистит нашу политику от элементов двусмысленности и неясности, привлечет внимание передовых рабочих к остроте вопроса о левом блоке и покажет, что коммунистическая партия не шутит в вопросах, угрожающих революционному единству действий пролетариата против буржуазии.

33. Те, которые идею единого фронта пытаются использовать для агитации в пользу об'единения с реформистами и диссидентами, должны быть беспощадно выброшены из нашей партии, так как они являются агентурой диссидентов в наших рядах и обманывают рабочих относительно причин раскола и истинных виновников его. Вместо того, чтобы правильно поставить вопрос о возможности тех или других практически согласованных действий с диссидентами, несмотря на их мелко-буржуазный и по существу контр-революционный характер, они требуют от нашей собственной партии отказа от ее коммунистической программы и революционных методов. Изгнание таких элементов беспощадно и со срамом лучше всего покажет, что тактика единого рабочего фронта

ничем не похожа на капитуляцию или примирение с реформистами. Тактика единого фронта требует со стороны партии полной маневренной свободы, гибкости и решимости. А это возможно только при том условии, если партия ясно и отчетливо в каждый данный момент заявляет, чего она хочет, к чему стремится и авторитетно, перед лицом массы, комментирует свои собственные шаги и предложения.

34. Отсюда вытекает полная недопустимость того, что отдельные члены партии выпускают, за свой собственный страх и риск, политические издания, в которых они свои лозунги, методы действий, предложения противопоставляют лозунгам, методам действия и предложениям партии.

Под прикрытием коммунистической партии и, стало быть, в той среде, которой импонирует коммунистическое прикрытие, т.-е. в рабочей среде, они изо дня в день распространяют идеи нам враждебные, или сеют смуту и скептицизм еще более вредные, чем ясно враждебные нам идеологии.

Такого рода органы, вместе с их издателями, должны быть раз навсегда поставлены вне партии, и вся рабочая Франция должна узнать об этом из статей, беспощадно обличающих мелко-буржуазных контрабандистов под коммунистическим знаменем.

35. Из сказанного вытекает также полная недопустимость того, чтобы в руководящих изданиях партии появлялись на ряду со статьями, защищающими основные положения коммунизма, статьи, оспаривающие эти положения или отрицающие их. Совершенно недопустимым является продолжение того режима партийной печати, при котором читающая рабочая масса, в качестве передовиц своих руководящих коммунистических органов, находит статьи, пытающиеся вернуть нас на позиции слезливого пацифизма и проповедующие рабочим расслабляющую ненависть к революционному насилию пред лицом торжествующего насилия буржуазии. Под видом борьбы с милитаризмом таким путем ведется борьба с идеями революции и восстания.

Если после опыта войны и всех за ней последовавших событий, особенно в России и Германии, в коммунистической партии еще сохранились предрассудки гуманитарного пацифизма и если партия считает полезным, в интересах окончательной ликвидации этих предрассудков, открыть по этому вопросу дискуссию, то, во всяком случае, в этой дискуссии пацифисты не могут выступать со своими предрассудками, как равноправная величина, а должны быть строго осуждены авторитетным голосом партии, в лице ее Центрального Комитета. После того, как Центральный Комитет признает дискуссию

исчерпанной, всякие попытки распространения расслабляющих идей толстовства и других видов пацифизма должны несомненно влечь за собой исключение из партии.

36. Можно, однако, сказать, что до тех пор, пока работа по очищению партии от предрассудков прошлого и по ее внутреннему сплочению не закончена, было бы опасно ставить партию в такое положение, при котором она слишком близко соприкасалась бы с реформистами и националистами. Но такая точка зрения была бы ошибочна. Нельзя, разумеется, отрицать того, что переход от широкой пропагандистской работы к непосредственному участию в движении масс таит в себе для коммунистической партии новые трудности, а следовательно, и опасности. Но было бы совершенно неправильно полагать, будто партия может подготовиться ко всем испытаниям без такого прямого участия в борьбе, без прямого соприкосновения с врагами и противниками. Наоборот, только таким путем может быть достигнуто действительное, необманчивое внутреннее очищение и сплочение партии. Очень возможно, что те или другие элементы партийной и синдикальной бюрократии почувствуют себя ближе стоящими к реформистам, от которых они случайно оторвались, чем к нам. Утрата таких попутчиков будет не минусом, а плюсом, и она сторицей возместится притоком к нам тех рабочих и работниц, которые сегодня еще идут за реформистами. В результате партия станет более однородной, более решительной и более пролетарской.

VI. Задачи партии в синдикальном движении.

37. Первостепенным по важности, далеко превышающим все остальные задачи коммунистической партии Франции, является установление безусловной ясности в синдикальном вопросе.

Разумеется, подлежит безусловному отвержению и разоблачению распространяемая реформистами легенда о планах организационного подчинения синдикатов партии. Синдикаты об'емлют рабочих разных политических оттенков и беспартийных, атеистов и верующих, тогда как партия об'единяет политических единомышленников на основе определенной программы. У партии нет и не может быть никаких орудий и способов извне подчинить себе синдикаты.

Партия может завоевать влияние на жизнь синидикатов лишь постольку, поскольку ее члены работают в этих синдикатах и проводят там партийную точку зрения. Влияние их на синдикаты естественно зависит как от их численности, так и особенно от того, в ка-

кой мере они правильно, последовательно и целесообразно применяют принципы партии к потребностям синдикального движения.

Партия имеет право и обязана поставить себе задачей добиться на указанном пути *решающего влияния* в синдикальных организациях. Достигнуть этой цели она может при том условии, если работа коммунистов в профсоюзах будет целиком и полностью согласована с принципами партии и протекать под ее неизменным контролем.

38. Необходимо поэтому, чтобы сознание всех коммунистов окончательно очистилось от реформистских предрассудков, которые рассматривают партию, как политическую парламентскую организацию пролетариата и только. Коммунистическая партия есть организация пролетарского авангарда для идейного оплодотворения рабочего движения и руководства им во всех его областях—в первую голову, в синдикальной. Если синдикаты являются неподчиненными партии, а вполне автономными организациями, то коммунисты в синдикатах не могут претендовать ни на какую автономию в своей синдикальной деятельности, а должны быть проводниками программы и тактики своей партии. Самому строгому осуждению подлежит поведение тех коммунистов, которые не только не борются внутри синдикатов за влияние идей партии, но противодействуют такой борьбе во имя совершенно ложно применяемого ими принципа «автономии». На самом деле они таким путем содействуют решающему влиянию на синдикаты отдельных лиц, групп и клик, не связанных ни определенной программой, ни партийной организацией и использующих неопределенность идейных группировок и отношений для того, чтобы удержать в своих руках организационный аппарат и обеспечить независимость своей клики от действительного контроля рабочего авангарда.

Если партия должна в своей деятельности внутри синдикатов проявлять величайшую внимательность и осторожность по отношению к непартийным массам и их добросовестным и честным представителям, если партия должна на почве совместной работы систематически и тактично сближаться с лучшими элементами синдикализма — даже с революционными анархистами, которые способны учиться,— то, с другой стороны, она не может терпеть дольше в своей среде тех мнимых коммунистов, которые пользуются званием членов партии только для того, чтобы тем увереннее проводить антипартийное влияние в синдикатах.

39. Партия должна через свою печать через своих пропагандистов и через своих членов в синдикатах подвергать постоянной и систематической критике недостаточность революционного синди-

кализма для разрешения основных задач пролетариата. Партия должна неутомимо и настойчиво критиковать слабые теоретические и практические стороны синдикализма, выясняя в то же время лучшим его элементам, что единственно правильным путем для революционного влияния на синдикаты и на все рабочее движение в целом является вхождение революционных синдикалистов в коммунистическую партию, их участие в разработке всех основных вопросов движения, в учете опыта, в определении новых задач, в очищении самой коммунистической партии и в усилении ее связи с рабочими массами.

40. Совершенно необходимо провести во Французской Коммунистической Партии перепись всех членов, для определения социального положения (рабочий, служащий, крестьянин, интеллигент и проч.), отношения к синдикальному движению (состоит ли членом профессионального союза, участвует ли в собраниях коммунистов, революционных синдикалистов, проводит ли там решения партии относительно профессиональных союзов и проч.), отношение к партийной печати (какие читает партийные издания) и проч.

Перепись необходимо провести так, чтобы главные результаты ее можно было учесть до предстоящего IV международного конгресса.

2 марта 1922 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ВОПРОСУ.

Коммунистическая французская партия со времени Тура сделала большое организационное усилие, которое удержало в ее рядах лучшие силы пролетариата, пробужденного к политическому действию. Марсельский конгресс был для партии поводом к серьезной теоретической работе, из которой революционное рабочее движение извлечет, несомненно, очень большую пользу.

Порывая с парламентскими и политиканскими традициями старой социалистической партии, для которой конгрессы были только предлогами для ораторских поединков лидеров, коммунистическая партия, в первый раз во Франции, призвала собрание активных рабочих к предварительному и углубленному изучению существенных вопросов развития революционного французского движения.

Организационный кризис во французской партии, значение коего было бы столь же неправильным не дооценивать, как и переоценивать, является одним из моментов роста французской коммуни-

стической партии, ее внутреннего очищения, внутренней перестройки и консолидации на истинно коммунистических основах.

Раскол в Туре провел основной водораздел между реформизмом и коммунизмом. Но совершенно неизбежным является тот факт, что вышедшая из этого раскола коммунистическая партия сохранила в некоторых своих частях известные пережитки реформистского и парламентского прошлого, от которых она может освободиться и освобождается путем внутренних усилий на основе участия в борьбе масс.

Пережитки прошлого — в известных группах партии — выражаются: 1) в стремлении восстановить единство с реформистами, 2) в стремлении к блоку с радикальным крылом буржуазии, 3) в подмене революционного антимилитаризма мелко-буржуазным гуманитарным пацифизмом, 4) в неправильном истолковании отношений между партией и профсоюзами, 5) в борьбе против действительно централистического руководства в партии, 6) в усилиях подменить международную дисциплину действия платонической федерацией национальных партий.

После раскола в Туре такого рода тенденции не могли проявляться с полной силой и рассчитывать на широкое влияние в партии. Тем не менее, под могущественным давлением буржуазного общественного мнения, склонные к оппортунизму элементы обнаруживают естественное тяготение друг к другу, пытаются создать свои органы и опорные пункты. Как бы ничтожны ни были их успехи в этом направлении, было бы ошибкой не дооценивать опасность их работы для революционного характера и единства партии. Коммунистические организации не могут ни в каком случае служить ареной свободной пропаганды тех самых по существу взглядов, которые были причиной откола реформистов-диссидентов от партии рабочего класса. Всякая неясность в этом отношении неизбежно затруднила бы воспитательную революционную работу в массах.

Пленум Исполнительного Комитета констатирует, что резолюции Марсельского конгресса, проникнутые духом Коммунистического Интернационала, создают крайне важные опорные пункты для революционной деятельности партии в трудящихся массах города и деревни.

Вместе с тем, пленум Исполнительного Комитета с удовлетворением принимает к сведению заявления французской делегации о том, что «Journal du Peuple», орган концентрации реформистских и неясных тенденций, как стоящий в полном противоречии с программой Интернационала, с постановлениями Турского

и Марсельского конгрессов Французской Коммунистической Партии и с революционной непримиримостью сознательного французского пролетариата, будет в короткий срок поставлен вне партии.

Исключительное значение Марсельского с'езда пленум Исполнительного Комитета видит в том, что он поставил пред партией важнейшую задачу систематической и правильной работы в профсоюзах, в духе программы и тактики партии. Этим самым дано принципиальное осуждение тенденции тех членов партии, которые, под видом борьбы за автономию профсоюзов, являющуюся, между прочим, неоспоримой, борются на самом деле за автономию своей собственной работы внутри профсоюзов — вне контроля и руководства партии.

Пленум принимает к сведению заявление французской делегации о том, что Центральный Комитет партии принимает и примет все необходимые меры к тому, чтобы решения партии проводились (в духе строжайшего единства и дисциплины) коммунистами в профсоюзах под общим руководством Центрального Комитета партии.

Принимая во внимание, что уставы Коммунистического Интернационала и его секций, построенные на началах демократического централизма, дают достаточные гарантии правильного и нормального развития каждой коммунистической партии, пленум считает неправильной подачу в отставку нескольких выбранных Марсельским с'ездом членов Центрального Комитета, независимо от тех политических мотивов, которыми эта отставка была вызвана. Отказ от порученных партией постов может быть истолкован широкими кругами партии, как заявление о невозможности правильной совместной работы различных оттенков в рамках демократического централизма и может послужить толчком к формированию фракций внутри партии.

Выражая свою полную уверенность в том, что борьба против указанных выше проявлений анти-коммунистических тенденций будет вестись подавляющим большинством партии и ее руководящих учреждений в целом, и принимая во внимание, что создание фракций неизбежно нанесло бы тягчайший ущерб развитию партии и ее авторитету в пролетариате, пленум Исполнительного Комитета с удовлетворением принимает к сведению заявление французской делегации о готовности Центрального Комитета и подавших в отставку товарищей принять необходимые организационные меры к тому, чтобы воля Марсельского с'езда была осуществлена до конца и чтобы подавшие в отставку вошли в состав Центрального Комитета партии для дружной и правильной работы.

КОММУНИСТЫ И КРЕСТЬЯНСТВО ВО ФРАНЦИИ.

(К дискуссии о едином фронте).

Наши разногласия с французскими товарищами по вопросу о едином фронте далеко не исчерпаны. Наоборот, если судить по некоторым статьям французской партийной печати, то получается впечатление, что корень разногласий и недоразумений — по крайней мере, в некоторых кругах партии—глубже, чем может казаться сначала. Мы имеем перед собою статью тов. Рено Жан[308]), напечатанную в качестве передовой в «L'Humanité» (6 апреля 1922 г.). Тов. Жан, один из выдающихся деятелей партии, докладчик по аграрному вопросу на Марсельском конгрессе, выступил с энергией и откровенностью, которые мы можем только приветствовать, против взглядов, которые мы защищали, но которые ему кажутся неправильными. В заголовке статьи он называет тактику единого фронта опасной неловкостью. В тексте он прямо говорит *о катастрофе*, как о неизбежном результате этой тактики во Франции. «Наша страна раз'едается в течение трех четвертей столетия всеобщим избирательным правом. Разделение на классы проникло собою только незначительное меньшинство... Республиканско-буржуазная Франция является обетованной землей путаницы (confusion)». Из этих, совершенно правильно установленных, фактов тов. Жан делает вывод, к которому мы целиком присоединяемся: «коммунистическая партия должна быть здесь более непримиримой, чем где бы то ни было». И вот, под углом зрения этой непримиримости, тов. Жан направляет свои удары против единого фронта, который ему по-прежнему кажется не чем иным, как комбинацией межпартийного соглашательства. Мы могли бы сказать—и мы это говорим, — что подобная оценка глубочайшей тактической проблемы свидетельствует о том, что и сам тов. Жан несвободен от последствий чисто-парламентских традиций французского социализма: там, где для нас стоит вопрос о завоевании широких масс, о прорыве буржуазно-соглашательской блокады вокруг авангарда рабочего класса, тов. Жан упорно не видит ничего иного, кроме «хитрой» комбинации, которая, в лучшем случае, может дать некоторое увеличение числа мест в парламенте (!!) ценою увеличения смуты и путаницы в политическом сознании пролетариата. Между тем, — и в этом он совершенно прав, — Франция больше, чем какая-либо другая страна, нуждается в ясности, отчетливости и решительности политической мысли и работы партии. Но если тов. Жан считает, что французский коммунизм должен быть самым неприми-

римым, то почему же — прежде, чем ополчаться против единого фронта, — он не дает себе труда констатировать, что французский коммунизм является сейчас наименее непримиримым, наиболее терпимым, наиболее снисходительным ко всяким уклонам?

На ясность и отчетливость, которыми тов. Жан формулирует свою критику, мы ответим также со всей необходимой отчетливостью и ясностью. Ни в какой другой коммунистической партии не мыслимы были бы статьи, заявления и речи против революционного насилия в духе пресного и сентиментального гуманизма, подобные статьям, которые встречаются во французской партийной печати. Если Рено Жан с полным правом говорит о «гангрене» буржуазно-демократической идеологии, то ведь наиболее тяжкое последствие ее в рабочем классе состоит в притуплении революционного инстинкта и наступательной воли, в растворении активных тенденций пролетариата в бесформенно-демократических перспективах. Гуманитарная стряпня «Лиги прав человека и гражданина», которая в серьезный час, как известно, ползала на четвереньках перед французским милитаризмом, проповедь морализирующих, толстовствующих политических вегетарианцев и проч. и проч., как бы они ни расходились внешним образом с официальной политикой третьей республики, в конце концов, как нельзя лучше служат ей, дополняя ее. Бесформенно-пацифистская агитация, прикрытая социалистической фразеологией, есть превосходное орудие буржуазного режима. Искреннему пацифисту это может показаться парадоксом, но это так.

Ни Пуанкаре, ни Барту пацифистские арии Жоржа Пиок [309]) не смутят и не соблазнят. Но в сознании известной части трудящихся такие проповеди находят подготовленную почву. Вражда к буржуазному строю и военному насилию находит в гуманитарных формулах искреннее, но бесплодное выражение и изживает себя, не разрешаясь в действии. В этом и состоит социальная функция пацифизма. С особенной яркостью сказалось это в Америке, где шайка Брайана [310]) получила огромное влияние среди фермеров именно под лозунгами пацифизма. Социалисты типа Хилквита [311]) и другие простаки, воображающие себя величайшими хитрецами, целиком попались в петлю мещанского пацифизма и тем облегчили вступление Америки в войну.

Задачей коммунистической партии является пробуждение в рабочем классе готовности применить насилие, а для этого нужно научить различать реакционное насилие, которое служит для того, чтобы задержать историю на уже пройденном ею этапе, и революционное насилие, творческая миссия которого состоит в том, чтобы

очистить исторический путь от препятствий, воздвигнутых прошлым. Кто не хочет различать этих двух видов насилия, тот не различает классов, т.-е. игнорирует живую историю. Кто декламирует против всякого милитаризма, против всех и всяких видов насилия, тот неизбежно поддерживает насилие правящих, ибо оно есть факт, утвердившийся, закрепленный государственными законами и проникший в нравы.

Для низвержения его нужно другое насилие, которое, прежде всего, должно отвоевать себе право в сознании самих трудящихся.

Последняя конференция Исполкома Коминтерна*) указала на ряд других явлений во внутренней жизни французской партии, которые свидетельствуют о том, что она ни в коем случае не является самой непримиримой. А между тем, она должна быть такой, — этого требует вся политическая среда. И в одном мы сходимся с тов. Рено Жан: применение методов единого фронта требует полной ясности и отчетливости политического сознания партии, стройности ее организации и законченности дисциплины.

Далее, тов. Жан ссылается на то, что в списке требований, выдвинутых в качестве платформы единого фронта (борьба против налога на заработную плату, защита восьмичасового рабочего дня и проч.), он не находит ни одного требования, которое могло бы непосредственно заинтересовать добрую половину работников Франции, именно крестьян. Что для них восьмичасовой рабочий день? Что для них налог на заработную плату?

Этот довод тов. Жана кажется нам в высокой степени опасным. Вопрос о мелком крестьянстве имеет для французской революции бесспорно огромное значение. Наша французская партия сделала большой шаг вперед, выдвинув аграрную программу и поставив в порядок дня своей работы завоевание крестьянских масс. Но было бы в высшей степени опасно и прямо-таки гибельно просто-напросто растворять французский пролетариат в «трудящихся» или в «работниках», как половину в целом. Мы сейчас не только организационно, но и политически охватили лишь меньшинство французского рабочего класса. Революция станет возможной после того, как мы политически овладеем большинством. Только большинство французского рабочего класса, об'единенное под знаменем революции, может увлечь и повести за собой мелкое французское крестьянство. Вопрос о едином рабочем фронте во Франции есть основной вопрос; без разрешения этого вопроса работа в крестьянстве, как

---

*) Расширенный пленум Исполкома Коминтерна, происходивший с 22/II по 4/III 1922 г. *Прим. ред.*

бы успешна она ни была, не приблизит нас к революции. Крестьянская пропаганда и хорошая аграрная программа — очень значительный фактор успеха. Но крестьянство реалистично и скептично, оно не верит на слово, особенно во Франции, где его так много обманывали. В серьезную борьбу французский крестьянин — в деревне или в казарме—за программными лозунгами не пойдет. Он серьезно рискнет собою только в том случае, если увидит условия, обеспечивающие или, по крайней мере, делающие чрезвычайно вероятным успех. Ему нужно увидеть перед собою силу, внушающую ему доверие своей массовидностью и дисциплинированностью. Расколотый по политической и профессиональной линиям рабочий класс такой силой в глазах крестьянства представиться не может. Предпосылкой победоносной революции во Франции является привлечение известной, возможно широкой, части крестьянства на сторону рабочего класса. Но предпосылкой такого привлечения остается об'единение подавляющего большинства французского рабочего класса под знаменем революции. Это есть основная задача. Надо овладеть рабочими, которые идут сегодня с Жуо и Лонгэ. Не говорите, что их мало. Разумеется, число активных сторонников Лонгэ, Блюма и Жуо, самоотверженных, т.-е. таких, которые готовы были бы за их программы позакладывать головы, — ничтожно. Но пассивных, темных, инертных, ленивых мыслью и телом, — еще очень много. Они стоят в стороне, но, если события затронут их, они в нынешнем своем состоянии, встанут скорее под знаменем Жуо-Лонгэ, чем под нашим. Ибо Жуо-Лонгэ и отражают и эксплоатируют пассивность, темноту и отсталость рабочего класса.

Если тов. Жан, руководитель крестьянской работы партии, непропорционально распределяет свое внимание между пролетариатом и крестьянством, то это досадно, но об'яснимо, и не так уже опасно, ибо партия в целом его поправит. Но, если бы на точку зрения тов. Жана стала партия, относясь к пролетариату просто, как к «половине» трудящихся, это грозило бы поистине роковыми последствиями, ибо растворило бы революционно-классовый характер партии в бесформенной партии трудящихся. Эта опасность еще ярче вырисовывается, когда следишь за ходом мысли тов. Жана в дальнейшем. Он прямо отказывается от таких задач борьбы, которые не охватывают всех трудящихся, или, как он выражается: «не заключают в себе требований, общих обеим большим частям пролетариата!» Здесь под «пролетариатом» надлежит разуметь не только пролетариат, но и крестьянство. Опаснейшее злоупотребление терминологией, политически ведущее к тому, что тов. Жан пытается требования пролетариата (сохранение восьмичасового рабочего дня,

отстаивание заработной платы и проч.) поставить под контроль крестьянства!

Крестьянин есть мелкий буржуа, который в большей или меньшей степени может приблизиться к пролетариату и который, в известных условиях, может быть более или менее прочно завоеван пролетариатом для дела революции. Но отождествлять аграрную мелкую буржуазию с пролетариатом и урезывать требования пролетариата под углом зрения мелкого крестьянства, — значит отказываться от действительной классовой базы партии и сеять ту самую смуту (confusion), для которой в крестьянско-парламентской Франции чрезвычайно благодарная почва.

Если, как мы слышали, восьмичасовой рабочий день не может стать во Франции лозунгом единого фронта, ибо это требование «не интересует» крестьянина, то борьба с милитаризмом является, с точки зрения Жана, подлинной революционной программой для Франции. Не может быть никакого сомнения в том, что мелкий французский крестьянин, обманутый войной, с ненавистью относится к милитаризму и сочувственно откликается на антимилитаристские речи. Само собой разумеется, что мы должны беспощадно разоблачать капиталистический милитаризм, как в городе, так и в деревне. Урок войны должен быть использован до конца. Было бы, однако, для партии крайне рискованным обманываться насчет того, в какой мере крестьянский антимилитаризм может получить *самостоятельное* революционное значение. Крестьянин не хочет отдавать своего сына в казарму; крестьянин не хочет платить налога на содержание армии; он искренно аплодирует оратору, который говорит против милитаризма (и даже против «всех милитаризмов»). Крестьянская оппозиция по отношению к армии имеет, однако, не революционную, а бойкотистско-пацифистскую подкладку. Fichez-moi la paix (оставьте меня в покое)—вот его программа! Это настроение может создать благоприятную атмосферу для революции, но оно не может создать самой революции и обеспечить ее успех.

Сантиментальный пацифизм в духе Пиок и является выражением крестьянского, а не пролетарского отношения к государству и милитаризму. Организованный и сознательный пролетариат, находясь пред вооруженным до зубов государством, ставит пред собою вопрос о том, как ему, пролетариату, организоваться и вооружиться для низвержения и разрушения буржуазного насилия путем своей диктатуры. Изолированный крестьянин так далеко не идет: он просто против милитаризма, он ненавидит его, он готов повернуться к нему спиной—fichez-moi la paix!—оставьте меня в покое со всеми вашими милитаризмами! Такова психология недовольного, оппози-

ционного крестьянина, интеллигента или городского мелкого буржуа. Было бы бессмысленным не использовать этих настроений в среде наших возможных мелко-буржуазных и полу-пролетарских союзников, но было бы преступно переносить эти настроения в пролетариат и в нашу собственную партию.

Социал-патриоты затруднили себе доступ к крестьянину своим патриотизмом. Мы должны всячески использовать это преимущество. Но это ни в коем случае не дает нам права отодвинуть на второй план классовые пролетарские требования—даже, если мы рискуем вызвать временные недоразумения с нашими друзьями-крестьянами. Мелкое крестьянство должно пойти за таким пролетариатом, каков он есть. Переделываться под крестьянство пролетариат не может. Если бы коммунистическая партия в обход жизненных классовых требований пролетариата пошла по линии наименьшего сопротивления, выдвигая на первое место пацифистский антимилитаризм, она рисковала бы обмануть и крестьян, и рабочих, и себя.

Во Франции, как и везде, нам нужно, прежде всего, единство фронта в самом пролетариате. Французское крестьянство не превратится в пролетариат от того, что тов. Жан позволит себе злоупотребление социальной терминологией. Но самая потребность в таком злоупотреблении—опасный симптом такой политики, которая может посеять только величайшую смуту. А французский коммунизм больше, чем всякий другой, нуждается в ясности, отчетливости и непримиримости. В этом мы, во всяком случае, согласны с нашим французским оппонентом.

29 апреля 1922 г.

УРОКИ ПЕРВОМАЙСКОГО ПРАЗДНОВАНИЯ *).

Генуя обнаружила противоречие между Советской Россией и остальным миром. Наши враги убедились, что мы теперь, как никогда, далеки от капитуляции. Но враги наши еще сильны. Сильна и опасность.

Не только московская и петроградская, но и харьковская и киевская демонстрации 1 мая имели поистине грандиозный размер. Сами устроители не рассчитывали на такое количество демонстрантов. Иностранцы, и в том числе крайне к нам недоброжелательные, были поражены. Один из представителей Амстердамского Интернационала высказался, под непосредственным впечатлением демонстрации, в том смысле, что только на похоронах Виктора Гюго [312]) он

*) «Правда» 10 мая 1922 г., № 102.

видел нечто подобное. А ему довелось немало видеть массовых манифестаций в разных государствах Европы. Настроение демонстрировавших было, разумеется, не одинаково: одни шли с энтузиазмом, другие—с сочувствием, третьи — с любопытством, четвертые — из подражательности. Но так бывает всегда в движении, которое охватывает сотни тысяч. В общем, толпа чувствовала себя участницей в каком-то общем деле. И тон в ней, естественно, задавали те, которые шли с энтузиазмом.

Еще за несколько дней до первого мая товарищи говорили в районах: вы не можете себе представить, как Генуя [313]) подняла политические интересы и революционное самочувствие рабочих масс. Другие прибавляли: большую роль в нынешних настроениях играет чувство революционной гордости: заставили *их* разговаривать с нами почти по-человечески!

Если судить по заграничным бело-социалистическим изданиям, выходящим в Берлине, то русский рабочий класс насквозь пропитан скептицизмом, упадочными реакционными настроениями и враждой к Советам. Очень может быть, что не все из этих корреспонденций сочиняются в Берлине, который является центром не только русского монархизма, но и белого социализма. Возможно, что часть корреспонденций пишется даже с натуры. Но всякий пишет ту натуру, которую видит. Меньшевики ко всякой натуре подходят с тылу и его изображают. Что в рабочих кварталах есть недовольство разными сторонами нынешнего тяжкого существования, на этот счет не может быть никаких сомнений. Можно также признать и то, что медленный темп развития европейской революции и тяжкий, ухабистый процесс нашего хозяйственного развития порождают в отдельных, довольно значительных, не чисто-пролетарских кругах рабочего класса, настроения упадка и растерянности, переходящие даже в мистицизм. В будни — а наша величайшая эпоха знает свои будни — сознание класса дробится на злобу сего дня; различие интересов и взглядов отдельных групп рабочего класса выступает вперед. Но ближайшие же крупные события во всей полноте обнаруживают глубокое единство пролетариата, прошедшего через огненную школу революции. Мы это наблюдали не раз на долгом пути от восстания чехо-словаков на Волге до генуэзских переговоров. Враги не раз говорили, что чехо-словацкое восстание пошло Советской власти на пользу. Меньшевики, эс-эры и их старшие братья, кадеты группы Милюкова [313а]), повторяют, что военные интервенции потому именно вредны, что ведут к упрочению Советской власти. Но что это значит? Да именно то, что крупные, тяжкие испытания обнаруживают глубокую связь Советов с трудящимися массами, несмотря

на непорядки, на явления разрухи, на неумелость, несмотря на усталость одних и недовольство других.

Разумеется, и пришедший в противоречие с общественным развитием государственный режим может иногда оказаться окрепшим в момент внешней опасности. Мы это наблюдали на царизме в первый период русско-японской войны и, в еще большем масштабе, в начале последней империалистской войны. Но — только в первый период, т.-е. до тех пор, пока сознание народных масс не освоится с новым фактом. Затем следует расплата: переживший себя режим теряет в своей устойчивости во много раз больше, чем приобрел в первый период войны. Почему же это явление, обладающее всеобщностью закона, не наблюдается на судьбе Советской республики? Почему трехлетний опыт военных интервенций побудил более проницательных врагов отказаться от мысли о продолжении военных нападений? По той же причине, по которой Генуэзская конференция вызвала под'ем в рабочих массах, приведший к неожиданно грандиозному успеху первомайской манифестации.

Меньшевики и эс-эры были, разумеется, против выступления рабочих и призывали их не выходить. Тем ярче обнаружилось единодушие трудящихся по отношению к основным вопросам жизни трудовой республики. Можно, конечно, сказать, что успеху проповеди белых социалистов мешали и мешают репрессии. Этого оспаривать нельзя. Но, ведь, борьба и состоит в том, что они стремятся опрокинуть Советскую власть, а она не хочет им это позволить. Мы совершенно не чувствуем себя обязанными создавать наиболее благоприятные условия для их контр-революционной борьбы.

Ведь и буржуазия нигде не стремится облегчить условия работы коммунистов, и, тем не менее, революционное движение росло и растет. Самая могущественная механика репрессий была в распоряжении царизма, и это не помешало ему пасть. Более того: сами меньшевики не раз, вероятно, писали и говорили, что царские репрессии только расширяют и закаляют революционное движение. И это было верно. В первый период русско-японской империалистской войны царизму еще удавались патриотические манифестации, да и то очень ограниченные по об'ему. Но уже скоро улицы городов попадали во власть революционной толпы. Ссылка на репрессии, следовательно, ничего не об'ясняет, ибо порождает вопрос: почему же эти репрессии имеют успех, а борьба против них успеха не имеет? И ответ гласит: репрессии не достигают цели, когда направляются пережившей себя государственной властью против новых, прогрессивных исторических сил. В руках исторически-прогрессивной власти репрессии могут оказаться очень действительным

орудием для того, чтобы ускорить очищение исторической арены от переживших себя сил.

Но если первого мая обнаружилась глубочайшая внутренняя связь трудящихся с советским режимом и попутно полное бессилие партий белого социализма, то нельзя ли отсюда сделать вывод о ненужности репрессий? Не легализовать ли бессилие, хотя бы и смертельно враждебное рабочей революции?

Нужно и на этот вопрос ответить с полной ясностью. Если бы празднование первого мая имело однородный характер во всем мире, тогда в России не возникало бы и самого вопроса о репрессиях. То же самое было бы, если бы Россия существовала на свете одна. Но ведь трудящиеся потому именно так единодушно вышли первого мая на улицы Москвы и Петрограда, Харькова, Киева и др. городов, что ярче и непосредственнее почувствовали через Геную свою рабоче-крестьянскую Россию, противостоящую четырем десяткам буржуазных государств. В национальных пределах России меньшевики и эс-эры — ничтожная величина. Но в международном масштабе соотношение сил выглядит иначе, ибо везде в Европе и во всем мире у власти стоит буржуазия, а меньшевизм — ее передаточный политический механизм.

Русский меньшевизм ничтожен, но это — рычаг могущественной еще системы, движущей силой которой являются парижская, лондонская и нью-йоркская биржи. Это с необыкновенной яркостью обнаружилось на вопросе о Грузии. Руководимые Вандервельде, меньшевики потребовали не более, не менее, как восстановления меньшевистской Грузии. Реакционнейший из политических барышников Франции г. Барту потребовал допущения бывшего меньшевистского правительства Грузии в Геную. И тот же самый Барту держит в резерве врангелевский отряд на случай, если бы понадобился дессант на кавказское побережье. А основой всего является устремление биржи к кавказской нефти.

В национальных пределах меньшевики и эс-эры ничтожны. Но в пределах капиталистического окружения они были и остаются полу-политической, полу-военной агентурой вооруженного до зубов империализма. После длительных будней, с их тихой сапой с обеих сторон, Генуя снова в драматической, в ярко-видимой форме обнаружила противоречие между Советской Россией и всем остальным миром. Оттого трудящиеся нашей страны так единодушно встали под знамена Советов. В этом их великолепном движении сказалась революционная сила Республики, но также и сила окружающих ее опасностей. Фронтов и военных действий сегодня нет, но мы все еще — осажденная крепость. Враги дали нам перемирие и предло-

жили выслать парламентеров. Враги прощупали нас и убедились, что мы сейчас от капитуляции дальше, чем когда бы то ни было. Но враги еще сильны. А, значит, и сильна опасность. Вот каковы уроки первомайского празднования: в законном сознании наших сил мы должны и впредь ни на иоту не ослаблять нашей бдительности.

ИСПОЛКОМ КОМИНТЕРНА ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ Ф. К. П.

I.

Дорогие товарищи!

Исполком Коминтерна со все растущей тревогой следит за развитием внутреннего положения Французской Коммунистической Партии и ее политики в рабочих массах.

Тот факт, что численный рост партии временно приостановился и партия даже потеряла известное количество членов, сам по себе не мог бы еще давать места тревожным заключениям.

Период формирования партии был периодом революционного брожения после войны, периодом надежд на быстрое развитие великих революционных событий. Когда же оказалось, что движение приняло более медленный темп, когда менее сознательные элементы из массы, т.-е. большинство ее, увидев, что образование коммунистической партии не означает еще никакой коренной перемены в общественном строе,—интерес к коммунистической партии неизбежно ослабел, и определенная часть рабочих и нерабочих элементов, которых толкнул в сторону партии вздымающийся вал, начала отходить от нее.

Это замедление, обусловленное логикой событий, могло бы и должно было бы содействовать очищению, консолидированию и упрочению принципов и организаций партии, однако лишь в том случае, если бы ядро партии, в первую голову ее Центральный Комитет, проводили определенную и стойкую политику. Но Исполком не видит, чтобы подобная политика проводилась. Партия не становится ни более сплоченной, ни более однородной на базисе своей революционной программы. Напротив, в ней теперь больше неопределенности, чем когда-либо. Ослабление революционной сосредоточенности внутри партии ведет за собою усиление давления извне, т.-е. давления со стороны буржуазного общественного мнения. Правые, т.-е. некоммунистические, оппортунистические элементы партии, фактически немногочисленные и идейно слабые, приобретают в этих усло-

виях все растущее влияние, так как через них производит буржуазно-общественное мнение свое давление на партию, которая лишена необходимого единства и стойкости для сопротивления внешним влияниям.

Это тревожное положение в партии ярко сказалось в истории с Фабром и его газетой. Для каждого коммуниста ясно, что газета Фабра безусловно чужда и враждебна духу Коммунистического Интернационала. Более того, эта газета есть не что иное, как частное предприятие лица, присвоившего себе звание члена коммунистической партии. В цитадель нашей партии, со всех сторон осажденной буржуазией, да еще столь ожесточенной и зловредной, как победоносная французская буржуазия, открыта для врагов дверь, через которую свободно проникают шпионы и элементы, отравляющие и деморализующие ряды партии.

Как неоднократно показал опыт, газеты такого рода очень легко находят доступ—прямым или косвенным путем—к партийной и профсоюзной бюрократии. Яд действует невидимо со дня на день, тем паче, что прикрывается знаменем партии. А в решительный момент столкновения окажется, что сознание и воля значительного большинства партийных организаций, а именно, кадры партии, отравлены и парализованы ядом мелко-буржуазного скептицизма. Партийная масса, равно как весь рабочий класс, окажется пред лицом великих событий обессиленной и как бы обезглавленной. Если не обратить своевременно должного внимания на этот процесс, это может оказаться роковым для революционной партии в подготовительный период.

По этим соображениям, расширенный пленум Исполкома Коминтерна два месяца тому назад решительно заявил, что вопрос о «Journal du Peuple», совершенно независимо от личности ее редактора, является одним из самых опасных отрицательных моментов в жизни партии. А в настоящий момент мы с растущей тревогой констатируем, что, несмотря на единодушное предостережение Интернационала по этому поводу, руководящие органы партии все еще не сумели понять эту опасность и не прибегли к решительным средствам для того, чтобы каленым железом выжечь эту рану. Вместо того, чтобы беспощадно атаковать «Journal du Peuple», партийная пресса только отмалчивается. Вместо того, чтобы поставить вопрос об этой газете во всем его политическом значении, что сделало бы возможным покончить с ней в 24 часа, ввиду ее полной политической ясности, Центральный Комитет партии, идя совершенно в разрез с постановлениями расширенного пленума и с обязательством, принятым на себя французской делегацией, свел весь вопрос к процедуре чисто

формальной анкеты и таким образом не дал партии уяснить себе положение дела и требования Интернационала. Чтобы указать авангарду французского пролетариата на грозящую ему опасность, Исполком вынужден был прибегнуть сначала к предостережению, затем—к призванию к порядку и, наконец, воспользоваться параграфом 9-м устава Интернационала и исключить Фабра и его газету из партии, подчеркивая все политическое значение этого шага.

II.

В то время, как правое крыло, использовывая хроническую нерешительность партийных центров, приобретает в жизни французской партии несоразмерное значение, мы не видим, чтобы эти партийные центры сосредоточивали свое внимание на их основной задаче: политическом завоевании рабочих масс, организованных в профсоюзы или держащихся еще в стороне от них. Мы видим, что под предлогом сохранения хороших отношений с синдикатами или синдикалистами, партия систематически уступает им во всех основных вопросах и таким образом сдает позиции и очищает место для самых антикоммунистических элементов синдикализма и анархизма. Мы видим, что члены партии продолжают вести в профсоюзном движении дерзкую и провоцирующую пропаганду против Коммунистического Интернационала. Пользуясь теоретической слабостью синдикализма, они ведут в нем личную сектантскую политику, проводят безответственный, бесконтрольный, беспрограммный, олигархический режим. Партия капитулирует пред каждой атакой этих политических противников, которые пользуются знаменем коммунизма, чтобы привести синдикалистское движение к неизбежному развалу и разложению. Продолжать игнорировать эту основную опасность—значило бы допустить на долгие годы разрушительную работу против французского коммунизма.

Если партия не поймет, что синдикалистское движение не в состоянии разрешить своих главных задач без помощи коммунизма, без руководства и воздействия партии на коммунистических членов синдикатов, то партии неизбежно придется уступить место в рабочем классе и, прежде всего, в синдикатах анархистским смутьянам и искателям приключений. Это влияние партии на синдикаты может быть добыто только в открытой идейной борьбе против анархистских смутьянов, олигархических клик и авантюристов. Партия должна перейти в наступление по всей линии: она должна разоблачать и критиковать всякую путаницу и путаников, взяв под свой контроль коммунистов в синдикатах, воспитывая их в духе строжайшей дис-

циплины и безжалостно изгоняя из своих рядов всех тех, кто под предлогом автономии осмелится продолжать свою разлагающую работу в синдикалистском движении.

Само собою разумеется, что при выполнении этой задачи партия не должна прибегать к таким формам агитации и пропаганды, которые могут оттолкнуть от нее синдикалистов, развивающихся в революционном духе, и, тем более, широкие массы организованных в синдикаты рабочих, еще не освободившихся от своих политических предрассудков. Но совершенно другое дело занять выжидательную позицию по отношению к этим элементам, воспитывая их, и другое дело—пассивно капитулировать пред анархистами, которые использовывают эти элементы в своих целях. Во всяком случае необходимым условием для успеха на этом пути является твердое желание добиться этого успеха. Для этого партия должна осуществлять самый строгий контроль со всеми его последствиями: исключать тех мнимых коммунистов, которые позволят себе отныне не подчиняться постановлениям Интернационала, а тем паче, действовать в совершенно противоположном направлении. В этом отношении Исполком ожидает со стороны Центрального Комитета твердых и решительных шагов, которые дадут Интернационалу действительную гарантию, что его постановления осуществляются на деле, гарантию, освобождающую Исполком от необходимости снова вмешиваться непосредственно в организационные задачи и вопросы, решение которых должно было быть бы делом Центрального Комитета нашей французской секции.

С другой стороны, Исполком констатирует, что выжидательная тактика уклончивости и колебаний в вопросах жизни и смерти для партии уже достаточно испытана и привела лишь к отрицательным результатам. Поэтому Исполком не допустит более никакой отсрочки в этой области.

III.

В вопросе о едином фронте мы видим ту же пассивную и нерешительную тенденцию, однако на сей раз замаскированную словесной непримиримостью. С первого же взгляда бросается в глаза следующий парадокс: правые элементы партии с их центристскими и пацифистскими тенденциями, поддерживающие прямо или косвенно «Journal du Peuple», в то же время выступают самыми непримиримыми противниками единого фронта, прикрываясь знаменем революционной непреклонности. Напротив, элементы, которые вплоть до Турского конгресса в самые трудные моменты стояли всецело

на почве III Интернационала, теперь выступают за тактику единого фронта.

На самом деле под маской псевдо-революционной непримиримости выступают теперь сторонники выжидательной пассивной тактики. Они не понимают того, что в настоящее время, когда рабочий класс разделен на различные лагери, мы ни в коем случае не можем допустить, чтобы рабочие пополняли собой ряды диссидентского, реформистского, анархистского и других лагерей. Нам нужна политическая наступательная инициатива, которая расстроит ряды наших консервативных противников; последние держатся в рабочем движении только благодаря недостатку с нашей стороны инициативы в области пропаганды. Те же самые черты нерешительности и пассивности, из-за которых мы понесли большие потери в синдикалистском движении, обнаружились в последние месяцы в вопросе о едином фронте: он был совершенно ложно истолкован и представлен в органах нашей французской партии.

Более того, хотя вопрос этот серьезно обсуждался в течение нескольких недель и привел в результате к принятию этой тактики подавляющим большинством Коминтерна в расширенном пленуме Исполкома, мы видим, однако, что руководящий центр и органы французской партии следуют тактике, совершенно несовместимой с духом и уставом Коммунистического Интернационала. Заявления о «подчинении дисциплине» служат как бы только для того, чтобы еще более открыто и систематически нарушать эту дисциплину. Несмотря на принятые определенные постановления, органы партии, как «L'Humanité» и «International», ведут в своих официальных статьях, т.-е. от имени партии, непримиримую кампанию против единого фронта. Так как вопрос в национальном и интернациональном масштабе перешел из стадии обсуждения в стадию действия, полемические статьи французской коммунистической печати все время доставляют лишь материал нашим врагам, это уже не дискуссия, а саботаж дела.

Исполком видит в этих фактах худший пережиток духа II Интернационала; в этом последнем решения международных конгрессов имеют лишь чисто декоративное значение и нисколько не стесняют тактики отдельных национальных секций, которые ставят свои «национальные» соображения выше интересов революции и задач Интернационала. Продолжение подобных недопустимых нарушений дисциплины в интернациональном действии неизбежно должно будет вызвать со стороны Интернационала, как целого, а также со стороны его национальных секций, решительный отпор, которые будут вынуждены призвать французскую секцию к порядку и дисциплине.

Исполком считает, что согласно духу и уставу III Интернационала, Центральный Комитет французской партии обязан обеспечить руководящим органам партии такой состав и такую форму, при которых они станут органами для раз'яснения, защиты и осуществления резолюций Коминтерна, а не для борьбы против него. Исполком ожидает в этом отношении вполне ясных и точных гарантий на будущее.

IV.

Нельзя не отметить той двусмысленности, которая имеется в отношениях между Центральным Комитетом французской партии и Исполкомом Коминтерна. Не только по тому единственному вопросу, по которому французская делегация на III конгрессе и на расширенном пленуме Исполкома голосовала против, но и все постановления, принятые в полном согласии со всеми французскими делегатами, представлены в таком виде, будто они продиктованы, навязаны партии извне и осуществляются ею лишь с чисто формальной стороны. Так, например, все члены французской делегации в полном единодушии с расширенным пленумом согласились, что необходимо восстановить мандаты тех товарищей из Центрального Комитета, которые подали в отставку на Марсельском конгрессе. Это решение преследовало в высшей степени важную политическую цель: добиться полного единодушия в работе Центрального Комитета, а также всей партии. Цель эта может быть достигнута лишь в том случае, если об'яснили партии, что речь идет не о каких-либо личных комбинациях и честолюбии того или другого, а о создании организационных предпосылок для полного единодушия в работе. Политическое значение этого вопроса требовало ясного и точного освещения его в передовых статьях партийной прессы и на национальном совете партии. Ничего подобного не было сделано. Все свелось к чистой формальности голосования, подготовленного за кулисами, т.-е. за спиной партии, без всяких об'ясняющих статей и речей. Если кто-либо задался целью добиться результатов, диаметрально противоположных тем, которые преследовал расширенный пленум Исполкома, он не поступил бы иначе, чем это сделал в данном случае Центральный Комитет.

Совершенно ясно, что этот подход к делу должен обязательно вызвать и усилить в разнородной массе французской партии впечатление, будто Интернационал или «Москва» пред'являют *непонятные* и немотивированные ультиматумы политического и организационного характера, которым Центральный Комитет французской партии подчиняется из соображений дисциплины, в то же время

искусно давая понять партийным массам свое отрицательное отношение к предложениям Интернационала. Таким образом создается атмосфера, в которой отлично преуспевают интриганы и политики, группирующиеся вокруг «Journal du Peuple».

V.

Наконец, интересно проследить историю отношений между Исполкомом и Центральным Комитетом: она выяснит нам, что недоразумения и ошибки никогда не исходили со стороны Исполкома.

К III Всемирному конгрессу французская партия послала в Москву делегацию из 11 членов, представлявшую все различные оттенки, которые имелись в то время в партии. Эта делегация приняла широкое участие в работах конгресса и Исполкома. Постановления, принятые Исполкомом по отношению к французской партии, были обсуждаемы и единогласно принимаемы французской делегацией, в частности, то постановление, в котором Исполком предлагал французской партии установить контроль над партийной печатью, существующий во всех других коммунистических партиях.

К удивлению Исполкома, Центральный Комитет долгое время игнорировал это постановление, и зло, на которое указывал Исполком, продолжало существовать и все усиливаться во французской партии. Поэтому Исполком настоял на принятии принципа контроля за партийной печатью; этот принцип был, наконец, через шесть месяцев принят, но в действительности ничего не было сделано для его проведения в жизнь.

После III конгресса Исполком обращается к Центральному Комитету с различными предложениями относительно французского коммунистического движения. Кроме того, т.т. Зиновьев и Троцкий обращались письменно к самым ответственным членам французской партии с целью облегчить путем такого рода дружественной переписки взаимное понимание и братское сотрудничество.

Движимый тем же духом, Исполком неоднократно приглашал т.т. Фроссара и Кашена приехать в Москву для того, чтобы обсудить с ними непосредственно наиболее важные вопросы коммунистического движения во Франции. Не желая упустить какую-либо возможность для установления сердечных отношений с руководителями французской партии и не получив благоприятного ответа на свои приглашения, Исполком послал в Париж делегата для ознакомления с положением и для изложения Центральному Комитету партии точки зрения Интернационала.

К концу прошлого года Исполком добился посылки другого товарища в Москву и был таким образом осведомлен о том, как Центральный Комитет желал бы установить свои отношения с Интернационалом. Он ответил резолюцией, которая, в свою очередь, требовала ответа от Центрального Комитета. Этот ответ не был дан.

Исполком использовал случай, когда был созван Марсельский конгресс, чтобы послать французской партии открытое письмо, в котором, между прочими комментариями к положению дел во французской партии, в дружественном и откровенном тоне, как это принято в международных отношениях коммунистов, высказывались некоторые критические соображения. Это письмо тоже требовало точного ответа по вопросам о дисциплине и контроле над партийными газетами. К сожалению, Исполком не получил ответа ни на это письмо, ни на другое, более подробное письмо, адресованное Центральному Комитету.

Напомним также, что ко времени Марсельского конгресса Исполком послал в Центральный Комитет второго делегата, пребывание во Франции которого должно было уладить все разногласия и облегчить установление регулярных сношений на будущее.

После Марсельского конгресса Исполком, в целях уяснения и точного установления своих отношений с французской партией, рассчитывал на приезд в Москву тов. Фроссара, согласно решению, принятому в октябре месяце Центральным Комитетом. Исполком настойчиво приглашал секретаря партии приехать, имея в виду чрезвычайную важность тех вопросов, которые необходимо разрешить. Он считал и продолжает считать, что такого рода непосредственный обмен мнений на месте был бы самым целесообразным средством для упрочения связи между Интернационалом и французской секцией.

Центральный Комитет ни разу не представлял Исполкому возражений политического характера, за исключением вопроса о едином фронте. В тех случаях, когда постановления расширенного Исполкома проводились в жизнь, то, как мы это видели в вопросе об обратном вступлении в Центральный Комитет подавших в отставку товарищей, это происходило в такой чисто пассивной форме, что, казалось, лишь подчеркивало враждебное отношение к сути принятого по этому вопросу решения.

Исполком полагает, что на будущее безусловно невозможно сохранить подобного рода отношения. Он предлагает Центральному Комитету французской секции Интернационала отдать себе точный отчет в том, какие — не высказанные до сих пор — мотивы лежат в основе такого поведения, а также в тех тяжелых последствиях,

к которым оно обязательно должно повести, если уклончивая тактика, практикуемая ныне в отношениях между Парижем и Москвой, не будет заменена откровенной и дружественной революционной искренностью.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Москва, 12 мая 1922 г.

ФРАНЦУЗСКИЙ КОММУНИЗМ И ПОЗИЦИЯ Т. РАППОПОРТА [314]).

Важнейшим вопросом для всего Коммунистического Интернационала является сейчас бесспорно внутреннее состояние нашей французской партии. В ней происходят процессы, требующие величайшего к себе внимания *). Будущий историк скажет, с какими трудностями пролетарская партия старой «республиканской», «культурной» страны, отягощенной традициями парламентарного оппортунистического прошлого, приспособлялась к новой исторической обстановке. Те, которые думают или говорят, будто во Франции, как победоносной стране, не революционная ситуация и будто этим именно об'ясняются явления кризиса во французском коммунизме, ошибаются в корне. На самом деле ситуация, если ее рассмотреть поглубже, имеет глубоко революционный характер. Международное положение Франции крайне неустойчиво и полно противоречий. Оно является источником неизбежных и все более острых кризисов. Финансовое состояние страны катастрофично, а эта финансовая катастрофа не может быть предупреждена иначе, как мерами глубочайшего социального захвата, которые безусловно не по плечу правящему классу. Весь государственный режим Франции после войны, и, прежде всего, ее милитаризм и колониальные притязания, не соответствуют ее экономическому базису; можно сказать, что великодержавность Франции грозит задавить страну под своей тяжестью. Трудящиеся массы разочарованы в своих национальных иллюзиях, обескуражены, недовольны, возмущены. Национальный блок, сорвавший политические сливки с победы, изживает себя на наших глазах. Радикализм, как и социал-патриотизм, израсходовали свои основные рессурсы еще во время войны. Если радикально-реформистский режим (Кайо-Тома-Блюм) и придет на смену режиму национального блока, то вряд ли на более долгий

---

*) См., напр., письмо тов. Лекачи из Парижа в № «Известий» за 27 мая 1922 г.

срок, чем нужно коммунистической партии для того, чтобы окончательно подготовиться к исполнению своей основной задачи. Таким образом, об'ективные предпосылки для революции и суб'ективные предпосылки для революционной политики на-лицо и если что отстает, так это внутренняя эволюция самой партии.

Дело Фабра *) имеет в этом смысле глубоко симптоматический характер. Коммунистическая партия, порвавшая в принципе с национальной и реформистской идеологией, оказывает в своих рядах гостеприимство одному из вульгарных кондотьеров журналистики, который ставит за собственный риск и счет беспринципное газетное предприятие и, укрепив над дверью коммунистическую кокарду, оказывает в свою очередь самое широкое гостеприимство реформистам, националистам, пацифистам, анархистам, под одним условием: чтоб они вели борьбу против Коммунистического Интернационала. Этот невероятный скандал длится со дня возникновения коммунистической партии, принимая все более открытые и деморализующие формы. Мало того, в газете Фабра сотрудничали влиятельнейшие члены Центрального Комитета партии и когда Интернационал побуждал их прекратить сотрудничество, они делали это в тонах нежнейшей элегии. Находятся, разумеется, мудрецы, которые говорят нам, что мы «преувеличиваем» значение этого факта. Мы считаем этих мудрецов простаками и ротозеями, если не хуже, то-есть если не сознательными попустителями клики Фабра в качестве «полезного» противовеса левому крылу. Исполнительный Комитет Интернационала проявлял в этом вопросе, как и во всех внутренних вопросах французского коммунизма, величайшую осторожность, подавал советы, терпеливо ждал ответов и действий, формулировал предложения совместно с французскими товарищами, дожидался выполнения этих предложений, снова напоминал, снова ждал, пока, наконец, не увидел себя вынужденным прибегнуть к п. 9 устава и исключить Фабра из Интернационала. Надо надеяться, что находящийся сейчас в Москве тов. Раппопорт не оспаривает права и обязанности Интернационала решать, кто может и кто не может принадлежать к его составу. Фабр не наш, Фабр не имеет ничего общего с нами, это прямой противник. Вот по этой-то простой причине, которую прекрасно поймет каждый французский пролетарий, Фабр исключен из Интернационала. И каждый, кто поддержит Фабра или солидаризируется с ним, тем самым автоматически исключается из наших рядов. Или, может быть, тов. Рап-

*) Фабр — торговец и издатель, собственник и редактор газеты «Journal du Peuple» и член коммунистической партии.

попорт сомневается в целесообразности этого решения или в его своевременности?

Тов. Раппопорт в «Известиях» требует бережного отношения к французскому рабочему движению. Что это значит? Всякий посвященный увидит в этих словах намек. К сожалению, только намек. Мы предпочитали бы открытую критику и ясные указания, чего тов. Раппопорт хочет и чего не хочет. Поистине, сейчас не время для намеков и обиняков, особенно если принять во внимание, что тов. Раппопорт — член Центрального Комитета Французской Коммунистической Партии. Несколькими строками ранее Раппопорт говорил, что было бы неправильным делать чересчур «пессимистические выводы» в отношении французского рабочего движения: «революционные массы Франции, — говорит он, — здоровы». Опять намек: кто это делает пессимистические выводы и кто сомневается в здоровьи французских революционных масс? И кто это без достаточной осторожности подходит к французскому рабочему движению?.. Необходимо признать за французским движением «право на некоторую самостоятельность», — говорит Раппопорт. Опять недомолвка. Только ли за французским движением? Не относится ли это ко всем национальным секциям Интернационала? Ужели же Интернационал незаконно стесняет — когда и в чем? — самостоятельность французского рабочего движения? К чему намеки? Зачем полуслова? Не лучше ли сказать ясно и твердо, в чем именно Интернационал проявил недостаточно бережное отношение к рабочему движению Франции и где именно он нарушил необходимую самостоятельность французского коммунизма? Договориться можно только при откровенной и ясной постановке всех спорных вопросов.

Беда, однако, в том, что тов. Раппопорт чрезмерно расширяет вопрос и вполне определенную ответственность определенных партийных учреждений, определенных газет, лиц, редакторов, вождей, переносит на всю партию и, наконец, на рабочее движение в целом. Бесспорно, партия имеет свои корни в движении, а Центральный Комитет — в партии. Но это нимало не освобождает Центральный Комитет и отдельных его членов от ответственности за их собственную политику. Именно Центральный Комитет партии и проявлял до последних дней совершенно непонятную терпимость по отношению к враждебному органу, внедрившемуся в тело партии. Ответственность за это ложится на то самое ядро Центрального Комитета, к которому принадлежит тов. Раппопорт. Мы считаем, — и мы хотим это сказать открыто, — что именно Раппопорт и его единомышленники проявляют недостаточно бережное отношение

к французскому коммунизму и к рабочему движению в целом, когда позволяют безответственным группам заниматься искусственной прививкой оппортунизма к коммунистической партии и подготовкой ее сближения и слияния с оппортунистами-диссидентами путем изоляции левого крыла. Революционные массы Франции здоровы, но это вовсе не значит, что для здоровья их безразличны ошибки Центрального Комитета, в состав коего входит тов. Раппопорт. Надо опять-таки сказать прямо: Раппопорт и его единомышленники останавливаются в нерешительности перед заведением Фабра не потому, что считают его столь ничтожным, а, наоборот, потому, что исключением Фабра опасаются вызвать неизбежный «кризис» на верхах партии. Но этим самым они обнаруживают чрезвычайно пессимистический взгляд на партию, полагая, что источником и условием ее успехов является сохранение status quo на верхах, а не освобождение низов от клик, которые массе не нужны, которые ей мешают.

Что Французской Коммунистической Партии необходима самостоятельность — на этот счет Интернационал, поистине, не нуждается в напоминаниях. Но эта самостоятельность нужна для действий. Между тем тов. Раппопорт и его единомышленники искусственно поддерживают на верхах партии такую группировку сил, которая исключает возможность действия. Скажем точнее: линия политики, проходящая между Раппопортом и Верфеем [315]), *не есть линия коммунистического действия.* В этом суть дела. Отсюда — недомогание и симптомы тяжелого кризиса.

Удар Коммунистического Интернационала по клике Фабра означает, что Центральный Комитет должен искать своей ориентировки не приспособлением к правому крылу, а дружной работой с левым крылом. Равнодействующая партийной политики должна проходить не вправо от тов. Раппопорта, а влево, и притом с разрешения нашего гостя, значительно-значительно левее его. Чем скорее и решительнее будет достигнута необходимая перемена курса на верхах, тем легче будет преодолен кризис, тем дешевле заплатят низы за оздоровление и укрепление партии. В эту сторону направлены сейчас все усилия Исполнительного Комитета. Представители всех коммунистических партий с напряженным вниманием и с сознанием всей ответственности за каждый свой шаг следят за тем, что происходит во французской партии. И мы ни на минуту не сомневаемся в том, что Интернационалу удастся передвинуть линию политики верхов партии влево, в полном соответствии с потребностями, мыслями и чувствами ее низов. Более того, мы не сомневаемся и в том, что большинство руководящих товарищей той груп-

пировки, к которой принадлежит сам тов. Раппопорт, поддержит все последние шаги Интернационала, направленные на то, чтобы обезопасить французское рабочее движение от несравненно более тяжелых и болезненных кризисов в дальнейшем. Революционные французские рабочие массы здоровы. Партия вполне и целиком выравнивает свою линию по ним.

23 мая 1922 г.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ КЕР [316]).

Дорогой товарищ Кер!

Я получил Ваше письмо от 27-го мая. Сегодня 3-е июня, что является прямо-таки рекордным сроком в условиях, как они сложились после «освободительной» войны. К сожалению, я далеко не могу солидаризироваться с Вашей оценкой того, что происходит в нашей французской партии, и считаю своим долгом в ответ на Ваше дружеское письмо ответить с дружеской же откровенностью.

1) Недостаточная оформленность и столь же недостаточная идейная и организационная ясность французского коммунизма идет не снизу, а сверху. Французский рабочий класс в своем двойном качестве *рабочего класса* и *французского* рабочего класса ищет ясности, определенности, законченности и решительности. Поскольку он их не находил в старой партии, он создавал опору для революционного синдикализма. Поскольку ныне коммунистическая партия слишком медленно освобождается на своей верхушке от наследия прошлого, постольку французскому рабочему классу угрожает опасность рецидива революционного синдикализма. Как всегда бывает при исторических рецидивах, положительные стороны довоенного революционного синдикализма сходят на-нет, а отрицательные стороны чрезвычайно возрастают. Повторяю, неясность идет не снизу, а сверху. Источником ее являются редактора, журналисты, депутаты с их взаимоотношениями и связями, коренящимися в прошлом. Именно отсюда вытекает чрезвычайная нерешительность Центрального Комитета во всех тех вопросах, где дело касается газет, газетчиков и проч. (случай с Фабром).

2) Меня крайне удивляют Ваши нарекания по поводу исключения Фабра. Исполком намерен был исключить Фабра еще во время пленарного заседания. Он не сделал этого только потому, что французская делегация взяла на себя обязательства произвести исключение в кратчайший срок (в комиссии, где я председательствовал,

говорилось определенно о четырех неделях, как о последнем сроке). Затем в тексте резолюции появилась неожиданная для нас вставка: вместо слов «поставить «Journal du Peuple» вне партии» оказалось «поставить «Journal du Peuple» вне контроля партии». Эта вставка имела своей очевидной задачей смягчить факт исключения, тогда как Коминтерн был явно заинтересован в том, чтобы придать исключению открытый, демонстративный, резкий, политический характер. Затем начались проволочки, явившиеся прямым и явным нарушением обязательства, взятого на себя делегацией от имени Центрального Комитета. В своем докладе тов. Лесьяг заявляла, что ничего не может сказать о том, каков будет результат работы контрольной комиссии. *В партийной печати не было по этому поводу ни одной статьи.* В частности не могу скрыть от Вас своего удивления и удивления других товарищей, что не было *Ваших* статей, тов. Кер, раз'ясняющих французским рабочим политический смысл исключения из партии Фабра и его газеты, как гнезда заразы. Разве это не поразительный и в то же время крайне тревожный факт, что в руководящих изданиях партии не появляется статей, раз'ясняющих и отстаивающих решения Коминтерна? Разве это не превращает речи о дисциплине, о кровной связи и пр. в голую условность? Модильяни говорил, что связь с Коминтерном означает посылку время от времени открыток с итальянскими видами. Но поэтому-то Модильяни [316a]) и поставил себя вне Коммунистического Интернационала. Неужели же можно поддерживать такие нравы, когда после принятия решений совместно с французской делегацией, решения эти фактически саботируются на деле и даже формально не отстаиваются в партийной печати?

Коминтерн не только имел право, но был обязан показать французским рабочим, что он есть действующая централизованная организация с политической волей. Теперь вопрос стоит резко и отчетливо. Исключение Фабра есть факт политический. Несмотря на ничтожество самого Фабра, исключение его имеет крупнейшее значение. Коминтерн этим действием сигнализирует французской партии, что она стоит пред внутренними опасностями и что затягивать разрешение внутренних вопросов значит итти навстречу еще более острым кризисам.

3) Я также не вижу успехов и в области синдикального вопроса. Наоборот, мы наблюдаем здесь непрерывное отступление партии. Вердье, Кентон [317]) и др. пользовались авторитетом партии, чтобы укрепить себя в синдикальном движении, а затем оттолкнули партию ногой. В статьях «L'Humanité» отстаивается жоресистская тенденция в синдикальном вопросе, т.-е. тенденция, прямо про-

тивоположная той, какая установлена Коминтерном и, хотя и недостаточно решительно, выражалась в резолюциях Марсельского с'езда. Политическая природа, как и физическая, не терпит пустоты. Вы очищаете позиции в синдикальном движении, а массы ищут руководства. Поэтому синдикалисты и либертеры автоматически занимают позиции, на какие они не имеют никакого идейного права. И здесь мы видим боязнь некоторого кризиса *на верхах* синдикального движения. Несколько принципиальных, ясных, твердых, руководящих статей в «L'Humanité» во сто раз важнее закулисных соглашений с C. G. T. U. По такому вопросу, как синдикальный, нельзя позволять руководящим работникам выступать в качестве гастролеров, из которых каждый имеет свою точку зрения. Существуют твердые и точные решения Коминтерна и самой французской партии. Эти решения надо проводить в жизнь, а тех, кто нарушает эти основные решения, надо исключать из партии, иначе мы неизбежно будем питать авантюристов типа Вердье, Кентона и пр. и пр.

4) Я ни в каком случае не могу признать оценку тов. Росмера слишком «пессимистической». Из Парижа я получил от него единственное письмо, которое — замечу это во избежение каких бы то ни было неправильных выводов — пришло в Москву дней через десять после того, как Исполком вынес свои решения по французскому вопросу. Таким образом тов. Росмер на вынесение этих решений не оказал ни малейшего влияния. Но я в письме Росмера нашел затем дополнительное подтверждение тому, что вынесенные единогласно решения Исполкома были безусловно правильны.

Кстати сказать, ни в воззрениях Росмера, ни в своих собственных я не вижу никакого «пессимизма». Наоборот, я вижу гораздо больше пессимизма в Вашем отношении к французской партии, дорогой товарищ Кер. Вы как бы считаете, что в отношении французской партии нужна такая тактика, как в отношении тяжело больного: говорить шопотом, ходить не иначе, как на цыпочках, и пр. и пр. Мы же считаем, что французская партия в основном своем пролетарском ядре глубоко здорова, революционна и жадно стремится к большей определенности, к большей решительности руководства.

5) И по вопросу о едином фронте я не могу, к сожалению, изменить свою оценку положения. Тот шум, который поднят по этому вопросу в нашей французской партийной печати, служит только отвлечением внимания от действительно острых и неотложных вопросов внутренней жизни партии. Вот Вам живое дока-

зательство: тов. Даниэль Рену[318]) печатает архи-оппортунистические пацифистские статьи Верфея, Пиока, Мерика, дает возможность Мерику сочувственно цитировать «Journal du Peuple», никогда не критикует совершенно предательской линии клики Фабра и в то же время полон беспокойства по поводу того, что Фроссар будет вести переговоры с Шейдеманом и Вандервельде, как сторона со стороной *). У нас у всех такое впечатление, что для своей непримиримости тов. Рену имеет широкое поле деятельности поближе, прежде всего по отношению к своей собственной газете. Между тем, он переносит свою непримиримость в Берлин. Интернационал не навязывал Французской Коммунистической Партии какого-либо определенного соглашения с диссидентами, никакой опасности в этом отношении не грозило, между тем внутренние диссиденты (клика Фабра, клики à la Вердье, Кентона и пр.) фактически разлагают партию, лишают ее физиономии, парализуют ее волю и не встречают отпора.

Некоторые товарищи говорили, что мы «переоцениваем» значение этих явлений. Мы отвечаем: тот факт, что руководящие товарищи *не дооценивают* угрожающего смысла этих явлений, есть самый опасный факт.

6) Я считаю положение во французской партии критическим. Возможны два пути дальнейшего развития:

а) Твердый и определенный внутренний курс, изгнание клики правых штрейкбрехеров как доказательство того, что партия с дисциплиной шутить не будет; подлинное руководство со стороны Центрального Комитета партии и действительное выполнение решений Коммунистического Интернационала. Это наиболее здоровый и желательный путь.

б) Дальнейшая неопределенная политика центральной группы с тенденцией к изоляции левого крыла; крайняя терпимость по отношению ко всяким проявлениям пацифизма, реформизма, национализма внутри партии и мнимая и фиктивная непримиримость в вопросах интернационального порядка. Отсутствие твердой и решительной линии в синдикальном вопросе. Этот путь автоматически ведет к повторению итальянского опыта, т.-е. к расколу, когда центр остается с правыми, а левое крыло выделяется в коммунистическую партию. Такой путь в Италии вызван был могущественным потрясением сентябрьской революции и ее разгромом (1920 г.). Во Франции же, обогащенной итальянским опытом, такой путь

---

*) Речь идет о берлинском совещании трех интернационалов, в котором участвовал Фроссар в качестве члена делегации от Коминтерна. *Прим. ред.*

может быть вызван только дальнейшей фаталистической пассивностью центральной руководящей группы. Разумеется, и в этом наименее желательном случае партия, в конце концов, выйдет на большую дорогу. Неизбежные дальнейшие «перегруппировки» в пролетариате (о чем пишет время от времени, к сожалению, очень неопределенно наша французская печать) будут ориентироваться влево, а не вправо. Политики, которые действуют под впечатлением отдельных заминок и отливов,—импрессионисты, а не революционеры, и они будут отметены ходом событий. Партия может и должна ориентироваться только на дальнейшее накопление революционных противоречий. Нужен отбор людей и их закал. События потребуют от нас высшей уверенности, высшей концентрации сил, высшей решимости. Решения Коминтерна продиктованы стремлением помочь французской партии достигнуть этих качеств в возможно короткий срок.

Еще раз: я пишу с полной откровенностью, ибо считаю, что и так уже упущено слишком много и что слишком многое стоит на карте.

Крепко жму Вашу руку *Л. Троцкий.*

Москва, 6 июня, 1922 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ РАСШИРЕННОГО ПЛЕНУМА И. К. К. И [319]).

(По докладу тов. Троцкого).

Программа, тактика, устав.

Важнейшей задачей ближайшего конгресса должно быть принятие программы, тактики и устава, вполне отвечающих задачам партии в нынешнюю эпоху подготовки к социальной революции. Необходимо немедленно же приступить к выработке соответственных проектов и к их опубликованию как в органах французской партии, так и в органах всего Интернационала, дабы мысль и опыт всех коммунистических партий и Исполнительного Комитета могли быть привлечены к обсуждению и выработке основных документов, долженствующих обеспечить полную сплоченность и боеспособность партии французского рабочего класса.

Структура партии.

Центральный Комитет. Создание однородного Центрального Комитета, способного обеспечить руководство партии на основе решений международных и национальных коммунистических

конгрессов, должно быть тщательно подготовлено уже с настоящего момента и затем проведено на ближайшем партийном с'езде.

Надо признать безусловно необходимым, чтобы рабочие, действительно связанные с массами, составляли более половины членов Центрального Комитета.

Все члены Центрального Комитета должны посвятить себя или партийной работе, или профсоюзной работе, или должны быть рабочими, связанными своим ремеслом с жизнью рабочей массы. Подбор кандидатов, соответствующих этим условиям, проверка их прошлого, их политической устойчивости и ознакомление с ними в той или другой форме местных партийных организаций является важнейшей частью подготовительной работы, которая естественно ложится на всех тех членов нынешнего Центрального Комитета, целиком стоящих на почве резолюций Коминтерна и намеренных обеспечить их проведение организационным путем.

При такого рода составе Центрального Комитета большинство его членов будет осуществлять связь Центрального Комитета с местными организациями, синдикатами, прессой и т. д. В то же время должно быть выделено из состава Центрального Комитета постоянно действующее политбюро, пребывающее в Париже, сосредоточивающее в своих руках все нити по руководству работой партии, подготовляющее все необходимые данные для выяснения наиболее принципиальных и ответственных решений Центрального Комитета в его полном составе и наблюдающее за осуществлением этих решений через генерального секретаря Центрального Комитета.

Дисциплина.

Центральный Комитет должен обладать правом об'явить вне партии того или другого члена или группу членов в каждом отдельном случае, когда это вызывается необходимостью и соображениями политического характера.

В случаях, требующих подробного расследования относительно нарушения дисциплины или других поступков и преступлений против интересов партии, Центральный Комитет может передать вопрос на обсуждение конфликтной комиссии.

Но в тех случаях, когда политический характер вопроса не вызывает никаких сомнений и когда элементарные интересы партии требуют исключения, Центральный Комитет сам постановляет об исключении, и это постановление может быть обжаловано лишь пред партийным с'ездом.

Сенская федерация.

Организация Сены имеет исключительное значение в судьбах французского коммунизма, а следовательно, и международного. Исходя из этой оценки, Интернационал считает необходимым призвать как коммунистов Сенской федерации, так и всей нашей французской партии к радикальному изменению тех основ, на которых построена ныне Сенская организация.

Принцип федерализма является совершенно несовместимым с действительными интересами революционной организации. Ссылки на федеративную конституцию Советской Республики должны быть признаны в корне ошибочными, так как организация коммунистической партии не может быть отождествлена с организацией Советского государства. Коммунистическая партия во всех федеративных республиках едина и строго централизована. Коммунисты Украины, Грузии, Азербейджана и пр. связаны с коммунистами Москвы, Петербурга и т. д. не на началах федерализма, а на началах строжайшего демократического централизма. Только благодаря единству этой централистской организации рабочего класса, России удалось отстоять себя в борьбе со своими бесчисленными врагами. Интернационал самым решительным образом предостерегает против применения принципов федерализма и автономизма в революционной партии, которая должна быть могучим рычагом революционного действия.

Ставить во главе партийной организации комитет из сотни членов значит фактически лишать организацию всякого последовательного и твердого руководства.

В соответствии с организационными принципами Коммунистического Интернационала во главе Сенской организации должен быть поставлен комитет из небольшого числа членов, выбранных на началах демократического централизма и безусловно ответственных за политическое и организационное руководство Сенской организацией.

Вместе с тем, ввиду указанного выше исключительного значения Сены, надлежит признать безусловно необходимым, чтобы 2—3 члена Центрального Комитета являлись бы также членами комитета Сены (путем ли выбора в состав Центрального Комитета соответственных работников Сенской организации или путем введения в состав Сенского комитета особым постановлением Центрального Комитета). Таким путем будет обеспечена необходимая связь между рудоводящим центром партии и ее важнейшей организацией.

Синдикальный вопрос.

Интернационал констатирует, что величайшую опасность для французского рабочего и в особенности синдикального движения представляют индивидуалистические, мелко-буржуазные элементы, враждебные духу пролетарской дисциплины и искусно избегающие всякого организационного контроля над своей деятельностью. В лице Вердье, Кентона и др. мы видим такого рода деятелей, которые под прикрытием фраз об автономии синдикатов организуют свои небольшие клики внутри синдикатов и стремятся захватить руководство движением в свои руки, не давая организационно рабочему классу никаких гарантий не только правильного руководства, но даже и простой преданности интересам пролетариата. Деятельность такого рода мелко-буржуазных индивидуалистов тем опаснее, что они, как те же Вердье, Кентоны и др., проникают даже в ряды нашей партии и, прикрываясь ее авторитетом, но не подчиняясь ее контролю, ведут глубоко деморализующую работу, противопоставляя синдикаты партии и отравляя их взаимоотношения.

Использовав в своих целях гостеприимство партии, такие элементы легко затем покидают ее ряды, так как режим идейной последовательности, дисциплины и ответственности, т.-е. режим партии чужд духу этих браконьеров рабочего движения.

Интернационал считает безусловным долгом всех передовых и сознательных элементов рабочего класса и в первую голову руководящих органов коммунистической партии беспощадно бороться с этим явлением и с его виновниками. Сама партия должна быть, разумеется, целиком и полностью очищена от духовных братьев Вердье и Кентона, поскольку таковые еще остаются в ее рядах.

Необходимо поэтому уже во время Сент-Этьенского с'езда при содействии коммунистической фракции и ее бюро установить и разоблачить тех лже-коммунистов, которые рассматривают и партию и синдикаты, как арену для деятельности безответственных клик. Они должны быть беспощадно выброшены из наших рядов, дабы они в будущем не могли приносить рабочему классу того неисчислимого вреда, какой они приносили ему в прошлом и приносят еще в настоящем.

* * *

Принимая во внимание, что в синдикатах, которые остались в составе C. G. T., имеются коммунисты, члены партии, нужно признать безусловной обязанностью партии сохранение с этими товарищами правильной организационной связи.

Коммунисты в реформистских синдикатах должны организовывать правильно действующие партийные ячейки, тесно связанные с соответственными органами партии.

Независимо от того, как разрешится вопрос о взаимоотношениях между C. G. T. и C. G. T. U. и каково дальше будет поведение партии в ее борьбе против реформистов, коммунисты должны вести борьбу внутри за овладение всеми органами C. G. T.

Единый фронт.

Интернационал констатирует, что пресса и руководящие органы Французской Коммунистической Партии совершенно неправильно информировали партию о смысле и значении тактики единого фронта. Интернационал попросту отметает поверхностные суждения журналистов, которые пытаются видеть возрождение реформизма там, где есть углубление метода борьбы с реформизмом.

Попытка представить образование комиссии 9, как создание руководящего органа, стоящего над тремя Интернационалами, порождено полным непониманием духа и характера Коммунистического Интернационала. Это значит смешивать Коммунистический Интернационал со старыми, чисто парламентскими, реформистскими организациями, делегаты и представители которых становятся над организованной рабочей массой и диктуют ей свою волю. При характере Коммунистического Интернационала и духа пролетарской дисциплины 3 делегата, отправленные в комиссию 9, были только временным исполнительным органом для определенной цели и под безусловным контролем Коминтерна.

Самая славная страница истории французского пролетарита—Парижской Коммуны—была не чем иным, как блоком всех организаций и оттенков французского рабочего класса, об'единившегося против буржуазии. Если, несмотря на осуществление единого фронта, Коммуна была быстро разгромлена, то в первую голову это об'ясняется тем, что на левом фланге единого фронта не было подлинно-революционной, дисциплинированной и решительной организации, которая в огне событий могла бы быстро овладеть руководством.

В таком именно смысле Коммуна была рабочим правительством — блоком рабочих партий и группировок, противопоставляющих себя буржуазии. В качестве рабочего правительства Коммуна и являлась этапом к установлению социалистического строя. Сознательному французскому пролетариату нужно только глубоко

продумать опыт Коммуны, чтобы в своем героическом прошлом найти все необходимые доводы в пользу истинно-революционной тактики единого фронта с вытекающими из этой тактики требованиями рабочего правительства.

* * *

Идея левого блока в настоящих условиях способна развратить большое число малоопытных в политическом отношении рабочих. Французская Коммунистическая Партия должна иметь в виду эту перспективу, которая представляет собою очень серьезную опасность. Во всей своей ежедневной пропаганде она должна систематически противоставить идее левого блока идею блока всех рабочих против буржуазии. Само собою разумеется, что во время выборов партия должна повсюду выступать со своим, независимым от других, коммунистическим списком.

Только такая тактика, настойчиво проводимая во всех областях (экономической, политической, муниципальной и пр.), способна свести к минимуму число рабочих, которые будут вовлечены в орбиту левого блока, и расширить влияние партии на незатронутые ею круги рабочих.

О партийной печати.

Повышение политического и теоретического уровня массы членов партии осуществимо только при том условии, если руководящая пресса партии окончательно порвет с нравами и обычаями буржуазного журнализма, предоставив свои столбцы не в распоряжение того или другого журналиста, развивающего свои личные тенденции, а в распоряжение партии, которая через посредство своих журналистов, систематически и планомерно проводит свою мысль и свою волю. Для этого необходимо, чтобы передовые статьи, посвященные принципиально выдержанному освещению событий мировой и внутренней, экономической и политической жизни, появлялись без подписи, не как мнение отдельных лиц, а как голос самой партии. Центральный Комитет через свои соответствующие органы должен постоянно контролировать и инспектировать прессу, ставя ей определенные задачи, вытекающие из политической обстановки, и этим обеспечивая полную согласованность между работой прессы и его собственной работой как внутри партии, так и во всей политической борьбе. Ни в каком случае не могут и не должны появляться в качестве руководящих статей, хотя бы и за подписями, такие статьи, которые критикуют уже вынесенные и подлежащие проведению решения Коммунистического Интернацио-

нала или французской партии. Если бы появление таких статей сочтено было руководящими органами партии целесообразным в целях окончательного выяснения вопроса, то такие статьи могут печататься лишь в качестве дискуссионных, с точным указанием со стороны редакции имеющихся уже решений партии по этому вопросу, с энергичной защитой этих решений в руководящих статьях.

Вопрос о фракциях.

Интернационал констатирует, что во французской партии, наряду с другими явлениями кризиса, наблюдается симптом возрождения фракций.

Крайнее правое крыло партии, пунктом концентрации которого является «Journal du Peuple», получило совершенно несоответствующее его идейному и политическому весу значение на верхах партии и в ее прессе. Отсутствие решительных мер противодействия со стороны Центрального Комитета фатально вело к попыткам возрождения левой фракции. В свою очередь, борьба этих двух фракций неизбежно должна подкапывать боеспособность партии, а в дальнейшем может представить угрозу для ее единства.

Интернационал выражает свою глубокую уверенность в том, что только полное сплочение подавляющего большинства партии против ничтожного правого крыла и энергичное проведение всех вынесенных настоящей конференцией решений вырвет всякую почву из-под ног фракционных группировок.

Вместе с тем, Интернационал энергично призывает левое крыло, отстаивая и впредь принципы революционного коммунизма, ни в коем случае не обособляться в особую фракцию, а вести свою работу в рамках обще-партийных учреждений и организаций, всемерно содействуя сотрудничеству с центральным ядром партии во всей практической работе и в частности в борьбе с реформистскими, пацифистскими и анархо-синдикалистскими уклонениями.

Газета «L'Internationale» и ее редактор тов. Даниэль Рену.

Главный редактор вечерней парижской газеты «L'Internationale», член Центрального Комитета партии, тов. Даниэль Рену принимал самое активное участие в работах февральской сессии расширенного Исполкома, при чем по всем вопросам, кроме единого фронта, Исполком достиг полного соглашения со всеми членами французской делегации, в том числе и с тов. Рену.

По вопросу об едином фронте тов. Рену, выступавший в качестве докладчика и голосовавший затем вместе с большинством французской делегации против тактики единого фронта, заявил, однако, в самой категорической и торжественной форме, что, в качестве верных солдат революции, французские коммунисты безоговорочно подчинятся решению, вынесенному после обширной и лойяльной дискуссии.

Обязательства, взятые на себя делегацией Центрального Комитета, оказались в самых своих существенных частях невыполненными вследствие недостаточной активности и решительности самого Центрального Комитета в их проведении. Однако важнейшую причину невыполнения вынесенных постановлений и напряженности во взаимоотношениях между Интернационалом и его французской секцией конференция усматривает в поведении газеты «L'Internationale» и ее редактора.

В полном противоречии с принятыми обязательствами и со своим торжественным обещанием тов. Даниэль Рену, вместо разъяснения принятых решений и призыва к их единодушному исполнению, повел ожесточенную кампанию против тактики единого фронта и Коммунистического Интернационала вообще. Не ограничиваясь литературной полемикой, тов. Даниэль Рену выступал на таких авторитетных собраниях, как конференция Сенской организации, с призывом демонстративно голосовать против политики единого фронта.

Констатируя явное нарушение тов. Даниэлем Рену обязанностей члена Коммунистического Интернационала и попрание обязательств, им же самим на себя принятых и торжественно провозглашенных, расширенный пленум об'являет тов. Даниэлю Рену,— как делегату французской партии в Москве и как редактору «L'Internatonale»—порицание.

Вместе с тем, Интернационал предлагает Центральному Комитету и его генеральному секретарю принять все меры к тому, чтобы в остающиеся до партийного с'езда месяцы газета «L'Internationale» стала органом действительного проведения решений Коммунистического Интернационала.

Дело Фабра.

Исключение Фабра вместе с его журналом из партии является одним из моментов борьбы с духом интеллигентской анархо-журналистической богемы, которая, особенно во Франции, последовательно принимает все формы, все цвета анархизма и оппортунизма и неизменно кончает ударом ножа в спину рабочего класса.

Из этой лаборатории вышли и Бриан, и Эрве [319a]), и сотни других. Интернационал твердо рассчитывает на то, что как Центральный Комитет, так и пресса партии раз'яснит рабочим массам политическое значение исключения Фабра. Только при этом условии принятая мера явится смертным приговором для фабризма в партии и обеспечит общественному коммунистическому мнению ту революционную упругость, при которой журналистские искатели приключений всегда будут автоматически и без затруднения извергаться из рядов партии.

Ближайший с'езд партии.

Подготовка ближайшего с'езда партии должна вестись под знаком борьбы за идейное и организационное укрепление партии против тенденций мелко-буржуазного пацифизма, анархо-синдикализма, словесного революционизма, против теорий, отождествляющих пролетариат с крестьянством и направленных тем самым против классового характера партии и пр. Ввиду того, что указанные течения уже успели внести чрезвычайную смуту в сознание партии, партийная печать должна внести во все эти вопросы ясность, освежив в памяти партии соответственные резолюции Коммунистического Интернационала, в частности, 21 условие присоединения партии к III Интернационалу. Все эти решения должны быть освещены опытом последнего года или иллюстрированы примерами явно несовместимых с этими резолюциями литературных и политических выступлений ряда ответственных работников партии.

День созыва с'езда должен быть установлен по соглашению между Центральным Комитетом и И. К. К. И.

Воззвание Центрального Комитета.

Принимая во внимание необходимость глубокого поворота во внутренней политике французской партии, что может быть осуществлено при сознательном содействии подавляющего большинства ее членов, Интернационал считает желательным опубликование соответствующего торжественного воззвания Центрального Комитета ко всей партии, с выяснением существа принятых на настоящем расширенном пленуме решений, долженствующих открыть новую эру в жизни французской коммунистической партии.

ПИСЬМО ТОВАРИЩУ ТРЕНУ [320].

Дорогой товарищ Трен!

Я Вам очень признателен за Ваше интересное письмо, которое в общем совпадает с той информацией, какую мы здесь имеем, как из нашей французской прессы, так и из писем и бесед. Мы еще не перевалили во Франции через все трудности в деле формирования революционной партии пролетариата. Победа в Туре досталась слишком легко. Теперь история требует от коммунизма, чтобы он эту суммарную победу оправдал и реализовал при помощи ряда частичных побед. Это ведет к борьбе внутри нашей собственной партии. Борьба вызывает расходование сил, известное перенесение внимания с внешних врагов на внутренние трудности, порчу личных отношений и пр., и пр. Все это вообще безусловно неприятно, и если это брать вне времени и пространства, то может получиться повод для горьких сетований по поводу партийной внутренней борьбы и пр. К несчастью, нет другого, более экономного пути для развития революционной партии—особенно во Франции.

Иногда высказываются в том смысле, что очищение и возрождение партии надо производить на основе массовых действий, и тогда самый процесс очищения будет менее болезнен. В такой общей форме эта мысль верна, но она слишком обща и поэтому может стать источником неправильных выводов. Окрепнуть, в качестве подлинно революционной партии, французский коммунизм может только на основании массовых действий. Но, с другой стороны, именно нынешнее состояние партии (борьба тенденций, недостаточность руководства, неопределенность печати) крайне мешают ей встать на путь массовых действий. Я уже не говорю, как вредна именно в этом отношении позиция партии в вопросе об едином фронте. Другими словами, связь между внешним состоянием партии и массовыми действиями не механическая, а диалектическая: одно затрудняется или облегчается другим. Именно для того, чтобы партия могла начать действовать, ей необходим известный минимум единства ее собственного сознания, ее собственной воли. Приходится для обеспечения такого внутреннего единства расходовать энергию, и очень значительную энергию. Это расходование энергии, которое с поверхностной точки зрения может показаться излишним (faux frais), целиком окупится при первом же серьезном испытании партии в массовом выступлении. С другой стороны, такого рода участие в партии, более единой, чем нынешняя, послужит к дальнейшему повышению ее сплоченности и активности. Вот почему мы здесь без

преувеличенной тревоги наблюдаем внутреннюю борьбу во французской партии. Наоборот, эта борьба свидетельствует о здоровой реакции партийного организма против бацилл центризма, пацифизма, журналистского индивидуализма, анархо-синдикализма и пр. Le vin est tiré, il faut le boire*). Борьбу надо довести до конца. Она пойдет тем менее болезненно, чем меньше будут революционные элементы партии, т.-е. ее несомненное большинство, оказывать снисхождения индивидуалистской журналистике и парламентской трибуне, которые не хотят или неспособны революционно перевоспитаться и подчиниться дисциплине боевой партии.

Результаты с'езда в С.-Этьене [321]) представляют собою несомненный шаг вперед. Он, однако, был бы сведен к нулю, если бы сейчас же не сделать второго и третьего шага. Безнаказанность анархо-синдикалистских выступлений под коммунистическим знаменем была и остается величайшей опасностью. Партия до тех пор не установит правильного отношения с синдикатами, пока лже-коммунисты, противодействующие влиянию коммунизма в синдикатах, не будут автоматически вылетать из партии. В связи с этим, я хотел бы сказать несколько слов о том совершенно ложном впечатлении, которое создалось у некоторых французских товарищей—на основании крайне несовершенной, повидимому, передачи т. Фроссара—насчет моего отношения к группе Монмуссо и о его резолюции. Можно было понять так, будто я предлагал об'явить войну группе «La Vie Ouvrière». Это было крайне неверно. Чего я, как и всякий член Исполкома, требовал, так это того, чтобы коммунисты поступали так, как приказывает коммунистическая партия. Если партия решает голосовать за присоединение к Профинтерну без оговорок, то всякий коммунист, голосующий против этой резолюции (скажем—за Монмуссо), должен быть исключен из партии. Весь вопрос в том, можно ли, при данном положении партии, вынести обязательное решение о голосовании за присоединение без оговорок. Т. Фроссар категорически заявил, что, по соотношению сил, партия такого решения вынести не может. Тогда оставался блок с группой Монмуссо. Но опять-таки голосовать за резолюцию Монмуссо коммунисты могут только по решению партии. Они и в данном случае должны подчиняться не дисциплине фракции Монмуссо, а дисциплине своей партии. Иначе—они исключаются. В то время я всемерно подчеркивал необходимость для нас итти рука об руку с группой Монмуссо, представляющей чрез-

*) Что в переводе означает — необходимо осушить бокал до дна. *Прим. ред.*

вычайно ценные элементы французского рабочего движения. Тут, разумеется, нет никакого противоречия. Можно и должно уважать Моната и Монмуссо и их единомышленников, стремясь во что бы то ни стало договориться с ними, и в то же время исключить из партии тех коммунистов, которые ставят дисциплину фракции Монмуссо выше дисциплины партии.

Вы спрашиваете о моем мнении относительно того, как мы здесь себе представляем коалицию левых со всеми революционными элементами центра и существование левой? Надо исходить из фактов. Левая, центр и правая существуют, как тенденция к личной группировке, и до известной степени и при известных условиях грозят провратиться в замкнутые фракции. Было бы в условиях внутренней партийной борьбы фарисейством требовать от единомышленников, чтоб они не встречались, не совещались и не обсуждали линий поведения. Это относится, разумеется, и к левым, ибо у левых, стремящихся отстоять резолюцию Интернационала, не может быть никаких оснований лишать себя тех средств борьбы, какими располагают другие группировки. Необходимо, однако, мне кажется, соблюдение следующих условий: 1) левая ни в каком случае не конституируется в организованную фракцию, т.-е. категорически отвергает идею раскола; 2) активно стремится к сближению со всеми революционными элементами центра, не приходя в отчаяние от частичных неудач и неутомимо отстаивая «единый фронт» центра и левой против антикоммунистических элементов и группировок внутри партии; 3) левая устанавливает правильную перспективу в отношении различных уклонений внутри партии и добивается того, чтобы и центр эту оценку и перспективу сделал своей.

Что касается этой оценки и перспектив внутри партийной борьбы, то они представляются мне следующими: а) реформистские, пацифистские элементы, сторонники левого блока, националисты, парламентские и журналистские индивидуалисты; с этой интеллигентской группой нужно расправиться беспощадно, раз навсегда выжечь каленым железом язвы адвокатского и депутатского индивидуализма в коммунистической партии и тем самым поднять к ней уважение и доверие революционных рабочих; б) синдикалистские элементы, т.-е. те рабочие, которые входят в коммунистическую партию, но в то же время проводят тенденцию Моната и Монмуссо, опирающиеся на недоверие к революционности и пролетарской сущности партии; здесь необходима терпеливая и настойчивая идейная борьба против антикоммунистических тенденций с целью завоевания всех здоровых элементов, т.-е. подавляющего

большинства этой группы, для коммунистической партии; в) федералистские элементы, крайняя левая и пр.; несомненно, основание этих группировок революционно, многие неясности и ошибки проистекают из молодости и неопытности; здесь нужен спокойный товарищеский и, отчасти, даже педагогический подход; г) так называемый пейзанизм (как вы выражаетесь); несомненно, что если бы партия дала развиться такой тенденции до ее логического конца, то и это привело бы к созданию фракции в духе наших эс-эров; критика здесь совершенно необходима; но, разумеется, нужно приложить все усилия к тому, чтобы такие ценные и многообещающие коммунисты, как Рено Жан, не были бы отброшены в лагерь правой, от которой Рено Жан, по своему революционному духу, бесконечно далек.

Позвольте, дорогой товарищ, на этом закончить свое письмо, копию которого я посылаю т. Фроссару.

Преданный Вам *Л. Троцкий.*

Москва, 28 июля 1922 г.

ПИСЬМО ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА СЕНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Дорогие товарищи!

Интернационал посвятил в период последней сессии расширенного пленума Исполкома значительную часть своих работ изучению положения французской партии и особенно ее наиважнейшей организации — Сенской федерации.

За несколько месяцев перед тем, в феврале, расширенный пленум уже обсуждал этот вопрос совместно с многочисленной делегацией французской партии и указал этой последней на опасности, которым подвергается Сенская федерация и партия, благодаря признанию федералистического принципа за основу коммунистической организации.

Явная живучесть федералистических предрассудков и отсутствие выправления линии парижской коммунистической организации, в соответствии с общей структурой Интернационала и всех входящих в него компартий, вынудили Исполком подвергнуть специальному обсуждению вопрос о Сенской федерации. В полном согласии с генеральным секретарем Французской Компартии и присутствовавшими при этом французскими делегатами, Исполком, после исчерпывающих прений в комиссии и в пленарном заседании, единогласно принял резолюцию, приглашающую Сенскую федерацию построиться сообразно правилам, содержащимся в положениях

Интернационала, касающихся структуры и организации коммунистических партий.

Интернационал убежден, что эта резолюция встретит хороший прием у подавляющего большинства французских товарищей, убедившихся как на теоретических выкладках, сделанных проницательными коммунистами, так и на практическом опыте, значение которого подтверждается существующим состоянием Сенской федерации. Интернационал настаивает на широком опубликовании этой резолюции, сообразно духу дружеской революционной откровенности, которая должна являться правилом среди коммунистов различных секций Интернационала, дабы обсудить и оценить ее имели возможность все члены партии.

Принципы и правила организации, установленные Интернационалом, не являются продуктом интеллигентского воображения, результатом опыта, насчитывающего три четверти века освободительной борьбы пролетариата двух миров. Не напрасно боролся и страдал рабочий класс, проходя первые этапы революционного пути. И поражения и победы убедили его в необходимости спайки в рядах борющихся пролетариев, дисциплины классовой организации, единого руководства. Вот почему международные коммунистические конгрессы в своих тезисах и специальных резолюциях, в сжатом виде дающих сумму знаний и опыта, приобретенного рабочими партиями всех стран, выдвинули принцип демократического централизма, как главную основу политической организации пролетариата.

Централизм,—потому что необходимо обеспечить единство действий всех частей пролетариата, одновременность выступлений под одним общим лозунгом, что достижимо только при действительном сосредоточении руководства в руках ответственных центральных и местных органов, устойчивых в своем составе и в отношении своей политической линии. Демократизм,—потому что эти руководящие центральные и местные органы, которые в известных условиях могут быть очень малочисленны, избираются всеми членами партии, ими контролируются и перед ними отчитываются.

Против централистического сосредоточения руководства выдвигается иногда тот упрек, что оно ведет будто бы к засилию вождей, к недостаточной активности массы, к созданию режима олигархии. Само собой разумеется, централизм при неправильном его применении может выродиться в систему олигархии. Но вина будет не в централизме, а именно в неправильном использовании его методов и преимуществ. По существу же строго централистическая организация в наивысшей мере способствует активности массы, поскольку обеспечивает планомерное, устойчивое, преемственное по-

литическое руководство. Те, которые говорят, будто рабочий класс вообще не нуждается в вождях, вводят только рабочих в заблуждение. Без тщательного отбора руководителей в местном и общегосударственном масштабе, без постоянной проверки вождей в действии, рабочий класс никогда не победит. Федералистическое построение партийной организации ведет к текучему составу руководителей, к бесформенности руководства и к отсутствию определенной личной ответственности. Именно в такой обстановке нередко слагаются в рамках организации группы, никем не контролируемые, но фактически завладевающие руководством за спиной массы, убаюканной мнимыми преимуществами федерализма.

Ссылки на федеративный строй Советской Республики приходится в данной связи признать чистейшим недоразумением. Федерализм в государственной организации применен Советской Республикой постольку, поскольку приходится об'единять огромные территории, населенные разными национальными и племенными группами (белоруссы, украинцы, грузины, армяне и т. д.). Такая форма организации вызывается некоторыми национально-государственными функциями (государственный язык, национальная школа и пр.). Но этот принцип федерализма никогда не применялся и не применяется нами к построению партии пролетариата. Украинские, грузинские, армянские и прочие коммунистические организации входят в рамки единой партийности не на федералистских, а на строго централистических началах. И если бы не было этого партийного централизма, то рабочему классу России никогда не удалось бы отстоять республику Советов, ни даже притти к ней путем завоевания власти.

Каждому сознательному рабочему ясно, что пред лицом строго централизованной и дисциплинированной силы буржуазии необходима не менее централизованная и дисциплинированная сила пролетариата. Вот почему те, кто борется против идеи демократического централизма, провозглашенной Интернационалом, этим самым доказывают, что они чужды духу, царящему в просвещенной части пролетариата, и бессознательно наносят вред интересам революции.

Коммунистические партии—это не клубы академических дискуссий и не общества пропаганды: это боевые организации, и они должны быть построены, как таковые. Современные рабочие революции, трагическая борьба пролетариата с капиталистическим гнетом, неоценимые жертвы, приносимые лучшей частью пролетариата, служат незабвенным уроком борющемуся авангарду социальной революции. Не Сенской коммунистической федерации, этому духовному

наследнику Парижской Коммуны, игнорировать наиглавнейшие причины поражения коммуны: мелко-буржуазные демократические и федералистические принципы, отсутствие сильной руки, направляющей революцию, об'единяющей ее, дисциплинирующей и централизирующей.

Интернационал убежден, что, сообразно революционным интересам Сенской федерации, он наметил лучший путь организации. Он с удовольствием констатирует наличие во французской партии широкого течения, вдохновляемого идеями Интернационала и способного об'единить в себе на будущем с'езде федерации все ее здоровые силы.

Исполком доволен тем, что в порядке дня предстоящего с'езда имеется вопрос о 9 параграфе устава Интернационала. Обсуждение этого пункта позволит бросить яркий свет на основное отличие III Интернационала от II, отличие, которому Коминтерн в значительной степени обязан доверием широких рабочих масс.

Подобно каждой компартии в отдельности, Интернационал — централистическая организация, руководство которой сосредоточивается в Исполкоме, наделяемом полномочиями созываемым ежегодно всемирным конгрессом. Таким образом Коминтерн, в отличие от прочих международных организаций, пропитанных национальными предрассудками, не является федерацией независимых национальных партий, но единой и великой Международной Коммунистической Партией. Неоспоримое право Интернационала — отказывать в принятии и исключать принятых раньше—в промежутках между всемирными конгрессами осуществляется Исполкомом. Таков смысл 9 параграфа устава.

Это значит, что параграф этот составлен не в разгаре битвы, не под наплывом вызванных случайными и временными обстоятельствами соображений. Он логически вытекает из органического принципа демократического централизма и может исчезнуть лишь с исчезновением самого понятия боевой организации, с отказом пролетариата от завоевания в напряженной борьбе освобождения.

Ставить под вопрос 9 параграф или толковать его, отнимая у него революционное содержание, значит—ставить под вопрос органический принцип Коммунистического Интернационала. Каждая национальная секция обладает правом и обязанностью требовать пересмотра принципа, который на опыте оказался бы необоснованным и плохо применимым, и французская секция вольна использовать свое право на IV всемирном конгрессе. Но Сенская федерация поймет, что вопрос такой важности должен быть поставлен во весь рост и в правильную плоскость; если бы она нашла необходимым

пересмотреть самые основы международной организации, то вопрос надлежало бы ставить, не случайно придравшись к инциденту дисциплинарного характера.

Интернационал счел необходимым использовать право, устанавливаемое параграфом 9 для исключения из своих рядов гражданина Фабра и всех солидарных с ним. Исполком руководился в этом постановлении соображениями революционной целесообразности. В старой буржуазной и парламентской стране, как Франция, давление буржуазного общественного мнения особенно могущественно. Это общественное мнение ищет для себя рычагов, чтобы проникнуть в недра революционной партии, расколоть, ослабить и отравить ее. Орган Фабра является одним из таких рычагов буржуазного общественного мнения. Игнорирование такого рода явления представляет величайшую опасность для каждой революционной партии. Именно поэтому Исполнительный Комитет Интернационала счел своим долгом привлечь к группе Фабра внимание всей партии. Диссиденты и буржуазия немедленно сделали дело Фабра своим—именно потому, что раньше Фабр защищал внутри партии дело буржуазии. Шум вокруг Фабра придает ему некоторую видимость значения. Но с того момента, как для буржуазии станет ясно, что коммунистическая партия радикально очистилась от фабризма, Фабр и его орган потеряют для нее какое бы то ни было значение, и эта безыдейная паразитическая группа лопнет, как мыльный пузырь.

Таким образом интересы революции требовали изгнания Фабра и его единомышленников из рядов партии. Политический интерес стоит выше каких бы то ни было формальных и юридических соображений. Но само собой разумеется, что во вторую очередь должны быть приняты во внимание и соображения формального порядка. Но как раз с чисто формальной точки зрения наличность в распоряжении Коминтерна § 9 обнаружила все свои преимущества в данном случае. Центральный Комитет французской Коммунистической партии, подавляющее большинство которой признавало необходимость исключения Фабра, не имело возможности, однако, провести это исключение в силу особенностей устава французской партии. Конфликтная комиссия, значение которой в организме партии очень велико, по существу имеет своей задачей точное, внимательное и беспристрастное рассмотрение тех индивидуальных случаев, где дело касается морали и чести отдельных членов партии, конкретного нарушения ими в отдельных случаях партийной дисциплины, товарищеской морали и пр. и пр. Но в деле Фабра речь шла не о сложном процессуальном расследовании, а о политической оценке группы, всем своим духом враждебной коммунизму.

В таком вопросе решение должно, разумеется, принадлежать не контрольной комиссии, а Центральному Комитету партии, как высшей руководящей инстанции между двумя с'ездами. Поскольку Центральный Комитет считал себя, на основании нынешних статутов, не вправе исключить клику Фабра, постольку долг Исполнительного Комитета был применить § 9 статута Интернационала. Вывод, который вытекает из этого крайне поучительного опыта, требует не устранения или ограничения § 9 устава Интернационала, а изменения устава французской Коммунистической партии, в смысле предоставления ее Центральному Комитету всей полноты прав по охране идейной чистоты и дисциплины партии пролетариата.

Опыт всех партий свидетельствует, что неустойчивые, политически-шаткие, полуоппортунистические элементы обычно проявляют свою тенденцию не в открытой борьбе с революционным направлением, а в противодействии ему по второстепенным, формальным, юридическим и другим поводам. Этим колеблющимся и неустойчивым элементам федерация Сены даст надлежащий урок, предложив им подчиниться коммунистической дисциплине и, вместо косвенной поддержки Фабру по формальным мотивам, ложность которых очевидна, принять участие в беспощадной политической борьбе с остатками фабризма в партии.

Концентрация всех подлинно революционных элементов, которая встретит неограниченную поддержку рабочих масс партии, должна быть программой предстоящей Сенской конференции. Нужно обеспечить первой по значению организации французского пролетариата твердое революционное руководство. Конференция Сены должна стать достойным вступлением к предстоящему в октябре с'езду партии, задачей коего также явится концентрация революционно-коммунистических элементов, уничтожение центристских, пацифистских тенденций, установление в партии режима революционной дисциплины, прекращение внутри партии фракционной борьбы и обеспечение в руках однородного Центрального Комитета подлинного политического руководства.

Процесс формирования Коммунистической партии есть трудный и сложный процесс, неразрывно связанный с самокритикой и внутренним очищением. Исполнительный Комитет не сомневается в том, что авангард французского пролетариата справится с этой задачей и что в этой работе Сенская федерация займет подобающее ей первое место.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

С'ЕЗДУ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ [322]).

Дорогие товарищи!

Предстоящий с'езд Французской Коммунистической Партии имеет исключительное значение: он должен помочь партии, после года глубокого внутреннего кризиса, парализовавшего ее волю, выйти на широкую дорогу революционного действия. Чтобы с'езд с успехом выполнил эту задачу, нужно, чтобы вся партия критически оглянулась на пройденный путь, дала себе ясный отчет в причинах тяжелого внутреннего недомогания, ведущего к политической пассивности, и твердой рукой провела бы на своем с'езде необходимые меры оздоровления и возрождения. Цель настоящего письма—оказать общественному мнению нашей Французской Партии содействие в деле разрешения этой задачи.

1. Общие причины кризиса партии.

Официальный французский социализм и официальный французский синдикализм во время империалистической войны оказались насквозь пропитаны отравой демократической и патриотической идеологии. Со страниц «L'Humanité» и со всех других партийных и синдикальных трибун изо дня в день проповедывалось, что эта война есть последняя война, что это война за право, что Антанта с Францией во главе представляют высшие интересы цивилизации, что победа Антанты приведет к демократическому миру, к разоружению, к социальной справедливости и пр. и пр. После того, как эти, отравленные шовинизмом, фантазии нашли свое воплощение в подлой и отвратительной реальности Версальского мира, официальный французский социализм попал в совершенно безвыходное положение. Его внутренняя фальшь обнаружилась с неотразимой наглядностью. Идейная тревога овладела массами, верхи партии потеряли равновесие и доверие к себе. В этих условиях произошло преобразование партии на с'езде в Туре и ее присоединение к Коммунистическому Интернационалу. Разумеется, результаты этого с'езда были подготовлены неутомимой героической работой Комитета III Интернационала. Тем не менее, быстрота, с какой эти результаты были достигнуты, поразила тогда весь международный пролетариат. Подавляющее большинство партии, вместе с ее важнейшими органами, и в том числе и «L'Humanité», превратилось во французскую секцию Коммунистического Интернационала. Откололись от партии наиболее скомпрометированные элементы, всеми своими интересами

и всем своим мышлением связанные с буржуазным обществом. Эта быстрота превращения социалистической партии в коммунистическую, явившаяся результатом вопиющего противоречия между идеологией демократического патриотизма и версальской реальностью, имела неизбежно и свои отрицательные последствия. Партия отшатнулась от прошлого, но это вовсе не значило, что она успела за короткий период критически продумать и проработать теоретические принципы коммунизма и методы революционной пролетарской политики.

К этому присоединилось еще и то, что революционное движение за последние два года приняло во всей Европе более медленный, затяжной характер. Буржуазное общество обрело некоторую видимость нового равновесия. На этой почве внутри коммунистической партии стали оживать старые предрассудки реформизма, пацифизма и демократизма, от коих партия формально отказалась в Туре. Отсюда неизбежная внутренняя борьба, приведшая к глубокому кризису партии.

После Тура в партию вошло значительное количество революционных синдикалистов. Сам по себе этот факт являлся крайне ценным. Но так как именно по вопросу о взаимоотношении между партией и синдикатами в нашей партии совершенно отсутствовала ясность воззрений, то синдикалистские взгляды, требовавшие «невмешательства» партии в область синдикального движения, подкрепили собою в корне неправильный взгляд, будто партия и профсоюзы представляют собою две совершенно самостоятельные державы, связанные, в лучшем случае, взаимным благожелательным нейтралитетом, другими словами, не революционные синдикалисты подвергались переработке в горниле партии, а, наоборот, они наложили на партию свой анархо-синдикалистский отпечаток, еще более усиливая этим идейный хаос.

Можно, таким образом, сказать, что с'езд в Туре наметил лишь общие грубые рамки, внутри которых и совершается до сего дня трудный процесс перерождения партии из демократической и социалистической в коммунистическую.

2. Внутренние группировки партии.

Наиболее очевидное и острое выражение кризис находит себе в борьбе тенденций внутри партии. Этих тенденций, если свести их к основным группировкам, четыре:

а) *Правое крыло.* Его возрождение и сплочение внутри коммунистической партии пошло по линии наименьшего сопроти-

вления, именно по линии пацифизма, который всегда может рассчитывать на поверхностный успех в стране с такими традициями, какие у Франции, особенно после империалистической войны. Гуманитарный и слезливый пацифизм, не заключающий в себе ни единого революционного атома, создает наиболее удобную маскировку для всех других воззрений симпатий в духе реформизма и центризма. Правое крыло партии начинало чувствовать себя тем увереннее и тверже, чем более обнаруживался затяжной характер пролетарской революции, чем более европейская буржуазия овладевала государственным аппаратом после войны, чем большие хозяйственные трудности возникали пред Советской Республикой. Правые элементы сознавали и чувствовали, что только бесформенность и смутность партийного сознания может обеспечить их влияние, поэтому они, не всегда решаясь открыто нападать на коммунизм, вели тем более непримиримую борьбу против требований ясности и отчетливости в идеях и в организации партии. Под лозунгом «свободы мнений» они отстаивали свободу мелко-буржуазных интеллигентов, адвокатских и журналистских группок вносить в партию сумбур, хаос и тем парализовать ее способность к действию. Все нарушители партийной дисциплины находили сочувствие со стороны правого крыла, которое усматривает особое мужество в том, когда депутат или журналист попирает ногами программу, тактику или устав пролетарской партии. Под лозунгом национальной автономии они открыли борьбу против Коммунистического Интернационала. Вместо того, чтобы бороться внутри Интернационала, к которому они формально примкнули, за ту или другую точку зрения, правые стали оспаривать самое право Интернационала «вмешиваться» во внутреннюю жизнь отдельных партий. Они пошли далее и, отождествляя Интернационал с Москвой, стали в прикрытой и тем более злостной форме намекать французским рабочим, что те или другие решения Коммунистического Интернационала диктуются не интересами мировой революции, а оппортунистическими государственными интересами Советской России. Если бы это было так, или если бы правые серьезно думали, что это так, они были бы обязаны поднять против русских коммунистов непримиримую борьбу, об'явить их изменниками делу международного коммунизма и призвать русских рабочих к свержению такой партии. Но правые и не думали становиться на этот единственно-последовательный и принципиальный путь. Они ограничивались намеками и инсинуациями, стремясь играть на националистических струнках известной части партии и рабочего класса. Это кокетничанье с лже-демократизмом («свобода мнений») и национализмом Париж—Москва, дополнялось вздохами по

поводу раскола с диссидентами и нащупыванием почвы для подготовки политики левого блока. Таким образом правое крыло по всему духу своему враждебно коммунизму и пролетарской революции. Элементарным требованием самосохранения партии является очищение ее рядов от тенденций этого рода и от тех элементов, которые являются проводниками таких тенденций. Само собой разумеется, что члены партии, явно обнаружившие после Тура свою фактическую принадлежность к правому крылу, не могут занимать никаких ответственных постов в коммунистической партии. Это первое, совершенно очевидное условие для преодоления внутреннего кризиса.

б) *«Крайнее левое» крыло.* На противоположном фланге партии мы видим так называемую крайнюю левую, в которой, под мнимым радикализмом слов, нередко скрываются, на-ряду с революционным нетерпением, чисто оппортунистические предрассудки в вопросах тактики и организации рабочего класса. Локализм, автономизм и федерализм, совершенно несовместимые с революционными потребностями рабочего класса, находят своих сторонников в среде так называемого крайнего левого крыла. Отсюда же иногда раздавались призывы к мнимо-революционным действиям, явно не отвечающим обстановке и несовместимым с реалистической политикой коммунизма. Большинство крайних левых, как свидетельствует опыт последнего года и особенно Сенской федерации, представляет собою прекрасный революционный материал и при правильном и твердом руководстве со стороны партии освобождается от мнимо-революционных предрассудков, во имя действительно-коммунистической политики. Но несомненно, что в этом крыле имеются отдельные представители анархо-реформистского склада, готовые в любой момент на блок с правыми против коммунистической политики. Внимательный и строгий контроль над дальнейшей деятельностью этих элементов должен дополнить собою педагогическую просветительную работу в тех партийных кругах, неопытность коих эксплоатируется анархо-синдикалистами «крайнего» левого крыла.

в) *Левое течение* является, как в идейном отношении, так в значительной мере и по личному составу, продолжением и развитием Комитета III Интернационала. Левое течение, бесспорно, прилагало все усилия к тому, чтобы направить политику партии в действительном, а не только в словесном согласии с принципами Коммунистического Интернационала. Известное возрождение активности левой группировки было вызвано сплочением правого крыла и его агрессивной политикой против принципов, политики и дисциплины коммунизма. Исполком, распустивший в свое время во имя единства

партии Комитет III Интернационала, принял необходимые меры к тому, чтобы избежать возрождения режима фракций, опасность которого стала совершенно очевидной с того момента, как правое крыло, не встречая необходимого отпора, осмелилось открыто попирать идеи коммунизма, устав Партии и Интернационала. Исполком не видел и не видит в деятельности левой группы (la gauche) таких шагов, которые говорили бы, что левые стремятся создать замкнутую фракцию. Наоборот, в полном согласии с решениями и указаниями Исполкома, левая группировка отстаивает необходимость полного единения и слияния всех искренно коммунистических элементов для очищения партии от дезорганизующих и разлагающих ее пережитков прошлого.

г) Наиболее широкая и наименее оформленная группа *центра* полнее всего отражает охарактеризованную в начале этого письма эволюцию французской партии. Быстрота перехода от социализма к коммунизму, под давлением революционных настроений снизу, привела к тому, что в рамках партии оказались многочисленные элементы, вполне искренно относящиеся к коммунистическому знамени, но еще далеко не ликвидировавшие своего демократически-парламентского и синдикалистского прошлого. Многие представители этого центра вполне искренно думали, что достаточно отказаться от наиболее скорпрометированных формул парламентаризма и национализма, чтобы тем самым превратить партию в коммунистическую. Формальное принятие 21 пункта в Туре уже само по себе казалось им решением вопроса. Не отдавая себе достаточного отчета в том, какое глубокое внутреннее перерождение должна еще претерпеть партия, чтобы стать руководительницей пролетарской революции в главной цитадели капиталистической реакции, считая, что с'езд в Туре уже разрешил главные затруднения, представители центра неодобрительно относились к возбуждению в партии тактических и организационных вопросов и склонны были в принципиальных столкновениях видеть личные конфликты и кружковые домогательства. Правое крыло, идейно ничтожное и скопрометированное, могло поднять голову только благодаря тому, что руководящий партией центр не оказал ему сразу необходимого отпора. Ограниченный с двух сторон более или менее оформленными правой и левой группировками, сам центр лишен самостоятельной политической физиономии. Попытка отдельных представителей центра, как т. Даниэль Рену, создать самостоятельную платформу, приводила на деле к тому, что он по одним вопросам сходился с правой, по другим — с крайней левой, только увеличивая этим идейную путаницу. Несомненно, что отдельные представители центра целиком тяготеют

к правой и остаются тормозом партийного развития. Но задача большинства руководящих элементов центра—и мы надеемся, что они эту задачу выполнят—состоит в том, чтобы стать обеими ногами на почву решений Коммунистического Интернационала и, рука об руку с левой, очистить партию от всех тех элементов, которые на политическом опыте обнаружили, обнаруживают и еще обнаружат, что им не место в коммунистических рядах, — чтобы таким путем укрепить дисциплину партии и сделать ее надежным орудием революционного действия.

На-ряду с представителями левой, доказавшими свою верность делу пролетарской революции в труднейший период, в Центральный Комитет партии должны войти те представители центра, которые действительно обнаружили готовность открыть новую эру в жизни французской партии.

3. Вопрос о едином фронте.

Вопрос о едином фронте встал перед Интернационалом в той мере, в какой коммунистические партии важнейших стран от подготовительной идейной и организационной работы переходили на путь массового действия. В силу указанной выше причины, Французская партия оказалась застигнутой вопросом о едином фронте врасплох, что и нашло свое выражение в виде неправильных решений партии по этому вопросу. Между тем, именно для французского рабочего движения политика единого фронта, проводимая однородной централизованной революционной партией, может и должна получить неизмеримое значение.

Социальные отношения Франции имели до войны наиболее косный характер во всей Европе; из относительной устойчивости хозяйственных форм, при многочисленности мелкого крестьянства, вытекал консерватизм политической жизни, отражавшийся и на рабочем классе. Нигде не было такого цепкого режима революционных и мнимо-революционных сект, как во французском рабочем движении. Чем неопределенней были перспективы социальной революции, тем больше каждая из группировок, фракций и сект стремилась превратиться в замкнутый мирок. Иногда эти фракции боролись друг с другом за влияние, как гэдисты и жоресисты, иногда же размежевывали свое влияние на основе принципа невмешательства, как жоресисты и синдикалисты. Самое существование каждой группировки казалось ей самой, особенно ее бюрократии, самоцелью. К этому присоединились неизбежные карьеристские соображения: пресса становилась самоцелью для журналиста, парламент-

ские места — для депутатов. Эти традиции и навыки — результат долгого демократического прошлого в условиях консервативной среды — еще и сейчас очень сильны во французском рабочем движении.

Коммунистическая партия возникла вовсе не для того, чтобы существовать, как одна из фракций, в пролетариате, на-ряду с диссидентами, анархо-синдикалистами и проч., а для того, чтобы потрясти эти консервативные группировки и фракции в самой их основе, обнаружить их полное несоответствие потребностям и задачам революционной эпохи и тем заставить пролетариат почувствовать себя, как класс, все части которого активно связаны единством фронта против буржуазии и ее государства. Организация парламентского социализма и пропагандистская секта могут в течение десятилетий существовать в одних и тех же рамках, которые обеспечивают им несколько парламентских мест или известный сбыт их брошюрам. Партия социальной революции должна учиться на деле сплачивать большинство рабочего класса, пользуясь для этого каждой открывающейся возможностью массового действия. В то время, как пережившие себя группировки и фракции заинтересованы в устойчивости и незыблемости перегородок, разделяющих рабочий класс на части, мы, наоборот, кровно заинтересованы в том, чтобы нарушать консерватизм этих перегородок и учить этому рабочие массы. В этом весь смысл политики единого фронта, и этот смысл непосредственно вытекает из социально-революционного существа нашей партии.

С этой точки зрения разговоры о том, что мы готовы итти на единый фронт с массами, но не с их вождями, представляют собою чистейшую схоластику. С таким же успехом можно сказать, что мы согласны вести стачки против капиталистов, но не согласны вступать с ними в переговоры. Как нельзя вести стачечной борьбы, не вступая в известные моменты в переговоры с капиталистами или их уполномоченными, так нельзя звать организованные массы к об'единенной борьбе, не вступая в переговоры с теми, кого данная часть массы уполномачивает. Здесь под видом революционной непримиримости явно выступает политическая пассивность, не видящая перед собой той важнейшей работы, ради которой и создавалась коммунистическая партия.

Мы считаем необходимым рассмотреть здесь те возражения против единого фронта, которые выдвинуты были в последнее время, в особенности, товарищем Даниэлем Рену и которые как бы опираются на опыт Коммунистического Интернационала и отдельных его секций.

Указывают на то, что попытка созыва всемирного рабочего конгресса не увенчалась успехом и, наоборот, привела только к усугублению борьбы 2 и 2½ Интернационалов против коммунизма. Тот же самый вывод пытаются сделать из опыта политики единого фронта в пределах Германии: на деле мы видим там,—говорят нам,—не единый фронт пролетариата, а об'единение социал-демократов и независимых против коммунистов.

Эти факты бесспорны, но видеть в них довод против политики единого фронта могли бы только те, которые надеялись бы, при помощи политики единого фронта, достигнуть смягчения политических противоречий или превратить Эберта, Шейдемана, Вандервельде, Реноделя, Блюма и Лонгэ в революционеров. Но такую надежду могли бы питать только оппортунисты, и мы действительно видим, что точка зрения т. Рену и его единомышленников есть позиция не революционеров, а пришедших в отчаяние оппортунистов. Наша задача вовсе не в том, чтобы перевоспитать Шейдемана, Блюма, Жуо и компанию, а в том, чтобы расшатать консерватизм их организации и открыть в массе вывод к действию. В последнем счете от этого может выиграть только коммунистическая партия. Стремление к единству в массах велико. Наша агитация вынудила в известный момент даже 2 и 2½ Интернационалы вступить с нами в переговоры по поводу единого рабочего конгресса. Совершенно неоспоримо, что социал-демократы и независимые всеми силами стремились сорвать единство действий и еще более сблизились друг с другом в процессе борьбы на этой почве с коммунистами. В Германии это привело к подготовке полного слияния этих двух партий. Видеть в этом крушение политики единого фронта может только тот, кто совершенно не понимает сложных путей политического развития рабочего класса. Слияние независимых с социал-демократами временно создает видимость их усиления против нас. Но на самом деле слияние целиком пойдет нам на пользу. Независимые будут пытаться мешать социал-демократам выполнять их буржуазно-правительственную роль; с несомненно большим успехом социал-демократы помешают нынешним независимым выполнять их «оппозиционную» роль. С исчезновением бесформенного пятна независимых коммунистическая партия останется перед рабочим классом, как единственная сила, борющаяся с буржуазией и призывающая рабочий класс к единому фронту в этой борьбе. Это не сможет не изменить соотношения сил в нашу пользу. Вполне вероятно, что через некоторое время, когда наше усиление обозначится, об'единенная социал-демократическая партия окажется вынужденной в том или другом случае принять лозунг единого фронта. Так как в этом случае коммунисты, как

более решительные в борьбе за частные и общие интересы рабочего класса, могут только выиграть во мнении трудящихся, то в результате временного сотрудничества социал-демократы снова еще резче отшатнутся от коммунистов и откроют против них еще более неистовую кампанию. Борьба коммунистической партии за влияние на рабочий класс идет не по прямой, а по очень сложной ломаной линии, которая ведет, однако, в одном и том же направлении, — при условии однородности, выдержанности и дисциплинированности самой коммунистической партии.

Несомненные политические успехи достигнуты в Германии политикой единого фронта уже сейчас, как видно из прилагаемой к этому письму справки т. Клары Цеткин [323]).

* * *

В то время, когда некоторые французские товарищи, даже готовые «в принципе» признать тактику единого фронта, считают ее неприменимой в настоящее время во Франции, мы, наоборот, полагаем, что нет другой страны, где тактика единого фронта являлась бы столь неотложной и настоятельной, как во Франции. Это обусловливается в первую голову, состоянием французского синдикального движения.

Раскол французских профессиональных организаций, произведенный Жуо и К° по политическим мотивам, представляет собою не меньшее преступление, чем поведение этой клики во время войны. Каждая тенденция и доктрина имеют возможность создавать свою группировку в рабочем классе. Но профессиональные союзы являются основной формой организации пролетариата, как класса, и единство профессиональных организаций диктуется уже необходимостью защиты самых элементарных интересов и прав трудящихся масс. Раскол профессиональных союзов по политическим мотивам является одновременно изменой рабочему классу и признанием своего банкротства. Только изолированием небольшой части рабочего класса от революционных группировок путем раскола Жуо и К° могли надеяться сохранить еще в течение известного времени свое влияние и свою организацию. Но этим самым реформистские профессиональные союзы переставали быть профессиональными союзами, т.-е. массовыми организациями трудящихся, а становились замаскированной политической партией Жуо и К°.

Нет никакого сомнения, что сторонники раскола были также и в среде революционных анархо-синдикалистов. Чуждые широких задач пролетарской революции, эти элементы, по существу, ограничивают свою программу созданием поповско-анархической секты

со своей иерархией и своими прихожанами. Они создают свой «пакт», тайное соглашение, где обязуются друг другу помогать при захвате ответственных должностей, и в этом смысле раскол профессиональных союзов как нельзя лучше устраивает дела подобной клики.

Наша позиция была и остается в этом вопросе совершенно непримиримой. Интересы нашей партии и здесь, как и во всем остальном, совпадают с подлинными интересами рабочего класса, которому нужны единые профессиональные союзы, а не их осколки. Разумеется, революционная Конфедерация Труда нам ближе, чем реформистская. Но нашей обязанностью является борьба за восстановление единства профессиональных организаций—и не в неопределенном будущем, а теперь же, немедленно, для отпора наступлению капитала. Раскол профессиональных союзов—дело преступной синдикальной бюрократии. Масса в обеих группировках не хотела и не хочет раскола. Мы должны быть с массой против раскольничьей и предательской синдикальной бюрократии.

Революционная Конфедерация Труда называет себя об'единительной (unitaire). Если для анархо-синдикалистов это лишь лицемерный звук, то для нас, коммунистов,—это знамя. Мы должны при каждом подходящем случае, особенно при всякой возможности массового действия, выяснять, что существование революционной Конфедерации Труда — не самоцель, а только средство к скорейшему достижению единства синдикального движения. Обратилась ли партия по поводу гаврской стачки с открытым предложением к обеим конфедерациям о координировании своих условий в деле обслуживания стачки? Нет, это крупнейшая ошибка. То обстоятельство, что C. G. T. U. этого не хотела, ни в каком случае не может служить оправданием. Ибо мы не обязаны делать только то, чего хочет C. G. T. U.,—такие уж у нас свои, коммунистические, воззрения на задачи синдикальной организации, и когда эта последняя делает ошибку, мы должны за собственной ответственностью эту ошибку открыто поправлять пред лицом трудящихся масс, чтобы помочь рабочему классу избежать подобных ошибок в будущем. Мы обязаны были опросить обе конфедерации открыто, пред лицом всего пролетариата: готовы ли они встретиться для выработки программы сотрудничества по обслуживанию гаврской стачки? Такого рода конкретные предложения, заранее выработанные нами деловые программы, нужно выдвигать неутомимо по каждому подходящему поводу, в локальном или в общегосударственном масштабе, в зависимости от характера вопросов и размера движения. C. G. T. U. не сможет и не будет противиться такой инициа-

тиве. C. G. T., охраняя своих сторонников от соприкосновения с революцией, будет неизбежно упираться. Тем хуже для C. G. T. Политика единого фронта станет тем тараном, который пробьет брешь в последних укреплениях Жуо и К°.

Но этого мало. Мы сами, как партия, не можем оставаться в стороне от такого крупного события, как гаврская стачка. И мы не можем позволить г.г. диссидентам отсиживаться и отмалчиваться в стороне. Мы должны были обратиться с прямым и открытым предложением совещания и к ним, к диссидентам. Нет и не может быть ни одного здравого и серьезного довода против такого обращения. И если бы диссиденты, под влиянием обстановки и под нашим давлением, сделали полшага вперед, навстречу интересам стачки, они этим оказали бы рабочим реальную услугу, а большинство рабочей массы, в том числе и примыкающие к диссидентам, увидело бы, что эти последние сделали свой политический шаг под нашим давлением. Если бы диссиденты отказались, они только скомпрометировали бы себя. Мы же не только выполнили бы наш долг по отношению к активно борющейся в данный момент части пролетариата, т.-е. к гаврским стачечникам, но и повысили бы наш авторитет. Только такая неутомимая, настойчивая и гибкая пропаганда единства, на почве живых фактов массового действия, способна разбивать перегородки сектантства и кружковой замкнутости внутри рабочего класса, повышая его чувство классовой сплоченности и тем самым неизбежно увеличивая наше влияние.

На основе всей этой работы лозунг рабочего правительства, выдвинутый в подходящую минуту, может развить могущественную притягательную силу. В известный момент, подготовленный событиями и нашей пропагандой, мы скажем, обратившись к тем рабочим массам, которые еще отрицают революцию и диктатуру пролетариата, или же просто не доросли до этих вопросов: вы видите сейчас, как буржуазия переустраивает единство своего класса под вывеской левого блока и подготовляет «левое» правительство, фактически об'единяющее всю буржуазию; почему же нам, рабочим разных партий, направлений и беспартийным, не создать наш пролетарский блок, для защиты наших интересов и не выдвинуть нашего, рабочего правительства? Вот естественная, простая, ясная постановка вопроса! Но мыслимо ли нам, коммунистам, заседать в правительстве с Реноделем, Блюмом и пр.?—спросят некоторые товарищи. При известных условиях это может оказаться временно неизбежным, как и мы, русские коммунисты, уже после нашей победы в октябре, соглашались допустить в состав правительства меньшевиков, эс-эров и фактически привлекли левых эс-эров. Но сейчас

для Франции вопрос еще не стоит, к сожалению, столь практически. Дело идет не о немедленном или близком образовании рабочего правительства с участием Фроссара и Блюма, а об агитационном противопоставлении рабочего блока блоку буржуазии. Прежде чем дело дойдет до создания самого рабочего правительства, нужно, чтобы большинство рабочего класса присоединилось к этому лозунгу. Когда мы этого достигнем, т.-е. в тот момент, когда рабочие диссиденты и члены всеобщей конфедерации потребуют об'единенного рабочего правительства, акции Реноделя, Блюма и Жуо будут стоять крайне низко, ибо эти господа только и держатся своим союзом с буржуазией при расколе рабочего класса.

Совершенно очевидно, что, когда большинство французского рабочего класса об'единится под знаменем рабочего правительства, у нас не будет никакого основания беспокоиться относительно состава этого правительства. По существу дела, действительный успех лозунга рабочего правительства уже означал бы пролог к пролетарской революции. Вот чего не понимают те товарищи, которые берут лозунги формально и измеряют их мерилом словесного радикализма, не отдавая себе отчета в тех процессах, какие происходят в самом рабочем классе.

Выдвинуть программу социальной революции и «непримиримо» противопоставить ее диссидентам, синдикалистам-реформистам, отказываясь вступать с ними в какие бы то ни было переговоры до тех пор, пока они не признают нашей программы,—это очень простая политика, для которой не нужно ни находчивости, ни энергии, ни гибкости, ни инициативы. Это не коммунистическая политика. Мы, коммунисты, ищем способов и путей политически, практически, на деле довести еще несознательные массы до революционной постановки вопроса. Об'единить авангард рабочих под знаменем социальной революции—это уже сделано в виде коммунистической партии. Теперь эта коммунистическая партия должна попытаться об'единить весь рабочий класс как на почве экономического отпора капиталу, так и на почве политического отпора буржуазии и ее правительственному блоку. Таким путем мы фактически приблизим социальную революцию и подготовим пролетариат к победе.

4. Важнейшая политическая задача французского коммунизма.

Борьба против версальского договора, вовлечение в эту борьбу все более широких масс и придание этой борьбе все более решительного характера является центральной политической задачей Французской Коммунистической Партии.

Французская буржуазия может поддерживать тот чудовищный и гибельный для Европы режим, какой установлен версальским миром, только путем милитаристического напряжения сил французского народа и непрерывного грабежа и разорения Германии. Постоянные угрозы оккупацией германской территории являются одной из сильнейших помех развитию пролетарской революции в Германии. С другой стороны, похищаемые у германского народа материальные средства идут на укрепление позиции французской буржуазии, представляющей сейчас главную контр-революционную силу не только в Европе, но и во всем мире.

Несомненно в то же время, что французская буржуазия, использовывая германскую контрибуцию, создает привилегированное положение для наибольшей части французского рабочего класса, чтобы тем самым облегчить французскому капиталу натиск против французского пролетариата в целом. Эту политику, но в более широком масштабе, мы в течение десятилетий наблюдали в Англии, буржуазия которой, грабя свои колонии и эксплоатируя более отсталые страны, расходовала небольшую частицу своей мировой добычи на создание привилегированного слоя рабочей аристократии, которая помогла буржуазии тем более жестоко и безнаказанно эксплоатировать рабочие массы. Именно таким путем была воспитана насквозь растленная бюрократия великобританских тред-юнионов. Разумеется, империалистические усилия французской буржуазии являются запоздалыми в этой области, как и во всех остальных: европейский капитализм находится не в стадии прогрессивного развития, а в стадии разложения, и борьба французского капитала за поддержку версальского режима окупается ценой дальнейшей дезорганизации и углубляющегося обнищания хозяйства всей Европы. Совершенно, однако, очевидно, что срок, в течение которого французский капитал будет еще сохранять возможность продолжать свою гибельную работу, зависит в огромной степени от той энергии, с какой коммунистическая партия развернет в стране активную борьбу против версальского мира и его автора—французской буржуазии.

Нет и не может быть никакого сомнения в том, что диссиденты и синдикалисты-реформисты имеют активных, сознательных сторонников в той ничтожной части рабочего класса, которая прямо или косвенно заинтересована в разбойничьем режиме контрибуций. Экономика и психология этих элементов имеет по существу паразитарный характер. Господа Блюм, Жуо и др. являются законченными политическими и профессиональными выразителями того духа паразитизма, который связывает известные элементы пролетарской аристократии и бюрократии с версальским режимом в Европе. Эти

клики не способны вести серьезную борьбу против нынешней грабительской гегемонии Франции, ибо эта борьба наносила бы неизбежно раны им самим.

Борьба за социальную революцию во Франции встает сейчас пред пролетариатом прежде всего как борьба против милитаристской гегемонии французского капитала, против разграбления Германии, против версальского мира. Именно на этом вопросе должен обнаружиться и развернуться подлинно интернациональный и подлинно революционный характер нашей Французской Коммунистической Партии.

Во время войны интернациональный характер пролетарской партии выражался в отказе от принципа национальной обороны, ибо тогда этот отказ имел действенный характер, вел за собою мобилизацию рабочих масс против буржуазного отечества. В настоящее время, когда французская буржуазия пожирает и переваривает небывалую добычу, отказ коммунистической партии от принципа национальной обороны сам по себе необходим, но совершенно недостаточен. Буржуазия легко может мириться с этим декларативным антипатриотизмом до новой войны. Сейчас актуальный и действительно революционный характер может иметь только борьба против разбойничьих плодов национальной обороны, против контрибуций и репараций, против версальского мира. Только в этой борьбе партия в то же время может проверить и закалить свой внутренний состав, беспощадно выметая вон элементы, затронутые язвой национального паразитизма, если бы такие элементы оказались в том или другом углу самой коммунистической партии.

Ваш с'езд и в этом вопросе должен открыть новую эру массовой и революционной борьбы против Версаля и версальцев.

5. Организационные вопросы.

Из развитых выше соображений организационные вопросы вытекают сами собой: дело идет об обеспечении за коммунистической партией характера подлинно пролетарской политической организации, тесно связанной со всеми формами рабочего движения, протягивающей свои щупальцы во все об'единения и группировки рабочих, в одинаковой мере контролирующей и направляющей деятельность коммунистов в парламенте, в прессе, муниципалитетах и кантональных советах, профессиональных союзах и кооперативах.

С этой точки зрения проекты изменений, выработанные Центральным Комитетом, по вопросу об уставе партии и о режиме прессы представляют собой несомненный шаг вперед. Само собою раз-

умеется, что эти уставы и формально-организационные изменения могут получить реальное значение лишь в том случае, если им будет соответствовать по всему своему содержанию работа руководящих учреждений партии. С этой точки зрения исключительное значение получает вопрос о составе Центрального Комитета партии. При определении этого состава решающую роль, по-нашему мнению, должны играть два критерия: во-первых, Центральный Комитет должен воплощать собой об'единение левой и центра против правой, то-есть против оппортунизма и централизма, во имя развития революционной политической активности масс; во-вторых, большинство Центрального Комитета должно состоять из рабочих и притом преимущественно из таких рабочих, которые неразрывно связаны с синдикальными организациями. Значение первого критерия выяснено выше, о втором критерии необходимо сказать несколько слов.

Обеспечить партии связь с массами—значит в первую голову обеспечить эту связь с профессиональными союзами. Надо раз навсегда покончить с чудовищным, самоубийственным с точки зрения революции воззрением, будто партии нет дела до профессиональных союзов и их работы. Разумеется, профессиональная организация, как таковая, автономна, то-есть сама, на основах рабочей демократии, направляет свою политику. Но и партия автономна в том смысле, что никакие анархо-синдикалисты не смеют ей предписывать, каких вопросов она может касаться и каких не может. Коммунистическая партия не только вправе, но обязана стремиться занять руководящее положение в профессиональных союзах на основе добровольного доверия членов союза к лозунгам и тактике партии. Тому режиму, когда союзами заправляли анархо-синдикалистские клики, связанные с секретными договорами в духе масонского карьеризма, должен быть раз навсегда положен предел. Партия выступает в союзах с открытым забралом. Все коммунисты работают в профессиональных союзах, как коммунисты, и связаны партийной дисциплиной в коммунистические ячейки. В вопросах синдикального действия коммунисты, разумеется, подчиняются синдикальной дисциплине. С этой точки зрения огромное значение приобретает привлечение в состав Центрального Комитета значительного числа активных работников синдикального движения. Если они обеспечат связь Центрального Комитета с массовыми организациями, то, с другой стороны, для них самих Центральный Комитет станет высшей академией коммунистической политики, а наша французская партия чрезвычайно нуждается в воспитании революционных пролетарских вождей.

* * *

Таковы главные задачи предстоящего с'езда Французской Коммунистической Партии. Коммунистический Интернационал будет с величайшим вниманием следить за его ходом и результатом. Требовательность, проявляемая Интернационалом в отношении к коммунистической партии Франции, есть требовательность по отношениию к самому себе, ибо французская партия является одной из важнейших его частей. Глубокие противоречия, заложенные в положении республики французского капитала, открывают пред французским пролетариатом в близком, надеемся, будущем возможности величайших исторических действий. В подготовке к ним нужна высшая бдительность и требовательность к себе. Этой мыслью о великой исторической миссии французского пролетариата внушено настоящее письмо. Требовательность, проявляемая Интернационалом к своим партиям, опирается на глубокое доверие к революционному развитию мирового пролетариата и прежде всего пролетариата Франции.

Французская Коммунистическая Партия преодолеет свой внутренний кризис и будет на высоте своих неизмеримых революционных задач.

Приложение: **Единый фронт в Германии** *).

Предстоящее слияние С. П. Г. и Н. С. П. Г. [324]) является не результатом политики единого фронта, а его карикатурой; оно навязано вождями этих двух партий для того, чтобы скрыть свое банкротство новым обманом. Реформистские вожди обоих лагерей, учитывая необходимость единения пролетарских сил, необходимость, чувствуемую массами, употребляют ее во зло, об'единяясь с буржуазией против коммунистов. Это об'единение является естественным и неизбежным завершением того факта, что обе партии подменили платформу классовой борьбы политикой «священного единения», классового сотрудничества. И вся разница только в том, что шейдемановцы отбросили революционную фразу, а дитмановцы еще прибегают к ней. Таким образом между этими двумя реформистскими партиями нет ни принципиальных, ни тактических разногласий, а поэтому ничто не мешает им слиться. Да они и должны это сделать, чтобы вернуть себе силу или, по меньшей мере, хоть видимость ее. С. П. Г. потеряла за последний год 46.000 членов—огромная потеря даже при ее превосходной организации. Н. С. П. Г. еще не опубликовала своего отчета, но секретом полишинеля является тот факт, что она не знает,

*) Это приложение—письмо тов. Клары Цеткин Исполкому Коминтерна. *Прим. ред.*

как покрыть дефицит, и что центральный орган партии «Freiheit» находится в агонии. Но, главным образом, обе партии должны приложить все усилия к тому, чтобы вернуть хоть отчасти свою былую популярность, скомпрометированную их реформистской политикой, бросающей их в об'ятия Стиннеса. Так они поступают, злоупотребляя наиболее популярным лозунгом в массах. Но последние скоро узнают, какая глубокая и существенная разница между органическим союзом этих двух реформистских партий и единением пролетарских масс в их борьбе.

На-ряду с органическим союзом обеих реформистских партий неослабно продолжается работа К. П. во имя единого фронта против вождей этих партий и бюрократии профсоюзов. Успех сказался уже к кампании, открытой по поводу убийства Ратенау [325]). В Прирейнской области и Вестфальских провинциях, с их крупными промышленными центрами, во многих городах и округах образовались комитеты действия из представителей обеих реформистских партий, коммунистической партии и профсоюзов (в некоторых случаях комитеты были организованы в «Gewerkschaftliche Kartelle» данной местности или округа и выборы в них производились из представителей 3 рабочих партий). Под давлением организованных масс вожди реформистских партий—в особенности D. A. G. B. (Исполкомы Германского Об'единения Профсоюзов)—оказались вынужденными войти в сношения с коммунистической партией. Не взирая на всю непродолжительность этой совместной работы, все же в Германии состоялись, одна за другой, две крупных манифестации, и благодаря этим переговорам и манифестациям коммунистическая партия вошла в тесный контакт с рабочими массами на территориально весьма обширном пространстве. Комитеты действия в целях разоружения контр-революции существовали дольше, чем движение протеста, которое быстро пошло на убыль из-за предательства реформистов.

Идея единого фронта снова и крупными шагами идет вперед. Ей способствует современный кризис. Экономическая борьба заставляет рабочих и служащих об'единяться и требовать от своих представителей в профсоюзах и политических партиях совместной дружной работы. Примером может служить об'единенное собрание фабричных делегатов в Берлине. На нем присутствовало более 6.000 делегатов, несмотря на то, что профсоюзная бюрократия Н. С. П. Г. и С. П. Г. предупреждала своих членов о недопустимости участия в собрании.

Это собрание, которое явилось настоящим событием, выбрало комитет из 15 человек для подготовки общегерманского с'езда фабрично-заводских делегатов. В комитет входят члены всех рабочих

партий. Ему поручен созыв с'езда на тот случай, если Исполком Об'единения Профсоюзов не сделает этого. Цель заключается в организации «комитетов контроля» над производством, распределением, ценами и т. п. Во многих промышленных городах комитеты контроля уже образовались; весьма значительно число городов, где рабочие созывали собрания фабрично-заводских делегатов, на которых и происходила организация комитетов, требующих контроля над производством. Повсюду коммунисты были во главе этого движения с целью привести к единению в борьбе.

Правда, в нашей партии некоторые элементы занимают позиции против единого фронта. Однако эти позиции направлены, главным образом, против допущенных ошибок, против неправильного применения его. В дальнейшем ошибок будет все меньше и меньше. Партия должна научиться маневрировать в новых условиях и установить общий фронт, сохранив и выявив одновременно свою собственную политическую физиономию.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Москва, 13 сентября 1922 г.

ПАРИЖСКОМУ С'ЕЗДУ Ф. К. П.

Накануне открытия Парижского с'езда Ф. К. П. положение в Париже настолько осложнилось, что И. К. К. И. видит себя вынужденным в дополнение к уже опубликованным документам обратиться к Парижскому с'езду со следующим:

1. И. К. К. И. *предлагает Парижскому с'езду произвести специальное и поименное голосование 21 пункта*, одобренных II Всемирным Конгрессом Коминтерна. И для Ф. К. партии, и для всего Коминтерна будет лучше *создать полную ясность* в этом вопросе.

Само собой разумеется, что если Ф. К. П. хочет предложить IV конгрессу сделать те или иные изменения в 21 пункте, Парижский с'езд имеет полное право это сделать. Каждое предложение Парижского с'езда IV конгресс рассмотрит с величайшим вниманием и тщательностью.

2. Ввиду того, что большинство старого состава Ц. К., к удивлению Исполкома Коминтерна, не исключило из партии Верфейля и его единомышленников даже после их последних вопиющих антикоммунистических выступлений,— И. К. К. И. вынужден заявить Парижскому с'езду, что он *не* считает более членами Коминтерна

Рауля Верфейля и тех, кто вместе с ним подписал известное обращение к партии, начинающееся словами: «La situation dans laquelle se trouve le parti»...*).

Содержание этого обращения целиком подтверждает предыдущее заявление И. К. К. И. о том, что Рауль Верфейль и его единомышленники являются злостными противниками коммунизма, оставшимися в Ф. К. П. только для того, чтобы разлагать ее изнутри.

Если Парижский с'езд разойдется с И. К. К. И. в этом вопросе, окончательное решение вопроса будет принадлежать IV Всемирному Конгрессу Коминтерна.

И. К. К. И. еще раз предлагает Парижскому с'езду поставить ребром все наиболее важные вопросы, разделяющие в данный момент французскую партию. Тяжелый урок, полученный итальянской социалистической партией, которая только на-днях, после двух тяжелых лет ошибок и колебаний, должна была признать правоту требований Коминтерна, не должен пропасть даром.

Коминтерн уверен, что Парижский с'езд положит конец шатаниям и создаст действительно коммунистическую партию, достойную руководить героическим пролетариатом Франции.

Исполнительный Комитет
Коммунистического Интернационала.

Москва, 6 октября 1922 г.

---

*) «Положение, в котором находится партия»... *Пер. ред.*

Четвертый Конгресс Коминтерна

ПЯТАЯ ГОДОВЩИНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и IV КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА.

(Доклад на заседании активных работников Московской организации 20 октября 1922 г.).

Товарищи, IV Конгресс Коммунистического Интернационала должен собраться в момент юбилейный для Советской власти, в 5-летие ее. Этим двум событиям и должен быть посвящен мой доклад. Юбилей, конечно, дело чисто-формальное, календарное, ибо события не располагаются по календарю. 5-летие Советской власти не представляет какого-либо законченного исторического периода, а тем более в нашу революционную эпоху, когда все изменяется, течет и все еще далеко не находится в покое и не скоро найдет свои законченные формы. Тем не менее вполне понятно стремление каждого сознательного человека, тем более коммуниста, отдать себе отчет в том, что произошло, и проанализировать положение, как оно создалось вот к этой календарной формальной дате, к пятилетнему юбилею Советской власти и, стало быть, к IV Конгрессу Коминтерна.

Клубок капиталистических противоречий разматывается, начиная с России.

Третьего дня мне пришлось быть в партийной ячейке завода бывш. Бромлей. Там один из товарищей, член ячейки, поставил вопрос: «В какой стране пролетарская революция была бы наиболее выгодна с точки зрения интересов коммунистов?». Подумавши немного, я ответил, что с этой отвлеченной точки зрения надо сказать, что наиболее выгодна была бы революция в Соединенных Штатах Сев. Америки. Почему? Вполне понятно. Это страна, наиболее независимая в хозяйственном смысле. У нее сельское хозяйство и промышленность в такой степени уравновешивают друг друга, что страна может в случае, скажем, какой-нибудь бешеной блокады вести вполне самостоятельное существование. Затем эта страна самая богатая, располагающая первой в мире индустриальной

техникой, страна, имеющая в своих руках около половины, а может быть, немного менее, видимого золотого запаса. Страна, которая сосредоточила в своих руках большую половину производства важнейших отраслей. Конечно, если бы пролетариат в этой стране взял в свои руки власть, то материальные основы, организационно-технические предпосылки для социалистического строительства у него были бы превосходны. Вторая по очереди страна, это—Англия, Великобритания, а Россия в этом порядке оказалось бы, если не в последней очереди (потому что есть Азия, есть Африка), то, по крайней мере, в пределах Европы она занимала бы одну из последних очередей. Между тем история этот клубок разматывает, как вы знаете, с другого конца, именно со стороны России, страны в хозяйственном и культурном смысле из больших капиталистических стран наиболее отсталой, в хоз.-техническом смысле очень зависимой, а затем и вконец разоренной войною. И сейчас, если мы спросим себя, каковы политические предпосылки пролетарской революции в Соединенных Штатах, то разумеется вполне можем допустить такой ход событий, который чрезвычайно ускорит завоевание власти сев.-американским пролетариатом. Но если мы возьмем положение в том виде, как оно сложилось сегодня, мы должны сказать, что в этой сильнейшей, крупнейшей, решающей, руководящей капиталистической стране предпосылки политические, т.-е. предпосылки, лежащие в плоскости создания планомерной организации партий и классов, в ней наименее подготовлены. Можно было бы посвятить целый доклад для об'яснения того, почему история начала разматывать клубок революции вот с такой наиболее слабой и отсталой в хозяйственном смысле страны, как наша, но тогда я не имел бы возможности говорить ни о IV Конгрессе, ни о пятилетии Советской власти. Для нас достаточно сейчас факта, достаточно того, что мы за эти пять лет оказались вынужденными проделывать работу социалистического строительства в наиболее отсталой в хозяйственном смысле стране, при сохранении смертельно нам враждебного капитала в странах капиталистических, несравненно экономически нас превосходящих. Это основной факт, и из него, конечно, проистекала страшная напряженность нашей гражданской войны.

Основной урок русской революции.

Здесь, если мы захотим сделать наш основной вывод, мы должны будем с похвалою сказать о нашей партии, что она дала колоссальный пример пролетариату всех стран, как бороться за власть и как, овладевши ею, отстаивать эту власть при помощи

мер самых твердых, где нужно, суровой, беспощадной диктатуры, не останавливаясь ни перед какими наиболее решительными, попирающими буржуазное лицемерие мерами, раз дело идет о том, чтобы обеспечить за революционным пролетариатом государственную власть. И по этому учебнику русской революции, который надо бы написать, будут учиться рабочие всех стран в течение ближайших лет, а может быть, десятилетий, ибо на какой срок затянется пролетарская революция с начала своего и до конца, сказать нельзя, но это целая историческая эпоха. Делали ли мы ошибки или нет в гражданской войне (разумеется, их можно найти), но в общем мы проделали наиболее классическую часть нашей революционной работы. Мы не раз говорили об ошибках, которые обусловили необходимость для нас в хозяйственной области отступлений и большого отступления, которое известно у нас под именем нэпа. Тот факт, что мы пошли с самого начала по известному пути вперед, потом отступили и ныне закрепляемся на известных позициях, чрезвычайно нарушает перспективу не только у наших врагов, но и у многих из наших друзей. Благожелательные нам корреспонденты и многие коммунисты, европейские и американские, первым вопросом ставят как при поездке нашей делегации в Геную, так и теперь, что вот в этой Москве многое изменилось (а многие посещали Москву в 1919 и 1920 г.г.) и что теперь она стала слишком похожа на европейские и американские города, и где вообще гарантия того, что вы, русские комунисты, остановите дальнейшее развитие и направитесь в сторону коммунизма, а не капитализма. Где гарантия?

Общее впечатление при поверхностном наблюдении такое, как будто социалистические завоевания, сделанные в 1-й период, сейчас стихийно, автоматически куда-то уползают, рассыпаются, и не видно той силы, которая способна была бы их задержать. Можно повернуть, товарищи, вопрос с другого конца и можно сказать так: забудем на минуту, что мы пошли по линии так называемого военного коммунизма и затем отступили на нынешнюю позицию. Возьмем положение, как оно есть сегодня, и сравним с тем, что было 25 октября или накануне 1917 г. Если нас иностранные наши благожелатели или коммунисты европейские или американские подвергнут допросу, то мы скажем: железные дороги, шахты, заводы, фабрики находились тогда в руках у частных собственников. Огромное пространство земли и недр земных находилось в руках у частных собственников. Теперь все железные дороги, подавляющее большинство, или во всяком случае все важнейшие заводы и ф-ки, все ценнейшие недра земли находятся в руках государства, которое

в свою очередь является собственностью рабочего класса, опирающегося на крестьянские массы. Это тот факт, который мы имеем перед собой в результате 5 лет. Было наступление и отступление, но вот итог: в результате 5 лет важнейшие средства промышленности и производства и значительная часть средств сельско-хозяйственного производства находятся в непосредственном ведении и управлении рабочего государства. Это есть основной факт. Но чем было вызвано отступление? Вопрос очень существенный, ибо самый факт отступления нарушает перспективу. Как мы себе представляли порядок, ход национализации средств промышленности и организацию социализма? Во всех наших старых книжках, наших учителей и наших собственных, мы всегда говорили и писали, что рабочий класс, овладев государственной властью, будет шаг за шагом национализировать, начиная с наиболее подготовленных средств производства, и переводить их на социалистические основы. Остается ли это правило в силе до сего дня? Безусловно, и мы скажем на IV Конгрессе, где будем обсуждать вопрос о коммунистической программе, мы скажем, что рабочий класс, который овладеет властью в Германии ли или во Франции, должен ли он начать с того, чтоб разбить аппарат организации технических средств, денежного хозяйства и заменить их универсальным учетом? Нет, рабочий класс должен овладеть методами капиталистического оборота, методами калькуляции, методами биржевого оборота, методами банкового оборота и постепенно, в меру своих технических сил и подготовленности, переходить на плановые начала, заменяя калькуляцию подсчетом выгодности или невыгодности данного предприятия, заменяя ее учетом централизованных средств и сил, и в том числе и рабочих сил. Это есть основной урок, который мы должны снова преподать рабочим всего мира, урок, который мы получили от наших учителей. Если мы его нарушили, то в силу условий политического характера, в силу давления, которое было на нас после завоевания нами государственной власти. Это есть важнейшее отличие пролетарской революции, которая произошла в России, от той революции, какая была бы, скажем, в Америке. Там до завоевания власти рабочему классу придется преодолеть колоссальнейшие трудности, но когда он овладеет ею, то давление тех фронтов, на которых нам пришлось бороться, будет меньше, потому что наша страна с мелкой буржуазией, с отсталым кулачеством пережила революцию по-другому, и наша революция обрушилась на буржуазию врасплох. Мы самым фактом Октябрьской революции научили буржуазию понимать, что она теряет, когда рабочие взяли власть, и только факт самой революции толкнул буржуазию, кулачество и офицерство на органи-

зацию. Мы разрушили буржуазию не столько до 25 октября и в ночь с 25 на 26-ое, сколько в течение трех лет после 25 октября, когда буржуазия, помещики и офицерство расчухали, в чем дело, и при помощи европейского капитала начали с нами борьбу. В Европе мы имеем процесс, глубоко отличный от нашего, потому что буржуазия там гораздо организованнее и опытнее, потому что там мелкая буржуазия прошла через школу крупной буржуазии, следовательно, гораздо могущественнее и опытнее, и кроме того русская революция многому их научила, поэтому там подготовка и вооружение контр-революционных банд происходит сейчас параллельно с подготовкой и закалом коммунистической партии к этой борьбе и эта последняя будет гораздо напряженнее до их 25 октября, не после, а до. Тот факт, что у нас фабрики и заводы на другой день после завоевания власти оказались крепостями, цитаделями буржуазии, главной базой, на которую мог опереться европейский империализм, этот факт заставил нас перейти к национализации, независимо от того, способны ли мы и в какой мере способны по своим силам и средствам организовать эти предприятия.

...И если мы по политическим причинам выгоняли с заводов собственников, не имея возможности даже овладеть заводами сразу, если мы по политическим причинам опускали меч диктатуры и террора на биржи и на банки, то само собой разумеется, что мы механически разрушали тот аппарат, который обслуживал буржуазию и служил буржуазии для организации хозяйства и для распределения производительных сил и товаров в стране. Поскольку мы этот аппарат разрушили одним ударом, мы, вообще говоря, должны были его заменить другим аппаратом — централизованного учета и распределения, но такой аппарат нужно было создать, нужно было его иметь, мы же его, разумеется, по всем предпосылкам, по своему прошлому, по уровню своему и познаниям создать не могли. И вот из могущественных и неотразимых сторон гражданской войны, как таковой, из невозможности даже для передового рабочего класса, а тем более для нас, для отсталой страны, в 24 часа создать аппарат социалистического учета и распределения — и возникла вся трагедия нашего хозяйства. И военный коммунизм был не программой, — он был нам навязан. Поскольку были фронты гражданской войны, поскольку мы были вынуждены разрушать опорную базу врага в тылу этих фронтов, т.-е. частно-капиталистические предприятия всех категорий, постольку нам приходилось бивуачным путем, походным путем управлять предприятиями. Это была эпоха военного коммунизма, и не скрою, что, как это всегда бывает, люди

из нужды делали добродетель, т.-е. поскольку военный коммунизм был нам навязан, постольку инерция работников партии, ее руководящие учреждения склонны были увлекаться в том смысле, что здесь и есть полное разрешение задач социалистического хозяйства. Но если мы подведем итоги, то должны сказать, что наступление и отступление в области хозяйства было продиктовано пересечением потребностей гражданской войны, абсолютно неотразимых потребностей, и хозяйственным состоянием и степенью нашей хозяйственной приспособленности или неприспособленности. Другими словами, в основе своей и наше наступление по линии военного коммунизма, и наше отступление по линии НЭП'а в общем и целом исторически были неизбежны, и только на основе этой исторической неизбежности можно и должно анализировать наши уже суб'ективные ошибки — как партии, так и власти.

Издержки революции.

Остается, товарищи, еще самый большой вопрос. Если в результате пять лет рабочее государство, как мы сказали, владеет важнейшими средствами производства после нашего отступления и пользуется властью, то это есть факт; но остается еще и тот факт, что мы представляем собой сейчас одну из самых бедных стран Европы. Между тем совершенно очевидно, что социализм имеет смысл постольку, поскольку он должен обеспечить более высокую производительность труда. Капитализм сменил в свое время феодализм, а феодализм сменил рабское хозяйство. Почему? Потому, что каждый последующий хозяйственный строй был в смысле общественно-техническом выгоднее того строя, который он отстранял, и социализм только в том случае, разумеется, получит свое практическое, а не теоретическое оправдание, когда на единицу рабочей силы он даст большее количество продуктов для удовлетворения общественных потребностей. И вот это и есть главный аргумент против нас, это говорили и французские представители в Генуе, а французский хозяйственный представитель Кольра повторял это в грубой и наглой форме: «вы, мол, не учите нас социализму, ибо ваша страна приведена в полное расстройство». Мы предпочли бы за пять лет дать доказательство эмпирического характера, т.-е. показать Европе хозяйство более высокое, чем то, которое мы получили в 1917 году. Этого нет, но это уже относится целиком за счет расходов самой революции. Ни одна из революций не совершалась без понижения хозяйственного уровня страны, и один из почитаемых в III Французской республике буржуазно-консервативных историков фран-

цузской революции, Тэн, констатирует, что через восемь лет после великой французской революции французский народ был беднее, чем накануне революции. Это факт. Общество так противоречиво, что оно может достигнуть более высокой ступени развития только путем внутренней классовой борьбы. Общество так устроено, что внутренняя классовая борьба в развернутом виде гражданской войны означает понижение хозяйственного уровня, а вместе с тем, разумеется (это сейчас каждый школьник знает), именно Великая Французская Революция, и только она, создала во Франции те государственные, правовые и культурные предпосылки, на основе которых только и мог развиться там капитализм, со всем его могуществом, техникой и буржуазной культурой. Другими словами, я хочу сказать, что пятилетний период (и это мы должны сказать всем нашим критикам—и злостным и благожелательным, которые этот довод выдвигают) не представляет собой исторического масштаба, при помощи которого можно оценивать хозяйственные результаты пролетарской революции. Пока что то, что мы видим в нашей стране, это — издержки производства революции, это расходы по самой революции. И, разумеется, так как эти расходы пришлось нести из капитала унаследованного, а этот унаследованный капитал был дезорганизован и разрушен империалистической войной, то мы видим в нашей стране гораздо больше обломков капитализма, чем социалистического строительства. Мал масштаб. Вот то, что мы еще раз должны повторить на IV Конгрессе Коммун. Интернационала. Пять лет по отношению к задаче смены капитализма социализмом, задаче величайшего исторического размаха, пять лет, разумеется, не могут дать необходимого изменения, а главное, разумеется, эти пять лет были временем, когда социализм — и с этого я и начал — строился или делались попытки строить его в стране наиболее отсталой, тогда как Великая Французская Революция развернулась в стране самой передовой на европейском континенте и стоявшей выше всех остальных, кроме Англии, отделенной проливом. У нас же дело с самого начала приняло наименее благоприятный оборот.

Вот, товарищи, в грубых чертах те выводы, которые мы разовьем от имени нашей партии на IV Конгрессе, где мы должны будем спросить наших европейских и американских товарищей и вместе с тем и самих себя — как же обстоит положение с шансами развития европейской революции, ибо совершенно очевидно, что темп нашего дальнейшего строительства будет в огромной степени зависеть от развития революции в Европе и Америке.

Европейский коммунизм должен завоевать рабочий класс.

Чтобы ответить на вопрос о том, какого этапа достигло сейчас революционное движение европейского и американского пролетариата, в первую голову европейского, нужно остановиться на III Конгрессе Коминтерна, который происходил летом прошлого года. И тогда, по поручению Московской организации, мне пришлось делать доклад перед московскими товарищами и оценить III Конгресс, как новый этап, как открытие нового этапа в развитии революционного пролетарского движения, этапа, который тоже начался с известного и очень значительного отступления. И эти два отступления наши на хозяйственном поле и на политическом поле в Европе тесным образом связаны друг с другом, ибо наш военный коммунизм мог бы без отступления развернуться в полный социализм и коммунизм, при том условии, если бы пролетариат в Европе захватил власть в 1920 и 1921 году. Тогда не только прекратилось бы враждебное давление внешней стороны, но мы получили бы неиссякаемые рессурсы технической, организационной и культурной помощи. Можно сказать, что военный коммунизм, который об'ективно был навязан нам в основе своей неотразимой потребностью гражданской войны, оправдывался в то же время суб'ективно постольку, поскольку был связан с надеждами на быстрый ход революции в Западной Европе, которая подхватит нас и двинет вперед более быстрым темпом, чем мы могли развиваться на собственных наших культурных, довольно жалких основах. Революция на Западе задержалась, и в этом она себе отдавала отчет на III Конгрессе в прошлом году, месяцев 15—16 тому назад. Отдавала себе отчет также и в том, каковы дальнейшие методы ее работы. Сигналом к рассмотрению международных задач коммунизма послужили мартовские события 1921 года в Германии. Вы помните, из чего они состояли: призывы ко всеобщей стачке, жертвы со стороны рабочих, жестокий разгром коммунистической партии внутри, разногласие одних и полное предательство других. Но Коминтерн твердо сказал: мартовская политика коммунистической партии в Германии была ошибкой. Почему? Потому, что германская партия считала, что перед нею непосредственно стоит задача завоевания власти. Оказалось, что перед нею стоит задача завоевания рабочего класса, а не власти. Откуда выросла эта психология германской коммунистической партии в двадцать первом году, которая толкнула ее на мартовские действия? Она выросла из той обстановки, из тех настроений, которые сложились в Европе после войны. Вы помните девятнадцатый год, когда все здание европейского империализма потрясалось массовой,

величайшей в истории борьбой пролетариата и когда мы со дня на день ждали провозглашения советской республики в Германии, Франции, Англии, Италии? Слово «советы» стало страшно популярным, везде организовывались эти советы. Буржуазия была растеряна до последней степени. Девятнадцатый год был самым критическим годом в истории европейской буржуазии. В двадцатом году волнения (это можно теперь задним числом констатировать) в значительной степени ослабели, но были еще чрезвычайно бурными, настолько, что можно было питать надежду на быструю, через несколько недель или месяцев, ликвидацию буржуазного господства. Каковы были предпосылки для пролетарской революции? Производственные силы вполне подготовлены, классовые отношения тоже, об'ективная, социальная роль пролетариата сделала его вполне пригодным для овладения властью и руководства. Чего не хватало? Политической предпосылки, суб'ективной предпосылки, т.-е. понимания пролетариатом обстановки. Не хватало организации, возглавляющей пролетариат, которая могла бы эту обстановку использовать уже для прямой организационной технической подготовки восстания, переворота, захвата власти и т. д. Вот чего не хватало. Это с трагической ясностью обнаружилось в сентябре двадцатого года в Италии. Итальянские рабочие, как рабочие страны, пострадавшей от войны особенно жестоко, и как пролетариат молодой, который не имеет преимущества старого пролетариата, но и не имеет его отрицательных черт — консервативности, старых традиций и пр., — у этого пролетариата идеи и методы русской революции нашли наиболее мощный отклик. Но социалистическая партия Италии не давала себе отчета во всем содержании этих понятий, этих лозунгов. В сентябре двадцатого года рабочий класс Италии фактически овладел государством, обществом, фабриками, заводами и предприятиями. Не хватало чего? Не хватало немногого, — не хватало партии, которая, опираясь на восставший рабочий класс, вступила бы в открытую борьбу с тем, что осталось еще у буржуазии в виде материальных сил, разрушила бы эти силы, овладела бы властью и завершила бы таким образом победу рабочего класса. Рабочий класс уже по существу победил или почти победил, но не было организации, которая эту победу могла бы закрепить и оформить, и он оказался отброшенным назад. Партия разбилась на части, пролетариат оказался разбитым, и мы после того в течение всего 1921—1922 г.г. являемся свидетелями ужасающего политического отступления рабочего класса Италии под ударами сплотившейся буржуазной и мелко-буржуазной банды, известной под именем фашистов.

Фашизм есть реванш, возмездие буржуазии за тот страх, который она пережила в сентябрьские дни 1920 года, и вместе с тем это есть трагический урок итальянскому пролетариату, урок на тему о том, что означает политическая партия, централизованная, об'единенная, знающая, чего хочет, осторожная в выборе условий и решительно-беспощадная в использовании средств, когда пробил надлежащий час. Сравнивая события такого рода, как сентябрьские дни в Италии, с нашими, мы должны и можем снова и снова учиться ценить нашу партию, которая работает в условиях несравненно более трудных, ибо работает в условиях отсталой, мало культурной среды, с преобладанием крестьянства. Мартовские события в Германии в 1921 г. представляли собой картину, противоположную тому, что было в Италии. Немецкий рабочий класс в 1919 г. давал ряд жестоких кровавых боев, в 1920 году точно так же, и он в январские и мартовские дни 1920 г. убедился, что одного героизма, готовности погибать, умирать — недостаточно, что ему чего-то не хватает. Он начинает относиться к событиям, к фактам более выжидательно. Он ожидал в свое время от старой социал-демократии, что она обеспечит ему социалистический переворот. Она—увлекла его в войну. Нагрянула революция ноября 1918 г., когда старая соц.-демократия начала говорить на языке соц. революции, провозгласила даже, как вы помните, немецкую республику — социалистической. Пролетариат брал это всерьез, шел вперед. Сталкивался с бандами буржуазии, был разбит раз, другой и третий. Это не значит, разумеется, что его ненависть к буржуазии или готовность бороться ослабела, но у него прибавились в мозгу складки осторожности, выжидания. Он уже хочет для новых боев иметь гарантию победы. И это настроение в европейском рабочем классе стало все более крепнуть в 1920—1922 г.г., после опыта первого натиска, первых полупобед или маленьких завоеваний и крупнейших поражений. К тому моменту, к тому периоду, когда европейский рабочий класс после войны начинает ясно понимать, или по крайней мере чувствовать, что дело завоевания государственной власти есть очень сложное дело и что голыми руками буржуазию не возьмешь, к этому моменту его наиболее активная часть слагается в коммунистическую партию. Но эта компартия еще чувствует себя, как выпущенное из пушки ядро. Она появилась, и ей кажется, что когда она кликнет клич — бросится вперед, — рабочий класс рванется за нею. Оказалось не так. Оказалось, что рабочий класс, потерпевший ряд разочарований в своих примитивных революционных иллюзиях к тому времени, когда коммунистическая партия сложилась в 1920 г. (и в особенности в 1921 г.) и бросилась вперед, занял выжидательное положе-

ние. Он к этой партии не привык, он ее на деле не видал. Так как его в прошлом обманывали не раз, то у него есть все основания требовать от партии, чтобы она завоевала его доверие или, иначе сказать, у партии есть обязанность еще доказать рабочему классу, что он должен и имеет право следовать за ней в огонь, когда она его зовет. Мартовские дни 1921 г. в Германии показали нам коммунистическую партию—преданную, революционную, готовую к борьбе, которая бросается вперед, но за которой не следует рабочий класс. Последовала, может быть, ¼ часть или $^1/_5$ часть германского пролетариата. От революционного нетерпения эта часть, наиболее революционная, столкнулась с остальными $^4/_5$, и стремилась, так сказать, уже почти механически, кое-где, силою увлечь их на борьбу, о чем, разумеется, не может быть и речи. Партия рисковала разбиться о сопротивление не столько самой буржуазии, сколько $^4/_5$ или $^2/_3$ самого же рабочего класса. Но в этот момент Интернационал дал сигнал тревоги и провозгласил новый этап. В период 1919 и 1920 годов, период стихийного революционного движения, когда действительно можно было бы завоевать власть, если бы налицо была хоть небольшая коммунистическая партия в Германии, этак в сотню или в две сотни тысяч коммунистов, шансы на завоевание власти были. Но после разочарований рабочего класса, после того, как буржуазия успела опомниться, окрепнуть и восстановить государственный аппарат, а рабочий класс занял более осторожную и выжидательную позицию, уже недостаточно было появления ста или двухсот тысяч коммунистов, а нужно было, чтобы они на опыте, на практике, в борьбе завоевали доверие рабочего класса на новых условиях. И вот это провозгласил III Конгресс. У нас были по этому поводу горячие стычки с немецкими товарищами, здесь в Москве. Потом, на своем конгрессе после международного, они, фактически переходя на новые рельсы, этак немножко критиковали нас, доказывая, что если и начинается новый этап, то не совсем так, как этого хотели бы русские товарищи, которые слишком загибают вправо, и т. д. и т. д. По существу, когда мы себя спросим—с чего начался этот новый этап? с мартовских событий в Германии? — нет, он начался с критики мартовских событий. Мартовские события были завершением первой эпохи хаотического натиска, который не дал победы, потому что не было коммунистической партии в Европе. И мартовское движение и мартовская политика были уже выкидышем этой эпохи. И вот с критики мартовской политики коммунистической партии и начинается новая эпоха в развитии Коминтерна; эпоха, которая на первый взгляд заключает в себе много, так сказать, прозаического: агитацию, про-

паганду, организацию, завоевание доверия рабочих в повседневной борьбе. Некоторые товарищи говорили нам: а где же гарантия, что эта организационно-агитационно-воспитательная работа не выродится в тот же реформизм, по пути которого пошел II Интернационал? Гарантий, данных нам извне, нет. Гарантии являются в нашей работе, в критике, в самокритике и контроле. Но есть об'ективные гарантии — более серьезные. Они заключаются в положении самого капитализма и в наличности одной страны с рабочим правительством.

Положение международного капитализма.

Положение самого капитализма, это тоже вопрос, о котором мы подробно говорили на Третьем Конгрессе и будем, вероятно, говорить и на Четвертом, при обсуждении вопросов тактики. Вопрос сводится к тому, распадается ли европейский и мировой капитализм или же он обнаружил свою жизнеспособность? Восстанавливает ли он свое равновесие? Вопрос вообще очень большой, и я его коснусь только в самых общих чертах, безусловно необходимых для понимания судеб революционного движения в Европе и во всём мире. В 1920 году мировое хозяйство переживало ужасающий кризис, кризис, которого не знала история капитализма. Кризис этот начался весной 1920 года в Японии и Америке, потом перебросился сразу в Европу, к середине 1920 года овладел всей Европой, к первой половине 1921 года достиг невероятной глубины и остроты. Третий Конгресс собрался именно в момент, когда кризис охватил весь мир, когда в Америке было 5 — 6 миллионов безработных, в Англии около 2 миллионов и т. д. Промышленность, обороты пали по сравнению с 1913 годом на разное, но огромное в общем число % в разных странах. И вот у многих товарищей было такое представление. Вот кризис капитализма в результате войны. И это есть последний фатальный кризис, который будет разлагать хозяйство все больше и больше, и в результате этого кризиса и вырастает пролетарская революция, гражданская война и завоевание власти. Отсюда, из такой психологии, и выросла тактика мартовских дней в Германии. Рассматривали этот кризис 1920 года, как последний, решающий фатальный кризис капитализма. По этому вопросу у нас была идейная борьба не только с европейскими товарищами, но немного и в наших собственных рядах. Когда я заикнулся насчет того, что этот кризис, как и всякий кризис, должен будет сменяться оживлением, то я помню, как некоторое количество товарищей, и в первую голову Н. И. Бухарин и товарищ Сокольников,

чрезвычайно ополчились на меня. А сейчас, товарищи, Коминтерн издает в качестве официального документа для IV Конгресса экономический доклад товарища Варги, который весь построен на том, что перелом кон'юнктуры произошел во второй половине 1921 г., а кончился в первой половине 1922 года. Да и как же иначе? Те товарищи, которые отрицали неизбежность экономического оживления, исходили из чисто экономического воззрения на распад капитализма. Тут я должен напомнить в самых общих чертах две-три теоретических истины, необходимые нам для понимания создавшейся обстановки.

Производительные силы капитализма развиваются, так сказать, от его младенческих дней и до мировой войны. Линии развития являются расходящимися под известным углом, производительные силы растут, поднимаются все выше и выше, и мы учили у Маркса, в его «Капитале» [326]) (факт этот был известен и домарксовым буржуазным экономистам, но Марксом был об'яснен), что развитие капитализма совершается не прямолинейно и не равномерно, а в колебаниях, кризисах и оживлениях со всеми переходными ступенями. Каждые 8—9—10 лет капитализм мировой, и национальный вместе с ним, проходят чрез стадии под'ема, заминки, депрессий, кризиса, приостановки кризиса, оживления, под'ема и т. д. Таким образом эта линия восхождения капитализма и его производительных сил представляет собою не прямую линию, а волнистую, и такая волна охватывает, примерно, 9 лет, в среднем за последние 150 лет. Что это значит? Раньше под'ем, затем кризис. Мы говорим, что кризис уничтожает избыточные производительные силы, а под'ем возрождает производительные силы, увеличивает. А результат какой? А результат, скажем, за сто пятьдесят лет капитализма такой, что все страны стали богаче. Что это значит? Это значит, что в общем под'ем производительных сил больше кризиса, т.-е. что под'емы в сумме дали тот избыток, который кризисами не был разрушен. Иначе капитализм не развивался бы. Но одинаковый ли под'ем следует за кризисом в каждое данное время? Нет. Кривая развития капитализма представляет не однообразно восходящую линию, а восходит таким образом: сперва она почти горизонтальна — производительные силы почти не растут, скажем, лет 50, если возьмем время до 1849 года. Потом, с 1849 года, она начинает быстро расти вверх, до начала семидесятых годов. С 1873 года до 1895—1896 годов — задержка — производительные силы развиваются очень медленно.

Затем, с 1896 до 1913 года, линия идет бешено вверх, почти до самой последней войны. Мало того, линия эта все время колеблется, как струна, — это волны десятилетий. Когда капитализм развивается

на одном уровне, т.-е. остается почти неизменным, это значит, что под'ем приблизительно уравновешивается кризисами. Когда капитализм развивается бурно вверх, производительные силы растут, нация богатеет,—это значит, что под'емы чрезвычайно перевешивают кризисы, под'емы бывают более длительными, кризисы — более переходящими, временными заминками. В эпоху упадка капитализма производительные силы разлагаются, как это в общем и целом произошло в эпоху, которая началась после войны и тянется до сегодняшнего дня и будет тянуться еще долгое время.

Это значит, что в эпоху упадка кризисы работают более жестоко, чем под'емы, кризисы перевешивают под'емы. Может ли капитализм развиваться без циклических колебаний, без перехода от под'ема к кризису? Нет. Так же, как человеческий организм (я повторял это десятки раз) дышит, пока не умирает, так и капитализм,—находится ли он в детском возрасте, в зрелом или умирает,—его сердцебиение продолжается, но это сердцебиение не одинаково. Если человек умирает, то сердце бьется у него совершенно иначе, чем у здорового, и по этому можно определить, как по пульсу, его состояние. Так же можно определить, поднимается ли капитализм, держится ли на одном уровне или распадается. В 1920 г. или еще раньше, в 1913 году, наступил несомненный перелом. Я уже сказал, что в течение 17—18 лет, от 1896 до 1913 года, капитализм дал невероятный скачек вверх, и он уперся в борьбу капиталистических стран на мировом рынке, ему стало тесно в националистических государствах, и отсюда выросла империалистическая война 1914 г. Правительства, дипломатия, буржуазия, военные сферы стали тем более нервными и ускорили конфликт кровавым событием в 1914 г., потому что с 1913 г. была заминка на мировом рынке. Эта заминка означала глубокий перелом, и если бы не было войны, то в 1914 г. все равно был бы капиталистический застой, развитие капитализма спускалось бы вниз, продолжая колебаться. Империалистическая война явилась результатом бешеного развития капиталистических сил в течение знаменательных в истории капитализма семнадцати лет. Война создавала искусственный рынок и как бы смела кризис. Она подготовила фундамент для использования предметов истребления, открыла способ разорения всех наций. После войны, в 1919 г., в самый опасный период, буржуазия продолжала политику войны. Она выпускала, не считая, бумажные деньги, продолжала систему государственных долгов. Она прибавляла к заработной плате рабочего то дешевые квартиры, то различные льготы, она согласилась на 8-часовой рабочий день. Все это вытекало не из положения капитализма, а из политического положения буржуазии, как класса. Эта

хозяйственная стратегия буржуазии в 1919 г. спасла ее, ибо подкупила рабочую аристократию и расколола пролетариат на рабочую демократию и аристократию. Она затянула искусственно под'ем на 1919 г., разрушила свои государственные финансы и основы хозяйства, но парализовала революцию. Однако законы хозяйственного развития, которые могли только временно задержаться, сказались и в 1920 г. Начался кризис, принявший чудовищные формы, с миллионами безработных в Европе и Америке. Некоторым товарищам казалось, что этот кризис, начавшийся в 1920 г., и есть последний кризис капитализма, и что на основе этого кризиса рабочий класс путем восстания должен притти к власти. Из этого вытекали и мартовские события в Германии. Против этого взгляда мы боролись. Было известно, что после этого кризиса придет оживление, и была величайшая опасность в том, что коммунисты, столкнувшись лбом с этим оживлением, могли бы сказать, что почва для революции исчерпана, потому что оживление начинается, капитализм восстанавливает свое равновесие. Против такого механического воззрения мы боролись, и я надеюсь, что нам больше не придется бороться на IV Конгрессе. Если нам скажут: «А где же гарантии (опять возвращаются к требованию представить гарантии),—где гарантии, что капитализм не восстановит своего равновесия путем колебаний?», то я скажу: «Гарантий нет, и они не могут быть». Если мы вычеркнем революционную природу рабочего класса, его борьбу, работу коммунистической партии, профессиональных союзов, т.-е. то, во имя чего мы существуем и действуем, а возьмем об'ективную механику капитализма, то мы скажем: разумеется, без вмешательства рабочего класса, без его борьбы, сопротивления, самообороны, наступлений — капитализм свое равновесие восстановит, не старое, а новое равновесие, господство англо-саксонского мира, когда все хозяйство перейдет к этим странам и установится временный союз между С. Штатами Америки и Великобританией, а через некоторое время это равновесие опять нарушится. Автоматические силы капитализма, вытекающие из его природы, работают в этом направлении там, где имеются избыточные силы. Возьмите арену средней Европы — Чехо-Словакию, — она сохранила свою промышленность почти неразрушенной. В старой Австро-Венгрии эта промышленность работала на 60 милл. душ, теперь она работает на Чехо-Словакию — на 8 милл. чехо-словаков и 3 милл. немцев. Во всяком случае эта оборудованная промышленность осталась на небольшое количество людей — на дюжину миллионов, и эта главная часть промышленности Австро-Венгрии осталась почти неприкосновенной. И вот Чехо-Словакия, именно потому, что она сохранила старое оборудование про-

мышленности, не выходит из состояния кризиса. Это значит, что происходит разрушение избыточных производственных сил. Когда кризис в Чехо-Словакии прекратится? Когда она подравняет свою промышленность по рынку, по покупателю, если не будет рынка в соседних странах.

Стало быть, восстановление равновесия не всегда есть рост, а иногда и упадок, и тем или другим способом восстанавливается равновесие, нарушенное стихийным ростом силы капитализма и дополнительно нарушенное военными событиями и событиями политического характера, так что через 10—15 лет какое-то новое политическое равновесие создастся на костях сотен тысяч и миллионов рабочих и работниц при том условии, если эти рабочие и работницы будут терпеливо сносить стихийную работу капитализма. Другими словами, для того, чтобы чехо-словацкий капитал завоевал внешний рынок, ему нужно платить рабочим как можно меньше, а если рабочие это потерпят, то чехо-словацкий капитал в тех или иных границах свое равновесие восстановит; если же рабочие будут сопротивляться, то тем самым будут нарушать работу капитализма по восстановлению равновесия хозяйства. Другими словами, тут есть действие и противодействие, диалектика исторических сил, а результат определится соотношением этих борющихся исторических сил.

И вот наша точка зрения была та, что нам не нужно бояться экономического оживления, пугаться его как конца революционной эпохи. Мы говорили, что если мы не успеем сделать революцию до нового экономического оживления, — не до какого-нибудь расцвета капитализма, об этом, конечно, не может быть и речи,—но до нового колебания кон'юнктуры в рамках этого малого 10-летнего цикла, если мы не успеем совершить в Европе пролетарскую революцию, то промышленное оживление будет не ударом назад, а толчком вперед. Почему? Мы доказывали, что после первых поражений, которые рабочий класс пережил (и самая война есть величайшее поражение), а потом в 1918—1920—1921 годах при огромном резерве армии безработных — у него неизбежно должны наступить в настроении апатия, усталость, и, наоборот, экономическое оживление, даже небольшое, такое, что когда фабриканты к 1.000 рабочим должны взять одного из резервной армии, уже дает себя чувствовать, так как та тысяча, которая до этого была на фабрике, чувствует себя тверже и уже начинает напирать. Маленькое изменение кон'юнктуры изменяет обстановку. Разумеется, это не делается так механически. В Европе мы наблюдаем на первых порах явление как бы противоположное, но оно целиком укладывается в эти исторические рамки.

В самом деле, в Европе мы сейчас наблюдаем все продолжающийся натиск капитала. В Америке он уже слабеет и даже сменяется уступками. В европейской промышленности оживление имеет очень слабый характер. В Англии, Франции, Италии его почти незаметно или вовсе незаметно. Германия же переживает, благодаря особенностям своего хозяйства и международного положения—явление рынка со знаком минус. Когда во всем мире господствовал буржуазный кризис—в Германии наблюдалось лихорадочное оживление, которое означало только другую форму разорения страны. Германия распродавалась по дешевой цене. Германия вынуждалась выбрасывать свои товары на иностранный рынок с убытком для национального достояния, хотя и с прибылью для верхушек капитализма. Этот вопрос может быть хозяйственно-экономически легко об'ясним. Я останавливаться на нем не буду. Теперь, наоборот, когда оживление охватывает другие страны: Японию, Англию, Францию, Германия стоит перед опасностью возрастания безработицы по причинам, которые могут быть прекрасно об'яснены. В 1919, 1920, 1921 годах, но особенно в 1920, когда кризис имел ужасающий характер и опасность со стороны пролетарской революции была еще очень велика, буржуазия остерегалась наступать на рабочих по политическим мотивам, а по хозяйственным мотивам положение было такое отчаянное, что уменьшение заработной платы на 10—15—20% мало изменяло по существу состояние рынка. Когда же стала наблюдаться бо́льшая устойчивость и появились первые симптомы перелома кон'юнктуры, когда кризис уже перестал развиваться, буржуазия стала сразу переходить в наступление. Для конкуренции на мировом рынке вопрос о 5—20% играет огромную роль. Тем самым она толкала рабочих к отпору. И вот первое действие некоторого слабого улучшения экономической кон'юнктуры выразилось в наступлении, в усугублении натиска капитала на рабочих, но вместе с тем возрастал и отпор рабочих, так как происходило обострение, расширение, углубление классовой борьбы. В Америке капитал забегает вперед по пути уступок, и этим он нам предуказывает путь дальнейшего развития движения, т.-е. не оборона рабочих, а наступление на основах этой изменившейся кон'юнктуры. Но, товарищи, в каких же отношениях эта изменившаяся обстановка стоит с революцией? Значит ли это, что пролетариат завладеет государственной властью на основе этой улучшившейся кон'юнктуры? Предсказать это—было бы совершенно неправильно.

Это возможно, но это ничем не обеспечено, кроме соотношения сил, которые изменятся, потому что эти живые силы находятся в борьбе, растут, группируются, перегруппировываются, вливаются

и т. д. Вполне возможно, что промышленное оживление задержится на 1—2 года,—очень жалкое оживление, которое не отвечает общему упадку хозяйства, которое происходит при отсутствии равновесия, при хаосе валюты, высоких таможенных и тарифных ставках, которые окружают все государства, даже Соед. Штаты. при дипломатической неустойчивости милитаризма,—всему этому отвечает, конечно, упадочное состояние капитала,—и отсюда жалкий характер оживления. Но жалкое оживление отличается от глубочайшего кризиса и влияет на организацию и борьбу рабочего класса. Толчек этим оживлением уже дан. Это толчек массового движения— и особенно это видно во Франции. Мы здесь имели почти полный застой, а сейчас одна стачка за другой начинают принимать упорный характер.

Предстоящая тактика компартий.

Приведет ли этот толчек к захвату власти — мы не знаем. Это будет зависеть от бесчисленного количества причин и в первую голову, разумеется, поскольку вопрос стоит политически, будет зависеть от тактики, будущей политической тактики. Вот к этой будущей политической тактике, опять-таки в самых кратких чертах, нам сейчас и нужно перейти. На III Конгрессе в центре внимания стояла германская партия с ее мартовской политикой, которая заставила Интернационал пересмотреть все обстоятельства и дать новые лозунги, установить новые вехи и заявить, что задача европейских коммунистов состоит не в том, чтобы сегодня или завтра завоевать власть, а чтобы завоевать большинство рабочего класса и тем создать политическую предпосылку для завоевания власти. Германская партия этот урок усвоила очень хорошо. Отсюда выросла тактика единого фронта. Что значит — «отсюда выросла»? Очень просто. Если считать, что партия находится накануне завоевания власти и что рабочий класс за нею пойдет, тогда вопроса о единстве фронта не существует. Но если дело обстоит так, что коммунистическая партия призывает к всеобщей стачке, как было в марте 1921 г. в Германии, и за нею следует одна пятая или одна шестая всего рабочего класса, а остальные четыре пятых остаются пассивными, а частью глубоко враждебными, и если мы убеждаемся, что до завоевания власти должен пройти известный период, может быть, несколько лет... (я помню, когда на III С'езде т. Ленин сказал: «товарищи, конечно, наше положение плохо, но если вам понадобится год или два, мы подождем», и тогда казалось немецким товарищам и некоторой части итальянских товарищей, что это

почти что предательство пролетарской революции. Между тем, с того времени прошло почти 2 года, и нам придется дать еще один мораториум, еще 2 года, во всяком случае до ближайшего конгресса), если дело ставится так, что подготовительные работы к завоеванию власти должны отнять года 2—3, то надо подумать о том, как через этот период пройдет рабочий класс, у которого есть свои очередные задачи: борьба против наступающего капитала, натиск реакции и пр. А рабочий класс расколот. Конечно, было бы прекрасно, если бы он пошел сразу за коммунистами, но этого нет и в текущей борьбе наблюдается раскол рабочих организаций, и старые организации вину за этот раскол возлагают на коммунистов. Отсюда раскол коммунистической партии, и коммунисты говорят, что мы готовы к завоеванию власти, но поскольку вы независимые, беспартийные, поскольку вы ставите себе те или другие задачи, мы готовы с вами выступить единым фронтом борьбы против буржуазии. В Германии эта тактика была принята после мартовских событий коммунистической партией целиком и применялась с успехом. Но историческая диалектика иной раз поворачивает наши лозунги против нас самих. Несомненно, что лозунг «единый фронт», брошенный Коминтерном в Германии, приобрел величайшую популярность у германских рабочих. К чему он привел? Он сразу привел к об'единению шейдемановцев с независимцами против нас, и вы наблюдаете в Германии картину, когда об'единенные социал-демократы поддерживали правительство против бешеного натиска коммунистов, которые превращаются в почти нелегальную партию. Происходят уличные столкновения, нападения, где монархическая контр-революция действует единым фронтом против коммунистического меньшинства пролетариата. И некоторые французские коммунисты, как Даниэль Рену, в этом видят довод против единого фронта, указывая, будто мы помогли об'единиться шейдемановцам и независимым. Не нужно себя обманывать,—на первых порах об'единение означает для с.-д. приток материальных сил,—но если взять это об'единение с точки зрения более длительного периода, то это для нас колоссальный политический выигрыш, ибо промежуточное образование, в виде независимой партии и двухсполовинного Интернационала, которое служило буфером между рабочими коммунистами и социал-демократами, спутало отношения и направило мысль некоторой части рабочих по псевдо-оппозиционному руслу. Когда, с одной стороны, мы имеем только демократию, связанную с буржуазным государством а с другой стороны, в оппозиции остаются только коммунисты, то притягательная сила коммунистической партии должна чрезвычайно возрасти, и мы, не-

сомненно, будем в ближайший период, после того, как рабочий класс будет хотя бы вчерне учтен посредством об'единения социал-демократов и независимцев, мы будем свидетелями роста идейного влияния германской коммунистической партии. Во Франции мы политически, несомненно, отстали от Германии. Я говорю о самой коммунистической партии. Это выразилось в том, что французская коммунистическая партия, передовая часть рабочего класса, почти на-днях, в прошлом месяце, повторила, хотя и в меньшем масштабе, мартовские ошибки германской компартии.

Вообще, товарищи, Интернационал прекрасная вещь. И обучение одной партии другой партией тоже вещь незаменимая, но в общем надо сказать, что каждый рабочий класс имеет тенденцию на своем собственном горбу проделать все ошибки. Интернационал может только оказать содействие в том смысле, чтобы на этом самом горбу осталось несколько меньше рубцов, но без рубцов дело обойтись не может. Это мы наблюдали почти на-днях во Франции. В портовом гор. Гавре происходила стачка местного значения в 15 тысяч рабочих, но она привлекла внимание рабочего класса всей страны своим упорством, выдержкой и дисциплиной. Эта стачка вызвала довольно крупные сборы в пользу стачечников через центральный орган нашей партии «L'Humanité», агитационные поездки и проч. Французское правительство через своего префекта довело стачку (очень может быть, что при некотором содействии анархических элементов французского рабочего класса, которые сплошь и рядом оказывают, не желая того, содействие реакции), до кровавого конфликта, в котором было убито 3 рабочих,—факт, который, конечно, должен был произвести большое впечатление на французский рабочий класс. Вы помните, что мартовские события в 1921 году в Германии тоже начались с того, что в центральной Германии полицеймейстер, соц.-демократ, послал военно-полицейские банды для разгрома стачечников. Этот факт лег в основу призыва нашей партии ко всеобщей стачке. Здесь мы наблюдаем аналогичный ход событий: упорная стачка, заинтересовывающая весь рабочий класс. кровавые столкновения, трое убитых. И вот, если, скажем, убийство произошло в пятницу, то в субботу уже собирается Конференция Труда так называемых унитарных, т.-е. революционных профсоюзов, которая находится в тесных отношениях с коммунистической партией, и постановляет назавтра призвать рабочий класс к всеобщей забастовке. Но никакой всеобщей стачки не вышло. Если в Германии в марте во всеобщей стачке (так называемой) участвовала $1/4$, $1/5$ или $1/6$ часть рабочего класса, то во Франции, во всеобщей стачке участвовала еще более мелкая дробь французского

пролетариата. Если по французской печати просмотреть, как это дело было сделано, то, товарищи, приходится десять раз почесать в затылке, констатируя, как молоды и неопытны коммунистические партии Западной Европы. Французских коммунистов Коминтерн обвинял в пассивности. Это верно. И германскую коммунистическую партию обвиняли до марта в пассивности, требовали активности, инициативы, агитационного наступления, вмешательства в повседневную борьбу рабочего класса. Она же попыталась в марте свою вчерашнюю пассивность возместить героическим актом всеобщей стачки и почти что восстанием. В меньшем масштабе это на-днях повторилось во Франции. Чтобы выйти из пассивности, они провозгласили всеобщую стачку рабочему классу, который в обстановке начинающегося оживления и улучшения кон'юнктуры только что выходит из пассивности. Чем они мотивировали это? Тем, что в Центральном Комитете партии или в Конфедерации Труда весть об убийстве трех рабочих произвела потрясающее впечатление. Как не произвести? Конечно, произвела! И вот бросается лозунг: всеобшая стачка. Если бы коммунистическая партия была так сильна, что ей достаточно бы бросить лозунг о всеобщей стачке, то это было бы прекрасное дело. Но всеобщая стачка есть основная действенная часть самой пролетарской революции. Из всеобщей стачки вырастают столкновения с войсками, встает вопрос, кто хозяин в стране, кто владеет армией—буржуазия или пролетариат. Можно говорить о демонстративной всеобщей стачке, но это вопрос очень большой важности. Когда по телефону получаешь сведения, что в Гавре убили троих рабочих, и знаешь, что во Франции нет революции, а есть застойное положение; что рабочий класс только понемножку выбивается из состояния пассивности, порожденной событиями войны и после войны,—в такой обстановке бросить лозунг всеобшей стачки—это значит совершить величайшую и грубейшую ошибку, которая может только подорвать надолго, на месяцы доверие рабочих масс к той партии, которая так поступает. Правда, здесь виновата непосредственно не партия, лозунг был брошен так называемыми унитарными, т.-е. революционными, профсоюзами. На самом деле, что должна была сделать партия, что должны были сделать профсоюзы? Они должны были мобилизовать всех пригодных для этого партийных и профессиональных работников, двинуть их по всей стране, чтобы рассказать об этом факте, первым делом надо рассказать как следует быть. Есть у нас газета «L'Humanité», центральный орган. Имеет около 200 тысяч тиража,—большой тираж. Но во Франции как ни как 40 миллионов населения. В провинции распространенных ежедневных газет почти что

нет. Стало быть задача была—рассказать рабочим, агитационно рассказать, захватить этим рассказом. Второе—надо было обратиться к социалистической партии, к партии Лонгэ, Реноделя, с вопросом,—более благодарного повода быть не может:—в Гавре убили троих рабочих стачечников; мы полагаем, что этого нельзя оставить безнаказанным. Мы готовы итти на самые решительные средства. Мы спрашиваем вас, чтó вы предлагаете. Уже самая постановка вопроса привлекла бы большее внимание. Надо было бы обратиться к реформистским профсоюзам Жуо, которые еще ближе стоят к стачечникам. Жуо изображал сочувствие этой стачке и помогал ей средствами. Ему надо было поставить вопрос: «Вы, реформистские профсоюзы, что вы предлагаете? Мы, коммунистическая партия, предлагаем на завтра не всеобщую стачку, а совещание коммунистической партии унитарных революционных профсоюзов, реформистских профсоюзов, для обсуждения того, как надо ответить на это выступление капитала». Надо было захватить за душу самые широкие рабочие массы, которые не слушали нас до вчерашнего дня и шли с Жуо, Реноделем и т. д. Надо было раскачивать рабочие массы. Может быть, из этого вышла бы всеобщая стачка, я не знаю, демонстративная или нет. Во всяком случае, мало было провозгласить, прокричать, что я возмущен, услышав по телефону, что убили трех рабочих, а нужно было захватить за душу рабочие массы. После такой работы, может быть, не весь рабочий класс вышел бы на демонстративную стачку, но мы, конечно, захватили бы очень значительную его часть, а вместо этого ошибка, и повторяю,—в уменьшенном размере, в комнатном масштабе—мартовских событий. Только тут не было того натиска, размаха, новых кровавых столкновений, а просто была неудача, фиаско всеобщей стачки, и тем самым—минус в партийном билете коммунистической партии, не плюс, а минус. Это совершенно очевидно связано, товарищи, в значительной мере с тем, что наша французская коммунистическая партия отстала вообще в своем внутреннем существе. Она на Конгрессе в Туре в 1920 году присоединилась к Коминтерну, но наследие старой социалистической партии, длительная парламентарная культура, французские республиканские условия, традиция Великой Французской Революции,—всего этого не стряхнешь. Я не буду, товарищи, излагать тех сложных взаимоотношений, которые были за это время между Коминтерном и французской коммунистической партией, и которые имели своей задачей — уменьшить число рубцов на спине передовой части французских рабочих. В результате этих сношений, воздействий, вызова сюда и опыта там на месте—во французской коммунистической партии сложилось

нять группировок. Эти группировки сейчас заседают в Париже на происходящем сейчас Конгрессе французской коммунистической партии. Результатов мы еще не знаем, но для того, чтобы охарактеризовать существо, которого мы хотели бы добиться, нужно сказать несколько слов о самих группировках. Левая группировка—это те элементы, которые во время войны стояли на революционной точке зрения и которые сыграли крупную роль в присоединении французской партии к Коминтерну. Затем центр, который охватывает, пожалуй, большинство рабочих, потому что они не получили еще полного коммунистического воспитания и вошли в Коминтерн вместе со своими старыми вождями—местными и центральными. Затем есть правое крыло—это прямые враги Коминтерна. Их руководитель—Верфейль, исключенный из партии Сенской федерацией и Коминтерном.

Есть еще крайнее левое крыло, которое представляет собою смесь анархических предрассудков с реформистскими предрассудками у двух-трех членов, а в части рабочих есть простое революционное нетерпение. Это прекрасные элементы, которые нуждаются в воспитании. Задача состоит в том, чтобы заставить центр порвать с правой, об'единиться с левыми на основании программ и тактики революционного коммунизма и создать центральный комитет, способный и готовый в этом духе управлять партией, при чем обеспечить в этом центральном комитете большинство рабочих, связанных с массовым профессиональным движением—то, чего во Франции не было никогда. Там область профдвижения—это одно, область высокой политики—другое и, когда Коминтерн потребовал, чтобы эти две области были тесно соединены, то коммунист Эрнест Лафон [327]), адвокат и депутат, член партии, заявил: «Это требование нелепое. Мы, адвокаты, что мы можем сказать рабочим в области профдвижения?». Но если вы, адвокаты, ничего не можете сказать рабочим в области профдвижения, то надо сказать, что вы вообще ошиблись адресом. Для адвокатуры есть другие учреждения вне Коминтерна. Если вы здесь, значит вы решаете вопросы рабочего движения, а рабочее движение без профсоюзов не есть рабочее движение. Нам это кажется столь азбучным, что совестно это повторять на рабочем собрании, тем более на партийном. Там же приходится бороться с предрассудками, оставшимися от старой демократической культуры. На IV Конгрессе мы будем иметь французскую партию в виде еще борющихся партий, приблизительно то же, что мы имели на III Конгрессе в лице германской коммунистической партии. Тогда, в прошлом году, Коминтерн сыграл крупную роль, поскольку ускорил восстано-

вление единства партии и тем оказал величайшую услугу ее дееспособности. Я полагаю, что с запозданием примерно на пять четвертей французская коммунистическая партия предлагает то, что проделала в марте германская коммунистическая партия.

В Италии дело стоит еще острее. После сентябрьских событий 1920 года от старой социалистической партии откололось коммунистическое крыло, приблизительно одна третья часть старой социалистической партии, а старая социалистическая партия в составе тогдашнего центра и правого крыла продолжала существование. Под натиском буржуазии, которая передала исполнительную власть в руки фашистских банд, реформисты переходили все более и более направо и стремились войти в правительство, исполнительным органом которого были и остаются фашистские банды. Это привело к расколу социалистической партии между правым крылом и между так называемой группой Серрати, при чем партия Серрати заявила на своем Конгрессе о присоединении к Коминтерну. Мы будем иметь на Конгрессе две партии: нашу итальянскую коммунистическую партию и партию Серрати, — который, проделавши большой круг,—хочет ныне войти в Коммунистический Интернационал. Большинство этой партии, несомненно, стремится в него для подлинной революционной работы. Тут есть некоторое сходство с французской обстановкой. Во Франции имеется в виду об'единить левое крыло и центр, но там левое крыло и центр входят формально в одну партию. Это только две тенденции, чтобы не сказать, две фракции, в Италии же это две разных партии. Сочетать их будет делом, разумеется, не простым, ибо задача будет в том, чтобы сочетать рабочие массы обеих этих партий, обеспечив в то же время твердое революционное коммунистическое руководство. Значит, и во Франции и в Италии задача в огромной степени имеет сейчас внутри-партийный, организационный, подготовительно-воспитательный характер, тогда как германская партия может и должна сейчас перейти и переходит в агитационное контр-наступление, пользуясь тем, что независимые и социал-демократы об'единились и что коммунистическая партия является единственной партийной оппозицией.

Положение в Англии и Франции.

Еще несколько слов об Англии. Там наша коммунистическая партия является все еще успешно действующим агитационно-пропагандистским обществом, а не партией, которая непосредственно могла бы вести за собой массы.

Но в Англии обстановка слагается или складывается в благоприятную для нас сторону за пределами самой коммунистической партии—в рабочем классе в целом. Сегодня получена телеграмма о том, что правительство Ллойд-Джорджа вышло в отставку.

Это было единственное правительство старше нашего. (Смех.) Считалось, что мы являемся наименее устойчивым из всех правительств. Это любезный подарок Ллойд-Джорджа к нашему юбилею, чтобы нас не огорчать. (Смех.) Это, очевидно, означает новые выборы в Англии. Новые выборы означают борьбу трех основных группировок: это консерваторы, унионисты, независимые либералы и... куда повернет Ллойд-Джордж, это вопрос второстепенный, он может пойти и с консерваторами и с независимыми либералами, придерживая за правую руку Рабочую партию. Это вопрос его личной карьеры. По существу это будет борьба между тремя группировками, при чем не исключены шансы, что у власти окажется коалиция Рабочей партии и независимых либералов. Что это означает,—не требует пояснения. Появление рабочего класса у власти возлагает всю ответственность на Рабочую партию за действия правительства и создает эпоху английской керенщины в эпоху парламентаризма и небывало благоприятную обстановку для нашей коммунистической партии, для политической работы. Если бы победили консерваторы (я затрудняюсь взвешивать шансы, но предположим этот вариант), то это означало бы только ухудшение внутреннего положения в стране, обострило бы оппозицию со стороны Рабочей партии и тем самым создало бы короткий срок для новых выборов, потому что выборы могут произойти и через месяц и через несколько месяцев, что было в Англии не раз. Другими словами, устойчивость во внутреннем политическом положении, которая увеличивалась коалицией во главе с Ллойд-Джорджем, с уходом Ллойд-Джорджа сдана в архив, и в Англии происходят шатания и колебания, которые являются только выгодными для нас. Во Франции политика национального блока во главе с Пуанкаре похожа на политику Ллойд-Джорджа и ничем от нее не отличается, хотя сегодня один английский корреспондент говорил мне, что в Англии считают, что политика Ллойд-Джорджа от политики Пуанкаре отличается, как небо от земли, и что в то время как Ллойд-Джордж в России пользуется большою популярностью, Пуанкаре пользуется большою ненавистью. На это я ему ответил, что Ллойд-Джордж по праву оспаривает ненависть у Пуанкаре со стороны наших рабочих масс. Этим он до последней степени был изумлен и обещал об этом открытии сообщить в английской печати. (Смех.) Во Франции блок, котрый возглавляет

Пуанкаре, имеет до своей формальной смерти два года и нет сомнения, что во Франции к власти придет левый блок, лидер которого—Эррио[328], приезжал к нам в Москву. Он будет министром-президентом. Другого кандидата нет, кроме Кайо, который выслан из Франции при Клемансо, как изменник, потому что он хотел прекращения войны. Его нужно еще прежде амнистировать, а это может сделать только новый парламент, и тогда он может благодаря влиянию оказаться во главе правительства. Но ближайшим кандидатом является в настоящее время Эррио, который подготовляет обстановку и условия для новой политики, для французской керенщины, ибо приход к власти левого блока означает власть радикалов и социалистов, которые, несомненно, в блок войдут. Опять для коммунистической партии обстановка архиблагоприятная, потому что теперь против национального блока борются и социалисты, и радикалы, и Жуо, а тогда только одна партия будет бороться против нового блока. Если будет левый блок, потому что старая масса национального блока износилась, то коммунистическая партия явится единственной оппозиционной партией, поэтому такая смена для нас является в высокой степени выгодной. В двух главных странах Европы—Англии и Франции—сейчас происходит перемена режима; в Англии происходит, а во Франции подготовляется ликвидация режима, который вырос из войны и из победы, которую одержали эти страны, и внутренняя раскачка, величайшее расшатывание устойчивости государств, восстановленных или полувосстановленных после войны, происходит сейчас и открывает более широкие перспективы для коммунистической партии. Но, товарищи, это все положительные факты, которые мы учитываем, но из всего, что я говорил, вытекает, что мы стоим в Европе еще в периоде подготовки организации внутреннего пересмотра коммунистических партий, их закала и борьбы за влияние на рабочую массу. Это значит, что мы, Советская Республика, должны будем дать коммунистическим партиям Европы еще годик, два или 3 года для подготовительной работы к завоеванию власти, а эта подготовительная работа более трудна, чем у нас, потому что там враг более умелый и разумный, и мы наблюдаем во всех европейских странах создание контр-революционных банд фашизма, того, чего у нас не было. Фашизм—это второе, неофициальное правительство, которому официальное уступает честь и место. Это неофициальное правительство не связано никакими фиктивными нормами демократии, оно громит, истребляет. Фашизм перестал быть явлением чисто итальянским. Фашизм распространяется во всех странах. В Германии это организация Оргеш и банды, которые только ме-

няют вывеску. Во Франции фашизм имет вывеску роялизма. Вы знаете, что во Франции есть партия роялистов, во главе которой стоит Леон Додэ, сын писателя Альфонса Додэ [328]). Леон Додэ—это злобный гороховый шут. Чего он хочет? Он хочет восстановления божьей милостью одного из Капетов [329]). Программа для Французской Республики архаическая, но дело в том, что так как он роялист, то он борется против Республики и может не уважать нормы Республики, нормы демократии. Он создает банды, которые находятся у него в распоряжении для погрома, и буржуазия говорит: «это мой человек».

Партия Додэ отличается от других партий тем, что она не связывает себя даже с внешними предрассудками или фикциями бюрократии. Додэ знает, как он готовит поджоги, истребления, кровопускания и проч. На моей памяти, французская пресса с начала войны, раз 5, а то и 10 поднимала вопрос о слухах, которые ходят о назначении Леона Додэ—этого злобного горохового шута, этого французского Пуришкевича [330]),—о назначении его министром внутренних дел. И это вовсе не шутка. Это преждевременно сейчас, но это та фигура, вокруг которой сплачиваются соответствующие элементы, подбираются элементы, которые будут играть для республики заглавную роль по ту сторону баррикады. И так во всех странах. Я не говорю уже об Англии, об английском парламенте, французском парламенте — одни церкви в Англии чего стоят! Не даром Ллойд-Джордж говорит, что церковь это—центральная электрическая станция для всех партий, которая держит в руках всех вождей рабочего класса, а тут—вспомогательные банды для непосредственно боевых ударных целей. Это дает в общем некоторое представление о тех колоссальных трудностях, через которые придется проталкиваться коммунистическим партиям даже после того, как они завоюют большинство рабочего класса. Но они еще не завоевали. Они его должны завоевать. Стало быть, мы стоим перед процессом длительным, борьба европейского и мирового пролетариата за власть—очень тяжкая, затяжная, но—при правильной политике—абсолютно верная, абсолютно надежная. Параллельно с ней будет иметь место величественный процесс нашего социалистического накопления, нашего социалистического строительства.

От работы наспех — к систематическому строительству.

С этой точки зрения нам во всех отношениях нужно от бивуачного образа жизни переходить к тому устойчивому, оседлому образу жизни, от работы на-спех и кое-как переходить к систематической и методической работе. А мы всем этим грешим. Нужно нам

от нашей абсолютной универсальности переходить к тому, в чем я с т. Бухариным вполне согласен,—к специализации. Переходить к уточнению знаний во всех областях и более всего бороться против того типа, который наша история за эти 5 лет создала,—это тип на все способного, все знающего, со стороны глядящего и всем указывающего. Я жил в эмиграции в Вене несколько лет, и там есть такое слово, которого, кажется, ни на каком языке больше не найдешь—«кибиц»,—запомните это слово—оно пригодится вам. Это слово обозначает человека, который, если увидит, например, что 2 человека играют в шахматы, то обязательно подсядет, и всегда знает самый лучший ход, а если с ним сядешь играть, то он окажется профаном после первого же хода. И это, конечно, относится не только к шахматной игре, а к чему угодно, и к вопросам техники, мастерских и т. д. и т. д. Вот у нас эта болезнь «кибица» имеет очень большое распространение. И это, повторяю, вытекает из всей нашей обстановки. Нас бросали и туда и сюда—и жнецом, и гребцом, и в дуду игрецом. Это бивуачное положение было терпимо, было неизбежно, но поскольку на западе идет длительная работа по подготовке, дисциплинированию, завоеванию доверия, и поскольку у нас идет работа—завоевания хозяйства, постольку переход на работу систематическую, методическую играет колоссальную роль и постольку выдвигается огромной важности вопрос о воспроизводстве нашей собственной партии, о восстановлении, возрождении ее рядов, пополнении убыли.

Воспитание молодежи — вопрос жизни и смерти партии.

В той же ячейке завода б. Бромлей, где я провел несколько часов, я увидел, что здесь партия держится главным образом на старых кадрах, т.-е. на рабочих старшего возраста. Факт таков: по-видимому, поколение, которое выросло в 1916—1917 годах, нами было захвачено мало, и там рабочие рассказывали, что молодые рабочие, которым сейчас 21—22—23, особенно 24 года, мало интересуются политикой, среди них индифферентизм, некоторое безразличие—пьянство, картежные игры распространены более, чем среди старшего и младшего поколения, а младшее поколение, которому сейчас 17—18—19 лет,—это элемент более благоприятный и благодарный. Это новое поколение, выросшее уже в рамках устойчивой советской власти. Оно все целиком не мыслит себя иначе, чем Советским, оно ищет руководства, оно культурнее, оно группируется вокруг клуба, оно тяготеет к культуре—это поколение партия может целиком взять в свои руки.

Это новое поколение, выросшее в условиях советского режима, который оно отражает. И вот нам нужно обеспечить восстановление основного капитала нашей партии. Это я говорю вовсе не для красного словца. Я говорю, что вопрос о воспитании молодежи является сейчас вопросом жизни и смерти для нашей партии.

На IV Конгрессе Коминтерна, где мы будем оценивать международную обстановку еще раз, где придется снова давать отсрочку европейской революции, мы скажем, что за эти полтора года, протекшие после III Конгресса, мы на своих ногах устояли, и что мы устоим, во-первых, потому, что мы научились владеть государственной властью и маневрировать и оперировать ею, а во-вторых, потому, что мы научились и научаемся овладевать основным капиталом нашей партии.

Чистка была благодетельнейшим делом. Это сейчас совершенно ясно и несомненно. Она возвратила партии политическое доверие к самой себе, но вместе с тем она ограничила и сжала нашу партию, устранила элемент случайный и тем самым уменьшила партийные кадры, а задача у нас еще огромная. Новой правительственной власти на европейском горизонте раньше, чем через некоторое, очень большое число месяцев или некоторое, хотя бы небольшое число лет, не появится, и наша работа, конечно, будет протекать в лучшей обстановке, чем за прошлые пять лет, но все же мы не застрахованы от новых рецидивов капиталистического неистовства против нас, вплоть до восстановления фронтов—все это как раз вытекает из диалектики классовой борьбы. Сейчас обострение революционного движения в Европе может оказаться сигналом удару по Советской России. Практика возникновения пролетарской власти в Германии,—а история все-таки, очевидно, будет разворачиваться из этого клубка, от России, через Германию, на запад,—поставила перед нами задачи, далеко выходящие за пределы нашего внутреннего строительства. Для этого нам необходимо обновление наших партийных кадров, создание могущественного резерва молодежи, и если мы повторим коммунистическим партиям: «вы, европейские коммунисты, прежде чем перед вами встанет ребром завоевание власти, уйдите в массы, учитесь исправлять свои ошибки, учитесь овладеть массой»,—то мы нашей собственной партии скажем: «перед нами молодая партия, которой мы должны овладеть для удержания в своих руках советской цитадели до тех пор, пока пролетарская революция овладеет Европой, а затем и всем миром».

РЕЧЬ НА ПАРАДЕ В ЧЕСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ.

(7 ноября 1922 г.).

Товарищи-делегаты мирового конгресса, рабочие и работницы Москвы, красноармейцы, красные моряки, командиры и комиссары! Снова в стенах красной Москвы мы принимаем дорогих гостей, избранных и призванных представителей мирового рабочего класса. Пять лет, как двери Москвы широко открыты перед делегатами мировой рабочей революции. Пять лет борьбы, страданий и жертв, пять лет борьбы за наше право существовать в качестве рабоче-крестьянского государства, пять лет наступления, ударов и вероломства со стороны врагов, пять лет братской поддержки со стороны друзей. И вот сегодня, в день советского пятилетия, мы только с одним из больших государств—придавленной Германией—имеем нормальные отношения. Мы не признаны до сего дня. Но мы получили признание со стороны истории. Нас усыновил и с восторгом принял в свою среду мировой рабочий класс. Сегодня он посылает нам свое бескорыстное, скрепленное узами полной солидарности, приветствие.

Окидывая взглядом наши ряды, мы с уверенным спокойствием можем сказать журналистам, политикам и вообще представителям другого лагеря: проверьте вашим опытным глазом сегодня красную Москву. Проверьте, существует ли щель между Советской властью, Красной армией и рабочим народом,—та щель, которую ваши враги превращают в пропасть и бездну.

Никогда Советская власть и рабочий класс не были так единодушны, как сегодня, после пятилетней борьбы и страданий. Господа политики другого лагеря, если у ваших правительств есть сомнения насчет крепости советского режима,—глядите зорко сегодня на проходящие по этой площади ряды красных воинов, рабочих и крестьян.

Если господа капиталисты надеются, что в нашей стране снова возродится капитализм, то они ошибаются. Возрождения капитализма в нашей стране им пришлось бы ждать до второго пришествия.

Мы скажем сегодня делегатам, прибывшим к нам сюда из 50 стран всех частей света, представителям трудящихся всей Европы, Америки, народов Востока, Африки, Австралии, которые все представлены на Конгрессе и которые глядят, Красная армия, на тебя. Им мы скажем и покажем нашим сегодняшним праздником, что мы не только терпеливо и уверенно ждем конца борьбы за освобождение трудящихся, но что мы не сидим сложа руки, что

мы поднимали свою организацию и в военном, и в мирном деле, что мы неутомимо искали путей к сердцу рабочего класса, не только передовых, но и темных, малосознательных, придавленных рабочих. Мы скажем нашим братьям и гостям: мы знаем, что тяжко бороться против до зубов вооруженной капиталистической Европы, мы знаем ваши условия в этой борьбе, и мы готовы стоять под красными знаменами, охраняя крепость Советской республики, зная, что ваша политика верна и ведет к победе.

Еще много трудных часов предстоит пережить рабочему классу Советской России, еще много неразрешенных Советской властью задач, но борьбою мы отвоевали себе мир надолго, и все до одного готовы отложить в сторону бранное оружие и взяться за мирный труд, чтобы залечить тяжкие раны на теле хозяйства Республики. Мы хотели мира и надеемся, что в этом же месяце, в Москве соберется конференция воевавших с нами государств по вопросу о разоружении. Всюду, где нужно содействие к закреплению мира, рука Советской власти будет первой.

Если бы мы встретили искренний и честный отклик со стороны тех, кого мы призываем к миру, мы все до одного с открытой душой сократили бы вдвое, втрое и даже в 10 раз нашу армию, а пока что мы ждем, не оставляя надежды на достижение мира и не выпуская винтовки из рук рабочих и крестьян.

Много прошло перед нами правительств и министерств, которые с высоты своих тронов считали, что Советская власть—есть временный факт, вынесенный в историю на гребне случайной волны. Не так давно представитель капиталистической Англии Ллойд-Джордж в Генуе, когда наши делегаты предлагали установить мирные отношения и сократить вооружение, ответил свысока: «Дайте нам раньше приглядеться, что вы за пассажиры, а потом мы, может быть, возьмем вас на корабль». Он так долго к нам присматривался, что споткнулся и сам полетел за борт корабля.

Вот почему я скажу. Много еще трудных часов впереди, не раз еще тучи соберутся над головой рабочего класса, однако мы знаем, что, когда нужно, эти тучи разойдутся. За два дня до праздника вся Москва была окрашена в белый цвет туманов, но советский календарь правильно указывает. Мы видим сейчас здесь красные знамена развевающимися под ясным синим небом. Даже солнце явилось на праздник пятилетия Октябрьской революции. Мы знаем, что скоро взойдет яркое непотухающее солнце человеческого братства, мирного труда и высокой культуры. Провидя это, мы вдохновляемся, не сдадим знамен, и будет крепнуть Советская республика.

От ее имени и от имени всех участников сегодняшней демонстрации я предлагаю приветствовать наших гостей единодушным братским «ура!».

(Речь тов. Троцкого покрывается долго переливающимися по площади криками «ура», подхватываемыми всеми воинскими частями и бесконечным количеством колонн демонстрантов.)

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Доклад на IV Конгрессе Коминтерна).

Ход гражданской войны.

Основная задача всякой революционной партии—завоевание власти. У II Интернационала эта цель была лишь, говоря на языке идеалистической философии, «регулятивной идеей», т.-е. идеей, имеющей мало общего с практикой.

Лишь за последние годы мы стали учиться в международном масштабе ставить завоевание политической власти, как практическую революционную цель. Этому помогла русская революция. Тот факт, что для России мы можем назвать определенный день—25 октября (7 ноября) 1917 г.,—когда коммунистическая партия, ставшая во главе рабочего класса, вырвала из рук буржуазии политическую власть, ярче всяких рассуждений доказывает, что для революционеров завоевание власти—не «регулятивная идея», а практическая задача.

7 ноября 1917 г. наша партия встала во главе государства. Это не означало,—и вскоре это обнаружилось с полной отчетливостью,—что гражданская война закончилась. Наоборот, только после октябрьского переворота она и начала у нас развертываться в широком масштабе. Этот факт имеет не только исторический интерес, но служит источником серьезнейших поучений для западно-европейского пролетариата.

Почему это так произошло. Об'яснение заключается в культурно-политической отсталости страны, которая только что освободилась от царистского варварства. Крупная буржуазия и дворянство имели некоторый политический опыт, благодаря городским думам, земствам, Государственной Думе и пр. Мелкая буржуазия имела мало политического опыта, а главная масса населения, крестьянство, и того меньше. Таким образом главные резервы контр-

революции—кулацкое, а до некоторой степени и среднее крестьянство — открывались именно в этой наиболее аморфной среде. И только после того, как буржуазия стала вполне понимать, что она теряет с потерей власти, и выдвинула боевое контр-революционное ядро, ей удалось найти доступ к крестьянским и мещанским элементам и слоям, при чем руководящие посты буржуазия, по необходимости уступила наиболее реакционным элементам из среды высшего дворянского офицерства. В результате, гражданская война развернулась по-настоящему только после октябрьского переворота. И мы расплачивались неисчислимыми жертвами гражданской войны за ту легкость, с которой завоевали власть 7 ноября 1917 г. В более старых в капиталистическом смысле и более культурных странах положение будет, несомненно, глубоко отличным. Там народные массы войдут в революцию гораздо более оформленными в политическом отношении. Правда, ориентация отдельных слоев и групп пролетариата, а тем более мелкой буржуазии, будет еще сильно колебаться и изменяться, но эти изменения будут происходить все же более систематически; сегодняшний день будет более непосредственно вытекать из вчерашнего. Буржуазия на Западе готовится к отпору заранее, она более или менее знает те элементы, на которые ей придется опереться, и она строит свои контр-революционные кадры заранее. Мы это видим в Германии, мы это наблюдаем, хотя и не так отчетливо, во Франции; и, наконец, в наиболее законченной форме—в Италии, где после незавершенной революции мы имеем завершенную контр-революцию, не без успеха использовавшую некоторые приемы и методы революции.

Что это значит? Это значит, что застигнуть европейскую буржуазию врасплох, как мы застигли русскую, вряд ли удастся. Европейская буржуазия умнее, дальновиднее, времени она не теряет. Все, что можно поставить на ноги против нас, она мобилизует уже сейчас. Таким образом революционный пролетариат встретит на своем пути к власти не только боевые авангарды контр-революции, но и ее важнейшие резервы. Только разбив, дезорганизовав и деморализовав эти силы врага, пролетариат захватит государственную власть. Но зато после пролетарского переворота у побежденной буржуазии уже не окажется тех мощных резервов, из которых она могла бы черпать материал для продления гражданской войны. Другими словами, после завоевания власти европейский пролетариат будет, по всей вероятности, иметь значительно большую свободу действий для своего хозяйственного и культурного строительства, чем имели мы на другой день после переворота. Чем труднее и суровее будет борьба за государственную

власть, тем меньше эта власть будет оспариваться у пролетариата после его победы.

Это общее положение надо расчленить и конкретизировать по отношению к разным странам, в зависимости от их социальной структуры и от их очереди в процессе революции. Совершенно очевидно, что, чем в большем числе стран пролетариат опрокинул буржуазию, тем более сокращаются родовые муки революции для остальных стран, и тем меньше будет у побежденной буржуазии искушения начинать борьбу за власть,—особенно, если пролетариат покажет, что в этих вопросах он шутить не любит. А он, разумеется, покажет это. И здесь он сможет вполне использовать пример и опыт русского пролетариата. Мы делали ошибки в разных областях, в том числе, разумеется, и в политике. Но в общем и целом, мы дали европейскому рабочему классу недурной пример решительности, твердости и, когда нужно было, беспощадности в революционной борьбе. А такая беспощадность и есть высшая революционная гуманность — уже потому, что, обеспечивая успех, она сокращает тяжелый путь кризиса. Гражданская война была не только военным процессом, — разумеется, она была, с позволения почтенных пацифистов, в том числе и тех, которые по недоразумению блуждают еще в наших коммунистических рядах, — она была и военным процессом, но не только военным, а и политическим, и даже политическим прежде всего. Методами войны развертывалась борьба за политические резервы,—т.-е., прежде всего, за крестьянство. Долго колебавшееся между буржуазно-помещичьим блоком, услуживавшей этому блоку «демократией» и революционным пролетариатом, крестьянство в решающую минуту, когда приходилось делать последний выбор, неизменно становилось на сторону пролетариата и поддерживало его—не демократическими избирательными бюллетенями, а продовольствием, лошадьми и оружием. Это и решило нашу победу.

Таким образом роль крестьянства в русской революции огромна. Роль эта будет велика и в других странах, например, во Франции, где крестьянство составляет еще бо́льшую половину населения. Но ошибаются те товарищи, которые полагают, что крестьянство способно играть в революции самостоятельную руководящую роль, так сказать, на равных правах с пролетариатом. Если мы победили в гражданской войне, то не только и не столько благодаря правильности нашей военной стратегии, сколько благодаря правильности стратегии политической, которая неизменно лежала в основе наших военных операций в гражданской войне. Мы ни на минуту не забывали, что основная задача для пролетариата заклю-

чалась в том, чтобы привлечь на свою сторону крестьянство. Однако делали это мы не по-эсеровски. Те, как известно, прельщали крестьян самостоятельной демократической ролью, а затем выдавали их с головой помещику. Мы же твердо знали, что крестьянство—колеблющаяся масса, неспособная в целом на самостоятельную и, тем более, руководящую революционную роль. Решительностью своих действий мы ставили крестьянские массы в необходимость выбирать между революционным пролетариатом, с одной стороны, и помещичьим офицерством, стоявшим во главе контр-революции, с другой. Если б не было этой решительности с нашей стороны в уничтожении демократического средостения, крестьянство путалось бы и колебалось между разными лагерями и оттенками «демократии»,—и революция погибла бы неизбежно.

Демократические партии и, в первую голову, социал-демократия,—нет сомнения, что и в Западной Европе дело будет обстоять так же,—были всегда загонщиками контр-революции. Наш опыт на этот счет имеет исчерпывающий характер. Вы знаете, товарищи, что несколько дней тому назад Красная армия заняла Владивосток [331]). Этим замыкается длинная цепь фронтов гражданской войны за истекшее пятилетие. По поводу взятия красными Владивостока известный вождь либеральной партии, Милюков, пишет в своей парижской газете несколько историко-философских строк, которые я готов назвать классическими. Он дает—в статье от 7 ноября—краткое изображение глупой, постыдной, но фатальной роли демократических партий. Читаю: «Эта печальная история—она всегда была печальной! *(смех)* — начинается с торжественного заявления о полном единодушии антибольшевистского фронта. Меркулов [332]) (глава дальне-восточной контр-революции) признал, что «несоциалисты» (т.-е. черносотенные элементы) своей победой были в значительной степени обязаны демократическим элементам. Но поддержка демократии,—продолжает Милюков,—была использована Меркуловым только для низвержения большевиков. После этого власть перешла к тем элементам, которые, в сущности, смотрели на демократию, как на скрытых большевиков».

Эти строки, которые я заранее назвал классическими, могут показаться банальными. В самом деле, они только повторяют то, что марксисты говорили не раз. Но вспомните, что это говорит либерал Милюков—после шести лет революции. Вспомните, что он подводит итог политической роли русской демократии на широкой арене: от Финского залива и до Тихого океана. Так было с Колчаком, с Деникиным, с Юденичем, так было во время английских, французских и американских оккупаций, так было во время петлюровщины на

Украине. На всех наших окраинах повторялось одно и то же утомительно-монотонное явление: демократия (меньшевики и эс-эры) загоняет крестьянство в об'ятия реакции, последняя захватывает власть, обнаруживает себя во всю, отталкивает от себя крестьян, после чего следует победа большевиков. У меньшевиков открывается глава покаяния. Но не надолго—до первой оказии. Затем та же самая история повторяется в каком-нибудь другом углу театра гражданской войны: сперва измена, потом полупокаяние. И хотя эта механика крайне проста и достаточно, казалось бы, скомпрометирована, все-таки можно предсказать, что социал-демократы повторят ее во всех странах, в период наивысшего обострения борьбы пролетариата за власть. Первая задача революционной партии рабочего класса во всех странах, это—беспощадная решительность, когда вопрос переходит на поле гражданской войны.

Условия социалистического строительства.

После завоевания власти, задача строительства, прежде всего—хозяйственного, встает, как центральная и вместе с тем труднейшая. Разрешение этой задачи зависит от причин разного порядка и разной глубины: во-первых, от уровня производительных сил и в частности от соотношения между индустрией и крестьянским хозяйством; во-вторых, от культурного и организаторского уровня рабочего класса, завоевавшего государственную власть; в-третьих, от политической ситуации международной и внутренней: побеждена ли буржуазия окончательно или еще сопротивляется,—имеют ли место иностранные военные интервенции,—саботирует ли техническая интеллигенция и пр. и пр.

По относительной важности эти условия социалистического строительства должны быть расположены в таком порядке, в каком мы их привели. Самое основное из условий—это уровень производительных сил; потом следует культурный уровень пролетариата; и наконец—политическая или военно-политическая ситуация, в какую попадает пролетариат, овладев властью. Но это последовательность логическая. А практически—рабочий класс, взявши власть, прежде всего сталкивается с политическими затруднениями. У нас это были белогвардейские фронты, интервенции и пр. Во вторую очередь пролетарский авангард сталкивается с затруднениями, вытекающими из недостаточности культурного уровня широких рабочих масс. И только в третью очередь его хозяйственное строительство упирается в пределы, поставляемые наличным уровнем производительных сил.

Свою работу у власти наша партия вела почти все время под давлением потребностей гражданской войны, и историю хозяйственного строительства Советской России за пять лет ее существования нельзя понять, если к ней подходить только с точки зрения экономической целесообразности. К ней нужно подходить прежде всего с мерилом военно-политической необходимости и во вторую уже очередь—с мерилом хозяйственной целесообразности.

Экономическая разумность вовсе не всегда совпадает с политической необходимостью. Если на войне мне угрожает опасность нашествия белой гвардии, я взрываю мост. С точки зрения отвлеченной экономической целесообразности это варварство, а с точки зрения политической—это необходимость. И я буду глупец и преступник, если во-время не взорву моста. Хозяйство наше в целом мы перестраиваем, в первую очередь, под давлением необходимости военного ограждения власти рабочего класса. Из элементарной школы марксизма мы знаем, что из капиталистического общества нельзя попасть в социалистическое одним прыжком, и никто из нас не истолковывал в таком механическом смысле известные слова Энгельса о прыжке из царства необходимости в царство свободы; никто не думал, что, овладев властью, можно в одну ночь переделать общество. Энгельс на самом деле имел в виду целую эпоху революционных преобразований, которая во всемирно-историческом масштабе означает действительный «прыжок». Но с точки зрения практической работы, это не прыжок, а целая система взаимно связанных реформ, преобразований, иногда очень детальных мероприятий. Совершенно очевидно, что с хозяйственной точки зрения экспроприация буржуазии оправдывается постольку, поскольку рабочее государство способно организовать эксплоатацию предприятий на новых началах. Та массовая поголовная национализация, которую мы проводили в 1917—1918 г.г., совершенно не отвечала только что указанному условию. Организационные возможности рабочего государства чрезвычайно отставали от суммарной национализации. Но суть-то в том, что эту национализацию мы производили под давлением гражданской войны. И не трудно показать и понять, что, если бы мы захотели действовать более осторожно в экономическом смысле, т.-е. производить экспроприацию буржуазии с «разумной» постепенностью, то это было бы с нашей стороны крайней политической неразумностью и величайшей неосторожностью. При такой политике мы не имели бы возможности праздновать пятилетнюю годовщину в Москве, в обществе коммунистов всего мира. Нужно воспроизвести в своем сознании все особенности нашего положения, как оно сложилось после 7 ноября 1917 г. Да, если бы мы всту-

пили на арену социалистического развития после победы революции в Европе, у нашей буржуазии душа была бы в пятках, и справиться с ней было бы очень просто. После захвата власти русским пролетариатом она не смела бы и шевельнуться. Мы могли бы в этом случае спокойно прибирать к рукам одни лишь крупные предприятия, предоставляя средним и мелким существовать до поры до времени на частно-капиталистических началах; потом перешли бы к средним предприятиям, строго сообразуясь с организационными и производственными возможностями и потребностями. Такой порядок бесспорно отвечал бы экономической «разумности», но, к несчастью, политическая последовательность событий не считалась с нею и на этот раз. Нужно вообще напомнить, что революции сами по себе являются внешним выражением того, что миром отнюдь не управляет «экономическая разумность»; социалистическая революция еще только имеет своей задачей установить господство разума в области хозяйства, а тем самым—и во всех других областях общественной жизни.

Когда мы пришли к власти, капитализм еще стоял на ногах во всем мире (да и по сей день стоит), но наша буржуазия не хотела ни за что верить, что октябрьский переворот—всерьез и надолго: во всей Европе, во всем мире у власти буржуазия, а у нас, в отсталой России — пролетариат!?... Ненавидя нас, русская буржуазия не хотела нас брать всерьез. Первые декреты революционной власти встречались насмешливо: с ними не считались, их не выполняли. Даже газетчики—уж на что трусливые души!—и те не хотели брать всерьез основные революционные мероприятия рабочего правительства. Буржуазии казалось, что все это трагическая шутка, недоразумение. Как же иначе можно было научить нашу буржуазию и ее лакеев уважению к новой власти, как не отнятием у ней собственности? Другого пути не было. Каждая фабрика, каждый банк, каждая контора, лавка, приемная адвоката—были крепостью против нас. Они давали воинствующей контр-революции материальную базу и органическую связь. Банки в тот период почти открыто поддерживали саботажников, выплачивая жалованье бастовавшим чиновникам. Поэтому-то мы и подошли к вопросу не с точки зрения отвлеченной хозяйственной «разумности» (Каутского, Отто Бауэра, Мартова и других политических импотентов), а с точки зрения потребностей революционной войны. Нужно было разгромить врага, отнять у него источники питания, независимо от того, в какой мере поспевала за этим организационная хозяйственная работа. В сфере хозяйственного строительства мы вынуждены были в тот период сосредоточивать свои усилия на самых элементарных задачах: мате-

риально поддерживать, хотя бы впроголодь, существование рабочего государства, накормить и одеть Красную армию, отстаивавшую это государство на фронтах, накормить и одеть (это уже во вторую очередь) ту часть рабочего класса, которая оставалась в городах. То примитивное государственное хозяйство, которое—худо ли, хорошо ли — разрешало эти задачи, и получило впоследствии название военного коммунизма.

Военный коммунизм.

Для определения военного коммунизма особенно характерны три вопроса: как добывалось продовольствие,—как распределялось оно,—как регулировалась работа государственной промышленности.

Советская власть застала не вольную торговлю хлебом, а монополию, опиравшуюся на старый торговый аппарат. Гражданская война разрушила этот аппарат. И рабочему государству ничего не оставалось, как создать наспех государственный аппарат для из'ятия хлеба у крестьян и сосредоточения его в своих руках.

Распределялось продовольствие почти вне зависимости от производительности труда. Да иначе и быть не могло. Для того, чтобы установить соответствие между работой и платой, нужно иметь несравненно более совершенный аппарат управления хозяйством и большие продовольственные рессурсы. В первые же годы советского режима дело шло, прежде всего, о том, чтобы обеспечить городскому населению возможность не вымереть окончательно с голоду. Это и достигалось путем уравнительного пайка. И из'ятие крестьянских излишков и распределение пайков были, в сущности, мерами осажденной крепости, а не социалистического хозяйства. При известных условиях, именно при скором наступлении революции на Западе, переход от режима осажденной крепости к социалистическому режиму был бы для нас, разумеется, чрезвычайно облегчен и ускорен. Но об этом мы еще скажем далее...

В чем же состояла сущность военного коммунизма по отношению к промышленности? Всякое хозяйство может существовать и развиваться только при условии известной пропорциональности между различными его частями. Отдельные отрасли промышленности находятся друг по отношению к другу в определенном количественном и качественном соотношении. Необходима известная пропорция между отраслями, производящими предметы потребления, и отраслями, создающими средства производства. Необходима также пропорциональность внутри каждой из этих отраслей. Другими словами, материальные средства и живая рабочая сила нации и всего

человечества должны быть распределены в известном взаимоотношении между сельским хозяйством и промышленностью и отдельными отраслями промышленности для того, чтобы возможно было поддержание существования человечества и дальнейшее его развитие.

Как это достигается? При капитализме это достигается через рынок, путем свободной конкуренции, механикой спроса и предложения, игрой цен, сменой периодов под'ема и периодов кризиса. Мы называем этот метод анархическим—и называем верно. Он связан с расхищением большого количества сил и ценностей посредством периодических кризисов, и приводит неизбежно к войнам, грозящим полной гибелью человеческой культуре. Но этот анархический капиталистический метод в пределах своего исторического действия все же устанавливает относительную пропорциональность между различными отраслями хозяйства, необходимое соотношение, благодаря которому буржуазное общество только и может жить, не задыхаясь и не погибая.

Наше довоенное хозяйство имело свою внутреннюю пропорциональность, устанавливающуюся игрой капиталистических сил на рынке. Пришла война, которая произвела колоссальные перетасовки во взаимоотношении различных отраслей хозяйства. Как ядовитые грибы, выросли предприятия военной промышленности за счет промышленности общего типа. Затем пришла революция, гражданская война с ее разрушениями, саботаж с его тихой сапой. Какое же мы получили наследство? Хозяйство, в котором сохранились слабые воспоминания о той пропорциональности частей, которая существовала при капитализме, была затем искажена империалистской войной и окончательно добита гражданской войной,—вот что мы получили в наследство. Какими же способами могли мы выходить на дорогу хозяйственного развития?

При социализме хозяйство будет управляться централизованно, и, следовательно, необходимая пропорциональность отдельных отраслей будет достигаться путем строго соразмеренного плана,—конечно, с большой автономией частей, но опять-таки под общенациональным, а затем и мировым контролем. Такой целокупный охват всего хозяйства, такой совершенно социалистический учет, как мы говорим, не может быть создан a priori, умозрительно, канцелярски; он может вырасти только из постепенного приспособления текущего, практического хозяйственного расчета как к наличным материальным рессурсам и возможностям, так и к новым потребностям социалистического общества. Путь этот длинен. С чего же мы могли и должны были начать в 1917—1918 году? Капиталистический аппарат—рынок, банки, биржа—был разрушен. Гражданская

война была в полном разгаре. Об экономическом соглашении с буржуазией, или хотя бы с частью буржуазии, в смысле предоставления ей известных хозяйственных прав, не могло быть и речи. Буржуазный аппарат управления хозяйством был разрушен не только в общегосударственном масштабе, но и на каждом отдельном предприятии. Отсюда вырастала элементарная жизненная задача: создать хотя бы грубый временный аппарат для того, чтобы из полученного хаотического промышленного наследства извлечь самые необходимые продукты для воюющей армии и для рабочего класса. По существу, это была не хозяйственная задача в широком смысле слова, а военно-промышленная. При содействии профессиональных союзов государство материально овладело промышленными предприятиями и создало крайне громоздкий и неповоротливый централизованный аппарат, который все же позволил обеспечить действующую армию обмундированием и боевыми припасами—в крайне недостаточном количестве, но все же в таком, что мы вышли не побежденными, а победителями из борьбы.

Политика из'ятия излишков у крестьян вела неизбежно к сокращению и понижению сельско-хозяйственного производства. Политика уравнительной заработной платы вела неизбежно к понижению производительности труда. Политика централизованного бюрократического руководства промышленностью исключала возможность действительно централизованного и полного использования технического оборудования и наличной рабочей силы. Но вся эта политика военного коммунизма была нам навязана режимом блокированной крепости с дезорганизованным хозяйством и истощенными рессурсами.

Вы спросите, не надеялись ли мы перейти от военного коммунизма к социализму без больших хозяйственных поворотов, потрясений и отступлений, т.-е. по более или менее прямой восходящей линии? Да, действительно, в тот период мы твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более быстрым темпом. Это бесспорно. И если бы пролетариат овладел в Германии, во Франции, вообще в Европе, властью в 1919 году, то все наше экономическое развитие получило бы совсем другую форму. Маркс писал в 1883 г. Николаю Даниэльсону [333]) одному из теретиков русского народничества, что, если европейский пролетариат овладеет властью до того, как русская община будет окончательно ликвидирована историей, то в России и община сможет стать исходным пунктом коммунистического развития. И Маркс был совершенно прав. С тем большим правом мы могли принять, что, если европейский пролетариат завоюет власть в 1919 году, то он возьмет на буксир

нашу отсталую в хозяйственном и культурном смысле страну, поможет нам технически и организационно и таким образом, даст нам возможность, путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, притти к действительному социалистическому хозяйству. Да, мы на это надеялись. Наша политика никогда не опиралась на преуменьшение революционных возможностей и перспектив. Наоборот, как живая революционная сила, мы всегда стремились раздвинуть эти возможности, исчерпать их до конца. Это г.г. Шейдеманы и Эберты накануне революции отрицают революцию, не верят в нее и готовятся стать императорскими министрами; революция застигает их врасплох, они беспомощно барахтаются, а затем, при первой оказии, превращаются в орудие контр-революции. Что касается господ из 2½ Интернационала, то они в тот период особенно старались отличаться от II Интернационала они провозгласили наступление революционной эпохи и признали диктатуру пролетариата. Разумеется, у них это было только на словах. При первом отливе вся эта межеумочная дрянь вернулась под кров Шейдемана. Но самый факт образования 2½ Интернационала свидетельствовал о том, что революционная перспектива Коммунистического Интернационала, и в частности нашей партии, вовсе не была «утопична»—не только с точки зрения общей тенденции развития, но и с точки зрения темпа.

Чего не хватало революционному пролетариату после войны—так это революционной партии. Социал-демократия спасла капитализм, т.-е. отсрочила на годы час его гибели или, еще точнее, продлила его агонию, ибо нынешнее существование капиталистического мира есть не что иное, как затянувшаяся агония.

Но, во всяком случае, этим фактом были созданы для Советской Республики и ее хозяйственного развития наименее благоприятные условия. Рабоче-крестьянская Россия очутилась в кольце экономической блокады. С Запада к нам шла не техническая и организационная помощь, а одна военная интервенция за другой. И после того, как обнаружилось, что в военном смысле мы выйдем победителями, стало ясно, что в хозяйственном смысле нам придется еще в течение продолжительного времени рассчитывать на свои собственные средства и силы.

«Новая экономическая политика».

Отсюда выросла необходимость—от военного коммунизма, т.-е. от чрезвычайных мер, имевших задачей поддержать хозяйственную жизнь осажденной крепости, перейти к такой системе мероприятий,

которая обеспечивала бы постепенный под'ем производительных сил страны даже и без содействия социалистической Европы. Военная победа, которая была бы невозможна без военного коммунизма, в свою очередь позволила от мер военной необходимости перейти к мерам хозяйственной целесообразности. Таково происхождение так называемой *новой экономической политики*. Ее часто называют отступлением, и мы сами так ее называем—и с известным основанием. Но, чтобы правильно оценить, в чем, собственно, это отступление состоит, чтобы понять, как мало это отступление похоже на «капитуляцию», нужно отдать себе отчет в нынешнем нашем хозяйственном положении и в тенденциях его развития.

В марте 1917 года был низвергнут царизм. В октябре рабочий класс взял в руки власть. Почти вся земля, национализированная государством, была передана крестьянам. Обрабатывающие эту землю крестьяне обязаны ныне платить государству определенный натуральный налог, который является существенным вкладом в дело социалистического строительства. Рабочее государство владеет всей железнодорожной сетью, всеми промышленными предприятими и, за второстепенными исключениями, ведет на этих предприятиях хозяйство за собственный счет. Вся система кредита сосредоточена в руках государства. Внешняя торговля составляет государственную монополию. Каждый, кто способен трезво и без предвзятости оценить эти результаты пятилетнего существования рабочего государства, должен будет сказать: да, для отсталой страны это весьма большой социалистический успех.

Особенность, однако, в том, что этот успех был достигнут не путем непрерывного прямолинейного развития, а зигзагообразным движением: сперва у нас был режим «коммунизма», затем мы открыли ворота рыночным отношениям. Этот поворот в политике стал трактоваться в буржуазной печати как отказ от коммунизма и капитуляция перед капитализмом. Незачем говорить, что социал-демократы раз'ясняют, углубляют и комментируют эту версию. Нельзя, однако, не признать, что кое-кто даже из числа наших друзей впадал в сомнение: нет ли тут действительно скрытой капитуляции перед капитализмом? Нет ли действительно опасности, что на основе восстановленного нами свободного рынка капитализм будет развиваться все больше и больше и возьмет верх над начатками социализма? Чтобы дать правильный ответ на этот вопрос, нужно предварительно устранить основное недоразумение. В корне неверно, будто экономическое развитие Советской России идет от коммунизма к капитализму. Коммунизма у нас не было. Не было у нас социализма и не могло быть. Мы национализировали дезоргани-

зованное хозяйство буржуазии и установили, в самый острый период борьбы не на жизнь, а на смерть, — режим потребительского «коммунизма». Победив буржуазию на поле политики и войны, мы получили возможность приступить к хозяйству и оказались вынуждены восстановить рыночные формы взаимоотношений между городом и деревней, между отдельными отраслями промышленности и между отдельными предприятиями.

Без свободного рынка крестьянин не находит своего места в хозяйстве, теряет стимул к улучшению и расширению производства. Только мощное развитие государственной промышленности, ее способность обеспечить крестьянина и его хозяйство всем необходимым, подготовит почву для включения крестьянина в общую систему социалистического хозяйства. Технически эта задача будет разрешена при помощи электрификации, которая нанесет смертельный удар сельско-хозяйственной отсталости, варварской изолированности мужика и идиотизму деревенской жизни. Но путь к этому лежит через улучшение хозяйства нынешнего крестьянина-собственника. Этого рабочее государство может достигнуть только через рынок, пробуждающий личную заинтересованность мелкого хозяина. Первые результаты уже сейчас на-лицо. Деревня в этом году дает рабочему государству, в виде натурального налога, гораздо больше хлеба, чем государство получало во время военного коммунизма путем из'ятия излишков. В то же время сельское хозяйство, несомненно, идет вверх. Крестьянин доволен,—а без нормальных отношений между пролетариатом и крестьянством социалистическое развитие в нашей стране невозможно.

Но новая экономическая политика вытекает не только из взаимоотношений между городом и деревней. Она является необходимым этапом в развитии государственной промышленности. Между капитализмом, когда средства производства составляют собственность частных лиц и все экономические отношения регулируются рынком,—и между законченным социализмом, который ведет плановое общественное хозяйство, имеется ряд переходных ступеней; и НЭП по существу, является одной из них.

Рассмотрим этот вопрос на примере железных дорог. Именно железнодорожный транспорт является той областью, которая в наибольшей степени подготовлена для социалистического хозяйства, так как железнодорожная сеть была и у нас в большей своей части национализирована еще при капитализме и условиями самой техники централизована и до известной степени нормализована. Большую половину дорог мы получили от государства, меньшую — экспроприировали у частных обществ. Подлинно социалистическое

управление должно, конечно, рассматривать всю сеть как целое, т.-е. не с точки зрения собственника той или другой железнодорожной линии, а с точки зрения интересов всего транспорта и всего хозяйства страны. Оно должно распределять паровозы или вагоны между отдельными линиями так, как это требуется интересами хозяйственной жизни в целом. Но перейти к такому хозяйству даже и в централизованной области железнодорожного транспорта не так просто. Тут открывается ряд посредствующих экономических и технических этапов. Паровозы бывают различных типов, потому что они строились в разные времена, разными обществами и на разных фабриках, при чем разные паровозы ремонтируются одновременно в одних и тех же мастерских и, наоборот, однородные паровозы—в разных мастерских. Капиталистическое общество, как известно, расточает громадное количество рабочей силы, по причине излишнего разнообразия, анархической пестроты составных частей своего производственного аппарата. Необходимо, стало быть, разбить паровозы по типам и распределить их между железными дорогами и мастерскими. Это будет первым серьезным шагом на пути к нормализации, т.-е. к достижению технической однородности паровозов и их составных частей. Нормализация, как у нас не раз говорилось, и говорилось справедливо, есть социализм техники. Без нормализации техника не достигнет своего высшего расцвета. А где же и начинать нормализацию, как не на железных дорогах? И мы, действительно, приступили к этой задаче, но тотчас же натолкнулись на большие препятствия. Железнодорожные линии, притом не только частные, но и государственные, производили свой расчет со всеми остальными хозяйственными предприятиями при помощи рынка. Экономически это было, при данной системе хозяйства, неизбежно и необходимо, потому что содержание и развитие той или другой линии зависит от того, насколько она оправдывается хозяйственно. Приносит ли данная линия пользу хозяйству, это можно установить только через посредство рынка,—до тех пор пока мы не выработали методов всеобщего социалистического учета хозяйства; а эти методы, как сказано, могут явиться только в результате продолжительного опыта работы, на основе национализированных средств производства.

Итак, старые способы хозяйственной проверки ходом гражданской войны были устранены прежде, чем успели создаться новые. При этих условиях, вся железнорожная сеть оказывалась формально об'единенной, но каждая часть этой сети отрывалась от всей остальной хозяйственной среды и повисала в воздухе. Рассматривая сеть, как самодовлеющее техническое целое, об'единяя железнодорожный и вагонный парк всей сети, централистически сортируя паровозы

и централизуя ремонт, т.-е. преследуя абстрактный, технически-социалистический план, мы рисковали окончательно утратить всякий контроль над нужностью или ненужностью, выгодностью или невыгодностью каждой отдельной дороги и всей сети в целом. Какие линии развернуть, а какие сократить, какой подвижной состав и какой рабочий персонал нужен на данной линии, сколько грузов может провезти государство для своих нужд, какую часть провозной способности оно должно предоставить для нужд других организаций и частных лиц, все эти вопросы—на данном историческом этапе—не могут разрешиться иначе, как путем установления платы за провоз, правильной бухгалтерии и правильной коммерческой калькуляции. Только на основе бухгалтерского балансирования различных частей железнодорожной сети, в сочетании с таким же балансированием других отраслей хозяйства, мы придем к выработке методов социалистического учета и нового хозяйственного плана. Отсюда вытекает необходимость и после перехода всех дорог в руки государства—предоставить отдельным железнодорожным линиям или группам их хозяйственную самостоятельность, в смысле их приспособления ко всем остальным хозяйственным предприятиям, от которых они зависят, или которые ими обслуживаются. Одних абстрактно-технических планов и формально-социалистических целей недостаточно для того, чтобы перевести железнодорожное хозяйство с капиталистических рельс на социалистические. В течение определенного—и притом продолжительного—времени рабочему государству, даже для управления железнодорожной сетью, приходится пользоваться капиталистическими методами, т.-е. методами рынка.

Сказанное относится с еще большей очевидностью к промышленным предприятиям, которые и в отдаленной степени не были при капитализме так централизованы и нормализованы, как железные дороги. После ликвидации рынка и системы кредита каждый завод походил на телефонный аппарат с отрезанными проводами. Военный коммунизм создал бюрократический суррогат хозяйственного об'единения. Машиностроительные заводы на Урале, Донецком бассейне, в Москве, в Петрограде и проч. оказались об'единенными в ведении единого Главка, который централистически распределял между ними топливо, сырье, техническое оборудование, рабочую силу, поддерживая последнюю при помощи системы уравнительного пайка. Совершенно очевидно, что такое бюрократическое управление совершенно нивеллировало особенности каждого предприятия и уничтожало самую возможность проверки производительности его и выгодности, даже если бы учетные данные Главка отличались большей или меньшей точностью, чего, на самом деле, не было и в помине.

Для того, чтобы каждое предприятие стало составной клеточкой единого социалистического организма, планомерно функционирующего, нужна большая переходная работа рыночного хозяйствования, которая займет долгий ряд лет. И в течение этой переходной эпохи каждое предприятие и каждая группа предприятий должны в большей или меньшей степени самостоятельно ориентироваться на рынке и проверять себя через рынок. В этом и состоит смысл новой экономической политики: если политически на первый план выпятилось ее значение в качестве уступки крестьянству, то *никак не меньше* ее значение, как неизбежного этапа в развитии государственной промышленности при переходе от капиталистического хозяйства к социалистическому.

Итак, для регулирования промышленности рабочее государство прибегает к методам рынка. Рынок нуждается во всеобщем эквиваленте. Этот эквивалент имеет у нас, как вы знаете, довольно жалкий вид. Тов. Ленин уже говорил о наших усилиях добиться некоторой стабилизации рубля и о том, что эти усилия не остались совсем безуспешными. Очень поучительно, что, вместе с восстановлением рынка, восстанавливаются и фетишистские явления в области хозяйственного мышления,—в том числе и у многих коммунистов, поскольку они выступают не как коммунисты, а как торговцы на рынке. Наши предприятия, как вы, разумеется, знаете, страдают от недостатка средств. Откуда их взять? Ясно, откуда: из-под пресса. Достаточно увеличить эмиссию, чтобы двинуть в ход ряд фабрик и заводов, ныне затихших. «Взамен ваших несчастных бумажек, которые вы так скаредно отпускаете,—так говорят иные товарищи,—мы вам дали бы через несколько месяцев полотно, обувь, гайки и другие прекрасные предметы». Совершенно очевидна фальшь этого рассуждения. Недостаток оборотных средств свидетельствует только о том, что мы бедны, и что для расширения производства нам нужно пройти стадию первоначального социалистического накопления. Наша бедность—в хлебе, в угле, в паровозах, в квартирах и проч.—получает теперь форму недостатка оборотных средств потому, что мы перевели хозяйство на основу рынка. Тяжелая промышленность при этом с завистью указывает на успехи легкой. Что это значит? Это значит, что при начинающемся оживлении хозяйства наличные рессурсы направляются, в первую голову, туда, где они всего нужнее и неотложнее,—т.-е. в те отрасли, где производятся продукты личного или хозяйственного потребления рабочих и крестьян. Предприятия этого типа делают сейчас хорошие дела. При этом на рынке государственные предприятия конкурируют друг с другом и отчасти с частными, которые, как мы видим, очень малочисленны.

Только таким образом национализированная промышленность научается работать как следует быть; другим путем этой цели достигнуть нельзя: ни априорным хозяйственным планом, высиженным в канцелярии, ни отвлеченной коммунистической проповедью. Нужно, чтобы каждая государственная фабрика, ее технический директор, ее коммерческий директор подвергался контролю не только сверху—со стороны государственных органов, но и снизу—со стороны рынка, который в течение еще длительного периода остается регулятором государственного хозяйства. По мере того, как государственная легкая промышленность, упрочиваясь на рынке, начинает приносить государству доход, создаются оборотные средства для тяжелой промышленности. Разумеется, это не единственный источник государства. У него есть и другие: натуральный налог, взимаемый с крестьянина, налоги на частную промышленность и торговлю, таможенные доходы и проч.

Финансовые затруднения нашей промышленности имеют, следовательно, не самодовлеющий характер, а вытекают из всего процесса возрождения хозяйства. Если бы наш финансовый комиссариат попытался, путем расширения эмиссии, пойти навстречу каждому промышленному предприятию, рынок неизбежно изверг бы избыточную эмиссию, прежде чем нетерпеливые заводы успели бы выбросить на рынок новые продукты; другими словами, рубль потерпел бы такое падение, что покупательная сила этой удвоенной или утроенной эмиссии была бы ниже покупательной силы наличных сейчас денег. Государство, конечно, не зарекается от новых эмиссий, но они должны производиться в соответствии с реальным хозяйственным процессом и с таким расчетом, чтобы они в каждом данном случае увеличивали покупательную силу государства и тем содействовали первоначальному социалистическому накоплению. Государство не отказывается, с своей стороны, целиком от планового хозяйства, т.-е. от сознательных и властных поправок к работе рынка. Но оно исходит при этом не из априорного учета, не из отвлеченной и крайне неточной плановой гипотезы, как при военном коммунизме, а из фактической работы того же рынка, одним из орудий проверки которого является состояние валюты и централизованной системы государственного кредита.

Силы и средства двух лагерей.

Куда ж ведет нас НЭП: к капитализму или к социализму? Это, разумется, центральный вопрос. Рынок, свободная торговля хлебом, конкуренция, аренда, концессии — что все это влечет за собою?

Если дать чорту палец, то не придется ли дать ему и руку и плечо, а в конце концев и все тело? Уже сейчас мы наблюдаем частный капитал в области торговли, особенно на путях между городом и деревней. Частный торговый капитал у нас во второй раз проходит стадию первоначального капиталистического накопления в то время, как рабочее государство проделывает период первоначального социалистического накопления. Раз частный торговый капитал возрастает, он стремится неизбежно проникнуть и в промышленность. Государство сдает частным предпринимателям заводы и фабрики. Накопление частного капитала происходит уже, следовательно, не только в торговле, но и в индустрии. Не окажется ли, что господа эксплоататоры— спекулянты, торговцы, арендаторы, концессионеры — будут становиться все сильнее и сильнее под крышей рабочего государства, будут овладевать все большею частью национального хозяйства, рассасывая через посредство рынка элементы социализма, а затем, в известный момент, завладеют и государственной властью? Ибо, мы знаем это не хуже самого Отто Бауэра, что экономика есть базис, а политика—надстройка. Не означает ли все это в действительности, что НЭП является переходом к капиталистической реставрации?

Отвечая абстрактно на столь абстрактно поставленный вопрос, нельзя, разумеется, отрицать, что опасность капиталистической реставрации не исключена, как вообще не исключена опасность временного поражения в процессе борьбы. Когда мы воевали с Колчаком и Деникиным, за спиною которых стояла Антанта, опасность нашего поражения была весьма возможна, и Каутский благочестиво ждал этого со дня на день. Но мы, считаясь с теоретической возможностью поражения, практически ориентировали нашу политику на победу. Соотношение сил, во всяком случае, не исключало нашей победы. К этому соотношению сил мы прибавили твердую волю и правильную стратегию. И мы победили. И сейчас тоже идет борьба между теми же врагами: рабочим государством и капитализмом, но не на военном поле, а на хозяйственной арене. Если во время гражданской войны Красная армия, с одной стороны, а белая — с другой, боролись за влияние на крестьян, то сейчас борьба идет между государственным капиталом и частным за крестьянский рынок. В борьбе надо, по возможности, полно и точно учитывать силы и средства—противника и свои. Как же обстоит дело на этот счет?

Важнейшее наше средство в хозяйственной борьбе на основе рынка — государственная власть. Только реформистские дурачки могут не понимать значения этого орудия. Буржуазия понимает прекрасно. Это доказывает вся ее история.

Другим орудием в руках пролетариата являются важнейшие производительные силы страны: весь железнодорожный транспорт, вся добывающая промышленность, подавляющее большинство предприятий обрабатывающей промышленности находится в непосредственном хозяйственном заведывании рабочего класса.

Ему же, рабочему государству, принадлежит земля, и крестьянин вносит за нее сотни миллионов пудов в год натурального налога.

В руках рабочей власти—государственная граница: иностранные товары, вообще иностранные капиталы могут получить доступ в страну в тех пределах, в каких это признает желательным и допустимым рабочее государство.

Таковы орудия и средства социалистического строительства.

У противника есть, разумеется, возможность накоплять, хотя бы и при рабочей власти,—пользуясь прежде всего свободной торговлей хлебом. Торговый капитал может проникать и уже проникает в промышленность, берет в аренду предприятия, получает с них доход, нарастает. Все это совершенно бесспорно. Но каковы количественные соотношения борющихся сил? Какова динамика этих сил? В этой области, как и в других, количество переходит в качество. Если бы в руки частного капитала попали важнейшие производительные силы страны, тогда о социалистическом строительстве не могло бы быть, разумеется, и речи, и дни рабочей власти были бы сочтены. Как велика эта опасность? Насколько она близка? Ответить на этот вопрос могут только факты и цифры. Мы приведем наиболее важные и необходимые.

Наша железнодорожная сеть, протяжением в 63.000 верст, с числом рабочих и служащих, превышающим 800.000, составляет целиком и полностью собственность государства. Никто не станет отрицать, что железнодорожная сеть представляет собою очень важный, во многих отношениях решающий фактор хозяйства, и этого фактора мы из рук не собираемся выпускать.

Возьмем теперь область промышленности. И ныне, при новой экономической политике, все промышленные предприятия без исключения составляют собственность государства. Правда, некоторые из этих предприятий сдаются в аренду. Но каково соотношение между теми предприятиями, где государство хозяйничает за собственный счет, и теми, которые оно сдает в аренду? Это соотношение видно из следующих цифр: за государственный счет работает свыше 4.000 предприятий, занимающих в общем до 1.000.000 рабочих; в аренду сдано несколько менее 4.000 предприятий, занимающих всего на-всего около 80.000 рабочих. Это значит, что на государственном предприятии в среднем работает 207 рабочих, а на сдан-

ном в аренду—17 рабочих. Об'ясняется это тем, что в аренду сданы второстепенные и главным образом третьестепенные предприятия легкой промышленности. Но и сданные в аренду только немногим более, чем наполовину (на 51%), находятся в эксплоатации частных капиталистов: остальные же арендаторы—отдельные государственные органы и кооперативы, берущие у государства промышленные предприятия на договорных началах. Другими словами, около 2.000 наиболее мелких предприятий, занимающих тысяч 40—50 рабочих, эксплоатируются частным капиталом, противостоящим 4.000 наиболее могущественных и наиболее оборудованных предприятий, занимающих около 1.000.000 рабочих и эксплоатируемых советским государством. Смешно и нелепо говорить о победе капитализма «вообще», игнорируя эти факты и цифры. Разумеется, арендные предприятия конкурируют с государственными, и, рассуждая отвлеченно, можно сказать: если бы на арендных предприятиях хозяйство велось очень хорошо, а на государственных—очень плохо, то, по истечении значительного числа лет, частный капитал всосал бы в себя государственный капитал. Но пока что до этого еще далеко. Контроль над хозяйственным процессом—в руках государственной власти, а эта власть—в руках рабочего класса. Восстановив рынок, рабочее государство, разумеется, ввело ряд правовых изменений, необходимых для того, чтобы обеспечить возможность рыночного оборота. Постольку, поскольку эти законодательные и административные реформы открывают возможность капиталистического накопления, они являются косвенными, но очень важными уступками буржуазии. Но использовать эти уступки наша новая буржуазия может лишь в меру своих экономических и политических рессурсов. Экономические ее рессурсы мы видели: они более чем скромны. Политические ее рессурсы равны нулю. И мы постараемся, чтобы в *политической* области у нее не было никакого «накопления». Не забудьте, что кредитный и налоговый аппарат находится в руках рабочего государства и представляет собой очень важное орудие в борьбе между государственной промышленностью и частной.

Правда, в области торговли роль частного капитала значительнее. Каких-нибудь точных исчислений на этот счет дать пока еще нельзя. По крайне приблизительным подсчетам наших кооператоров, частный торговый капитал составляет 30%, а государственно-кооперативный—до 70% торгового оборота. Главная роль частного капитала—в посредничестве между крестьянским хозяйством и промышленностью, а отчасти между разными отраслями промышленности. Но важнейшие промышленные предприятия находятся

в руках государства; ключ от внешней торговли—у него же; государство—главный покупатель и продавец на рынке. При этих условиях кооперация может с достаточным успехом конкурировать с частным капиталом—и чем дальше, тем больше. К тому же напоминаем опять, что ножницы фиска очень важный инструмент: они должны своевременно подстригать частно-капиталистическую крону, чтобы она не дорастала до небес.

Теоретически мы всегда утверждали, что пролетариат, после завоевания власти, вынужден будет еще в течение длительного времени терпеть на-ряду с государственными предприятиями—частные, технически менее совершенные, менее поддающиеся централизации; при этом мы никогда не сомневались, что отношения между государственными и частными предприятиями, а в значительной мере и взаимоотношения между отдельными государственными предприятиями или их группами, будут регулироваться рыночным путем в форме денежного расчета. Но этим самым мы, стало быть, допускали, что, параллельно с процессом социалистической реорганизации хозяйства, будет продолжаться процесс частного капиталистического накопления. Нам, однако, не приходило в голову опасение, что частное накопление обгонит и пожрет рост государственного хозяйства. Откуда же и почему разговоры о неизбежной победе капитализма или об уже происшедшей нашей «капитуляции» перед ним? Только потому, что мы не просто оставили мелкие предприятия в частных руках, а сперва национализировали их и даже попробовали на части из них вести хозяйство за государственный счет, а затем сдали их в аренду. Но как бы ни оценивать этот хозяйственный зигзаг,—как неизбежность, выросшую из всей обстановки, или как тактическую ошибку,—совершенно очевидно, что этот поворот или это «отступление» ничего не меняет в соотношении сил между государственной промышленностью и частно-арендной: на одной стороне—государственная власть, железнодорожная сеть и миллион промышленных рабочих, на другой стороне около 50.000 рабочих, эксплоатируемых частным капиталом. Где же все-таки основание считать, что в этих условиях победа обеспечена капиталистическому накоплению над социалистическим?

Главные козыри явно на нашей стороне—за исключением одного очень существенного: за спиною частного капитала, действующего в России, стоит мировой капитал. Мы все еще живем в капиталистическом окружении. Поэтому можно и должно поставить вопрос, не будет ли наш зарождающийся социализм, хозяйничающий еще капиталистическими средствами, закуплен мировым капиталом?

Для такой операции нужны две стороны: та, которая покупает, и другая, которая продает. Власть же у нас—в руках рабочего класса. От него зависят концессии, их предмет и их размеры. Внешняя торговля монополизирована. Европейский капитал пытается пробить в монополии бреши. Но этому не бывать. Монополия внешней торговли имеет для нас принципиальное значение. Она служит одним из средств защиты против капитализма, который, конечно, не прочь бы на известных условиях *скупить* зарождающийся социализм, после того, как он оказался не в силах раздавить его военным путем... Как обстоит дело с концессиями теперь, об этом упоминал здесь тов. Ленин: много дискуссий, мало концессий. *(Смех).* Чем же это об'ясняется? Да именно тем, что никакой капитуляции перед капитализмом с нашей стороны нет и не будет. Правда, не раз говорилось и писалось сторонниками восстановления связей с Советской Россией, что мировой капитализм, который переживает величайший кризис, нуждается в Советской России: Англия нуждается в русском рынке, Германия — в русском хлебе и т. д. и т. д. Казалось бы, это совершенно верно, если глядеть на мир пацифистски, т.-е. с точки зрения «здравого смысла», который ведь всегда очень пацифичен *(Смех.)*,—почему и остается в дураках. Казалось бы, что английскому капиталу надо бы изо всех сил устремиться в Россию; казалось бы, что французская буржуазия должна бы сюда направить немецкую технику, чтобы создать таким образом новые источники для уплаты германской контрибуции. Но этого не происходит. Почему? Потому, что мы живем в эпоху полного нарушения капиталистического равновесия, в эпоху пересекающихся кризисов—экономических, политических, военных, — в эпоху неустойчивости, неизвестности и постоянной тревоги. Это не дает возможности буржуазии вести политику, рассчитанную на большой период, ибо такая политика немедленно превращается в уравнение со слишком большим числом неизвестных. Торговый договор с Англией был в конце концов подписан. Но это произошло уже года полтора тому назад; на деле же мы покупаем у Англии только на золото, а концессии до сих пор в процессе обсуждения.

Если бы европейская буржуазия и в первую голову английская считала, что установление широкого сотрудничества с Россией может *немедленно* же внести серьезные улучшения в хозяйственное положение Европы, Ллойд-Джордж и компания, несомненно, довели бы дело в Генуе до другого результата. Но они понимают, что сотрудничество с Россией не может внести *немедленно* больших и резких изменений. В несколько недель и даже месяцев русский рынок не уничтожит английской безработицы. Россия

может лишь постепенно войти в хозяйственную жизнь Европы и мира все возрастающим фактором; по своим размерам, по своим естественным богатствам, по численности населения и особенно по ее пробужденной революцией активности Россия может стать важнейшей хозяйственной силой Европы и мира, но не сразу, не завтра, а лишь в течение ряда лет. Она могла бы стать могущественным покупателем и поставщиком, если бы получила сейчас кредиты, а следовательно, и возможность ускорить свое экономическое развитие. Через пять, через десять лет она стала бы для Англии первостепенным рынком. Но надо для этого, чтобы английское правительство верило, что через 10 лет оно будет существовать, и что английский капитал будет через десять лет достаточно силен, чтобы удержать за собой русский рынок. Другими словами, политика действительного экономического сотрудничества с Россией может быть лишь политикой на широкой основе. Но вся суть в том, что послевоенная буржуазия уже неспособна вести политику большого масштаба. Она не знает, что несет ей завтрашний и тем более послезавтрашний день. И это есть один из признаков ее исторического конца.

Этому, правда, как бы противоречит тот факт, что Лесли Уркарт[334]) пытался заключить договор на целых 99 лет. На самом деле, тут противоречие лишь мнимое. Расчет Уркарта простой и в своем роде безошибочный: если капитализм сохранится в Англии и во всем мире в течение 99 лет, то Уркарт сохранит свои концессии и в России. А если пролетарская революция разразится не через 99 лет и даже не через 9 лет, а гораздо ранее? Разумеется, Россия не станет таким местом, где экспроприированные собственники всего мира сохранят свою собственность. Но кому приходится терять голову, тот по волосам не плачет...

Еще в то время, когда мы впервые предлагали долгосрочные концессии, Каутский сделал вывод, что мы не верим в скорое наступление пролетарской революции. Теперь он прямо должен заключить, что мы отсрочиваем революцию по меньшей мере на 99 лет. Такой вывод, вполне достойный этого почтенного, но несколько помятого теоретика, был бы, однако, неосновательным. На самом деле, подписывая ту или другую концессию, мы берем на себя ответственность только за наше законодательство и за нашу администрацию по отношению к этой концессии, но никак не за работу мировой революции. Эта последняя переступит через кое-какие бо́льшие препятствия—не только через наши концессионные договоры.

Мнимую «капитуляцию» советской власти перед капитализмом социал-демократы выводят не из анализа фактов и цифр, а из общих мест,—нередко из употребляемого у нас по отношению к на-

шему государственному хозяйству термина «государственный капитализм». Я не считаю этот термин ни точным, ни вообще счастливым. Тов. Ленин уже подчеркнул в своем докладе необходимость употреблять этот термин в кавычках, т.-е. пользоваться им с величайшей осторожностью. Это крайне необходимое указание, ибо не у всех эта осторожность на-лицо. А в Европе этот термин был совсем ложно понят, даже отчасти и в коммунистической среде. Многим кажется, что наша государственная промышленность есть подлинный государственный капитализм в общепринятом у марксистов значении этого слова. Это, конечно, не так. Если это и «государственный капитализм», то в таких больших кавычках, что они должны быть больше самого термина. Почему? Совершенно ясно: при употреблении этого термина нельзя игнорировать классовую природу государства.

Не мешает напомнить, что самый этот термин социалистического происхождения. Жорес и за ним все вообще французские реформисты говорили о «последовательной социализации демократической республики». На это мы, марксисты, отвечали, что, пока власть в руках буржуазии, социализация—не есть социализация и приведет она не к социализму, а только к государственному капитализму. Другими словами, индивидуальная собственность отдельных капиталистов на отдельные фабрики, железные дороги и пр. будет заменена коллективной собственностью той буржуазной фирмы, которая зовется государством, на целую группу предприятий, железных дорог и т. д. Поскольку у власти буржуазия, постольку она в целом через посредство государственного капитализма эксплоатирует пролетариат,—как отдельный буржуа при помощи индивидуальной собственности эксплоатирует «своих» рабочих. Таким образом термин «государственный капитализм» был выдвинут, или, во всяком случае, полемически употреблялся революционными марксистами против реформистов, с той целью, чтобы выяснить и показать, что действительная социализация начинается только после завоевания власти рабочим классом. Реформисты, как известно, всю свою программу строили на реформах. Мы, марксисты, никогда не отрицали социалистических реформ. Но мы говорили, что эпоха социалистических реформ начнется только после завоевания власти пролетариатом. В этом было разногласие. Теперь власть в России в руках рабочего класса. Важнейшая промышленность в руках рабочего государства. Здесь нет классовой эксплоатации, значит, нет и капитализма, хотя на-лицо его формы. Промышленность рабочего государства есть по тенденциям своего развития социалистическая промышленность, но для своего разви-

тия она пользуется методами, созданными капиталистическим хозяйством и еще далеко нами не изжитыми.

При подлинном государственном капитализме, т.-е. при власти буржуазии, рост государственного капитализма означает обогащение буржуазного государства, усиление его могущества над рабочим классом. У нас рост государственной советской промышленности означает рост самого социализма, непосредственное усиление могущества пролетариата.

Что принципиально новые хозяйственные явления развиваются в старой оболочке, это мы в истории наблюдали не раз, притом в самых разнообразных комбинациях. Когда в России начинала развиваться промышленность, еще при крепостном праве, начиная с петровских времен и позже, заводы и фабрики, созданные по тогдашнему европейскому образцу, строились на крепостных началах, т.-е. к ним, в качестве рабочей силы, приписывались крепостные крестьяне (заводы эти назывались поссессионными заводами). Капиталисты Строгоновы [335]), Демидовы [336]) и пр., владельцы этих предприятий, развивали капитализм в крепостной оболочке. Так и социализм делает неизбежно первые свои шаги в капиталистической оболочке. Перейти к законченным социалистическим методам нельзя путем прыжка через собственную голову, особенно если она не очень вымыта и причесана, как наша российская, не в обиду будь нам сказано. Надо еще учиться и учиться.

Критерий производительности труда.

Есть, однако, важный, в сущности основной, вопрос для определения жизненности общественного режима, — мы его еще до сих пор совершенно не касались, — это вопрос о производительности хозяйства, и не о производительности индивидуального труда только, но о производительности всего хозяйственного режима в целом. Историческое восхождение человечества в том и состоит, что режим, обеспечивающий более высокую производительность труда, сменяет режим с низшей производительностью. Если капитализм сменил собою старое феодальное общество, то только благодаря тому, что при господстве капитала человеческий труд более производителен. И социализм победит капитализм вполне и окончательно только потому и только тем, что обеспечит гораздо большее количество продуктов на единицу человеческой рабочей силы. Можем ли мы уже сейчас сказать, что наши государственные предприятия работают более производительно, чем они работали при капиталистическом режиме? Нет, этого еще нет. Не только американцы, англи-

чане, французы или немцы работают на своих капиталистических фабриках лучше, производительнее, чем мы, — это имело место и до революции, — но мы сами работали до революции лучше, чем работаем сейчас. Это обстоятельство на первый взгляд может показаться очень грозным, с точки зрения оценки советского режима. Наши буржуазные враги, а за ними, разумеется, и социал-демократические критики, всемерно использовывают против нас факт низкой производительности нашего хозяйства. Французский представитель Кольра [336a]) в Генуе в ответ Чичерину с буржуазной наглостью заявил, что советская делегация вообще-де не имеет права высказываться по экономическим вопросам, ввиду того хозяйственного состояния, в котором находится ныне Россия. Этот довод представляется на первый взгляд очень победоносным; но на самом деле он свидетельствует только о чрезвычайном историческом и экономическом невежестве. Конечно, было бы очень хорошо, если бы мы могли уже сегодня не теоретическими аргументами, выводимыми нами из опыта, а материальными аргументами обнаружить преимущества социализма, т.-е. показать, что наши заводы и фабрики, благодаря более централизованной и упорядоченной организации, дают более высокую производительность труда, чем такие же предприятия капиталистических стран или, по крайней мере, чем те же предприятия до революции, — но этого нет, этого пока не может быть, этого нельзя достигнуть так скоро. То, что мы имеем сейчас, — это не социализм, противостоящий капитализму, а тяжкий процесс перехода от одного к другому и притом лишь первые наиболее мучительные шаги этого перехода. Перефразируя известные слова Маркса, можно сказать, что мы страдаем от того, что у нас еще есть могущественные остатки капитализма и только начатки социализма.

Да, производительность труда у нас уменьшилась, благосостояние пало. В сельском хозяйстве урожай последнего года составляет примерно ¾ среднего урожая до войны. В промышленности дело обстоит еще более печально: мы имеем в этом году приблизительно ¼ довоенной продукции. Транспорт производит около $^1/_3$ довоенной работы. Факты эти очень печальны. Но разве иначе обстояло дело при переходе от феодального общества к буржуазному? Капиталистическое общество, богатое, хвалящееся своим богатством и своей культурой, возникло тоже из революции, притом чрезвычайно разрушительной. Об'ективная историческая задача: создать условия для более высокой производительности труда — была, в конце концов, разрешена буржуазной революцией, точнее, рядом революций. Но каким путем? Путем чрезвычайных опусто-

шений и временного упадка материальной культуры. Возьмем пример той же самой Франции. Разумеется, г. Кольра, в качестве буржуазного министра, не обязан знать истории своего горячо любимого отечества. Но мы-то историю Франции и ее революции знаем. Возьмем ли реакционера Тэна [337]) или социалиста Жореса [338]), мы найдем у них достаточно ярких фактов, характеризующих ужасающее состояние Франции после революции. И так велик был размах опустошений, что после 9-го термидора [339]), т.-е. на пятом году революции, нищета не ослабевала, а, наоборот, продолжала усугубляться. На десятом году французской революции, когда Наполеон Бонапарт был уже первым консулом, Париж, насчитывавший в то время полмиллиона душ населения, получал в день от 300 до 500 мешков муки, тогда как ему для голодного существования нужно было 1.500 мешков, и первый консул изо дня в день следил за количеством поступающих мешков. Это было — не забывайте! — на десятом году после начала Великой Французской Революции. К этому времени население Франции уменьшилось — от голода, эпидемий и войн — в 37 департаментах из 58. Незачем говорить, что английские Кольра и Пуанкаре [339a]) той эпохи с величайшим презрением относились к разоренной Франции.

Что это все значит? Да только то, что революция — очень жестокий и неэкономный способ разрешения вопроса. Но другого способа история не выдумала. Революция открывает двери новому политическому строю, но она достигает этого путем разрушительной катастрофы. А у нас, к тому же, революции предшествовала война. Мы не в 10-м году революции — не забывайте и этого! — а в начале 6-го года, и наша революция поглубже французской, которая заменила только одну форму эксплоатации другой формой, тогда как мы заменяем общество, построенное на эксплоатации, обществом, основанным на солидарности. Сотрясение очень большое, разрушения очень велики, разбитой посуды очень много, — и то, что сейчас прежде всего бросается в глаза, это издержки революции. Что же касается величайших завоеваний революции, то они реализуются только постепенно, в течение лет и десятилетий.

Как раз в последние дни мне подвернулась под руку одна речь, имеющая отношение к интересующему нас вопросу: это речь французского химика Бертело, сына знаменитого Бертело [340]). В качестве делегата академии наук, он высказал недавно следующую мысль (цитирую по газете «Temps»): «Во все периоды истории, как в области наук, так и в области политики и социальных явлений, вооруженным конфликтам всегда принадлежала грандиозная и страшная привилегия ускорять зарождение новых времен кровью

и железом». Разумеется, г. Бертело имеет в виду прежде всего войны, но в основе он все же прав, потому что и войны, поскольку они служили делу революционного класса, давали громадный толчек историческому развитию; поскольку же они (а это происходило гораздо чаще) служили делу угнетателей, они нередко давали толчек движению угнетенных. В еще большей мере слова Бертело относятся к революции. «Вооруженные конфликты» между классами, приносящие великие разрушения, знаменуют в то же время «зарождение новых эпох». Стало быть издержки революции не ложные расходы (не faux frais, как говорят французы). Нужно только не требовать процентов до истечения срока. И мы просим наших друзей подождать еще 5 лет, чтобы в 10-м году революции, т.-е. в том году, когда Наполеон подсчитывал кули для голодного Парижа, мы могли доказать превосходство социализма над капитализмом в экономической области не умозрениями, а материальными фактами. И мы надеемся, что первые убедительные факты к тому времени будет уже на-лицо.

Но нет ли все же на пути к этим будущим успехам опасности капиталистического перерождения нашего режима — именно вследствие крайне печального состояния промышленности в настоящий момент? Крестьянство собрало в этом году, как мы уже сказали, около ¾ довоенного урожая. Промышленность же дала всего ¼ довоенной производительности. Тем самым соотношение между городом и деревней чрезвычайно нарушено, притом в ущерб городу. Государственная промышленность при этих условиях не сможет дать крестьянину эквивалентного продукта за его хлеб, и крестьянские излишки, выброшенные на рынок, станут основой частно-капиталистического накопления. Разумеется, в основе своей это рассуждение правильно: рыночные отношения, с какими бы целями мы их ни восстановили, имеют свою логику. Но здесь опять-таки важно установить правильные количественные соотношения. Если бы крестьянство выбрасывало весь свой урожай на рынок, это грозило бы, при ослаблении промышленности в четыре раза, тягчайшими последствиями для социалистического развития. Но на самом деле крестьянство производит, главным образом, для собственного потребления. Сверх этого оно уплачивает в настоящем году государству свыше 350.000.000 пудов продовольственного налога. Только излишки сверх собственного потребления и сверх налога выбрасываются им на рынок. А это вряд ли многим больше 100.000.000 пудов в нынешнем году, при чем значительная, если не значительнейшая, часть этих ста миллионов закупается кооперацией или государственными учреждениями. Таким образом государственная

индустрия противостоит не всему крестьянскому хозяйству в целом, а лишь той его, незначительной пока, части, которая выбрасывается на рынок. Только эта часть (или, вернее, часть этой части) становится источником частно-капиталистического накопления. В дальнейшем эта часть будет, несомненно, расти. Но параллельно будет расти и производительность об'единенной государственной промышленности. И нет решительно никаких оснований думать, что рост государственной промышленности будет отставать от сельскохозяйственного под'ема. Мы сейчас увидим, что мудреннейшая и глубокомысленнейшая критика господ теоретиков усопшего 2½ Интернационала основана, главным образом, на неведении или непонимании элементарнейших экономических отношений России, как они складываются в конкретной обстановке пространства и времени.

О социал-демократической критике.

К нашему 4-му юбилею, то-есть год тому назад, Отто Бауэр посвятил нашему хозяйству брошюру, в которой он говорит о нашей новой экономической политике в корректно-прилизанной форме все то, что с пеной у рта излагают обычно наши более темпераментные враги из социал-демократического лагеря. Во-первых, новая экономическая политика есть «капитуляция перед капитализмом», но тем-то именно она и хороша, по Бауэру, тем-то она и реалистична (эти господа реалистичность всегда видели и видят в том, чтобы при первом подходящем случае стать на колени перед буржуазией). В конечном своем результате, поучает нас Бауэр, русская революция не может привести ни к чему иному, как к буржуазно-демократической республике, и он, Бауэр, предсказал это уже, видите ли, в 1917 г. Однако мы помним, что в 1919 г. «предсказания» этих плачевных героев 2½ Интернационала звучали несколько иначе. Тогда они говорили о крушении капитализма и наступлении социально-революционной эпохи. Но никакой дурак не поверит, что, если во всем мире капитализм приближается к гибели, то в революционной России, где властвует рабочий класс, должен еще только начаться период капиталистического расцвета! Итак, в 1917 г., когда Отто Бауэр еще сохранял девственную австро-марксистскую веру в незыблемость капитализма и габсбургской монархии, он писал, что русская революция может привести только к созданию буржуазного государства. Но социалистический оппортунизм всегда импрессионистичен в политике. Застигнутый врасплох революцией и захлебываясь в ее волнах, он в 1919 году признал: это крушение капитализма, это начало социально-революционной

эпохи! Но так как теперь, слава богу, волны революции снова отхлынули, то наш мудрец спешно возвращается к своему пророчеству от 1917 г.; ибо, как мы уже знаем, у него, к счастью, два пророчества наготове, и он может использовать их по желанию. *(Смех.)* Далее Бауэр рассуждает так: «Мы видим таким образом, что возрождается капиталистическое хозяйство (в России); капиталистическое хозяйство, над которым властвует новая буржуазия, опирающаяся на миллионы крестьянских хозяйств; к ней, к этой буржуазии, поневоле должны приспособляться законодательство и управление государством». Вы видите теперь, что представляет собой наша Советская Россия? Уже год тому назад этот господин заявлял, что хозяйство и государство находятся у нас под властью новой буржуазии. Это сдача в аренду предприятий, плохо оборудованных и занимающих, как я вам рассказывал, около 50 тысяч рабочих — против миллиона рабочих в лучших государственных предприятиях, — есть «капитуляция советской власти перед промышленным капиталом»!

Чтобы дать этим столь же нелепым, сколь и наглым утверждениям надлежащую историческую оправу, Бауэр утверждает: «после долгих колебаний советское правительство решилось теперь, наконец (!!), признать иностранные долги царского правительства». Словом: одна капитуляция за другой!..

Так как не все товарищи, разумеется, помнят в точности нашу историю, то я напомню, что еще 4 февраля 1919 г. мы сделали всем капиталистическим правительствам следующие предложения по радио: 1) признание долговых обязательств России; 2) отдача в залог нашего сырья, в качестве гарантии уплаты займов и процентов; 3) предоставление концессий — по их вкусу; 4) территориальные уступки в форме военной оккупации некоторых областей вооруженными силами Антанты или ее русских агентов.

Все это мы предложили капиталистическому миру радио-телеграммой от 4 февраля 1919 г. в обмен за то, чтоб нас оставили в покое. А в апреле того же года мы повторили наши предложения еще подробнее и точнее неофициальному американскому уполномоченному — как его звали, этого парня? *(Смех)*... да, Буллит... Так вот, товарищи, если сравнить эти предложения в сравнении с теми, которые были отвергнуты нашими представителями в Генуе и Гааге, то станет очевидным, что на этом пути мы двигались не в направлении расширения уступок, а, наоборот, в направлении более твердого отстаивания наших революционных завоеваний. Сейчас мы никаких долгов не признали; никакого сырья не даем и не собираемся давать в залог; очень сдержанны в вопросе о концессиях; и уж во

всяком случае не согласны терпеть никаких оккупационных войск на нашей территории! Кое-что изменилось с 1919 года...

Мы уже слышали от Отто Бауэра, что все это развитие ведет к «демократии». «Снова подтверждается, — поучает нас ученик Каутского и учитель Мартова, — что за переворотом в области экономического базиса должен последовать и переворот во всей политической надстройке». Совершенно верно — между базисом и надстройкой, в общем и целом, существует именно то взаимоотношение, какое указывает Бауэр. Но, во-первых, экономический базис Советской России изменяется не совсем так, как изображает Отто Бауэр, и не совсем так, как хочет Лесли Уркарт, слово которого в этом вопросе, нужно признаться, имеет больший вес, чем слово Бауэра. А, во-вторых, поскольку экономический базис действительно изменяется в сторону капиталистических отношений, эти изменения происходят таким темпом и в таком масштабе, что мы отнюдь не рискуем потерять политический контроль над этим экономическим процессом.

Под чисто политическим углом зрения вопрос пока-что сводится к тому, что правящий рабочий класс делает те или другие, очень значительные, уступки буржуазии. Но отсюда до «демократии», то-есть до передачи власти в руки капиталистов, еще очень далеко. Для достижения этой цели буржуазии нужен был бы победоносный контр-революционный переворот. А для переворота ей нужны были бы соответственные силы. В этом отношении мы кое-чему научились на примере самой буржуазии. В течение всего XIX столетия она только и делала, что чередовала репрессии с уступками в пользу мелкой буржуазии, крестьянства, верхов рабочего класса, нещадно эксплоатируя в то же время трудящиеся массы. Уступки эти имели то политический, то экономический, то комбинированный характер. Но это были всегда уступки со стороны правящего класса, сохранявшего в своих руках государственную власть. Некоторые из ее экспериментов в этой области казались вначале очень рискованными, например, введение всеобщего избирательного права. Маркс назвал законодательное сокращение рабочего времени в Англии победой нового принципа. Какого? Принципа рабочего класса. Но от частичной победы этого принципа до завоевания политической власти английском рабочим классом оказался, как мы это хорошо знаем, весьма продолжительный путь. Правящая буржуазия отмеряла уступки. Государственная бухгалтерия оставалась в ее руках. Ее правящие политики решали, сколько можно дать не только без опасности для сохранения власти, но, наоборот, — с выгодой для укрепления буржуазного господства. Мы, марксисты, не раз гово-

рили, что буржуазия исчерпала свою историческую миссию. Между тем, она сохраняет в своих руках власть до сегодняшнего дня. Это значит, что взаимоотношение между экономическим базисом и политической надстройкой вовсе не так прямолинейно. Мы видим, что классовый режим держится в течение десятилетий после того, как он пришел уже в явное противоречие с потребностями экономического развития.

Какие же теоретические основания утверждать, что уступки рабочего государства буржуазным отношениям должны автоматически вести за собой смену рабочего государства государством капитала? Если верно, что капитализм исчерпал себя в международном масштабе, — а это безусловно верно, — то тем самым утверждается прогрессивная историческая роль рабочего государства. Уступки, которые делаются рабочим государством буржуазии, представляют собой только компромиссы, вызываемые трудностями развития, но само развитие исторически предопределено и обеспечено. Разумеется, если бы наши уступки развивались без ограничения, умножались, накоплялись; если бы мы стали сдавать в аренду все новые и новые группы национализированных промышленных предприятий; если бы мы стали сдавать в концессию важнейшие источники добывающей промышленности или железные дороги; если бы наша политика длилась по наклонной плоскости уступок в течение ряда лет,—перерождение экономического базиса неизбежно привело бы к крушению политической надстройки. Мы говорим о крушении, а не о перерождении, потому что власть из рук коммунистического пролетариата капитал мог бы вырвать не иначе, как в результате ожесточенной и беспощадной гражданской войны. Но кто ставит вопрос так, тот тем самым предполагает жизненность и долговечность господства мировой и европейской буржуазии. К этому все сводится. Социал-демократические теоретики, которые, с одной стороны, признают в воскресных статьях, что капитализм, особенно в Европе, пережил себя и стал тормозом исторического развития, а, с другой стороны, выражают уверенность в том, что эволюция Советской России неизбежно ведет ее к торжеству буржуазной демократии, впадают в самое жалкое и плоское противоречие, вполне достойное этих тупых и чванных конфузионистов. Новая экономическая политика рассчитана на определенные условия пространства и времени: это маневрирование рабочего государства, живущего еще в капиталистическом окружении и твердо рассчитывающего на революционное развитие Европы. Оперировать в решении вопроса о судьбе Советской Республики с абсолютными категориями капитализма и социализма, которым «адэкватны» соответ-

ственные политические надстройки, — значит ничего не понимать в условиях переходной эпохи; значит быть схоластом, а не марксистом. Нельзя выключать из политических расчетов такой фактор, как время. Если допустить, в самом деле, что капитализм будет существовать в Европе еще столетие или полстолетия, и что Советская Россия должна будет к нему приспособляться в своей хозяйственной политике, — тогда вопрос разрешается сам собою, ибо этим допущением мы заранее предполагаем крушение пролетарской революции в Европе и наступление новой эпохи капиталистического возрождения. На каком таком основании? Если Отто Бауэр в жизни нынешней Австрии открыл чудесные признаки капиталистического воскресения, тогда, что и говорить, участь Советской России предрешена. Но мы пока чудес не видим и в чудеса не верим. С нашей точки зрения, обеспечение власти европейской буржуазии на ряд десятилетий обозначало бы в нынешних мировых условиях не новый расцвет капитализма, а хозяйственное гниение и культурный распад Европы. Что такой процесс мог бы увлечь в пропасть и Советскую Россию, этого, вообще говоря, отрицать нельзя. Пришлось ли бы ей при этом проходить через стадию демократии, или она загнила бы в других формах — это уже вопрос второстепенный. Но мы не видим никакого основания становиться под знамя философии Шпенглера [341]). Мы твердо рассчитываем на революционное развитие в Европе. Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития.

Отто Бауэр и сам как бы чувствует, что из тех изменений, которые происходят в нашей экономике, вовсе не так непосредственно вытекает режим демократии. Он поэтому очень трогательно уговаривает нас помочь капиталистическим тенденциям развития против социалистических тенденций. Бауэр говорит: «Воссоздание капиталистического хозяйства не может происходить под диктатурой коммунистической партии. Новый курс в народном хозяйстве требует нового курса в политике». Разве же это не трогательно до слез? Тот самый человек, который столь содействовал экономическому и политическому расцвету Австрии *(смех)*, убеждает нас: «Поймите, ради бога, что капитализм никак не может расцвесть под диктатурой вашей партии». Но ведь именно потому-то — не в обиду будь сказано всем Бауэрам — мы и сохраняем диктатуру нашей партии. *(Громкий смех. Одобрение.)*

Уступки капитализму отмеряет у нас коммунистическая партия, как руководительница рабочего государства. Сейчас в нашей печати ведется широкое обсуждение вопроса о концессии Лесли Уркарта. Сдавать или не сдавать? Дискуссия имеет своей целью

выяснить как конкретные материальные условия договора, так и оценить концессию с точки зрения ее места в общей системе советского хозяйства. Не слишком ли велика концессия? Не слишком ли глубоко внедрится капитал через эту концессию в самую сердцевину нашего промышленного хозяйства? Таковы вопросы. Кто их решает? Рабочее государство. Разумеется, НЭП заключает в себе огромную уступку буржуазным отношениям и самой буржуазии. Но размеры этой уступки как раз определяем мы. Мы — хозяева. У нас ключ от двери. Государство есть само по себе огромной важности фактор хозяйственной жизни. И мы ни мало не собираемся выпускать этот фактор из рук.

Мировое положение и революционные перспективы.

Повторяем: пророчества социал-демократов относительно последствий нашей новой экономической политики целиком вытекают из признания безнадежности пролетарской революции в Европе в ближайшую историческую эпоху. Мы не можем помешать этим господам оставаться пессимистами за счет пролетариата и оптимистами за счет буржуазии: в этом и состоит историческое призвание эпигонов II Интернационала. Что касается нас, то мы не имеем оснований подвергать сомнениям или изменениям тот взгляд на мировое положение, который был формулирован нами в тезисах, одобренных III конгрессом Коминтерна. За истекшие после того полтора года капитализм ни на шаг не приблизился к восстановлению своего равновесия, окончательно подорванного войной и ее последствиями. Английский министр иностранных дел, лорд Керзон, очень недурно охарактеризовал мировое положение в речи, которую он произнес 9 ноября, как раз в день рождения Германской республики. Не знаю, успели ли вы прочитать эту речь. Я приведу из нее несколько фраз, — они этого заслуживают:

«Все державы,—говорит Керзон,—вышли из войны со слабыми, надломленными силами. Мы (англичане) несем тяжкое иго налогов, которое давит на промышленность страны. У нас множество безработных во всех отраслях труда... Что касается до положения Франции, то эта страна обременена колоссальной задолженностью и не в состоянии добиться репараций... Германия находится в состоянии политической неустойчивости, а ее хозяйственная жизнь надломлена страшным валютным кризисом... Россия все еще находится вне семьи европейских народов, она все еще стоит под знаменем коммунизма — Керзон, значит, не совсем согласен на этот счет с Отто Бауэром *(смех)* — и продолжает свою коммунистическую про-

паганду во всех частях мира—что вовсе неверно. *(Смех.)*—Италия, — продолжает Керзон, — пережила много внутренних потрясений и правительственных кризисов — далеко не пережила, а еще только переживает... *(Смех.)*—Ближний Восток находится в состоянии полного хаоса. Такое положение дел ужасно».

Лучше Керзона вести пропаганду в мировом масштабе не могли бы и мы, русские коммунисты. «Такое положение дел ужасно», — констатирует к 5-му юбилею Советской Республики авторитетный представитель наиболее сильного европейского государства. И он прав: положение ужасно. Из этого ужасного положения — добавляем мы — необходимо выйти. Выход же один: *революция.*

Мне случилось как-то на вопрос одного итальянского корреспондента о том, как мы оцениваем теперь мировое положение, дать следующий, довольно, впрочем, банальный ответ: буржуазия уже не способна к власти, — что, как мы только что слышали, подтверждает по существу господин Керзон, — рабочий класс еще неспособен захватить власть. Этим определяется злосчастный характер нашей эпохи. Таковы были примерно мои слова. И вот три или четыре дня тому назад я получаю из Берлина от одного из друзей вырезку из одного из последних, предсмертных номеров «Фрейхейт», где, под заголовком: «Победа Каутского над Троцким» *(смех)* говорится о том, что «Rote Fahne» не имеет достаточно смелости, чтобы выступить против моей капитуляции перед Каутским, хотя, как вы знаете, товарищи, «Rote Fahne» всегда имела достаточно смелости, чтобы выступать против меня, — даже и тогда, когда я бывал прав. Но, впрочем, это относится к III конгрессу, а не к IV. *(Одобрение и смех.)* Итак, я сказал итальянскому журналисту: «Капиталисты уже неспособны, а рабочие еще неспособны к власти, — таков характер нашей эпохи». И вот, по поводу этих слов блаженной памяти «Фрейхейт» говорит: «То, что Троцкий высказывает здесь, как *свой* взгляд, было до сих пор мнением *Каутского*». Итак, я почти что повинен в плагиате. Это — тяжкое наказание за банальное интервью. Должен вам сказать, что давать интервью не очень привлекательное занятие, и дается у нас интервью не по доброй воле, а по строгому предписанию нашего друга Чичерина. Как видите, и в эпоху новой экономической политики, когда мы отказались от излишнего централизма, кое-что остается у нас централизованным: во всяком случае, ордера на интервью централизованы в Комиссариате Иностранных дел. *(Смех.)* А раз уже приходится говорить интервью, то говоришь, конечно, самые плоские вещи, какие только имеешь про запас. *(Смех.)* И признаюсь, в том случае, о котором у нас идет речь, я меньше всего подозревал, что

мое замечание на счет межеумочного характера нашей эпохи представляет патентованное изобретение. Теперь оказывается, если верить «Фрейхейт», что духовным отцом этого афоризма является Каутский. Если бы это было верно, то я оказался бы слишком уж строго наказанным за свое интервью. Ибо все, что Каутский теперь говорит или пишет, имеет единственной видимой целью доказать, что марксизм — это одно, а маразм — совсем другое. Да, я констатировал и сейчас констатирую неоспоримый факт, что европейский пролетариат, в нынешнем его состоянии, неспособен сейчас, в данный момент, овладеть властью. Но почему? Да потому именно, что широкие круги рабочего класса не вышли еще из-под растлевающего влияния идей, предрассудков и традиций, выражением которых является каутскианство. *(Смех.)* Именно этим, и даже только этим, вызывается сейчас политическая расколотость пролетариата и его неспособность овладеть властью. Эту простую мысль я и высказал итальянскому корреспонденту. Правда, я не называл при этом Каутского, но только потому, что умные люди и без того должны понять, против кого и против чего направлена моя мысль. Такова моя «капитуляция» перед Каутским.

У Коммунистического Интернационала нет и не может быть причин капитулировать перед кем бы то ни было — теоретически или практически. Тезисы Третьего Конгресса о мировом положении безусловно правильно охарактеризовали основные черты нашей эпохи, как эпохи великого исторического кризиса капитализма. На Третьем Конгрессе мы настаивали на необходимости различать большой или исторический кризис капитализма — и малые или кон'юнктурные кризисы, составляющие необходимый этап каждого торгово-промышленного цикла. Вы помните, что по этому поводу были большие прения как в комиссии Конгресса, так и отчасти в пленуме. Мы защищали против ряда товарищей тот взгляд, что в историческоом развитии капитализма нужно строго различать два ряда кривых: *основную* — которая знаменует развитие капиталистических производственных сил, рост производительности труда, накопление богатств и пр., и *циклическую* кривую, характеризующую периодические волны под'ема и кризиса, повторяющиеся в среднем каждые девять лет. Соотношение между этими двумя кривыми в марксистской литературе, — да и вообще, насколько знаю, в экономической литературе, — до сих пор совершенно не освещено. Между тем, вопрос имеет колоссальную важность — и теоретическую и политическую.

С середины 90-х годов основная кривая капиталистического развития резко поднимается вверх. Европейский капитализм про-

ходит через свою кульминацию. В 1919 году разразился кризис, который был не только очередным циклическим колебанием, но и началом эпохи длительного экономического застоя. Империалистская война явилась попыткой вырваться из тупика. Попытка не удалась, и глубокий исторический кризис капитализма только обострился. Однако, в пределах этого исторического кризиса неизбежны циклические волны, т.-е. кризисы и под'емы, с той, однако, глубокой разницей по сравнению с довоенным периодом, что нынешние циклические кризисы отличаются резко выраженным характером, тогда как нынешние под'емы имеют гораздо более поверхностный и слабо выраженный характер. В 1920 году начался — на основе общего капиталистического распада — острый циклический кризис. Некоторые товарищи, из так называемых «левых», считали, что этот кризис будет непрерывно углубляться и обостряться до пролетарской революции. Мы же предсказывали неизбежность, в более или менее близком будущем, перелома экономической кон'юнктуры в сторону некоторого улучшения. Более того, мы выражали уверенность, что такого рода перелом кон'юнктуры не только не ослабит революционного движения, а придаст ему, наоборот, новые силы. Жестокий кризис 1920 года, наступивший после ряда лет революционного движения, тяжко придушил рабочие массы, временно порождая в их среде настроение выжидательной пассивности и даже безнадежности. В этих условиях улучшение кон'юнктуры неизбежно должно было вызвать повышение самочувствия рабочих масс и оживление классовой борьбы. Некоторые товарищи серьезно думали тогда, что в таком прогнозе выражается наклон к оппортунизму и стремление отсрочить революцию на неопределенное время. Отголоски таких наивных взглядов ярко запечатлены в протоколах Иенского с'езда нашей немецкой партии.

Представим теперь себе, товарищи, в каком положении мы все оказались бы сегодня, если бы полтора года тому назад приняли и усыновили эту чисто механическую теорию «левых» о непрерывно обостряющемся торгово-промышленном кризисе! Сейчас ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что перелом кон'юнктуры наступил. В Соединенных Штатах, то-есть, в самой могущественной капиталистической стране, мы наблюдаем явный промышленный под'ем. В Японии, в Англии, во Франции улучшение экономической кон'юнктуры несравненно слабее, но самый факт перелома и здесь на-лицо. Насколько длителен будет под'ем и какой он достигнет высоты — это вопрос другой. Мы ни на минуту не можем забывать, что улучшение кон'юнктуры развертывается на основе мирового и особенно европейского капиталистического распада.

Причины этого распада не задеваются кон'юнктурными изменениями рынка. Но, с другой стороны, и распад не устраняет кон'юнктурных изменений. Мы были бы сегодня вынуждены подвергнуть новой теоретической проверке наш основной взгляд на революционный характер текущей эпохи, если бы полтора года тому назад мы уступили левым, которые валили в одну кучу исторический кризис капиталистической системы хозяйства и циклические кон'юнктурные колебания рынка и требовали от нас признания того чисто метафизического взгляда, будто кризис при всех и всяких обстоятельствах является революционным фактором. Теперь же у нас нет никакого основания подвергать ревизии наши решения. Не потому считали мы нашу эпоху революционной, что в 1920 году острый кон'юнктурный кризис сменил фиктивный под'ем 1919 года, а на основании нашей общей оценки мирового капитализма и борьбы его основных сил. Для того, чтобы этот урок ни для кого не пропал даром, нам нужно подтвердить полную правильность тезисов Третьего Конгресса, целиком сохраняющих силу и для нынешнего момента.

Основная идея решений III Конгресса такова. После войны массы были охвачены революционным настроением и готовностью к открытой борьбе. Но не было революционной партии, способной вести их к победе. Отсюда поражение революционных масс в различных странах, упадок настроения, пассивность. Сейчас революционные партии существуют во всех странах, но они опираются непосредственно только на часть рабочего класса, — точнее сказать, на меньшинство его. Коммунистическим партиям нужно завоевать доверие подавляющего большинства рабочего класса. Убедившись на опыте в правильности, твердости и надежности коммунистического руководства, рабочий класс стряхнет с себя разочарование, пассивность, выжидательность — и тогда откроется эпоха последнего штурма. Как близок этот час? Мы этого не предсказываем. Но задачу сегодняшнего дня III Конгресс определил как борьбу за влияние на большинство рабочего класса. С того времени прошло полтора года. Мы сделали, несомненно, крупные успехи. Но задача пока остается той же: нужно завоевать доверие подавляющего большинства трудящихся. Это может и должно быть достигнуто в процессе борьбы за переходные требования под общим лозунгом единого пролетарского фронта.

Сейчас мировое рабочее движение стоит под знаком наступления капитала. Вместе с тем, даже в странах, как Франция, где рабочее движение год-полтора тому назад переживало период удручающего затишья, мы видим ныне несомненный рост готовности

рабочего класса к отпору. Стачки во Франции, несмотря на крайне недостаточное руководство, учащаются и принимают крайне напряженный характер, свидетельствующий о возрастающей боеспособности рабочих масс. Отсюда—постепенное углубление и обострение классовой борьбы. Наступлению капитала соответствует сосредоточение государственной власти в руках наиболее реакционных элементов буржуазии. Но в то же самое время мы видим, как, идя навстречу обострению классовой борьбы, буржуазное общественное мнение, с молчаливого полусогласия правящих клик, подготовляет для себя новую ориентацию — влево, в сторону реформистского и пацифистского обмана. Во Франции у власти стоит архи-реакционный националистический блок, руководимый Пуанкаре, и в то же время систематически подготовляется победа левого блока, который, разумеется, охватит собой и господ социалистов. В Англии сейчас происходят общие выборы. Из-за распада коалиции Ллойд-Джорджа они наступили раньше, чем ожидались. Сейчас еще неизвестно, кто победит. Может быть, к власти вернется прежняя, крайняя империалистская группировка *). Но если она даже и победит, то, вероятно, не надолго. В Англии, как и во Франции, явно подготовляется новая парламентарная ориентировка буржуазии. Методы открыто империалистские, агрессивные — методы версальского мира, Фоша, Пуанкаре, Керзона—явно упираются в тупик. Франция не может получить с Германии того, чего у Германии нет. В свою очередь Франция не может платить своих долгов. Антагонизм Англии и Франции возрастает непрерывно. Америка не хочет отказаться от получения уплаты по долгам. И среди средних и особенно мелко-буржуазных слоев населения накопляются реформистски-пацифистские настроения: нужно бы договориться с Германией, с Россией, расширить Лигу Наций, смягчить бремя милитаризма, получить заем у Америки и т. д. и т. д. Военно-оборонческие иллюзии, идеи и лозунги национализма, шовинизма, затем надежды на великие плоды побед, — словом, иллюзии, которые захватили в странах Антанты и значительную часть самого рабочего класса, сменяются отрезвлением и разочарованием; такова почва для роста левого блока во Франции, так называемой Рабочей партии и независимых либералов — в Англии. Разумеется, никакой серьезной перемены политики от реформистски-пацифистской ориентации буржуазии ждать нельзя. Об'ективные условия капиталистического мира ныне меньше всего приспособлены для реформизма и пацифизма. Но весьма вероятно, что понадобится еще прак-

*) Победили, как известно, консерваторы.

тическое крушение этих иллюзий, прежде чем станет возможна революционная победа.

Мы говорили до сих пор только об Антанте, но совершенно очевидно, что если бы во Франции у власти стояли радикалы и социалисты, а в Англии — рабочие оппортунисты и независимые либералы, это неизбежно вызвало бы в Германии новый прилив соглашательских и пацифистских надежд: с демократическими правительствами Англии и Франции можно-де договориться, можно получить отсрочку по платежам и даже скидку, можно при их содействии получить заем в Америке и пр. А кто же более приспособлен для соглашения с французскими радикалами, социалистами и английскими трудовиками, как не германские социал-демократы?..

Конечно, события могут развернуться и острее. Не исключена возможность того, что репарационная проблема, французский империализм, итальянский фашизм доведут дело до революционной развязки, не дав буржуазии времени выдвинуть вперед свое левое крыло. Но слишком многое говорит за то, что буржуазия вынуждена будет прибегнуть к реформистской и пацифистской ориентировке прежде, чем пролетариат почувствует себя подготовленным для решающего наступления. Это будет означать эпоху европейской керенщины. Конечно, лучше было бы ее миновать: это не очень вкусное блюдо — керенщина, да еще в мировом масштабе. Но выбор исторических путей зависит от нас только до некоторой степени. При известных условиях, мы примем и европейскую керенщину, как приняли в свое время русскую. Наша задача будет состоять в том, чтобы превратить эпоху реформистского и пацифистского обмана в прямое вступление к завоеванию власти революционным пролетариатом. У нас керенщина длилась всего-на-всего около девяти месяцев. Сколько времени продлится она у вас, если ей суждено вообще наступить? На этот вопрос сейчас, разумеется, нельзя дать ответа. Это зависит от того, как быстро произойдет ликвидация реформистских и пацифистских иллюзий, то-есть в значительной мере от того, с какой ловкостью будут маневрировать ваши Керенские, которые, в отличие от наших, знают, по крайней мере, таблицу умножения. Но это зависит также и от того, с какой энергией, решительностью, гибкостью будет маневрировать наша собственная партия.

Совершенно очевидно, что эпоха реформистски-пацифистских правительств стала бы временем возрастающего натиска рабочих масс. Наша задача состояла бы в том, чтобы овладеть этим натиском, стать во главе его. Но для этого нужно, чтобы наша партия

вступила в эпоху пацифистского обмана совершенно очищенной от пацифистских и реформистских иллюзий. Горе той коммунистической партии, которая сама в большей или меньшей степени оказалась бы захлестнутой пацифистской волной! Неизбежное крушение пацифистских иллюзий означало бы вместе с тем крушение такой партии. Рабочему классу пришлось бы снова, как это было с ним в 1919 г., искать вокруг себя ту партию, которая его еще не обманула... Вот почему проверка наших рядов и их очищение от чужеродных элементов является первостепенной нашей задачей в эту эпоху революционной подготовки. Один французский товарищ, именно Фроссар, сказал однажды: «Le parti c'est la grande amitié» (партия—это великая дружба). Формула эта затем часто повторялась и другими. И действительно, нельзя отрицать, что формула сама по себе очень привлекательная, и в известном смысле каждый из нас готов под ней подписаться. Нужно только твердо помнить, что партия не рождается, как великая дружба, а превращается в великое содружество путем глубокой борьбы, внешней и, если нужно, внутренней, путем очищения рядов, путем тщательного и, если нужно, беспощадного отбора лучших элементов рабочего класса, беззаветно преданных делу революции. Другими словами, прежде чем стать великим содружеством, партия должна пройти через великий отбор! *(Горячие, долго не смолкающие апплодисменты).*

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *).

1. Вопрос о путях хозяйственного развития Советской России должен быть оценен и понят сознательными рабочими всего мира как с точки зрения судеб первой в мире рабочей республики, ее прочности, устойчивости, повышения ее благосостояния, ее приближения к социализму, так и с точки зрения тех уроков и выводов, которые вытекают из русского опыта для хозяйственного строительства пролетариата других стран, после завоевания им государственной власти.

2. Методы и темп хозяйственного строительства победоносного пролетариата определяются: а) уровнем развития производительных сил как в хозяйстве в целом, так и в отдельных его отраслях,

*) Настоящие тезисы представляют собою конспект доклада, прочитанного мною на IV конгрессе Коминтерна по вопросу о хозяйственном положении Советской России и перспективах мировой революции. *Л. Т.*

в особенности—соотношением между промышленностью и крестьянским хозяйством; б) культурным и организационным уровнем пролетариата, как правящего класса; в) политической ситуацией, сложившейся после завоевания пролетариатом власти (сопротивлением низвергнутых буржуазных классов, поведением мелкой буржуазии и крестьянства, размахом и разрушительностью гражданской войны, наличностью внешних военных интервенций и пр.).

Совершенно очевидно, что, чем выше уровень производительных сил в стране и культурно-организационный уровень пролетариата, чем слабее сопротивление низвергнутых классов, тем ровнее, систематичнее, скорее и успешнее победоносный пролетариат может перевести хозяйство с капиталистических основ на социалистические.

В силу своеобразного сочетания исторических условий, первой вступила на путь социалистического развития Россия, страна хозяйственно отсталая, несмотря на высокую концентрацию важнейших отраслей ее промышленности, страна с отсталыми в культурном и организационном отношении рабочими и крестьянскими массами, несмотря на крайне высокие революционно - политические качества пролетарского авангарда.

Этими противоречиями в хозяйственном, социальном и политическом строении России, а также и тем фактом, что Советская Республика в течение всего своего существования оставалась и остается в капиталистическом окружении, определяются судьбы хозяйственного строительства рабоче-крестьянской власти, повороты этого строительства и смысл нынешней, так называемой, новой экономической политики.

3. Поголовная экспроприация не только крупной и средней, но и мелкой буржуазии города и деревни была мерой не экономической целесообразности, а политической необходимости. При продолжавшемся господстве капитализма во всем мире не только крупная, но и мелкая буржуазия России не хотела верить в устойчивость рабочего государства и являлась резервуаром для помещичье-буржуазной контр-революции. Сломить сопротивление этой последней и тем отстоять Советскую власть можно было в этих условиях не иначе, как полной экспроприацией буржуазии и кулацких верхов деревни. Только такая решительная и беспощадная политика, поставившая колеблющиеся крестьянские массы пред необходимостью выбирать между помещичьей реставрацией и рабочим государством, обеспечила победу этого последнего.

4. Рабочее государство оказалось, следовательно, уже на первых шагах своей деятельности обладателем всех промышленных

предприятий, вплоть до самых мелких. Внутреннее соотношение различных отраслей промышленности, в том числе — и в первую голову — основных, было уже до того совершенно нарушено и искажено перестройкой промышленности во время войны и для войны. Личный состав управляющего хозяйственно-административного аппарата находился либо в эмиграции, либо на белых фронтах, а если на советской службе, — то в качестве саботажников.

Завоевание и удержание власти рабочим классом было куплено ценою быстрого и беспощадного разрушения всего буржуазного аппарата управления хозяйством, сверху донизу, как в отдельном предприятии, так и во всей стране.

Таковы те условия, в которых сложился так называемый «военный коммунизм».

5. Самой неотложной задачей нового режима было обеспечить продовольствием города и армию. Уже империалистская война заставила от свободы хлебной торговли перейти к монополии. Разрушив, под давлением потребностей гражданской войны, все организации торгового капитала, рабочее государство не могло, разумеется, начать с восстановления свободной хлебной торговли. Оно оказалось вынужденным заменить разрушенный торговый аппарат государственным — на основе принудительного из'ятия излишков крестьянского хозяйства.

Распределение продовольственных и иных потребительских ресурсов приняло форму уравнительного государственного пайка, почти вне зависимости от квалификации и производительности труда. Этот «коммунизм» был справедливо назван *военным* не только потому, что заменил хозяйственные методы военными, но и потому, что служил в первую голову военным целям. Дело шло не о том, чтобы обеспечить планомерное развитие хозяйства в создавшихся условиях, а о том, чтобы обеспечить продовольствие армии на фронтах и спасти рабочий класс от вымирания. Военный коммунизм — это режим осажденной крепости.

6. В области промышленности был создан, на основе профсоюзов и при их помощи, грубый централизованный аппарат, имевший своей непосредственной целью извлечь из расстроенной вконец войной, революцией и саботажем промышленности хотя бы минимум продуктов, необходимых в первую голову для ведения гражданской войны. Подобие единого плана достигалось тем, что наличные производительные силы использовывались лишь в незначительной своей части.

7. Если бы за победой русского пролетариата последовала вскоре победа пролетариата западно-европейского, то это не только сокра-

тило бы в чрезвычайной степени гражданскую войну в России, но и открыло бы перед русским пролетариатом новые организационные и технические возможности, неразрывно связав хозяйство Советской России с более высоким хозяйством других пролетарских стран. При этом условии переход от «военного коммунизма» к подлинному социализму произошел бы, несомненно, в более короткий срок и без тех потрясений и отступлений, которые пришлось пережить изолированной пролетарской России за эти 5 лет.

8. Экономическое отступление — или вернее: политическое отступление на хозяйственном фронте — стало совершенно неизбежным, когда вполне определилось, что Советской России предстоит своими собственными организационными и техническими силами и средствами строить свое хозяйство в течение более или менее значительного периода, необходимого для подготовки европейского пролетариата к завоеванию власти.

Контр-революционные события в феврале 1921 г. показали полную неотложность большего приспособления хозяйственных методов социалистического строительства к потребностям крестьянства. Революционные события в марте 1921 г. в Германии показали полную неотложность политического «отступления» в смысле подготовительной борьбы за овладение большинством рабочего класса. Оба эти отступления, совпадающие по времени, находятся, как указано выше, в теснейшей взаимной связи. Отступлениями они являются в том условном смысле, что и там и здесь выяснилась со всей отчетливостью необходимость пройти через некоторый подготовительный период: нового хозяйственного курса — в России, борьбы за переходные требования и единый фронт — на Западе.

9. От методов военного коммунизма советское государство перешло к методам рынка. Оно заменило из'ятие излишков натуральным налогом, предоставив крестьянству свободно продавать излишки на рынке; восстановило денежное обращение, приняв ряд мер, направленных к стабилизации валюты; перевело предприятие государственной промышленности на начала коммерческого расчета, восстановив зависимость заработной платы от квалификации и выработки, сдало ряд мелких и средних промышленных предприятий в аренду частным предпринимателям. В возрождении рынка, его методов и учреждений и состоит существо «новой экономической политики».

10. К 5-летию существования Советской Республики, экономика ее, в грубых чертах, может быть охарактеризована следующим образом:

а) Вся земля принадлежит государству. Около 95% пахотной земли находится в хозяйственном распоряжении крестьянства, которое вносит государству, в виде натурального налога, в нынешнем году свыше 300 миллионов пудов ржи из урожая, который составил, примерно, ¾ среднего довоенного урожая.

б) Вся железнодорожная сеть (свыше 63 тысяч верст) составляет собственность государства. При свыше 800 тысяч служащих и рабочих, она выполняет сейчас, примерно, треть той работы, которую выполняла до войны.

в) Все промышленные предприятия принадлежат государству. На важнейших из них (свыше 4.000 предприятий), насчитывающих около миллиона рабочих, государство ведет хозяйство за собственный счет. До 4.000 второстепенных и третьестепенных предприятий, насчитывающих около 80 тысяч рабочих, сдано в аренду. Государственные предприятия занимают в среднем 207 рабочих каждое. Арендные предприятия — 17 рабочих в среднем каждое. Однако из арендованных предприятий только около половины находится в руках частных предпринимателей; другая половина арендована отдельными государственными учреждениями или органами кооперации.

г) Частный капитал формируется и оперирует ныне, главным образом, в области торговли. По крайне приблизительным и недостоверным первым исчислениям, на его долю приходится около 30% торгового оборота; остальные 70% составляются из сумм государственных органов и кооперации, тесно связанной с государством.

д) Внешняя торговля, составляющая в нынешнем году ¼ довоенной в отношении ввоза и $^1/_{20}$ — в отношении вывоза целиком сосредоточена в руках государства.

11. Методы военного коммунизма, т.-е. методы крайне грубого централизованного учета и распределения, заменены при новой политике методами рынка: куплей-продажей, коммерческой калькуляцией, конкуренцией. Но на этом рынке рабочее государство выступает как самый могущественный собственник, покупатель и продавец. Непосредственно в руках рабочего государства сосредоточено подавляющее большинство производительных сил промышленности и средств железнодорожного транспорта. Деятельность государственных органов, таким образом, контролируется и в значительной мере направляется рынком. Выгодность того или другого предприятия проверяется через конкуренцию и коммерческий расчет. Связь земледелия с промышленностью, деревни — с городом осуществляется через посредство рынка.

12. Поскольку, однако, существует свободный рынок, на нем неизбежно образуется и частный капитал, конкурирующий с государственным — сперва в области торговли, но стремящийся проникнуть и в сферу промышленности. Недавняя гражданская война пролетариата с буржуазией сменяется конкуренцией пролетарской промышленности с буржуазной. Как в гражданской войне борьба шла, в значительной мере, за политическое привлечение крестьянства, так сейчас борьба идет, главным образом, из-за крестьянского рынка. Пролетариат имеет в этой борьбе огромные преимущества: наиболее высоко стоящие производительные силы страны и государственную власть. На стороне буржуазии — сноровка и, до известной степени, связь с иностранным капиталом, в частности, с эмигрантским.

13. Налоговая политика рабочего государства и об'единение в его руках кредитных учреждений должны быть отмечены особо, в качестве могучего средства обеспечения перевеса государственных, т.-е., по своим тенденциям, социалистических, форм хозяйства над частно-капиталистическими. Налоговая политика дает возможность привлекать все возрастающую часть частно-капиталистических доходов для государственного хозяйства, не только в области земледелия (продналог), но и в области торговли и промышленности. Таким образом и частный капитал (концессии!) становится, при пролетарской диктатуре, данником в пользу первоначального социалистического накопления.

С другой стороны, торгово-промышленный кредит, сосредоточенный в руках государства, питает, как свидетельствуют данные последних месяцев, на 75% государственные предприятия, на 20% кооперацию и никак не более, как на 5%, — частные предприятия.

14. Утверждение социал-демократов о «капитуляции» советского государства перед капитализмом представляет собой таким образом явное и грубое искажение действительности. На самом деле, советское правительство вступило на тот хозяйственный путь, каким оно пошло бы, несомненно, в 1918—1919 г.г., если бы неотразимые потребности гражданской войны не вынудили его экспроприировать буржуазию одним ударом, разрушить ее хозяйственный аппарат и заменить его на скорую руку военно-коммунистическим аппаратом.

15. Важнейшим политическим и экономическим результатом НЭП'а является серьезное и прочное соглашение с крестьянством, для которого доступ к открытому рынку стал импульсом к расширению и интенсификации хозяйства. Опыт последнего года, в частности — расширение озимого посева, дает все основания ожидать дальнейшего систематического улучшения сельского хозяйства.

Таким путем создается не только продовольственный фонд для промышленного развития России, но и важнейший товарный фонд для внешней торговли. Отныне русский хлеб будет появляться на европейском рынке во все возрастающем количестве. Значение этого фактора для социалистического переворота на Западе понятно само собой.

16. Те отрасли промышленности, которые непосредственно работают на потребление, в особенности на крестьянский рынок, сделали несомненные и весьма заметные успехи уже за первый год НЭП'а. Тяжелая промышленность находится еще, правда, в крайне тяжком положении, но эта отсталость тяжелой промышленности, целиком вытекающая из условий последних лет, находит свое об'яснение также и в условиях восстанавливающегося товарного хозяйства: только первые успехи в сельско-хозяйственной области и в сфере легкой индустрии могут дать настоящий толчек к правильному развитию машиностроения, металлургии и топливной промышленности, которым, разумеется, обеспечено самое внимательное отношение со стороны государства. Это последнее будет расширять свое хозяйство, собирать в своих руках все большие оборотные средства, а затем, путем государственного (*«первоначального социалистического»*) накопления, обновлять и увеличивать также и основной капитал. Нет решительно никаких оснований считать, что государственное накопление будет итти медленнее, чем частно-капиталистическое, и что, таким образом, частный капитал выйдет победителем из борьбы.

17. Поскольку дело идет об иностранном капитале (смешанные общества, концессии и пр.), его роль на территории России, независимо от его собственной крайне-выжидательной и осторожной политики, определяется соображениями и расчетом рабочего государства, которое выдает промышленные концессии и заключает торговые соглашения в тех пределах, в каких это не может подорвать основ государственного хозяйства. Монополия внешней торговли является в этом отношении одним из важнейших залогов социалистического развития.

18. Переведя свое хозяйство на основы рынка, рабочее государство не отказывается, однако, даже и на ближайший период от планового начала в хозяйстве. Уже тот факт, что вся железнодорожная сеть и подавляющее большинство промышленных предприятий эксплоатируются непосредственно за счет государства и финансируются последним, делают неизбежным сочетание централизованного государственного контроля над этими предприятиями с автоматическим контролем рынка. Государство все больше сосредото-

чивает свое внимание на тяжелой промышленности и транспорте, как основах хозяйства, приспособляя, в значительной степени, к их потребностям свою финансовую, фискальную, концессионную и таможенную политику. Государственный план хозяйства, в условиях нынешнего периода, не ставит себе утопической задачи — заменить универсальным предвидением стихийную работу спроса и предложения. Наоборот, исходя из рынка, как основной формы распределения хозяйственных благ и регулирования их производства, хозяйственный план сегодняшнего дня направлен на то, чтобы сочетанием кредитных, налоговых, промышленных, торговых факторов обеспечить государственным предприятиям максимальное преобладание на рынке, внести во взаимоотношения между этими предприятиями максимальное предвидение и единообразие и таким образом, опираясь на рынок, содействовать скорейшему его преодолению—прежде всего во взаимоотношениях между самими государственными предприятиями.

19. Вовлечение крестьянства в плановое государственное, т.-е. социалистическое, хозяйство представляет задачу еще более сложную и длительную. Организационно пути для этого прокладывает контролируемая и направляемая государством кооперация, обслуживающая важнейшие потребности крестьянина и его хозяйства. Экономически этот процесс будет совершаться тем быстрее, чем большую массу продуктов государственная промышленность может предоставить деревне через посредство кооперации. Но полного торжества в земледелии социалистическое начало может достигнуть только через электрификацию сельского хозяйства, которая нанесет спасительный удар варварской разобщенности крестьянского производства. План электрификации составляет, поэтому, важную составную часть общего государственного хозяйственного плана, и эта часть, неизменно возрастая по мере под'ема производительных сил советского хозяйства, должна в дальнейшем получать все большее преобладание, пока не станет основой всего социалистического хозяйственного плана в целом.

20. Организация хозяйства состоит в правильном, целесообразном распределении сил и средств между разными отраслями и разными предприятиями, и в разумном, т.-е. экономном, применении этих сил и средств внутри каждого предприятия. Капитализм достигал этой цели путями спроса и предложения, конкуренции, под'ема и кризиса.

Социализм будет достигать той же цели сознательным построением национального, а потом и мирового хозяйства, как единого целого, по общему плану, исходящему как из наличных производ-

ственных средств, так и из наличных потребностей, всеоб'емлющему и чрезвычайно гибкому в то же время. Такой план не может быть построен априорно: он должен быть выработан, исходя из того хозяйственного наследства, какое получает пролетариат от прошлого, путем систематических изменений и перестроек, все более и более решительных и смелых, по мере повышения хозяйственной выучки пролетариата и умножения его технического могущества.

21. Совершенно очевидно, что между капиталистическим режимом и законченным социализмом неизбежно должна пролегать длительная эпоха, в течение которой пролетариат, пользуясь методами и организационными формами капиталистического оборота (деньги, биржа, банки, коммерческая калькуляция), все в большей и большей степени овладевает рынком, централизует, об'единяет его и тем самым, в последнем счете, упраздняет рынок, заменяет его централистическим планом, вытекающим из всего прошлого хозяйственного развития и являющимся предпосылкой дальнейшего хозяйствования. На этом пути и находится сейчас Советская Республика — будучи несравненно ближе к точке отправления, чем к конечной цели. Только тот факт, что советское государство, после навязанного ему обстоятельствами военного коммунизма и вследствие задержки революции на Западе, оказалось вынужденным проделать известное отступление, более, впрочем, формального, чем материального характера, затуманивает картину и дает повод мелко-буржуазным противникам рабочего государства говорить о капитуляции перед капитализмом. На деле же развитие Советской России совершается не от социализма к капитализму, а от капитализма, временно придавленного методами так называемого военного коммунизма, — к социализму.

22. В корне несостоятельным, исторически невежественным, является утверждение, будто упадок производительных сил России является результатом нерациональности социалистических или коммунистических методов хозяйства. На самом деле упадок явился результатом прежде всего войны, а затем — революции, в той ожесточенной форме длительной гражданской войны, какую она приняла в России. Великая Французская Революция, создавшая предпосылки для мощного капиталистического развития Франции и всей Европы, непосредственно породила чрезвычайные опустошения и хозяйственный упадок. Через 10 лет после начала Великой Революции Франция была беднее, чем накануне революции. Тот факт, что промышленность Советской Республики дала за последний год не более четверти средней довоенной производительности, свидетельствует не о несостоятельности социалистических методов, которые

еще не успели даже найти себе применение, а о глубине хозяйственного распада, неизбежно связанного с самой революцией. Но до тех пор, пока существует классовое человеческое общество, оно будет неизбежно оплачивать каждый свой крупный шаг вперед человеческими и материальными жертвами — все равно, идет ли речь о переходе от феодализма к капитализму, или о другом, несравненно более глубоком переходе: от капитализма к социализму.

23. Из сказанного выше вытекает сам собою ответ на вопрос о том, в какой мере то, что называется в России *новой экономической политикой,* является необходимой стадией всякой пролетарской революции. В новой экономической политике надо различать два элемента: а) охарактеризованный выше момент «отступления» и б) ведение пролетарским государством хозяйства на основах рынка и всех с ним связанных методов, процессов и учреждений.

а) Что касается «отступления», то оно и в других странах может явиться результатом чисто политических причин, то-есть необходимости в разгаре гражданской войны захватить у врага гораздо большее количество предприятий, чем пролетариат сможет хозяйственно организовать. Вытекающие отсюда частичные отступления не исключены ни в одной стране. Но вряд ли они в других государствах будут иметь такой глубокий характер, как в крестьянской России, в которой, к тому же, гражданская война развернулась настоящим образом только после захвата пролетариатом власти. Сейчас уже можно не сомневаться в том, что в большинстве капиталистических стран пролетариат придет к власти только через ожесточенную, упорную и длительную гражданскую войну. Другими словами, главные вражеские силы пролетариат Европы должен будет разбить до завоевания власти, а не после завоевания ее. И уж во всяком случае, сопротивление буржуазии, военное, политическое и хозяйственное, будет тем более слабеть, чем в большем числе стран власть успеет перейти в руки пролетариата. А это значит, что момент военного захвата промышленности и следующий за ним момент хозяйственного отступления будет в остальном мире, по всей вероятности, играть несравненно меньшую роль, чем в России.

б) Что же касается использования методов и учреждений, созданных капитализмом для регулирования хозяйства, то все рабочие государства должны будут в той или иной мере пройти через эту стадию на пути от капитализма к социализму. Другими словами, каждое новое рабочее правительство должно будет после неизбежного в той или иной степени разрушения, в процессе гражданской войны капиталистических хозяйственных органов (биржи, банки, тресты, синдикаты) — восстановить эти органы, подчинить

их себе политически и организационно, связав их со всем механизмом пролетарской диктатуры, творчески овладеть ими для постепенной перестройки при их помощи хозяйства на социалистических началах. Чем большее число стран уже подпало под власть пролетариата, чем могущественнее овладевающий в данной стране властью пролетариат, тем труднее эмиграция капиталов и даже капиталистов, тем меньше почвы для саботажа со стороны административно-технической интеллигенции, тем меньше будет, следовательно, разрушение материальных и организационных капиталистических аппаратов — и тем легче их восстановление.

24. С какой скоростью рабочее государство будет проходить через эту стадию, в которой строящийся социализм еще живет и развивается под капиталистической оболочкой, это будет зависеть, как уже сказано выше, помимо военно-политической обстановки — от организационно-культурного уровня и состояния доставшихся ему производственных сил. Совершенно очевидно, что чем выше будут оба эти уровня, тем быстрее рабочее государство совершит переход к социалистическому хозяйству, а затем и к полному коммунизму.

1 декабря 1922 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ IV КОНГРЕССА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО ФРАНЦУЗСКОМУ ВОПРОСУ *) [342]

Кризис партии и роль фракции.

IV конгресс Коммунистического Интернационала констатирует, что эволюция французской партии от парламентарного социализма к революционному коммунизму происходит с чрезвычайной медленностью, которая об'ясняется отнюдь не об'ективными только условиями, традициями, национальной психологией рабочего и пр., и пр., но прежде всего прямым, и временами чрезвычайно упорным сопротивлением некоммунистических элементов, которые еще очень сильны на верхах партии и особенно во фракции центра, в руках которого после Тура и находилось, главным образом, руководство партией.

Основной причиной нынешнего острого кризиса партии является крайне нерешительная, колеблющаяся, выжидательная политика руководящих элементов центра, которые, пред лицом неотложных потребностей партийной организации, пытаются выиграть

---

*) Принята единогласно на 29 заседании конгресса 2 декабря 1922 г. *Прим. ред.*

время, создавая. таким образом, прикрытие для политики прямого саботажа в вопросах синдикальных, единого фронта, партийной организации и проч. Время, которое таким образом выигрывали руководящие элементы центра, являлось потерянным для революционного развития французского пролетариата.

Конгресс вменяет Исполкому в обязанность со всем вниманием следить за внутренней жизнью Французской Коммунистической Партии, дабы, опираясь на ее несомненно революционно-пролетарское большинство, освободить ее от влияния элементов, породивших кризис и неизменно обостряющих его.

Конгресс отстраняет самую мысль о расколе, который ни в какой мере не вызывается положением дел в партии. Подавляющее большинство ее членов искренно и глубоко предано делу коммунизма. Только недостаточная еще ясность сознания партии позволила ее консервативным центристским и полуцентристским элементам внести столь острое замешательство и породить фракционные группировки. Твердое, настойчивое выяснение существа спорных вопросов пред всей партией об'единит на почве решений настоящего конгресса подавляющее большинство членов партии и, в первую голову, ее пролетарскую основу. Что касается элементов, состоящих в партии, но в то же время связанных по всему складу своей мысли и жизни с нравами и обычаями буржуазного общества и не способных ни понять подлинно пролетарскую политику, ни подчиниться революционной дисциплине, то дальнейшее очищение партии от таких элементов является необходимым условием ее оздоровления, сплочения и дееспособности. Коммунистический авангард рабочего класса нуждается, разумеется, в тех интеллигентах, которые принесли в его организацию свои теоретические знания, агитаторские или писательские дарования, но при условии, если эти элементы целиком и бесповоротно порвали с нравами и обычаями буржуазной среды, сожгли за собой все мосты в тот лагерь, из которого они вышли, и, не требуя для себя ни из'ятий ни привилегий, подчиняются дисциплине партии на-ряду с ее рядовыми членами. Столь многочисленные во Франции интеллигенты, которые входят в партию как любители или карьеристы, причиняют величайший ущерб партии, нарушают ее революционный облик, компрометируют ее пред пролетарскими массами и мешают ей завоевать доверие рабочего класса. Беспощадное очищение партии от таких элементов и закрытие пред ними в дальнейшем дверей должно быть проведено во что бы то ни стало. Лучшим средством для этого является перерегистрация партийного состава через посредство особой комиссии, составленной из рабочих, безупречных в партийно-моральном отношении.

Конгресс констатирует, что попытка исполкома смягчить организационные проявления кризиса путем создания руководящего учреждения на основе равенства двух главных фракций центра и левой—была сорвана центром под несомненным влиянием его наиболее консервативных элементов, которые получают неизбежное преобладание в центре каждый раз, когда центр противопоставляет себя левой.

Конгресс считает необходимым раз'яснить всем членам Французской Коммунистической Партии, что усилия Исполкома, направленные на то, чтобы достигнуть предварительного соглашения между руководителями фракций, имели своей задачей облегчить работу Парижского с'езда, ни в коем случае не являясь покушением на права его, как верховного органа Французской Коммунистической Партии.

Конгресс считает необходимым установить, что, каковы бы ни были те или другие частные ошибки левой, она в основном стремилась проводить политику Коммунистического Интернационала как до, так и во время Парижского конгресса, и в важнейших вопросах революционного движения—в вопросе об едином фронте и в вопросе синдикальном—занимала правильную позицию в противовес позиции центра и группы т. Рену.

Конгресс настойчиво призывает все истинно-революционные, истинно-пролетарские элементы фракций центра, составляющие в нем несомненное большинство, положить конец противодействию консервативных элементов и об'единиться с левой в общей работе. То же самое относится к третьей по своей численности фракции, ведшей наиболее резкую борьбу против политики единого фронта.

Крайнее левое крыло.

Ликвидировав федералистский характер своей организации, Сенская федерация тем самым отвергла явно ошибочную позицию так называемого крайнего левого крыла. Это последнее, в лице товарищей Гейно [343]) и Лавернь [344]), сочло, однако, возможным дать гражданину Дельпланк [345]) императивный мандат, силой которого гражданин Дельпланк обязывался воздерживаться от голосования по всем вопросам и не принимать на себя никаких обязательств. Такой образ действия указанных представителей крайне левой свидетельствует о полном непонимании смысла и сущности Коммунистического Интернационала. Лежащие в основе нашей организации принципы демократического централизма в корне исключают возможность императивных мандатов, идет ли речь о федеральных, национальных или международных с'ездах. С'езды имеют смысл лишь постольку, поскольку коллективные решения организаций—местных,

национальных или международных—вырабатываются путем свободного обсуждения и решения всех делегатов. Совершенно очевидно, что прения, обмен опыта и аргументов на с'ездах лишились бы всякого смысла, если бы делегаты были связаны заранее императивными мандатами.

Нарушение основных организационных принципов Интернационала в данном случае усугубляется еще более отказом этой группы брать на себя какие бы то ни было «обязательства» по отношению к Интернационалу, как если бы самый факт принадлежности к Интернационалу не налагал на всех его членов обязательств безусловной дисциплины и проведения в жизнь всех принятых решений.

Конгресс предлагает Центральному Комитету нашей французской секции обследовать на месте весь этот инцидент и сделать все вытекающие из него политические и организационные выводы.

Синдикальный вопрос.

Решения, принятые конгрессом в синдикальном вопросе, заключают в себе известные организационные и формальные уступки, долженствующие облегчить партии сближение с синдикальными организациями и с синдицированными массами, поскольку они не стоят еще на коммунистической точке зрения. Но полным извращением смысла этих решений была бы всякая попытка истолковать их в смысле одобрения той политики синдикального возрождения, которая являлась господствующей в партии и которую проповедуют и сейчас еще многочисленные члены ее. Тенденции, представляемые в этом вопросе Эрнестом Лафоном, стоят в полном и непримиримом противоречии с революционными задачами рабочего класса и со всей концепцией коммунизма. Партия не может и не хочет покушаться на автономию синдикатов, но она должна непримиримо разоблачать и карать тех своих членов, которые требуют автономии для своей собственной дезорганизаторской, анархистской работы в синдикатах. В этом важнейшем вопросе Интернационал потерпит меньше, чем в какой бы то ни было области, дальнейшие уклонения от коммунистического пути, единственно правильного, как с точки зрения теории, так и с точки зрения международной политики.

Уроки стачки-протеста по поводу гаврских убийств.

Гаврская стачка, несмотря на свой местный характер, представляет собой, несомненно, свидетельство возросшей боевой готовности французского пролетариата. Капиталистическое правительство отве-

тило на стачку убийством четырех рабочих, как бы торопясь напомнить французским рабочим о том, что завоевать власть и низвергнуть капиталистическое рабство они смогут только ценой величайшей борьбы, героизма, самоотвержения и многих жертв. Если ответ французского пролетариата на гаврские убийства явился совершенно недостаточным, то ответственность за это падает не только на давно ставшую правилом измену диссидентов и синдикалистов-реформистов, но и на явно ошибочный образ действий органов C. G. T. U. и коммунистической партии. Конгресс считает необходимым остановиться на этом вопросе потому, что он дает нам яркий пример в корне неправильного подхода к задачам революционного действия. Следуя принципиально-неправильному разграничению классовой борьбы пролетариата на две будто бы независимые области — экономическую и политическую,—партия и на этот раз не проявила никакой самостоятельной инициативы, сведя свою работу к поддержке C. G. T. U. как будто бы в самом деле убийство четырех пролетариев правительством капитала было экономическим актом, а не политическим событием первостепенной важности. Что же касается C. G. T. U., то последняя, под давлением парижского синдиката строительных рабочих, на другой день после гаврского убийства, в воскресенье, назначила всеобщую стачку протеста на вторник. Рабочие Франции далеко не везде успели узнать не только о призыве к всеобщей стачке, но и о самом факте убийства. В этих условиях всеобщая стачка была заранее обречена на провал. Несомненно, что C. G. T. U. и на этот раз приспособила свою политику к тем анархистским элементам, которым органически чуждо понимание революционного действия, и его подготовки и которые революционную борьбу заменяют революционными призывами своих кружков, не заботясь о претворении в жизнь призывов; в свою очередь партия молчаливо капитулировала пред явно ошибочным шагом C. G. T. U., вместо того, чтобы попытаться в дружеской, но настойчивой форме добиться от последней отсрочки стачечной манифестации с целью развития широкой массовой агитации. Первой обязанностью как партии, так и C. G. T. U. перед лицом подлого преступления французской буржуазии было немедленно мобилизовать тысячи лучших агитаторов партии и синдиката, как в Париже, так и в провинции, для раз'яснения самым отсталым элементам рабочего класса смысла гаврских событий и для подготовки народных масс к протесту и отпору. Партия обязана была в подобном случае издать в миллионах экземпляров воззвание к французскому рабочему классу и крестьянству по поводу гаврского злодеяния. Центральный орган партии должен был ежедневно ставить пред соглашателями, социалистами и синдикалистами вопрос, какой путь

борьбы предлагают они в ответ на гаврские убийства. Со своей стороны, партия вместе с C. G. T. U., должна была выдвигать идею всеобщей стачки, не назначая заранее ее срока и длительности, а сообразуясь с развитием агитации и движения в стране. Необходимо было попытаться на отдельных фабриках и заводах, в отдельных кварталах, округах и городах создать временные комитеты протеста, в состав которых коммунисты и революционные синдикалисты должны были привлекать представителей местных соглашательских организаций. Только такая планомерная, концентрированная, всесторонняя, напряженная, неутомимая кампания в течение недели и более того могла бы увенчаться крупным успехом и внушительным движением в виде массовой стачки протеста, уличных манифестаций и пр. Прочным результатом такой кампании явилось бы увеличение связей, авторитета и влияния в массах как партии, так и C. G. T. U., их сближение на революционной работе друг с другом и сближение с ними той части рабочего класса, которая еще идет за соглашателями.

Так называемая всеобщая стачка 1 мая 1921 года, которую революционные элементы не успели подготовить, а соглашатели преступно сорвали, явилась поворотным моментом во внутренней жизни Франции, ослабив пролетариат и усилив буржуазию. Октябрьская «всеобщая стачка» протеста явилась, по существу, повторением предательства правых и ошибок левых. Интернационал самым решительным образом призывает французских товарищей, в какой бы отрасли пролетарского движения они ни работали, относиться с чрезвычайным вниманием к вопросам массового действия, тщательно изучать их условия и методы, подвергать внимательной критической проверке ошибки своих организаций в каждом конкретном случае, тщательно подготовлять самую возможность массового действия путем широкой напряженной агитации и соразмерять лозунги с готовностью и способностью массы к действию.

Вожди соглашателей в своих предательских действиях опираются на советы, внушения и указания всего буржуазного общественного мнения, с которым они неразрывно связаны. Революционные синдикалисты, которые не могут не быть меньшинством в синдикальных организациях, будут тем более свободны от ошибочных шагов, чем больше партия, как таковая, будет посвящать свое внимание всем вопросам рабочего движения, тщательно изучая условия и обстановку, выдвигая через своих членов пред синдикатами те или другие предложения в соответствии со всей обстановкой.

Франк-масонство, лига прав и буржуазная печать.

Несовместимость франк-масонства с социализмом считалась общепринятой в большинстве партий II Интернационала. Итальянская социалистическая партия исключила из своей среды франк-масонов в 1914 году, и эта мера была, несомненно, одной из причин, позволившей партии во время войны проводить оппозиционную политику, так как итальянские франк-масоны в качестве орудия Антанты действовали в пользу интервенции.

II конгресс Коммунистического Интернационала не присоединил к условиям вступления в Интернационал особого пункта о несовместимости коммунизма с франк-масонством, только потому, что считал это само собой разумеющимся и, как явствует из протоколов, не допускал мысль о возможности одновременной принадлежности к партии пролетарской диктатуры и к чисто буржуазной организации, прикрывающей избирательно-карьеристские происки формулами мистического братства. Неожиданно обнаружившийся для IV конгресса Коммунистического Интернационала факт принадлежности значительного числа французских коммунистов к масонским ложам является в глазах Интернационала самым ярким свидетельством того, что наша французская партия не только сохранила психологическое наследие французского реформизма, парламентаризма и патриотизма, но и чисто материальные, крайне компрометирующие верхи партии, связи с секретными учреждениями радикальной буржуазии. И в то время, как коммунистический авангард собирает силы пролетариата для непрерывной борьбы против всех группировок и организаций буржуазного общества во имя пролетарской диктатуры, целый ряд ответственных работников партии: депутатов, журналистов, вплоть до членов Центрального Комитета, сохраняют тесные связи с секретными организациями врага. Особенно печальным является тот факт, что вся партия, во всех ее течениях, не поднимала после Тура этого вопроса, несмотря на его полную ясность, в международном масштабе, и что только в процессе фракционной борьбы внутри партии факт этот обнаруживается перед Интернационалом во всем своем угрожающем значении.

Интернационал считает необходимым раз навсегда положить конец этим компрометирующим и деморализующим связям верхов коммунистической партии с политическими организациями буржуазии. Делом чести революционного пролетариата является очищение всех его классовых организаций от элементов, которые хотят одновременно принадлежать к двум борющимся лагерям.

Конгресс поручает Центральному Комитету Французской Коммунистической партии не позже, как до 1 января 1923 года, ликвидировать все связи партии, в лице отдельных ее членов или групп, с франк-масонством. Всякий коммунист, принадлежащий к масонам, который до 1 января не заявит открыто своей организации, с опубликованием в партийной печати, о своем полном разрыве с масонством, исключается тем самым автоматически из коммунистической партии, без права примкнуть к ней когда бы то ни было. Утайка кем-либо своей принадлежности к масонству будет рассматриваться как проникновение в ряды партии вражеского агента и наложит на соответственное лицо пятно бесчестия пред лицом всего пролетариата.

Принимая во внимание, что самый факт принадлежности к масонству, независимо от того, преследовались ли в данном случае те или другие материальные, карьеристские и другие порочащие цели, свидетельствует о крайней неразвитости коммунистического сознания и классового достоинства, IV Конгресс признает необходимым, чтобы товарищи, которые принадлежали до сих пор к масонству и которые ныне порвали с ними, не могли в течение двух лет занимать ответственные посты в партии. Только напряженная работа в пользу революции, в качестве рядовых членов коммунистической партии, может принести этим товарищам полноту доверия и восстановить их права на занятие в партии соответственных постов.

Принимая во внимание, что «Лига защиты прав человека и гражданина» является по существу своему организацией буржуазного радикализма, что отдельные свои выступления против тех или других «несправедливостей» она использует для сеяния иллюзий и предрассудков буржуазной демократии, а главное, в самых решительных и важных случаях, как, например, во время войны, отдает всю свою поддержку капиталу, организованному в виде государства, IV Конгресс Коммунистического Интернационала признает безусловно несовместимой со званием коммуниста и противоречащей элементарным основам коммунистического мировозрения принадлежность к «Лиге прав человека и гражданина», и призывает всех членов партии, входящих в состав Лиги, выйти из рядов Лиги до 1 января 1923 года с доведением об этом до сведения своей организации опубликованием в печати.

Конгресс предлагает Центральному Комитету Французской Коммунистической Партии:

а) Немедленно же издать ко всей партии воззвание, раз'ясняющее смысл и значение настоящей резолюции.

б) Принять все вытекающие из резолюции меры к тому, чтобы чистка партии от франк-масонства и разрыв всех связей с «Лигой прав» были произведены без каких-либо послаблений или упущений к 1 января 1923 года. Конгресс выражает уверенность в том, что в этой своей очистительной и оздоровительной работе Центральный Комитет найдет поддержку со стороны подавляющего большинства членов партии, к какой бы фракции они ни принадлежали.

Центральный Комитет должен установить списки всех товарищей, которые в Париже или провинции соединяют свою принадлежность к коммунистической партии и даже занятие в партии различных, в том числе и ответственных, постов с сотрудничеством в буржуазной печати, и предложить этим элементам до 1 января 1923 года сделать полный и бесповоротный выбор между буржуазными органами развращения народных масс и революционной партией пролетарской диктатуры.

Кандидаты партии.

В целях придания партии истинно-пролетарского характера и в целях устранения из ее рядов таких элементов, которые видят в ней только проходной двор—в парламент, муниципальные, генеральные советы и пр., необходимо установить в качестве непреложного правила, что списки кандидатов в партии во время выборов составляются, по крайней мере, на девять десятых из рабочих-коммунистов, работающих у станка и из крестьян; представители свободных профессий могут допускаться лишь в строго ограниченном количестве, не более одной десятой общего числа выборных постов, которые партия занимает или надеется занять через посредство своих членов, при чем необходима особая строгость в подборе кандидатов, принадлежащих к свободным профессиям (тщательная проверка их политического стажа, их общественных связей, верности, преданности делу рабочего класса через особые пролетарские по составу комиссии и пр.). Только при таком режиме коммунистические парламентарии, муниципальные, генеральные советники, мэры и прочие перестанут быть профессиональной кастой, в большинстве своем мало связанной с рабочим классом, а станут одним из орудий революционной борьбы масс.

Работа в колониях.

IV Конгресс еще раз обращает внимание на исключительную важность правильной и систематической работы коммунистической партии в колониях. Конгресс резко осуждает позицию коммуни-

стической секции Сиди-Бэль-Аббес (Алжир), которая ляже-марксистской фразеологией прикрывает чисто рабовладельческую точку зрения, поддерживая по существу империалистическое господство французского капитала над его колониальными рабами, конгресс считает, что работа в колониях должна опираться не на такие насквозь пораженные капиталистическими и националистическими предрассудками элементы, а на лучшие элементы самих туземцев, в первую голову, — на туземную рабоче-пролетарскую молодежь. Только непримиримая борьба коммунистической партии в метрополии против колониального рабства и систематическая революционная работа ее в самих колониях может ослабить влияние крайних националистических элементов угнетенных колониальных народов на трудовые классы, привлечь партии последних к делу французского пролетариата и тем самым не дать возможности французскому капиталу в эпоху революционного восстания пролетариата воспользоваться колониальными туземцами, как последним резервом контрреволюции.

Международный конгресс приглашает французскую партию и ее Центральный Комитет уделить несравненно больше внимания, сил и средств, чем до сих пор, колониальному вопросу и колониальной пропаганде и, в частности, создать при самом Центральном Комитете постоянное бюро по работе в колониях с привлечением в это бюро представителей туземных коммунистических организаций.

РАБОЧАЯ И БОЕВАЯ ПРОГРАММА ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ *).

1. Самой насущной задачей партии является организация сопротивления пролетариата наступлению капитала, развертывающемуся во Франции, как и в прочих крупных промышленных государствах. Защита 8-часового рабочего дня, сохранение и увеличение существующей заработной платы, борьба за все ближайшие экономические требования, — все это создает наилучшую платформу для об'единения распылившегося пролетариата и для возвращения ему веры в собственные силы и в свое будущее. Партия должна немедленно взять на себя инициативу об'единенных выступлений, могущих разбить наступление капитала и возвратить рабочему классу сознание его единства.

---

*) Эта программа действия принята единогласно на 32-м заседании IV конгресса Коминтерна, 5 декабря 1922 г. *Прим. ред.*

2. Партия должна вести кампанию для раз'яснения рабочим зависимости между сохранением 8-часового рабочего дня, с одной стороны, и удержанием заработной платы на том же уровне — с другой, а также неизбежного воздействия одного из этих требований на другое. В своей агитации партия должна использовать не только выходки предпринимателей, но также и посягательства государства на ближайшие интересы рабочих, как, например, налог на заработок, и все другие экономические вопросы, особенно интересующие рабочий класс: увеличение квартирной платы, налоги на потребление, общественное страхование и т. д. Партия должна вести среди рабочего класса активную агитацию за создание фабрично-заводских комитетов, охватывающих всех рабочих каждого предприятия как организованных политически или экономически, так и неорганизованных. Задачей этих фабрично-заводских комитетов является установление рабочего контроля над условиями труда и производства.

3. Лозунги борьбы за насущные материальные требования пролетариата должны послужить средством для осуществления единого фронта против экономической и политической реакции. Тактика единого рабочего фронта должна быть возведена в общее правило для всех массовых выступлений. Партия должна создать благоприятные условия для успеха этой тактики и для этой цели предпринять серьезную подготовительную работу среди своих собственных членов, а также сочувствующих партии элементов, используя для этого все находящиеся в ее распоряжении средства пропаганды и агитации. Пресса, брошюры, всевозможные собрания, — все это должно быть использовано для подготовительной работы, которую партия должна вести во всех пролетарских группах, насчитывающих в своей среде коммунистов. Партия должна обращаться с призывами к важнейшим из других политических и экономических рабочих организаций. При этом она должна время от времени публично пояснять и свои собственные предположения и предположение реформистов, а также все случаи согласия или отказа принять участие в общей борьбе. Она ни в коем случае не должна отказываться от своей безусловной независимости, от своего права критики по отношению к другим участникам совместной борьбы. Она должна все время стараться захватить и удержать в своих руках инициативу, а также влиять на инициативу других в духе своей программы.

4. Чтобы быть в состоянии принимать участие во всех видах рабочих выступлений, влиять на их ход и при известных условиях брать на себя руководящую роль, партия должна, не теряя ни одного дня, приступить к организации своей работы в профсоюзах.

Путем образования профсоюзных комиссий в федерациях и секциях (согласно постановлению Парижского Конгресса) и коммунистических ячеек на заводах и в крупных частных и государственных предприятиях, партии удастся проникнуть в рабочие массы и, благодаря этому, содействовать распространению своих лозунгов и усилению влияния коммунистов на пролетарское движение. Во всех партийных и профсоюзных инстанциях профсоюзные комиссии будут поддерживать связь с коммунистами, оставшимися с согласия партии в реформистской Всеобщей Конфедерации Труда, и будут руководить их борьбой против политически официальных вождей. Они будут вести учет членов партии, входящих в профсоюзы, контролировать их деятельность и сообщать им директивы партии.

5. Работа коммунистов во всех без исключения профсоюзах должна прежде всего состоять в восстановлении необходимого для победы пролетариата единства профдвижения. Коммунисты должны пользоваться каждым случаем для раз'яснения гибельных последствий существующего дробления и для агитации за об'единение. Партия будет бороться против всякого течения, благоприятствующего организационному дроблению, кружковщине — в профессиональных и местных рамках — и анархистской идеологии. Она будет отстаивать необходимость централизации движения, образования широких организаций по отдельным отраслям промышленности и координации отдельных забастовок, чтобы, вместо заранее обреченных на неудачу локализованных и частичных выступлений, добиться выступлений об'единенных, способных укрепить веру рабочих в свои собственные силы. В унитарной В. К. Т. коммунисты будут бороться против течений, враждебных об'единению французских профсоюзов и Красному Интернационалу Профсоюзов. В реформистской В. К. Т. они будут обличать Амстердамский Интернационал и манипуляции его вождей в интересах сотрудничества. И в той и другой В. К. Т. они будут бороться за общие демонстрации и другие общие выступления, совместные забастовки, единый фронт, организационное единство и за всю программу Красного Профинтерна в целом.

6. Партия должна использовать всякое более или менее широкое массовое выступление, — стихийное или организованное — для раз'яснения политического характера всякой классовой борьбы. Она должна использовать все возможности, для самого широкого распространения таких лозунгов политической борьбы, как, например, амнистия, отмена Версальского договора, эвакуация оккупационных войск с левого берега Рейна и т. д.

7. Борьба против Версальского договора и его последствий должна стоять на первом плане всей деятельности партии. Необходимо претворить в дело солидарность французского и германского пролетариата против буржуазии обеих стран, выигравшей от этого договора. Ввиду чего настоятельной задачей французской партии является осведомление рабочих и солдат о трагическом положении их германских братьев, изнывающих под гнетом невыносимых условий жизни, созданных, главным образом, последствиями договора. Для удовлетворения союзников германское государство налагает все большее и большее бремя на рабочий класс. Французская буржуазия щадит германскую буржуазию, ведет с ней переговоры, нарушая интересы рабочих, содействуя захвату частными капиталистами государственных предприятий, и обеспечивает ей поддержку и покровительство для борьбы против революционного движения. Буржуазия обеих стран собирается заключить союз между французским железом и германским углем и прийти к соглашению по вопросу об оккупации Рурского бассейна, которое означает порабощение рурских углекопов. Опасность угрожает не только эксплоатируемым элементам Рурского бассейна, но и французским рабочим, которые не в состоянии будут выдерживать конкуренцию с германским производством, ибо последнее, вследствие обесценения марки, будет низведено для французских капиталистов к исключительно низкой цене. Партия должна раз'яснять это положение французскому рабочему классу и предостерегать его против угрожающей опасности. Ее печать должна постоянно описывать страдания германского пролетариата, этой жертвы Версальского договора, и доказывать фактическую неосуществимость самого договора. В оккупированных и разрушенных местностях должна вестись особая пропаганда для обличения буржуазии обеих стран, ответственной за тяготеющие над этими местностями страдания, равно как и для развития духа солидарности между рабочими обеих стран. Лозунгом коммунистов должно быть обращение французских и германских рабочих и солдат на левом берегу Рейна. Партия будет поддерживать тесную связь с братской Германской партией, дабы привести к удачному концу эту борьбу против Версальского договора и его последствий. Партия будет бороться против французского империализма, и притом не только против его политики по отношению Германии, но и в мировом масштабе: особое внимание должно быть обращено на Сен-Жерменский[346]), на Нейиский, Трианонский и Севрский мирные договоры[347]).

8. Партия должна предпринять систематическую работу по проникновению в армию. Антимилитаристская пропаганда должна

резко отличаться от лицемерного буржуазного пацифизма, — она должна быть проникнута принципом вооружения пролетариата и разоружения буржуазии. В партийной прессе или в парламенте — при каждом благоприятном случае — коммунисты будут поддерживать требования солдат настаивать на признании их политических прав и т. д. При каждом новом призыве, при каждой угрозе новой войны революционная антимилитаристская агитация должна быть усилена. Она будет вестись под руководством специального партийного органа при участии коммунистической молодежи.

9. Партия должна взять в свои руки дело народов колоний, эксплоатируемых и притесняемых французским империализмом, поддерживать их национальные требования, образующие этапы к их освобождению от ига иноземного капитала, отстаивать без всяких ограничений их право на автономию или на независимость. Безоговорочная борьба за их политическую и профсоюзную свободу, против набора туземцев, за требования туземных солдат—вот в чем заключается непосредственная задача партии. Она должна беспощадно бороться против реакционных тенденций в пользу ограничения прав туземцев, — тенденций, сказывающихся даже среди некоторых рабочих кругов. Она создаст при Центральном Комитете специальный орган для партийной работы в колониях.

10. Пропаганда среди крестьянства, рассчитанная на привлечение сельских рабочих, батраков и фермеров к революционному движению и на прибретение сочувствия мелких собственников должна быть дополнена борьбой за улучшение условий жизни и труда сельских рабочих, работающих по найму или на крупных землевладельцев. Для этой борьбы необходимо, чтобы областные партийные организации вырабатывали и распространяли программы ближайших требований соответственно особым условиям каждой области, партия должна поощрять профессиональные и кооперативные сельские об'единения, идущие навстречу индивидуалистическим запросам крестьянства. Она должна обратить особое внимание на создание и развитие профессиональных союзов сельских рабочих.

11. Партийная работа среди женщин имеет первостепенное значение и нуждается в специальном органе. Необходимо создать при Ц. К. Центральную Комиссию с постоянным секретариатом, местные комиссии, постоянно возрастающие по численности, орган, посвященный пропаганде среди женщин. Партия должна настаивать на об'единении экономических требований рабочих и работниц, на уравнении заработной платы за одну и ту же работу, без различия

пола, на участии эксплоатируемых женщин в выступлениях рабочих.

12. К расширению движения молодежи партия должна приложить более методические и упорные усилия, чем до сих пор. Между всеми инстанциями партии и организациями коммунистической молодежи должны быть установлены тесные взаимоотношения. Следует принять за принцип, что молодежь должна быть представлена во всех комиссиях, образованных при Центральном Комитете. Федерации пропаганды и секции партии обязаны оказывать поддержку уже существующим группам молодежи и создавать новые. Центральному Комитету надлежит следить за развитием печати молодежи и отводить для последней специальные страницы в центральных органах. В профсоюзах партия должна принять под свою защиту требования рабочей молодежи, согласные с ее программой.

13. В кооперативах коммунисты будут отстаивать принцип единой национальной организации и создадут коммунистические группы, примыкающие к кооперативной секции Коммунистического Интернационала через посредство комиссии при Центральном Комитете. В каждой федерации должна быть создана специальная комиссия для партийной работы в кооперативах. Коммунисты будут прилагать все усилия для использования кооперации, как вспомогательной силы в рабочем движении.

14. Выборные в парламенте, в муниципалитетах и т. д. должны вести самую энергичную борьбу, тесно связанную с борьбой рабочих и с выступлениями, предпринимаемыми партией и профорганизациями вне парламента. Депутаты-коммунисты — под контролем и руководством Центрального Комитета партии, равно как и выборные коммунисты в муниципиях и округах — под контролем и руководством секций и федераций должны быть использованы партией в качестве агентов для агитации и пропаганды, согласно тезисам II Конгресса Коммунистического Интернационала.

15. Партия должна усовершенствовать и укрепить свою организацию по примеру крупных коммунистических партий других стран и согласно порядкам Коммунистического Интернационала, дабы возвыситься до задач, начертанных в ее программе, равно как национальными и международными конгрессами и дабы быть в состоянии осуществить эти задачи. Она должна добиться строгой централизации, несокрушимой дисциплины и тесной субординации каждого отдельного члена ее по отношению к ответственным органам партии, каждой низшей партийной инстанции по отношению к более высшей. Необходимо также развить марксистскую подготовку борцов, систематически увеличивая число теоретических курсов в сек-

циях, открывая партийные школы, при чем эти курсы и школы должны находиться под руководством Центральной Комиссии при Ц. К.

РЕЗОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ КОМИССИИ *).

А. *Центральный Комитет*. Вследствие острого кризиса, вызванного Парижским С'ездом, Центральный Комитет, в виде исключения, будет составлен по принципу пропорционального представительства, при чем за основу будет принято голосование С'езда по вопросу о центральных органах.

Представительство отдельных фракций будет установлено согласно следующей норме:

Центр: 10 членов и 3 кандидата.

Левая: 9 членов и 2 кандидата.

Течение Рену: 4 члена и 1 кандидат.

Меньшинство Рено Жана: 1 член.

Молодежь: 2 представителя с совещательным голосом.

Политическое бюро будет составлено по тому же принципу, при следующем представительстве фракций: центр — 3, левая — 3, течение Рену — 1.

Во избежание споров персонального характера, которые могли бы осложнить кризис, члены Центрального Комитета, равно как и члены Политического Бюро и других важных центральных органов, будут назначены фракциями в Москве. Выработанный на таких началах список будет представлен Французской делегацией IV Всемирному Конгрессу с обязательством отстаивать этот список пред партией. IV Конгресс принимает эту декларацию к сведению, выражая свое убеждение, что в этом списке заключается единственная возможность разрешить переживаемый партией кризис.

В выработанный фракциями список нового Центрального Комитета вошли следующие товарищи:

Центр.

Члены: Фроссар--Секретарь, Делегат Исполкома. Луи Селье [348])— Временный секретарь. Марсель Кашен. Жакоб [349])—Секретарь федерации текстильщиков. Гаршери [350]) — Член Парижского муниципа-

---

*) Принята на 29 заседании IV Конгресса Коминтерна 2 декабря 1922 г. *Прим. ред.*

литета. Люси Лесьяг. Моран [351]) — рабочий-механик, Секретарь Сенской Федерации. Гурдо [352]) — служащий. Лагесс [353]) — учитель в отставке, Секретарь Федерации Сены и Марны [354]). Пакеро — токарь, Секретарь Федерации Сены и Уазы.

Кандидаты: Пьсрпон [355])—рабочий текстильщик. Дюпийо [356])— казначей Унитарной Федерации Работников Земли (отставлен для утверждения в Париже). Плэ [357])—рабочий телефонист.

Левая.

Члены: Росмер — служащий. Трен — учитель в отставке. Вайян Кутюрье [358]) — депутат. Суварин [359]) — журналист. Томмази [360]) — рабочий авиационного завода. Кристэн [361]) — механик. Амедей Дюнуа [362])—журналист. Кордье [363])—парикмахер. Буше [364]—механик.

Кандидаты: Салль [365]) — металлист. Депорте [366]) — прядильщик.

Фракция Рену.

Члены: Варбере [367]) — рабочий металлист. Фромон [368]) — рабочий Авиационного завода. Дюбюс [369]) — углекоп из Па-де-Кале. Верт [370]) — именуемый Роже Жеральдом — металлист.

Кандидаты: Леспаньол [371]) — служащий.

Национальный Совет с полномочиями Конгресса утвердит этот список не позже 2-й половины января.

До этого срока временный Центральный Комитет, назначенный Парижским С'ездом, продолжает функционировать.

Б. *Печать.* Конгресс утверждает уже установленный для печати режим: 1) Редакция газет передается Политическому Бюро. 2) Передовица без подписи ежедневно передает читателю мнение Партии. 3) Партийным журналистам запрещается сотрудничать в буржуазной печати.

Редактором «Юманите» назначается Марсель Кашен.

Главным секретарем Амедей Дюнуа.

Обоим товарищам предоставляются одинаковые права; другими словами, всякий конфликт, могущий возникнуть между ними, будет передан на рассмотрение Политического Бюро и в этом Бюро будет разрешен.

Секретариат редакции: 1 представитель от центра и 1 от левого крыла.

Редакция «Бюллетень Коммюнист» будет передана товарищу из левого крыла.

Редакторы, вышедшие в отставку, возвращаются в редакцию.

Для подготовки к Национальному Совету будет восстановлена «страница партии», при чем каждому течению будет предоставлена возможность высказываться.

В. *Генеральный Секретариат* будет составлен на паритетных началах: один товарищ от центра и один от левого крыла; всякий конфликт подлежит разрешению Политического Бюро.

Член: Фроссар; кандидаты: Луи Селье и Трен.

Г. *Делегаты в Исполкоме.* В целях установления вполне нормальной тесной связи между Исполкомом и Французской партией, конгресс считает безусловно необходимым, чтобы оба важнейших течения в партии были представлены в Москве товарищами, наиболее квалифицированными и располагающими полным доверием данных течений, — товарищами Суварином и Фроссаром, которые делегируются, по крайней мере, на 3 месяца, т.-е. до окончания кризиса, переживаемого в настоящее время французской партией.

Представительство французской партии в Москве в лице Фроссара и Суварина даст полную уверенность в том, что каждое требование Исполкома, вынесенное в согласии с этими двумя товарищами, будет принято всей партией.

Д. *Гонорар должностных лиц партии.* Что касается гонорара должностных лиц партии, редакторов и т. д., то партия создаст специальную партийную комиссию для урегулирования этого вопроса на основе следующих двух принципов: 1. Необходимо предотвратить всякую возможность чрезмерного увеличения гонораров, вызывающего законное негодование среди примыкающих к партии рабочих масс. 2. Товарищей, работа которых безусловно необходима для партии, нужно поставить в такие условия, которые дадут им возможность посвятить партии все свои силы.

Е. *Комиссии. 1.* Административный Совет «Юманите». 6 представителей от центра, 5 от левой, 2 от течения Рену.

Комиссия допускает, чтобы в исключительных случаях пропорциональное представительство применялось также по отношению к важнейшим комиссиям.

2. Синдикальный Секретариат — 1 секретарь от центра, 1 от левой; всякий, могущий возникнуть между ними конфликт передается на рассмотрение Политическому Бюро.

Ж. *Спорные вопросы.* Спорные вопросы, могущие возникнуть в связи с применением вынесенных в Москве организационных постановлений, должны будут разрешаться специальной комиссией под председательством делегата Исполкома и в составе одного представителя от центра и одного представителя от левой.

3. *Должности, доступ к которым закрыт для бывших масонов.* Под должностями, доступ к коим закрыт для бывших масонов, понимаются такие должности, которые лицам, занимающим их, дают возможность более или менее независимо и под своей собственной ответственностью устно или письменно представлять идеи партии пред лицом рабочих масс.

В случае расхождения между обеими фракциями при определении этих должностей, вопрос будет передан на разрешение вышеназванной комиссии.

Технические затруднения, могущие возникнуть в связи с восстановлением отставленных редакторов в их прежних правах, будут переданы на разрешение той же комиссии.

Все постановления, не касающиеся образования Центрального Комитета, подлежат немедленному выполнению.

Помимо этих постановлений поступило ходатайство со стороны течения Рену о предоставлении ему на трехмесячный срок представительства в Исполкоме в лице одного кандидата совместно с товарищами Фроссаром и Суварином.

Комиссия единогласно постановила удовлетворить ходатайство течения Рену.

После Четвертого Конгресса Коминтерна

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ *).

Я очень рад, что статья т. Фридлендера [372]) дает мне повод еще раз — и со всей решительностью — выступить против того механического, фаталистического, немарксистского понимания хода революции, которое, несмотря на поистине спасительную работу III Конгресса, все еще ютится в некоторых головах, считающих себя, очевидно, левыми.

На III Конгрессе мы слышали, что экономический кризис будет непрерывно длиться и обостряться до захвата власти пролетариатом. На это механическое воззрение опирался революционный оптимизм кое-каких «левых». Когда мы об'ясняли, что кон'юнктурные колебания мировой экономики неизбежны, и что нужно их предвидеть и тактически учитывать, этим товарищам казалось, что мы занимаемся чуть ли не пересмотром всей программы и тактики Интернационала. На самом деле, мы занимались только «пересмотром» некоторых предрассудков.

Теперь мы в статье тов. Фридлендера, в речи голландского товарища Равенстейна [373]) и в кое-каких других заявлениях в речах находим перенесение той же механической, анти-марксистской концепции из экономики в область политики: капитал, — говорят нам, — наступает политически и экономически, наступление его усиливается, восстание пролетариата явится в известный момент ответом на усугубляющееся наступление капитала, — откуда же взяться новому, хотя бы и краткому, пацифистско-реформистскому периоду?

Чтобы с самого начала и со всей наглядностью вскрыть механичность концепции тов. Фридлендера, возьмем пример Италии, где контр-революция достигла апогея. Каков политический прогноз для Италии? Если предположить, что Муссолини [374]) удержится в течение продолжительного времени, достаточного для того, чтобы сплотить против себя рабочих города и деревни, дать им время вернуть

---

*) Эта статья была впервые напечатана в органе IV конгресса Коминтерна «Большевик».

себе утраченное доверие к своей классовой силе и об'единиться вокруг коммунистической партии, то не исключена возможность того, что режим Муссолини окажется непосредственно сметенным режимом пролетарской диктатуры. Но есть и другая перспектива, по крайней мере, столь же вероятная, как и первая. Именно: если режим Муссолини разобьется о внутренние противоречия своей собственной социальной базы и о трудности внутреннего и международного положения раньше, чем пролетариат Италии достигнет такого состояния, какое характеризовало его в сентябре 1920 года, только на этот раз под твердым и решительным революционным руководством, — то совершенно очевидно, что в Италии снова установится промежуточный режим, — режим фразы и бессилия, министерство Нитти или Турати, или Нитти [375]) — Турати, — словом, итальянская керенщина, которая своим неизбежным, жалким банкротством должна будет окончательно расчистить путь революционному пролетариату. Означает ли эта вторая версия, никак не менее вероятная, чем первая, «пересмотр» программы и тактики итальянских коммунистов? Ничего подобного! Итальянские коммунисты будут вести сегодня и завтра борьбу на почве того режима, который создан победой Муссолини. Раздробленность итальянского пролетариата исключает возможность для наших итальянских товарищей поставить себе сегодня непосредственной задачей низвержение фашизма вооруженной рукой. Тщательно подготовляя элементы будущей вооруженной борьбы, итальянские коммунисты должны, в первую очередь, развернуть борьбу широкими политическими методами. Непосредственная предварительная задача их, и притом задача огромной важности, — это внесение разложения в плебейскую и, особенно, рабочую часть опоры фашистов и сплочение все более широких масс пролетариата под частными и общими лозунгами обороны и наступления. Инициативной и гибкой политикой итальянские коммунисты могут чрезвычайно ускорить падение фашистов и тем самым вынудить итальянскую буржуазию искать спасения от революции в своих левых козырях: Нитти, а то и сразу — Турати. Что будет для него означать такая смена? Дальнейший распад буржуазного государства, дальнейший рост наступательных сил пролетариата, рост нашей боевой организации, создание условий захвата власти.

Как обстоит дело во Франции? Еще 16 июня прошлого года в своей речи на заседании расширенного Исполкома я развивал ту мысль, что, *если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше*, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизоваться

по оси «левого блока», в противовес ныне господствующему «национальному». Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов — политика ее действительно идет по пути подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и проч. Но параллельно с этим нарастают — растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их разочарование в политике «репараций», их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и проч., и проч. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Больше того, они захватывают известные элементы нашей собственной партии, одним из примеров чего является поведение недавно исключенного Барабана [376]), который, будучи членом Ц. К. коммунистической партии, занялся проповедью левого блока. Таким образом продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции нисколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно подготовляет для себя новую ориентировку.

В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось, в результате недавних выборов, господством чисто консервативным. Явный шаг «направо»! Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую ориентацию — на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно). За консерваторов было подано менее, чем пять с половиной миллионов голосов. За рабочую партию вместе с независимыми либералами — почти семь миллионов. Таким образом английские парламентские избиратели уже сейчас в большинстве своем отошли от тучных иллюзий империалистской победы к тощим иллюзиям реформизма и пацифизма. Знаменательно, что «Союз демократического контроля», радикально-пацифистская организация, провел в парламент свой комитет в полном составе. Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии *непосредственно* к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице так называемой Рабочей

партии. Все говорит за то, что в Англии, больше чем в какой-нибудь другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию рабочего правительства, в лице реформистски-пацифистской Рабочей партии, собравшей уже на последних выборах около 4¼ миллионов голосов.

Но,—возражает т. Фридлендер,—при такой перспективе совершенно устраняется вопрос о Германии. Почему устраняется? Революционная Германия является одним из важнейших факторов европейского и мирового развития, но не единственным. Мы все с чрезвычайным вниманием следим за успехами нашей немецкой партии. Развитие ее вступило в новую эпоху после мартовских событий прошлого года. Сами мартовские события замыкают предшествующую эпоху. *Новая эпоха началась с критики мартовских событий,* и кто до сих пор не понял смысла и содержания этого нового этапа, тот безнадежен, и о том не стоит серьезно говорить. Германская коммунистическая партия в подавляющем большинстве своем усвоила урок III Конгресса и уверенно и твердо растет. Одновременно идет разложение германского хозяйства. В какой момент пересечение этих и других факторов приведет немецкий рабочий класс к захвату власти? Через год? Через полгода? Через два года? Предсказать сроки очень трудно. Если бы Германия стояла изолированно, или только бок-о-бок с Советской Россией, мы в области прогноза стояли бы за полгода — против года и за год — против двух лет. Но существует Франция и маршал Фош, существует Италия, увенчиваемая Муссолини, существует Англия с Бонар-Лоу [377]) и Керзоном во главе, еще развертывается оффензива капитала, — и все эти факторы оказывают могущественное влияние на ход развития революции в Германии. Это не значит, разумеется, что германская коммунистическая партия должна отложить революционно-наступательные действия до тех пор, пока революция не разразится во Франции. От такого рода пошлого оппортунизма, — от стремления иметь революцию со всеми гарантиями, со страховкой на Париж и Лондон, — наши германские товарищи бесконечно далеки. Но совершенно очевидно, что угроза военной оккупации с Запада будет оказывать задерживающее влияние на развитие германской революции до тех пор, пока французская коммунистическая партия покажет, что она способна и готова парализовать такую опасность.

Отнюдь не исключена возможность того, что германская революция разразится прежде, чем во Франции, Англии, Италии произойдет смена нынешних агрессивно-империалистских правительств. Совершенно несомненно, что победа германского пролетариата

дала бы могущественный толчек революционному движению во всех странах Европы. Но как под влиянием толчка русской революции к власти в Германии пришел через год Шейдеман, а не Либкнехт, так, под влиянием толчка победоносной пролетарской революции в Германии, в Англии к власти может притти Гендерсон или Клайнс [378]), а во Франции — Кайо в союзе с Блюмом и Жуо. Этот меньшевистский режим во Франции был бы, при данных исторических условиях, лишь очень коротким периодом буржуазной агонии. Возможно даже, что во Франции коммунистический пролетариат пришел бы в этом случае к власти непосредственно через головы меньшевиков. В Англии это менее вероятно. Во всяком случае, эта перспектива предполагает победу революции в Германии в течение ближайших месяцев. Обеспечена ли победа в такой срок? Вряд ли кто-нибудь станет это серьезно утверждать. Во всяком случае было бы грубейшей ошибкой связывать наш прогноз с такой односторонней и условной перспективой. Без прогноза же вообще нет революционной политики широкого размаха. Но прогноз должен быть не механическим, а диалектическим. Он должен учитывать взаимодействие об'ективных и суб'ективных исторических сил. А это открывает возможность для нескольких перспектив — в зависимости от того, как это соотношение сил обнаружится в живом историческом действии.

Итак, вряд ли есть основание категорически утверждать, что пролетарская революция в Германии победит раньше, чем внутренние и внешние затруднения во Франции приведут к правительственному и парламентскому кризису. Такой кризис означал бы новые выборы, а новые выборы привели бы к победе левого блока. Этот последний нанес бы тяжкий удар консервативному правительству в Англии, усилил бы оппозицию Рабочей партии и, весьма вероятно, привел бы к парламентскому кризису, к новым выборам и победе Рабочей партии, одной — или в союзе с независимыми либералами. Каково было бы влияние этих событий на внутреннее положение Германии? Германские социал-демократы вышли бы немедленно из своего полуоппозиционного положения, чтобы предложить свои услуги «народу» для восстановления мирных, нормальных и пр. отношений с «великими западными демократиями». В этом смысле я и говорил, что перелом внутренней политики во Франции и Англии, если он произойдет до победы коммунистов в Германии, может на известное время окрылить германскую социал-демократию. Шейдеман может снова притти к власти, — но это будет уже прямым вступлением к революционной развязке. Ибо совершенно очевидно, что бессилие реформистско-

пацифистского режима в условиях нынешней Европы обнаружилось бы не в течение лет, а в течение месяцев и недель.

В своей речи по поводу программы тов. Тальгеймер с полной правильностью напомнил нам снова о тех основных причинах, которые исключают возможность поворота капиталистической политики назад, в сторону манчестерства, пацифистского либерализма и реформизма. Клайнс, Кайо-Блюм или Турати у власти не могли бы по существу вести политику, отличную от политики Ллойд-Джорджа, Бонар-Лоу, Пуанкаре и даже Муссолини. Придут же они к власти, когда положение буржуазии станет еще труднее, еще безвыходнее, чем теперь. Их полное политическое банкротство, — разумеется, при правильной, т.-е. революционной, решительной и в то же время гибкой тактике с нашей стороны, — может раскрыться до конца в самый короткий срок. После иллюзий войны и победы пацифистские иллюзии и реформистские надежды в разоренной, расстроенной вконец капиталистической Европе могут быть только недолговечными иллюзиями буржуазной агонии.

Тов. Равенстейн готов, повидимому, все это признать, с теми или другими оговорками, для капиталистического плебса, но не для капиталистической аристократии, т.-е. не для колониальных держав: для Англии, Франции, Бельгии и Голландии перспектива реформистско-пацифистского вступления к пролетарской диктатуре так же не подходит, по его мнению, как и лозунг рабочего правительства. Тов. Равенстейн совершенно прав, связывая лозунг рабочего правительства с тем фактом, что у буржуазии имеется еще в распоряжении реформистски-пацифистский рессурс, не материальный, а идейный, в виде еще сохранившегося влияния буржуазно-реформистских и социал-демократических партий. Но тов. Равенстейн в корне неправ, когда устанавливает какие-то из'ятия для колониальных держав. Прежде чем обрушиться на русскую революцию военной силой, Англия послала своего Гендерсона на помощь Бьюкенену [379]), чтобы удержать революцию на «правильном» пути: а нужно сказать, что во время войны Россия была колонией Англии. Точно так же английская буржуазия поступала и по отношению к Индии: она посылала благожелательных и либеральных вице-королей, а затем, в догонку им, воздушные эскадрильи с динамитом. Развитие революционного движения в колониях, вне всякого сомнения, ускорило бы пришествие к власти английской Рабочей партии, несмотря на то, что она всегда и неизменно предавала колонии английскому капиталу. Но столь же несомненно, что дальнейшее развитие революционного движения в колониях, параллельно с пролетарским движением в метрополии, опрокинет навсегда мещанский реформизм

и его представительницу — Рабочую партию — в историческую могилу.

Тот революционный радикализм, которому для поддержания бодрости духа необходимо игнорировать диалектику живых сил в экономике, как и в политике, и строить свой прогноз карандашом по линейке, — очень неустойчив, очень ненадежен. Достаточно изгиба экономической или политической кон'юнктуры, чтобы сбить его с толку. В сущности, в этой левизне скрываются пессимизм и недоверие. Не даром один из критических голосов принадлежит австрийскому коммунисту, а другой—голландскому: обе эти страны пока что не являются революционными очагами. Действенный оптимизм Коммунистического Интернационала опирается на более широкие и глубокие основания. Буржуазия для нас не камень, обрушивающийся в пропасть, а живая историческая сила, которая борется, маневрирует, выдвигает то правое, то левое свое крыло. И только при том условии, если мы научимся политически охватывать *все* средства и методы буржуазного общества, чтобы реагировать на них каждый раз без колебания и промедления, нам удастся приблизить момент, когда мы одним уверенным движением действительно сбросим буржуазию в пропасть.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ X С'ЕЗДА СОВЕТОВ С УЧАСТИЕМ БЕСПАРТИЙНЫХ ДЕЛЕГАТОВ.

(28 декабря 1922 года).

Товарищи, вы предложили мне сделать доклад о последнем конгрессе Коммунистического Интернационала. Я понимаю это в том смысле, что вы не желали бы иметь фактическое изложение хода работ последнего конгресса, так как в этом последнем случае было бы более целесообразно взять в руки стенограмму, которая уже отпечатана в виде бюллетеней стенографического отчета, чем заслушивать доклад. Свою задачу я понимаю в том смысле, что я должен попытаться дать вам оценку общего положения революционного движения и его перспектив с точки зрения тех фактов и вопросов, которые развернулись перед нами на IV Конгрессе.

Разумеется, это предполагает большее или меньшее фактическое знакомство с состоянием международного революционного движения. Замечу в скобках, что наша пресса, к сожалению, далеко не делает всего того, что должна была бы делать для того, чтобы факты

международного рабочего и, в особенности, коммунистического движения были нам, по крайней мере, так же близко знакомы, как, скажем, факты нашего хозяйства, нашего советского строительства. А эти явления для нас равноценны. Со своей стороны, я не раз пытался партизанским путем (вопреки своим обычаям) добиваться от нашей прессы, чтобы она использовала те исключительные возможности, которые мы имеем, для того, чтобы наша партия могла изо дня в день без поучений, наставлений, обобщений (ибо обобщения нужны нам время от времени), а просто на основании фактов, материалов из внутренней жизни коммунистической партии вообще, незаметным образом составлять совершенно конкретное и точное представление о том, что делается в области революционной борьбы.

Я думаю, что с этой стороны необходим нажим партийного общественного мнения на нашу прессу, редакции каковой сами иностранные газеты почитывают, на основании этих газет от времени до времени обобщения преподносят, но фактического материала почти не дают. Но так как я здесь имею фракцию с'езда советов, стало быть, квалифицированные партийные элементы, то для своего доклада предполагаю, повторяю, в общем и целом знакомство с фактическим состоянием коммунистических партий и других партий, еще имеющих влияние в рабочем движении. Моя задача: проверить наши общие критерии, наши взгляды на условия и темп развития пролетарской революции под углом зрения новых фактов и, в частности, тех фактов, какие дал последний IV Конгресс Коминтерна.

Т.т., я с самого начала скажу, что мы, если не хотим запутаться и потерять перспективу, должны при оценке рабочего движения и его революционных возможностей помнить, что существуют 3 большие, хотя и связанные друг с другом, но отличающиеся глубоко одна от другой, области. Это Европа—раз, Америка—два, колониальные страны, т.-е. прежде всего Азия и Африка, — три. Необходимость обозревать мировое рабочее движение по этим трем областям вытекает из существа наших революционных критериев. Марксизм учит нас, что для того, чтобы стала возможной пролетарская революция, необходима наличность, схематически говоря, трех предпосылок или условий. Во-первых, условия производственного характера. Нужно, чтобы техника производства достигла такой высоты, при которой замена капитализма социализмом представляла бы хозяйственные выгоды. Нужно, во-вторых, чтобы был в наличности класс, который заинтересован в этой замене и который достаточно силен, т.-е. многочислен и играет достаточно важную хозяйственную роль, чтобы эту замену произвести. Речь идет, разумеется, о пролетариате. И в-третьих, этот класс должен быть готов

произвести революцию. Он должен хотеть ее произвести и он должен быть достаточно организован и сознателен, чтобы уметь ее произвести. Мы здесь переходим в область так называемых суб'ективных условий и предпосылок пролетарской революции. Если с этими тремя критериями, — производственно-техническим, социально классовым и суб'ективно политическим, — мы подойдем к трем мною указанным областям, то различие их между собой бросается в глаза. Правда, мы раньше вопрос о подготовленности человечества с точки зрения производственно-технической к социализму рассматривали более абстрактно, чем рассматриваем сейчас. Если вы посмотрите наши старые книжки, даже те, которые не устарели, то вы найдете в них совершенно справедливое указание, что капитализм пережил себя уже 15 и 20, и 25, и 30 лет тому назад.

В каком смысле мы это понимали? В том смысле, что уже 25 лет тому назад, и более того, замена капиталистического способа производства социалистическим представляла бы об'ективные хозяйственные выгоды, т.-е. человечество производило бы при социализме больше, чем при капитализме. Но 25—30 лет тому назад это не означало еще, что при капитализме производительные силы больше не способны к развитию. Мы знаем, что во всем мире, в том числе и в Европе, и особенно в Европе, которая играла до сравнительно недавнего времени руководящую мировую хозяйственную и финансовую роль, производительные силы развивались. И теперь мы можем указать год, до которого они развивались в Европе: до 1913 года. Значит, до этого года капитализм представлял не абсолютное, а относительное препятствие к развитию производительных сил. Европа в техническом смысле развивалась с 1894 до 1913 года с небывалой быстротой и мощью, т.-е. Европа хозяйственно обогащалась в течение 20 лет, которые предшествовали империалистической войне. С 1913 года, мы можем это сказать с полной уверенностью, развитие капитализма, его производительных сил было приостановлено за год до вспышки войны тем, что производительные силы уперлись в рамки, какие им ставит капиталистическая собственность и форма присвоения. Рынок был поделен, конкуренция напряглась до высшей точки, и дальше капиталистические страны могли только пытаться устранять друг друга с рынка механическим путем. Не война поставила точку в развитии производительных сил Европы, а война возникла из невозможности производительным силам развиваться в Европе при условиях капиталистического хозяйства. 1913 год был великим поворотным пунктом в развитии европейского хозяйства. Война только углубила и обострила этот кризис, который вытекал из факта абсолютной невозможности дальнейшего хозяйствования

в условиях капитализма. Это относится целиком к Европе; стало быть, если до 1913 г. мы условно были правы, когда говорили, что социализм выгоднее капитализма, то с 1913 г. капитализм для Европы уже означает абсолютный застой и распад, а социализм — единственное хозяйственное спасение. В этом уточнение в отношении первой предпосылки.

Вторая предпосылка: рабочий класс. Он должен быть достаточно могущественен в хозяйственном смысле, чтобы иметь возможность овладеть властью и перестроить общество. Есть ли на-лицо этот факт? После опыта нашей российской революции нет возможности поднимать этот вопрос, если у нас, в отсталой стране, октябрьская революция стала возможной. Но мы научились за последние годы в международном масштабе несколько по-новому, более точно и конкретно оценивать социальную мощь пролетариата. Те наивные лжемарксистские воззрения, которые требовали, чтобы пролетариат составлял 75 или 90% населения, прежде чем браться за власть,—они кажутся сейчас абсолютно ребяческими. Даже в тех странах, где крестьянство составляет большинство населения, пролетариат может и должен найти подход к крестьянству для овладения властью. Нам абсолютно чужд какой бы то ни было реформистский оппортунизм по отношению к крестьянству в международном смысле. Но в то же время не менее чужд нам и догматизм. Рабочий класс во всех странах играет достаточно большую социально-хозяйственную роль, чтобы найти пути к крестьянским массам и к угнетенным нациям, колониальным народам, чтобы таким образом обеспечить себе большинство. После опыта русской революции это— не предположение, не гипотеза, не вывод, а неоспоримый факт.

И, наконец, третья предпосылка: рабочий класс должен быть готов для переворота и способен его произвести. Рабочий класс должен быть не только достаточно силен для этого, но должен сознавать свою силу и должен уметь эту силу применить. Сейчас мы опять-таки этот суб'ективный фактор можем и должны расчленить и уточнить, потому что мы наблюдали в политической жизни Европы, за последние послевоенные годы, как рабочий класс готов к перевороту, готов в смысле суб'ективного стремления, воли, настроения, самоотвержения, но лишен еще необходимого организационного руководства; стало быть, его настроение и его организованное сознание не всегда совпадают. Наша революция дала нам, благодаря исключительному пересечению исторических факторов, нам, отсталой стране, возможность передачи власти в руки рабочего класса, непосредственно связанного с крестьянскими массами. Роль партии слишком ясна для нас и сейчас уже ясна, к счастью, для западно-

европейских коммунистических партий. Не учитывать роли партии—значит впасть в лжемарксистский об'ективизм, который предполагает какую-то чисто об'ективную автоматическую подготовку революции, которая тем самым отодвигается в неизвестное будущее. Этот автоматизм нам чужд. Это—меньшевистское миросозерцание, социал-демократическое. Мы знаем, на практике мы научились и учим других понимать огромную роль того суб'ективного сознательного фактора, каким является революционная партия рабочего класса.

Без нашей партии переворота в 1917 г., разумеется, не произошло бы, и вся судьба нашей страны была бы другая. Она была бы отброшена в колониальное прозябание, была бы расхищена между империалистскими странами мира. Если этого нет, то это обеспечено было в истории тем, что рабочий класс был вооружен этим несравненным лезвием, каким является наша коммунистическая партия. Этого не оказалось после войны в Европе. Две предпосылки были на-лицо: задолго до войны—относительная выгодность, а с 1913 г., и особенно ярко после войны,—абсолютная необходимость социализма. Без него Европа хозяйственно загнивает и распадается. Это—факт. Рабочий класс в Европе не будет уже расти. Он в своей судьбе, классовой судьбе, параллельно соответствует развитию хозяйства. Поскольку европейское хозяйство, с теми или другими колебаниями, переживает застой и даже распад, постольку и рабочий класс, как класс, социально не растет, не увеличивается, а страдает от безработицы, от ужасающих колебаний резервной армии и проч., и проч. Война поставила его на ноги в революционном смысле. До войны рабочий класс по социальному значению разве был бы способен революцию произвести? Чего ему не хватало? Ему не хватало сознания его силы. Его сила выросла в Европе автоматически, незаметно в росте промышленности. Война встряхнула рабочий класс. В этой ужасающей кровавой встряске, на другой день после войны, рабочий класс был весь проникнут революционным настроением в Европе. Стало быть, одна часть суб'ективных факторов—стремление изменить этот мир—была на-лицо. Чего не было? Не было партии, которая способна была бы вести рабочий класс к победе. И вот как складываются события революции у нас и вне нас. В 1917 г.—февральско-мартовская революция; через 9 месяцев—октябрь: революционная партия обеспечивает победу рабочему классу и крестьянской бедноте. 1918 год—революция в Германии, смена верхушек; рабочий класс рвется вперед, но его громят раз за разом. Пролетарская революция в Германии не дает победы. 1919 г.—вспышка венгерской пролетарской революции: слишком узка база и слишком слаба партия. Революция раздавлена в 1919 же году через

несколько месяцев. В 1920 г. уже положение меняется, и меняется все более и более резко. Во Франции есть историческая дата,— первое мая 1920 г., когда произошел резкий поворот в соотношении сил пролетариата и буржуазии. Настроение французского пролетариата было в общем революционно, но он представлял себе победу гораздо легче, убаюканный той партией, теми организациями, какие выросли в предшествующий период мирного, органического развития капитализма. 1 мая 1920 г. французский пролетариат об'явил всеобщую стачку. Это должно было быть первым крупным его столкновением с французской буржуазией.

Вся буржуазная Франция трепетала. Только что вышедший из траншей пролетариат был ей страшен. Но старая социалистическая партия, старые социал-демократы, которые не могли перечить революционному рабочему классу и провозгласили всеобщую стачку, сделали в то же самое время все для того, чтобы ее сорвать; революционные же элементы, коммунисты, были слишком слабы, рассеяны и лишены опыта. Стачка 1 мая провалилась. И если вы возьмете французские газеты за 1920 г., то вы по передовым статьям, по хронике увидите уже быстрый и решительный рост силы буржуазии. Буржуазия сразу почувствовала свою устойчивость, прибрала к рукам государственный аппарат и перестала считаться, или все больше переставала считаться с требованиями и угрозой революции со стороны пролетариата.

Мы имели в том же году, в августе 1920 г., событие поближе к нам, которое тоже произвело изменение соотношения сил не в пользу революции. Это было наше поражение под Варшавой, наше поражение, которое с точки зрения международной имеет теснейшую связь с тем фактом, что в Германии, в Польше к этому моменту революционное движение не могло дать победы, за отсутствием крепкой революционной партии, пользующейся доверием большинства рабочего класса.

Через месяц, в сентябре 1920 г. мы переживаем величайшее движение в Италии. Итальянский пролетариат, именно к этому моменту, к осени 1920 г. достиг после войны высшей точки кипения. Он овладевает заводами, фабриками, железными дорогами, шахтами. Государство дезорганизовано, буржуазия почти лежит на земле с перебитым позвоночником. Казалось, еще один шаг вперед, и итальянский рабочий класс овладеет властью. Но в этот момент его партия, та социалистическая партия, которая вышла из предшествующей эпохи, хотя она и принадлежала формально к III Интернационалу, но по духу своему, по корням своим еще не вышла из прошлой эпохи, т.-е. из II Интернационала, эта партия

отшатывается в ужасе от взятия власти, от гражданской войны и обнажает пролетариат. На него производит атаку наиболее решительное крыло буржуазии в лице фашизма, в лице того, что еще было крепко в полиции и армии. Пролетариат разбит.

Мы видим в Италии еще более резкое изменение соотношения сил после поражения пролетариата в сентябре. Буржуазия сказала себе: так вот вы каковы. Вы толкаете пролетариат вперед, но у вас нет духа взять власть. И она выдвинула вперед свои фашистские отряды.

Через несколько месяцев, в марте 1921 г., мы наблюдаем крупнейшее событие в германской жизни, знаменитые мартовские события. Тут перед нами несовпадение между классом и партией развертывается с другого конца. В Италии в сентябре рабочий класс рвется к бою. Партия в ужасе отскакивает назад. В Германии рабочий класс рвался в бой, дрался и в 1918 г. и в течение 1919 г., и в течение 1920 г., но его усилия и жертвы не были увенчаны победой, ибо во главе его не было достаточно сильной, опытной и сплоченной партии, а та партия, какая была, спасла буржуазию второй раз, после того, как она ее спасла во время войны. И вот в 1921 г. коммунистическая партия Германии, видя, как буржуазия укрепляет свои позиции, хотела сделать героическую попытку пересечь дорогу буржуазии натиском, ударом и бросилась вперед. Но рабочий класс ее не поддержал. Почему? Да потому, что он еще не научился ей доверять. Он не знал в целом этой партии, а его опыт в гражданскую войну приносил ему только поражения в течение 1919 и 1920 г.г. И вот в марте 1921 г. произошел факт, который побудил Коммунистический Интернационал сказать: соотношения между партиями и классами, между коммунистическими партиями и рабочим классом всех стран Европы не подготовлены еще для непосредственного наступления, для непосредственного боя за завоевание власти. Необходима тщательная подготовка коммунистических рядов в двояком смысле: во-первых, в смысле их сплочения, закала и, во-вторых, в смысле завоевания ими доверия подавляющего большинства рабочего класса. Таков был лозунг, выброшенный III Конгрессом по свежим следам мартовских событий в Германии. И вот, т.т., после марта в течение 1921 г., в течение 1922 г. мы наблюдаем процесс, по крайней мере внешне, упрочения позиции буржуазных государств Европы, мы видим укрепление крайнего правого крыла. Во Франции у власти все еще национальный блок, во главе с Пуанкаре. Но Пуанкаре считается во Франции, т.-е. в национальном блоке левым, и на горизонте вырисовывается призрак нового более реакционного, более империалистического министерства Тардье [380]). В Англии правительство Ллойд-Джорджа, этого империа-

листа, но империалиста с пацифистскими поговорками и прибаутками, сменилось чисто консервативным, чисто открыто-империалистским министерством Бонар-Лоу. В Германии коалиционное, т.-е. с примесью социал-демократии [381]), министерство сменилось открыто буржуазным министерством Куна [382]) и, наконец, в Италии мы видим пришествие к власти Муссолини, открытое господство контр-революционного кулака. В области экономической, капитал наступает на пролетариат. В Европе во всех ее странах рабочим приходится отстаивать, и не всегда успешно, ту заработную плату, какая была вчера, и 8-часовой рабочий день в тех странах, где он легально завоеван в последний период войны или после нее. Такова общая обстановка. Ясно, что революционное развитие, т.-е. борьба пролетариата за власть, начиная с 1917 г., не представляет собою единообразной, планомерно восходящей линии.

Тут произошел перерыв. И, т.т., для того, чтобы яснее представить себе положение, какое переживает рабочий класс сейчас, не бесполезно прибегнуть к аналогии. Аналогия, — историческое сравнение, сопоставление,—есть опасный метод, потому что из аналогии сплошь да рядом хотят извлечь больше, чем она может дать, но в известных рамках, с целью наглядности, аналогия бывает полезна. Мы начали нашу революцию в 1905 г., после русско-японской войны. Мы тогда уже, издалека, но все же логикой вещей тянулись к власти. 1905 и 1906 г.г.—застой, две думы; 1907 г.—3-е июня, государственный переворот, первые победы реакции почти без отпора,—и затем революция откатывается назад. 1908 и 1909 г.г. — уже черные годы, а потом, только постепенно, с 1910—1911 г.г. начинается под'ем, который пересекается войной. 1917 г. — март, победа буржуазной демократии; октябрь — победа рабочих и крестьян. Стало быть, две большие точки: 1905 г. и 1917 г., между ними 12 лет. Эти 12 лет в революционном смысле представляют собой ломаную линию, сперва понижающуюся, потом повышающуюся. В международном смысле, прежде всего по отношению к Европе, мы имеем нечто подобное. Победа была возможна в 1917 г., в 1918 г., но мы ее не получили—не хватало последнего условия, сильной коммунистической партии. Буржуазия восстановила многие из своих политических и военно-полицейских позиций, но не хозяйственных, а пролетариат стал строить камень за камнем коммунистическую партию. На первых порах эта коммунистическая партия пыталась наверстать упущенное одним быстрым дерзким скачком вперед, в марте 1921 г. в Германии. На этом она обожгла себе руки. Интернационал предостерегал ее: «Ты должна завоевать доверие большинства рабочего класса, прежде чем будешь сметь звать его на открытый революционный

штурм». Таков был урок III Конгресса. Через полтора года после него собрался IV Конгресс Коминтерна.

Давая ему самую общую оценку, надо сказать, что к моменту его созыва еще не наступил поворотный пункт в том смысле, чтобы Интернационал мог сказать: «Теперь, этот час открытого штурма уже пробил». IV Конгресс развивал, углублял, проверял и уточнял работы III Конгресса, и убедился, что он был прав во всем основном.

В 1908—1909 г. г., я сказал, мы в России на гораздо более узкой тогдашней арене переживали момент наиболее глубокого падения революционной волны и в смысле настроения рабочего класса, и в смысле победоносной тогдашней столыпинщины и распутинщины [383]), и в смысле распада передовых рядов рабочего класса. То, что оставалось в качестве нелегальной ячейки, было страшно малочисленно по отношению к рабочему классу в целом. Лучшие элементы были в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Это—самая низкая точка в революционном движении—1908 и 1909 г.г. Затем — постепенный под'ем. Мы переживали за последние 2 года, отчасти переживаем еще и сейчас, несомненно, период, аналогичный 1908 и 1909 годам, т.-е. низшую точку в непосредственной открытой революционной борьбе.

Есть и еще одна аналогия. 3 июня 1907 г. контр-революция на тогдашней парламентской арене одержала победу (переворот Столыпина) почти без отпора в стране, а в конце 1907 г. ударил грозный толчек—промышленный кризис. Какое влияние произвел он на рабочий класс? толкнул ли он его на борьбу?—Нет. Уже в 1905, 1906 и в первой половине 1907 г.г., рабочий класс свою энергию, лучшие элементы отдал открытой борьбе. Он потерпел поражение, а после поражения наступил торгово-промышленный кризис, который ослабил производственную и хозяйственную роль пролетариата, сделал его положение менее устойчивым. Этот кризис ослабил его и революционно и политически. И только торгово - промышленный под'ем, который начался с 1909—1910 г.г., и собрал рабочие ряды на фабриках и заводах, наполнил рабочих вновь большой уверенностью, дал большую опору нашей партии и толкнул революцию вперед. И здесь, я говорю, есть некоторая аналогия. В 1921 г. весной начался в Америке и Японии жесточайший торгово-промышленный кризис, после того, как пролетариат потерпел во Франции поражение 1 мая 1920 г., в Италии—в сентябре 1920 г., в Германии— в течение всего 1919 и 1920 г.г. и особенно в мартовские дни 1921 г. Вот в этот как раз момент, весной 1921 г., начинается кризис в Японии и в Америке и во вторую половину 1921 г. перебрасывается на Европу. Безработица растет, особенно, как вы знаете, в Англии, до небывалых размеров. Устойчивость положения пролетариата еще бо-

лее падает после уже понесенных им потерь и разочарований и это не укрепляет его, а, наоборот, в данных условиях кризиса ослабляет. С настоящего года, с конца прошлого года, замечается некоторое промышленное оживление, которое в Америке достигает настоящего под'ема, а в Европе проходит небольшой, неравномерной рябью. Таким образом и здесь первый толчек к обострению открытого массового движения был дан, особенно во Франции, некоторым улучшением экономической кон'юнктуры. Но тут, т.т., аналогия кончается. Промышленный под'ем 1909 и 1910 г.г. у нас и во всем мире до войны был полнокровным могущественным под'емом, который длился до 1913 г., пока производительные силы не уперлись в рамки капитализма, и отсюда возникла величайшая империалистическая бойня. Промышленное улучшение, которое началось в конце прошлого года, есть только перемена температуры туберкулезного организма европейского хозяйства. Европейское хозяйство не растет, а распадается, и лишь в некоторых странах держится на одном уровне. Самая богатая из европейских стран—островная Англия исчисляет свой национальный доход, по крайней мере, на $^1/_3$, а то и на $^1/_4$ ниже, чем до войны. Воевали, как вы знаете, чтобы завоевать рынок. Кончилось тем, что обеднели, по крайней мере, на $^1/_4$, или на $^1/_3$. Улучшения за этот год минимальные. Падение влияния социал-демократии и рост за ее счет коммунистических партий — верный симптом того. Как известно, социал-реформизм вырос благодаря тому, что буржуазия имела возможность улучшать положение более квалифицированных слоев рабочего класса. Без этого, разумеется, Шейдеман и все прочее, что с ним связано, было бы невозможно, ведь это не просто идейное течение, а оно вырастает из хозяйственных, экономических и социальных предпосылок. Это—рабочая аристократия, которая пользуется тем фактом, что капитализм полнокровен и могуществен и имеет возможность улучшить положение, по крайней мере, верхних слоев рабочего класса. Вот почему как раз в годы, предшествовавшие войне, начиная с 1909 по 1913 год, мы видим наиболее сильный рост бюрократии профсоюзов и социал-демократов, наибольшее укрепление реформизма, национализма в верхах рабочего класса, результатом чего и была ужасающая катастрофа II Интернационала в начале войны. И теперь, т.т., вся суть положения в Европе характеризуется тем, что буржуазия не имеет более возможности подкармливать верхи рабочего класса, ибо она не имеет возможности нормально—по-капиталистически нормально—кормить весь рабочий класс. Понижение уровня в жизни рабочего класса есть сейчас закон такой же, как и распад европейского хозяйства. Этот процесс начался с 1913 г., война внесла в него

внешние изменения; после войны он обнаружился особенно жестоко. И поверхностные колебания кон'юнктуры не меняют этого факта. Это — первое и основное отличие нашей эпохи от эпохи довоенной.

Но есть и второе отличие—это существование советской России, как революционного факта. Есть третье отличие—это существование централизованной международной коммунистической партии. И мы, т.т., видим, как в то самое время, когда буржуазия одерживает одну внешнюю победу за другой над пролетариатом, в это самое время рост, укрепление, планомерное развитие коммунистической партии не задерживается, а идет вперед. И это — самое важное, основное отличие нашей эпохи от той, которая была между 1905 и 1917 г.г.

То, что я говорил, как вы видите, касалось и касается, главным образом, Европы. Было бы неправильно распространять это целиком на Америку. И в Америке социализм выгоднее капитализма и, даже правильнее сказать, особенно в Америке социализм был бы выгоднее капитализма, т.-е. если бы нынешние американские производительные силы организовать на началах коллективизма, то расцвет хозяйства был бы баснословный.

Но в отношении к Америке неправильно было бы сказать, как мы говорим по отношению к Европе, что капитализм для нее уже сегодня означает приостановку хозяйственного развития. Европа гниет, а Америка живет. В первые годы, или, вернее, в первые месяцы, в первые 20 месяцев после войны могло казаться, что Америка будет сейчас же немедленно подкошена хозяйственным упадком Европы, ибо Америка не пользовала, эксплоатировала европейский рынок вообще и военный рынок в особенности. Этот рынок для нее зачах, иссяк, и чудовищная вавилонская башня американской индустрии грозила подкоситься, лишившись одного из устоев, и повалиться окончательно. Но Америка, лишившись в прежней степени европейского рынка, тем вернее (помимо эксплоатации собственного внутреннего рынка, стомиллионного богатого населения), захватывает и захватила рынки некоторых европейских стран — Германии и в значительной мере Англии. И мы видим, как в 1921 и 1922 г.г. американское хозяйство переживает подлинный торгово-промышленный под'ем, в то время как Европа проходит только через отдаленные отражения этого под'ема. Стало быть, в Америке производительные силы развиваются еще и при капитализме, медленнее, конечно, чем развивались бы при социализме, но все же развиваются. Как долго,— это другой вопрос. Американский рабочий класс, конечно, по своей хозяйственной и социальной мощи вполне созрел для того, чтобы овладеть государственной властью, но по своим политическим и

организационным традициям несравненно он дальше от этого, чем европейский рабочий класс, и наша сила—сила Коммунистического Интернационала—в Америке еще очень слаба. И если спросить себя (разумеется, это только условная постановка вопроса), что произойдет раньше, победоносная пролетарская революция в Европе, или же создание сильной коммунистической партии в Америке, то я бы рискнул сказать на основании всех тех данных, которые имеются у нас сейчас (разумеется, возможны всякие новые факторы, в виде, скажем, войны Америки с Японией, а война есть, товарищи, большой локомотив истории), и если брать нынешнее состояние в его дальнейшем логическом развитии, то я сказал бы, что несравненно больше шансов, что пролетариат победит раньше в Европе, чем в Америке выдвинется и разовьется могущественная коммунистическая партия. Другими словами, — подобно тому, как победа революционного рабочего класса в октябре 1917 г. была предпосылкой к созданию Коммунистического Интернационала и росту коммунистических партий в Европе, так, по всей вероятности, победа пролетариата важнейших стран Европы будет предпосылкой быстрого революционного развития Америки. Вот в чем разница этих двух областей: Европы с хозяйством, загнивающим и распадающимся, с пролетариатом, уже производственно не растущим (потому что некуда расти), а дожидающимся, пока разовьется его коммунистическая партия,—и Америки, которая еще хозяйственно идет вперед, эксплоатируя распад Европы.

Третья область—это колонии. Само собою разумеется, что колонии—Азия, Африка (я говорю о них в целом), несмотря на то, что они тоже представляют величайшие градации, как и Европа,—колонии, если брать их самостоятельно и изолированно, совершенно неготовы для пролетарской революции. Если брать их изолированно, то капитализм в них имеет еще длительную возможность хозяйственного развития. Но колонии принадлежат метрополиям, и их судьба тесно связана с судьбой их европейских метрополий. В колониях мы наблюдаем растущее национальное революционное движение. Коммунисты представляют собою там только небольшие ячейки, внедренные в крестьянство. Так что в колониях мы имеем преимущественно мелко-буржуазное и буржуазное национальное движение. Если вы спросите о перспективах социалистического и коммунистического развития колоний, то я скажу, что этот вопрос нельзя ставить изолированно. Конечно, после победы пролетариата в Европе эти колонии станут ареной культурного хозяйственного и всякого другого воздействия Европы, но для этого они должны прежде всего сыграть свою революционную роль параллельно

с ролью европейского пролетариата. В этом отношении европейский, в частности французский и особенно английский, пролетариат делает слишком мало. Развитие, влияние идей социализма и коммунизма, освобождение трудящихся масс колоний, ослабление влияния националистических партий могут быть обеспечены не только и не столько ролью туземных коммунистических ячеек, сколько революционной борьбой пролетариата метрополии за освобождение колоний. Только этим пролетариат метрополии покажет колониям, что есть две европейские нации, одна—угнетательница, другая—дружественная; только этим он даст дальнейший толчек колониям, который сотрясет здание империализма и тем сослужит революционную службу делу пролетариата.

Т.т., мы до последнего времени недостаточно дифференцировали Европу и Америку и, под этим углом зрения, медленность развития коммунизма в Америке могла внушить кое-кому пессимистические идеи в том смысле, что в деле революции Европа должна дожидаться Америки.

Этого нет. Европа ждать не может. Другими словами,—если бы революция в Европе оттянулась на десятки лет, это значило бы, что Европа вообще вычеркивается, как культурная сила. Вы знаете, что в Европе есть теперь модная философия Шпенглера о закате Европы. Это есть в своем роде правильное классовое предчувствие буржуазии. Не замечая пролетариата, который бы заменил буржуазию и взял власть,—они говорят о закате Европы. Разумеется, если бы это было так, то хоть и не закат, но длительное, хозяйственно-культурное гниение Европы было бы неизбежно, и тогда с запозданием пришла бы американская революция и взяла бы Европу на буксир. Но для такого прогноза, пессимистического с точки зрения срока, нет никаких серьезных оснований. Конечно, в отношении сроков гадание—вещь довольно ненадежная и не всегда серьезная, но, я говорю, нет никакого основания думать, что между 1917 г.—началом новой революционной европейской эпохи—и между ее крупнейшими победами в Западной Европе должно пройти больше лет, чем между нашим 1905 и 1917 г.г. У нас прошло 12 лет между началом революции, между первым опытом и победой. Сколько лет пройдет между 1917 г. и первой крупной и прочной победой в Европе, мы, конечно, не знаем. Не исключено, что пройдет меньше 12 лет. Во всяком случае, величайшим преимуществом является факт существования сейчас советской России и Коммунистического Интернационала, как централизованной организации революционного авангарда, и связанный с этим факт систематического организационного укрепления коммунистических партий в разных странах. Это не всегда озна-

чает рост их численности. Разумеется, в 1919—1920 г.г., когда первые надежды пролетариата были еще свежи, он вливался в коммунистические партии, как вообще во время прилива, и заполнял неустойчивыми элементами коммунистические организации. Кое-какие элементы теперь отошли, но рост партии в смысле ее закала, в смысле упрочения ее идейной ясности, в смысле ее международной централизованности, связи не прекратился. Этот рост является неоспоримым фактом, и он нашел свое выражение, как в том, что IV Конгресс положил начало,—впервые в истории пролетариата,—начало выработки международной программы, так и в том, что в лице исполнительного комитета на IV Конгрессе впервые создан и выделен централистический орган не на федеративных принципах, не на основе делегирования представителей от разных партий, а орган, выбранный самим же IV Конгрессом. И этому Исполнительному Комитету вручены судьбы Коммунистического Интернационала до ближайшего конгресса.

Две задачи, тесно связанные одна с другой, стоят перед Коммунистическим Интернационалом после IV Конгресса. Первая задача, это—продолжение борьбы с центристскими тенденциями, которые выражают повторные и настойчивые попытки буржуазии, через ее левое крыло, внедриться внутрь Коммунистического Интернационала, пользуясь затяжным характером революционного развития. Борьба с центризмом внутри Коммунистического Интернационала, дальнейшее его очищение—это раз. И, во-вторых, борьба за влияние на подавляющее большинство рабочего класса.

Обе эти проблемы очень ярко встали на III Конгрессе, особенно в связи с нашей французской коммунистической партией, которая выступила на Конгрессе в лице двух фракций — центра и левой. Наша итальянская партия раскололась после сентябрьских событий 1920 г. Уже на III Конгрессе летом 1921 г. итальянский центр, так называемые максималисты, с Серрати во главе, не присутствовали на нашем Конгрессе и были об'явлены исключенными из Интернационала. Во французской партии те же две тенденции замечались накануне IV Конгресса. Параллелизм итальянского и французского движения и раньше отмечался во многих отношениях. И вот факт крупнейшего симптоматического значения; несмотря на торжество контр-революции в Италии и во всей Европе, о чем я уже говорил, мы наблюдаем именно в Италии, где коммунизм был наиболее поражен, не распад, не отход, а, наоборот, новый толчек в сторону Коммунистического Интернационала. Максималисты во главе с Серрати, которого мы исключили в свое время (и правильно исключили за поистине предательское поведение), эти максималисты, во время сен-

тябрьского движения 1920 г., расколовшись с реформистами, постучались в ворота Интернационала накануне IV Конгресса. Что это означает? Это означает новый революционный толчек влево со стороны одной части пролетарского авангарда. Многое говорило за то, что французские центристы проделают судьбу итальянских максималистов, т.-е. уйдут от нас. Разумеется, мы примирились бы и с таким исходом, зная, что в последнем счете левое крыло все же возьмет верх. Однако опыт итальянских максималистов, которые с покаянной головой прибыли в Москву после того, как оторвались от Москвы, кой-чему научил французских центристов во главе с Кашеном и Фроссаром. Вы все должны знать те резолюции, которые принял IV Конгресс по отношению к французской партии. Это в своем роде драконовские резолюции, если принять во внимание нравы и обычаи Франции, ее старой социалистической партии. Требование полного разрыва со всеми учреждениями буржуазии кажется нам само собою очевидным, но во Франции, где сотни и сотни членов коммунистической партии входят во франк-масонские ложи, в буржуазно-демократические лиги защиты прав человека и гражданина и проч., там требование полного разрыва с буржуазией, исключение всех франк-масонов и проч. является целым переворотом в жизни партии. Мы установили на конгрессе для французской партии требование, чтобы девять десятых кандидатов на всякие выборные должности—в парламент, в муниципалитеты, кантональные советы и проч.—выдвигались из числа рабочих или крестьян, непосредственно связанных со станком или с сохой. Кто знает условия жизни французской партии, где есть целые фаланги интеллигентов, адвокатов, карьеристов, которые нюхают у ворот разных партий, где пахнет мандатом, или тем более в перспективе властью и пр., тот должен понять, что требование выдвигать на выборные должности девять десятых рабочих и крестьян непосредственно от станка и сохи—есть величайшая революция в жизни французской партии. Левое крыло, приблизительно равносильное центру, было за это. Центр очень колебался, и мы понимали, что это—самый больной вопрос, что здесь мы московским сапогом наступили на некоторый очень чувствительный мозоль, и мы дожидались, как в Париже откликнутся на московское ауканье. Последние телеграммы свидетельствуют, что была попытка оторваться от Москвы. Называют инициатором этой попытки Моризе [384]), который был у нас в Москве, затем написал очень сочувственную книжку. (Написать в Париже сочувственную книжку о русской революции—это одно, а подготовлять французскую революцию—это совсем дургое.) Этот Моризе, затем Сутив [385])—члены центрального комитета—предлагали, не дожидаясь возвращения деле-

гации из Москвы, расколоться и провозгласить независимую партию. Но давление снизу оказалось таким, готовность низов подчиниться вердикту IV Конгресса так была ярка и отчетлива, что они должны были ударить отбой и при их воздержании, только воздержании, нынешний Ц. К., состоящий сплошь из центристов, без единого левого, может быть, и без общего восторга всех членов центрального комитета, но постановил подчиниться московским решениям.

Повторяю, т.т., с точки зрения мировых перспектив факт может показаться небольшим. Но если следить изо дня в день, а мы должны этому научиться, за жизнью через нашу прессу, следить изо дня в день за жизнью французского рабочего класса и его коммунистического авангарда, то всякий скажет, что только теперь, после IV Конгресса, французскому коммунизму дан такой поворот, что быстрый рост завоевания доверия широких рабочих масс Франции обеспечен, тем более, что нет на свете рабочего класса, который был бы так часто обманут позорнейшим и подлейшим образом, как французский рабочий класс. Его с конца XVIII столетия во всех революциях обманывала буржуазия разных оттенков. Французские же социалисты довоенной и военной эпохи развили наиболее изысканную механику и музыку обмана из всех партий II Интернационала. И вот почему французский рабочий класс, с превосходным революционным темпераментом, неизбежно должен был с величайшим недоверием относиться и к новой коммунистической партии. Он видел «социалистов» под разными именами, и как они ни меняли кожу, их организации оставались проходными воротами для карьеристов, депутатов, всяких журналистов, министров и т. д. Бриан, Мильеран,—все это ведь из старой социалистической партии. Такого опыта обмана, политической эксплоатации не имел никакой другой пролетариат в мире. Отсюда недоверие, отсюда политический индифферентизм, отсюда синдикалистские влияния и предрассудки.

Нам нужно, чтобы коммунистическая партия предстала перед рабочим классом и на деле показала: я не партия, как другие партии, а я революционная организация рабочего класса; карьеристам, франк-масонам, демократам, блюдолизам нет места в моей среде. И это требование впервые пред'явлено и поставлено, при чем и срок назначен—до 1 января 1923 г. Ни одного франк-масона, ни одного карьериста до 1 января 1923 г. Только еще несколько дней остается им. Это, товарищи, факты крупнейшего значения. (Аплодисменты.)

По отношению к той же Франции еще один вопрос—об едином фронте—встал очень остро. Лозунг единого фронта вырос, как вы знаете, из двух причин: во-первых, мы, коммунисты, во Франции, в Германии, почти во всех странах Европы — еще меньшинство, мы

имеем влияние на меньшую половину пролетариата, кроме Болгарии, отчасти, может быть, Чехо-Словакии. Вместе с тем революционное развитие замедлилось; пролетариат хочет жить и бороться, а он расколот. При этих условиях нужно, чтобы коммунисты завоевали доверие этого рабочего класса. На чем? На борьбе во всем ее об'еме, на текущей, на сегодняшней борьбе, на всяком требовании, на всякой стачке, на всякой манифестации. Всюду коммунист должен быть впереди. Он должен завоевать доверие тех, которые ему сегодня не доверяют. Отсюда лозунг единого фронта, сплочение внутри, изгнание из наших рядов всего, что не сродни нам по духу, и в то же время борьба за те элементы, которые доверяют еще этим карьеристам, оппортунистам, франк-масонам и проч. Это—задача двойная, но тесно связанная. Французские коммунисты, особенно центристы которые терпели в своей среде франк-масонов и отказались от тактики единого фронта, подчинившись влиянию диссидентов, т.-е. французских социалистов, предложили применить тактику единого фронта по отношению к амнистии. Я беру Францию, потому что эти вопросы получили там наиболее яркое выражение. Как только Фроссар, секретарь партии, от имени коммунистов предложил диссидентам, т.-е. социалистам, патриотам, реформистам, совместное выступление, чтобы добиться амнистии рабочих революционеров, сидящих в тюрьмах со времени войны или после войны, как только он предложил, так сейчас же умнейшие вожди диссидентов ответили,—это ответ в высокой степени типичный и поучительный, мы с ними встречались и встретимся в других местах,—вы, коммунисты, к нам обращаетесь, стало быть, вы признаете, что мы не предатели рабочего класса, но мы еще подумаем, нет ли у вас камня за пазухой, не собираетесь ли вы ненароком нас скомпрометировать. И в Гааге, я по газетам сужу, т. Радек написал одну, как говорят, очень непочтительную статью о Вандервельде и Шейдемане, а в то же время предложил тамошним социал-демократам и амстердамцам единый фронт против милитаризма и военной опасности.

Зная зловредный характер т. Радека, я допускаю, что статья была очень непочтительной. Но сейчас же это обстоятельство смекнули и господа амстердамцы: ах, вот как! Тогда одно из двух: либо вы должны признать, что мы не предатели, раз вы нам предлагаете единый фронт, либо мы твердо решим, что у вас не только непочтительные статьи за пазухой, но и камни, так сказать, поопасней этого.

Т.т., эта позиция представляет собой, разумеется, самое широкое признание собственной несостоятельности. Когда я это читал, мне вспомнились слова некоторых парижских остряков за время нашей

эмиграции насчет того, что когда с.-д. предложили Бурцеву[386] дискуссию, то он ответил, что я, мол, знаю, меня, старого воробья, не проведешь; вы хотите дискуссией обнаружить несостоятельность моих умственных способностей, но я на эту провокацию не поддамся.

Эти люди из II интернационала поумнее Бурцева (за которым указанный мною недостаток в те времена числился, не знаю, как теперь), но попадаются в ту же самую ловушку. Ибо в чем камень за пазухой у нас? В том, что мы говорим: эти люди не способны бороться, не способны отстоять интересы пролетариата. И, обращаясь к их армии, т.-е. к тем рабочим, которые за ними еще идут и им верят, мы говорим: вот предлагаем вашим вождям путь, вместе с нами бороться за 8-часовой рабочий день, за амнистию, против понижения заработной платы. В чем наш «камень»? Да в том, что если в этой борьбе, вы, амстердамцы и социал-демократы, покажете себя как трусы, как предатели, часть ваших рабочих к нам перейдет, а если вы, паче чаяния, окажетесь революционными тиграми и львами и т. п., то тем лучше, попробуйте. В этом и состоит наша провокация. Она так проста, наша ловушка, так проста, но вместе с тем неотразима, что увильнуть нельзя. Все равно, пойдет Бурцев на дискуссию—покажет, что плох, не пойдет, потому что боится показать, что плох, — все равно плох и исправить нельзя. Другими словами, лозунг единого фронта, который уже играет во всех европейских странах огромную роль, ибо он приучает рабочие массы к коммунистам, ставит перед рабочими, которые еще не верят коммунистам, следующее положение: ну, хорошо, вы в революционные методы, в диктатуру не верите, но мы предлагаем вам, мы, коммунисты, предлагаем вам вместе с вашей организацией сегодня бороться рука об руку и завоевать те требования, которые вы выдвигаете. Это самый неотразимый довод. Он приучает массы к коммунистам и показывает, что они лучшая организация и в частичной борьбе. Я говорю, эта борьба делает за последнее время очень большие успехи, и, на-ряду со сплочением компартий, мы наблюдаем рост их политического влияния и рост их уменья маневрировать, действительно маневрировать, чего им особенно нехватало.

Из единого фронта вытекает лозунг рабочего правительства, который на последнем IV конгрессе подвергался всестороннему обсуждению и был снова подтвержден, как центральный политический лозунг на ближайший период. Борьба за рабочее правительство, что это значит? Разумеется, мы, коммунисты, знаем, что действительно рабочее правительство в Европе будет тогда, когда пролетариат низвергнет буржуазию с ее демократической механикой и учредит

свою диктатуру под руководством коммунистической партии. Но для того, чтобы это стало возможно, нужно, чтобы европейский пролетариат поддерживал в большинстве своем коммунистическую партию.

Этого еще нет. И вот наши коммунистические партии в Европе по каждому подходящему случаю говорят: «рабочие социал-демократы, рабочие синдикалисты, анархисты или беспартийные. Заработная плата сокращается, от 8-часового рабочего дня остается все меньше и меньше. Дороговизна растет. Если бы все рабочие, при всех своих различиях, сумели об'единиться и создать свое рабочее правительство, этого бы не было». И вот лозунг рабочего правительства становится клином, который коммунисты вгоняют между рабочим классом и всеми остальными классами, а так как верхушка социал-демократическая—реформисты—связана с буржуазией, то этот клин чем дальше, тем больше будет отрывать и уже начинает отрывать левую часть социал-демократических рабочих от их вождей. Лозунг рабочего правительства может в известных условиях стать реальностью в Европе, т.-е. может наступить такой момент, когда, подобно тому как мы в России вместе с левыми эсерами создали рабоче-крестьянское правительство, коммунисты вместе с левыми элементами социал-демократии создадут рабочее правительство. Этот момент будет переходным к пролетарской диктатуре, к полной и законченной. Но сейчас значение лозунга рабочего правительства не в том, как и при каких условиях он будет осуществлен, а в том, что этот лозунг сейчас политически противопоставляет рабочий класс в целом всем остальным классам, т.-е. всем группировкам буржуазного политического мира.

На IV конгрессе перед нами конкретно встал вопрос о рабочем правительстве по отношению к Саксонии. Там социал-демократы вместе с коммунистами имеют большинство в саксонском ландтаге против буржуазии. Социал-демократов, кажется, 40 депутатов, коммунистов 10 депутатов, а у буржуазии меньше 50 вместе. И вот социал-демократы предложили коммунистам создать вместе рабочее правительство в Саксонии. У нашей партии по этому поводу были некоторые сомнения и колебания. Вопрос был рассмотрен здесь в Москве и был решен отрицательно. В самом деле, чего хотят германские социал-демократы? Чего они хотели этим предложением? Вы знаете, что во главе германской республики стоит социал-демократ Эберт. Под Эбертом стоит буржуазное министерство, призванное к власти Эбертом. А в Саксонии, в одной из очень пролетарских частей Германии, предполагалось коалиционное рабочее социал-демократическое и коммунистическое министерство. Получилось бы:

в Германии во всей стране сейчас подлинное буржуазное правительство, а в ландтаге в одной из частей Германии в качестве громоотвода коалиционное социал-демократическое и коммунистическое правительство. Мы, Коминтерн, ответили так: если бы вы, товарищи, коммунисты германские, рассчитывали на то, что в Германии революция возможна в течение ближайших месяцев, то мы вам советовали бы в Саксонии принять участие в коалиционном правительстве и использовать ваши министерские посты Саксонии для политических и организационных задач, превратив Саксонию в известном смысле в коммунистический плацдарм, для того, чтобы при подготовке и при приближении наступления революции иметь уже упроченную революционную крепость.

Но это было бы возможно только в том случае, если бы давление революции уже ощущалось, если бы оно было уже на-лицо: тогда это был бы только захват одной из позиций в Германии, которую вам предстоит захватить в целом. Сейчас же вы, разумеется, будете в Саксонии играть роль привеска, привеска бессильного, ибо само саксонское правительство бессильно перед лицом Берлина, а Берлин — это буржуазное правительство. Коммунистическая партия в Германии присоединилась к этому решению целиком и переговоры были сорваны. Но тот факт, что социал-демократы предложили коммунистам, — более слабым, чем с.-д. и гонимым в Германии теми же с.-д.,—разделить с ними власть в Саксонии [337]), разумеется, это ловушка. Но в этой ловушке нашло свое выражение давление рабочих масс в сторону единства. а это давление вызвано нами, и это давление, поскольку оно стремится оторвать рабочий класс от буржуазии, — это давление в последнем счете пойдет нам на пользу.

Я, т.т., сказал, что сейчас Европа переживает в своем государственном этаже прилив сосредоточенной реакции; победа консерваторов в Англии, национальный блок Пуанкаре с перспективой Тардье во Франции; в Германии, которая, кажется, еще и сегодня называется социалистической республикой, — так она сгоряча была названа в ноябре 1918 года, — получилось чисто буржуазное правительство; наконец, пришествие в Италии к власти Муссолини; Муссолини, это — урок, который дается Европе в отношении демократии, ее принципов и методов, подобно тому, как мы дали Европе в начале 1918 года аналогичный урок, разогнав Учредительное Собрание. Муссолини, правда, несколько с другого конца, является для Европы уроком в высшей степени поучительным. Италия старая культурная страна, страна демократических традиций, всеобщего избирательного права и проч. и проч. И вот, после того, как

пролетариат смертельно испугал буржуазию, но довести ее до смерти не сумел, из-за предательства своей партии, буржуазия выдвигает из себя все активные элементы, и во главе их ренегата социализма и пролетариата — Муссолини. Происходит мобилизация частной партийной армии, которая вооружается по всей стране, как будто из неведомых рессурсов, по существу же из правительственных рессурсов, отчасти на секретные средства в Италии, в значительной мере на французские субсидии через Муссолини. И вот, под покровом демократии, создается ударная боевая организация контр-революции, которая громит в течение 2 лет рабочие кварталы, окружает своими войсками Рим. Буржуазия колеблется, потому что не уверена, справится ли Муссолини. Но когда Муссолини справился, все преклоняются перед ним. Надо во всех рабочих учреждениях и домах Западной Европы и других буржуазных странах — мы-то уже в этом, конечно, не нуждаемся — развесить и расклеить речь, которую Муссолини произнес в итальянском парламенте. Он сказал почти буквально следующее:

«Я бы мог вас всех отсюда выгнать и здесь устроить бивуак для моих фашистов. Но я в этом не нуждаюсь, потому что вы и так будете лизать мои ботфорты». И тогда все ответили: «Точно так», при чем итальянские демократы спросили: «с какого ботфорта прикажете начать: с правого или с левого».

Т.т., это урок для европейского рабочего класса, раз'еденного на верхах своими традициями, буржуазной демократией, умышленным гипнозом легальности, урок—исключительного значения.

Я сказал, что величайшим завоеванием европейского и мирового рабочего класса в эту эпоху предсмертного торжества европейской буржуазии, в эту эпоху перерыва по восходящей линии революции, является централизованная коммунистическая организация Коминтерна и существование советской республики. Дело тут не в том, что мы, Россия, ведем международную пропаганду,—бывает, конечно, что и русские товарищи, как, напр., Радек и Лозовский [388]), пробиваются неожиданно для нас самих в Гаагу, пишут там непочтительные статьи, вызывают раздражение пацифистов и пацифисток и прочее. Это, т.т., разумеется, очень ценно и отрадно, но это все же явление второго порядка. И не в том суть, что мы в Москве оказываем гостеприимство конгрессам Коминтерна. Это, конечно, хорошо, но не в том состоит наша пропаганда, что мы встречаем наших товарищей итальянских, германских и прочих коммунистов и даем им комнаты в «Люксе» [389]) (разумеется, плохо отапливаемые, потому что хорошо топить мы еще не научились). Дело в самом факте существования советской республики. Мы

к нему привыкли, к этому факту. К нему, в известном случае, как-будто бы привык весь рабочий класс мира. С другой стороны, притворяется привыкшей, до известной степени, и буржуазия. Но для того, чтобы понять значение существования советской республики для революции, нужно на одну минуту представить себе (не к ночи будь сказано), что советской республики не существует больше. При Муссолини в Италии, при Пуанкаре во Франции, при Бонар-Лоу в Англии, при буржуазном правительстве в Германии падение советской республики означало бы отсрочку европейской и мировой революции на десятилетие, означало бы подлинное гниение европейской культуры. Из Америки, из Японии, из Азии, быть может, возник бы потом социализм. Пришлось бы уже гадать насчет десятилетий. Но вместо того, чтобы гадать насчет десятилетий, мы будем добиваться, чтобы это дело докончить в течение ближайших лет. (Аплодисменты.) На это есть величайшая и полная возможность. Что такое пролетариат, когда он находит правильное отношение к крестьянству, пролетариат даже отсталой страны, как наша? Мы это уже видели, и наш с'езд советов, заседающий в эти дни в Москве, — показывает, что значит сила пролетариата, окруженного и блокированного всем миром, но ведущего за собой крестьянство. Из этого источника — из советской России — черпает свою силу и энергию европейский мировой рабочий класс. У нас власть. У нас средства производства национализированы. Это — великий козырь в руках трудящихся масс России, и это есть, вместе с тем, залог ускоренного развития революции в Европе.

Если даже Америка и отстанет, мы свое все равно возьмем. Американская буржуазия грела руки у европейского костра во время империалистической войны. Но, т.т., когда зажжется революционный пожар в Европе, американская буржуазия долго не устоит. А нигде не сказано, что европейский пролетариат должен дожидаться, пока американский пролетариат научится не поддаваться обманам своей трижды растленной буржуазии. Нигде этого не сказано. В настоящее время американская буржуазия поддерживает сознательно Европу в состоянии гниения. Американская буржуазия, обожравшись европейской кровью и золотом, хозяйничает во всем мире, посылает своих уполномоченных на конференции без обязательств, там они молчат и решают, а время от времени кладут свою американскую ногу на стол и дипломаты европейских стран видят, что нога эта в превосходном американском башмаке, и этой ногой Америка диктует Европе свои законы. Европейская буржуазия — не только Германия, Франция, но и Англия — на задних лапках ходит перед буржуазией американской, которая во

время войны извела Европу своей поддержкой, своими займами, своим золотом, а теперь поддерживает Европу в состоянии агонии. И американской буржуазии достанется от европейского пролетариата. И эта месть будет тем скорее, чем тверже будут наши советские успехи. Пропаганда наша, хороша она или плоха, — это факт 3-й или 4-й степени, а факт первостепенный — это наше хозяйство. Товарищи крестьяне — насколько я знаю, здесь присутствуют и беспартийные товарищи крестьяне,—я могу сказать с полной уверенностью, что каждый лишний сноп урожая есть маленькая гирька на чашу весов европейской революции. Чего боится рабочий класс Англии, чего боится германский рабочий класс? Голодная Европа живет 3 года войны и послевоенные годы американским хлебом. Американская буржуазия, разумеется, открыто грозит, что, в случае новых революционных замешательств в Европе, она учинит голодную хлебную блокаду, подобно тому, как Англия и Франция учинили промышленную блокаду по отношению советской России. И этот вопрос очень важен в расчетах европейского и, в первую голову, германского рабочего класса. И мы, советская Россия, должны сказать—и делом подготовить это,—что европейскую пролетарскую революцию хлебом будет кормить советская Россия.

И это, товарищи крестьяне, не слова, не фраза, ибо вся судьба Европы зависит от решения этого вопроса. Есть две возможности: европейский пролетариат, под страхом американского сапога, и европейский пролетариат, получающий поддержку русских рабочих и крестьян, поддержку хлебом в самые трудные дни и месяцы революции. Вот почему хозяйственные успехи в области сельского хозяйства являются революционным делом. И вот почему каждый крестьянин советской России, даже и не знающий твердо, где находится Германия, Франция или Англия, — крестьянин, который у себя стремится поднять хозяйство, сдвинуть его с мертвой точки, поддержать город и промышленность, этот крестьянин является сейчас лучшим помощником мировой — европейской, прежде всего, революции, — лучшим помощником, чем мы все, старые и опытные пропагандисты.

Это, т.т., относится и к нашей промышленности. Разумеется, была бы жалка та революционная партия Европы, которая бы сказала себе — коммунист этого не скажет никогда, — что я буду дожидаться, пока советская республика покажет мне, как можно при социализме улучшить положение рабочего класса. Дожидаться не имеет права никто, они должны бороться вместе с нами. Но, с другой стороны, несомненно, что каждый наш хозяйственный успех, поскольку он в то же время дает нам возможность улучшать поло-

жение рабочего класса России, в то время как положение рабочего класса Европы падает со ступеньки на ступеньку, каждый наш хозяйственный успех является величайшим доводом, величайшей пропагандой в пользу ускорения пролетарской революции в Европе. У нас власть, средства производства. У нас граница. Это тоже не малое обстоятельство. И этот самый американский миллиардер в первоклассном сапоге, он за свои миллиарды мог бы скупить всю нашу Россию, если бы ему мы открыли нашу границу. Вот почему монополия внешней торговли есть так же наше неот'емлемое, наше революционное завоевание, как и национализация средств производства. Вот почему рабочий класс и крестьянская Россия не позволят посягнуть на монополию внешней торговли, какие бы давления ни были произведены на нас изо всех пяти частей света, находящихся под игом капитала. Это — наши козыри. Их сохранить и приумножить, а не растратить мы можем только при правильной организации хозяйства. С этой точки зрения, т.т., — никаких самообольщений перед трудностями наших задач. Это мы говорили на IV конгрессе. Там был специальный пункт о нашей новой экономической политике в связи с мировыми перспективами. Мы указывали на наши большие козыри: государственную власть, транспорт, важнейшие средства производства промышленности, недра земные, национализация земли, продналог, отсюда вытекающий, и монополия внешней торговли. Это — первоклассные козыри. Но и с лучшими козырями можно проиграть, если не уметь ими пользоваться. Мы, т.т., должны учиться. Тов. Ленин особенно энергично напомнил на конгрессе в кратком своем выступлении, что учиться нужно не только им, но и нам, учиться правильной организации промышленности, ибо эта правильная организация еще впереди, а не позади, это — завтрашний день, а не вчерашний и даже не сегодняшний.

Мы делаем усилия — и об этом мы говорили на IV конгрессе Коминтерна — стабилизировать нашу валюту. Эти усилия необходимы, и, разумеется, чем больше будут наши относительные успехи в этой области, тем легче будет хозяйственная работа в промышленности. Но всякий из нас слишком ясно понимает, что все усилия в области финансов, без подлинных материальных успехов в области промышленности останутся детской игрой в бирюльки. Основа — наша промышленность, на нее опирается советское государство, с ней оно живет и уверено в дальнейшей победе рабочего класса.

Наконец, еще один козырь, еще один аппарат, еще одна организация в наших руках. Об этом мы не раз говорили на IV конгрессе. Это наша партия. Я говорю здесь, прежде всего, перед ком-

мунистической фракцией с'езда советов, и об этом нужно сказать в заключение несколько слов. Из общего анализа вытекает, что мы переживаем в европейском масштабе период падения непосредственно революционной борьбы, при одновременной подготовительной работе и укреплении коммунистической партии. Развитие приняло более затяжной и длительный характер. Это значит, что мы должны будем больше выжидать подмоги со стороны европейского пролетариата, а затем мирового; это значит, что нашей партии суждено еще в течение долгого периода, может быть, нескольких лет, оставаться авангардом мировой революции. Это очень большая честь, но и очень большая ноша, очень большая тягота. Мы предпочли бы иметь рядом с нами советские республики в Германии, Польше и других странах. Наша ответственность была бы меньше, и трудности нашего положения были бы не так велики. Наша партия состоит из старых кадров с дореволюционным подпольным закалом, но это меньшинство. Затем в ней есть сотни тысяч, которые ничем не хуже в смысле человеческого классового материала по сравнению со стариками, — сотни тысяч влившихся после революции, у которых преимущество — большая молодость, но недостаток — меньшая опытность. Тов. Ленин говорил мне (сам я этого не читал), что один не то чешский, не то немецкий врач писал: коммунистическая партия в России — это несколько тысяч стариков, а дальше молодежь. Условия НЭП'а будут ее перерабатывать, и если старые поколения — эти тысячи — выйдут из работы, то партия окажется незаметным образом переделанной стихией НЭП'а, — стихией капитализма. Тут, как вы видите, тонкий политически-психологический расчет. Разумеется, расчет в корне ложный, но вместе с тем требующий от нашей партии, чтобы она, отдавая себе отчет в затяжном характере революционного развития и в трудностях нашего положения, приложила удвоенные и утроенные усилия к воспитанию молодых поколений нашей партии, к привлечению молодежи и повышению квалификации партийной массы. Для нас в настоящих условиях, это — вопрос жизни и смерти.

Т.т., я напомню еще один эпизод — эпизод очень крупный для всех нас с вами, это — заболевание Владимира Ильича. Большинство из вас не имело возможности следить за европейской печатью. Было много по поводу нас и против нас бешеных кампаний, но я не вспоминаю—даже в дни Керенского, когда нас травили, как немецких шпионов, — такой сосредоточенной кампании злорадства, бешенства и дьявольской надежды, как кампания по поводу болезни т. Ленина. Разумеется, враги надеялись на худший исход, на худший личный исход, и в то же время говорили, что партия обезглавлена, раска-

лывается на враждующие группы, что она распадется, и тогда Россию можно будет прибрать к рукам. Белогвардейская сволочь говорила, разумеется, открыто. Дипломаты, капиталисты Европы и Америки говорили об этом намеками, понимая друг друга с полуслова. Т.т., этим путем они невольно, не желая того, с одной стороны, показали, что по-своему они сумели оценить значение тов. Ленина для нашей партии и революции, но, с другой стороны, они показали, что они не знают и не понимают — и тем хуже для них — природы и характера нашей партии. Мне незачем говорить перед коммунистической фракцией с'езда советов о значении т. Ленина и в нашем и в мировом движении. Но есть, т.т., какая-то не только физическая, но и духовная, внутренняя, незыблемая связь между партией и тем, кто ее лучше, полнее и гениальнее всего выражает. И это выразилось в том, что когда т. Ленин был болезнью оторван от работы, партия (ей отчасти было известно завывание буржуазных шакалов всего мира) с внутренним трепетом ждала известий и бюллетеней о здоровьи т. Ленина, но в то же время ни один мускул не дрогнул у нашей партии, ни одного колебания, ни намека на возможность борьбы внутренней, а тем более раскола. В то время, когда т. Ленин отходил от работы по предписанию врачей, партия отдала себе отчет, что теперь на каждого рядового члена партии ложится двойная и тройная ответственность, и партия ждала возвращения вождя единодушно и сплоченно. Я говорил не так давно с одним иностранным буржуазным политиком, который сказал мне: «Я вращаюсь много в вашей партийной среде, в советской среде. Конечно у вас есть и личная борьба, и групповая борьба, но надо отдать вам справедливость, что, когда дело идет о внешнем мире или о внешней опасности или об общих задачах, вы всегда выравниваете фронт». Последняя часть его заявления о нашем выравнивании фронта была мне отрадна, но первая, признаюсь, несколько меня покорежила. И опять же, поскольку в огромной партии, как наша, с огромными задачами, как наши, в труднейших условиях, как наши, и при несомненном изнашивании стариков — это закон природы — поскольку в нашей партии могли бы встать какие-нибудь внутренние опасности, против них нет и не может быть другого средства, как повышение квалификации всей партии, уплотнение ее общественного мнения, чтобы каждый из ее членов на всяком посту ощущал на себе повышенное давление партийного общественного мнения.

Таковы выводы для нас из общего международного положения. Завтра час европейской революции, может быть, еще и не ударит. Пройдут недели и месяцы, может быть и несколько лет, а мы будем

все еще единственным рабоче-крестьянским государством в мире. Муссолини победил в Италии. Застрахованы ли мы от победы немецких Муссолини в Германии? Нет. И вполне возможно, что во Франции встанет у власти более реакционное министерство, чем Пуанкаре. Буржуазия, прежде чем сесть на задние лапы и выдвинуть своего Керенского, еще может попробовать выдвинуть своих последних Столыпиных, Плеве [390]), Сипягиных [391]). Это будет преддверием к европейской революции, но при одном условии, если мы удержимся, если удержится советское государство, а, значит, прежде всего, если удержится наша партия до конца. Нам нужно будет пройти, может быть, еще не год этой подготовительной хозяйственной, политической и всякой иной работы. Поэтому плотнее к массовым резервам. Больше молодежи вокруг нашей партии и в партии, максимальное повышение ее квалификации. При этом условии полной сплоченности и повышении нашей партийной квалификации, при передаче опыта старшего поколения младшему поколению, какие бы бури — предвестники последней пролетарской победы — ни разразились над нашей головой, мы будем твердо знать, что советская граница есть тот окоп, дальше которого контр-революция пойти не может. В этом окопе сидим мы, — авангард советской России, — коммунистическая партия, и мы этот окоп нерушимо и незыблемо сохраним до того дня, когда подоспеет европейская революция и над всей Европой взовьется знамя Союзной Советской Европейской Республики, как преддверие республики всего мира. (Продолжительные и бурные аплодисменты.)

Голоса: Да здравствует вождь красной армии, тов. Троцкий! Да здравствует тов. Ленин!

ИТОГИ ЗАКОНЧЕННОГО ПЕРИОДА [392]).

Империалистская Франция — сейчас правящая сила на европейском континенте и очень большая величина за его пределами. Уже это одно сообщает огромное значение французскому пролетариату и его партии. Европейская революция победит окончательно и бесповоротно тогда, когда она овладеет Парижем. Победа пролетариата на европейском континенте почти автоматически решит судьбу английского капитала. И, наконец, революционная Европа, к которой немедленно примкнут закабаленные народы Азии и Африки, сумеет сказать несколько убедительных слов капиталистической олигархии, которая правит в Америке. Главный ключ к евро-

пейскому, а в значительной мере и к мировому положению, вручен таким образом французскому рабочему классу.

Коммунистический Интернационал следил с напряженным вниманием за внутренней жизнью французской партии именно потому, что чрезвычайно высоко ставил и ставит ее историческую роль. Французского рабочего обманывали на протяжении всей его истории больше, чем кого бы то ни было другого; тем строже и непримиримее должна быть к самой себе Французская Коммунистическая Партия. В этом отношении достигнуты сейчас крупнейшие успехи, которые можно назвать в известном смысле решающими. Под скорлупой внутренней борьбы фракционных группировок, кружковых столкновений, отколов и исключений совершалось за последние два года действительное прорезывание революционных зубов у французского пролетариата, — а грызть этими зубами ему придется металл могущественнейшего милитаристского государства. Достигнутые на этом, пока еще подготовительном, пути успехи как бы персонифицируются в выходе из партии Фроссара и во вступлении в партию Моната и Барбюсса [393]).

Фроссар, бывший генеральный секретарь партии и до известной степени вдохновитель, по крайней мере, ее официальной политики, возглавлял тот фланг ее парламентского прошлого, который сделал попытку приспособиться к решительному сдвигу пролетарского авангарда влево. Не лишенный известной гибкости и подвижности мысли, находчивости, красноречия — ценных качеств, которые полезны всякому, в том числе и революционеру, но которые для парламентского политика имеют самодовлеющее значение, — Фроссар, повидимому, серьезно вообразил, что при помощи этих качеств он будет до скончания веков лавировать между Коммунистическим Интернационалом и его врагами, прикрываясь авторитетом коммунизма пред рабочими и оберегая французский рабочий класс от «излишеств» Москвы. Противопоставляя свои дипломатические импровизации, искусные в смысле уклончивости, экивока, двусмысленности и пр., принципиальной линии Коммунистического Интернационала, Фроссар не мог, однако, не запутаться уже на первых шагах. Лучше всего позиция этого человека характеризуется тем, что за несколько часов до выхода из коммунистической партии он сам еще не знал, поедет ли он в Москву для того, чтобы, как член Исполкома, участвовать в направлении политики Коммунистического Интернационала, или же перейдет в стан его врагов.

Индивидуальные особенности Фроссара не должны, однако, скрывать от нас типичности фроссаровщины. В Италии мы имели известный конфликт с тов. Серрати, который вместе со своей фрак-

цией поставил себя на продолжительный срок вне Коммунистического Интернационала. Исключительно бурный характер политического развития Италии ныне снова толкнул фракцию максималистов вместе с ее вождем в сторону Коммунистического Интернационала. Мы надеемся, что слияние произойдет, и на этот раз прочно.

В Германии мы имели классический эпизод с Павлом Леви, который, выступив против явно ошибочной тактики немецкой коммунистической партии в марте 1921 года, в течение нескольких недель успел показать, что ему только недоставало подходящего повода для того, чтобы перейти в лагерь врагов пролетарской революции. В менее яркой и законченной форме, иногда лишь в виде намеков, мы имели сходные явления в чехо-словацкой партии, в норвежской и др.

Особенно поражает, на первый взгляд, то обстоятельство, что во всех этих конфликтах во главе раскольников или колеблющихся оказываются наиболее выдающиеся «вожди», т.-е. лица, которые — по крайней мере внешним образом — возглавляли движение «за Москву» и «за III Интернационал»: Серрати — бесспорный вождь итальянской партии до сентября 1920 года; Павел Леви — председатель германской партии; его подражатель Фрисланд [394])—генеральный секретарь той же партии; Фроссар — генеральный секретарь французской партии и т. д. Уже эта повторяемость свидетельствует, что тут не случайность, а закономерность. Об'яснение ее в конце концов не так сложно. В странах старого капитализма, со старыми социал-демократическими традициями, самое образование коммунистической партии означало разрыв с огромными наслоениями реформистского, националистского, парламентарного прошлого. Но верхний слой социалистов, с именами, авторитетом и пр., всеми корнями уходил в это прошлое. И даже социал-демократы, которые в довоенную эпоху или во время войны стояли в партии на крайней левой, то-есть в оппозиции к официальному социал-демократическому курсу, были в подавляющем большинстве его политическими пленниками, и их оппозиция шейдемановщине и реноделевщине имела ораторский, писательский, формальный, словесный, но не революционный, не действенный характер. Когда после войны в рабочих массах обнаружилось непреодолимое движение влево, к расчету с буржуазией, социал-демократическим оппозиционерам показалось, что наступает *их* время, что масса оправдывает *их* критику и собирается следовать *их* указаниям. Положение и политика этих господ очень напоминали собой положение и политику умеренных либералов во время революций: первое пробуждение народа казалось либералам всегда доказательством их правоты и силы; но

уже на другой день они с ужасом убеждались, что масса, по крайней мере ее революционная часть, не делает столь большого различия между вчерашними господами положения и их умеренными оппонентами. Тогда либералы бросались в об'ятия реакции...

Тот факт, что половинчатые лидеры социал-демократической оппозиции оказались во главе коммунистических партий, об'ясняется тем, что подлинно-революционная часть рабочего класса не могла в несколько месяцев ни выдвинуть, ни воспитать новых вождей. И приходится признать как факт, что в течение первых лет Коммунистического Интернационала мы имели во главе ряда его партий либо революционных, но неопытных и недостаточно выдержанных вождей, либо вечно колеблющихся полу-революционеров, обладающих, однако, значительным авторитетом и политической рутиной. Именно отсюда-то и вытекали, а отчасти вытекают и до сего дня, — хотя положение на этот счет стало неизмеримо лучше—внутренние трудности, трения и конфликты в Коммунистическом Интернационале. Полуцентристские вожди больше всего боялись оказаться выбитыми из колеи легальности, прикрытой формальным радикализмом. Поэтому от революционной постановки политических вопросов, от методов действительной подготовки к восстанию пролетариата они отгораживались китайскими ширмами «национальной автономии». Между тем, качественная однородность политики Павла Леви, Фроссара и других свидетельствует, что дело шло не об особенностях национального положения, — которые, конечно, нужно тщательно учитывать, — а о вполне интернациональной тенденции, в духе левого центризма, который готов усвоить внешний ритуал Коммунистического Интернационала, проглотить, не поперхнувшись, двадцать одно и более условий, но под тем единственным условием, чтобы все по возможности оставалось по старому. Фроссар был законченным представителем этого типа. Выход из партии его и его единомышленников есть поэтому чрезвычайно крупная веха на пути создания революционной партии французского пролетариата.

Если сам Фроссар, как мы видели, ни в каком случае не является национальной особенностью, то причину того, как и почему ему удалось столь долго обманывать других и себя самого относительно своего политического назначения, надо действительно искать в особенностях политического положения Франции. В отличие не только от побежденной Германии, но и от полупобежденной Италии, победоносная Франция прошла через самые критические послевоенные годы без глубоких политических потрясений. И хотя основные тенденции, ведущие страну к революционной катастрофе,

во Франции те же, что и в Германии или в Италии, но проявление их менее резко, менее бурно, более замаскированно. В соответствии с этим, формирование революционного пролетарского авангарда во Франции совершалось, по крайней мере, до последних месяцев, замедленным темпом. Внешнее впечатление было такое, как если бы старая социалистическая партия постепенно эволюционировала в коммунистическом направлении, выбросив в Туре за борт явно компрометирующий балласт. По существу же от Реноделя и Лонгэ отделились в Туре «с болью в сердце» очень многочисленные их единомышленники, надеявшиеся ценой такой жертвы купить себе право на руководящее положение в коммунистической партии, которая, в благодарность за это, не должна была нарушать их добрые старые привычки. Вследствие общей замедленности и консерватизма политической жизни Франции после войны, даже и левое крыло, как оно сложилось в виде комитета III Интернационала внутри социалистической партии, отличалось еще политической неоформленностью и разнородностью состава. И именно этот факт, который не всеми товарищами учитывался с необходимой ясностью, препятствовал до поры до времени более решительным шагам Интернационала против политики Фроссара и К°. Уже в течение 1921 и первой половины 1922 года эта группа дала достаточно поводов для прямого разрыва с ней. Но в тот период такой разрыв не был бы понят массой членов партии, раскол в партии прошел бы по сравнительно случайной линии и, наконец, в лице левой фракции, Интернационал получил бы очень пеструю группировку, нуждающуюся во внутреннем очищении. Первым делом нужно было, следовательно, обеспечить возможность левым элементам действительно уяснить себе свои задачи, идейно сплотиться, собрать вокруг себя значительную часть партии, — и только после этого подготовительная идейно-критическая и воспитательная работа Интернационала могла быть дополнена более решительными организационными и «хирургическими» мероприятиями широкого масштаба. И вот в этом смысле замедленность политического развития Франции имела для коммунистической партии и свою положительную сторону. Левое крыло не было поставлено пред крупным политическим испытанием прежде, чем получило возможность серьезно подготовиться к нему. В Италии момент раскола социалистической партии вовсе не был выбран по тактическим соображениям, а был навязан ужасающей капитуляцией руководящих элементов партии в сентябрьских событиях 1920 г. Во Франции момент разрыва с лево-центристами в значительной мере зависел от Коммунистического Интернационала. Правда, некоторые товарищи, прежде всего в самой

французской партии, пытались форсировать события, считая, что тактика Исполкома во французском вопросе слишком нерешительна, слишком терпима, даже ошибочна. Независимо от того, были ли действительно совершены какие-либо частные упущения (вероятно, были), мы можем сейчас, обозревая законченный период, сказать с полной уверенностью, что в основном тактика Исполкома была верна не только по методам своим, но и по темпу, который отвечал *внутреннему ритму развития пролетарского авангарда во Франции*. Именно благодаря этому соответствию наша французская партия, после глубокого и острого внутреннего кризиса и изгнания чужеродных элементов, сохранила в своих рядах подавляющее большинство членов, весь партийный аппарат и центральный орган (L'Humanité), значение которого во Франции неизмеримо важнее, чем в какой бы то ни было стране. Нужно отметить, что в этом отношении французская партия и Интернационал многим обязаны т. Марселю Кашену, у которого были с Интернационалом свои недоразумения, но который в решительную минуту, не колеблясь, занял свой пост в лагере революции.

Хирургическая операция, предпринятая IV Конгрессом, была, несомненно, трудна и казалась некоторым товарищам даже слишком рискованной: речь шла об окончательном и бесповоротном, притом единовременном, разрыве партии с буржуазным общественным мнением и его наиболее двусмысленными учреждениями, в виде франкмасонства, лиги защиты прав, радикальной печати и пр. Когда эта хирургическая операция благополучно близилась к концу, Фроссар, все еще продолжавший колебаться, огляделся вокруг себя и убедился, что в *этой* партии ему делать нечего. И в ту же дверь, через которую, вместе с масонами, лигерами и пр. вышел Фроссар, в партию вошли два человека: Монат и Барбюсс.

Вхождение Моната столь же мало является личным эпизодом, как и уход Фроссара. Монат ярче и непримиримее, чем кто бы то ни было, представлял во время и после войны традиции революционного синдикализма эпохи его расцвета. Недоверие к «политике», к «партии» составляло важнейший элемент этих традиций. Для недоверия было достаточно исторических оснований. За все эти годы Монат был верным другом русской революции, не дрогнув ни разу в самые трудные дни. К французской коммунистической партии он присматривался, однако, с острой подозрительностью, держась в стороне от нее. И только, когда партия делом показала, что не остановится пред самыми суровыми мерами для укрепления своего пролетарского состава и революционного характера, Монат попросил выдать ему партийный билет. Это более, чем личный «жест». Он знаменует,

что партия пробила скорлупу недоверия у целого слоя революционных французских рабочих. Внутренние трения в партии, пополняемой элементами разного политического воспитания, по всей вероятности, еще будут, но подлинный пролетарский характер партии отныне обеспечен, а, значит, обеспечено и ее революционное будущее.

Вхождение Барбюсса имеет более индивидуальный характер. Барбюсс не представляет какой-либо довоенной революционной традиции. Но зато он лучше всего воплощает собою возмущенную совесть поколения войны. В качестве председателя революционного союза бывших воинов, Барбюсс сохранял до последнего времени свою формальную независимость от коммунистической партии, отражая этим глубоко-революционное, но неоформленное возмущение рабочих и крестьянских масс послевоенного периода. Когда же политические отношения определились, когда декламаторы пацифизма и дилетанты революции вернулись к старым буржуазным яслям, Барбюсс вошел в дверь партии и сказал: «Я здесь!». Он свидетельствует этим, что для всего мыслящего, честного и возмущенного, что осталось от поколения войны, нет другого духовного исхода, кроме коммунистической партии. Под сдержанной лирикой письма Барбюсса в «L'Humanité» чувствуется подлинная революционная страсть. Мы приветствуем французскую партию с этим завоеванием!

Едва Фроссар со свитой успели оказаться по ту сторону порога, как события, связанные с Руром [395]), поставили партию пред серьезными политическими испытаниями. И партия показала, что, освободившись от чужеродных элементов, она тем самым окрепла и выросла на целую голову. Обрушившиеся на нее репрессии только укрепляют ее моральную спайку.

Главные трудности, разумеется, еще впереди. Но одно можно сказать с твердой уверенностью: во Франции существует, живет, борется и растет подлинная коммунистическая партия.

25 марта 1923 г.

В ПОРЯДКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ *).

(О своевременности лозунга «Соединенные Штаты Европы»).

Я думаю, что, на-ряду с лозунгом: «правительство рабочих и крестьян», своевременно выдвинуть лозунг: «Соединенные Штаты Европы». Только в соединении этих двух лозунгов мы получим известный перспективный, этапный ответ на наиболее жгучие вопросы европейского развития.

---

*) «Правда», 30 июня 1923 г.

Последняя империалистическая война была в основе своей европейской войной. Эпизодическое участие в ней Америки и Японии не нарушило этого ее характера. Добившись того, что ей нужно было, Америка выдернула руку из европейского костра и вернулась к себе домой.

Движущей силой войны явились капиталистические производительные силы, переросшие рамки европейских национальных государств. Германия ставила себе задачей «организовать» Европу, т.-е. экономически об'единить под своим руководством европейский континент, чтобы затем, по-настоящему, начать борьбу с Англией за миродержавие. Франция ставила себе задачей раздробить Германию. Малочисленность населения Франции, ее преобладающий аграрный характер, консерватизм экономических форм делает для французской буржуазии недостижимой даже постановку проблемы—организовать Европу,—разрешение которой оказалось не по зубам германскому капитализму, вооруженному военной машиной Гогенцоллернов. Свое господство победоносная Франция поддерживает ныне, балканизируя Европу. Великобритания провоцирует и протежирует французскую политику расчленения и истощения Европы, прикрывая свою работу традиционным ханжеством. В результате наш несчастный континент изрезан, раздроблен, истощен, дезорганизован, балканизирован—превращен в сумасшедший дом. Рурская экспедиция есть проявление буйного помешательства, сопряженного с дальновидным расчетом (окончательное разорение Германии)—сочетание, не раз наблюдавшееся психиатрией.

Как в основе войны лежала потребность производительных сил в широкой, очищенной от таможенных перегородок, арене развития, так и в гибельной для Европы и для человечества оккупации Рура находит свое искаженное выражение потребность в сочетании рурского угля и лотарингского железа. Европа не может развивать свое хозяйство в тех государственно-таможенных границах, какие навязаны Версалем. Она должна снять эти границы, иначе ей грозит полный экономический упадок. Но те методы, какие правящая буржуазия применяет для преодоления ею же созданных границ, только увеличивают хаос и ускоряют распад.

Неспособность буржуазии подойти к разрешению основных вопросов хозяйственного восстановления Европы обнаруживается все ярче перед трудящимися массами. Лозунг «правительства рабочих и крестьян» идет навстречу этому возрастающему стремлению трудящихся найти выход собственными силами. Необходимо ныне конкретнее этот выход указать: это—теснейшая экономическая кооперация народов Европы, как единственное средство спасения

нашего континента от хозяйственного разложения и закабаления могущественным американским капиталом.

Америка отошла от Европы, спокойно выжидая, когда агония европейского хозяйства дойдет до уровня, при котором можно будет скупить Европу—как Австрию—за небольшие деньги. Но Франция отойти не может от Германии, ни Германия от Франции. А Германия с Францией уже составляет основное ядро Западной Европы. Здесь завязка и развязка европейской проблемы. Все остальное только дополнение. Что балканские государства не способны жить и развиваться вне федерации, это мы признали еще задолго до империалистской войны. Совершенно то же относится к осколкам Австро-Венгерской империи и оставшимся вне Советского Союза западным частям царской России. Аппенины, Пиренеи, Скандинавия являются вдвинутыми в океан органами европейского тела. Самостоятельно существовать они не могут. Европейский континент, при данном уровне производительных сил, есть хозяйственное единство,—не замкнутое, разумеется, но внутренне глубоко связанное, — обнаружившееся в страшной катастрофе империалистской войны и ныне снова вскрытое в бешеном припадке рурской оккупации. Европа не географический термин, а экономический, несравненно более конкретный,—особенно в нынешних, послевоенных условиях,—чем мировой рынок. Если для Балканского полуострова мы давно признали необходимость федерации, то ныне пора ясно и отчетливо поставить эту задачу по отношению к балканизированной Европе.

Остается вопрос о Советском Союзе, с одной стороны, о Великобритании, с другой. Само собою разумеется, что не Советский Союз будет противиться федеративному об'единению Европы и с Европой. Тем самым обеспечивается прочный мост между Европой и Азией.

Вопрос о Великобритании решается более условно,—в зависимости от того, каким темпом пойдет ее революционное развитие. Если «правительство рабочих и крестьян» победит на континенте Европы до низвержения английского империализма — что весьма вероятно,—то европейская федерация рабочих и крестьян будет тем самым направлена против британского капитала. Разумеется, с момента низвержения последнего британские острова входят желанным членом в европейскую федерацию.

Можно спросить: почему европейская федерация, а не мировая? Но такая постановка вопроса слишком абстрактна. Разумеется, мировое экономическое и политическое развитие тяготеет к единому мировому хозяйству, с той степенью централизации, которая будет

соответствовать уровню техники. Но речь идет не о будущем социалистическом хозяйстве мира, а о выходе нынешней Европы из тупика. Нужно указать рабочим и крестьянам раздираемой и разоряемой Европы пути выхода—независимо от того, каким темпом пойдет революция в Америке, в Австралии, в Азии, в Африке. С этой точки зрения лозунг «Соединенные Штаты Европы» стоит в том же историческом плане, что и лозунг «правительства рабочих и крестьян»: это переходный лозунг, указывающий выход, открывающий перспективу спасения и тем самым толкающий трудящиеся массы на революционный путь.

Было бы неправильно стричь все мировое революционное развитие под одну гребенку. Америка вышла из войны не ослабевшей, а окрепшей. Внутренняя устойчивость американской буржуазии еще очень велика. Свою зависимость от европейского рынка она сводит к минимуму. Революция в Америке—если абстрагироваться от Европы—уходит, таким образом, в даль десятилетий. Значит ли это, что революция в Европе должна равняться по Америке? Конечно, нет. Если отсталая Россия не стала (да и не могла) ждать революции в Европе, тем более Европа не станет и не сможет ждать революции в Америке. Рабоче-крестьянская Европа, блокированная капиталистической Америкой—на первых порах, может быть, даже Великобританией,—сможет продержаться и развиваться на основах тесного военного и экономического союза.

Нельзя закрывать глаза на то, что именно опасность со стороны С.-Американских Соединенных Штатов, поддерживающих разрушение Европы и готовящихся вступить в права владения ее наследством, делает особенно настоятельным сплочение взаимно разоряющих друг друга европейских народов и «Соединенные Штаты европейских рабочих и крестьян». Это противопоставление естественно вытекает из различия в об'ективном положении европейских стран и могущественной заатлантической республики, и ни в какой степени, разумеется, не направлено против международной солидарности пролетариата или против интересов американской революции. Наоборот. Одной из причин замедленного развития революции во всем мире являются пошлые европейские надежды на американского дядюшку (вильсонизм, филантропическое подкармливание наиболее голодающих уголков Европы, американские «займы» и пр. и пр.). Чем скорее народные массы Европы вернут себе доверие к своим собственным силам, подкошенное войною, чем плотнее они сомкнутся под лозунгом Союза рабоче-крестьянских республик Европы, тем быстрее пойдет развитие революции — и здесь и по ту сторону океана. Ибо подобно тому, как победа

пролетариата в России дала могущественный толчек развитию коммунистических партий в Европе, — победа европейской революции в такой же и даже в несравненно большей степени даст толчек революции в Америке и во всем мире. Если, абстрагируясь от Европы, мы вынуждены были выше американскую революцию рассматривать в тумане десятилетий, то, становясь на почву наиболее естественного чередования исторических событий, можем с уверенностью сказать, что победа революции в Европе в течение немногих лет расшатает могущество американской буржуазии.

Не только вопрос о Руре, т.-е. об европейском топливе и металле, но и вопрос о репарациях целиком укладывается в схему «Соединенных Штатов Европы». Вопрос репараций есть чисто европейский вопрос, и в ближайший период он может и будет разрешаться только европейскими средствами. Европа рабочих и крестьян будет иметь свой репарационный бюджет, как она будет иметь свой военный бюджет,—до тех пор, пока ей будут угрожать опасности извне. Этот бюджет будет построен на подоходно-прогрессивном обложении, налогах на капитал, конфискации богатств, награбленных во время войны, и пр. Распределение его будет регулироваться соответственными органами европейской рабоче-крестьянской федерации.

Мы не станем заниматься здесь предсказаниями насчет того, каким темпом пойдет об'единение европейских республик, в какие хозяйственные и конституционные формы оно выльется, какой степени централизации достигнет европейское хозяйство в первый период рабоче-крестьянского режима. Все это можно спокойно предоставить будущему,—с учетом того опыта, который имеет уже Советский Союз, сложившийся на почве старой царской России. Но совершенно очевидно, что таможенные перегородки должны быть опрокинуты. Европейские народы должны взглянуть на Европу, как на арену об'единенного и все более планомерного хозяйства.

Можно, пожалуй, возразить, что у нас речь идет, собственно, об европейской социалистической федерации, как составной части будущей мировой федерации, и что этот режим осуществим только при условии диктатуры пролетариата. Мы не будем, однако, останавливаться на этой аргументации, так как она подвергнута была достаточному международному разбору при обсуждении вопроса о «рабочем правительстве». «Соединенные Штаты Европы» представляют собою лозунг во всех отношениях соответственный лозунгу «рабочего (или рабоче-крестьянского) правительства». Осуществимо ли «рабочее правительство» вне диктатуры пролетариата? На это могут быть лишь условные ответы. Во всяком слу-

чае, мы берем «рабочее правительство», *как этап* к диктатуре пролетариата. В этом для нас и состоит огромная ценность лозунга. Но совершенно однородное, вполне параллельное значение имеет и лозунг «Соединенных Штатов Европы». Без этого дополнительного лозунга основные европейские проблемы повисают в воздухе.

А не сыграет ли этот лозунг на руку пацифистам? Не думаю, чтобы в природе существовали ныне такие «левые», которые сочли бы эту опасность достаточным основанием для отвержения лозунга: мы все же живем в 1923 году и кое-чему научились. Бояться пацифистского истолкования Соединенных Штатов Европы можно с таким же основанием или отсутствием основания, как и опасаться демократически-эсеровского истолкования лозунга рабоче-крестьянского правительства. Конечно, если выдвинуть Соединенные Штаты Европы, как самостоятельную программу, как панацею умиротворения и восстановления, отделив этот лозунг от рабочего правительства, от единого фронта, от классовой борьбы, то немудрено скатиться к демократизированному вильсонизму, т.-е. к каутскианству и ниже (если вообще есть что-либо ниже каутскианства). Но мы все-таки, повторяю, живем в 1923 году, и кое-чему научились. Коммунистический Интернационал представляет ныне реальность, и не Каутский будет осуществлять и контролировать связанную с нашими лозунгами борьбу. Наша постановка дела прямо противоположна каутскианской. Пацифизм есть академическая программа, имеющая своей задачей освободить от необходимости революционного действия. Наоборот, наша постановка толкает на путь борьбы. Рабочим Германии, не коммунистам (последних убеждать не нужно), рабочим вообще и в первую голову рабочим социал-демократам, которые боятся экономических последствий борьбы за рабочее правительство; рабочим Франции, мысль которых еще скована вопросом о репарациях и о государственном долге; рабочим Германии, Франции и всей Европы, которые опасаются, что установление рабочего режима поведет к изоляции их стран и к экономическому упадку, мы говорим: даже временно изолированная Европа (а изолировать ее будет не так-то легко при наличии великого моста на Восток, в виде Советского Союза) не только удержится, но и поднимется и окрепнет, уничтожив внутренние таможенные перегородки и сомкнув свое хозяйство с необ'ятными естественными богатствами России. «Соединенные Штаты Европы»—чисто революционная перспектива,—ближайший этап общей нашей революционной перспективы, вырисовывающийся из глубокого различия в положении Европы и Америки. Кто игнорирует это коренное для текущего периода различие, тот поневоле

будет реальную революционную перспективу топить в исторических абстракциях. Разумеется, рабоче-крестьянская федерация не замкнется на европейском этапе. Через наш Советский Союз она, как сказано, откроет себе выход в Азию и тем самым откроет Азии выход в Европу. Дело, таким образом, идет только об этапе, но это очень большой исторический этап, и через него-то нам и нужно в первую голову перевалить.

МОЖНО ЛИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЮ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЮ СДЕЛАТЬ В СРОК? *)

«Конечно нельзя. Это только поезда отходят в срок, и то не всегда»...

Точность мышления нужна везде, а в вопросах революционной стратегии тем более. Но так как революции происходят не очень часто, то революционные понятия и идеи успевают обрасти жирком, очертания становятся расплывчатыми, вопросы ставятся кое-как, и кое-как разрешаются.

Муссолини свою «революцию» (т.-е. контр-революцию) сделал в срок, заранее публично назначенный. Ему это удалось потому, что социализм не совершил революции, когда пришел для этого срок. Болгарские фашисты совершили свою «революцию» путем военного заговора [396]), с точным назначением чисел и распределением ролей. Точно так же и испанская офицерщина [397]). Контр-революционные перевороты совершаются почти всегда по этому обрзацу. Они приурочиваются обыкновенно к моменту, когда разочарование масс в революции или в демократии принимает форму безразличия и таким образом создает благоприятную политическую обстановку для организационно-технически подготовленного и заранее приуроченного к известному моменту военного удара. Ясно: благоприятную для реакционного переворота политическую обстановку нельзя создать искусственно, а тем более приурочить к известному сроку. Но когда эта обстановка в основных своих элементах на-лицо, руководящая партия, как мы видим, заранее выбирает благоприятный момент, приурочивает к нему политические, организационные, технические усилия и,—если в расчете не было просчета,—наносит победоносный удар.

Буржуазия не всегда совершала контр-революции. Ей приходилось в прошлом совершать и революции. Назначала ли она для них срок? Очень интересно и во многом поучительно было бы

*) «Правда», 23 сентября 1923 г.

проанализировать под этим углом зрения развитие как классических, так и эпигонских буржуазных революций (тема для молодых наших марксистских ученых!). Но и без такого детального исследования можно установить следующие основные элементы вопроса. Имущая и образованная буржуазия, т.-е. та именно часть «народа», которая брала власть, не совершала революции, а выжидала ее совершения. Когда движение низов переливалось через край и опрокидывало старый общественный строй или старый политический режим, либеральная буржуазия почти автоматически получала в свои руки власть. Такую революцию либеральные ученые об'являли «естественной», неизбежной, и они же создали под именем исторических законов великие общие места: революция и контр-революция (блаженной памяти кареевские: акция и реакция) суть естественные продукты исторического развития и, следовательно, не могут быть по произволу сделаны или назначены по календарю и пр. и пр. Эти законы никогда еще не мешали совершать хорошо подготовленные контр-революционные перевороты. Зато бесформенность буржуазного либерального мышления пробирается нередко и в революционные головы, причиняя там большие опустошения и принося практический вред...

Но даже буржуазные революции далеко не во всех своих этапах развивались по «естественным» законам либеральной кафедры: когда мелкобуржуазная, плебейская демократия низвергала либерализм, она это делала путем заговора и подготовки восстания, приуроченного заранее к известному сроку. Так поступили якобинцы—крайнее левое крыло французской революции. Это вполне понятно. Для либеральной буржуазии (для французской в 1789 г., для нашей—в феврале 1917 года) достаточно бывает выждать могущественного стихийного движения, чтобы в последний момент положить на чашу весов свое богатство, свою образованность, свои связи с государственным аппаратом и, таким образом, овладеть рулем. Мелкобуржуазной демократии, при прочих сходных условиях, приходится действовать иначе: у нее нет ни богатства, ни общественного влияния, ни связей. Она вынуждена бывает заменить их точно продуманным и тщательно подготовленным планом революционного переворота. А план предполагает определенную ориентировку во времени, следовательно и назначение срока.

Тем более это относится к пролетарской революции. Коммунистическая партия не может занимать выжидательного положения по отношению к нарастающему революционному движению пролетариата,—такова в основе своей позиция меньшевизма: тормозить революцию, пока она развивается, воспользоваться ее успе-

хами, когда она полупобедоносна, и сделать все, чтобы задержать ее завершение. Коммунистическая партия может овладеть властью не в результате использования революционного движения со стороны, а лишь в результате прямого и непосредственного политического, организационного и военно-технического руководства революционными массами как в период длительной подготовки, так и в самый момент решающего переворота. Именно поэтому коммунистической партии совершенно нечего делать с великим либеральным законом насчет того, что революции совершаются, а не делаются и, следовательно, не могут быть назначены в срок. С точки зрения наблюдателя это верно, с точки зрения руководителя—общее место и пошлость.

Представим себе страну, где политические условия пролетарской революции либо окончательно созрели, либо явно и очевидно дозревают с каждым днем. Каково будет в этих условиях отношение коммунистической партии к вопросу о восстании и назначении его по календарю?

Если страна переживает глубочайший социальный кризис, противоречия обострены до крайности, трудящиеся массы находятся в состоянии непрерывного кипения, если за партией стоит явное и бесспорное большинство трудящихся и тем самым все, что есть в пролетариате активного, сознательного, самоотверженного,—то у партии нет и не может быть другой задачи, как назначить, по возможности близкий срок, т.-е. такой срок, в течение которого благоприятная революционная обстановка не могла бы круто измениться против нас,—и, сосредоточив главнейшие усилия на подготовке удара, подчинить всю текущую политику и организацию военной цели, дабы концентрированными силами нанести удар.

Чтобы не оперировать с отвлеченной стороной, обернемся на нашу Октябрьскую революцию. Страна находилась в состоянии величайшего кризиса—и внутреннего, и международного. Государственный аппарат был парализован. Трудящиеся все более притекали под знамена нашей партии. С того момента, как в Питерском Совете, а затем и в Московском, образовалось большевистское большинство, партия в упор стала перед вопросом—не о борьбе за власть вообще, а о подготовке захвата власти по определенному плану и в определенный срок. Таким сроком, как известно, оказался фактический день, назначенный для Всероссийского С'езда Советов. Часть членов Ц. К. заранее считала, что момент фактического удара надо приурочить к политическому моменту С'езда Советов. Другие члены Ц. К., опасаясь, что буржуазия к этому моменту успеет подготовиться и разогнать С'езд, требовали перенесения его

на более ранний срок. Вынесенное Центральным Комитетом решение назначало вооруженное восстание на срок не позже 15 октября. Это решение было выполнено с сознательным запозданием на десять дней, так как ход подготовки—агитационной и организационной—подтвердил, что произвести восстание независимо от С'езда Советов значило бы посеять недоумение в среду значительных слоев рабочего класса, которые приурочивают идею овладения властью к Советам, а не к партии и ее тайным организациям; с другой стороны, выяснилось вполне, что буржуазия уже слишком деморализована, чтобы успеть в двух- или трехнедельный срок подготовить серьезный отпор.

Военный вопрос встал перед нами, таким образом, в обнаженной календарной форме после того, как партия завоевала в руководящих советах большинство, обеспечив тем самым за собою основную политическую предпосылку захвата власти. До того, как это большинство было на-лицо, организационно-технический план, конечно, не мог не быть более условным и гибким. Измерителями нашего революционного влияния были для нас Советы, созданные меньшевиками и эсерами в начале революции. Советы же явились политическим прикрытием нашей заговорщической, конспиративной работы, а затем и органами власти после фактического овладения ею.

Какова была бы наша стратегия, если бы на-лицо не было Советов? Очевидно, прежде всего, нам пришлось бы обращаться к другим измерителям нашего революционного влияния: профсоюзы, стачки, уличные демонстрации, всякого рода демократические выборы и пр. Хотя советы в революционную эпоху—более надежный измеритель фактической активности масс, но и при отсутствии Советов мы имели бы полную возможность убедиться, в какой момент за нами стоит фактическое большинство рабочего класса и трудящихся вообще. Ясно, что к этому моменту мы должны были бы бросить в массы лозунг создания Советов. Но этим самым мы поставили бы весь вопрос уже в плоскость военного столкновения и, следовательно, выбрасывая лозунг создания Советов, мы должны были бы уже иметь вполне продуманный план вооруженного восстания с назначенным сроком.

Раз большинство трудящихся за нас, по крайней мере, в решающих центрах и областях, тем самым создание Советов по нашему призыву было бы обеспечено. Более отсталые города и области последовали бы, с тем или другим опозданием, за руководящими центрами. Перед нами встала бы политическая задача: назначить С'езд Советов, и военная задача — обеспечить переход вла-

сти в руки этого С'езда. Совершенно очевидно, что это две стороны одной и той же задачи.

Представим себе теперь, что наш Центральный Комитет при указанной выше обстановке, т.-е. при отсутствии Советов, собрался на решающее заседание в тот период, когда массы уже стихийно тронулись к нам, но еще не обеспечили нам явного и подавляющего большинства. Как бы стали мы строить дальнейший план действия? Назначали бы мы срок восстания?

Ответ на это вытекает из всего предыдущего. Мы сказали бы себе: у нас сегодня еще нет явного и безусловного большинства; но сдвиг в массах так велик, что необходимое для нас бесспорное и боевое большинство есть дело ближайших недель; допустим, что для завоевания большинства рабочих в Петрограде, Москве и в Донецком бассейне нам нужно еще около месяца; поставим себе эту задачу и сосредоточим в этих центрах необходимые силы для ее разрешения. Как только большинство будет завоевано,— а мы проверим это на деле через месяц,—мы призовем трудящихся к созданию Советов. На это потребуется для Петрограда, Москвы и Донецкого бассейна никак не больше недели-двух; можно твердо рассчитывать на то, что остальные города и области последуют примеру центра в течение следующих двух-трех недель. Таким образом на создание сети Советов нужно положить около месяца. После того, как в важнейших областях будут существовать Советы с нашим, разумеется, большинством, мы призываем их на Всероссийский С'езд Советов. На осуществление С'езда нужно прикинуть еще недели две. Таким образом в нашем распоряжении до С'езда имеется два с половиной месяца. В течение этого времени захват власти должен быть не только подготовлен, но и осуществлен. В соответствии с этим мы дали бы нашей военной организации программу, рассчитанную на два, максимум на два с половиной месяца для подготовки восстания в Петрограде, Москве, по линии железных дорог и пр. Я говорю условно (сделали бы, назначили бы) потому, что на деле мы действовали хотя и не плохо, но не с такой планомерностью: не потому, что нам мешали «исторические законы», а потому, что мы совершали пролетарское восстание в первый раз.

Но нельзя ли при таком методе все же просчитаться? Захват власти означает войну, а на войне могут быть победы и поражения. Но тот путь, который мы схематически изображаем, наиболее правильно, наиболее прямо ведет к цели, т.-е. максимально увеличивает шанс победы. В самом деле, если бы оказалось через месяц после нарисованного выше решающего заседания Ц. К., что

мы еще не имеем большинства трудящихся за собой, мы не давали бы, конечно, лозунга создания Советов, так как лозунг этот повис бы в воздухе (предполагается в нашем примере, что эсеры и меньшевики против Советов). Наоборот, если бы бесспорное боевое большинство оказалось за нами уже по истечении двух недель, это сократило бы наш план и приблизило бы решающий момент восстания. То же самое относится ко второму и третьему этапам плана: к созданию Советов и к созыву их С'езда. Мы не давали бы лозунга С'езда Советов, пока не обеспечили бы, как сказано выше, фактического возникновения Советов в важнейших центрах. Таким образом реальность каждого этапа в нашем плане подготовляется и обеспечивается выполнением предшествующих этапов плана. Подготовительная военная работа идет параллельно по строжайшему календарному заданию. При этом партия властно держит в руках свой военный аппарат. Конечно, в революции неожиданного, непредвиденного, стихийного всегда много, и, конечно, мы должны со всеми этими «случайностями» считаться и к ним приспособляться, но мы сделаем это с тем большим успехом и с тем большей уверенностью, чем более тщательно проработан план нашего заговора.

Революция обладает могущественной силой импровизации, но она никогда не импровизирует ничего хорошего для фаталистов, ротозеев и простаков. Побеждает: правильная политическая оценка, организация и воля к решающему удару.

Примечания

1) Настоящий манифест принят I Конгрессом Коминтерна, заседавшим в Москве в марте 1919 г.

2) В 1912 г. происходил последний Конгресс довоенного II Интернационала. В повестке дня С'езда стоял только один вопрос: борьба с опасностями войны. По докладу Жореса была принята резолюция в революционном духе.

3) *Сити*—улица в Лондоне, где расположены здания крупнейших английских банков.

4) Термин «теория обнищания» был создан Бернштейном в 90-х г.г., который критиковал известное место из I тома «Капитала» (см. стр. 788, изд. 1920 г.), гласившее, что с развитием капитализма растет нищета пролетариата. Большинство теоретиков II Интернационала сделало уступку Бернштейну, указывая, что Маркс якобы говорил об *относительном* обнищании, а не *абсолютном*.

5) *Лига Народов* (или иначе Лига Наций) была создана на Версальской конференции, созванной странами-победительницами в начале 1919 г. В Лигу не были допущены побежденные страны.

6) Так создалась Чехо-Словакия, Венгрия, Польша. Босния, Герцеговина и т. д. отошли к Сербии—и создалась Юго-Славия. Большой кусок отхватила и Румыния.

7) В 1916 г. в Ирландии произошло восстание против Англии, подавленное с большой жестокостью.

8) *Мадагаскар* — остров, находящийся около Африки. Мадагаскар является колонией Франции.

9) *Аннама*—французская колония, расположенная по восточному берегу Индокитайского полуострова. Главный город Аннамы—Тонкин.

10) *Вильсон* — президент С.-А. С. Ш. 1912 — 1920 г.г. Во время войны Вильсон вступил с посредничеством между Антантой и Германией, предлагая заключить без аннексий и т. д. Его пацифистская программа, проект Лиги Наций и т. д. увлекли мелкую буржуазию и часть социалистов. На деле же его идеи оказались совершенно бесплодными. См. стр. 8, 52, 54, 55, 58, 59, 79, 81, 90, 91, 179, 208.

11) *Алжир* — французская колония на севере Африки.

12) *Бенгалия*—крупнейшая провинция Индии, в пределах которой находятся Калькутта и др. большие города Индии.

13) Армения тогда находилась под фактическим протекторатом Англии.

14) *Ллойд-Джордж* — до ноября 1922 г. в течение ряда лет руководитель английского правительства. Начав карьеру либеральным реформистом, Ллойд-Джордж сделался во время войны и после войны вождем империалистической буржуазии. В течение всей послевоенной эпохи Ллойд-Джордж

стремился методами компромисса восстановить капиталистическое равновесие. Последняя его попытка — Генуэзская конференция — кончилась крахом. На выборах в английский парламент в 1922 г. его партия потерпела поражение и с тех пор Ллойд-Джордж лидер оппозиции. См. стр. 9, 52, 84, 87, 89, 90, 91, 98, 184, 272, 324, 328, 453, 455, 459, 481, 498, 536, 543.

15) *Клемансо* — в молодости радикал, позже сделался одним из вождей французской крупной буржуазии. В дни Версальской конференции и I Конгресса Коминтерна был председателем французского кабинета министров. См. стр. 9, 51, 52, 56, 57, 58, 59, 89, 90, 454.

16) *Бавария*—входит как государство в состав Германии. Имеет преимущественно сельское население, в котором преобладает главным образом «крепкий» мужик.

17) *Баден* — южно-германское государство с теми же чертами, что и Бавария.

18) До Франко-Прусской войны (1870 г.) Германия распадалась на целый ряд совершенно независимых государств. Война с Францией, которая в лице Наполеона III всячески препятствовала об'единению Германии, диктовавшемуся экономическим развитием, устранила главного противника этого об'единения, и в 1871 г. была создана Германская империя, возглавляемая королем прусским Вильгельмом I Гогенцоллерном.

19) *«Центр»* — в 1914 — 1919 г.г. (как раньше, так и позже) был представлен главным образом немецкими и австрийскими каутскианцами. Основную задачу после войны он видел в том, чтобы восстановить *единый* II Интернационал и проповедывать социалистам всех стран взаимное отпущение грехов.

20) *Бабеф*—вождь французских социалистов в эпоху революции конца XVIII в. Бабеф и его сторонники впервые в истории сделали попытку революционного переворота с целью установить диктатуру трудящихся. Заговор Бабефа был раскрыт, и он с рядом последователей был казнен в 1797 г. См. стр. 13.

21) *К. Либкнехт* — вождь и главный агитатор немецкой компартии. Либкнехт вошел в историю своей героической борьбой против войны. В январе 1919 г. белогвардейско-шейдемановские банды убили Либкнехта. См. стр. 13, 25, 30, 55, 56, 59, 60, 90, 99, 115, 116, 222, 287, 535.

22) *Р. Люксембург*—теоретик немецкого коммунизма. Играла крупнейшую роль в довоенном международном рабочем движении, как вождь левого крыла. С 1910 г. возглавляла революционную оппозицию в рядах немецкой с.-д. В 1918 г. вместе с К. Либкнехтом была основателем немецкой компартии. Была убита в один день с последним. См. стр. 13, 25, 30, 55, 56, 60, 90, 99, 222, 287, 343.

23) *Альберт*—псевдоним видного немецкого коммуниста *Эберлейна* (теперь одного из лидеров «центра» в немецкой компартии), присутствовавшего на I Конгрессе Коминтерна в качестве делегата спартаковцев. См. стр. 13, 21.

24) *Эберт*—ныне президент немецкой буржуазной республики. До войны был ближайшим сотрудником Бебеля. Во время империалистической войны Эберт вместе с Шейдеманом вдохновляет социал-патриотов. В последние дни Вильгельмовской монархии Эберт вступает в правительство Макса Баденского с целью предотвратить революцию. Национальным Собра-

нием в 1919 г. он избирается президентом. См. стр. 13, 16, 62, 63, 64, 89, 98, 119, 139, 150, 184, 185, 238, 282, 415, 470, 555.

25) *Шейдеман* — вождь немецких социал-предателей. После революции, член т. н. социалистического правительства. После поражения спартаковцев был председателем коалиционного Совета министров. В последнее время его влияние в с.-д. партии упало. См. стр. 13, 16, 25, 62, 63, 64, 73, 74, 88, 119, 389, 415, 470, 535, 546, 553.

26) *Клаузевиц* — немецкий военный ученый первой половины XIX в., сыгравший крупную роль в развитии теории войны.

27) После восстания чехов в Пензе, в Самаре происходит бело-эсеровский переворот, куда стекаются члены разогнанной Учредилки. Созданный ими Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) организуется в правительство и создает «народную армию». Но уже в конце 1919 г. инициатива борьбы с Советской Россией переходит в руки белых генералов, которые разгоняют Комуч при попустительстве эсеровских друзей—чехов. Оскорбленные эсеры (вернее: левое крыло с Вольским во главе) переезжают в Советскую Россию.

28) *Колчак*—видный морской офицер, приехал в Сибирь после свержения Советской власти, как ставленник Антанты. В ноябре 1918 г.—переворот казачьих атаманов делает его Верховным правителем. После поражения белых он бросается союзниками, арестовывается восставшими в Иркутской губ. и расстреливается в феврале 1920 г., по постановлению Иркутского Ревкома. См. стр. 15, 80, 93, 256, 302.

29) *Каутский* — виднейший теоретик II Интернационала. Уже в довоенные годы Каутский начинает склоняться к реформизму. Война и Октябрьская революция превратили его окончательно в открытого оппортуниста. Каутский, не играя теперь крупной политической роли, является обоснователем соглашательской политики послевоенного II Интернационала. См. стр. 15, 21, 22, 23, 28, 39, 53, 73, 77, 99, 119, 188, 482, 490, 494, 495.

30) *Гегель* — великий немецкий философ начала XIX века, ярче всего обосновавший диалектический характер развития (в природе и обществе), что означает прежде всего постоянное изменение (возникновение, развитие и уничтожение) общественных формаций.

31) *Керенский* — эсер, был депутатом в IV Думе, как трудовик. После февральской революции является наиболее крупной фигурой мелко-буржуазного соглашательства. «Керенщина» стала синонимом переходного периода от буржуазной демократии к диктатуре пролетариата. См. стр. 21, 499, 561, 563.

32) *Церетели* — видный меньшевик. Бывший член II Гос. Думы. После февраля был одним из лидеров, так наз., революционного оборончества и входил как министр почт и телеграфов в коалиционное правительство. См. стр. 21.

33) *Чернов* — виднейший вождь и основатель партии эсеров. Во время войны рядился в тогу циммервальдизма. После февральской революции входит министром земледелия в правительство Керенского. В последние годы Чернов возглавляет «центр» в эсеровской партии с уклоном вправо. См. стр. 22.

34) Здесь имеются в виду брошюры Каутского «Движущие силы русской революции» (ответ на анкету Плеханова), «Аграрный вопрос в России», «Русский и американский рабочий», «Революц. перспективы» и т. д.

35) 4 августа 1914 г. с.-д. фракция немецкого рейхстага голосовала за кредиты на войну, против которой она еще недавно яро выступала.

36) *Бернштейн* — теоретик оппортунизма. С его именем связано начало теоретической ревизии учения Маркса в середине 90-х г.г. В течение 25 лет Бернштейн все время был теоретиком реформизма. В настоящее время Бернштейн крупной роли не играет. См. стр. 23, 24, 55.

37) В октябре 1918 г. военное поражение Германии повлекло за собой восстание моряков в Гамбурге, провозглашение республики в Мюнхене и т. д. В конце концов Вильгельм принужден был отречься от престола.

38) Здесь имеется в виду знаменитое выступление питерских рабочих и солдат 3 — 5 июля 1917 г.

39) *Гаазе* — один из вождей бывшей независимой партии. До войны был вторым председателем (после Бебеля) немецкой с.-д. Во время войны стал вождем умеренной оппозиции в с.-д. После революции был в шестерке так наз. народных уполномоченных. В 1919 г. Гаазе умер от раны, полученной вследствие произведенного на него покушения. См. стр. 28.

40) *Дан* — крупнейший вождь меньшевиков. После смерти Мартова—их главный лидер. Здесь имеется в виду оценка меньшевиками той кампании, которую вела немецкая с.-д. в 1909 — 1910 г.г. против трех-классной *прусской* избирательной системы, как остатка юнкерского господства. См. стр. 31.

41) *Потресов* — видный меньшевик, по существу всегда бывший либералом. На протяжении почти всей своей с.-д. деятельности Потресов был на правом крыле меньшевизма. Ныне сошел с политической арены. См. стр. 31.

42) Ввиду неутихавших революционных волнений в Берлине Национальное Собрание, избранное в начале 1919 г., было созвано в провинциальном городе Веймаре (Тюрингия).

43) *Жорес* — один из крупнейших лидеров довоенного II Интернационала и талантливый вождь оппортунистических элементов французской социал. партии. В начале своей деятельности был просто радикалом, и только в 1890 г. он входит в рабочее движение. После истории с Дрейфусом Жорес активно участвует в заключении политического блока между радикалами и социалистами, поддерживая Мильерана в дни его вступления в буржуазное правительство. С середины 900-х годов Жорес начинает играть главную роль во II Интернационале; почти по всем вопросам он поддерживает реформистское крыло последнего. Будучи искренним противником войны, Жорес в предвоенные дни вел против нее ожесточенную кампанию, что и послужило причиной его смерти. Когда в июле 1914 г. запахло порохом, Ж. был убит одним французским националистом. См. стр. 34, 36, 90, 483.

44) *Поссибилисты* — французские оппортунисты 1880 — 1890-х годов, считавшие, что и тактика соц. партии должна ограничиваться рамками возможного (possible) в капиталистич. обществе. Вождем этого течения был Брусс.

45) *Войны 1864, 1866, 1871 г.г.* велись Пруссией с Данией, Австрией и Францией, являвшихся врагами об'единения Германской империи. Вся эта блестящая военно-дипломатическая кампания была проведена Бисмарком, вождем прусского юнкерства, при активной поддержке промышленной буржуазии. Захват промышленных районов (Эльзас, Силезия), контри-

буции, создание национального государства были мощным толчком к бешеной индустриализации Германии. Именно с 1870-х г.г. начинается знаменитая эпоха грюндерства.

46) *Кноп* — глава крупной английской текстильной фирмы, создавшей в России целый ряд текстильных фабрик, оборудованных технически выше, чем тогдашние русские. См. стр. 35.

47) Здесь имеется в виду спор между народниками и марксистами в 1880 — 1890 г.г. Первые утверждали, что капитализм у нас является не результатом эконом. развития самой России, а искусственно прививается извне, что обрекает его на скорый крах. *Внутренних* же условий для развития капитализма и прежде всего внутреннего рынка «для развития капитализма в России нет». Бешеный темп промышленного развития 90-х г.г. опроверг эти народнические теории.

48) *Городок Окуров* — произведение Горького, где он описывает глухой провинциальный город, тупое мещанство, погрязшее в мелкой тине будней. Типы-люди, выведенные Горьким здесь чрезвычайно отрицательны. Общий тон книги определяется эпиграфом, взятым Горьким у Достоевского: «Уездная звериная глушь».

49) В области промышленности французский капитал был вложен, главным образом, в Донбас и тяжелую металлургию. Финансовый капитал Франции ввозился в Россию, главным образом, в виде государственных займов.

50) Парламентские выборы во Франции в 1919 г. проходили под гром победных фанфар и бешеной агитации против «большевистского зверя». Обещаниями за счет германских репараций и пророчествами о красной опасности реакционному национальному блоку удалось поймать мелкого буржуа и получить $^3/_5$ парламентских мест.

51) *Монат* — ныне один из вождей французской компартии (вступил в последнюю в конце 1922 г.). До войны был в рядах револ. синдикалистов, ставших в годы войны ядром оппозиции в рабочем движении против социал-патриотов из социал. и проф. лагеря. После войны Монат продолжал свою революционную работу, но в компартию не входил. Уход группы Фроссара зимой 1922 г. положил конец его колебаниям, и Монат входит в Ф. К. П. См. стр. 44, 45, 49, 52, 66, 67, 74, 124, 298, 299, 401, 564, 568.

52) *Росмер* — вместе с Монатом проходит тот же путь политической деятельности. Но, в отличие от последнего, он еще в 1919 — 1920 г.г. рвет с синдикалистскими предрассудками и уже в 1920 г. присутствует на втором конгрессе Коминтерна и входит в состав его президиума. В последующие годы Росмер активно защищает линию К. И. в Ф. К. П. и является одним из лидеров его левого крыла. См. стр. 44, 45, 66, 67, 74, 218, 388, 526.

53) *Ренодель* — см. стр. 46, 48, 52, 53, 63, 64, 74, 293, 313, 315, 415, 418, 419, 450, 567.

54) *Лонгэ* — см. стр. 46, 48, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 64, 128, 231, 293, 315, 368, 415, 450, 567.

55) *Жуо* — см. стр. 46, 48, 50, 53, 66, 99, 125, 315, 351, 353, 368, 415, 416, 418, 419, 420, 450, 454, 535.

56) *Мергейм* — см. стр. 46, 48, 50, 51, 52, 53, 66, 125, 351, 398.

57) 21 июня 1919 г. проектировалась международная забастовка в знак протеста против интервенции в России и выявления международной

солидарности пролетариата. Забастовка провалилась из-за измены социал-предателей и пассивности «центров».

58) *Луиза Сомоно* — см. стр. 49.

59) *Лорио* — старый участник социал. движения. В годы войны был руководителем крайней левой оппозиции во французской соц. партии, поддерживая на международной арене циммервальдскую *левую*. В 1919—1921 г.г. Лорио принимает активное участие в расколе старой Ф. С. П., а по образовании Ф. К. П. становится одним из ее вождей. Лорио присутствовал на третьем конгрессе К. И., входя в президиум последнего от французской делегации. В последние годы Лорио отошел от активного участия в движении. См. стр. 49, 66, 67.

60) *Дюмулен* — см. стр. 50, 66, 125, 298, 353.

61) *Маркс* — см. стр. 54, 59, 110, 169, 254, 266, 267, 343, 469, 490.

62) *Вивиани* — один из той плеяды вождей французской буржуазии, которые начали свою карьеру в социал. партии, чтобы изменить последней из-за министерского кресла. Вивиани в начале войны достигает даже кресла премьер-министра. После того, как его заменяет более «твердокаменный» Клемансо, Вивиани естественно переходит в ряды умеренной оппозиции. См. стр. 54, 59.

63) *Эльзас-Лотарингия* отошла к Германии в 1871 г. после победы ее во Франко-прусской войне. Возвращение Эльзаса было одним из коньков французской буржуазии в ее военной агитации 1914—1918 г.г.

64) *Ренан* — см. стр. 54, 55, 57, 59.

65) *Ленин* — см. стр. 54, 55, 59, 103, 161, 222, 223, 224, 233, 235, 250, 251, 341, 441, 446, 481, 483, 560, 561, 562, 563.

66) *Вандервельде* — лидер II Интернационала. В течение всей своей деятельности Вандервельде стоял на правом фланге с.-д. Война превратила его окончательно в предателя. Став королевским министром, Вандервельде не постеснялся агитировать среди русских социалистов за поддержку войны Романовых. Социалист Вандервельде подписывает в 1919 г. Версальский договор, который означал открытый грабеж Германии со стороны Антанты. По отношению к Сов. России Вандервельде все время занимал враждебную позицию, что особенно подтвердилось его приездом в качестве защитника эсеров на знаменитый процесс 1922 г. См. стр. 55, 56, 60, 69, 98, 373, 389, 415, 553.

67) *Наполеон III* — племянник Наполеона I, был вынесен на императорский трон реакцией, наступившей после революции 1848 г. Опираясь на финансовую и промышленную буржуазию, Наполеон в области внешней политики проявлял естественно большую активность, поддерживая одновременно реакцию в других странах. В эпоху Наполеона коррупция буржуазной демократии сделала большие успехи.

68) *Носке* — с.-д., палач революционного движения Германии в 1919—1920 г.г. Носке вышел из рядов той рабочей бюрократии, которая уже до войны открыто поддерживала колониальную политику импер. правительства, во время ее стал слугой правительства, а в дни революции — союзником контр-революции. В последние годы политическая роль Носке стала незначительной. См. стр. 56, 63, 64, 98.

69) *Барту* — крупный политический деятель в лагере французской буржуазии. На Генуэзской конференции Барту являлся, например, главой французской делегации. См. стр. 56, 295, 336, 373.

70) *Бриан* — дает яркий пример ренегатства во франц. соц. движении. В 1890-х годах он стоял на левом фланге рабочего движения, будучи агитатором радикального течения — d'action directe (прямое действие), позднее вылившегося в синдикализм. Но уже в предвоенные годы Бриан делает поворот на 180° и становится в ряды спасителей французской буржуазии. С тех пор Бриан строит свою карьеру как ее *политический* вождь. В годы перед Генуэзской конференцией Бриан выдвигается, как премьер-министр, но в начале 1922 г. получает отставку, ибо его «левый» курс кажется мягкотелым для партии французской буржуазии—национального блока. Ныне Бриан пытается построить свою карьеру, как один из правых лидеров «левого» блока. См. стр. 56, 195, 272, 295, 307, 324, 328, 398, 552.

71) *Мильеран* — президент Французской республики, один из вдохновителей реакционного национального блока. Мильеран, как и целая плеяда других нынешних вождей французской буржуазии, начал свою карьеру как социалист, работая вместе с Жоресом. Но уже в 1899 г. он показал свое истинное лицо, вступив в буржуазное правительство. С тех пор Мильеран неуклонно эволюционировал вправо, став в конце концов самым выдающимся вождем французской реакции. См. стр. 57, 84, 85, 90, 272, 295, 552.

72) *Фош* — маршал французской армии. Один из руководителей последней в 1914 — 1918 г.г. См. стр. 57, 81, 82, 89, 438.

73) *Гладстон* — крупнейший вождь либерального крыла английской буржуазии второй половины XIX в. В отношении Ирландии Гладстон был сторонником мирной ассимиляции последней. См. стр. 57, 59.

74) *Кемпбель-Баннерман* — видный политический деятель Англии в 1-ой половине XIX в. В 40-х годах был лордом-канцлером Ирландии. Как и Гладстон, Кемпбель примыкал к либеральной партии. См. стр. 57.

75) *Тунис* — французская колония на севере Африки.

76) *Марна и Сомма* — реки на северо-востоке Франции. В войне 1914 — 1918 г.г. вокруг них развернулись гигантские бои, результатом которых было сотни тысяч убитых и раненых с обеих сторон.

77) *Буллит* — был послан Вильсоном в начале 1919 г. в Сов. Россию для переговоров о заключении мира между белыми и Советским правительством на основе оставления существующих границ. Советское правительство не отказалось от переговоров, но так как от'езд Буллита за инструкциями совпал с успешным наступлением Колчака весной 1919 г., то, естественно, Буллит больше уже не появлялся в Сов. России. См. стр. 59, 489.

78) *Кюльман*—министр иностранных дел немецк. импер. правительства, руководивший с немецкой стороны Брест-Литовскими мирными переговорами. См. стр. 58.

79) *Чернин*—министр иностранных дел Австро-Венгрии в дни Брест-Литовских переговоров. См. стр. 58.

80) Армии Конвента были организованы в ответ на интервенцию контрреволюционных войск Австрии и т. д., опиравшихся на французскую реакцию. В течение нескольких лет армии конвента не только отразили внешних врагов, но и распространили влияние французской республики далеко за пределы последней.

81) *Турати* — один из основателей Итальянской социалистической партии. За исключением первых лет, когда Турати был левым, большая часть деятельности Турати проходит, как вождя итальянских реформистов. Уже

во время войны он идет против антивоенной линии Ц. К. итальянской партии. В последние годы Турати возглавлял открытых социал-предателей, а после откола от серратианцев является вождем итальянской с.-д. партии, фактически сотрудничающей с фашистами. См. стр. 62, 100, 218, 219, 220, 221, 222, 262, 276, 278, 279, 532, 536.

82) *Альберт Тома* — когда-то ближайший последователь Гэда, уже во время войны скатился к оголтелому социал-патриотизму. Во время Версальской конференции, Тома принимает активное участие в последней, а позже работает в Международном Бюро Труда, буржуазной организации, созданной для успокоения рабочих в годы революционной волны. Ныне Тома обретается, конечно, во французской социалистической партии. См. стр. 63, 64, 65, 74, 98, 315, 382.

83) *Варрен* — видный французский социалист, занимавший во время войны шовинистическую позицию, а ныне являющийся одним из ярых проповедников «левого» блока буржуазии и социалистов. См. стр. 63, 64, 65.

84) *Самба*—до войны один из самых видных парламентариев французской социалистической партии. В годы войны Самба становится социал-патриотом и входит в министерство Вивиани. Во французской социалистической партии после войны он занимал крайне правую позицию. См. стр. 63.

85) *Мистраль*—французский социалист, возглавлявший вместе с Лонгэ умеренную оппозицию во время войны. Как и последний, Мистраль после раскола остался в рядах социалистической партии. См. стр. 64.

86) *Прессман*—лидер того же направления. См. стр. 64.

87) *Гюисманс* — секретарь II Интернационала, игравший большую роль в партийной «кухне» последнего. Во время войны Гюисманс, как бельгиец, стал шовинистом антантовского толка, об'являя в своих манифестах циммервальдское движением продуктом склочных настроений нашей партии. См. стр. 64.

88) Здесь имеется в виду Конгресс французской социалистической партии, происходивший в 1919 г. в Страсбурге. На этом с'езде одержал победу лонгетистский центр, в результате чего Ф. С. П. вышла из II Интернационала.

89) *Поль Бонкур*—одна из самых типичных фигур французского интеллигентского парламентского «социализма». В настоящее время является одним из заправил французской социалистической партии и несомненным кандидатом в будущем правительстве левого блока. См. стр. 65, 131.

90) Наиболее ярким представителем этого течения являлся Жорес.

91) *«Clarté»* — организация революционных элементов французской интеллигенции, во главе которой стоят Анри Барбюсс и др. В течение всей своей деятельности эта организация много сделала для освещения жизни Советской России и смычки революционной интеллигенции с авангардом рабочего класса. Идеологически группа была соединением довольно разнородных элементов (от толстовцев до марксистов).

92) Доклад тов. Зиновьева о роли коммунистической партии в эпоху пролетарской революции был сделан на заседании Конгресса от 23 июля 1920 г. Речь тов. Троцкого была произнесена 26 июля 1920 г.

93) *Пауль Леви* — в свое время был ближайший единомышленник Люксембург. После смерти последней и главного организатора партии —

Тышко, Леви выдвигается как главный вождь К. П. Г. С осени 1920 г. Леви начинает обнаруживать тягу к центризму (поддерживает на с'езде итальянской социалистической партии Серрати против коммунистов), а после мартовского выступления 1921 г. Леви исключается из партии за оплевывание этого громадного движения рабочих. Теперь Леви благополучно обретается в рядах шейдемановцев. См. стр. 79, 103, 224, 228, 229, 231, 263, 287, 330, 340, 341, 343, 344, 565, 566.

94) *Пестанья* — лидер испанских синдикалистов, присутствовавший на 2-м Конгрессе Коминтерна, как делегат первых. См. стр. 74, 75.

95) *Серрати* — старый лидер итальянской соц. партии. Серрати долгое время был редактором центрального органа «Avanti». На с'езде в Ливорно (1920 г.) Серрати остался вместе с реформистами в рядах старой С. П., являясь в то же время одним из виновников поражения знаменитого движения итальянских рабочих осенью 1920 г. С середины 1922 г. Серрати начал леветь, и на 4-м конгрессе присутствует как сторонник слияния с коммунистической партией. См. стр. 75, 77, 218, 230, 231, 261, 263, 264, 265, 277, 278, 280, 281, 316, 452, 550, 564.

96) *Конго* — государство в Африке, фактически являющееся колонией Бельгии.

97) *Сирия* — является сейчас по существу французской колонией. Формально же Сирия находится только под протекторатом Франции. Вся власть в 1920 г. в ней принадлежала командующему французской оккупационной армией генералу Гуро.

98) *Египет* — формально имеет свое правительство, но на деле уже с 1914 г. управляется Англией (которая имела контроль над Египтом еще в XIX в.). Всякое национальное революционное движение подавляется английской оккупационной армией.

99) *Мексика* — оставаясь внешне независимым государством, в экономическом отношении целиком зависит от империалистских акул и прежде всего от Америки, имеющей в ней ряд концессий.

100) *Капландия* — южная часть Африки.

101) *Афганистан* — все время является об'ектом внимания Англии, стремящейся сломить его национальную независимость и тем самым уничтожить хозяйственно-политические нити, связывающие Афганистан и Советскую Россию. Пока эти попытки большого успеха не имели.

102) *Монроэ* — президент республики С.-А. С. Ш. в 1816 — 1824 г.г. Его лозунг «Америка для американцев» прежде всего была направлена против Англии, которая тогда была гегемоном на мировом рынке и вывозила громадные капиталы в Америку. См. стр. 78, 79.

103) На Синайской горе — по еврейским преданиям, их вождь Моисей получил знаменитые заповеди от бога.

104) Т.-е. Чехо-Словакию.

105) *Деникин* — видный русский генерал, сделавшийся в годы гражданской войны одним из вождей контр-революции. Осенью 1919 г. войска Деникина доходили чуть ли не до Тулы. После разгрома белых Деникин уехал в Европу, где теперь пишет мемуары. См. стр. 80, 93, 256, 302.

106) *Врангель* — выдвинулся во время гражданской войны. После поражения Деникина Врангель был выдвинут белыми на пост главнокомандующего, как более либеральный генерал. В течение почти года Врангелю удалось осесть в Крыму, и только осенью 1920 г. геройское наступле-

пие Красной армии ликвидировало господство Врангеля в Крыму и он вынужден был бежать с остатками армии в Турцию и Балканы. См. стр. 80, 88, 93, 302.

107) *Советская Венгрия* — образовалась в начале 1919 г., когда буржуазное правительство Карольи добровольно уступило власть Советам. К сожалению, через несколько месяцев, вследствие военного наступления белых армий Малой Антанты и внутренней неустойчивости, Советская Венгрия погибла. Власть Советов была заменена белой диктатурой адмирала Хорти.

108) *Война Греции с Турцией.* Несмотря на подписание Севрского договора осенью 1920 г., успокоение на ближнем Востоке не было достигнуто, с одной стороны, вследствие разногласии внутри Антанты, с другой — вследствие твердой воли турецкого крестьянства и буржуазии, об'единенных в Ангорское правительство, продолжать борьбу против Антантовского империализма. Разногласия внутри Антанты заставили Англию бросить против Турции своего вассала — Грецию. В течение 1921 — 1922 г.г. с известными перерывами происходит борьба Турции за национальную независимость. Поддерживаемая Советской Россией и Францией, боявшейся полного упрочения английского господства в Малой Азии, Турция в конце концов на голову разбивает греческую армию, в тылу которой все время происходит борьба между сторонниками и противниками Англии. После осеннего поражения (1922 г.) греческой армии, борьба Турции за национальное освобождение была закончена.

109) *Фритредерство* — экономическая политика (и теория), дающая полный простор для торговой и капиталистической конкуренций. Родиной фритредерства является Англия, буржуазия которой в первой половине XIX в. вела бешеную борьбу за свободный ввоз хлеба, чтобы освободиться от монополии землед. лордов.

110) *Протекционизм* — система покровительственных пошлин, предотвращающая конкуренцию для промышленности страны со стороны более дешевых иностранных товаров. При протекционной системе иногда совсем запрещается ввоз определенных товаров.

111) *Самуэль Гомперс* — вождь реакционной Американской Федерации Труда, считающей даже желтый Амстердамский Интернационал профсоюзов слишком красным. Гомперс является злейшим врагом революционного движения, помогая всячески правительству трестов бороться с ним. Одновременно Гомперс ведет ожесточенную кампанию против Советской России. См. стр. 84, 100, 161.

112) *Тюрго* — министр Людовика XVI, пытавшийся разрешить противоречие между политической властью абсолютизма и капиталистическим развитием хозяйства, путем уступок последнему. Королевская Франция его эпохи была в долгу «как в шелку».

113) *Унионисты* — политическая группа (Черчилль и др.), требовавшая об'единения консерваторов и либералов.

114) *Роялисты* — партия, агитирующая за возврат монархии.

115) *Ватикан* — местопребывание католического папы.

116) *Джиолитти* — старый вождь итальянской буржуазии, использовавший в послевоенные годы реформистов для предотвращения революции. Джиолитти неоднократно был премьером. Ныне он в оппозиции к Муссолини. См. стр. 88, 220, 221, 261, 278, 279.

117) *Мадзинисты* — последователи Мадзини, вождя национально-революционного движения за об'единение Италии в первой половине XIX в., направленного против реакционной Австрии.

118) До самого последнего времени в Америке монополия на политической арене принадлежала им. Теперь выделяется, так наз. третья партия прогрессистов, опирающаяся на мелкую буржуазию.

119) *Ротшильд и Weir* — крупнейшие английские банкиры. См. стр. 88.

120) *Морган* — знаменитый американский миллиардер, финансовый диктатор Америки, стоящий во главе Национального коммерческого банка (National Bank of Commerce) с капиталом в 36 миллиардов руб. См. стр. 88.

121) *Рокфеллер* — второй финансовый диктатор Америки, возглавляющий National Citi Bank с 26½ миллиардов руб. См. стр. 88.

122) *Шнейдер* — владелец крупнейших оружейных и др. крупных заводов Франции. См. стр. 88.

123) *Лушер* — крупнейший капиталист Франции, неоднократно бывший министром финансов. См. стр. 88.

124) *Гуго Стиннес* — некоронованный король Германии, владеющий миллиардными ценностями и контролировавший всю хозяйственную жизнь Германии. В последние годы для обозначения тенденции овладения промышленности одной промышленной группой был создан термин *стиннесизация*. Стиннес недавно умер. См. стр. 88, 89, 150, 424.

125) *Дейч* — крупный немецкий промышленник. См. стр. 88.

126) *Rizello и Agnelli* — крупные итальянские промышленники и банкиры.

127) *Керзон* — английский лорд, специализировавшийся на иностранной политике. В довоенные годы Керзон был вице-королем Индии, в последние годы — министром иностранных дел. На этом посту он проявил себя от'явленным врагом Советской России. Достаточно вспомнить его знаменитый ультиматум в мае 1923 г., вызвавший взрыв негодования по всей Советской России. См. стр. 89, 493, 494, 498, 534.

128) *«Le Temps» (Время)* — орган крупной французской буржуазии.

129) *Черчилль* — один из вдохновителей интервенции в России. Черчилль был предшественником Керзона по министерству иностранных дел. В Англии Черчилль считается наиболее ярким представителем империалистической буржуазии, что не мешает ему примыкать к либеральной партии. См. стр. 90.

130) *Маккиавели* — знаменитый писатель-политик начала XVI в. Маккиавели считается основоположником науки о политике. Идеалом Маккиавели была централизованная абсолютная монархия. Маккиавели оправдывал всякие средства для достижения определенных политических целей. См. стр. 90, 264.

131) *Мятеж Каппа-Лютвица* — в 1920 г. — был первой попыткой немецкой контр-революции ликвидировать, так наз., демократию. Благодаря отпору рабочих мятеж был подавлен, несмотря на беспримерную бездеятельность правительства Эберта — Шейдемана. Ответом на мятеж были сильные восстания Рурских рабочих, потопленные в крови Носке и К-о.

132) Все эти организации были предками современных фашистских организаций Америки.

133) *Барселона* — крупнейший город в промышленной части Испании.

134) *Юденич* — царский генерал, бывший командующий кавказской армией. В годы гражданской войны Юденич командовал белой армией на

северо-западе и в 1920 г. наступает к Питеру. Поражение в конце 1920 г. сводит Юденича с политической сцены. См. стр. 193, 259.

135) *Делакруа* — премьер-министр в Бельгии в период 2-го Конгресса Коминтерна. См. стр. 98.

136) *Гендерсон* — один из вождей английской рабочей партии. Гендерсон был и остался, по существу, либералом. Еще в военные годы Гендерсон уже входил в буржуазное правительство, проводя войну до победоносного конца. Сейчас Гендерсон занимает пост министра внутренних дел в так наз. «рабочем правительстве». См. стр. 98, 100, 536.

137) *Том Шоу* — старый работник английского рабочего движения. После слияния 2-го и 2½-го Интернационалов был секретарем Исполн. Комитета. Ныне занимает пост министра в кабинете Макдональда. См. стр. 98.

138) *Реннер* — главный лидер австрийских социал-демократов. Реннер всегда был типичным представителем течения, соединявшего революционную фразу с реформистской практикой. Во время войны Реннер был социал-патриотом, а по свержении Габсбургов, стал премьер-министром коалиционного министерства. После отлива революционной волны Реннер, как и его коллеги, был выставлен из правительства. См. стр. 98.

139) *Зейц* — премьер-министр австрийского правительства, один из вождей реакционной партии христианских социалистов.

140) *Немец* — лидер чешской соглашательской партии, стоявший в то время на позиции «центра». См. стр. 98.

141) *Тузар* — см. стр. 98.

142) *Трульстра* — старый оппортунист, вождь голландской социал-демократии, руководивший исключением из партии революционных марксистов еще до войны. Во время войны Трульстра был германофилом. По окончании войны Трульстра был активным деятелем по восстановлению II Интернационала. Трульстра — типичный лидер подкупленной империализмом рабочей аристократии. См. стр. 98.

143) *Брантинг* — один из основателей шведской социал-демократии. Брантинг все время возглавлял правое крыло с.-д. После войны Брантинг стал сторонником участия социалистов в правительстве и успел уже побывать премьером. См. стр. 98.

144) *Дашинский* — один из вождей мелко-буржуазной П. П. С. В предвоенные годы Дашинский играл крупную роль в австрийской с.-д. и, в частности, в парламентской фракции, как депутат от австрийской Польши. После образования «независимой» Польши Дашинский поддерживал антисоветскую политику Пилсудского и К-о. См. стр. 98, 99.

145) *Чхеидзе* — выдвинулся как депутат IV Государств. Думы. После февральской революции Чхеидзе был председателем В. Ц. И. К., примыкая к крылу так наз. «революционных оборонцев». Ныне Чхеидзе, как и все меньшевистские вожди, обретается за границей. См. стр. 98.

146) *Пилсудский* — был когда-то преследуем царским правительством, как вождь мелко-буржуазн. революц. П. П. С. После войны, когда Польша создалась, как независимое государство, Пилсудский стал главой последнего. За все это время Пилсудский был проводником французской политики, подтверждением чего была война с Советской Россией в 1920 г. См. стр. 98.

147) *Бебель* — один из основателей немецкой с.-д. В течение почти полвека Бебель был вождем последней, играя одновременно крупнейшую роль

во II Интернационале. В последние годы, перед войной. Бебель начал несколько праветь и обращать свои стрелы не столько против правого, сколько против левого меньшинства. См. стр. 99.

148) *Аляска* — находится на крайнем северо-западе Америки; *мыс Горн* — на юге.

149) *Зиновьев* — см. стр. 103, 107, 222, 229, 230, 318, 328, 329, 380.

150) *Бухарин* — см. стр. 103, 231, 232, 233, 235, 440, 456.

151) *Эрнст Мейер* — старый спартаковец, один из руководителей немецкой коммунистической партии. Был представителем коммунистической партии Германии в Исполкоме Коминтерна. Был одно время политическим секретарем немецкой коммунистической партии. См. стр. 103.

152) *Я. Вальхер* — старейший работник немецкого коммунистического движения, один из вождей революционной оппозиции в профсоюзах. Вальхер играет крупнейшую роль в Профинтерне. Во время последних разногласий в Германской коммунистической партии Вальхер примыкал к группе Брандлера. См. стр. 103.

153) *Р. Вольфштейн* — см. стр. 103.

154) *К. Штейнгарт* — см. стр. 103.

155) *Томан* — см. стр. 103.

156) *Штремер* — см. стр. 103.

157) *Садуль* — один из участников 1-го Конгресса Коминтерна. Еще во время войны Садуль был социал-патриотом, но пребывание в Советской России (в качестве атташе при французской миссии) сделало его пламенным коммунистом. См. стр. 103.

158) *Гильбо* — один из пионеров французского коммунизма. Еще в годы войны Гильбо примкнул к Циммервальдской левой. Гильбо участвовал на 1-м Конгрессе Коминтерна. До последних дней Гильбо находится вне Франции, благодаря законам «демократической» Франции. См. стр. 103.

159) *Квелч* — руководитель Британской социалистической партии. Был делегатом на 2-м Конгрессе Коминтерна, после которого вошел в состав Исполкома Коминтерна. См. стр. 103.

160) *Галлакер* — шотландский коммунист, бывший в 1920 г. типичным представителем «левого коммунизма» в Англии. В настоящее время Галлакер является одним из руководителей английской Коммунистической партии. См. стр. 103.

161) *Сильвия Панкхерст* — возглавляла группу левых коммунистов в Англии, отрицавшую необходимость участия в парламенте и вхождение в рабочую партию. См. стр. 103.

162) *Маклейн* — старый работник английского социалистического движения, сыгравший особенно крупную роль в шотландском рабочем движении. В годы войны он подвергался репрессиям за антимилитаристскую пропаганду. В 1920 — 1922 г.г. Маклейн возглавлял основные кадры английской Коммунистической партии. К сожалению, смерть отняла у последней этого ценного работника. См. стр. 103.

163) *Флин* — см. стр. 103.

164) *А. Фрейна* — см. стр. 103.

165) *А. Билан* — см. стр. 103.

166) *Д. Рид* — автор знаменитой книги «Десять дней, которые потрясли мир». Выходец из крупной буржуазной семьи, Рид порвал с последней, а после своей поездки в Россию, которую он наблюдал в дни Октября,

Рид стал одним из самых активных пропагандистов большевизма в Америке. В образовавшейся американской Коммунистической партии Рид играл крупную роль, на 2-м Конгрессе Рид был ее делегатом. В конце 1920 г. Рид заболел тифом и умер в Москве. См. стр. 103.

167) *Н. Бомбаччи* — видный итальянский коммунист, игравший крупную роль при расколе в Ливорно и образовании итальянской Коммунистической партии. За последнее время Бомбаччи вследствие ряда допущенных им ошибок (невыдержанные выступления в парламенте по поводу русско-итальянского договора) не играет прежней роли в итальянской Коммунистической партии. См. стр. 103.

168) *Грациадеи* — один из основателей итальянской Коммунистической партии. В последние годы, когда в итальянской Коммунистической партии проявились левые болезни, Грациадеи занимал выдержанную позицию, защищая точку зрения Коминтерна. До последнего времени Грациадеи был одним из руководителей так наз. меньшинства, настаивавшего на лойяльном проведении всех директив Исполкома Коминтерна, в частности, по вопросу о слиянии с серратианцами. В теоретическом отношении стоит на не-марксистской точке зрения. См. стр. 103.

169) *А. Бордига* — основатель итальянской Коммунистической партии, возглавлявший коммунистическую оппозицию еще в рядах итальянской социалистической партии (туринская секция). После образования итальянской Коммунистической партии, Бордига является ее главным руководителем, тем самым и лидером ее «левого» большинства. На 2-м Конгрессе Коминтерна Бордига выступал сторонником бойкота парламента. См. стр. 103.

170) *Фриис* — см. стр. 103.

171) *Шеффло* — руководитель норвежской Коммунистической партии. До раскола в рабочей партии, Шеффло возглавлял ее левое крыло, защищавшее точку зрения Коминтерна (исключение реформистов, присоединение профсоюзов к Профинтерну, право вмешательства Коминтерна в дела национальных секций и т. д.). См. стр. 103.

172) *А. Мадсен* — см. стр. 103.

173) *К. Дальштрем* — см. стр. 103.

174) *Самуэльсон* — см. стр. 103.

175) *Винберг* — см. стр. 103.

176) *Иергенсон* — см. стр. 103.

177) *М. Нильсен* — см. стр. 103.

178) *Вайнкоп* — старый голландский марксист, вместе с Гортером, Паннекуком и др. возглавлявший левое крыло голландской с.-д. В дни войны Вайнкоп стоял на интернациональной позиции, поддерживая Циммервальдскую левую. Вайнкоп, как и большинство голландских коммунистов, принадлежал к так наз. «левым» коммунистам. См. стр. 103.

179) *Янсон* — см. стр. 103.

180) *Ван-Лейвен* — см. стр. 103.

181) *Ван-Оверстратен* — см. стр. 103.

182) *Герцог* — швейцарский коммунист, активно работавший ранее в юношеском движении. См. стр. 103.

183) *Ж. Эмбер-Дроз* — один из руководителей швейцарской Коммунистической партии. Эмбер не раз посылался Исполкомом Коминтерна как его представитель на с'езды различных коммунистических партий. См. стр. 103.

184) *Ракоши* — см. стр. 103.

185) *Руднянский* — см. стр. 103.

186) *Варга* — крупнейший экономист, докладчик по экономическим вопросам на с'ездах и пленумах Коминтерна. В дни Венгерской Советской Республики Варга был председателем В. С. Н. Х. Варга имеет ряд работ о послевоенной мировой экономике и германском хозяйстве. См. стр. 103, 164, 199, 327, 342.

187) *Левицкий* — см. стр. 104.

188) *Мархлевский* — старый ветеран польского рабочего движения. Мархлевский является вместе с Люксембург основателем польской революционной с.-д. В течение нескольких десятилетий Мархлевский работал вместе с Люксембург и др. в германском рабочем движении. Ныне Мархлевский состоит ректором Коммунистического университета народов Запада. См. стр. 104.

189) *Стучка* — вождь латышской Коммунистической партии. В 1919 г. Стучка возглавлял Советскую Латвию. Стучка работал также в русском рабочем движении, будучи выбираем после Октября в Ц. К. нашей партии. См. стр. 104.

190) *Крастынь* — см. стр. 104.

191) *Мицкевич-Капсукас* — см. стр. 104.

192) *Ванек* — см. стр. 104.

193) *Гула* — см. стр. 104.

194) *Запотоцкий* — см. стр. 104.

195) *Р. Вакман* — см. стр. 104.

196) *Пегельман* — один из вождей эстонского рабочего движения. Участник 1-го Конгресса Коминтерна. См. стр. 104.

197) *И. Рахья* — старый участник финляндского социалистического движения. Один из основателей финляндской Коммунистической партии. См. стр. 104.

198) *Летонмяки* — см. стр. 104.

199) *К. Маннер* — см. стр. 104.

200) *Кабакчиев* — редактор теоретического органа болгарской Коммунистической партии, один из крупных теоретиков болгарской Коммунистической партии. Кабакчиев неоднократно был делегатом болгарской Коммунистической партии на Конгрессах Коминтерна. См. стр. 104.

201) *Максимов* — см. стр. 104.

202) *Шаблин* — старый болгарский «тесняк», был представителем болгарской Коммунистической партии в Исполкоме. См. стр. 104.

203) *Милкич* — см. стр. 104.

204) *М. Цхакая* — старый ветеран грузинского рабочего движения. Ныне председатель грузинского Ц. И. К. См. стр. 104.

205) *Назаретян* — см. стр. 104.

206) *Нихад* — см. стр. 104.

207) *Султан-Заде* — персидский коммунист, участник русского рабочего движения. Имеет ряд работ о Востоке. Работает в советских органах Москвы. См. стр. 104.

208) *Атшарна* — см. стр. 104.

209) *Шеффик* — см. стр. 104.

210) *Маринг* — один из руководителей Коммунистической партии голландской Индии. Активно участвовал в колониальной комиссии 2-го Конгресса. См. стр. 104.

211) *Лау-Сиу-Чжау* — см. стр. 104.

212) *Пак Динъшунъ* — см. стр. 104.

213) *Гим Гулин* — см. стр. 104.

214) *К. А. Р. D.* — Коммунистическая Рабочая Партия Германии (б. левые коммунисты) выделилась из немецкой Коммунистической партии в 1920 г., ввиду принципиальных разногласий по вопросу об участии в парламенте, отношении к профсоюзам и т. д. К. А. Р. D. носила и носит явные следы анархо-синдикализма. Начав свою политическую деятельность, как партия с десятками тысяч членов, она в течение 2—3 лет растеряла все лучшие элементы, превратившись в секту, злобно настроенную по отношению к Коминтерну и Советской России.

215) *Гортер* — старый голландский марксист, в течение десятилетия находившийся на левом фланге рабочего движения. Во время войны Гортер занимал интернационалистическую позицию, опубликовав в начале ее интересную работу против социал-патриотов и центристов. В годы, наступившие после немецкой революции, Гортер, как и большинство вождей голландской Коммунистической партии, стал страдать «детской болезнью левизны в коммунизме», проповедуя отказ от работы в профсоюзах и парламенте, защищая сектантский характер партии, отрицая всякие компромиссы и т. д. После 2-го Конгресса Коминтерна Гортер окончательно свихнулся влево, дойдя в 1921 г. до симпатии к кронштадтцам. См. стр. 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120.

216) *Партейтаг* независимых с.-д. Германии, происходивший в Галле в октябре 1920 г. На этом С'езде ⅔ партии высказалось за принятие 21 условия, выставленных 2-м Конгрессом Коминтерна при присоединении партии к последнему.

217) Здесь намекается на голландскую коммунистическую партию, насчитывающую крайне небольшое число сторонников.

218) *Энгельс* — см. стр. 110, 169.

219) *Просветители - рационалисты* XVIII в. были культурно - политическим тараном, при помощи которого *французская* буржуазия пробивала стену абсолютной монархии. Большинство просветителей были материалисты в науке (Дидро, Гельвеций и т. д.), но в политике, общественных науках решающим считали знание, разум, выводя характер политических учреждений из идеологии. Исходя из этого, просветители приходили к выводу, что достаточно изменить мнение королей, великих людей, чтобы создались необходимые предпосылки для коренных общественно-политических реформ.

220) См. примечание 216.

221) *Гильфердинг* — вышел из знаменитой «австро-марксистской школы». В 1907 г. опубликовал знаменитую книгу о «Финансовом Капитале». Во время войны Гильфердинг был одним из руководителей умеренной оппозиции в духе Каутского. В 1918 — 1920 г.г. Гильфердинг кокетничает с идеей Советов, вырабатывая политические программы, причудливо сочетавшие парламентаризм и диктатуру пролетариата. Во время раскола в Галле Гильфердинг является вождем правых независимцев и с того времени проделывает эволюцию к шейдемановцам. В 1923 г. Гильфердинг, ранее категорически отрицавший участие с.-д. в буржуазном правительстве, входит в правительство Штреземана. См. стр. 119, 172, 188.

222) *Об'единенной* немецкая коммунистическая партия называлась в 1920—1921 г.г. в первое время после об'единения с левыми независимыми с.-д.

223) *Всеобщая Конфедерация Труда* — центр профессионального движения во Франции. В 1921 г. революционные элементы во Всеобщей Конфедерации Труда фактически имели уже большинство.

224) *Амьенская хартия* — программная резолюция, принятая конгрессом синдикатов в 1906 г. Центральным пунктом этой резолюции является признание независимости профдвижения и аполитичность последнего.

225) *Кашен* — старый участник французского рабочего движения. В довоенные годы был одним из самых ближайших сотрудников Гэда. Война Кашена, как и его учителя, сделала социал-патриотом. Но уже в 1919 г. Кашен был одним из вождей левого крыла французской социалистической партии, которое после раскола создало французскую коммунистическую партию. Несмотря на то, что в 1921—1922 г.г. Кашен был единомышленником Фроссара, он в дни дезертирства последнего остался на своем посту, сохранив для партии его центральный орган. См. стр. 127, 307, 380, 525, 551, 568.

226) *Фроссар* особенно выдвинулся после раскола с лонгетистами в 1919 г. В течение 1920—1922 г.г. Фроссар был главным руководителем французской коммунистической партии. Но, воспитанный на традициях французского парламентарного социализма, Фроссар не сумел сделаться настоящим коммунистом. За все время своего пребывания в французской Коммунистической партии он поддерживал центристские тенденции, а после IV Конгресса Коминтерна, когда последний повернул курс французской Коммунистической партии налево, Фроссар вместе с небольшой группой единомышленников вышел из партии. Ныне Фроссар опустился до поддержки левого блока и т. д. См. стр. 127, 131, 232, 380, 381, 402, 419, 525, 527, 528, 551, 564, 565, 566, 567, 569.

227) *Кайо* до войны был министром финансов. Во время войны обвинялся реакционным правительством даже в измене. Один из руководителей радикальной партии. См. стр. 128, 382, 454, 535, 536.

228) *Вердье* — см. стр. 129, 387, 388, 389, 393.

228а) *Люси Лесьяг* — б. член Ц. К. французской Коммунистической партии, была представителем французской Коммунистической партии в Исполкоме Коминтерна. См. стр. 130, 387, 526.

229) *Диссиденты* — так называют во Франции меньшевиков-лонгетистов, которые, будучи в меньшинстве на Рурском Конгрессе 1919 г., откололись (отсюда и название dissedent — раскольник) от социалистической партии, образовав собственную партию.

230) *Блюм* — видный деятель нынешней социалистической партии Франции, играющий крупнейшую роль в партийной «кухне» последней. Блюм был все время активнейшим сторонником левого блока и защитником тактики участия в буржуазном правительстве. Блюм — типичнейший французский реформист. См. стр. 131, 313, 368, 382, 415, 418, 419, 420, 535, 536.

231) *Мерик* — бывший анархист. Во время войны, будучи уже в рядах французской социалистической партии занимал интернационалистскую позицию. В 1919 г. Мерик принимал активное участие в расколе. За 1920—1923 г.г. Мерик проделал тот же путь, что и Фроссар, и теперь находится вне рядов французской Коммунистической партии. См. стр. 132, 389.

232) *Гесье* — остроумный карикатурист, долгое время работавший в «L'Humanité». См. стр. 133.

233) *Амстердам* — т.-е. Амстердамский Интернационал Профессиональных союзов.

234) *Отто Бауэр* — крупнейший вождь австрийской социал-демократической партии. До войны Бауэр был секретарем парламентской фракции и написал ряд книг по национальному и колониальному вопросу. В эпоху войны Бауэр становится центристом, что не мешает ему после свержения Габсбургов сделаться министром иностранных дел нового правительства. Вместе с Ф. Адлером и др. Бауэр участвовал как в создании 2½ Интернационала, так и похорон последнего в 1923 г. В 1921 г. Бауэр написал работу, где доказывал, что после НЭП'а наша партия ведет Советскую Республику к доподлинному капитализму. См. стр. 142, 300, 488, 490, 492.

235) *Суэцкий канал* пролегает между Египтом и Малой Азией.

236) *Рихард Кальвер* — видный немецкий экономист. Кальвер, как и целый ряд бывших немецких социал-демократов, проделал эволюцию от социал-демократа к буржуазному демократу. См. стр. 149, 150.

237) Эльзас-Лотарингия и Саарский бассейн отошли к Франции по Версальскому договору. Углем богат, главным образом, последний.

238) *Эйнштейн* — знаменитый немецкий ученый. Эйнштейн создал целую эпоху в науке, обосновав отрицание абсолютности времени, пространства — тезиса, выдвинутого Ньютоном несколько сот лет тому назад. С другой стороны, Эйнштейн двинул точные науки далеко вперед, дав математические формулировки различным процессам в природе. См. стр. 155.

239) *Юз* — министр иностранных дел Северо-Американских Соединенных Штатов. В течение последних лет был ярым противником создания нормальных взаимоотношений с Советской Россией. См. стр. 161.

240) Здесь имеется в виду введение Ф. Энгельса к книге Маркса — «Борьба классов во Франции», в котором Энгельс писал, что «мировой кризис 1847 г. был истинной матерью февральской (французской. *Ред.)* и мартовской (немецкой. *Ред.)* революции». См. собрание сочинений Маркса и Энгельса, т. III, стр. 7.

241) *Кунов* — теоретик шейдемановской партии. В предвоенные годы Кунов считался ортодоксом и усердно боролся с теоретическим ревизионизмом. Война сделала Кунова социал-империалистом. После этой измены марксизму Кунов начинает ревизию теории Маркса, вначале в редактируемом им «Neue Zeit», а позже в специальной двухтомной работе об «Историч., госуд. и общественной теории Маркса». См. стр. 172, 173, 233, 234, 301.

242) *Кейнс* — крупнейший английский экономист. После войны был членом Верховного Экономического Совета Антанты. В ряде работ Кейнс доказал экономическую бессмысленность Версальского договора и предсказал еще в 1919 г. бесплодие Версальских решений. Здесь имеется в виду его первая работа «Экономические последствия Версальского мирного договора». См. стр. 177.

243) *Гардинг* — был избран в 1920 г. в президенты Северо-Американских Соединенных Штатов, как кандидат республиканской партии. Год-два тому назад Гардинг скончался, и его место занял другой кандидат этой же партии — Кулидж. См. стр. 179, 208.

244) *Брандт* — видный польский коммунист, был в числе польских делегатов на III Конгрессе. См. стр. 187, 224, 230.

245) *Земан* — делегат К. А. Р. D. (Коммунистической Рабочей партии Германии), пославшей своих делегатов на Конгресс с совещательным голосом. См. стр. 187, 189.

246) *Закс* — тоже делегат Коммунистической Рабочей партии Германии. См. стр. 188.

247) *Погани* — один из вождей Венгерской Компартии. На III Конгрессе он, как и другие венгерские делегаты, был в числе «левых». См. стр. 189, 190, 191, 192.

248) *Тальгеймер* — ближайший сотрудник Розы Люксембург и др. по работе в группе «Спартак». После образования Германской Коммунистической партии, Тальгеймер является одним из руководителей, редактирует центральный орган «Красное Знамя» и т. д. В прошедшей дискуссии в германской Коммунистической партии, Тальгеймер был одним из лидеров ее так называемого правого крыла. См. стр. 192, 226, 229, 230.

249) *Кенен* — один из руководителей немецкой Коммунистической партии. Член рейхстага прошлого состава. На III Конгрессе Кенен был в составе немецкой делегации. См. стр. 194, 227.

250) *«Vorwärts» (Вперед)* — центральный орган немецких меньшевиков.

251) *Рой* — вождь Коммунистической партии Индии, член Исполкома Коминтерна. Был делегатом на нескольких Конгрессах Коминтерна. См. стр. 195.

252) Здесь имеется в виду свержение во Владивостоке в мае 1921 г. власти демократ. Дальневосточной Республики и установление белогвардейского правительства. Переворот происходил при явной поддержке японского командования.

253) *«Тройственным союзом»* в Англии называют образовавшийся во время войны блок 3 гигантских союзов: транспортников, железнодорожников и углекопов.

254) Итальянский вопрос стоял специально в порядке дня III Конгресса. Большинство старой социалистической партии, как известно, на Ливорнском с'езде в 1920 г. отказалось принять 21 условие, вследствие чего на с'езде произошел раскол. Но поскольку социалистическая партия считала, что она не расходится по принципиальным вопросам с Коминтерном, она послала на III Конгресс трех делегатов (Лаццари, Маффи, Рибольди). Исполком допустил их на с'езд, ибо необходимо было перед 100.000 рабочих, входивших в Исполком, разоблачить итальянских центристов, расколовшихся с коммунистами ради единства с реформистами.

255) Т.-е. итальянской социалистической партии.

256) *«Avanti» (Вперед)* — центральный орган итальянской социалистической партии, находящийся ныне в руках полуреформистов.

257) *Лаццари* — старый ветеран итальянского рабочего движения, был в числе основателей итальянской социалистической партии. В довоенные годы и в эпоху войны Лаццари стоял на левом фланге социалистической партии, но в дни раскола остался вместе с Серрати. После III Конгресса Лаццари активно выполнял данные им обещания в агитации за слияние итальянской социалистической партии с Коммунистической партией. См. стр. 218, 219, 220, 261, 262, 263, 265, 278, 279, 280.

258) *Радек* — один из вождей Коминтерна. С 1910 г. Радек активно работает в рядах немецкой революционной оппозиции. В годы войны Радек сразу примыкает к циммервальдской левой. После смерти Люксем-

бург Радек становится руководящим политиком Германской коммунистической партии. В последние годы Радек работает в Коминтерне как член президиума Исполкома. См. стр. 222, 224, 237, 328, 553, 557.

259) *Тельман* — гамбургский рабочий, выдвинувшийся на широкую политическую арену в последние годы. Ряд лет Тельман возглавлял левую оппозицию в немецкой коммунистической партии. Ныне является одним из руководителей последней. См. стр. 222, 227, 228.

260) *Геккерт* — видный немецкий коммунист, участник ряда конгрессов Профинтерна и Коминтерна. На с'ездах первого Геккерт делал ряд докладов. См. стр. 226, 230.

261) *Меринг* — знаменитый историк германской социал-демократии. Придя в рабочее движение из лагеря буржуазной демократии, Меринг в течение десятилетий стоял на левом фланге социал-демократии. Уже с начала разногласий с Каутским, Меринг открыто примыкает к левым радикалам, а во время войны, несмотря на свою старость, активно работает, как литератор, в группе «Спартак». Бурные дни немецкой революции, тюрьма, смерть близких друзей — Люксембург и др. подкопали силы Меринга. Меринг скончался в 1919 г., пробыв на революционному посту около 40 лет. См. стр. 226.

262) *Раковский* — старый революционер, участник рабочего движения ряда стран. В последние годы Раковский был председателем совнаркома Украины, проделав там громадную политическую работу по укреплению власти в деревне и ликвидации национализма. Ныне Раковский руководит делегацией С. С. С. Р. на англо-русской конференции. См. стр. 233, 235.

263) *Пятаков* — работает в рядах нашей партии около 15 лет. Во время войны Пятаков вместе с Бухариным вел интернационалистическую пропаганду в Скандинавских странах. В первые годы гражданской войны Пятаков работал на Украине. За последнее время работает в качестве заместителя председателя В. С. Н. Х. С. С. С. Р. См. стр. 233.

264) *Ларин* — старый работник российской социал-демократии. В течение ряда лет был видным меньшевиком. В 1917 г. вступает в нашу партию. За последние годы работал, главным образом, как экономист. В конце 1921 г. возглавлял течение так называемой «коммунистической реакции», требовавшей известного возврата к методам военного коммунизма. См. стр. 233.

265) *Сокольников* — народный комиссар финансов. На Всероссийской конференции 1921 г. Сокольников вместе с Бухариным и др. выступал защитником той точки зрения, что симптомов известного под'ема в мировом хозяйстве нет и быть не может. Ошибочность этой позиции была потом публично признана одним из ее сторонников, тов. Дволайцким. См. стр. 233, 326, 328, 329, 440.

266) *Шляпников* — старый большевик, особенно активно работавший в нелегальной организации в годы войны. В 1921—1923 г.г. Шляпников возглавлял так называемую «рабочую оппозицию», а позже группу «22», резко критиковавшую новую экономическую политику. См. стр. 233.

267) *Коллонтай* — до войны примыкала к меньшевикам. В 1917 году вошла в нашу партию, выделившись, как популярный агитатор в дни Керенщины. В 1921 — 1923 г.г. Коллонтай сделалась крайне левой, возглавляя в дни X с'езда вместе с Шляпниковым так называемую «рабочую оппозицию» с явным синдикалистским уклоном. В настоящее время Коллонтай

является послом С. С. С. Р. в Норвегии. См. стр. 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 290.

268) *Бела-Кун* — руководитель венгерской Коммунистической партии. Во времена Венгерской Советской Республики Бела-Кун был председателем Совнаркома. Ныне Бела-Кун работает в Ц. К. Р. К. С. М., как представитель Ц. К. Р. К. П. См. стр. 234.

269) *Герцен* — революционный демократ средины XIX в., основоположник народничества. Реакция Николая I заставила Герцена эмигрировать в Европу (Лондон), где он издавал революционный орган «Колокол». Герцен оставил большое литературное наследство. См. стр. 246.

270) *Коммунистический Интернационал Молодежи* — международное об'единение революционной рабочей молодежи. Его первый конгресс состоялся нелегально в Берлине, в ноябре 1919 г.

271) *Транквилли* — см. стр. 260.

272) *Поляно* — руководитель итальянского Коммунистического Союза Молодежи. Был членом Исполкома Коммунистического Интернационала Молодежи. См. стр. 260, 263.

273) *Тревес* — итальянский реформист, сыгравший большую роль в расколе итальянской социалистической партии. Ныне Тревес вместе с Турати возглавляет итальянскую социал-демократию, фактически поддерживающую Муссолини. См. стр. 261, 262.

274) *Маффи* — видный итальянский социалист, делегат итальянской социалистической партии на III Конгрессе Коминтерна. После этого Конгресса Маффи приехал в Италию и вел беспрерывную агитацию за безоговорочное присоединение к Коминтерну. См. стр. 262, 263, 280.

275) *Шиллер* — один из руководителей германского Коммунистического Союза молодежи, работающий в последние годы в Исполкоме Коммунистического Интернационала молодежи, как секретарь последнего. См. стр. 262, 263, 264.

276) *Рибольди* — лидер левого крыла итальянской социалистической партии, посланный последней на III Конгресс Коминтерна. Приехав после конгресса в Италию, Рибольди с Маффи стал горячим защитником безоговорочного присоединения к Коминтерну. См. стр. 263, 280.

277) *Шмераль* — лидер чехо-словацкой коммунистической партии. Старый участник рабочего движения, Шмераль вступил в чешскую коммунистическую партию вместе с левым крылом чехо-словацкой социал-демократии. В 1920—1921 г.г. Шмераль по некоторым вопросам несколько уклонялся вправо. См. стр. 264, 265.

278) *Лапорт* — руководитель французского Коммунистического Союза молодежи, критиковавший в 1921 г. Коминтерн слева. Лапорт, как и другие некоторые активные работники Коминтерна молодежи, страдал «детской болезнью левизны в коммунизме». См. стр. 264, 265.

279) *Лансинг* — министр иностранных дел Северо-Американских Соединенных Штатов, в дни Версаля. Был в числе американских делегатов на Версальской конференции. См. стр. 272.

280) Циммервальдская конференция была созвана в начале 1915 г. по инициативе итальянской и швейцарской социалистических партий для об'единения оппозиционных элементов в международном социализме. Большинство на этой конференции имела умеренная оппозиция лево-центристского направления (правые циммервальдцы). Поэтому решения Циммер-

вальдской конференции не носили строго выдержанной революционно-марксистского характера.

281) *Красин* — народный комиссар внешней торговли. Красин старый большевик, игравший крупнейшую роль в нашей партии в 1903 — 1907 г.г., неднократно избирался членом Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. См. стр. 283, 324.

282) *Герзинг* — см. стр. 285.

283) *Мирбах* — после заключения Брест-Литовского мира был послом Германии в Советской России. Летом 1918 г. Мирбах был убит левыми эсерами.

284) *Маслов* — один из вождей б. оппозиции в немецкой Коммунистической партии, получивший большинство на франкфуртском с'езде 1924 г. Маслов в течение ряда лет уклонялся в сторону «детской болезни левизны в коммунизме». Теперь Маслов является главным руководителем Германской Коммунистической партии. См. стр. 291, 342.

285) *Монмуссо* — старый синдикалист, воспитанный на идеях группы «Рабочая Жизнь». Во время войны Монмуссо был одним из руководителей профессиональной оппозиции. В 1918—1921 г.г. Монмуссо вместе с Семаром, Монатом и др. возглавляет революционное крыло Всеобщей Конфедерации Труда. После образования Унитарной (революционной) Конфедерации Труда, Монмуссо был секретарем последней. См. стр. 298, 308, 400.

286) *Курт Гейер* — старый участник немецкого рабочего движения. Во время войны Курт Гейер был видным членом умеренной оппозиции. В 1919 — 1920 г.г. Курт Гейер вместе с другими возглавлял левое крыло независимой партии. В конце же 1921 г. Курт Гейер ушел с группой Леви из Коммунистической партии и совершил вместе с последним путь возвращения в лоно шейдемановцев. См. стр. 299, 300.

287) *Мартов* — идейный вождь меньшевизма. За последние годы Мартов проделал ряд поворотов. В 1919 г., после начала немецкой революции в 1918 г., он об'явил о наступлении эпохи социальной революции. Но это не помешало ему после спадения революционной волны сделать поворот на 90° и заявить, что ни о какой социальной революции речи быть не может и т. д. См. стр. 300, 301, 490.

288) *Марсельский с'езд* французской Коммунистической партии происходил в начале 1922 г. Уже на нем ярко выявились разногласия внутри партии, приведшие позже к образованию левого крыла. На Марсельском с'езде руководящую роль играли Фроссар и др.

289) *Грумбах* — до войны был в рядах немецкой социал-демократии. Родом из Эльзаса. Грумбах с начала войны сделался ярым социал-патриотом, громя в своих статьях и корреспонденциях немецкую социал-демократию. После раскола в социалистической партии Грумбах остался, конечно, в рядах реформистов. См. стр. 313.

290) *Бризон* — в социалистической партии Франции выдвинулся в годы войны, как интернационалистски настроенный депутат палаты. Правда, его интернационализм был изрядно перемешан с пацифистской фразеологией, что ярко проявилось на Кинтальской конференции. Интернационалистической стойкости Бризону хватило не надолго, и ныне он обретается, конечно, вне французской Коммунистической партии. В 1921 г. Бризон издавал газету «Волна». См. стр. 316.

291) *Фабр* — буржуазный попутчик в коммунистическом движении. Почти с первых дней образования французской Коммунистической партии

он стал противником Коминтерна и основных кадров французской Коммунистической партии, использовывая издаваемую им газету. Его имя стало широко известно в 1921—1922 г.г. потому, что Фроссар и К-0 всячески тормозили его исключение, которое было решено Исполкомом Коминтерна. Поэтому вопрос о Фабре стоял не раз на заседании Исполкома. См. стр. 316, 376, 383, 385, 386, 387, 389, 397, 398, 406, 407.

292) На декабрьской конференции 1921 г. т. Зиновьев сделал доклад, обосновавший только что принятые Исполкомом Коминтерна тезисы об едином фронте. Конференция приняла их единогласно.

293) Здесь имеется в виду статья Павловского в № 10 «Коммунистического Интернационала».

294) Здесь говорится о статьях проф. Фалькнера в «Экономической Жизни», №№ 284, 285, 286 за 1921 г.

295) *Вашингтонская конференция была* созвана правительством Северо-Американских Соединенных Штатов. Основным ее вопросом была проблема «разоружения». Вполне естественно, что представители империалистических государств ограничились только болтовней о разоружении, укоряя противную сторону в стремлении к вооружению.

295а) *Чичерин* — см. стр. 324, 485.

296) Последующие строки являются второй речью, произнесенной т. Троцким на этой конференции.

297) Это замечание вызвано тем, что часть ораторов выступала с разными схемами, таблицами, картограммами, переносила вопрос в область теоретической экономии.

298) *Рязанов* — старый ветеран русского рабочего движения. Теперь Рязанов руководит научным институтом Маркса и Энгельса, издает сочинения последних и т. д. См. стр. 325.

299) *Каменев* является, как известно, председателем Московского Совета. См. стр. 327.

300) Здесь имеются в виду попытки К. А. Р. D. и др. создать IV Интернационал.

301) См. Собрание сочинений Ленина, т. XVIII, ч. I, стр. 342—352. Иенский с'езд заседал в конце августа 1921 г.

302) Оба эти доклада входят в настоящий том. См. доклады: 1) «О мировом положении и задачах Коминтерна»; 2) «Школа революционной стратегии».

303) Упоминаемая здесь брошюра Люксембург была написана ею в сентябре 1918 г. в тюрьме, когда Люксембург была оторвана от внешнего мира и следила за жизнью Советской России сквозь призму буржуазной печати. В брошюре высказываются сомнения о правильности нашей аграрной политики, критикуется советская избирательная система и т. д. Но уже через 2 месяца после Германской революции, Люксембург совершенно порвала с этими ошибочными воззрениями, что документально видно из ее речи о программе на учредительном с'езде Германской Коммунистической партии и статьях в «Rote Fahne». Брошюра естественно была ею положена под спуд, и только благодаря политической бесцеремонности Леви, бывшего литературным душеприказчиком Люксембург, она увидела свет. Подробнее об этом см. книгу К. Цеткин: «Роза Люксембург и русская революция».

304) Настоящие тезисы были выработаны т. Троцким к расширенному Пленуму Исполкома Коминтерна, состоявшемся в конце февраля—начале марта 1922 г.

305) Центральный орган французской социалистической партии.

306) Confédération générale du Travail — Всеобщая Конфедерация Труда (реформистская).

307) Confédération générale du Travail Unitaire — Унитарная Конфедерация Труда (революционная).

308) *Жан Рено* — руководитель партийной работой во французской деревне. В известный период у Рено проявлялись уклоны (окрещенные во Франции «пейзанизмом») в направлении, ведущим к нашим эсерам (в аграрном вопросе). Хотя Рено был не согласен с политикой Исполкома, он подчинялся решениям IV Конгресса, и теперь активно работает в рядах французской коммунистической партии. См. стр. 365, 367, 368, 369, 370, 402.

309) *Пиок* — типичный французский социалист со всеми предрассудками о децентрализации движения, христианской морали «не убий» и т. д. Будучи скорее поэтом, чем политиком, Пиок тем не менее был секретарем *основной* организации французской коммунистической партии — Сенской. Попав случайно в рабочее движение вообще, он вскоре покинул Коммунистическую партию вместе с группой Фроссара. См. стр. 308, 389.

310) *Брайан*—см. стр. 366.

311) *Хилквит*—старый прожженый оппортунист. Один из основателей американской социалистической партии. В 1918—1920 г.г. Хилквит прикидывался другом Советской России, поскольку революционные волны все поднимались. В последние годы Хилквит и его партия вели ожесточенную борьбу против американской коммунистической партии и опасностей большевизма. См. стр. 366.

312) *В. Гюго*—знаменитый французский писатель XIX века, стоявший в оппозиции к правительству Наполеона III, за что и был последним преследуем. См. стр. 370.

313) Т.-е. Генуэзская конференция, созванная Верховным Советом Антанты под широковещательным лозунгом восстановления хозяйственной мощи Европы, по существу же явившаяся первой попыткой антантовского капитализма добиться у Советской России ряда экономических уступок (в виде, напр., одностороннего признания старых долгов).

313а) *Милюков*—вождь кадетской партии, крупный ученый историк. После февральской революции Милюков занял пост министра иностранных дел, стремясь продолжать иностранную политику царизма. Октябрь заставил Милюкова эмигрировать в Париж. Ныне он возглавляет левое крыло кадетов, ориентирующееся на союзе с «крепким мужичком» и заигрывающей с эсерами. См. стр. 371.

314) *Х. Раппопорт* — старый русский революционер, эмигрировавший за границу еще в конце прошлого столетия. В течение нескольких десятилетий Раппопорт работал во французском рабочем движении и выдвинулся в последнем как талантливый публицист. В 1921—1923 г.г. Раппопорт стоял на позиции центра (группа Фроссара), но в решительный момент разрыва Фроссара и К-о с партией, Раппопорт остался на своем посту. См. стр. 382, 383, 384, 385, 386.

315) *Верфей*—по существу всегда был реформистом. Даже перешедши в Коммунистическую партию, Верфей мало скрывал свою любовь к диссидентам. За все почти время своего пребывания в Коммунистической партии, Верфей только и занимался разложением последней, ведя в газете Фабра

«Journal du Peuple» борьбу с линией Коминтерна. Осенью 1922 г. Верфей был исключен из рядов французской коммунистической партии. См. стр. 385, 389, 393, 425.

316а) *Модильяни*—видный итальянский социалист, находящийся ныне в рядах реформистов. Как и многие другие центристы, Модильяни рассматривал присоединение к Коминтерну, как простую формальность, не понимая, что Коминтерн является международной Коммунистической партией. См. стр. 387.

316) *Кер* был одним из секретарей французской Коммунистической партии, работая по вопросам международной политики. Во время фракционной борьбы Кер был в группе Фроссара, что не помешало ему лойяльно выполнять решения IV Конгресса Коминтерна. После ухода Фроссара, Кер стал все более втягиваться в работу, но смерть помешала окончательной закалке этого талантливого работника французской коммунистической партии. См. стр. 386, 387, 388.

317) *Кенгант* — см. стр. 387, 388, 389, 393.

318) *Даниэль Рену*—видный французский коммунист, возглавлявший в 1921—1922 г.г. одну из многочисленных фракций во французской коммунистической партии. Рену был редактором газеты «L'Internationale», где находили приют представители оппортунистического крыла партии. Во время ухода из французской коммунистической партии группы Фроссара, Рену не пошел за последним и остался в рядах Коммунистической партии. См. стр. 389, 396, 397, 412, 415, 447, 512, 527, 528.

319) Этот Пленум заседал в июне 1922 г.

319а) *Эрвэ*—бывший анархист, возглавлявший до войны крайне левое крыло социалистической партии. Война превратила его в социал-патриота, а ныне Эрвэ превратился в ярого монархиста. Политическая эволюция Эрвэ во многом напоминает эволюцию нашего Алексинского, проделавшего путь от левого большевика до врангелевца. См. стр. 398.

320) *Трэн* — один из руководителей французской коммунистической партии. В 1920—1922 г.г. Трэн был одним из лидеров левого крыла, проводившего в партии линию Коминтерна. В начале 1923 г. Трэн вместе с рядом других вождей был посажен в тюрьму в наказание за агитацию, которую повела Коммунистическая партия против Рурской оккупации. В 1923 г. Трэн был одним из политических секретарей французской коммунистической партии. См. стр. 399, 526, 527.

321) В начале 1922 г. в Сен-Этьене состоялся С'езд Унитарной Конфедерации Труда, на котором победил блок коммунистов и синдикалистов, сторонников Профинтерна. В Сен-Этьене впервые была созвана и заседала фракция коммунистов — работников профессионального движения. См. стр. 400.

322) Это письмо Исполком послал Парижскому с'езду французской коммунистической партии, состоявшемуся в октябре 1922 г. Представителем Исполкома на с'езде был тов. Мануильский и др.

323) *К. Цеткин*—ветеран немецкого рабочего движения. Цеткин вступила в ряды с.-д. еще в годы исключительного закона против социалистов. В течение нескольких десятилетий Цеткин непрерывно защищала тактику революционной социал-демократии. Исторической заслугой Цеткин является также ее работа, как основательницы, теоретика и практика женского рабочего движения. После образования левого крыла в немецкой социал-

демократии Цеткин возглавляла последнее вместе с Люксембург и др. Ныне Цеткин является членом Исполкома Коминтерна и генеральным секретарем международного секретариата работниц при Коминтерне. См. стр. 416.

324) С. П. Г.—социалистическая партия Германии (шейдемановцы), Н. С. П. Г.—независимая (от социализма) социалистическая партия Германии.

325) *Ратенау*—один из крупнейших вождей либеральной немецкой буржуазии. В коалиционном кабинете Вирта (1922 г.) Ратенау занимал пост министра иностранных дел и одной из своих задач ставил создание тесного союза между Германией и Россией. Летом 1922 г. Ратенау был убит монархистами. В ответ на убийство Ратенау, по Германии прокатилась колоссальная волна забастовок. См. стр. 424.

326) Здесь имеются в виду места о кризисах во II томе «Капитала» и IV отделе III-го тома.

327) *Лафон* — типичный парламентский социалист. В эпоху войны Лафон был социал-патриотом. Во время русско-польской войны 1920 г. Лафон по приезде в Россию был выслан из Москвы за двусмысленное отношение к Пилсудскому и К-°. В 1921 г. Лафон левеет и вступает в коммунистическую партию. Пребывая в последней Лафон защищает анти-партийную точку зрения на взаимоотношения партии и профсоюзов, а в начале 1923 г. уходит совсем из Коммунистической партии вместе с Фроссаром и К-°. См. стр. 451, 513.

328) *Эррио*—лидер французских радикал-социалистов. В последние годы Эррио был ярым проповедником левого блока, подчеркивая, как программу последнего, признание С. С. С. Р. В связи с победой на последних выборах левого блока, Эррио намечается председателем совета министров. См. стр. 456.

328а) *А. Додэ и Л. Додэ*—см. стр. 455.

329) *Капеты*—фамилия французских королей, царствовавших в последние столетия.

330) *Пуришкевич*—знаменитый русский черносотенец, антисемит и проповедник еврейских погромов. Пуришкевич был одним из лидеров черной сотни в Думе. См. стр. 455.

331) После белогвардейского переворота в мае 1921 г. Владивосток был в руках белых. В 1922 г. на Дальнем Востоке развернулись ожесточенные бои, которые привели к ликвидации белогвардейских регулярных банд.

332) *Меркулов*—богатый домовладелец г. Владивостока, ставший во главе белогвардейского владивостокского правительства; после свержения власти Д.-В. Р. Меркулов был, конечно, креатурой японцев. За 1½ года пребывания у власти Меркулов и его братья основательно опустошили государственную казну, что вызвало скандал даже в бытность его «премьером». См. стр. 463.

333) *Ник. Даниэльсон (Ник.—он)*, теоретик народничества, один из образованнейших русских экономистов в 1870—1880 г.г. В начале 1870-х г.г. Ник.—он перевел I том «Капитала». Ник.—он находился в тесных сношениях с Марксом и Энгельсом, информируя их о России. См. стр. 469.

334) *Уркарт*—крупнейший английский капиталист, владевший многими фабриками и заводами на Урале и Сибири и один из бывших заправил знаменитого Русско-Азиатского Банка. В годы гражданской войны Уркарт

был вдохновителем интервенций в России. В 1922 г. Уркарт вел переговоры о концессиях. См. стр. 482, 490, 492.

335) *Строгановы*—старинная русская торгово-капиталистическая фирма, развернувшая громадные операции еще при Иоанне Грозном. В XVIII—XIX в.в. Строгановы превратились в крупнейших *промышленных* капиталистов. См. стр. 484.

336) *Демидовы* — тоже дают пример превращения крупного торгового капитала в промышленный. Демидовы, как и Строгановы, владели предприятиями, главным образом, на Урале. См. стр. 484.

336а) *Кольра* — см. стр. 434, 485, 486.

337) *Тэн*—видный историк французской литературы и искусства, в частности, эпохи французской революции. См. стр. 434, 486.

338) Здесь имеются в виду работы Жореса о французской революции в редактировавшейся им «Социалистической истории».

339) *9-е Термидора* 1794 г.—день свержения революционного конвента якобинцев и начало господства правых.

339а) *А. Пуанкаре*—вождь французских реакционеров, один из вдохновителей Антанты. На последних выборах Пуанкаре потерпел поражение. См. стр. 486, 498, 536, 543, 556, 558, 563.

340) *Бертело*—см. стр. 487.

341) *Шпенглер* — известный реакционный писатель Германии, выступивший в 1920—1921 г.г. с нашумевшими книгами о закате Европы. В последних Шпенглер доказывал близость гибели европейской (сиречь—буржуазной) культуры. Шпенглер отражал главным образом пессимизм гибнущих классов. Одновременно вся его «философия» была основательно приправлена национализмом прусского феодала. См. стр. 492, 549.

342) Французский вопрос стоял в центре внимания IV Конгресса, ибо к тому моменту разногласия во французской коммунистической партии достигли наибольшей остроты.

343) *Гейно*—один из лидеров крайне левого крыла во Французской Компартии в 1922 г., имевшего опору главным образом в Сенской Федерации. См. стр. 312.

344) *Лавернь*—см. стр. 512.

345) *Дельпланк*—см. стр. 512.

346) *Сен-Жерменский* договор был заключен между Антантой и Австрией 10 сентября 1919 г. По договору Австрия должна была отказаться от части территории в пользу Италии, Чехии, Польши, Румынии и т. д. Финансы и производство Австрии были поставлены под контроль международной репарационной комиссии.

347) *Нейийский договор* был подписан между Антантой и побежденной Болгарией 27 ноября 1919 г. По этому договору Болгария потеряла часть территории, отошедшую к Греции и Юго-Славии и, прежде всего, побережье Эгейского моря. Договор налагал на Болгарию репарационные платежи в 2¼ милл. золотых франков, обязанность содержать оккупационные войска и т. д.

Трианонский договор был заключен между Антантой и Венгрией 4 июля 1920 г. Последняя должна была уступить часть своей территории Чехии и Юго-Славии, дать обязательство в доставке угля Антанте. Сумму репараций договор не установил, поставив пока производство Венгрии под контроль специальной комиссии.

Севрский договор был заключен 10 августа 1920 г. между Антантой и побежденной Турцией. Он лишал Турцию ⅔ ее территории и закреплял безусловное английское влияние на Востоке, аннулируя все права австро-немецких концессионеров. По своему характеру он был подобен грабительскому Версальскому договору. Последующая борьба Ангорского правительства свела этот договор на-нет.

348) *Луи Селье*—член Ц. К. французской коммунистической партии. В 1921—1922 г.г. Селье был одним из руководителей левого центра. В 1922 г. Селье был представителем французской коммунистической партии в Исполкоме Коминтерна. См. стр. 525, 527.

349) *Жакоб*—см. стр. 525.

350) *Гаршери*—см. стр. 525.

351) *Моран* — см. стр. 526.

352) *Гурдо* — см. стр. 526.

353) *Лагесс* — см. стр. 526.

354) *Пакеро* — см. стр. 526.

355) *Пьерпон* — см. стр. 526.

356) *Дипийо* — см. стр. 526.

357) *Плэ* — см. стр. 526.

358) *Вайян Кутюрье* — блестящий агитатор французской коммунистической партии, пользующийся огромной популярностью среди парижских рабочих. С самого образования коммунистической партии Вайян выделяется как антимилитаристский агитатор. Во фракционной борьбе 1921—1922 г.г. Вайян участвовал как один из лидеров ее левого крыла. См. стр. 526.

359) *Суварин* — один из основателей французской коммунистической партии, возглавлявший в 1919 г. вместе с Лорио Комитет III Интернационала. В 1921—1922 г.г. Суварин руководит борьбой левого крыла французской коммунистической партии против Фроссара и К°. Суварин участвовал в ряде конгрессов Коминтерна и был выбран вместе с Фроссаром на IV конгрессе в Исполком Коминтерна. См. стр. 326, 527, 528.

360) *Томмази* — старый профессионалист, один из наиболее выдающихся рабочих коммунистов во Франции. Вместе с Монатом и др. Томмази является руководителем Унитарной Конфедерации Труда. См. стр. 526.

361) *Кристэн* — см. стр. 526.

362) *Амедей Дюнуа* — член Ц. К. французской коммунистической партии, работавший вместе с Лорио и др. еще в старой социалистической партии над созданием коммунистической партии. Во время борьбы фракций во французской коммунистической партии, Дюнуа был активным членом левого крыла. См. стр. 526.

363) *Кордье* — см. стр. 526.

364) *Буше* — см. стр. 526.

365) *Саллъ* — см. стр. 526.

366) *Депортэ* — см. стр. 526.

367) *Варбере* — см. стр. 526.

568) *Фроман* — см. стр. 526.

369) *Дюбюс* — см. стр. 526.

370) *Верт* — см. стр. 526.

371) *Леспаньол* — см. стр. 526.

372) *Фридлендер* — видный австрийский коммунист. Статья его была напечатана в органе 4-го Конгресса «Большевик». См. стр. 531, 534.

373) *Равенстейн* — выступал на 4-м Конгрессе Коминтерна как представитель «левых». См. стр. 531, 536.

374) *Муссолини* — когда-то левый социалист. Во время войны Муссолини стал оголтелым социал-патриотом. В послевоенные годы Муссолини организует фашистские отряды, производит «переворот» (с благословения короля и буржуазии) осенью 1922 г. и с тех пор является премьером итальянского правительства. См. стр. 531, 532, 534, 536, 544, 556, 557, 558, 563, 575.

375) *Нитти* — крупнейший вождь итальянской либеральной буржуазии. Одно время был премьер-министром. В последние годы Нитти выступал с резкой критикой Версальского договора, внутри Италии ориентируясь на создание «левого блока». См. стр. 532.

376) *Барабан* — б. член Ц. К. французской коммунистической партии, проповедывавший вместе с Вейрфейем и др. идеи левого блока. В 1922 г. был исключен за это из партии. См. стр. 533.

377) *Бонар-Лоу* — был крупнейшим вождем консерваторов и не раз членом и руководителем английского кабинета министров. После победы консерваторов на выборах 1922 г. Бонар-Лоу становится премьером. В 1923 г. Бонар-Лоу вследствие болезни уходит из кабинета и вскоре умирает. См. стр. 534, 544, 558.

378) *Клайнс* — один из лидеров английской рабочей партии. Ныне член правительства Макдональда. См. стр. 535, 536.

379) *Бьюкенен* — английский посол при царском правительстве и Керенском. Ожесточенный враг Советской России. См. стр. 536.

380) *Тардье* — один из вождей французской фашистской реакции, *внутренняя* политика которой ставит себе задачей беспощадную борьбу с революционным движением, внешняя—беспощадный грабеж Германии. На прошедших выборах Тардье, как и целый ряд других реакционных лидеров, с треском провалился. См. стр. 543, 556.

381) Здесь имеется в виду коалиционное правительство Вирта (лидер партии центра).

382) *Куно* — крупный немецкий капиталист, возглавлявший совет министров в 1922—1923 г.г. Кабинет Куно дискредитировал себя во время Рурской оккупации финансовыми субсидиями крупным промышленным акулам и должен был в августе 1923 г. подать в отставку под давлением грандиозной забастовки немецких рабочих. См. стр. 544.

383) *Распутинщина* — синоним полного разложения и гниения царской клики. Распутин — простой монах, выдвинулся благодаря разным интригам и в 1912—1916 г.г. приобрел неограниченное влияние на царскую семью, фактически диктуя царю его политику в том или ином вопросе.

384) *Моризе* — см. стр. 551.

385) *Сутив* — см. стр. 551.

386) *Бурцев* — старый эсер, специализировавшийся до войны на разоблачении провокаторов. Во время войны Бурцев стал социал-патриотом, а после Октября скатился в лагерь черносотенной белогвардейщины. См. стр. 554.

387) Осенью 1923 г. в дни под'ема рабочего движения в Германии, в Саксонии все-таки образовалось «рабочее правительство» из с.-д. и коммунистов. К сожалению, последние слишком увлеклись «творческой работой» вместо того, чтобы использовать свое положение для руководства подготовкой гражданской войны.

388) *Лозовский* — генеральный секретарь Красного Интернационала Профсоюзов. В декабре 1922 г. Лозовский поехал, в качестве представителя В.Ц.С.П.С., на Гаагский конгресс, созванный Амстердамским Интернационалом Профсоюзов по вопросу о борьбе с войной. См. стр. 557.

389) *Люкс* — московская гостиница, где теперь помещается общежитие работников Коминтерна.

390) *Плеве* — один из вдохновителей реакции в конце XIX в. С начала под'ема революционного движения в конце 90-х годов Плеве стремился подавить его мерами репрессий. В 900-х годах имя Плеве было синонимом ненавистного самодержавия. В 1904 г. Плеве был убит эс-эром Сазоновым. См. стр. 563.

391) *Сипягин* — министр внутренних дел в начале 900-х г.г. Своими репрессиями против ревволюционного движения Сипягин возбудил ненависть широких слоев интеллигенции, не говоря уже о рабочих. В обстановке этой ненависти в 1902 г. он был убит эсером С. Балмашевым. См. стр. 563.

392) Настоящая статья была написана т. Троцким в качестве предисловия к его книге «Коммунистическое движение во Франции», вышедшей в 1923 г. В настоящий том она была включена, поскольку подводит итог определенному периоду жизни французской коммунистической партии.

393) *Барбюсс* — знаменитый французский писатель, ярко описавший ужасы войны в своих книгах «Свет», «Огонь». После войны Барбюсс активно работал над созданием революционного антимилитаристского союза участников войны. Ныне Барбюсс находится в рядах французской коммунистической партии.

394) *Фрислянд* — одно время очень видный немецкий коммунист. В 1921 г. покинул коммунистическую партию Германии вслед за Леви. Вместе с последним Фрисланд перешел вначале к независимым, а позже к шейдемановцам.

395) Здесь имеется в виду оккупация Рура, произведенная французскими войсками в январе 1923 г.

396) Болгарский переворот был совершен белой контр-революцией летом 1923 г. Переворот подготовлялся задолго и все же удался благодаря колебаниям крестьянского правительства Стамбулийского.

397) Переворот испанской офицерщины был произведен в 1923 году и привел к господству наиболее агрессивные круги испанской буржуазии. Вождем этого переворота был де-Ривьер.

Библиотека
[illegible] В. И. [illegible]

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКВА

„ИСТПАРТ“

Хроника революции.

Авдеев, Н. и Владимирова, В. Революция 1917 г. Том I. Ц. 70 к. Том II. Ц. 2 р. 50 к. Т. III. Ц. 3 р. Т. IV. Ц. 3 р. 50 к.

Максаков, В. и Нелидов, И. Хроника революции. Вып. I. Ц. 70 к.

Революция и Р. К. П. (б.) в материалах и документах. (Хрестоматия.) Том I. Девятнадцатый век. Сост. И. С. Антокольский, под ред. Н. Батурина. Ц. в пап. 3 р. 50 к. Том II. 1901—1904 г. г. Составил И. В. Волковичер, под ред. Лепешинского. Ц. в папке 3 р. 50 к. Том V. Эпоха реакции (1907—1911 г. г.). Составила К. А. Остроухова. Ц. в папке 3 р. 25 к.

Сборники, статьи и исторические исследования.

Аркомед, С. Рабочее движение и с.-д. на Кавказе. Ц. 40 к.

Большевистские тайные типографии. Ц. 50 к.

Волков, Е. Среди моряков и речников торгового и военного флота. Ц. 2 р. 50 к.

Из эпохи „Звезды и Правды“. (1911—1914 г. г.) Сборник 1-й. Ц. 30 к. Сборник 2-й. Ц. 40 к. Сборник 3-й печатается.

20 лет рабочей организации в гор. Муроме, Кулебаке, Выксе и др. Сборник. Ц. 1 р. 50 к.

К 25-летию первого съезда партии. Сборник. Ц. 1 р. 10 к.

Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Ц. 60 к.

Революция на Дальнем Востоке. Сборник 1-й. Ц. 3 р.

Свечников, М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. Ц. 1 р.

Биографии, автобиографии и мемуары.

Зеликсон-Бобровская, Ц. Записки рядового подпольщика (1894—1905 г. г.). Ч. I. (Распродана.) Ч. II. Ц. 35 к.

Волков, Е. Христо-Ботиев. Ц. 1 р. 80 к.

Деготь, В. „В свободном подполье“. Ц. 25 к.

Лепешинский, П. Н. На повороте. Воспоминания 1890—1905 г. г. Ц. 70 к. (Распрод.)

Новиков, В. Воспоминания подпольщика 1900—1913 г. г. Ц. 60 к.

Сверчков, Д. На заре революции (1903—1905 г. г.). Ц. 2 р. 50 к.

Фурманов, Д. Чапаев. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.

Материалы, справочники и др.

Бюллетень Истпарта. № 2. Ц. 1 р.

Памятники агитац. литературы. Р. С.-Д. Р. П. Т. VI. (1914—1917 г. г.). Вып. I. Прокламации 1914 г. Ц. 2 р.

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917 — 1921 г. г. Составил Лежава, Л. и Русаков, Г. Т. т. I, II и III. Ц. каждого тома 3 р.

Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке (1883—1905 г. г.). Под ред. Л. Б. Каменева.

Отчет Российской Социал-Демокр. Раб. партии 8-му Международному Социальному Конгрессу в Копенгагене. Ц. 45 к.

Журналы.

Пролетарская Революция. Все №№ за 1923 и 1924 г. г.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.

МАГАЗИНЫ в Москве: 1) Советская пл., под б. гост. „Дрезден“, тел. 1-28-94; 2) Моховая ул., 17, под б гост. „Националь“, тел. 1-31-50; 3) ул. Герцена (Б. Никитск.), 13. вд. консер., тел. 2-64-95; 4) Никольская, 3, тел. 49-51; 5) Добрынинская пл., 1/43, тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий Мост, 12, тел. 1-01-35; 7) Покровка, Лялин п., 11, т. 81-94; 8) М. Харитоньевский п., 4, т. 2-27-22; 9) Ильинка, Богоявленский п., 4, тел. 1-91-49.

4 р. 50 к

9